

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

№ 2048 210

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

М А Й.

БИБЛИОТЕКА
0-ва
И. В. Г. П. П.
ПЕРШИЛОВЪ ДУС.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., собств. домъ.

1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВЪ ГМИННОМЪ СУДЪ.— М. А. Т.	1
II. ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ Томаса Гарди. Переводъ съ англійскаго В. М. С. <i>Продолженіе</i>	28
III. РАЗСКАЗЫ СТАРАГО БОЦМАНА. (Изъ далекой старины). I. Местъ.—Н. М. Станюковича.	85
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.— С. Г. Фруга	99
V. КЪ ЧЕМУ ЖИТЬ? Разказъ Эрнота Альгрена (Викторіи Ве- недиктсонъ). Переводъ съ шведскаго. S.	102
VI. НА ЗАРЪ. (Романъ). <i>Окончаніе</i> .— Г. А. Мачтета	116
VII. СОВРЕМЕННАЯ ТУНИСІЯ. <i>Окончаніе</i> .—М. И. Венюкова	1
VIII. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. <i>Продолженіе</i> .—П. Н. Милюкова	11
IX. ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.— М. А. А.	50
X. ИПОЛИГЪ ТЭНЪ.— Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго.	73
XI. ЗАКОНЪ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ НА «НОВОМЪ СУДЪ» И У ЗЕМСКИХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ.—Гр. А. Джаншіева.	79
XII. НОВАЯ КНИГА О РОССИИ.— Н.	101
XIII. РОЛЬ МИНИСТРОВЪ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ И ШВЕЙЦАРІИ	112
XIV. ПОДАТЬ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.—И. А. Голубева	137
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Борьба съ заразными болѣзнями.—В. В. Святловскаго.	150

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ“.

Та третья.—Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аены.—Старый слуга.—Гая.—Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пойдемъ за нимъ!

Въ переводѣ В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Складъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„БЕЗЪ ДОГМАТА“.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ. ПЕРЕВОДЪ В. М. ЛАВРОВА.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 80 к. Подписчики „Русской Мысли“ за пересылку не платятъ. Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КОСМОПОЛИСЪ“.

Р О М А Н Ъ

Поля Вурже.

Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова. Изданіе редакціи
журнала «Русская Мысль».

Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль»
(Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

Вл. Г. Короленко.

КНИГА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 Р. 50 К.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль»
(Москва, Леонтьевскій, 21).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

КНИГА

БИБЛИОТЕКА
О-ва
"ИВРІЯ"
Могилевъ губ.

МОСКВА.

—
1893.

72 3000
AUGUST 1964

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 5/29/64

AP50
R875
v. 145
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ВЪ ГМИННОМЪ СУДЪ. — Н. А. Т.	1
II. ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ Томаса Гарди. Переводъ съ англійскаго В. М. С. <i>Продолженіе</i>	28
III. РАЗСКАЗЫ СТАРАГО БОЦМАНА. (Изъ далекой старины). I. Местъ.—Н. М. Станюковича	85
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—С. Г. Фруга	99
V. ЕЪ ЧЕМУ ЖИТЬ? Разказъ Эрнста Альгрена (Викторіа Ве- недиктсонъ). Переводъ съ шведскаго. S.	102
VI. НА ЗАРЪ. (Романъ). <i>Окончаніе</i> .—Г. А. Мачтета.	116
VII. СОВРЕМЕННАЯ ТУНИСІЯ. <i>Окончаніе</i> .—М. И. Венюкова.	1
VIII. ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII И XIX СТОЛѢТІЙ. <i>Продолженіе</i> .—П. Н. Милюкова	11
IX. ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.—М. А. А.	50
X. ИИПОЛИТЬ ТЭНЪ.—Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго.	73
XI. ЗАКОНЪ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ НА «НОВОМЪ СУДЪ» И У ЗЕМСКИХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ.—Гр. А. Джаншіева.	79
XII. НОВАЯ КНИГА О РОССІИ.—Н.	101
XIII. РОЛЬ МИНИСТРОВЪ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ И ШВЕЙЦАРІИ	112
XIV. ПОДАТЬ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.—И. А. Голубева	137
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Борьба съ заразными болѣзнями.—В. В. Святловскаго	150

852223

	Стр.
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— В. А. Гольцева	183
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: О вредѣ, который повлечетъ за собою законодательное регулирование передѣловъ общинной земли. — Преобразование фабричной инспекціи. — Необходимость развитія русскаго фабричнаго законодательства.—Законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. — Предложеніе относительно ссудо-сберегательныхъ товариществъ.— Факты изъ жизни нашихъ средне-учебныхъ заведеній. — Еще о земскихъ и церковно-приходскихъ школахъ.—Юбилей П. И. Вейнберга.—А. С. Гацискій †	190 212 442
XVIII. ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРѢ.—М. А. Протопопова	442
XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: XXI передвижная выставка. — <i>Жрица искусства (Свободная художница)</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Е. П. Барпова на сценѣ Малаго театра.—М. Комлевскаго	232
XX. ОПРОВЕРЖЕНІЕ. (Печатается на основаніи ст. 139 уст. о ценз. и печ., изд. 1890 г.).	244
XXI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.—Исторія.—Статистика.—Юридическія книги.— Сельское хозяйство.—Медицина.—Естествознаніе. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», апрѣль.—«Русское Богатство», мартъ.—«Сѣверный Вѣстникъ», апрѣль.—«Міръ Божій», апрѣль. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 апрѣля по 1 мая 1893 г.	213

ВЪ ГМИННОМЪ СУДѢ.

I.

Гминный судъ нашъ былъ расположенъ въ полуверстѣ отъ посада Калюжи, одного изъ тѣхъ небольшихъ посадовъ, которыми изобилуютъ губерніи Царства Польскаго. Деревня, въ крайнемъ домѣ которой помѣщался судъ, была предмѣстьемъ посада, съ которымъ соединялъ ее мостъ, перекинутый черезъ рѣчку, называющуюся также Калюжею, столь же незначительную и грязную, какъ и самъ посадъ. Мимо суда шла широкая дорога, шоссе, обсаженное огромными привислянскими тополями. Домъ съ выѣзской на двухъ языкахъ (русскомъ и польскомъ) «Гминный судъ» стоялъ шагахъ въ сорока отъ шоссе, отдѣленный отъ него ровомъ, черезъ который было переброшено нѣсколько досокъ, такъ что между ровомъ и зданіемъ образовалась площадка въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженой, твердо утопанная многочисленными посѣтителями гминнаго суда. Зданіе суда не казисто: одноэтажный низенькій домъ, покрытый черепицей, уныло глядѣлъ своими пятью небольшими тусклыми окнами; крыльцо въ три ступени подъ досчатымъ навѣсомъ вело въ сквозныя сѣни, раздѣлявшія домъ на двѣ неравныя части. Направо была комната, носившая громкое названіе «Канцелярія» и служившая для многоразличныхъ цѣлей: тутъ дѣйствительно стоялъ столъ, покрытый рускомъ продырявленнаго и залитаго чернилами сукна, когда-то зеленаго цвѣта; лежали книги, бланки и стояли два шкафа съ дѣлами суда; тутъ же въ углу помѣщалась кровать писаря; наконецъ, та же комната служила для помѣщенія свидѣтелей и подсудимыхъ во время засѣданія суда; вторая дверь изъ сѣней, направо же, вела въ каморку, занимаемую сторожемъ. Налѣво отъ сѣней была зала засѣданій суда—низкая, но обширная комната съ тремя окнами, выходящими на дорогу, и двумя, обращенными на дворъ; кромѣ входной двери, въ

залъ была еще другая дверь, ведущая въ небольшую, въ одно окно, совѣщательную комнату, она же и кабинетъ гминнаго судьи. Обстановка залы была такъ же неприглядна, какъ и наружность всего зданія; солидная деревянная рѣшетка отдѣляла двѣ трети залы для публики, и здѣсь стояли десять массивныхъ скамеекъ; за рѣшеткой (съ дверцами по серединѣ, визжавшими на заржавленныхъ петляхъ) помѣщались на небольшомъ возвышеніи длинный столъ, покрытый зеленымъ толстымъ сукномъ, три аляповатыхъ кресла для судей и маленькій столикъ для писаря; крестъ и зеркало на столѣ и портретъ государя, работы, вѣроятно, мѣстнаго художника, дополняли убранство храма правосудія.

Было часовъ девять теплаго октябрьскаго утра, солнце ярко свѣтило, и если бы не желтые листья, которые легкій вѣтеръ срывалъ съ деревьевъ и носилъ по воздуху, можно было вообразить себя среди лѣта. На шоссе стояло нѣсколько телегъ и нетычанокъ; на площадкѣ передъ судомъ тѣснилась пестрая толпа; крестьянки въ праздничной одеждѣ старались стоять въ сторонѣ, пугливо озираясь и чуть не шепотомъ разговаривая между собою; мѣщанки изъ посада бойко тараторили, визгливо вскрикивали и перекидывались другъ съ другомъ бранными словами; крестьяне степенно и большею частью молча стояли кучками, между которыми шмыгалъ еврей. Отдѣльно отъ толпы на ступеняхъ крыльца, спиною къ входной въ судъ двери, стоялъ пожилой крестьянинъ средняго роста, съ сильною просѣдью въ волосахъ и нависшими надъ глазами бровями, опираясь на высокую палку; на груди его висѣлъ знакъ «солтыса». Много лѣтъ Мартынякъ служилъ солтысомъ, пользовался большимъ уваженіемъ не только въ своей деревнѣ, но и во всей гминѣ, и только его малограмотность мѣшала ему давно быть войтомъ. Человѣкъ онъ былъ нѣсколько суровый, строгихъ правилъ и строгой честности, религіозный, знающій себѣ цѣну, несообщительный и молчаливый. Проходившіе мимо Мартыняка крестьяне и посадскіе мѣщане, знавшіе его (и кто только въ гминѣ не зналъ солтыса Мартыняка!), почтительно ему кланялись; привыкшій къ почтенію, Мартынякъ отвѣчалъ на поклонъ легкимъ киваньемъ головы, еле притрогиваясь къ высокой шапкѣ. Два еврея пробовали съ нимъ заговорить, но на какой-то вопросъ одного онъ отвѣтилъ: «не твое дѣло», а другого даже вовсе не удостоилъ отвѣтомъ и повернулся къ нему спиною.

Мартынякъ не пилъ, даже не курилъ, имѣлъ лишь слабость къ нюхательному табаку; всѣмъ было извѣстно, что лучшаго нюхательнаго табаку, какъ у солтыса Мартыняка, не найдешь въ цѣ

лой околицѣ, хотя трудно сказать, отчего употребляемый солтысомъ табакъ приобрѣлъ себѣ такую славу, такъ какъ суровый Мартынякъ, крайне тугой не только на приязнь, но и на простое знакомство, едва ли кому-либо, кромѣ двухъ-трехъ человекъ въ цѣлой гминѣ, позволилъ когда-либо заглянуть въ свою табакерку. Поставивъ свою палку къ столбику, поддерживающему навѣсъ крылечка, Мартынякъ вытащилъ изъ кармана круглую табакерку, любовно взглянулъ на нее, открылъ, но въ эту самую минуту изъ-за его спины появилась рука, два толстыхъ грязноватыхъ пальца которой всунулись въ табакерку и захватили крупную щепотку табаку. Густыя брови Мартыняка нахмурились, лобъ сморщился и онъ обратилъ къ дерзкому разгнѣванное лицо; но не успѣлъ онъ повернуть головы, какъ мгновенно лицо его приняло спокойное, почти привѣтливое выраженіе, что-то вродѣ улыбки появилось на губахъ и съ любезнымъ возгласомъ: «А, панъ Станиславъ!» Мартынякъ протянулъ табакерку.

По внѣшности своей панъ Станиславъ, казалось, ничѣмъ не вызывалъ такого вниманія со стороны степеннаго и суроваго солтыса; это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, сутуловатый, маленькаго роста; полное туловище его сидѣло на кореткихъ кривыхъ ногахъ; шея почти не было замѣтна и его большая круглая голова выходила чуть не прямо изъ широкихъ плечъ; голова эта была украшена широкимъ ртомъ, небольшимъ крючковатымъ носомъ и огромными, какими-то безцвѣтными глазами на выкатѣ; волосы, рыжіе съ просѣдью, довольно коротко остриженные, беспорядочно торчали во всѣ стороны. На панъ Станиславъ былъ старый форменный сюртукъ (настолько засаленный, что трудно было разобратъ первоначальный цвѣтъ его воротника), на которомъ болтались двѣ или три гербовыхъ пуговицы. Сюртукъ былъ нѣсколько узокъ и нѣсколько длиненъ; изъ-подъ него виднѣлась грязная манишка и какой-то полосатый жилетъ самыхъ фантастическихъ цвѣтовъ; сѣрые панталоны были всунуты въ истоптанные сапоги; изъ кармана жилета торчала мѣдная цѣпочка часовъ—предметъ гордости ихъ хозяина.

Было время, когда Стасикъ (имя, которымъ называли пана Станислава чуть ли не до сорокалѣтняго его возраста), бездомный, безсемеинный бѣднякъ, былъ предметомъ насмѣшекъ и пренебрежительнаго отношенія къ нему всего посада, когда онъ жилъ со дня на день мелкими услугами, поденною работою, а иногда и просто подачками, когда имъ помыкали, когда... но это время было далеко. Гдѣ, какъ и у кого—покрыто мракомъ неизвѣстности, но толь-

ко, перешагнувъ уже за тридцатилѣтній возрастъ, Стасикъ выучился бойко читать не только печатное, но и писанное, считать и кое-какъ писать. Эти познанія и послужили къ возвеличенію Стасика; благодаря имъ и крайней скромности своихъ требованій (теплый уголь, кусокъ хлѣба и какая-нибудь тряпка для прикрытія наготы тѣла), Стасикъ попалъ помощникомъ конторщика въ имѣніе одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; когда же осенью 1876 года помѣщикъ этотъ очутился гминнымъ судьей, то и назначилъ Стасика сторожемъ при гминномъ судѣ. Положеніе Стасика круто измѣнилось; теперь у него была собственная каморка, величаемая казенною квартирой, цѣлыхъ семь рублей жалованья, опредѣленные занятія. Когда же, три года спустя, гминный судья былъ избранъ судьей на новое трехлѣтіе и въ благодарность Стасику за его усердіе и трезвое поведеніе пожаловалъ ему томпаковые карманные часы съ мѣдною цѣпочкой, возвысивъ, притомъ, и его жалованье до десяти рублей въ мѣсяць, — Стасикъ сдѣлался не только въ своихъ глазахъ, но и въ глазахъ мѣстнаго крестьянскаго и мѣщанскаго населенія персоною; онъ сталъ уже именоваться не Стасикомъ, а паномъ Станиславомъ, и титуловать себя не сторожемъ, а вознымъ, т.-е. судебнымъ разсылнымъ; облекся въ форменный сюртукъ, купленный имъ у какаго-то отставнаго чиновника магистрата; сюртукъ, правда, старый и грязный, но за то снабженный, какъ мы видѣли выше, полудюжиной форменныхъ гербовыхъ пуговиць. Панъ Станиславъ исполнялъ свои обязанности въ судѣ, т.-е. выводилъ и вводилъ свидѣтелей и подсудимыхъ и водворялъ тишину, съ особенно важнымъ видомъ; пріобрѣлъ самъ о себѣ весьма высокое понятіе и даже вообразилъ, что взглядъ его огромныхъ выпученныхъ глазъ отличается особенною внушительностью, почему грозно выкатывалъ ихъ на шумливаго посѣтителя суда и только при безуспѣшности этой мѣры обращался къ удаленію нарушителя тишины и благочинія съ помощью своихъ длинныхъ мускулистыхъ рукъ. Не только простые крестьяне и мѣщане, но даже чиновные изъ нихъ, гминные писаря, солтысы и войты, относились съ аттенціей къ пану возному Станиславу.

— А, пане возный! — повторилъ Мартынякъ, — это вы, а я думаю, кого это несетъ лѣзть въ мою табакерку?

— Я, я, пане Солтысъ... А какъ здоровье пана солтыса?

— Ничего, хваленіе Господу, здоровъ... А здоровье пана вознаго?

— Э, мнѣ что дѣлается! Здоровъ, какъ дубъ... Славный табакъ у пана солтыса... чхи, чхи... такъ и разбираеть.

Пріятели замолчали и продолжали молча стоять на крыльцѣ, поглядывая на толпу и отвѣчая кивками на усердные поклоны проходящихъ мимо ихъ крестьянъ и мѣщанъ.

На дорогѣ показалась красивая нетычанка, запряженная парю породистыхъ лошадей; толпа колыхнулась, пронесли слова: «судья, судья!» Возный бросился со всѣхъ ногъ къ нетычанкѣ. Солтысъ вошелъ въ сѣни суда.

Толпа широко разступилась и гминный судья, слегка кивая головою налѣво и направо въ отвѣтъ на провожавшіе его поклоны, быстрыми шагами вошелъ въ судъ и черезъ залу прошелъ въ совѣщательную комнату. Возный бережно несъ за нимъ увѣсистый портфель, переваливаясь на своихъ короткихъ ногахъ и бросая по сторонамъ значительные взгляды. Гминный судья былъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, стройный, бѣлокурый, съ длинными, падающими внизъ усами и глубокими умными сѣрыми глазами. Это былъ довольно зажиточный помѣщикъ, университетскій человѣкъ, способный и образованный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «панъ» до мозга костей. Судьею былъ хорошимъ, дѣло зналъ, добросовѣстно относился къ своимъ судейскимъ обязанностямъ и, что весьма важно, гминному писарю не давалъ хода и держалъ его при чисто-писарскихъ обязанностяхъ, — явленіе далеко не обыденное въ гминныхъ судахъ, гдѣ писаря, къ сожалѣнію, играютъ часто несоответственную и далеко не полезную роль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гминный судья былъ гордъ и чванливъ до чрезвычайности, лавникамъ изъ крестьянъ не только не подавалъ руки, но даже избѣгалъ обращаться къ нимъ прямо, такъ какъ говорить «вы» или «панъ» крестьянину считалъ неприличнымъ, а говорить «ты» лавнику, т.-е., все-таки, судѣ, находилъ неудобнымъ, а потому, обращаясь къ лавнику, онъ употреблялъ выраженіе «онъ», — «онъ такъ думаетъ», «что онъ скажетъ?» и т. д.

Черезъ четверть часа судья въ сопровожденіи двухъ лавниковъ-крестьянъ и писаря вошли въ залу; судъ занялъ свои мѣста, писарь помѣстился въ углу за маленькимъ столикомъ, возный стоялъ за дверцами рѣшотки.

Лица, не видавшія засѣданій гминныхъ судовъ, не могутъ со ставить себѣ о нихъ точнаго представленія; настоящаго понятія о нихъ не даютъ ни засѣданія окружныхъ судовъ, ни болѣе родственныя, такъ сказать, имъ засѣданія сѣздовъ и разборъ дѣлъ въ камерахъ мировыхъ судей. Различіе не въ одной обстановкѣ, а

въ самомъ способѣ веденія дѣлъ, въ отношеніи публики къ суду, къ происходящему передъ глазами разбору дѣлъ.

За исключеніемъ дней разсмотрѣнія дѣлъ, особенно почему-либо выдѣляющихся изъ ряда обыкновенныхъ, дѣлъ громкихъ или возбуждающихъ мѣстный интересъ или мѣстныя страсти, — залы окружныхъ судовъ или совершенно, или почти пусты; публика состоитъ большею частью изъ лицъ, случайно попавшихъ въ засѣданіе и нисколько имъ не интересующихся, изъ нѣсколькихъ «завсегдателей», изъ присяжныхъ повѣренныхъ, кандидатовъ на судебныя должности, просителей и т. д., которымъ нужно куда-нибудь дѣвать два-три часа въ ожиданіи доклада ихъ дѣла, прихода ожидаемаго лица и проч. и проч., и чинно скучаетъ, нисколько не принимая никакого участія въ судьбѣ подсудимыхъ, дѣла и поступки которыхъ развиваются передъ ними въ болѣе или менѣе скучныхъ слѣдствіяхъ. Свидѣтели и нерѣдко потерпѣвшія лица, частью подъ впечатлѣніемъ торжественной обстановки, отчасти подъ влияніемъ путающихъ и сбивающихъ ихъ перекрестныхъ допросовъ, обыкновенно показываютъ вяло, нерѣшительно, тѣмъ болѣе, что приходится говорить о происшествіи, имѣвшемъ мѣсто много мѣсяцевъ тому назадъ, припоминать полузабытыя подробности, отвѣчать на вопросы о мелочахъ, успѣвшихъ ускользнуть изъ памяти. Словомъ, жизни, жизни нѣтъ; чѣмъ-то формальнымъ, торжественно-мертвеннымъ отдаетъ отъ большинства засѣданій окружныхъ судовъ.

Въ гминныхъ судахъ не то; случайный посѣтитель — рѣдкость, публика вся состоитъ изъ подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, — словомъ, лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, изъ свидѣтелей, ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или друзей той или другой стороны, лицъ также, хотя и косвенно, въ дѣлѣ заинтересованныхъ; для нихъ разбираемое дѣло — не чужое дѣло, а свое сосѣдское, въ ходѣ и судьбѣ его они принимаютъ ближайшее участіе и не могутъ равнодушно относиться къ малѣйшей подробности, къ самому, повидимому, незначительному свидѣтельскому показанію. Кончился разборъ одного дѣла и часть публики, пришедшей для этого дѣла, уходитъ, на смѣну являются новыя лица, друзья, пріятели, родственники, сосѣди новыхъ потерпѣвшихъ, подсудимыхъ или истцовъ и отвѣтчиковъ.

Публика съ участіемъ относится къ суду, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ дѣла. Правда, это вниманіе и участіе, это волненіе публики не обходится безъ значительнаго нарушенія внѣшняго порядка; гмину судѣ приходится часто оста-

навливать вмѣшательство въ показанія сторонъ или свидѣтелей ихъ родственниковъ и знакомыхъ, сторожу возстановлять тишину или прерывать слишкомъ громкія и откровенныя замѣчанія присутствующихъ, но дурныхъ послѣдствій отъ этого не происходитъ и эти нарушенія «тишины и порядка» отнюдь не вліяютъ на уваженіе публики къ суду. Въ этомъ легко убѣдиться изъ глубокихъ поклоновъ каждаго, съ кѣмъ заговоритъ судья, изъ титула «пресвѣтлый судъ», съ которымъ обращаются къ суду.

Показанія свидѣтелей въ гминномъ судѣ имѣютъ также иной характеръ; не смущаемые обстановкою, показывая объ обстоятельствахъ, еще свѣжо сохранившихся въ ихъ памяти, окруженные «своими», свидѣтели говорятъ бойче, откровеннѣе, подробнѣе, охотнѣе.

Все это вмѣстѣ взятое придаетъ засѣданіямъ гминнаго суда особенное движеніе, оживленіе; передъ глазами проходитъ картина мѣстной сельской жизни, во всей простотѣ и наивности, но за то пестрая, живая, со всеми обыденными мѣстными интересами, заботами и страстями сельскаго міра.

Первымъ стояло дѣло о буйствѣ въ публичномъ мѣстѣ, совершонномъ двумя крестьянами сосѣдней деревни, и о побояхъ, нанесенныхъ ими другъ другу,—дѣло, по которому являлся свидѣтелемъ солтысъ Мартынякъ.

Обвиняемые, два молодыхъ еще парня, считались чуть ли не первыми буянами и пьяницами въ околоткѣ; долго Мартынякъ, въ качествѣ представителя мѣстной полицейской власти, старался справиться съ ними, такъ сказать, домашними средствами, не желая беспокоить «пресвѣтлый судъ», но послѣдняя драка въ шинкѣ, сопровождавшаяся разбитіемъ стеколъ въ окнахъ и шумомъ, собравшимъ къ шинку чуть ли не всю деревню, переполнила мѣру терпѣнія солтысы и онъ составилъ протоколъ.

Протоколъ былъ прочитанъ; онъ отличался краткостью и неясностью,—солтысъ, какъ мы имѣли уже случай упомянуть, писать былъ не мастеръ: «крестьяне такіе-то, всемъ вѣдомые пьяницы и буяны, учинили въ шинкѣ драку и буйство»,—вотъ и все; о свидѣтеляхъ и какихъ-либо обстоятельствахъ дѣла никакого упоминанія. Обвиняемые не признали себя виновными, сваливая вину другъ на друга и обвиняя другъ друга въ нанесеніи побоевъ, видимые зѣаки которыхъ замѣтны были на лицахъ обоихъ, несмотря на то, что со времени драки прошло дней десять.

— Солтысъ Мартынякъ,—проговорилъ судья.

Возный (мы такъ уже и будемъ величать пана Станислава этимъ

титоломъ, столь ему любезнымъ) прошелъ въ канцелярію, куда для порядка Мартынякъ былъ удаленъ какъ свидѣтель и черезъ нѣсколько секундъ появился вновь въ сопровожденіи Мартыняка.

Мартынякъ оставилъ палку свою у двери и, войдя за рѣшотку, низко поклонился гминному судѣ, касаясь пола шапкою, которую держалъ въ рукѣ.

— Солтысъ Мартынякъ?—спросилъ судья.

— Такъ.

— Изъ деревни П...?

— Такъ.

Судья взялъ распятіе и положилъ его на столъ.

— Подойди, становись на колѣни, положи руку на распятіе и повторяй за мной слова присяги.

Мартынякъ не двигался.

Судья повторилъ свое требованіе, но Мартынякъ остался попрежнему неподвиженъ. Возный тихонько подошелъ къ нему сзади и, слегка толкнувъ его въ спину, прошепталъ «Панъ солтысъ, скорѣе, присягать нужно». Мартынякъ оглянулся молча на вознаго и только еще больше сдвинулъ брови и нахмурилъ лобъ.

— Что же ты, солтысъ, не слышишь или не понимаешь?

— Слышу, ясновельможный панъ судья,—Мартынякъ снова коснулся шапкою пола,—только зачѣмъ же я присягать буду?

— А присягнешь, что покажешь правду по дѣлу о буйствѣ и побояхъ.

— Я и безъ присяги покажу правду.

— Законъ велитъ присягать.

— Такъ то, ясновельможный панъ, законъ можетъ велѣть присягать тѣмъ, кто безъ присяги врать станетъ, а я отъ роду не враль.

— Законъ велитъ всѣмъ присягать.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Мартынякъ не двигался; онъ былъ видимо взволнованъ, лицо его покраснѣло.

— Ну, что же?

— Не приходится мнѣ присягать,—пробормоталъ Мартынякъ, но такъ тихо, что судья не слышалъ его.

— Что онъ говорить?

— Я говорю, ясновельможный судья,—возвышая голосъ, медленно проговорилъ солтысъ съ новымъ низкимъ поклономъ,—что никакъ нельзя мнѣ присягать.

— Какъ нельзя? почему нельзя?... Должно!

— Помилуйте, зачѣмъ же я буду поминать всуе пана Бога, да

еще, прости меня Господи, хотя бы изъ-за чего-нибудь путнаго, а то изъ-за такихъ галгановъ и пьяницъ?

— А что галганы, то правда, что то галганы!—раздались голоса въ публикѣ.

— Тихо! — прохрипѣлъ возный, поворачивая голову.

— Да и пьяницы, го, го, го!

— Тихо! — еще громче и внушительнѣе повторилъ возный, оборачиваясь совершенно спиною къ суду.

— Какъ поминать пана Бога, что ты тамъ плетешь?—обратился судья къ Мартыняку.

— А то какъ же, — произнесъ солтысъ съ глубокимъ вздохомъ, — я буду поминать напрасно имя Божіе, да еще изъ-за такихъ — тѣфу просто! Да и зачѣмъ это? Всѣ знаютъ, я лгать не стану; къ чему мнѣ лгать?

— Солтысъ уже лгать не станетъ, ему лгать не зачѣмъ! — слышались вновь голоса въ публикѣ.

— Тихо, тихо!

Минутъ пять убѣждалъ судья солтыса, что присягою онъ Господа Бога не прогнѣвить; наконецъ, еще разъ объявилъ, что это прямое требованіе закона и что за неисполненіе требованій суда онъ, судья, подвергнетъ свидѣтеля штрафу. Угроза штрафа подѣйствовала на Мартыняка. Бросивъ мрачный взглядъ на двухъ обвиняемыхъ, онъ укоризненно покачалъ головою и, опустившись на колѣни, произнесъ присягу.

— Ну, теперь расскажи, какъ было дѣло.

— О комъ?... объ этихъ лайдакахъ?

— Въ судѣ браниться нельзя.

— Да какъ же ихъ иначе назвать, коли они лайдаки?

— Лайдаки, это что и говорить! — заговорили кругомъ.

— Ну, хорошо, рассказывай о дѣлѣ.

— Да и дѣла-то никакого не было: въ воскресенье, вечеромъ, — не въ это воскресенье, а въ то, въ предпоследнее, — стою я у своей хаты, а было уже поздно, солнце зашло; только слышу въ шинкѣ, — а шинокъ недалеко отъ меня, за угломъ, — шумъ; я еще подумалъ, кто бы сталъ такъ шумѣть? Дальше да больше, поднялся крикъ, тамъ, слышу, звенять стекла, будто стеклянную посуду бьютъ, — ну, думаю, это ужь непременно наши разбойники Яцикъ да Михаль; кромѣ ихъ некому, они одни у насъ на деревнѣ пьяницы и буяны... на всѣхъ сосѣдей сошлюсь. — Солтысъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою, слегка повернувшись къ публикѣ.

— Что говорить, буяны! Не первый годъ ихъ знаемъ! Бѣдовый народъ!—раздались голоса.

— Тихо, тихо!...

— И который разъ въ этомъ году!

— Ого, го, извѣстно, пьяницы!

— Да тихо же!

Возный замахалъ на публику обѣими руками.

Судья зазвонилъ въ колокольчикъ, голоса смолкли.

— Возный, кто будетъ вмѣшиваться, того ты выведешь,—приказалъ судья.—Продолжай, солтысь.

— Вотъ, думаю себѣ, такъ не годится, въ шинкѣ, ночью; еще, чего добраго, убійство сдѣлають, не то пожаръ; пошелъ къ себѣ, надѣлъ знакъ...

— Показывай короче, лишняго не объясняй.

— Слушаю, ясновельможный судья! Такъ вотъ, говорю я, надѣлъ я знакъ, взялъ шапку и палку,—судья пожалъ плечами и махнулъ рукою,—взялъ, говорю, палку и захватилъ трехъ сосѣдей, на всякій случай, пришелъ въ шинокъ и тутъ-то ихъ буйство и засталъ. Вотъ и все, больше ничего и не было.

Солтысь смолкъ.

— Да что же ты засталъ за буйство?

— А то, что эти проклятые... прости меня Господи... Яцыкъ да Михайла, среди шинка, таскають другъ друга за волосы, а шинкарь разнимаетъ ихъ, а они шинкаря-то пинками, да кулаками, два окна разбиты, кругомъ побитая посуда, разлита водка, народъ толпится, а приступиться боятся, чтобы не попало и имъ.

— Да кто же кого билъ: Яцыкъ Михайлу или Михайла Яцыка?

Подсудимые, до сихъ поръ, повидимому, слушавшіе совершенно равнодушно показанія солтысы, при послѣднемъ вопросѣ судьи оба какъ будто встрепенулись и разомъ заговорили:

— Онъ меня билъ!

— Нѣтъ, ты билъ!

— Я только оборонялся!

— Вотъ ужь не правда!

— Молчать! Пусть говоритъ солтысь... Такъ кто кого билъ?

— Какъ вамъ доложить, ясновельможный судья?—Солтысь развелъ руками.—Вѣриѣ сказать, оба били другъ друга; Михайла схватилъ рукою Яцыга за волосы, а Яцыкъ сцапалъ одною рукою Михайлу за горло, а правыя руки такъ и молотятъ, такъ и молотятъ.

— Неправда, — проговорилъ Яцыкъ, — я не билъ...

Солтысъ вспыхнулъ.

— Ты смѣешь говорить мнѣ такія слова? Ты говоришь, что я лгу, — мнѣ?...

Судья прервалъ его:

— Садись.

Солтысъ низко поклонился суду, бросилъ грозный взглядъ на подсудимыхъ и медленными шагами удалился за рѣшотку.

Послѣ краткаго разспроса подсудимыхъ, гминный судья, не выходя изъ залы засѣданія, началъ писать приговоръ; совѣщаніе его съ лавниками было весьма кратко; нагнувшись къ одному, потомъ къ другому, онъ произнесъ нѣсколько словъ, оба кивнули головою и погрузились вновь въ прежнюю сонливую неподвижность, съ которою присутствовали во все время засѣданія. Слышали ли они все происходившее передъ ними, или нѣтъ, дѣйствительно ли они были согласны съ предложенною судьею резолюціей, или дали свое на нее согласіе, просто полагаясь на судью, — ничего нельзя было заключить по ихъ спокойнымъ, угрюмымъ, скучающимъ лицамъ.

Какъ только судья наклонился надъ бумагою, въ залѣ воцарилась полная тишина; казалось, публика сознавала торжественность минуты, притаила дыханіе, такъ что слышенъ былъ скрипъ пера въ рукѣ судьи.

Окончивъ, судья передалъ листъ лавникамъ — оба подписали, очевидно, не читая.

— Встать! — прокричалъ возный. Публика поднялась.

«По указу Его Императорскаго Величества»... Судья прочелъ резолюцію по-русски, затѣмъ медленно слово за словомъ перевелъ ее по-польски. Въ публикѣ поднялся шумъ; часть ея вышла изъ залы, новыя лица вошли и заняли мѣста ушедшихъ, начался разборъ другого дѣла.

Засѣданіе гминнаго суда окончилось рано; къ 4 часамъ въ судѣ было пусто. Провожаемый низкими поклонами лицъ, присутствовавшихъ при послѣднемъ дѣлѣ, судья укатилъ въ своей щегольской нетычанкѣ, простившись со своими сотоварищами-лавниками короткимъ кивкомъ; лавники побрели въ посадъ утолить давно мучившій ихъ голодъ; остававшаяся еще въ судѣ публика разбрелась, разсуждая съ сильнымъ размахиваніемъ руками о сегодняшнихъ судебныхъ рѣшеніяхъ. Въ судѣ оставался лишь писарь, заканчивавшій кабія-то пакеты и бумаги для солтысы Мартыняка, да этотъ

последній сидѣлъ вмѣстѣ съ вознымъ на крыльцѣ суда подъ навѣсомъ.

Панъ Станиславъ успѣлъ снять свое «форменное», какъ онъ любилъ выражаться, платье и, облеченный въ какую-то сѣрую куртку, съ видимымъ наслажденіемъ потягивалъ изъ коротенькаго чубука съ объемистою, пестро разрисованною фарфоровою трубкой; онъ былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи; напротивъ, его собесѣдникъ, солтысъ, сидѣлъ мрачный и, видимо, недовольный, опираясь обѣими руками о свою палку и склонивъ на грудь голову:

— А вы, панъ солтысъ, — говорилъ возный, попыхивая изъ своей трубки, — вы, панъ солтысъ, не того... это вы неправильно; ясновольможный судья... это такой человекъ, такой человекъ... ума у него ого - го! — Возный даже поднялъ вверхъ руку съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, вѣроятно, желая жестомъ этимъ придать больше выразительности словамъ. — Законы у него всё тутъ, — и возный стукнулъ себя по лбу концомъ чубука, — правильнѣе дѣла никто не рѣшить. Нѣтъ, вы, панъ солтысъ, не говорите...

Солтысъ покачалъ головой.

— Развѣ я что говорю противъ судьи? Извѣстно, человекъ вельможный, ученый. Вы, панъ возный, говорите: законы знаетъ, — можетъ быть, это не моего ума дѣло, а что изъ того? Вотъ меня заставили присягать...

— Да, коли такъ въ кодексѣ сказано...

— Въ чемъ?

— Въ кодексѣ, — съ важностью повторилъ возный, очевидно, довольный тѣмъ, что знаетъ такое мудреное и ученое слово.

— А что это будетъ кодексъ?

— Книга, гдѣ всё законы напечатаны.

— Ну, хорошо, пусть въ кодексѣ сказано, такъ какъ же смѣетъ Яцыкъ послѣ того, какъ я присягнулъ, говорить мнѣ неправду? Развѣ я лгунъ? Мнѣ, да еще послѣ присяги, какой-нибудь галганъ, какъ Яцыкъ, при всей публикѣ, говорить, что я лгу, и судья не замазалъ ему рта? Меня же остановилъ, когда я началъ пьяницѣ этому выговаривать. Это тоже въ кодексѣ такъ приказано, а?

Возный молчалъ, усиленно выпуская клубы дыму.

— А чѣмъ наказалъ этихъ пьяницъ, я что-то забылъ, старъ — памяти больше нѣтъ.

— А до козы на недѣлю.

— Хорошо наказаніе!...

— Панъ солтысъ, писарь говоритъ, что по кодексу больше нельзя...

— По кодексу... ге...—Солтысь покачалъ головою.—И что Яцыку и Михайлѣ семь дней козы? Выспать имъ хорошенько, была бы имъ наука!

— Нельзя, панъ солтысь, нельзя.

— По кодексу?

— А такъ.

— Ну, и будутъ себѣ за рѣшоткою здорово выспаться, откормятся, какъ боровы...

— Ну, на хлѣбѣ на водѣ не отжирѣешь...

— Знаю я, какой хлѣбъ и вода... За деньги всего достать можно, а и у того, и у другого два-три десятка злотыхъ найдется; такъ будутъ дуть водку и пиво, какъ лучше не нужно... Да чего добраго, еще ихъ въ городъ погонять до козы?...

— Извѣстно, въ городъ. У насъ гдѣ же? Въ нашемъ арештѣ только пьяницѣ выспаться въ пору.

— Ну, такъ хороши они къ намъ вернуться,—коли не разбойниками, то ворами...

Трубка вознаго усиленно дымилась.

— Панъ солтысь того... кажется, слишкомъ...

— Что слишкомъ, панъ возный?... Развѣ панъ возный не помнить Игната съ Дали, Филиппа съ Ясной Воли—что, ихъ въ городѣ исправили, что ли? Тоже будетъ съ Яцыкомъ и Михайлой; идутъ пьяницами, буянами, а вернутся ворами. Тамъ въ городѣ въ козѣ, или тюрьмѣ, компанія большая, теплая компанія, всему научить; тамъ наши молодцы остальной стыдъ потеряютъ. Ну, сидѣли бы здѣсь, у себя, въ деревнѣ; одно, что я бы уже присмотрѣлъ; лишняго чего ни-ни, а другое, что каждый день отъ своихъ односельцевъ стыдъ и срамъ; въ окно выглянетъ—свой идетъ, зайдетъ кто—пристыдить. А тамъ...—Солтысь махнулъ рукою.—Нѣтъ, панъ возный,—добавилъ онъ, вставая на встрѣчу писарю, вышедшему съ пакетами изъ сѣней суда,—пора намъ свою козу для своихъ Яцковъ да Михайловъ построить, давно пора!

Онъ взялъ пакеты, засунулъ ихъ за пазуху, поклонился писарю, потрясъ руку вознаго и медленно побрелъ вдоль дороги.

— Да, оно того, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ того,—ворчалъ возный, провожая уходящаго своими выпученными глазами.

II.

Солтысь Мартынякъ оказался правъ. Семидневное заключеніе Яцыка и Михайлы въ арестномъ помѣщеніи сосѣдняго уѣзднаго

города не исправило этихъ двухъ бунновъ; напротивъ, сидя за рѣшоткою, они свели знакомство съ какимъ-то проходимцемъ, заинтересовавшимъ ихъ безконечными разсказами о своей жизни, исполненной всякихъ смѣлыхъ подвиговъ на поприщѣ обмана и мошенничества. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ перваго осужденія Яцыка и Михайлы, какъ они оба, вмѣстѣ съ новымъ своимъ другомъ, ловкимъ проходимцемъ, были изловлены на кражѣ съ поличнымъ. Проходимецъ и Михайла успѣли скрыться, убѣжалъ бы и Яцыкъ, если бы не энергичное участіе въ дѣлѣ солтыса Мартыняка, собственноручно связавшаго его съ помощью земскаго стражника Ивана Соколова, послѣ упорнаго сопротивленія, при которомъ Яцыкъ могъ убѣдиться, что у Солтыса руки тяжелыя, несмотря на его немолодые годы.

И вотъ въ концѣ декабря, въ ясный морозный день, передъ лицомъ того же гминнаго суда стоялъ вновь Яцыкъ, тотъ же солтысъ Мартынякъ уличалъ его въ кражѣ и въ ослушаніи полиціи, тотъ же возный панъ Станиславъ, въ томъ же засаженномъ форменномъ сюртукѣ, но въ какихъ-то теплыхъ высокихъ калошахъ по случаю стужи, попрежнему, грозно тарачилъ на публику круглые глаза свои, тѣ же односельцы Яцыка и солтыса Мартыняка наполняли помѣщеніе суда. Новымъ, не бывшимъ при первомъ осужденіи Яцыка, лицомъ являлся одинъ земскій стражникъ Соколовъ, фигура весьма типичная, личность, по-своему, весьма оригинальная.

Соколову далеко за пятьдесятъ, иные даже утверждаютъ, что ему давно стукнуло шестьдесятъ лѣтъ (самъ Соколовъ о годахъ своихъ разговаривать не любитъ), но по внѣшнему виду, по бодрости и неутомимости, ему трудно дать болѣе сорока лѣтъ; онъ средняго роста, коренастый, широкопалечій; сѣдина едва серебрить низко, подъ гребенку остриженные волосы и длинные внизъ падающіе усы; нависшія надъ маленькими глазками, густыя, еще почти черныя брови и глубокія морщины на лбу придаютъ земскому стражнику суровый видъ. Да, Соколовъ и въ дѣйствительности человекъ суровый, — суровый по характеру, по наклонностямъ, праву и обычаямъ; онъ молчаливъ и серьезенъ, держать себя важно, весь исполненъ чувствомъ собственнаго достоинства, двигается медленно, хотя и умудряется какъ-то своими размыренными, медленными шагами проходить по двадцати верстѣ въ сутки, говорить также медленно, да и то только въ необходимыхъ случаяхъ, такъ какъ «пустячныхъ разговоровъ терпѣть не можетъ; пустые разговоры — дѣло бабѣ, онѣ и пусть себѣ стрекочать»; водѣ онъ не врагъ, но пить ее умѣ-

ренно; злые языки утверждаютъ, что онъ напивается часто пьянъ передъ сномъ, запершись у себя тремя замками,—ну, да, вѣдь, этого никто не видѣлъ, а злые языки чего, чего не выдумаютъ. Соколовъ—рабъ своего долга и глубоко проникнутъ убѣжденіемъ серьезности занимаемаго имъ поста и государственной важности возложенныхъ на него обязанностей. Назначенный земскимъ стражникомъ изъ солдатъ одного изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ чуть ли не при образованіи земской стражи, онъ выучилъ наизусть врученную ему письменную инструкцію, затѣмъ выслушалъ наставленіе своего перваго начальника земской стражи (своего рода фанатика въ дѣлѣ службы) и пришелъ къ незыблемому убѣжденію, что онъ одинъ изъ столбовъ, на который опирается спокойствіе края, одинъ изъ хранителей его не только противъ обыкновенныхъ преступниковъ, но, главнымъ образомъ, противъ преступниковъ политическихъ, что его призваніе и назначеніе—подавленіе «бунтовъ» и «революцій» во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Понималъ же Соколовъ эти два слова такимъ образомъ: «бунтомъ» онъ считалъ всякое сопротивленіе, неповиновеніе, даже грубости, оказанныя начальству; «революціей»—проявленіе того же сопротивленія, неповиновенія или грубости, если въ поступкахъ этихъ участвовалъ не одинъ, два, три, а нѣсколько человѣкъ, тѣмъ болѣе толпа, или если сопротивленіе или грубость относились къ лицу слишкомъ высокопоставленному. Его не любили за его необязательность, суровость и подозрительное отношеніе къ мѣстному населенію, но отдавали справедливость его честности и энергіи; начальство же высоко цѣнило его, да и дѣйствительно трудно было найти земскаго стражника болѣе исполнительнаго и неподкупнаго, какъ Соколовъ. Кромѣ того, у Соколова было одно драгоценное для начальства качество: воля начальства была для него законъ, взглядъ начальства—чуть не евангеліе; ни мнѣній, ни распоряженій начальства онъ никогда не обсуждалъ, подчинялся первымъ, если они даже шли въ разрѣзъ съ его убѣжденіемъ, и исполнялъ послѣднія безъ разсужденій. Соколовъ старался зорко слѣдить за всякимъ проявленіемъ «бунта» и «революціи», наблюдая за всякою личностью, проживающею въ предѣлахъ его участка, и въ этомъ отношеніи у него всѣ были равны передъ его надзоромъ и передъ его подозрительностью. Говорятъ, что когда Соколовъ былъ земскимъ стражникомъ въ Скерневицахъ, мѣстѣ жительства князя Барятинскаго, у него въ его записной книжкѣ подъ рубрикою «землевлдѣльцы» первымъ былъ записанъ фельдмаршалъ князь Барятинскій, и противъ фамиліи князя крупнымъ полуграмотнымъ почеркомъ

Соколова отмѣчено: «благонадеженъ». Вотъ этотъ-то Соколовъ и былъ вызванъ въ гминный судъ свидѣтелемъ по дѣлу о кражѣ, совершенной Михайлой и Яцыкомъ, вмѣстѣ съ третьимъ лицомъ, оставшимся неизвѣстнымъ, и о неповиновеніи этихъ лицъ распоряженіямъ начальства во время ихъ задержанія.

Соколовъ не долюблывалъ гминныхъ судовъ; онъ никакъ не могъ понять, чтобы каковой-нибудь Стась, Вацежъ или Янъ, которые должны бы были за честь считать, если онъ, земскій стражникъ, протянетъ имъ руку, вдругъ попадетъ въ лавники, а то и въ гминные судьи, будетъ судить и рядить, требовать явки его, Соколова, въ качествѣ свидѣтеля, допрашивать его...

Но это была воля начальства и Соколовъ покорялся, являлся аккуратно по требованію суда, оказывалъ ему требуемое почтеніе, отвѣчалъ, но все это дѣлалъ какъ будто изъ-подъ палки, нехотя, и въ залѣ суда былъ особенно мраченъ, молчаливъ и несообщителенъ.

Кражи Яцыкъ не отвергалъ, утверждая только, что кражу сдѣлалъ не онъ, а его товарищи, онъ же встрѣтилъ ихъ уже послѣ кражи и помогъ лишь нести вещи, не зная, что онѣ краденныя. Обвиненіе въ неповиновеніи и оскорбленіи полиціи Яцыкъ отвергалъ, объясняя, что, напротивъ, солтысъ билъ его неизвѣстно за что, онъ же, Яцыкъ, только кричалъ «караулъ»; не давалъ онъ солтысу вещей, не зная, что вещи ворованныя, и при этомъ одинъ отнималъ, другой удерживалъ, «оно и вышло, какъ будто драка, а собственно никакой драки не было, а только солтысъ по злобѣ своей къ нему приколотилъ его даже при самомъ панѣ стражникѣ».

Судья обратился къ Соколову.

— Все вретъ, ваше благородіе, — громко и отчетливо отвѣтилъ земскій стражникъ, слегка вытягиваясь. — Никакой драки не было, да и какая же драка можетъ быть между солтысомъ и такимъ прощелыгою? Все-таки, солтысъ — начальство.

— Однако же, солтысъ отнималъ вещи у обвиняемаго?

— Извѣстно, ваше благородіе, не оставялъ же вору покраденнаго...

— Я васъ просилъ бы отвѣчать на вопросы, не прибавляя своихъ замѣчаній.

— Слушаю-съ.

— И такъ, вы говорите, что солтысъ отнималъ вещи у Яцыка?

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Яцыкъ не давалъ ему вещей?

— Извѣстно, не давалъ и такъ толкалъ солтыса, что еслибъ я не подоспѣлъ, старику съ нимъ бы не справиться.

— При этомъ солтысъ билъ Яцыка?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— А вотъ другіе свидѣтели показываютъ, что солтысъ вытянулъ разъ десять палкою Яцыка по спинѣ.

Изъ публики раздалось вдругъ громкое замѣчаніе: «Мало, его бы, вора, отодрать бы на всѣ корки!»

— Тихо, тихо!—прохрипѣлъ возный.

— Какъ же вы говорите—не билъ, когда онъ его разъ десять ударилъ палкою по спинѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, не билъ.

— А палкою по спинѣ?

— Поучилъ онъ его—это правда. Когда тотъ,—Соколовъ кивнулъ головою въ сторону Яцыка,—сталъ бунтовать, вещей не давать и толкаться, пу, дѣйствительно, солтысъ его поучилъ, а что бы была драка или кто кого билъ, ни Боже мой.

— Какъ же не билъ, когда палкою...

— Поучилъ—дѣйствительно, а не билъ... и не поучить нельзя, потому что солтысъ ему,—новый кивокъ головы въ сторону Яцыка,—все-таки, начальство, какъ же онъ смѣетъ бунтовать? А солтысъ не можетъ бунта позволить, потому начальство...

Судья махнулъ рукою. Стражникъ смѣрилъ его мрачнымъ взглядомъ и торжественными шагами направился къ первой лавкѣ, на которой помѣщались спрошенные свидѣтели. Возный предупредительно очистилъ ему мѣсто, безцеремонно толкнувъ въ плечо какого-то крестьянина, за что и удостоился легкаго кивка головы со стороны Соколова.

Судь, оправдавъ Яцыка по обвиненію въ ослушаніи полиціи и оскорбленіи солтысы, приговорилъ его за кражу къ шестимѣсячному тюремному заключенію.

Едва судья усиѣлъ объявленный по-русски приговоръ перевести по-польски, какъ изъ угла залы раздался громкій взрывъ плача; у самой входной двери рыдала молодая дѣвушка, очевидно, старавшаяся накинутымъ на лицо платкомъ заглушить свои рыданія. Яцыкъ, выслушавшій приговоръ довольно равнодушно, при звукѣ этихъ рыданій поблѣднѣлъ, пристально взглянулъ по направленію къ плачущей фигурѣ и сдѣлалъ, какъ бы неволью, два шага впередъ, но тотчасъ былъ удержалъ земскимъ стражникомъ, зорко слѣдившимъ за каждымъ его движеніемъ. Возный вывелъ плачущую женщину и затѣмъ вмѣстѣ со стражникомъ и солтысомъ повели Яцыка въ свидѣтельскую комнату, гдѣ и надѣли на него, какъ на лицо, ытавшееся до суда нѣсколько разъ бѣжать, ножные кандалы.

Яцыкъ стоялъ молча, опустивъ голову, и, только выходя изъ зда- нія суда, взглянулъ злобно и въ упоръ въ глаза солтыса и прогово- рилъ глухимъ, слегка дрожащимъ голосомъ:

— Ну, панъ солтысъ, два раза мы съ тобою встрѣтились, дай тебѣ Богъ не встрѣтиться въ третій разъ.

— О себѣ думай, а обо мнѣ не безпокойся, — отвѣчалъ Мар- тынякъ.

Приговоромъ суда остались недовольны всѣ, — людямъ трудно угодить.

Осталась недовольна публика, почему-то ожидавшая отъ засѣ- данія суда по данному дѣлу болѣе драматичности, менѣе сдержан- ности со стороны Марыси (плачущей дѣвушки у двери), болѣе за- дора отъ нахальнаго и буйнаго Яцыка и обманувшаяся въ своихъ ожиданіяхъ.

Недоволенъ остался Яцыкъ, — недоволенъ настолько, что заявилъ объ этомъ суду и отдалъ послѣдній полтинникъ за написаніе апел- ляціи какому-то бойкому, грязноватому господину въ синихъ оч- кахъ, именовавшему себя адвокатомъ и подвернувшемуся какъ-то тутъ же въ судѣ черезъ нѣсколько минутъ по объявленіи пригово- ра. Яцыкъ не могъ не сознавать, что онъ участвовалъ въ совершен- нин кражи и что показанія его на судѣ — наглая и, притомъ, неудач- ная ложь; даже тюремное заключеніе не особенно смущало бы его, еслибъ оно должно было продолжиться недѣли двѣ, три... ну, на- конецъ, одинъ-два мѣсяца... Но попасть за рѣшотку на шесть мѣ- сяцевъ, да еще одному, безъ своего вѣрнаго сотоварища Михайлы и безъ забавника-проходимца, — это было тяжело, въ особенности, когда подумать, что въ эти самые шесть мѣсяцевъ и Михайла, и проходимецъ будутъ пользоваться всѣми прелестями свободы и удовольствіями, какія можетъ доставить цѣна украденнаго имуще- ства, оставшагося въ ихъ карманахъ. Вѣдь, деньги, кольцо, нитка кораловъ, — все это унесли они, навьючивъ его, дурака, какимъ-то тулупомъ и платьемъ, изъ-за которыхъ онъ былъ задержанъ. Но что особенно гнѣвило Яцыка, противъ кого злоба кипѣла въ немъ, это не судъ, не приговоръ, а солтысъ Мартынякъ. Не будь этого сол- тыса, онъ бы спокойно ушелъ, сбылъ бы черезъ проходимца укра- денныя вещи, не было бы ни суда, ни тюрьмы, а теперь... «И, вѣдь, нужно же было ему, старому чорту, — злобно шипѣлъ Яцыкъ, — именно меня схватить; вѣдь, Михайла шелъ послѣднимъ, до него солтысу было ближе, — нѣтъ, юркнулъ мимо Михайлы (Яцыкъ забылъ уже, что у Михайлы въ рукахъ ничего не было, а у него покраден-

ныя вещи)... и откуда у стараго прыть взялась... да меня за шиворотъ и молотилъ по мнѣ палкою, какъ по снопу соломы... Ну, да погоди, вспомню, будетъ время, не забуду!» И чѣмъ болѣе думалъ Яцыкъ, тѣмъ болѣе солтысъ являлся въ глазахъ его единственнымъ виновникомъ всѣхъ его бѣдъ, и тѣмъ болѣе негодование разгоралось въ немъ. Еще одно обстоятельство крайне смущало Яцыка (неожиданное для него самого), это—воплъ Марыси по прочтеніи приговора. Марыся была восемнадцатилѣтняя смазливая сестра Михайлы, съ которою Яцыкъ съ годъ находился въ любовныхъ отношеніяхъ. Яцыкъ, конечно, обѣщалъ Марысѣ жениться на ней, но что-то все откладывалъ исполненіе своего обѣщанія; онъ по-своему и любилъ Марысю (обожавшую своего Яцыка), но любилъ ее безъ особеннаго пыла и страсти, и еще наканунѣ суда довольно хладнокровно простился съ нею, когда съ помощью нѣсколькихъ грошей она, подъ видомъ его сестры, пробралась къ нему; но теперь ея безпомощный, убитый видъ и безмолвныя слезы въ судѣ въ теченіе всего засѣданія почему-то глубоко тронули его, ея вопль, раздавшійся въ тишинѣ, сопровождающей всегда объявленіе приговора, острымъ ножомъ вонзился въ его сердце и ему казалось страшно-тяжелымъ разстаться съ Марысей на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. «А все онъ, все онъ, старый чортъ Мартынякъ!»

И злоба противъ солтыса все росла и росла въ сердцѣ Яцыка.

Недовольны остались и солтысъ Мартынякъ, и земскій стражникъ Соколовъ. Дня черезъ два послѣ суда надъ Яцыкомъ оба они сошлись по какому-то случаю (и у того, и у другого частенько бывали дѣла у судьи) въ каморкѣ у вознаго пана Станислава.

— Что же, — съ ироническою улыбкой спрашивалъ солтысъ вознаго, — Яцыка опять погнали въ городъ до школы, то-есть, то бишь, до козы?

— Теперь, пока идетъ апелляція, отправили подъ арештъ, — отвѣчалъ возный, попыхивая своею трубкой, — а послѣ въ самую губернію отправятъ, до турмы, — у насъ въ городѣ турмы нѣтъ.

— Значить, въ самую академію?... Добре... ха, ха, добре!

— Какъ въ академію?

— А такъ... былъ буянь и пьяница, посадили въ городъ въ возу—воромъ сталъ, посидитъ въ губерніи въ тюрьмѣ—разбойникомъ станетъ... извѣстно!

— Какъ же, панъ солтысъ, — возразилъ возный, стараясь придать голосу возможно мягкій тонъ, — какъ же быть? Осужденъ, видите, строго... Ого-го-го! Нашъ судья съ злодѣями не любитъ

шутить, нужно же теперь, чтобы Яцыкъ гдѣ-нибудь кару свою принялъ... когда у насъ своей турмы нѣтъ...

— Нужно? А по-моему, панъ возный, нужно было спрыснуть его батогами, да посадить его на общественную работу... хотя шоссе поправлять, на мѣсяць, на два, да давать ему въ это время воды да хлѣба, а залѣнился — батогами!... Тогда бы онъ зналъ, какъ красть...

— Да когда же по кодексу...

— Знаю я, что по кодексу... Только чудно это мнѣ, чтобы написали такой кодексъ, по которому...

Но солтысу не пришлось на сей разъ высказать своихъ соображеній относительно кодекса; Соколовъ, по обыкновенію, молчаливо присутствовавшій при разговорѣ двухъ собесѣдниковъ, прервалъ солтыса самымъ неожиданнымъ образомъ:

— Ну, что тамъ кража! — медленно заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово и бросая мрачные взгляды то возному, то солтысу. — Извѣстно, пьяница, лѣнтяй, транжиръ, денегъ нѣтъ, сейчасъ укралъ; ну, и приговорили, тоже не сладко шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Но, вотъ... оправдать въ бунтѣ! Вотъ что!... Вѣдь, это не кража тамъ или что другое прочее, а бу-у-нтѣ! Вѣдь, это противъ начальства, значитъ! Вѣдь, послѣ этого что же? Оправдали, то-есть, значитъ, дѣйствуй... значитъ, бунтовщику потачка... сегодня онъ противъ солтыса, завтра противъ войта, тамъ и противъ меня, — Соколовъ на секунду пріостановился и энергическимъ жестомъ ткнулъ себя въ грудь, — а тамъ, чего добраго, и противъ вышшаго начальства, противъ начальника земской стражи или уѣзднаго начальника, а то и губер...

Но на этомъ послѣднемъ словѣ земскій стражникъ запнулся; понятіе о «вышемъ начальствѣ», очевидно, у него начиналось съ начальника земской стражи, но губернатора онъ считалъ столь высоко стоящимъ лицомъ, что не могъ даже допустить со стороны Яцыка, несмотря на всю дерзость его, проявленія «бунта» противъ губернатора.

— Ну, это, впрочемъ, будетъ уже другое, революція, и тутъ уже военный судъ, — прибавилъ Соколовъ, — но оправдать бунтовщика... Потачка, потачка!

Коротенькая трубочка Соколова, такъ называемая у солдатъ «носогрѣйка», энергически задымилась, великолѣпная форфоровая файка (трубка) вознаго усердно ей вторила, комната пана Станислава, несмотря на открытыя въ сѣни двери, наполнилась клубами дыма, изъ-за которыхъ, какъ изъ-за облака, порою выплывали то

та, то другая фигура собесѣдниковъ, черезъ минуту скрываясь вновь за дымовымъ туманомъ.

Возный сдѣлалъ слабую попытку отстоять справедливость приговора.

— Панъ стражникъ, тоже, вѣдь, суду такъ нельзя, какъ захотѣлъ, такъ и сдѣлалъ; на все есть свое правило, и если, значить, такъ слѣдуетъ по кодексу, то какимъ манеромъ...

— Врешь!—почти закричалъ Соколовъ, быстро приподнимаясь съ мѣста, да такимъ голосомъ, что возный даже съежился,—врешь! Кто писалъ кодексъ? Начальство? Какъ же возможно, чтобы само начальство предписало бунтовщику противъ начальства?... Потачка, а? Ну, и значить ты врешь!...

И земскій стражникъ вышелъ, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь.

III.

Весна этого года была ранняя; въ половинѣ апрѣля было тепло, какъ лѣтомъ, луга зеленѣли и пестрѣли цвѣтами, деревья покрылись молодыми листьями, сверкавшими подъ блестящими лучами солнца. Даже неприглядныя окрестности посада Калюжи глядѣли привѣтливо, изукрашенныя весною. Но настроеніе духа жителей Калюжи и сосѣднихъ деревень было не по погодѣ, далеко не веселое; по всей окрестности ходили тревожные слухи, волновавшіе населеніе. Въ первыхъ числахъ апрѣля посадскіе евреи принесли два извѣстія: во-первыхъ, что въ окрестностяхъ посада показался вновь извѣстный буянъ, пьяница и воръ Михайла, и, во-вторыхъ, что его вѣрный сотоварищъ Яцыкъ успѣлъ какъ-то бѣжать изъ губернской тюрьмы. Сначала этимъ слухамъ не повѣрили, но слухи повторялись все настойчивѣе и, наконецъ, къ срединѣ апрѣля мѣстныхъ власти, т.-е. войтъ, земскій стражникъ и солтысь, получили оффиціальное извѣщеніе о побѣгѣ Яцыка, сопровождавшееся строгимъ приказомъ: «буде онъ явится на родину, немедленно его изловить и доставить въ губернскій городъ за строгимъ карауломъ».

Съ другой стороны, присутствіе въ окрестностяхъ посада Калюжи Михайлы или Яцыка дѣлалось для мѣстныхъ жителей ощутительнымъ еще и инымъ путемъ, именно начались чаще и чаще повторяться кражи, правда, пока больше домашней птицы, овцы, поросенка, но кражи, дѣлаемыя, очевидно, опытною рукой домашняго вора, близко знакомаго съ мѣстностью. Жители тревожились, начальство недоумѣвало.

Легко сказать: «буде появится на родину, немедленно изловить и доставить въ губернской городъ за строгимъ карауломъ!»! А какъ это исполнить? Кому выслѣдить бѣглеца, кому ловить его, да и какъ ловить такихъ отчаянныхъ людей? Весною у всѣхъ дѣла и работы полны руки, а стражнику и солтысу однимъ не разорваться же.

Власти, то-есть войтъ, земскій стражникъ Соболевъ и солтысъ Мартынякъ, случайно столкнувшіеся утромъ въ гминномъ судѣ, по окончаніи засѣданія совѣщались, сидя на крылечкѣ суда; возный, панъ Станиславъ, хотя и не принималъ участія въ совѣщаніи, стоялъ тутъ же, облеченный въ свое форменное платье, которое онъ обыкновенно снималъ по окончаніи засѣданія; но торжественность настоящаго случая заставила его сдѣлать исключеніе, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные лица имѣли на себѣ присвоенные ихъ должностямъ знаки ихъ достоинства. Впрочемъ, трудно было, не впадая въ преувеличеніе, придать разговору мѣстныхъ властей громкое наименованіе «совѣщанія». Обмѣнявшись фразами: «Получили ли, панъ солтысъ?» — «Слыхали ли, панъ стражникъ?» — «Бѣда, панъ войтъ!» — лица эти дѣйствительно спросили другъ друга: что дѣлать? Но вопросъ остался безъ отвѣта и никто не нашелся предложить какой-либо мѣры или способа для исполненія распоряженія начальства. Войтъ, толстый, огромнаго роста мужчина, еще молодой (лѣтъ тридцати пяти), зажиточный крестьянинъ, только пыхтѣлъ и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на ожидавшую его нетычанку, Соболевъ нестолово дымилъ своею носогрѣйкой, а Мартынякъ машинально переминялъ большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки понышку табаку, задумчиво глядя въ даль, вдоль дороги, тянущейся мимо гминнаго суда.

Вечерѣло; на крылечкѣ гминнаго суда и на площадкѣ передъ судомъ, озаренныхъ косыми лучами заходящаго солнца, еще было свѣтло, но по дорогѣ между двумя рядами привислянскихъ тополей начинали ложиться густыя тѣни. По ту сторону дороги, скрываясь въ тѣни деревьевъ, пробиралась женская фигура, кутаясь въ платокъ и боязливо оглядываясь по сторонамъ; въ лѣвой рукѣ она держала что-то, коробокъ ли, узелъ ли, — за темнотою трудно было разобрать.

Зоркіе, не по лѣтамъ, глаза солтысы примѣтили боязливо пробравшуюся мимо суда по направленію къ посадку фигуру; сама боязливость эта и обратила на себя вниманіе Мартыняка. «Никакъ Марыся?» — прошепталъ онъ, прикладывая руку зонтикомъ ко лбу. Женская фигура вышла изъ аллеи и вступила на мостъ, т. е. въ полосу свѣта. «Она!» — увѣренно и почти громко произнесъ сол

тысь; въ глазахъ его блеснулъ огонекъ, губы искривились во что-то вроде улыбки; онъ съ очевиднымъ удовольствіемъ препроводилъ, наконецъ, по назначенію понюшку табаку и всталъ.

— Ну, панове, какъ никакъ, а исполнить приказаніе начальства нужно. Вѣдь, такъ я говорю, панъ стражникъ?

— Извѣстно, такъ какъ оно есть приказаніе начальства.

— Ну, такъ вы уже, панъ войтъ, не безпокойтесь, — въ голосѣ солтыса сквозила при этомъ обращеніи «къ безпокойству войта» явная иронія, — выслѣдимъ и изловимъ, — солтысь стукнулъ внушительно своимъ высокимъ посохомъ, — и изловимъ, — повторилъ онъ. — Два раза изловилъ, изловлю и въ третій. Ты вотъ говорилъ о третьей встрѣчѣ, — продолжалъ солтысь громко обращаясь, очевидно, къ какому-то отсутствующему лицу. — Ну, и посмотримъ, посмотримъ. Счастливо оставаться. Панъ стражникъ, прошу на два слова.

Простившись съ войтомъ и вознымъ, солтысь со стражникомъ спустились съ крыльца на площадку, а затѣмъ на дорогу; войтъ, проѣзжая мимо черезъ нѣсколько секундъ, слышалъ, какъ стражникъ громкимъ и медленнымъ своимъ голосомъ произнесъ:

— Это ты, солтысь, правильно, это резонъ!

Четыре дня спустя послѣ описаннаго совѣщанія властей, около полудня, возный Станиславъ, облаченный въ «цивильное», какъ онъ выражался, платье, т. е. въ сѣрую куртку, грѣлся на солнышкѣ, сидя на крыльцѣ гминнаго суда, и, мирно покуривая трубочку, слѣдилъ глазами за клубами дыма. Панъ Станиславъ не замѣтилъ, что къ нему тихою и кошачьею походкой подобрался Борухъ, самый значительный содержатель корчмы въ посадѣ и первый вѣстовщикъ во всемъ округѣ; когда длинная фигура Боруха стала между вознымъ и солнцемъ и раздался глухой кашель шинкаря, панъ Станиславъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности появленія фигуры еврея.

— Панъ возный, навѣрное, слышалъ, — осторожно началъ разговоръ Борухъ, передвигая бархатную фуражку съ лба на затылокъ и обратно, — жестъ, выразившій обыкновенно извѣстнаго рода волненіе со стороны почтеннаго еврея.

Возный ровно ни о чемъ не слышалъ и не имѣлъ никакого понятія о томъ, что за новость могъ бы ему сообщить всевѣдущій шинкарь, но ему не хотѣлось выдавать своего невѣжества и потому, несмотря на возгорѣвшееся въ немъ любопытство, онъ не двинулся и пробормоталъ что-то невнятное, что-то, что легко можно было принять и за утвержденіе — «слыхалъ, молъ».

— Такъ... пропалъ солтысъ, завсѣмъ пропалъ Мартынякъ.

При этомъ неожиданномъ сообщеніи самообладаніе оставило вознаго; онъ выпустилъ изъ губъ янтарный наконечникъ чубука, вскопчилъ съ своего мѣста и вперилъ въ еврея свои круглые глаза.

— Какъ пропалъ? Куда пропалъ?

— Пхе, кто знаетъ, кто знаетъ, а только пропалъ!...

— То-есть какъ пропалъ? Что же, онъ сдѣлалъ что-нибудь, побилъ кого, нагрубилъ начальству, что ли?

— Нѣтъ, ничего такого, не такъ, а онъ самъ совсѣмъ пропалъ; нема его нигдѣ, вездѣ искали, два дня, какъ пропалъ.

— Да что ты плетешь, Борухъ? Говори толково, что слышалъ?

— Зачѣмъ плетешь? Я ничего не плету... мнѣ нечего плести, мнѣ самъ войтъ говорилъ...

— Да что говорилъ войтъ?

— Э! что войтъ говорилъ... Панъ войтъ говорилъ: «Ты, Борухъ, человѣкъ разумный...» О! панъ войтъ—мудрая голова, —пхе, какая голова!

— Ну, добре, добре...

— «Ты,—говорить панъ войтъ мнѣ,—умная голова и долженъ дѣло это разузнать. Солтысъ Мартынякъ пропалъ... два дня, какъ пропалъ... вездѣ искали, справлялись, нѣтъ его—пропалъ; такъ ты, Борухъ, здѣсь въ посадѣ поразунай и сына твоего Мошку пошли къ земскому стражнику въ Ясное,—тутъ всего три версты; я знаю, что стражникъ тамъ ночевать долженъ, пошли сказать, что солтысъ пропалъ, чтобы панъ стражникъ бѣжалъ сюда, что есть духу, отыскивать Мартыняка». А я ему, пану войту, и докладываю: «Панъ войтъ, зачѣмъ я такого молодого человѣка, какъ Мошка, на такую оказію отправлю? А быть можетъ тутъ криминаль... пхе, кто знаетъ? Лучше пусть Мойша въ корчмѣ сидитъ, а я побѣгу». — «Ну,—говорить войтъ,—бѣги, Борухъ»... Вотъ я и бѣгу.

Возный стоялъ неподвижный и безмолвный, какъ пораженный громомъ. Борухъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дорогѣ, потомъ быстро вернулся къ возному и, наклоняясь къ нему, произнесъ тихо, какъ будто желая передать эту важную тайну:

— А панъ Станиславъ знаетъ, что въ прошлую ночь обокрали Ривку Гутхайль, что живетъ на краю посада?... Ге, одѣхъ денегъ сто двадцать рублей украли, да-а-а!

— Ну, такъ что-жь? Развѣ солтысъ укралъ?

— Пхе... что вы, что вы, панъ Станиславъ... Солтысъ—и укралъ... пхе! А вотъ...—Борухъ наклонился къ самому уху вознаго и прошепталъ: — а еще не знаетъ панъ, что Марыся пропала?

— Какая Марыся?

— А сестра Михайлы, пріятеля Яцыга, что вотъ судили?

— Ну, такъ что-жь, какое дѣло солтысу до Марыси? Что, выкралъ онъ ее, что ли?

— Пхе, панъ возный!... Какъ это возможно, что это панъ возный говорить!... Солтысъ, старикъ, такой... э... э... важный человекъ—и выкрасть дѣвушку...

— Ну, при чемъ же тутъ солтысъ?

— Э, при чемъ!—фуражка заёрзала съ затылка на лобъ и обратно.—При чемъ! Богъ знаетъ, а можетъ быть и при чемъ-нибудь...

— Такъ говори же, при чемъ?

— А почему я могу знать? Да и времени нѣтъ, бѣжать нужно; панъ войтъ такъ строго наказывалъ: «Духомъ,—говорить,—однимъ духомъ...»

И на сей разъ Борухъ дѣйствительно быстро зашагалъ отъ судейскаго крыльца и исчезъ на шоссе между тополями.

Въ тотъ же вечеръ земскій стражникъ Соколовъ возвратился въ посадь и тайна исчезновенія солтыса начала разъясняться.

Замѣтя, во время совѣщанія на крылечкѣ гминнаго суда, Марысю, прѣбравшуюся при заходѣ солнца въ противоположную сторону отъ своей деревни съ кулечкомъ подъ мышкою, солтысъ заподозрилъ, что дѣвушкѣ извѣстно, гдѣ скрывается или ея братъ Михайла, или (еще вѣрнѣе) ея возлюбленный Яцыгъ, и что она по вечерамъ таскаетъ къ нимъ пищу. Вслѣдствіе этого подозрѣнія, найденнаго Соколовымъ вполнѣ резоннымъ, Соколовъ и Мартынякъ на утро посѣтили избу, въ которой проживала Марыся съ матерью (отецъ Михайлы и Марыся давно умеръ), но ничего подозрительнаго не нашли. Только, заглядывая въ печь, Мартынякъ замѣтилъ, что готовится столько, что не только двумъ бабамъ, но и тремъ мужчинамъ два дня сытымъ можно быть, что еще болѣе укрѣпило Мартыняка въ его подозрѣніяхъ относительно Марыси. Солтысъ объявилъ земскому стражнику, что будетъ слѣдить за Марысей, и когда что выслѣдитъ, дастъ ему знать; Соколовъ ушелъ въ обходъ своего участка, солтысъ началъ слѣдить за Марысей и вдругъ исчезъ. Земскій стражникъ, поднявъ на ноги сосѣднихъ стражниковъ и солтысовъ, энергически принялся за розыски, и слѣды Мартыняка нашлись.

Версты за двѣ отъ посади внизъ по теченію рѣки Калюжи, въ рѣчку эту впадаетъ другая, еще менѣе значительная рѣчонка, малая Калюжа; образуемый слияніемъ двухъ этихъ рѣчонокъ полуостровъ—болотистый, заросшій кривыми деревцами и густыми бу-

стами; единственное вполне сухое мѣсто на полуостровѣ этомъ, даже въ жаркое лѣто, это бугоръ земли въ нѣсколько сажени, окружающій развѣсистую привислянскую тополь, неизвѣстно какъ попавшую сюда; но достигнуть этого бугра можно было лишь перейдя въ бродъ одну изъ двухъ Балюжей, а затѣмъ идя по тропинкѣ, мало кому даже изъ мѣстныхъ жителей извѣстной. На этомъ бугрѣ, благодаря, главнымъ образомъ, сельскому пастуху и его неугомонному псу, чуть не сутки неистово вышмеру противъ брода черезъ малую Балюжу, и найденъ былъ трупъ солтыса. Трупъ Мартыняка лежалъ навзничъ у самаго дерева; глаза, широко раскрытые, все еще грозно, если можно такъ выразиться, глядѣли своими мертвыми зрачками; правая рука его сжимала палку, въ лѣвой былъ зажатъ обрывокъ мужской сукмоны; на землѣ, покрытой многочисленными слѣдами, указывающими на упорную борьбу, валялись разбитая миска, остатки хлѣба и женскій головной платокъ; голова Мартыняка была раскроена какимъ-то орудіемъ отъ одного уха до другаго.

Толпа народа, посадскіе и деревенскіе жители стояли на берегахъ обѣихъ рѣчекъ, хотя ровно ничего не могли видѣть изъ происходившаго на бугрѣ, скрытомъ отъ нихъ густыми кустами; черезъ малую Балюжу были перекинуты мостки и на топкихъ мѣстахъ полуострова положены доски: ожидали пріѣзда судебного слѣдователя, доктора и начальника земской стражи. На бугоръ было допущено лишь человекъ десять-двѣнадцать, преимущественно должностовавшихъ исполнять обязанности понятыхъ и полиціи. Тутъ былъ и земскій стражникъ Соколовъ съ двумя сотоварищами, и два солтыса, и толстый войтъ, и возный Станиславъ, и корчмарь Борухъ; стояли они всѣ кругомъ, сажени за двѣ отъ трупа, за исключеніемъ стражника Соколова, который въ качествѣ охранителя тѣла покойнаго отъ всякаго прикосновенія стоялъ у самой головы убитаго. Царствовало глубокое безмолвіе; всѣ, очевидно, были поражены и удручены происшедшимъ преступленіемъ, тѣмъ болѣе, что жертва его пользовалась въ окрестности если не любовью, то огромною популярностью и уваженіемъ.

Но вдругъ Борухъ толкнулъ локтемъ стоявшаго рядомъ съ нимъ вознаго, пана Станислава, и указалъ ему головою на земскаго стражника; на лицѣ еврея, въ широко раскрытыхъ глазахъ его видно было глубокое изумленіе; возный взглянулъ, глаза его чуть не выскочили изъ лба, и онъ толкнулъ войта, повторяя жестъ Боруха, войтъ сосѣда и т. д., и черезъ нѣсколько секундъ вся кучка лицъ, бывшая на бугрѣ, стояла какъ будто пораженная чѣмъ-то

необычайнымъ, устремляя на Соколова изумленные и взволнованные взгляды.

Соколовъ стоялъ неподвижно, опираясь обѣими руками на пашку и опустивъ низко на грудь свою обнаженную голову; морщины на лбу какъ будто сгладились, вѣки были опущены и изъ-подъ нихъ выкатились двѣ крупныя слезы, медленно спустились по щекамъ, затѣмъ по длиннымъ усамъ Соколова и упали на землю, смѣшиваясь съ кровью, обильно излившеюся изъ головы убитаго.

Это были первыя слезы, которыя когда-нибудь и кто-нибудь видѣлъ въ глазахъ Соколова.

И странно, казалось, не на землю упали эти слезы, а на сердца окружавшихъ Соколова, и растопили сердца эти. Будто мягкій солнечный лучъ освѣтилъ угрюмыя, усталыя, скучающія лица; губы вознаго задрожали и онъ началъ всхлипывать, войтъ завозился съ огромнымъ пестрымъ платкомъ, вытащеннымъ изъ-за пазухи, картузь Боруха задвигался между лбомъ и затылкомъ, пронесся шепотъ: «Жаль, справедливый былъ человекъ!»

Мартынякъ былъ похороненъ съ необычайною торжественностью; его гробъ несли на рукахъ до самой могилы почетнѣйшіе изъ мѣстныхъ крестьянъ, населеніе нѣсколькихъ гминъ чуть не поголовно провожало стараго солтыса въ послѣднее его жилище; за гробомъ шли, кромѣ нѣсколькихъ войтовъ и солтысей, гминный судья, судебный слѣдователь и начальникъ земской стражи.

Возный Станиславъ повѣствовалъ объ участіи этихъ послѣднихъ трехъ лицъ въ похоронахъ своего друга съ необычайнымъ паѳосомъ и заканчивалъ свое повѣствованіе конфиденціальнымъ сообщеніемъ (чуть не на ухо собесѣднику): «Говорятъ, и вѣрные люди говорятъ, будто самъ губернаторъ хотѣлъ быть, но высшее начальство не допустило; положимъ, сказала начальство, вѣрный слуга царю и краю былъ солтысъ, но какой же нужно будетъ сдѣлать почеть генералу, если за гробомъ солтыса пойдетъ самъ губернаторъ? Оно, конечно, — прибавлялъ возный, — начальству тоже нельзя, политику свою соблюсти нужно». И долго ходили по обоямъ берегамъ Большой и Малой Калюжи рассказы о смерти солтыса Мартыняка и его похоронахъ, но какъ ни преувеличены и ни искажены были рассказы эти, всѣ они оканчивались одними и тѣми же словами: «самъ земскій стражникъ Соколовъ плакалъ».

Н. Т.

ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ *).

Романъ Томаса Гарди.

Ф А З А В Т О Р А Я .

Н е д ѣ в у ш к а о т н ы н ѣ .

Корзина была тяжелая, узелъ большой, но она тащила ихъ съ видомъ человѣка, почти не сознающаго бремени матеріальныхъ вещей. По временамъ она останавливалась передохнуть у заставы или путевого столба, а затѣмъ, снова взваливъ свою ношу на полную, сильную руку, упорно шла дальше и дальше.

Это было въ воскресное утро, въ концѣ октября, четыре мѣсяца спустя по приѣздѣ Тессъ Дорбифильдъ въ Трантриджъ. Солнце только недавно взошло и желтое сіяніе на линіи горизонта озаряло горный кряжъ, на который предстояло подняться молодой путницѣ, чтобы достигнуть родимыхъ мѣстъ. Подъемъ былъ съ этой стороны отлогій, а почва и пейзажъ совсѣмъ не тѣ, что въ Блакмурской долині. Даже въ характерѣ и говорѣ населенія можно было уловить различіе, несмотря на амальгамирующее вліяніе круговой желѣзной дороги, тажъ что родная деревня, хотя отстоявшая менѣе, чѣмъ на двадцать миль отъ Трантриджа, казалась Тессъ весьма отдаленнымъ пунктомъ во время ея пребыванія въ Откосахъ. Обитатели долины сбывали свои продукты на сѣверъ и на западъ, сватались и женились въ сѣверныхъ и западныхъ окранныхъ графства, туда направляли всѣ свои помыслы; поселяне, жившіе по сю сторону холмовъ, устремляли свое вниманіе и энергію преимущественно на востокъ и на югъ.

Это былъ тотъ самый склонъ, съ котораго д'Орбервилъ тажъ бѣшено мчался съ молодою дѣвушкой въ памятный для нея іюньскій

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

день. Тессъ, не останавливаясь, прошла его весь до конца и, достигнувъ края возвышенности, вперила взоръ въ разстилавшійся за нимъ, такъ хорошо знакомый ей зеленый мірокъ, теперь на половину скрытый туманомъ. Онъ всегда былъ прекрасенъ отсюда, но сегодня онъ предсталъ передъ ней въ какой-то грозной красотѣ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его въ послѣдній разъ, она успѣла узнать, что тамъ, гдѣ поютъ сладкозвучныя птицы, раздаются и шипѣніе змѣи. Отнынѣ жизнь совершенно измѣнилась въ ея глазахъ. Совсѣмъ другая дѣвушка, непохожая на ту, какою она была въ родительскомъ домѣ, неподвижно стояла теперь на кручѣ, удрученная скорбною думой. Затѣмъ она оглянулась назадъ: она не въ силахъ была смотрѣть дольше на Блакмурскую долину.

На длинной, бѣлой лентѣ дороги, по которой Тессъ только что взобралась наверхъ съ такимъ трудомъ, она увидела двухколесный экипажъ; около него шель человекъ, поднявшій руку, чтобъ привлечь ея вниманіе.

Тессъ пассивно повиновалась поданному ей сигналу, означавшему, что ее просятъ подождать, и, спустя нѣсколько минутъ, мужчина и лошадь съ экипажемъ уже нагнали ее.

— Къ чему было бѣжать тайкомъ, — укоризненно сказалъ д'Орбервиль, задыхаясь отъ усталости. — Да еще въ воскресенье, когда всѣ отсыпаются! Я узналъ объ этомъ совсѣмъ случайно и поѣхалъ сломя голову слѣдомъ за тобой. Посмотри, какъ взмылилась лошадь. Почему это тебѣ вздумалось уходить втихомолку? Вѣдь, ты же знаешь, что никто не сталъ бы тебя удерживать. И совсѣмъ лишнее было плестись всю дорогу пѣшкомъ и нагружать себя такою тяжелою поклажей! Я гнался за тобой, какъ сумасшедшій, чтобы хоть остальную-то часть пути подвезти тебя, если ужъ ты не хочешь вернуться.

— Я не вернусь, — сказала она.

— Я такъ и думалъ... такъ и говорилъ. Ну, въ такомъ случаѣ, поставь сюда свои корзины... дай-ка я помогу тебѣ.

Она разсѣянно уложила корзину и узелъ въ гигъ, поднялась на подножку и сѣла возлѣ д'Орбервиля. Она не боялась его теперь, и въ самомъ ея спокойствіи таился источникъ ея скорби.

Молодой человекъ машинально закурилъ сигару, и они поѣхали дальше, отрывисто и равнодушно разговаривая о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, встрѣчавшихся имъ по пути. Д'Орбервиль совсѣмъ забылъ о борьбѣ, которую ему пришлось выдержать, чтобы поцѣловать молодую дѣвушку, когда онъ везъ ее въ началѣ лѣта по этой же дорогѣ, но только въ противоположномъ направленіи.

Она сидѣла теперь, какъ маріонетка, односложно отвѣчая на его замѣчанія. Черезъ нѣсколько времени передъ ними обозначилась группа деревьевъ, за которою лежалъ Марлоттъ. Тогда только неподвижное лицо Тессъ обнаружило слабые признаки волненія и слезы тихо заструились по ея щекамъ.

— О чемъ это ты плачешь?—холодно спросилъ онъ.

— Я думала о томъ, что родилась въ этой сторонѣ,—прошептала Тессъ.

— Ну, всё мы гдѣ-нибудь да родились.

— Лучше бы мнѣ не родиться, ни тамъ, ни гдѣ бы то ни было!

— Ба! если ты не хотѣла ѣхать въ Трантриджъ, то зачѣмъ же поѣхала?

Она не отвѣчала.

— Во всякомъ случаѣ, ты поѣхала не изъ любви ко мнѣ, въ этомъ я готовъ побожиться.

— Да, это истинная правда. Еслибъ я поѣхала изъ любви къ вамъ, еслибъ я хоть когда-нибудь любила васъ и еслибъ любила васъ теперь, то не презирала бы и не ненавидѣла бы себя такъ за свою слабость.

Онъ передернулъ плечами. Она продолжала:

— Я только тогда поняла, чего вы добивались, когда было уже поздно.

— Ну, это всё женщины такъ говорятъ.

— Какъ смѣете вы такъ издѣваться надо мной?—воскликнула она порывисто, обернувъ къ нему свое лицо съ свергающими глазами. Дремлющая отвага внезапно проснулась въ ней. — Вы, можете быть, хотите, чтобъ я вышвырнула васъ изъ гига? Господи Боже! Неужели же вамъ никогда не приходило въ голову, что то, что говорятъ всё женщины, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ и чувствовать?

— Ну, полно,—сказалъ онъ, смѣясь,—я не хотѣлъ оскорблять тебя. Я дурно поступилъ съ тобой и сознаюсь въ этомъ. Но только,—и тутъ голосъ его принялъ легкій оттѣнокъ горечи,—только тебѣ, право, не къ чему постоянно бросать мнѣ это въ лицо. Я готовъ расплатиться до послѣдняго фартинга. Ты знаешь, что тебѣ нѣтъ никакой надобности работать въ полѣ или на фермахъ. Ты знаешь, что можешь наряжаться въ самыя дорогія платья, вмѣсто того, чтобъ носить этотъ невзрачный костюмъ, къ которому ты пристрастилась за послѣднее время и къ которому не рѣшась даже прибавить и ленточки, если не сама ее заработала.

Ея верхняя губа слегка приподнялась, хотя язвительность была вообще чужда ея открытой, стремительной натурѣ.

— Я сказала, что ничего больше не буду брать отъ васъ, и не буду... Я не могу!... Еслибъ я продолжала брать, то тогда дѣйствительно была бы вашею вещью, а я не хочу этого!

— Можно подумать по твоимъ рѣчамъ, что ты принцесса, а не только наслѣдница чистокровныхъ д'Орбервилей. Ха, ха, ха! Хорошо, милая Тессъ, больше мнѣ сказать нечего. Я, конечно, дурной человѣкъ, совсѣмъ пропащій. Я родился дурнымъ человѣкомъ, жилъ дурнымъ человѣкомъ и, по всей вѣроятности, умру такимъ же. Но, влянусь своею погибшею душой, я ничего худого не сдѣлаю тебѣ больше, Тессъ. И еслибъ возникли нѣкоторыя обстоятельства... ты понимаешь... и ты хоть въ чемъ-нибудь имѣла бы нужду или встрѣтила бы какое-нибудь затрудненіе, то тебѣ стоить только черкнуть мнѣ словечко и я немедленно пришлю тебѣ все, чего ты потребуешь. Можетъ быть, меня не будетъ тогда въ Трантриджѣ, я отправлюсь въ Лондонъ на нѣкоторое время, потому что старуха стала невыносима, но письма будутъ мнѣ аккуратно доставляться.

Она пожелала сойти, не доѣзжая Марлотта, и они остановились подъ самую группой деревьевъ. Д'Орбервилъ вышелъ первый и на рукахъ вынесъ Тессъ изъ гига, а потомъ вынулъ ея вещи и поставилъ ихъ возлѣ нея на землю. Она сдѣлала ему легкой поклонъ, взоръ ея на одинъ мигъ скользнулъ по его лицу, затѣмъ она повернулась, чтобы взять свою поклажу и отправиться въ путь.

Алексъ д'Орбервилъ бросилъ сигару, наклонился къ дѣвушкамъ и сказалъ:

— Неужели ты уйдешь такъ, не простившись? Дай же мнѣ поцѣловать тебя, милая.

— Извольте,—равнодушно отвѣтила она.—Видите, какъ вы меня вышколодили!

Она повернула къ нему лицо и стояла неподвижно, какъ мраморная статуя, пока онъ цѣловалъ ее, не то по привычкѣ, не то подъ вліяніемъ еще не совсѣмъ угасшей страсти. Глаза ея неопредѣленно покоились на самыхъ дальнихъ деревьяхъ, точно она почти не сознавала того, что онъ дѣлаетъ.

— Ну, теперь другую щечку, ради стараго знакомства.

Она все такъ же пассивно повернула голову, какъ повертываютъ ее по просьбѣ портретиста или куафера, и онъ поцѣловалъ ее еще разъ, но щеки, которыхъ онъ касался губами, были влажны и холодны, какъ кожица грибовъ, росшихъ на полянѣ возлѣ дороги.

— А ты, вѣдь, не хочешь протянуть мнѣ губки и въ свою очередь поцѣловать меня. Ты никогда не цѣлуешь меня по доброй волѣ. Мнѣ сдается, что ты никогда не полюбишь меня.

— Я это говорила вамъ, часто говорила. Это правда. Я никогда не любила васъ настоящею, искреннею любовью и думаю, что никогда не полюблю. Можетъ быть,—прибавила она уныло,— можетъ быть, нѣтъ такой лжи во всемъ свѣтѣ, которая могла бы мнѣ быть полезнѣе въ эту минуту, чѣмъ лживый отвѣтъ на ваши слова. Но какъ ни мало осталось у меня чести, ея, все-таки, достаточно, чтобъ удержать меня отъ этой лжи. Еслибъ я васъ любила, я имѣла бы, пожалуй, самую законную причину сказать вамъ это. Но я не люблю васъ.

Онъ тяжело перевелъ духъ, какъ будто эта сцена ложилась угоромъ на его сердце, или совѣсть, или благородство.

— Ты вдаешься въ нелѣпую меланхолю, Тессъ. Мнѣ нѣтъ поводовъ лстить тебѣ теперь, и я могу прямо сказать, что тебѣ нечего такъ печалиться. Ты можешь поспорить въ красотѣ съ любую женщиной въ этихъ краяхъ, будь она знатная лэди или простая крестьянка; я говорю это тебѣ, какъ человѣкъ практическій и какъ доброжелатель. Если ты будешь разсудительна, то не дашь ей даромъ поблгнуть, а настоящимъ образомъ покажешь ее свѣту... А что бы тебѣ, все-таки, вернуться ко мнѣ, Тессъ? Ей-ей же, мнѣ не хотѣлось бы отпускать тебя отъ себя!

— Никогда, никогда! Я рѣшила это, какъ только увидала... то, что должна была раньше видѣть. Я не пойду больше къ вамъ.

— Ну, такъ добраго утра, моя четырехмѣсячная кузиночка. Прощай!

Онъ проворно вскочилъ въ экипажъ, расправилъ возжи и исчезъ между высокими изгородами, на которыхъ свѣшивались гроздьями красныя ягоды.

Тессъ не посмотрѣла ему вслѣдъ, а медленно пошла впередъ по извилистой дорогѣ. Было еще рано, и хотя нижній край солнца выплылъ совсѣмъ изъ-за холма, лучи его, яркіе, но холодные, были чувствительны скорѣе на глазъ, чѣмъ на осязаніе. Вблизи не было ни души. Тоскливый октябрь и еще болѣе тоскливое сердце Тессъ, вазалось, одни наполняли жизнью пустынную мѣстность.

Однакожь, позади Тессъ раздалась, наконецъ, шаги, шаги мужчины, который шелъ такъ торопливо, что совсѣмъ уже нагналъ ее и успѣлъ пожелать ей добраго утра, когда она еще и не подозрѣвала его близости. Съ виду онъ походилъ на ремесленника и несъ въ рукахъ оловянное ведро съ красною краской. Онъ дѣловымъ то-

номъ предложилъ дѣвушка взять на себя часть ея поклажи и она дала ему свою корзину и пошла рядомъ съ нимъ.

— Рано поднялись мы съ вами для воскреснаго утра! — весело сказалъ онъ.

— Да, — отвѣтила Тессъ.

— Когда другіе еще отдыхаютъ отъ недѣльной работы.

Она согласилась и съ этимъ.

— Хотя, что касается меня, то въ праздникъ я работаю болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ всю остальную недѣлю.

— Да?

— Всю недѣлю я тружусь во славу человѣка, а по воскресеньямъ — во славу Божію. А, вѣдь, это будетъ подѣйствительнѣе, не такъ ли?... Позвольте, мнѣ надо кое-что подѣлать вотъ тутъ на заборѣ. — Съ этими словами незнакомецъ повернулся къ околицѣ, которая вела на выгонъ. — Можетъ быть, вы подождете меня тутъ минутку? — прибавилъ онъ. — Я мигомъ это справлю.

Такъ какъ ея корзина была въ его рукахъ, то ей волей-неволей пришлось ждать его, и она стала смотрѣть, что такое онъ будетъ дѣлать. Онъ опустилъ корзину и ведро на землю и, размѣшавъ краску кистью, принялся чертить на средней изъ трехъ досокъ забора крупныя, прямыя литеры, отдѣляя каждое слово запятой, какъ бы для того, чтобы дать время каждому изъ нихъ неизгладимо врѣзаться въ сердце читающаго:

Погибель, твоя, не, дремлетъ.

2 Петра. II. 3.

На фонѣ мирнаго ландшафта, блѣдныхъ, блекнувшихъ красокъ осенней листвы, синевы горизонта и обомшалыхъ досокъ забора ярко выступили эти неумолимыя багровыя слова. Казалось, они вопіяли и заставляли воздухъ содрогаться отъ ихъ звуковъ.

«Увы, бѣдная теологія!» — могли бы, пожалуй, воскликнуть иные при видѣ этого безобразнаго искаженія, этого послѣдняго грубо-комическаго фазиса вѣры, сослужившей такую великую службу человѣчеству. Но на Тессъ эти слова произвели дѣйствіе грознаго обвиненія и ужаснули ее. Она готова была подумать, что этому человѣку извѣстно ея недавнее прошлое, а, между тѣмъ, онъ былъ ей совсѣмъ чужой.

Написавъ текстъ до конца, онъ поднялъ ея корзину и она машинально направилась дальше, идя рядомъ съ нимъ.

— Вы вѣрите въ то, что написали? — тихо спросила она.

— Вѣрю ли я въ этотъ текстъ? Это все равно, что спросить меня, вѣрю ли я въ собственное существованіе.

— Но, — продолжала она дрожащимъ голосомъ, — представьте себѣ, что кто-нибудь совершилъ грѣхъ, не желая того?

Онъ покачалъ головой.

— Я не могу ломать голову надъ такимъ жгучимъ вопросомъ, — отвѣчалъ онъ. — Я за это лѣто прошелъ нѣсколько сотенъ миль, исходилъ вдоль и поперекъ весь этотъ околотокъ и всѣ стѣны, околицы и заставы исписалъ текстами. Пусть тѣ, кто ихъ читаетъ, вѣдаются съ своимъ сердцемъ насчетъ того, какъ ихъ при-мѣнять къ себѣ.

— По-моему, они ужасны, — сказала Тессъ. — Они подавляютъ, уничтожаютъ въ конецъ!

— На то-то они и пишутся! — возразилъ онъ невозмутимымъ тономъ. — Но вотъ бы вамъ прочесть мои самые горячіе тексты! Ихъ я берегу про трущобы и гавани. У васъ бы волосы отъ нихъ стали дыбомъ. Конечно, для сельскихъ округовъ и это отличный текстъ... А, вотъ тутъ около риги даромъ пропадаетъ чистенькій кусочекъ стѣны. Я напишу здѣсь что-нибудь. Вы подождете, миссъ?

— Нѣтъ, — сказала она, и, взявъ корзину, Тессъ поплелась дальше. Отойдя немного, она оглянулась. На старой сѣрой стѣнѣ появились такія же огненные письмена, какъ и на заборѣ, и камни приняли какой-то странный, необычный видъ, точно ихъ устрашала эта обязанность, которую имъ впервые приходилось исполнять. Горячій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Тессъ, когда она прочла еще неконченную надпись:

Не, прелюбо...

Ея жизнерадостный спутникъ замѣтилъ, что она оглянулась, и, прервавъ работу, крикнулъ ей:

— Если вамъ желательно поразспросить кого-нибудь о вещахъ, о которыхъ мы съ вами сейчасъ толковали, то какъ разъ сегодня въ томъ приходѣ, куда вы идете, будетъ говорить проповѣдь очень ревностный, благочестивый пасторъ, мистеръ Кларъ изъ Эмминстера. Я не принадлежу больше къ его толку, но онъ очень хорошій человекъ и объяснитъ вамъ все не хуже всякаго другого священника. Онъ первый обратилъ меня на истинный путь.

Но Тессъ не отвѣчала. Она трепетно шла своею дорогой, не отрывая глазъ отъ земли.

— Вздоръ, я не хочу этому вѣрить! — презрительно сказала она, когда краска сошла съ ея лица.

Но вотъ къ небу взвилась струйка дыма изъ трубы ея родного коттѣджа и при видѣ ея сердце дѣвушки сжалось. Оно сжалось еще

больнѣе, когда она переступила черезъ порогъ дома. Мать, только что успѣвшая сойти внизъ, стояла у печки и подкладывала дубовые сучья подъ котелокъ, въ которомъ готовился завтракъ. Младшія дѣти были еще наверху, а также и отецъ, считавшій себя вправѣ, по случаю воскресенья, пролежать лишніе полчаса.

— Господи, это ты, моя дѣвочка?—воскликнула удивленная мать и бросилась цѣловать ее.

— Ну, какъ поживаешь? А я, вѣдь, и не видала, какъ ты вошла. Ты, вѣрно, приѣхала, чтобъ у насъ сыграть свадьбу?

— Нѣтъ, мама, я пришла не для этого.

— Ну, такъ ты хочешь погостить у насъ?

— Да... погостить. Я долго прогощу здѣсь, — сказала Тессъ.

— Какъ, развѣ нашъ знатный родственникъ не собирается сдѣлать то, что я предсказывала?

— Онъ намъ не родственникъ и не собирается жениться на мнѣ.

Мать пристально взглянула на нее.

— Слушай, ты мнѣ не все сказала, — проговорила она.

Тогда Тессъ рассказала все.

— И послѣ того ты не заставила его жениться на тебѣ! — повторила мать. — Всякая другая заставила бы.

— Можетъ быть, всякая другая, только не я.

— Тогда, по крайней мѣрѣ, было бы хоть что рассказывать! — продолжала м-съ Дорбифильдъ, чуть не плача отъ досады. — Кто могъ бы ожидать, что это такъ кончится, послѣ всѣхъ толковъ о тебѣ и о немъ, которые до насъ доходили? Какъ это ты не подумала сдѣлать хоть что-нибудь для семьи, вмѣсто того, чтобъ думать объ одной себѣ? Ты видишь, какъ я бьюсь и надрываюсь надъ работой... а твой бѣдный больной отецъ, у котораго сердце разбухло чуть не съ котель! Я все надѣялась, что изъ этого что-нибудь да выйдетъ. Вѣдь, какую чудесною парочкой вы покатали тогда въ Трантриджъ, четыре мѣсяца тому назадъ. Посмотри, чего только онъ ни подарилъ намъ; мы думали, что это все потому, что онъ намъ родня. Ну, а если не родня, стало быть, онъ все это изъ любви къ тебѣ сдѣлалъ. А ты, все-таки, не сумѣла заставить его жениться!

Заставить Алека д'Орбервилъ жениться! Заставить *его* жениться на *ней*! О бракѣ онъ никогда и не заговаривалъ. А еслибъ даже онъ и заговорилъ о немъ, какой отвѣтъ вложило бы ей въ уста стихійное стремленіе ухватиться за этотъ поводъ, чтобъ спасти свое доброе имя, этого она не могла заранѣе сказать. Но бѣдная, безразсудная Джоанна нисколько не догадывалась объ ея чувствахъ къ этому

человѣгу. Быть можетъ, они были необычны среди данныхъ обстоятельствъ, неестественны, необъяснимы, но измѣнить ихъ было не въ ея волѣ, и это-то и внушало ей, какъ она говорила, отвращеніе къ самой себѣ. Она никогда не любила Алека, она не любила его и теперь. Она боялась его, трепетала передъ нимъ, она сдалась ему, вотъ и все. Ненависти къ нему она, собственно говоря, не питала, но онъ былъ для нея все равно, что прахъ могильный, и даже ради того, чтобы сохранить свое доброе имя, она едва ли пожелала бы сдѣлаться его женой.

— Такъ тебѣ надо было быть осторожнѣй, если ты не думала заставить его жениться.

— Ахъ, мама, мама!—воскликнула измученная дѣвушка, обращаясь къ матери съ такимъ отчаяніемъ, точно сердце ея готово было разорваться. — Какъ могла я знать, что меня ожидаетъ? Вѣдь, я была ребенкомъ четыре мѣсяца тому назадъ, когда ушла изъ дома. Зачѣмъ ты не сказала мнѣ, какая опасность мнѣ грозитъ? Зачѣмъ не предостерегла меня? Знатныя барышни знаютъ, чего имъ надо беречься, потому что читаютъ романы, гдѣ говорится о проискахъ мужчинъ; но, вѣдь, у меня никогда не было случая узнать что-нибудь изъ книжекъ... а ты... ты не поддержала меня.

Мать присмирѣла.

— Я думала, что если начну говорить тебѣ, что ты ему нравишься и къ чему это можетъ повести, ты не влюбишь его и прогадаешь свое счастье,—пробормотала она, вытирая глаза фартукомъ. — Ну, что-жь, противъ этого ничего не подѣлаешь. И то сказать, такъ ужь всѣ люди созданы. Значить, на то была Божья воля.

ХІІІ.

Извѣстіе о возвращеніи Тессъ Дорбифильдъ изъ усадьбы ея богатыхъ родныхъ разгласилось по всей деревнѣ, если «разгласилось» не слишкомъ громкое слово для пространства, заключавшаго въ себѣ одну квадратную милю. Къ вечеру нѣскольکو молодыхъ дѣвушекъ, школьныхъ товарокъ и пріятельницъ Тессъ, отправились ея провождать, нарядившись въ свои лучшія платья, тщательно накрахмаленныя и выглаженныя, какъ это подобало для посѣщенія особы, одержавшей, какъ онѣ думали, блистательную побѣду. Онѣ размѣстились по стѣнкамъ комнаты и съ величайшимъ любопытствомъ стали разглядывать подругу. Ибо тотъ фактъ, что въ нее влюбился никто иной, какъ ея предполагаемый родственникъ, мистеръ д'Орбервиль, джентльменъ, репутація котораго, какъ отчаян-

наго франта и сердцеѣда, уже успѣла проникнуть за непосредственные предѣлы Трантриджа, этотъ фактъ своею рискованностью придала Тессъ особенное обаяніе въ ихъ глазахъ.

Онѣ были такъ глубоко заинтересованы ею, что болѣе юныя изъ нихъ начинали перешептываться, какъ только она отходила на минуту.

— Какая она хорошенькая и какъ къ ней идетъ это праздничное платье! Оно, должно быть, стоило кучу денегъ; это, вѣрно, онъ подарилъ ей его.

Тессъ, достававшая въ это время чайную посуду изъ угольнаго шкафа, не слыхала этихъ разсужденій. Еслибъ она ихъ слышала, то не замедлила бы уяснить своимъ пріятельницамъ истинное положеніе дѣлъ. Но мать слышала ихъ, и наивное тщеславіе Джоанны, обманутой въ надеждѣ на блестящую партію для дочери, поспѣшило утѣшиться, насколько это было возможно, сознаніемъ заманчивой любовной исторіи. Въ общемъ она, все-таки, была польщена, хотя это скоропреходящее и призрачное торжество и могло повредить репутаціи Тессъ. Вѣдь, можетъ быть, все это кончится-таки свадьбой,—и, желая отблагодарить дѣвушекъ за то, что онѣ такъ восхищались ея дочкой, она пригласила ихъ къ чаю.

Ихъ болтовня, смѣхъ и добродушные намеки, но больше всего зависть, мелькавшая и вспыхивавшая въ ихъ рѣчахъ, оживили Тессъ и мало-по-малу она заразилась ихъ возбужденіемъ и сдѣлалась почти весела. Мраморная неподвижность исчезла съ ея лица, въ ея движеніяхъ снова появилась прежняя эластичность и грація и юная красота ея засіяла полнымъ блескомъ.

Порой, несмотря на тяжелыя думы, она отвѣчала на вопросы подругъ тономъ превосходства, какъ бы признавая, что ея опытъ на поприщѣ ухаживанья могъ и въ самомъ дѣлѣ показаться завиднымъ. Но «такъ мало было для нея сладости въ собственной гибели», какъ выражается Робертъ Соутъ *), то эта иллюзія улетучивалась съ быстротою молніи; холодный разсудокъ вступалъ въ свои права и подвергалъ осмѣянію ея мимолетную веселость, изобличалъ предъ ней весь ужасъ ея минутной гордыни и снова призывалъ ее къ сдержанному равнодушію.

А на зарѣ слѣдующаго дня какая тоска закралась въ сердце Тессъ! Кончилось воскресенье, наступилъ понедѣльникъ. Праздничный нарядъ, смѣющіяся гости, — все это исчезло. Она проснулась въ своей прежней постели, вокругъ нея слышалось ровное дыханіе

*) Робертъ Соутъ (1633—1716 г.)—англійскій богословъ и пламенный проповѣдникъ

невинныхъ дѣтей. вмѣсто оживленія и интереса, вызваннаго ея возвращеніемъ въ родительскій домъ, она увидала предъ собой длинный каменистый путь, по которому должна была идти одна, безъ поддержки, почти не встрѣчая сочувствія. Страшное уныніе овладѣло ею, она рада была бы зарыться въ могилу.

Черезъ нѣсколько недѣль Тессъ настолько воспрянула духомъ, что рѣшилась въ одно воскресеніе отправиться въ церковь. Она любила слушать пѣніе молитвъ и старинныхъ псалмовъ, любила присоединять свой голосъ къ общему хору, когда пѣли утренній гимнъ. Врожденная любовь къ музыкѣ, унаслѣдованная ею отъ матери, до такой степени подчиняла ее даже самымъ простымъ напѣвамъ, что они порой чуть не исторгали ее сердце изъ груди.

Чтобъ остаться по возможности незамѣченной и избѣжать любезностей молодыхъ людей, она вышла изъ дому еще до начала благоговѣста и помѣстилась на одной изъ заднихъ скамеекъ, подъ хорами, около кладовой, тамъ, гдѣ сидѣли лишь старики да старухи и гдѣ, среди прочихъ похоронныхъ принадлежностей, висѣлся катафалкъ.

Прихожане стали входить по-двое и по-трое. Они садились рядами впереди Тессъ, на секунду опускали голову, какъ бы погруженные въ молитву, хотя на самомъ дѣлѣ и не думали молиться, потомъ поднимали ее и осматривались кругомъ. Когда начались пѣснопѣнія, то оказалось, что на этотъ день былъ назначенъ одинъ изъ любимыхъ гимновъ Тессъ, названія котораго она не знала. Не облекая свою мысль въ точныя выраженія, она думала о томъ, какою чудною, божественною властью обладаетъ композиторъ, могущій даже изъ-за могилы вести черезъ цѣлый рядъ ощущеній, въ началѣ испытанныхъ имъ однимъ, бѣдную дѣвушку, какъ она, никогда не слыхавшую его имени и не имѣющую ни малѣйшей надежды узнать хоть что-нибудь объ его личности.

Тѣ изъ прихожанъ, которые обертывались передъ началомъ службы, продолжали обертываться и во время ея совершенія и, наконецъ, замѣтивъ Тессъ, стали перешептываться. Она знала, о чемъ они переговариваются между собой, и почувствовала, что не рѣшится въ другой разъ отправиться въ церковь.

Комната, въ которой она спала вмѣстѣ съ меньшими дѣтьми, сдѣлалась болѣе чѣмъ когда-либо ея неизмѣннымъ убѣжищемъ. Здѣсь, подъ ветхою соломенною бровлей, она слѣдила за тѣмъ, какъ бушевали вѣтры, какъ падалъ снѣгъ, какъ дождь орошалъ землю, отсюда смотрѣла она на пышный закатъ солнца и на блестящій дискъ луны. Она совсѣмъ не показывалась на глаза людямъ и, наконецъ, многіе стали думать, что она покинула Марлоттъ.

Чтобы подышать воздухомъ, Тессъ выходила не иначе, какъ въ сумерки, и тогда, въ чащѣ лѣсовъ, она чувствовала себя уже не столь одинокой. Она умѣла подкарауливать тотъ моментъ вечера, когда свѣтъ и мракъ до такой степени уравниваются, что напряженіе дня и реакція ночи нейтрализуютъ другъ друга, оставляя мысли полный просторъ. Тогда сознание того, что мы живемъ, ослабляется въ насъ до самыхъ минимальныхъ размѣровъ. Тессъ не боялась тѣней; ея единственнымъ желаніемъ было укрыться отъ человѣчества, или, вѣрнѣе, отъ холоднаго собирательнаго, называемаго міромъ, которое, являясь столь ужаснымъ въ массѣ, въ своихъ единицахъ не представляетъ ничего грознаго, а, наоборотъ, возбуждаетъ даже жалость.

По этимъ уединеннымъ холмамъ и долинамъ Тессъ двигалась безшумною поступью, гармонировавшей съ окружавшею ее стихіей. Ея гибкая, скользившая какъ бы украдкой фигура дѣлалась составною частью ландшафта. Порой ея прихотливая фантазія такъ перерабатывала явленія природы, что они казались ей частью ея собственной жизни. Да они и *были* частью ея жизни, ибо міръ есть ничто иное, какъ психологическій феноменъ, и чѣмъ они казались, тѣмъ они были и въ дѣйствительности. Порывы ночного вѣтра, пронесшіеся съ глухимъ стономъ между густо опушенными снѣгомъ древесными сучьями, были формулами горькой укоризны. Дождливый день былъ выраженіемъ неутѣшной скорби объ ея слабости отъ лица какого-то неопредѣленнаго этического существа, котораго она не могла съ полною увѣренностью назвать Богомъ своего дѣтства и не могла себѣ представить какимъ-нибудь другимъ божествомъ.

Но эта расплывчатость ея опредѣленій, основанная на обрывкахъ условности, населенная призраками и голосами, ей враждебными, была жалкимъ и ошибочнымъ созданіемъ ея фантази, сонномъ моральныхъ гномовъ, устранившихъ ее безъ всякой причины. *Они* были въ диссонансѣ съ дѣйствительнымъ міромъ, а вовсе не она сама. Блуждая среди птицъ, спавшихъ на заборахъ, слѣдя за кроликами, прыгавшими по залитому луннымъ свѣтомъ саду, или стоя подъ деревомъ, униженнымъ фазанами, она видѣла въ себѣ образъ Преступленія, вторгающагося въ обитель Невинности. Но она проводила контрастъ тамъ, гдѣ различія не было. Воображая себя въ антагонизмъ съ природой, она находилась въ гармоніи съ ней. Судьба принудила ее нарушить одинъ изъ необходимыхъ социальныхъ законовъ, но этотъ законъ былъ неизвѣстенъ той средѣ, въ которой она считала себя преступницей.

XIV.

Былъ туманный восходъ солнца въ августѣ мѣсяцѣ. Подъ напоромъ жгучихъ лучей болѣе густыя ночныя пары начинали расплываться и опускаться въ видѣ отдѣльныхъ волоконъ въ ложбины и ущелья, гдѣ имъ предстояло мало-по-малу высохнуть и обратиться въ ничто.

Дневное свѣтило приняло, благодаря туману, какой-то странный, одухотворенный видъ, и этотъ видъ, въ соединеніи съ отсутствіемъ человѣческихъ фигуръ среди ландшафта, наглядно объяснял возникновеніе древняго культа солнца. Оно являлось златоудрымъ, богоподобнымъ существомъ, съ лучезарнымъ ликомъ и кроткими очами, и со всею мощью и пылкостью юности взпало оно на землю, къ которой сердце его было переполнено участіемъ.

Немного позднѣе его свѣтъ проникъ сквозь щели деревенскихъ ставней, бросая полосы, подобныя раскаленнымъ кочергамъ, на шкафы, коммоды и прочую утварь коттѣджей и пробуждая отъ сна жнецовъ.

Но всего ослѣпительнѣе были въ это утро двѣ широкія рукоятки изъ крашенаго дерева, возвышавшіяся на окраинѣ золотистой нивы, возлѣ самаго Марлотта. Въѣстѣ съ двумя нижними рукоятками онѣ образовали вертящійся мальтійскій крестъ механической жнеи, привезенной еще наканунѣ въ поле для того, чтобы можно было съ утра приняться за работу. Краска, которой онѣ были покрыты, горѣвшая еще ярче на солнцѣ, придавала имъ такой видъ, будто ихъ окунули въ потокъ жидкаго пламени.

Поле было уже «открыто»; это значило, что сквозь пшеницу, вдоль всей окружности поля, была прорѣзана серпомъ дорожка въ нѣсколько футовъ ширины, чтобы дать проходъ лошадямъ и машинѣ.

Двѣ группы, одна изъ мужчинъ и парней, другая изъ женщинъ, появились на деревенской улицѣ, въ тотъ самый часъ, когда тѣни отъ восточной стороны изгороди пересѣкли западную сторону, такъ что головы людей, составлявшихъ эти группы, находились подъ лучами восходящаго солнца, а по ногамъ переливались краски еще не угасшей зари. Пройдя улицу, онѣ исчезли за двумя каменными столбами, стоявшими по бокамъ ближайшей околицы.

Вдругъ въ полѣ поднялся какой-то стукъ, похожій на стрекотанье кузнечика. Машинна была пущена въ ходъ и надъ околицей виднѣлась движущаяся цѣпь. Машинистъ сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, тащившихъ жнею, его помощникъ—на сидѣньѣ,

устроенномъ при самой машинѣ. Весь поѣздъ прошелъ сначала одну сторону поля, причеиъ рукоятки жнеи находились въ медленномъ вращеніи, и затѣиъ совершенно скрылся изъ виду за холмомъ. Минуту спустя онъ тѣиъ же ровнымъ шагомъ двинулся по другой сторонѣ поля. Прежде всего, надъ жнивомъ сверкнула блестящая мѣд-ная бляха на лбу передней лошади, затѣиъ показались огненные рукоятки, а наконецъ и вся машина.

Узкая дорожка жнива, окружавшая поле, становилась все шире съ каждымъ оборотомъ, а площадь еще не снятой пшеницы все уменьшалась, по мѣрѣ того, какъ проходили часы. Кролики, зайцы, змѣи, крысы, мыши спасались вглубь ея, какъ въ крѣпость, не догадываясь о томъ, какъ непрочно ихъ убѣжище и какая участь ожидаетъ ихъ къ концу дня, когда ихъ приютъ, доведенный до ужасающихъ по тѣснотѣ размѣровъ, заставитъ ихъ всѣхъ, и друзей, и враговъ, сбиться въ одну кучу, пока уцѣлѣвшіе ярды горделиво стоящей пшеницы не падутъ въ свою очередь подъ зубьями неумолимой жнеи, а они, отъ перваго до послѣдняго, погибнуть подъ ударами палокъ и камней.

Жнея оставляла за собою скошенный хлѣбъ маленькими кучками, достаточными для того, чтобы изъ каждой изъ нихъ можно было связать одинъ снопъ, и къ этимъ кучкамъ спѣшили приложить руки шедшіе позади вязальщики. Большинство ихъ составляли женщины, но были тутъ и мужчины въ набойчатыхъ рубашкахъ съ кожаными поясами.

Представительницы женскаго пола возбуждали особенный интересъ вслѣдствіе той привлекательности, какую приобрѣтаетъ женщина, когда она дѣлается нераздѣльною частью внѣшней природы, а не является, какъ въ обыкновенное время, только постороннимъ предметомъ, вставленнымъ въ рамку ея. Полевой работникъ—это личность, очутившаяся среди поля, полевая работница—это частица поля; она утрачиваетъ свою индивидуальность, пропитывается ароматомъ обрѣзающей обстановки и совершенно сливается съ ней.

Женщины или, вѣрнѣе, дѣвушки, такъ какъ по большей части тутъ были молодые лица, вооружились въ защиту отъ солнца коленчоровыми шляпами съ широкими полями, а въ защиту отъ ключей соломы—перчатками. Одна была въ блѣдно-розовой кофточкѣ, другая въ свѣтло-кофейномъ платьѣ съ узкими рукавами, третья въ такой же яркой юбкѣ, какъ пурпурныя рукоятки жнеи, другія, постарше, въ рыжеватомъ «ропшерѣ» или плащѣ, традиціонномъ и самомъ подходящемъ костюмѣ полевой работницы, отъ котораго молодые начинали мало-по-малу отступать. Въ это утро наши взоры

невольно устремляются на дѣвушку въ розовой ситцевой кофточкѣ, такъ какъ она всѣхъ гибче и стройнѣе. Но ея шляпа такъ надвинута на лобъ, что совершенно закрываетъ ея лицо, когда она вяжетъ снопы, и только непокорныя пряди темнокаштановыхъ волосъ выбиваются изъ-подъ полей. Быть можетъ, одна изъ причинъ, почему она обращаетъ на себя вниманіе, заключается въ томъ, что она не щетъ его, тогда какъ другія частенько оглядываются по сторонамъ.

Она работаетъ съ методичностью часового механизма. Изъ только что связаннаго снопа она вытаскиваетъ пучокъ колосьевъ и разглаживаетъ ихъ концы лѣвою ладонью; потомъ, низко нагнувшись, подвигается впередъ, собирая хлѣбъ обѣими руками и вѣриво сжимая его въ объятіяхъ, точно она держитъ въ нихъ своего милаго. Начиная вязать сношъ, она становится на колѣни и по временамъ обдергиваетъ полы платья, когда вѣтеръ раздуваетъ ихъ. Между рукавомъ кофточки и желтою перчаткой виднѣется часть ея обнаженной руки, и нѣжная, гладкая кожа покрывается мало-по-малу кровавыми рубцами отъ укуловъ жесткой соломѣ.

Изрѣдка она встаетъ, чтобы передохнуть, перевязать съѣхавшій на бокъ фартукъ или поправить шляпу. Тогда вы видите красивое, молодое, овальное лицо съ парой глубокихъ, темныхъ глазъ и длинными, густыми, вьющимися волосами, которые какъ бы съ мольбой цѣпляются за все, на что попадаютъ. Щеки ея блѣднѣе, зубы ровнѣе, алыя губы тоньше, чѣмъ у большинства крестьянскихъ дѣвушекъ.

Это Тессъ Дорбифильдъ, иначе д'Орбервилъ, нѣсколько измѣнившаяся, та же, и не та, живущая, какъ чужая и какъ пришлица въ родимомъ краю. Послѣ долгаго затворничества она рѣшилась, наконецъ, наняться на полевые работы въ родной деревнѣ, такъ какъ настала самая горячая пора въ земледѣльческомъ мірѣ и никакія домашнія занятія не могли быть такъ выгодны въ это время, какъ вязанье сноповъ въ полѣ.

Движенія другихъ женщинъ болѣе или менѣе походятъ на движенія Тессъ; всѣ онѣ сходятся, какъ въ кадрили, при окончаніи каждаго снопа, и каждая владетъ свой снопъ поверхъ другихъ, пока изъ десяти или двѣнадцати сноповъ не образуется скирда.

Онѣ отправились завтракать, потомъ возвратились и работа пошла прежнимъ порядкомъ. По мѣрѣ того, какъ время близилось къ полудню, взоръ Тессъ сталъ то и дѣло устремляться на вершину холма, хотя она все такъ же прилежно вязала снопы. Незадолго до одиннадцати часовъ на холмѣ показалась группа дѣтей различнаго возраста, начиная съ шести лѣтъ и кончая четырнадцатью.

Лицо Тессъ слегка зардѣлось, но она, все-таки, не оторвалась отъ работы.

Старшая дѣвочка, въ сложенномъ угломъ платкѣ, конецъ котораго волочился по живу, несла на рукахъ что-то такое, что на первый взглядъ можно было принять за куклу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это былъ грудной ребенокъ въ длинномъ платицѣ. Другая несла поддникъ. Жнецы перестали работать, вынули свои запасы, усѣлись возлѣ одной изъ скирдъ и принялись за ѣду, причемъ мужчины стали усердно подрѣпляться изъ каменнаго кувшина и передавать другъ другу чарку.

Тессъ Дорбифильдъ одна изъ послѣднихъ прекратила работу. Она сѣла у края скирды, чуть-чуть отвернувшись отъ товаровъ. Когда она устроилась на своемъ мѣстѣ, мужчина въ кроличьей шапкѣ и съ краснымъ платкомъ, засунутымъ за поясъ, перегнулся къ ней изъ-за верхушки скирды и подалъ ей чарку съ элемъ. Но она отказалась отъ его угощенія. Разложивъ на землѣ свой поддникъ, она подозвала къ себѣ старшую дѣвочку, свою сестру, и взяла у нея ребенка, а та, обрадовавшись, что ее освободили отъ ноши, отправилась къ слѣдующей скирдѣ и присоединилась къ прочимъ дѣтямъ, затѣявшимъ тамъ игру. Тессъ, вспыхнувъ еще сильнѣе, стыдливимъ, но рѣшительнымъ жестомъ разстегнула лифъ и начала кормить ребенка.

Мужчины, сидѣвшіе по близости, деликатно отвернулись и стали смотрѣть на другой конецъ поля; нѣкоторые изъ нихъ закурили трубки; одинъ, самъ того не сознавая, любовно гладилъ рукой каменный кувшинъ, какъ бы въ знакъ сожалѣнія о томъ, что въ немъ уже не осталось ни капли. Всѣ женщины, кромѣ Тессъ, оживленно болтали и приводили въ порядокъ растрепавшіяся пряди волосъ.

Когда малютка насытился, молодая мать поставила его къ себѣ на колѣни и, устремивъ глаза въ даль, начала нянчить его съ мрачнымъ равнодушіемъ, близкимъ къ неприязни. Но вдругъ она припала къ нему губами и стала осыпать его поцѣлуями. Казалось, она не въ силахъ была оторваться отъ него и ребенокъ заплакалъ подъ этими бурными ласками, въ которыхъ страстная нѣжность къ удивительно сочеталась съ отвращеніемъ.

— Какъ она ни притворяется, что терпѣть не можетъ ребенка, къ ни говорить, что лучше бы ей лежать рядомъ съ нимъ въ молчѣ, а, все-таки, она любитъ его, — замѣтила дѣвушка въ красной юбкѣ.

— Она скоро забудетъ о томъ, что теперь говорить, — сказала

другая, въ желтомъ платѣѣ.—Господи, къ чему только ни привыкнешь, живя на бѣломъ свѣтѣ!

— И какая жалость, что это случилось какъ разъ съ ней! Но ужъ это всегда такъ, всегда самая хорошенькая попадаетъ въ бѣду! Дурнушки—другое дѣло, онѣ все равно, что за каменною стѣной, такъ вѣдь, Дженни?—обратилась говорившая къ одной изъ дѣвушекъ въ группѣ, къ которой эпитетъ дурнушки подходилъ какъ нельзя лучше.

Да, конечно, тысячу разъ можно было пожалѣть о Тессѣ и даже врагъ не отказалъ бы ей въ сочувствіи, увидавъ въ эту минуту ея алый, какъ роза, ротикъ и большіе, нѣжные глаза, не черные и не голубые, не сѣрые и не фіолетовые, а соединявшіе въ себѣ всѣ эти цвѣта, и еще множество другихъ, которые можно было различить, заглянувъ въ эти бездонныя глубины, гдѣ наслоились сотни цвѣтовъ и оттѣнковъ. Еслибъ не доля опрометчивости, наслѣдіе ея рода, эту женщину можно было бы назвать типомъ.

Внезапное рѣшеніе, изумившее ее самоѣ, привело ее въ поле впервые послѣ многихъ мѣсяцевъ уединенія. Долго мучила она, долго терзала свое трепещущее сердце всѣми орудіями пытки, какія только могла придумать въ своемъ одиночествѣ, но здравый смыслъ вдругъ озарилъ ее. Она почувствовала, что ей надо снова сдѣлаться полезной, надо во что бы то ни стало отвѣдать вновь сладкой независимости. Прошлое миновало на вѣки; каково бы оно ни было, оно отошло въ смутную даль. Каковы бы ни были его послѣдствія, волна времени должна покрыть ихъ; черезъ нѣсколько лѣтъ они совершенно изгладятся, а сама она заростетъ травой и будетъ забыта. А, между тѣмъ, деревья были зелены попрежнему, птицы пѣли, солнце и теперь сіяло такъ же ярко, какъ всегда. Знакомая обстановка не омрачилась изъ-за ея горя и не поблекла изъ-за ея страданія.

Она не понимала, что то, чтò такъ глубоко пригибало ее къ землѣ,—безпокойство о томъ, какъ смотрятъ люди на ея положеніе,—построено собственно на иллюзіи. Только для самой себя представляла она отдѣльное существованіе съ запасомъ житейскаго опыта и страстей, памятникъ пережитыхъ ощущеній. Для всего прочаго человѣчества Тессъ была лишь мимолетною мыслью. Даже для своихъ близкихъ она была не болѣе, какъ часто мелькавшая мысль. Еслибъ она день и ночь убивалась, то для нихъ это значило бы только: «Ахъ, она сама себя дѣлаетъ несчастной!» Если бы она пыталась быть веселой, отбросить всѣ заботы, наслаждаться солнечнымъ сіяніемъ, цвѣтами, своимъ малюткой, то имъ это

дало бы поводъ лишь къ слѣдующему заключенію: «Ахъ, ей это какъ съ гуся вода!» Еслибъ она была одна на необитаемомъ островѣ, стала ли бы она такъ сокрушаться о томъ, что случилось? Едва ли. Еслибъ представить себѣ, что она, только что созданная, сразу увидала бы себя безмужнею матерью, произведшею на свѣтъ ребенка безъ имени, но, помимо этого, ничего не извѣдавшей въ жизни, развѣ стала бы она тогда предаваться отчаянію? Нѣтъ, она отнеслась бы спокойно къ своему положенію и съумѣла бы найти въ немъ своеобразныя радости. Большая часть человѣческаго горя истекаетъ отъ условной точки зрѣнія на него, а не отъ присущихъ ему ощущеній.

Такъ или иначе, но какая-то невѣдомая сила побудила Тессъ одѣться такъ же тщательно, какъ въ былыя времена, и отправиться въ поле, гдѣ какъ разъ въ это время былъ большой спросъ на рабочія руки. Вотъ почему она держала себя съ достоинствомъ и порою спокойно глядѣла въ глаза людямъ, даже съ своимъ малюткой на рукахъ.

Жнецы поднялись со скирды, расправили члены и потушили трубки. Лошадей, которыхъ передъ тѣмъ разнуздали и накормили, теперь снова впрягли въ пурпурную машину. Тессъ, быстро окончивъ свою трапезу, поманила къ себѣ сестру, отдала ей ребенка, потомъ застегнула платье, надѣла желтыя перчатки и снова нагнулась, чтобъ выдернуть изъ послѣдняго снопа пучокъ колосьевъ и начать вязать слѣдующій.

Послѣ полудня и вечеромъ продолжалась все та же процедура и Тессъ, равно какъ и большинство рабочихъ, осталась до самыхъ сумерокъ въ полѣ. Домой они поѣхали всѣ вмѣстѣ въ большой телегѣ, сопровождаемые полнымъ, нѣсколько туманнымъ дискомъ луны, напоминавшимъ потускнѣлый вѣнчикъ изъ золотой фольги на изображеніи какого-нибудь католическаго святого. Подруги Тессъ стали пѣть пѣсни; онѣ были очень ласковы съ ней и радовались тому, что она рѣшилась снова показаться на свѣтъ Божій, хотя въ ихъ пѣсняхъ и проскальзывали коварныя намеки на дѣвушку, которая отправилась въ веселый зеленый лѣсъ, а возвратилась совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Ихъ привѣтливость заставила Тессъ еще больше отрѣшиться отъ самой себя, ихъ оживленный говоръ былъ заразителенъ и она почти развеселилась.

Но теперь, когда ея нравственныя страданія начинали постепенно затихать, новое горе, касавшееся физической стороны ея природы и не знавшее соціального закона, обрушилось на нее. Когда она возвратилась домой, то къ ужасу своему узнала, что

ея малютка внезапно занемогъ. Давно надо было ожидать чего-нибудь подобнаго, потому что ребенокъ былъ чрезвычайно хрупкаго и слабаго сложенія, но, тѣмъ не менѣе, эта вѣсть явилась для нея роковымъ ударомъ.

Дѣвушка-мать забыла о соблазнѣ, который видѣло общество въ появленіи на свѣтъ ея младенца, душа ея исполнилась страстнаго желанія продолжить этотъ соблазнъ, сохранивъ жизнь ребенка. Однакомъ, ей скоро стало ясно, что часъ освобожденія этого маленькаго узника отъ плоти долженъ былъ наступить раньше, чѣмъ подсказывали ей ея злѣйшія предчувствія. И когда она поняла это, ею овладѣло такое отчаяніе, что самая скорбь о предстоявшей утратѣ была ничтожна въ сравненіи съ нимъ. Ея дитя не было крещено.

Тессъ выработала себѣ мало-по-малу такое пассивное міросозерцаніе, что еслибъ ее осудили на сожженіе за совершенный ею проступокъ, она безропотно покорилась бы, и этимъ было бы все кончено. Какъ всѣ крестьянскія дѣвушки, она была хорошо знакома со Священнымъ Писаніемъ, прилежно изучала исторію Оголы и Оголивы *) и знала, какіе выводы приходится дѣлать изъ нея. Но когда тотъ же вопросъ возникъ по поводу ея ребенка, то онъ получилъ въ ея глазахъ совсѣмъ иную окраску. Ея сокровище умпраеть и нѣтъ ему надежды на вѣчное спасеніе!

Было уже поздно, но она стремглавъ сбѣжала внизъ и спросила, нельзя ли послать за священникомъ. Она попала въ неудачный моментъ: отецъ только что возвратился съ вечерней попойки въ трактиръ Ролливера и болѣе чѣмъ когда-либо былъ проникнутъ сознаніемъ знатности и древности своего рода, болѣе чѣмъ когда-либо негодовалъ на Тессъ, запятнавшую эту знатность. Онъ объявилъ, что не пуститъ къ себѣ на порогъ священника, не позволитъ ему мѣшаться въ ихъ дѣла какъ разъ теперь, когда, благодаря ей позору, имъ нужно особенно старательно скрывать ихъ. Онъ заперъ дверь и сунулъ ключъ въ карманъ.

Всѣ домашніе улеглись спать и вѣ себя отъ тоски Тессъ тоже ушла наверхъ. Она лежала, не смыкая глазъ, и въ срединѣ ночи убѣдилась, что ребенку сдѣлалось еще хуже. Жизнь, очевидно, угасала въ немъ: спокойно, безъ страданій, но неотвратимо шелъ онъ на встрѣчу концу.

Тессъ въ отчаяніи заметалась на постели. Часы пробили по-

*) *Iezekiel*, гл. 23. Огола и Оголива олицетворяютъ въ образѣ двухъ развратныхъ женщинъ Самарію и Іерусалимъ.

ночь; настала тотъ торжественный часъ, когда мысль выступаетъ изъ предѣловъ разсудка и зловѣщія возможности кажутся непоколебимыми, какъ факты. Тессъ представилось, что ребенокъ ея заключенъ въ самыя нижніе своды ада, обреченъ на двойную кару за то, что не получилъ крещенія и родился внѣ закона; она увидала, какъ князь демоновъ поднимаетъ его на свои рогатыя вилы, похожія на ту кочергу, какою у нихъ дома мѣшали въ печкѣ, когда пекли хлѣбы, и къ этой картинѣ прибавила много другихъ, странныхъ, причудливыхъ деталей адскихъ мукъ, о которыхъ повѣствуютъ юношеству въ этой христіанской странѣ. Это ужасное видѣніе такъ неотразимо завладѣло ея фантазіей среди безмолвія, царившаго въ уснувшемъ домикѣ, что ея рубашка сдѣлалась совсѣмъ влажною отъ испарины, а кровать дрожала отъ конвульсивныхъ ударовъ ея сердца.

Дыханіе младенца становилось все затруднительнѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возростала нравственная пытка матери. Напрасно осыпала она крохотное существо поцѣлуями; она не въ силахъ была дольше оставаться въ постели и начала безпокойно ходить по комнатѣ.

— О, милосердый Боже, сжапись, сжапись надъ моимъ бѣднымъ малюткой!—воскликнула она.— Излей весь гнѣвъ свой на меня одну, я покорно приму Твою кару, только пощади мое дитя!

Она прислонилась къ коммоду и долго шептала безсвязныя мольбы, но вдругъ встрепенулась.

— Ахъ, быть можетъ, его еще можно спасти! Быть можетъ, это будетъ одно и то же!

Она такъ радостно произнесла эти слова, что лицо ея точно засвѣтилось среди окружавшей ее тьмы.

Она зажгла свѣчку, подошла къ кроватямъ, стоявшимъ у стѣны, и разбудила сестеръ и братьевъ. Выдвинувъ на средину комнаты рукомойникъ, она налила въ тазъ воды изъ кувшина, разстала дѣтей въ кружокъ и велѣла имъ опуститься на колѣни, сложивъ руки такъ, чтобы пальцы были подняты совсѣмъ вертикально. Невольное чувство благоговѣнія охватило еще полусонныхъ дѣтей и они послушно оставались въ этой молитвенной позѣ, все шире и шире раскрывая глаза, а сестра ихъ взяла съ постели своего малютку, дитя не женщины, а ребенка, такое крохотное и тщедушное, что, казалось, въ немъ не было даже настолько индивидуальности, чтобы та, которая дала ему жизнь, имѣла право называться матерью. Тессъ, съ младенцемъ на рукахъ, выпрямилась во весь ростъ и стала возлѣ таза съ водой, а Лиза-Лу развернула передъ ней мо-

литвенникъ, подобно тому, какъ причетникъ развертываетъ его въ церкви передъ пасторомъ, и взволнованная дѣвушка приступила къ крещенію своего ребенка.

Въ бѣломъ почномъ одѣяніи, съ густою темною косою, спускавшеюся до пояса, ея фигура казалась какъ-то выше и величавѣе. Слабое пламя свѣчи скрывало тѣ небольшіе изъяны въ ея внѣшности, которые были бы замѣтны при дневномъ свѣтѣ: царапины на рукахъ, оставленные соломой, и черные круги подъ глазами. Глубокій энтузіазмъ преобразилъ ея лицо, вовлекшее ее въ погибель, и озарилъ его сіяніемъ непорочной красоты, наложивъ на него печать почти царственного величія. Дѣти, стоя на колѣняхъ и мигая заспанными, красными глазенками, слѣдили за ея дѣйствіями съ какимъ-то затаеннымъ недоумѣніемъ, которому ихъ физическое оцѣпенѣніе не позволяло пока выразиться болѣе активно.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, хочешь крестить его, Тессъ?—спросила старшая дѣвочка.

Дѣвушка-мать отвѣчала торжественнымъ «да».

— А какое имя ты дашь ему?

Она не думала раньше объ этомъ, но уже во время крестильнаго обряда ей пришло въ голову подходящее имя, и теперь она произнесла его:

— Сорро *), я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Она окропила младенца водой и въ комнатѣ водворилось молчаніе.

— Скажите «аминь», дѣти.

Дѣти своими тоненькими голосками послушно пропѣли «аминь».

Тессъ продолжала:

— Мы принимаемъ этого младенца въ лоно святой церкви и утверждаемъ на немъ знаменіе креста.

Она погрузила руку въ тазъ и съ горячею вѣрой осѣнила младенца широкимъ крестомъ, а затѣмъ стала читать установленныя воззванія къ крещаемому, чтобъ онъ мужественно ополчился противъ грѣха, міра и діавола и до конца своей жизни былъ вѣрнымъ воинемъ и служителемъ Бога. Она перешла затѣмъ къ молитвѣ Господней и дѣти стали повторять ее за ней тихимъ лепетомъ, походившимъ на комариный пискъ, но въ заключеніе они возвысили голосъ и среди царившаго кругомъ безмолвія снова пропѣли «аминь».

Тогда ихъ сестра, увѣрившись еще больше въ дѣйствительности совершеннаго таинства, начала громко и торжественно из-

*) Слово „Sorrow“ значитъ „горе“, „скорбь“.

ливать переполнившее ея сердце ликование въ положенной уставомъ благодарственной молитвѣ, и въ голосѣ ея раздались тѣ глубокіе, густые звуки, какіе слышались въ немъ всякій разъ, какъ уста ея говорили отъ избытка сердца, — звуки, которыхъ не забыть никогда тѣмъ, кто зналъ ее при жизни. Религіозный экстазъ окружилъ ее апопеезомъ, освѣтилъ ея лицо лучезарнымъ отблескомъ неземной красоты и зажегъ на щекахъ ея два огненныхъ пятна, а колеблющееся пламя свѣчки, отражаясь въ ея зрачкахъ, сверкало и искрилось, точно алмазы. Дѣти смотрѣли на сестру все съ большимъ и большимъ благоговѣніемъ и уже не пытались разспрашивать ее. Она казалась имъ въ этотъ моментъ уже не прежнею «Тесса», а величественнымъ, недосягаемымъ, грознымъ существомъ, съ которымъ ихъ не соединяли никакія родственныя узы.

Борьбѣ бѣднаго Сорро противъ грѣха, міра и діавола былъ положенъ краткій предѣлъ, быть можетъ, къ счастью для него самого, если принять въ расчетъ начало его поприща. На разсвѣтѣ этотъ хрупкій воинъ и служитель Бога испустилъ послѣдній вздохъ, и когда братья и сестры Тессъ проснулись, то залились горькими слезами и стали просить ее, чтобъ она подарила имъ другого, такого же хорошенькаго бѣби.

Спокойствіе, водворившееся въ сердцѣ Тессъ со времени совершенія церемоніи, не оставило ее и въ минуту смерти малютки. Правда, что среди бѣлаго дня ея отчаянный страхъ за спасеніе души его показался ей нѣсколько преувеличеннымъ; теперь она уже не испытывала тревоги, рассуждая такъ, что если Провидѣніе откажетъ въ своей санкціи исполненному ею обряду, то она, по крайней мѣрѣ, не станетъ сокрушаться ни за себя, ни за младенца о раѣ, котораго оба они будутъ лишены, благодаря этому уклоненію отъ церковныхъ уставовъ.

Такъ отошло въ вѣчность Горе Нежеланное, этотъ незванный пришелецъ, этотъ незаконный даръ безстыдной природы, не считающейся съ гражданскимъ закономъ, заброшенное въ міръ существо, которому непрерывный потокъ времени представлялся лишь въ видѣ отдѣльныхъ дней, который не имѣлъ понятія о годахъ и столѣтіяхъ, для котораго внутренность коттѣджа была вселенной, погода одной недѣли — климатомъ, младенчество въ колыбели — человѣческою жизнью, а инстинктъ, заставлявшій его лнуть къ материнской груди — человѣческимъ знаніемъ.

Тессъ, долго раздумывавшая о крещеніи, была озабочена мыслью, будетъ ли оно признано настолько правильнымъ, чтобъ обезпечить ея малюткѣ христіанскій погребальный обрядъ. Она могла узнать

это только отъ приходскаго пастора, а онъ былъ недавно назначенъ въ Марлоттъ и слылъ довольно недоступнымъ человѣкомъ. Дождавшись сумерокъ, Тессъ отправилась въ пасторатъ и остановилась у воротъ: у нея не хватало духу войти. Она, можетъ быть, совсѣмъ отказалась бы отъ своего предпріятія, если бы, сдѣлавъ уже нѣсколько шаговъ назадъ, не встрѣтила случайно самаго пастора, возвращавшагося домой. Ночной мракъ придалъ ей храбрости и она рѣшилась говорить откровенно.

— Мнѣ хотѣлось бы спросить васъ кое о чемъ, сэръ.

Онъ выразилъ полную готовность выслушать ее, и она рассказала ему исторію болѣзни своего ребенка и импровизированнаго ею крещенія.

— А теперь, сэръ,—прибавила она умоляющимъ тономъ,— скажите, вѣдь, для него это будетъ все то же, какъ еслибъ вы сами крестили его?

Натуральное разочарованіе, испытываемое всякимъ специалистомъ, когда какое-нибудь дѣло, на которое онъ могъ рассчитывать, ускользнуло изъ его рукъ и было неумѣло выполнено самими кліентами, побуждало пастора отвѣтить отрицательно. Однако, достоинство, съ которымъ держала себя дѣвушка, и душевный тонъ ея голоса затронули его болѣе благородныя чувства. Человѣкъ и священникъ вступили въ борьбу, и побѣда осталась на сторонѣ человѣка.

— Да, другъ мой,—сказалъ онъ,—это будетъ все то же.

— Такъ вы согласны похоронить его по-христіански? — поспѣшно спросила она.

Викарій очутился въ большомъ затрудненіи.

Услыхавъ о болѣзни ребенка, онъ счелъ долгомъ явиться позднимъ вечеромъ къ Дорбифильдамъ для совершенія таинства и, не подозрѣвая, что отказъ впустить его въ домъ исходилъ отъ отца Тессъ, а не отъ нея самой, не могъ оправдать данный случай крайнею необходимостью.

— О, это другое дѣло! — сказалъ онъ.

— Другое дѣло? Но почему же? — спросила Тессъ, начиная горячиться.

— Видите ли... Я охотно согласился бы, еслибъ это касалось только насъ двоихъ. Но я не имѣю права на это по уставу церкви.

— Отступите отъ него только на этотъ разъ, сэръ.

— Увѣряю васъ, что не могу.

— О, сэръ, будьте милосерды! — и Тессъ схватила руку священника.

Онъ отнялъ ее и покачалъ головой.

— Ну, такъ я знать васъ не хочу, — вскричала она, — и никогда больше не пойду я въ вашу церковь!

— Не говорите такъ необдуманно, Тессъ.

— Но, можетъ быть, для него будетъ все то же, если и не вы похороните его?... Скажите, для него будетъ все то же? Ради самого Бога, не говорите со мной какъ праведникъ съ грѣшницей. Пожалѣйте меня, несчастную!

Какъ примирилъ викарій свой отвѣтъ съ строгими взглядами, которыхъ онъ держался по этимъ вопросамъ, не во власти мірянина рѣшить, хотя извинить его онъ, конечно, будетъ вправѣ. Нѣсколко тронутый, священникъ сказалъ и на этотъ разъ:

— Да, это будетъ все то же.

Такимъ образомъ, младенца положили въ маленькій сосновый ящикъ, древяня старушка, спрятавъ его подъ шалью, отнесла его въ ту же ночь на кладбище, а пономарь, которому посулили шиллингъ и пинту пива, похоронилъ его при свѣтѣ фонаря въ томъ уголкѣ благословенной земли, гдѣ хоронятъ некрещеныхъ младенцевъ, завѣдомыхъ пьяницъ, самоубійцъ и всѣхъ, заранѣе обреченныхъ на вѣчную мѹку. Однако, несмотря на эту зловѣщую обстановку, Тессъ мужественно соорудила небольшой крестъ изъ двухъ дощечекъ и веревки, обвила его цвѣтами и въ одинъ темный вечеръ, когда она могла прокрасться незамѣченной на кладбище, водрузила его въ головахъ могилки, а въ ногахъ тоже поставила букетъ полевыхъ цвѣтовъ, опустивъ его въ банку съ водою, чтобъ онъ подольше не завялъ. Что за важность, что на наружной сторонѣ банки взоръ равнодушнаго наблюдателя могъ прочесть слова «Мармеладъ Кильвелля»? Они ускользали отъ взора материнской любви, погруженнаго въ созерцаніе недоступныхъ міру видѣній.

XV.

Опытъ помогаетъ намъ, — говоритъ Роджеръ Эшамъ *), — посредствомъ долгаго странствованія отыскивать братчайшій путь. Нерѣдко это долгое странствованіе дѣлаетъ насъ совершенно неспособными къ продолженію нашего поприща; на что намъ тогда добытый опытъ? Опытъ Тессъ Дорбифильдъ былъ именно этого обезсиливающаго свойства. Она узнала, наконецъ, что ей дѣлать, но кто принялъ бы ее теперь со всею ея готовностью трудиться?

*) Роджеръ Эшамъ (1515—1568)—наставникъ королевы Елизаветы и одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей англійской литературы XVI вѣка.

Еслибъ до своей встрѣчи съ д'Орбервилемъ она строго руководствовалась нравоучительными текстами и фразами, извѣстными ей и всему міру, то, навѣрное, не была бы обманута. Но не во власти Тессъ было познать всю истину золотыхъ словъ, когда имѣлась возможность пользоваться ими. Она, — равно какъ и многіе другіе, — могла бы сказать Богу вмѣстѣ съ блаженнымъ Августиномъ: «Путь, который Ты предназначалъ, лучше того, по которому Ты дозволилъ идти».

Зиму она прожила въ родительскомъ дѣмѣ, щипала куръ, откармливала индѣекъ и гусей, передѣлывала для сестеръ и братьевъ тѣ наряды, которые были подарены ей Алемомъ и которыхъ сама она ни за что не хотѣла носить. Она не допускала и мысли о томъ, чтобъ обратиться къ нему за помощью. Но часто, заломивъ руки надъ головой, она думала свою безысходную думу, между тѣмъ какъ домашніе воображали, что она безъ усталости работаетъ.

Она философски отмѣчала различные сроки, когда они возвращались при годовомъ оборотѣ, — злополучную ночь своего пребывания въ Трантриджѣ съ мрачнымъ фономъ Большой Охоты, затѣмъ дни рожденія и смерти своего малютки, а также и день своего собственного рожденія и всѣ другіе дни, ознаменованные событіями, въ которыхъ она принимала какое-либо участіе. Разъ вечеромъ, взглянувъ въ зеркало на свои прелестныя черты, она внезапно вспомнила, что есть еще одинъ день, болѣе важный для нея, чѣмъ всѣ другіе, день ея собственной смерти, когда вся красота ея исчезнетъ, — день, коварно притаившійся среди прочихъ дней въ году, не подававшій ей ни звука, ни знака, когда она ежегодно переступала черезъ него, но, тѣмъ не менѣе, неотступно ее подстерегавшій. Когда же это будетъ? Почему не ощущаетъ она, при ежегодныхъ встрѣчахъ, леденящаго лобзанія этого холоднаго друга? Какъ и Джереми Тэйлору *) ей приходила мысль, что настанетъ время, когда знавшіе ее будутъ говорить: это такое-то число, день, когда скончалась бѣдная Тессъ Дорбифильдъ, — и ничего необычайнаго не будетъ для нихъ въ этихъ словахъ. Въ какомъ мѣстѣ, въ какой недѣлѣ, въ какомъ году лежитъ этотъ день, долженствующій быть для нея переходомъ въ вѣчность, оставалось для нея непроницаемою тайной.

Такимъ образомъ, Тессъ почти незамѣтно превратилась изъ простодушной дѣвочки въ женщину съ сложнымъ характеромъ. На

*) Джереми Тэйлоръ (1613—1677)—краснорѣчивый церковный ораторъ и писатель. Лучшее изъ его сочиненій *Holy Living and Dying* („Святая жизнь и кончина“).

лицѣ ея мелькали симптомы сознательной жизни, а въ голосѣ слышались порой трагическія ноты. Глаза ея сдѣлались еще больше и выразительнѣе. Ее въ полномъ смыслѣ слова можно было назвать чуднымъ созданиемъ. Вишняя красота ея неотразимо приковывала взоры, а душа ея была такъ чиста, что даже мятежныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ прошли по ней, не запятнавъ ея.

Послѣднее время она жила такъ изолированно, что ея печальная исторія, и раньше не всѣмъ извѣстная, была почти забыта въ Марлоттѣ. Но Тессъ знала, что ей уже не найти себѣ душевнаго покоя въ томъ мѣстѣ, которое было свидѣтелемъ того, какъ рухнули планы ея семьи насчетъ «заявленія о родствѣ» богатымъ д'Орбервилемъ. По крайней мѣрѣ, она была увѣрена, что только тогда найдетъ его здѣсь, когда цѣлый рядъ годовъ успѣетъ нѣсколько изгладить въ ней жгучую память объ этомъ. Но даже и теперь Тессъ ощущала въ своемъ сердцѣ жизнерадостное трепетаніе надежды и ей думалось, что она можетъ еще быть счастливой въ какомъ-нибудь уголкѣ, чуждомъ всякихъ воспоминаній. Спаситись отъ прошлаго и отъ всего, что съ нимъ было связано, — это значило уничтожить его, а для этого ей необходимо было уйти.

Неужели поговорка: «что потеряно, того не вернешь» дѣйствительно приложима къ цѣломудрію? — спрашивала она себя. Она докажетъ, что это неправда, если только ей удастся скрыть отъ людей то, что было. Не можетъ быть, чтобъ только дѣвственной чистотѣ было отказано въ силѣ обновленія, которой преисполнена органическая природа.

Она долго ждала, не находя случая уйти изъ дому. Настала чудная весна, почти слышно было, какъ возрождающаяся жизнь волною струилась въ почвахъ. Эта волна захватила и Тессъ, и ее страстно потянуло вдаль. Наконецъ, въ началѣ мая, она получила письмо отъ стариннаго знакомаго своей матери, къ которому еще задолго до этого она обращалась съ запросомъ, хотя никогда не видала его. Этотъ мызникъ писалъ ей, что на его фермѣ нужна опытная молочница и что онъ охотно возьметъ ее къ себѣ въ услуженіе на лѣтніе мѣсяцы, если она еще не нашла себѣ мѣста.

Это было не такъ далеко, какъ ей хотѣлось бы, но все же достаточно отдаленно, такъ какъ пространство, въ которомъ она до сихъ поръ вращалась и была извѣстна, было самаго незначительнаго радіуса. Для людей, живущихъ въ ограниченныхъ сферахъ, мили равняются географическимъ градусамъ, приходы — графствамъ, графства — провинціямъ и государствамъ.

Одно она твердо рѣшила: не создавать въ мечтахъ и дѣйствіяхъ

своей новой жизни д'Орбервильскихъ воздушныхъ замковъ. Она будетъ молочница Тессъ—и только. Хотя мать и дочь не обмѣнялись ни словомъ по этому предмету, но Джоанна никогда уже не заикалась теперь передъ Тессъ о блестящей родословной.

Такова, однако, несостоятельность человѣческой природы, что одна изъ причинъ, возбудившихъ въ Тессъ Дорбифильдъ интересъ къ новой мѣстности, заключалась въ томъ, что она находилась не-подалеку отъ владѣній ея предковъ. Мыза Тальботѣйсъ, куда она отправлялась, лежала близъ одного изъ старинныхъ помѣстій д'Орбервильей, по сосѣдству съ величественными фамильными склепами ея прабабушекъ и прадедовъ. Она посмотритъ на нихъ и убѣдится, что не только д'Орбервили пали, какъ палъ Вавилонъ, но что и индивидуальная невинность ихъ смиренного отпрыска могла пасть такъ же безмолвно.

Все это время ее занимала мысль, не ждетъ ли ее какая-нибудь нечаянная радость въ странѣ ея предковъ, и что-то бодрое автоматически поднималось въ ней, какъ поднимается сокъ въ весеннихъ побѣгахъ. То была нерастраченная молодость, разливавшаяся въ ней новымъ могучимъ потокомъ послѣ временнаго застоя и приносившая съ собою надежду и непреодолимую жажду личного счастья.

ФАЗА ТРЕТЬЯ.

В о з р о ж д е н и е.

XVI.

Въ одно ароматное майское утро, когда птицы звонкимъ пѣніемъ оглашали воздухъ, два года спустя по возвращеніи Тессъ Дорбифильдъ изъ Трантриджа, — два года, полныхъ для нея безмолвной, сосредоточенной работы надъ самой собою, она вторично оставила родительскій домъ.

Уложивъ свои пожитки такъ, чтобъ ихъ можно было прислать къ ней позднѣе, она отправилась въ наемной телѣжкѣ въ Стауркасль, черезъ который лежалъ ея путь, совсѣмъ противоположный тому направленію, въ какомъ она ѣхала въ тотъ первый разъ. На склонѣ ближайшаго холма она съ сожалѣніемъ оглянулась на Марлоттъ, хотя такъ стремилась покинуть его.

Повседневная жизнь ея родныхъ, вѣроятно, потечетъ попрежнему; ихъ воспримчивость къ радости существованія едва ли уменьшится отъ сознанія того, что ихъ Тессъ далеко, и они не могутъ видѣть ея улыбки. Черезъ два-три дня дѣти съ обычною весе-

лостью примутся за свои игры и не будутъ чувствовать пробѣла, оставленнаго ею отъѣздомъ. Разставаясь съ братьями и сестрами, Тессъ считала, что уйти отъ нихъ она должна для ихъ же блага. Она думала, что, живя вмѣстѣ съ ней, они не столько извлекли бы пользы изъ ея совѣтовъ, сколько получили бы вреда отъ ея примѣра.

Она, не останавливаясь, прошла весь Стаургасль до перекрестка, гдѣ могла дожидаться вана, ходившаго на юго-западъ, ибо желѣзная дорога еще не успѣла проникнуть въ эту внутреннюю полосу графства. Но пока она дождалась, съ ней разговорился фермеръ, ѣхавшій въ рессорной телѣжкѣ приблизительно въ ту же сторону, куда и ей надо было идти; хотя онъ былъ ей совершенно незнакомъ, она приняла его предложеніе подвезти ее, не подозрѣвая, что оно было данью ея красотѣ. Фермеръ ѣхалъ въ Везербѣри, и, отправившись съ нимъ туда, Тессъ могла бы пройти пѣшкомъ остающійся путь.

Въ Везербѣри Тессъ остановилась только перекусить въ котѣджѣ, который рекомендовалъ ей фермеръ, а затѣмъ двинулась пѣшкомъ къ обширной степи, отдѣляющей этотъ округъ отъ болѣе низменныхъ луговъ той долины, гдѣ находилась мыза, бывшая цѣлью ея путешествія.

Тессъ никогда еще не случалось бывать въ этихъ мѣстахъ, а, между тѣмъ, она чувствовала себя сродни ландшафту. Нестакъ далеко, налѣво отъ себя, она различила темное пятно, и, распросивъ прохожихъ, утвердилась въ своихъ догадкахъ, что это должны быть деревья, обозначающія вѣздъ въ Кингсбирь, въ приходской церкви котораго были погребены кости ея предковъ, — ея безнолезныхъ предковъ.

Она не питала къ нимъ энтузіазма, она почти ненавидѣла ихъ за то злополучіе, въ которое они ее вовлекли; изъ всего, что имъ когда-то принадлежало, она сохранила только старинную ложку и печать.

«Я столько же дочь своей матери, сколько и отца, — говорила она, — вся красота моя ея наследство, а она, вѣдь, была простая молочница».

Переходъ по возвышенностямъ и низменностямъ Эгдона, когда она достигла ихъ, оказался гораздо утомительнѣе, чѣмъ она ожидала, рассчитывая, что пространство, занимаемое ими въ дѣйствительности, не превышаетъ пяти миль. Черезъ два часа, въ теченіе которыхъ она нѣсколько разъ путалась въ поворотахъ, Тессъ очутилась на вершинѣ горы, господствовавшей надъ долиной Большихъ Мызъ,

желанною цѣлью ея странствованія,—долиной, гдѣ молоко и масло получались еще въ большемъ изобиліи, чѣмъ въ ея родномъ краю,—зеленою долиной, такъ щедро орошаемой рѣкою Варъ.

Она существенно отличалась отъ долины Малыхъ Мызь, Блакмурской. Міръ былъ изображенъ здѣсь болѣе крупными штрихами. Выгоны насчитывали по пятидесяти акровъ, вмѣсто десяти, фермы были обширнѣе, группы скота образовали здѣсь стада, тамъ—лишь семьи. Никогда еще Тессъ не приходилось видѣть за одинъ разъ такихъ мириадъ коровъ, какія тянулись предъ нею теперь, начиная съ дальняго запада и кончая дальнимъ востокомъ. Зеленый дугъ былъ такъ же густо испещренъ ими, какъ усѣяны бюргерами полотно Ванъ-Слоота или Саллаэрта. Яркіе цвѣта рыжихъ и пестрыхъ коровъ поглощали свѣтъ заходящаго солнца, тогда какъ бѣлая масть отражалась въ глазахъ почти ослѣпительными лучами даже и на той далекой возвышенности, на которой стояла Тессъ.

Перспектива съ птичьяго полета, открывшаяся ея взорамъ, была, быть можетъ, не такъ роскошна въ своей красотѣ, какъ та, которой она привыкла любоваться, но за то она больше веселила душу. Въ ней не было сгущенно-синей атмосферы ея родной долины, не было ея тучной почвы и приныхъ испареній; воздухъ здѣсь былъ прозрачный, эфирный, живительный. Даже рѣка, питавшая траву и скоть этихъ знаменитыхъ мызь, текла не такъ, какъ ручьи Блакмура. Тѣ струились медленно, безмолвно, ихъ воды нерѣдко мутились, пробѣгая по илистымъ русламъ, въ которыхъ тотъ, кто сталъ бы неосторожно переходить ихъ въ бродъ, легко могъ бы завязнуть и безвозвратно исчезнуть. Воды Вара были такъ же чисты, какъ свѣтлая Рѣка Жизни, показанная ангеломъ евангелисту, быстры, какъ тѣнь облака, съ кремнистыми порогами, которые цѣлый Божій день вели бесѣду съ небомъ. Тамъ водянымъ цвѣткомъ была лилія, здѣсь—ранункулъ.

Благодаря ли перемиѣнѣ воздуха или сознанію, что она попала въ новую обстановку, гдѣ не было устремленныхъ на нее непріязненныхъ взоровъ, Тессъ почувствовала, что какая-то волшебная сила внезапно открыла ее. Ея надежды слились вмѣстѣ съ солнечнымъ свѣтомъ въ идеальную фотосферу, которая все больше и больше окружала ее, по мѣрѣ того, какъ она шла легкою поступью на встрѣчу мягкому южному вѣтру. Въ каждой струйкѣ его ей слышался сочувственный голосъ, и въ каждомъ звукѣ птичьихъ пѣсенъ ей чудилась радостная вѣсть.

За послѣднее время ея красота мѣнялась соотвѣтственно ея настроенію: то разцвѣтала, то меркла, смотря по тому, какого свой-

ства были ея мысли, веселаго или серьезнаго. Одинъ день она бывала розовая и безукоризненно прекрасная, другой—блѣдная и трагичная. Когда она бывала розовая, это значило, что душа ея находится во власти не столь глубокихъ чувствъ, какъ когда она бывала блѣдная; ея болѣе совершенная красота совпадала съ менѣе возвышеннымъ состояніемъ духа, болѣе возвышенное состояніе духа—съ менѣе совершенною красотой. Теперь, когда она подставляла лицо ласковому дуновенію южнаго вѣтра, оно сіяло самою безукоризненною въ физическомъ смыслѣ прелестью.

Неотразимое, универсальное, автоматическое стремленіе къ счастью,—стремленіе, которымъ проникнута вся природа отъ низшихъ и до высшихъ существъ, наконецъ, всецѣло завладѣло ею. Вѣдь, она была еще такъ молода, ея умъ и чувства не успѣли вполне сложиться. Могло ли какое бы то ни было событіе оставить въ душѣ ея слѣдъ, который не допускалъ бы хоть временнаго забвенія?

И такимъ образомъ, жизненная энергія, благодарность и надежда все выше и выше поднимались въ ней. Она попыталась спѣть сперва одну, потомъ другую пѣсню, но ни одна изъ нихъ не отвѣчала ея настроенію. Наконецъ, вспомнивъ о псалтырѣ, по которому такъ часто скользили глаза ея въ воскресную службу, когда она еще не вкусила отъ древа познанія, она запѣла: «Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, всѣ звѣзды свѣта... горы и всѣ холмы, деревья плодоносныя... птицы крылатыя... звѣри и всякій скотъ... цари земные и всѣ народы да хвалятъ имя Господа... Слава Его на землѣ и на небесахъ».

Она вдругъ остановилась и прошептала: «Но, можетъ быть, я и теперь еще не знаю Господа, какъ должно».

И, по всей вѣроятности, ея полубезсознательное славословіе было пантеистическимъ изліяніемъ въ монотеистическомъ фальцетѣ. Женщины, жизнь которыхъ проходитъ преимущественно среди образовъ и силъ внѣшней природы, хранятъ въ душѣ несравненно болшую долю языческой фантазіи своихъ отдаленныхъ предковъ, нежели приведенной въ систему религіи, усвоенной ихъ родомъ въ позднѣйшія времена. Тѣмъ не менѣе, Тессъ нашла хоть сколько-нибудь соотвѣтствующее выраженіе для своихъ чувствъ въ старинномъ «хвалите», которое она привыкла лепетать съ младенческихъ лѣтъ, и этого было достаточно. Высокое удовлетвореніе, наполнявшее ее при мысли о столь элементарномъ начинаніи, какъ этотъ первый шагъ въ независимости, объяснялось ея дорбифильдскимъ темпераментомъ. Тессъ искренно жела

ла идти по прямой стезѣ, тогда какъ отецъ ея вовсе не думалъ объ этомъ, но она походила на него способностью довольствоваться непосредственными, незначительными успѣхами и отсутствіемъ стремленія къ тяжелымъ усиліямъ, цѣною которыхъ только и могло достаться столь жестоко испытанной судьбой семьѣ, какъ нѣкогда могущественные д'Орбервилли, ничтожное повышеніе на общественной лѣстницѣ.

Само собою разумѣется, что ее поддерживала почти не растроченная энергія семьи ея матери и природная энергія ея молодости, возгорѣвшаяся съ новою силой послѣ горькаго опыта, такъ придавившаго ее на время. Отчего не сказать правду? Женщины сплошь и рядомъ способны переживать подобныя униженія, и, воспрянувъ духомъ, сызнова проникаются интересомъ къ тому, что ихъ окружаетъ. Пока есть жизнь, есть и надежда, — это убѣжденіе не до такой степени чуждо «обманутымъ», какъ хотѣли бы увѣрить насъ нѣкоторые любезные теоретики.

И такъ, Тессъ Дорбифильдъ съ бодрымъ духомъ и съ жаждой жизни въ сердцѣ спускалась все ниже и ниже по склонамъ Эгдона.

Теперь стало обнаруживаться рѣзкое различіе между двумя долинами-соперницами. Секретъ Блэкмура всего яснѣе открывался съ окружавшихъ его высотъ, но, чтобы проникнуть въ тайну долины Большихъ Мызъ, надо было спуститься въ самую ея середину. Когда Тессъ совершила этотъ подвигъ, то очутилась на устланной дерномъ низменности, тянувшейся, насколько глазъ могъ охватить пространство, отъ восточнаго и до западнаго края горизонта.

Рѣка похитила съ болѣе возвышенныхъ мѣстностей и снесла по частямъ въ долину весь этотъ горизонтальный слой земли и теперь, истощенная, обмелѣвшая, тихо извивалась среди награбленной когда-то добычи.

Не совсѣмъ увѣренная насчетъ того, какой стороны ей держаться, Тессъ остановилась на обширной зеленой плоскости, точно муха на необозримомъ билліардѣ, и столь же неинтересная для окружающей обстановки, какъ та же муха. Ея появленіе среди мирной долины произвело впечатлѣніе только на одинокую цаплю, которая, спустившись на землю, недалеко отъ тропинки, стояла теперь, вытянувъ шею, и смотрѣла на Тессъ.

Вдругъ со всѣхъ сторонъ низменности поднялся протяжный зовъ, повторившійся нѣсколько разъ:

— Уау! Уау! Уау!

Съ самаго дальняго восточнаго края и до самаго дальняго западнаго раздавались эти крики, сопровождаемые по временамъ ла-

емъ собаки. Это было не привѣтствіе долины по адресу прекрасной Тессъ, а просто-на-просто обычное возвѣщеніе, что настало время доить коровъ—половина пятого, когда мызники начинаютъ ихъ загонять.

Рыжія и бѣлыя коровы, находившіяся впереди и флегматически ожидавшія сигнала, столпились теперь и двинулись всѣ вмѣстѣ къ постройкамъ на заднемъ планѣ. Тессъ медленно послѣдовала за ними и вошла въ открытыя ворота, черезъ которыя прошли и онѣ. Вокругъ загона тянулись длинные, крытые соломой навѣсы, ихъ скаты густо заросли ярко-зеленымъ мохомъ, а застрѣхи опирались на деревянные столбы. Между этими столбами были выстроены въ рядъ дойныя коровы. Солнце, опускаясь надъ этою терпѣливою толпой, бросало свои тѣни какъ разъ на внутреннюю стѣну загона. Такъ бросало оно ихъ каждый вечеръ на эти смиренныя фигуры, выдѣляя каждый контуръ съ такимъ же тщаніемъ, какъ еслибъ это были черты какой-нибудь придворной красавицы на стѣнахъ дворца, и срисовывая ихъ такъ же прилежно, какъ оно срисовывало въ былыя времена изображенія олимпійцевъ на мраморныхъ фасадахъ или профили Александра, Цезаря и Фараоновъ.

Въ стойлахъ помѣщались наименѣе спокойныя коровы, а смиренныхъ доили обыкновенно посреди двора, гдѣ теперь онѣ и ожидали своей очереди,—все самыя отборныя дойныя коровы, какихъ рѣдко можно было встрѣтить за предѣлами долины, да и въ ней самой-то не всегда, вскормленныя сочными весенними травами поемныхъ луговъ.

XVII.

Молочницы и работники собрались въ загонъ изъ своихъ котѣджей и изъ мызы одновременно съ возвращеніемъ коровъ съ пастбищъ, причемъ молочницы были въ высокихъ калошахъ не по случаю сырой погоды, а для того, чтобъ не запачкать башмаковъ о навозъ. Дѣвушки помѣстились на свои табуреты о трехъ ножкахъ, повернувъ лицо въ сторону и опершись правою щекой о корову, и устремили задумчивый взглядъ на Тессъ, когда она показалась у входа. Работники, въ шляпахъ, надвинутыхъ на лобъ, смотрѣли внизъ и не замѣтили ея.

Одинъ изъ нихъ, дюшій мужчина среднихъ лѣтъ, длинная бѣлая блуза котораго была тоньше и чище, чѣмъ у другихъ, а буртка подъ ней, очевидно, была куплена въ городѣ, оказался самымъ хозяиномъ мызы. Его двойная роль рабочаго - доильщика и маслобой-

щига—шесть дней въ недѣлю, а на седьмой почтеннаго прихожанина въ новой блестящей суконной парѣ, возсѣдавшаго въ церкви на фамильной скамьѣ, была такъ характеристична, что подала поводъ къ слѣдующимъ виршамъ:

«Онъ въ будни просто мызникъ Дикъ,
За то ужъ въ праздникъ мистеръ Крикъ».

Увидавъ Тессъ, которая остановилась на порогѣ, онъ всталъ и пошелъ къ ней на встрѣчу.

Мызники бываютъ по большей части не въ духѣ въ часъ доенья, но случилось такъ, что мистеръ Крикъ былъ радъ новой работницѣ, такъ какъ наступила горячая пора въ его хозяйствѣ, и поэтому обошелся съ дѣвушкой привѣтливо, освѣдомился о здоровьѣ ея матери и остальныхъ членовъ семьи, хотя сдѣлалъ это скорѣе изъ вѣжливости, потому что въ дѣйствительности онъ совершенно забылъ о существованіи м-съ Дорбифильдъ, пока письмо ея дочери не заставило его вспомнить объ этомъ фактѣ.

— Какъ же, какъ же! Я отлично зналъ вашу матушку, — сказалъ онъ въ заключеніе. — И о свадьбѣ ея я слышалъ. Тутъ у насъ по сосѣдству жила девятидесятилетняя старушка, — теперь она уже давнымъ-давно умерла, — такъ вотъ она говорила мнѣ, что семья, въ которую ваша мать была выдана въ Блэкмурѣ, переселилась туда изъ нашихъ краевъ и принадлежала къ древнему знатному роду, который почти совсѣмъ исчезъ съ лица земли, хотя новыя поколѣнія объ этомъ и не слыхали. Но, Богъ мой, я то ужъ, конечно, не обращалъ вниманія на рассказы старухи.

— Да, это все пустое болтали, — сказала Тессъ.

Затѣмъ разговоръ принялъ исключительно дѣловой характеръ.

— Вѣдь, вы аккуратно будете доить ихъ, голубушка? Мнѣ очень-то пріятно было бы, если бы у нихъ въ эту пору года пропало молоко.

Она успокоила его на этотъ счетъ, и онъ внимательно оглядѣлъ ее. Тессъ съ самой осени почти не выходила изъ дому, и цвѣтъ лица сдѣлался у нея вслѣдствіе этого нѣжнымъ, какъ у барышни.

— А увѣрены ли вы, что выдержите нашу работу? Людямъ простымъ у насъ жить не плохо, но, вѣдь, мы, все-таки, не въ парникахъ живемъ.

Она объявила, что выдержать, и ея усердіе и рвеніе, казалось, завоевали его симпатію.

— Ну, я думаю, вы теперь не прочь выпить чашку чаю или перехватить чего-нибудь, а? Нѣтъ, не хотите? Ну, какъ знаете.

Только, еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, у меня совсѣмъ бы пересохло въ горлѣ отъ такого длиннаго пути.

— Я сейчасъ же примусь доить, мнѣ хочется скорѣй наладить,—сказала Тессъ.

Она хлебнула молока, чтобъ немножко освѣжиться, чѣмъ возбуждала удивленіе и даже легкое негодованіе въ мызингѣ Крикѣ, который, очевидно, не допускалъ и мысли, что молоко можетъ быть пріятнымъ напиткомъ.

— Что-жь, коли оно вамъ не противно, пейте сколько душѣ угодно,—спнисходительно сказалъ онъ, поддерживая подойникъ, изъ котораго она пила.—У меня его вотъ ужъ сколько лѣтъ ни капли во рту не было. Мнѣ эта дрянь точно свинецъ на желудокъ ложится. Начните-ка вотъ съ этой,—прибавилъ онъ, указывая на ближайшую корову.—Положимъ, она довольно-таки упрямая. У насъ, какъ и у всѣхъ, есть упрямые и смиренные. Ну, да вы скоро ихъ разберете.

Богда Тессъ перемѣнила шляпу на чепчикъ, усѣлась на табуретку возлѣ коровы, и молоко стало брызгами стекать изъ-подъ ея рукъ въ подойникъ, ей показалось, что она дѣйствительно заложила новый фундаментъ своему будущему. Это убѣжденіе привело ее въ ясное состояніе духа, пульсъ ея сталъ биться ровнѣе, и она рѣшилась немножко оглядѣться вокругъ себя.

Доильщики образовали цѣлый батальонъ мужчинъ и женщинъ; первые работали надъ упрямыми коровами, вторыя—надъ болѣе добродушными. Мыза была изъ самыхъ обширныхъ. Всего-на-всего въ хозяйствѣ Крика находилось сто слишкомъ дойныхъ коровъ, и шестерыхъ или восьмерыхъ, самыхъ упрямыхъ, хозяинъ доилъ собственноручно, если только не былъ въ отъѣздѣ.

Послѣ того, какъ Тессъ устроилась возлѣ своей коровы, разговоры въ загонѣ смолкли на время; никакіе посторонніе звуки не нарушали журчанія, съ которымъ молочныя струйки устремлялись въ подойники, кромѣ случайныхъ окликовъ, обращенныхъ къ той или другой коровѣ, съ тѣмъ, чтобъ заставить ее повернуться или стоять смирно. И жестовъ нельзя было никакихъ замѣтить, только руки доильщиковъ мѣрно поднимались и опускались, да коровы помахивали хвостами. Такъ продолжали работать эти люди, замгнутые среди широкаго, плоскаго луга, разстилавашагося по обоимъ склонамъ долины, ровнаго ландшафта, сложившагося изъ старинныхъ, давно позабытыхъ ландшафтовъ, безъ сомнѣнія, весьма не похожихъ по свосму характеру на тотъ, который они представляли теперь.

— Сдается мнѣ, — заговорилъ мызникъ, быстро вставъ изъ-подъ коровы, которую онъ только что выдоилъ, и направляясь съ трехногою табуреткой въ одной рукѣ и съ подойникомъ въ другой къ слѣдующей упрямицѣ, — сдается мнѣ, что сегодня онѣ дають меньше молока, чѣмъ все это время. Честное слово, если Моргунья начнетъ такъ капризничать, то къ серединѣ лѣта ее хоть не дон.

— Это оттого, что у насъ новая работница, — сказала Джонатанъ Бэль. — Мнѣ и раньше случалось примѣчать это.

— Правда. Можетъ быть, это и есть причина. Я объ этомъ не подумалъ.

— Я слыхала, что тогда молоко бросается у нихъ въ рога, — промолвила одна изъ молочницъ.

— Ну, что до этого, — съ сомнѣніемъ возразилъ мызникъ Брикъ, какъ будто признавая, что даже колдовству положены извѣстные предѣлы законами анатоміи, — я не берусь утверждать, что оно бросается у нихъ въ рога, рѣшительно не берусь. Но такъ какъ безрогія коровы точно такъ же удерживаютъ молоко, какъ и рогатыя, то я не совѣмъ согласенъ съ этимъ. А знаешь ли ты, Джонатанъ, загадку насчетъ безрогихъ коровъ? Отчего безрогія коровы дають въ годъ меньше молока, чѣмъ рогатыя?

— Вотъ ужъ не знаю, — вмѣшалась молочница. — Отчего же?

— Оттого, что ихъ меньше, чѣмъ рогатыхъ, — сказалъ мызникъ. — А сколько ни говори, эти проказницы нынче положительно удерживаютъ молоко. Вотъ что, други, надо намъ затянуть пѣсенку, только этимъ и можно горю помочь.

На мызахъ въ этихъ краяхъ часто прибѣгаютъ къ пѣснямъ, какъ къ своего рода заклинанію, когда коровы удерживаютъ обычную дань, и вслѣдъ за предложеніемъ Брика въ загонъ раздался хоръ доильщиковъ. Правда, пѣли они совершенно дѣловымъ тономъ и безъ особеннаго воодушевленія, такъ какъ, по ихъ твердому убѣжденію, пѣсня должна была уже сама по себѣ оказать желаемое дѣйствіе. Когда они пронѣли длинную зловѣщую балладу объ убійцѣ, который боялся спать въ темнотѣ, потому что ему мерещилось адское пламя, одинъ изъ мужчинъ сказалъ:

— Очень ужъ духъ захватываетъ, когда поешь нагнувшись.

— Вамъ бы взять вашу арфу, сэръ, хотя, положимъ, скрипка не въ примѣръ лучше.

Тессъ, слышавшая эти слова, подумала, что они были обращены къ хозяину, но она ошиблась. Изъ-за спины одной изъ бурыхъ коровъ въ стойлахъ глухо раздалось въ отвѣтъ: «Почему такое?» Это сказалъ одинъ доильщикъ, котораго она только теперь замѣтила.

— Что и говорить! Лучше скрипки ничего быть не можетъ, — подхватилъ мызникъ. — Мнѣ только думается, что быки чувствительнѣе къ музыкѣ, чѣмъ коровы; такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, замѣчать приходилось. Тутъ у насъ по близости, въ Мелльстокѣ, жилъ старикъ, звали его Вильямъ Дьюи. Онъ еще былъ изъ той семьи, что промышляла подвозомъ рыбы въ нашей сторонѣ, — помнишь, Джонатанъ? Я этого человѣка зналъ въ лицо, какъ родного брата, можно сказать. Ну, такъ вотъ, разъ въ свѣтлую лунную ночь, онъ возвращался домой со свадьбы, гдѣ игралъ на скрипкѣ, и, чтобы сократить путь, вздумалъ перерѣзать лежавшее по дорогѣ поле, на которомъ въ это самое время пасся быкъ. Быкъ завидѣлъ Вильяма и погнался за нимъ, опустивъ рога. Вильямъ опрометью бросился отъ него, и хоть онъ выпилъ самую малость, если принять въ расчетъ, что онъ пировалъ на свадьбѣ, и у людей зажиточныхъ, но все-жъ онъ чувствовалъ, что у него не хватитъ силъ добѣжать до загородки и перелѣзть черезъ нее, чтобы спастись. Вотъ страхъ и внушилъ ему счастливую мысль: вытащилъ онъ на бѣгу свою скрипку и давай играть жигу, обернувшись лицомъ къ быку. Быкъ присмирѣлъ, остановился и сталъ смотрѣть въ упоръ на Вильяма, а тотъ играетъ себѣ да играетъ, и видитъ, наконецъ, что на мордѣ быка мелькнуло что-то вродѣ улыбки. Но какъ только Вильямъ пересталъ играть и повернулся, чтобы перескочить черезъ заборъ, и быкъ пересталъ улыбаться и уставился въ Вильяма рогами. Что тутъ подѣлаешь? Волей-неволей ему пришлось обернуться и опять заиграть, а было только три часа ночи, и онъ зналъ, что еще долго никто не пройдетъ этою дорогою, и такъ онъ, бѣдняга, измучился, и такого страха натерпѣлся, что не дай Господи. Такъ и пропиливалъ онъ часовъ до четырехъ, совсѣмъ изъ силъ выбился и говорить самъ себѣ: «Теперь между мной и вѣчнымъ спасеніемъ всего лишь одна пѣсня осталась. Если Богъ не придетъ мнѣ на помощь, то мнѣ ужъ не сдобровать». И вдругъ онъ вспомнилъ, какъ на его глазахъ въ канунъ Рождества, въ самую полночь, скотина становилась на колѣни. Хоть тогда было и не Рождество, но ему пришло въ голову одурaczyć быка. Онъ и заигралъ рождественскую пѣсню, и что-жъ бы вы думали? Быкъ спроста и опустился на колѣни, точь-въ-точь, какъ въ канунъ Рождества. Какъ только Вильямъ увидалъ, что его рогатый пріятель лежитъ на землѣ, онъ пустился бѣжать отъ него, какъ такса, и прѣблагополучно перескочилъ черезъ заборъ, прежде еще чѣмъ молящійся быкъ успѣлъ подняться на ноги и погнаться за нимъ. Вильямъ говаривалъ, что частенько видалъ, какъ люди строятъ глупыя рожи, но никогда еще не види-

валъ такой глупой рожи, какую сооронилъ этотъ быкъ, когда понималъ, что надъ его благочестивыми чувствами подшутили и что о рождественской ночи и помину нѣтъ... Да, Вильямъ Дьюи, такъ его звали, и я могу досконально сказать, гдѣ его похоронили на Мелльстокскомъ кладбищѣ, какъ разъ между вторымъ тисомъ и сѣвернымъ крыломъ церкви.

— Любопытная исторія! Она переноситъ воображеніе въ средніе вѣка, когда вѣра еще жила среди людей.

Это замѣчаніе, довольно странно прозвучавшее среди данной обстановки, было невнятно сдѣлано доильщикомъ, скрывавшимся за бурю коровой.

Разскащикъ заподозрилъ въ немъ недоувѣріе къ его повѣствованію.

— Хотите—вѣрьте, сэръ, хотите—нѣтъ, а только это сущая правда. Я отлично зналъ Вильяма Дьюи.

— О, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ!—отвѣтилъ все тотъ же голосъ изъ-за бурой коровы.

Такимъ образомъ Тессъ невольно обратила вниманіе на себя сѣдника хозяина, котораго она, однако, не могла разглядѣть, такъ какъ онъ совсѣмъ уткнулся головой въ бокъ коровы. Ее удивило, что даже самъ мызникъ называетъ его «сэръ», но объяснить это себѣ она не могла: онъ такъ долго оставался за коровой, что другой за это время успѣлъ бы выдонтить цѣлую тройку, и порой бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, какъ бы досадуя на то, что работа у него не спорится.

— Помягче, сэръ, помягче,—сказалъ мызникъ,—тутъ дѣло не въ силѣ, а въ споровкѣ.

— Я тоже нахожу это;—сказалъ тотъ, поднявшись, наконецъ, и вытягивая руки.— Но, какъ бы то ни было, я, кажется, покончилъ съ ней, хотя у меня всѣ пальцы разболѣлись.

Теперь Тессъ получила возможность рассмотреть его съ головы до ногъ. Онъ былъ въ обыкновенной бѣлой блузѣ и кожаныхъ панталонахъ, которыя надѣваютъ мызники, собираясь доить коровъ; его сапоги были запачканы навозомъ, но этимъ и ограничивался весь его мѣстный колоритъ. За этимъ скрывалось что-то благовоспитанное, сдержанное, утонченное, меланхолическое,—что-то, дѣлавшее его непохожимъ на другихъ.

Но подробности его внѣшности ступевались на время для Тессъ передъ нежданнѣмъ открытіемъ: черты этого человѣка оказались ей знакомы. Тяжелыя событія, пережитыя ею за послѣдніе годы, заслонили на минуту въ ея памяти тотъ день, когда она его видѣ-

ла, но вдругъ словно молнія озарила ее, и ей вспомнился прохожій, принявшій участіе въ танцахъ на клубномъ праздникѣ въ Марлоттѣ. Да, это былъ тотъ самый незнакомецъ, явившійся неизвѣстно откуда, танцовавшій съ другими, но только не съ нею, презрительно прошедшій мимо нея и затѣмъ отправившійся дальше со своими друзьями.

Волна воспоминаній, нахлынувшая на нее, вызвала въ ней минутную тревогу, какъ бы молодой человекъ, узнавъ ее въ свою очередь, не открылъ такъ или иначе ея грустной исторіи. Но страхъ ея исчезъ, когда она убѣдилась, что при видѣ ея въ немъ не проснулось ни малѣйшаго отголоска прошлаго. Мало-по-малу она замѣтила, что со времени ихъ первой и единственной встрѣчи его взглядъ сдѣлался болѣе вдумчивымъ, а лицо украсилось изящными усами и бородкой самага нѣжнаго соломеннаго цвѣта, постепенно переходившаго въ густой каштановый оттѣнокъ. Подъ полотняною блузой на немъ была темная плисовая куртка, бѣлая крахмальная рубашка и штиблеты. Еслибъ не костюмъ доильщика, никто не догадался бы, кто онъ такой. Съ одинаковою вѣроятностью его можно было принять за эксцентрическаго землевладѣльца и за образованнаго поселянина съ замашками джентльмена. Что онъ новичокъ въ молочномъ хозяйствѣ, это Тессъ поняла сразу, увидѣвъ, сколько времени онъ провозился съ одною коровой.

Между тѣмъ, многія изъ молочницъ, посматривая на новую товарку, говорили другъ другу: «Какая она хорошенькая!» И въ ихъ словахъ была доля неподдѣльнаго великодушія и восхищенія, хотя чувствовалась и слабая надежда, что слышавшіе ихъ опровергнуть этотъ отзывъ, что было бы, строго говоря, вполне справедливо, такъ какъ слово «хорошенькая» далеко не точно опредѣляло ту прелесть, которая поражала взоры въ Тессъ. Бончивъ донтъ коровъ, всѣ направились къ мызѣ, гдѣ м-съ Крикъ, супруга мызника, слишкомъ респектабельная для того, чтобы принимать участіе въ этой работѣ и носившая лѣтомъ толстыя шерстяныя платья только потому, что молочницы носили ситцевыя, присматривала за скопами и за домашнимъ обиходомъ.

Только двѣ или три работницы спали на фермѣ; прочіе расходились вечеромъ по своимъ домамъ. За ужиномъ Тессъ не видала страннаго доильщика, подвергшаго критикѣ рассказъ хозяина, и не имѣла времени разспросить о немъ товарокъ, такъ какъ остальную часть вечера занялась устройствомъ своего уголка въ общей спальнѣ. Это была большая комната надъ самою молочной, футовъ тридцать длины; тутъ же стояли кровати трехъ другихъ работ-

ницъ, жившихъ въ домѣ. Всѣ онѣ были цвѣтуція молодыя дѣвушки и, за исключеніемъ одной, всѣ были старше Тессъ. Къ вечеру она почувствовала такое утомленіе, что какъ легла, такъ и заснула.

Но ближайшая сосѣдка Тессъ долго не могла уснуть и настойчиво продолжала передавать ей различныя подробности изъ строя здѣшной жизни. Ея шепотомъ произносимыя рѣчи сливались съ ночными тѣнями, и въ отуманенномъ мозгу Тессъ складывалось представленіе, будто онѣ порождаются мракомъ, среди котораго разлетались.

— Мистеръ Энджель Клэръ, тотъ, что учится доить и играетъ на арфѣ, рѣдко разговариваетъ съ нами. Онъ пасторскій сынъ и слишкомъ занятъ своими мыслями, чтобъ обращать вниманіе на дѣвушекъ. Онъ ученикъ хозяина, изучаетъ сельское хозяйство и хочетъ стать фермеромъ. Сперва онъ учился овцеводству на другой фермѣ, а теперь учится молочному хозяйству... Да, онъ настоящій джентльменъ. Его отецъ—преподобный мистеръ Клэръ въ Эмминстерѣ, за много миль отсюда.

— Ахъ, я слыхала о немъ,—сказала Тессъ, очнувшись отъ сна.—Вѣдь онъ, кажется, очень строгій священникъ.

— Да, да, самый строгій во всемъ Уэссексѣ, какъ говорятъ. Миѣ сказывали, что по всей округѣ только онъ одинъ остался въ-рени Низкой церкви, всѣ другіе принадлежать къ той, что называется Высокой. И всѣ его сыновья, кромѣ нашего мистера Клэра, тоже пошли въ священники.

Тессъ на этотъ разъ не полюбопытствовала узнать, почему здѣшній мистеръ Клэръ не попалъ въ пасторы, какъ его братья. Мало-по-малу она снова погрузилась въ сонъ, и шепотъ разсказчицы сталъ смутно доноситься до нея вмѣстѣ съ запахомъ сыровъ изъ смежной кладовой и мѣрнымъ капаньемъ сыворотки изъ-подъ пресса внизу.

XVIII.

Энджель Клэръ встаетъ изъ прошлаго не совсѣмъ отчетливою фигурой, но съ критическими нотами въ голосѣ, съ долгимъ, пристальнымъ и пытливымъ взглядомъ, съ измѣнчивыми линиями рта, пожалуй, слишкомъ маленькаго и черезъ-чуръ тонко очерченнаго для мужчины, хотя по временамъ нижняя губа принимаетъ такой твердый изгибъ, что исключаетъ всякое предположеніе о перѣшительности.

Тѣмъ не менѣе, что-то туманное, мечтательное, неустановившееся въ его осанкѣ и взорѣ заставляло видѣть въ немъ человѣка, не имѣвшаго вполнѣ опредѣленныхъ цѣлей и плановъ относительно своего матеріальнаго будущаго.

Онъ былъ младшимъ сыномъ бѣднаго пастора на другомъ концѣ графства и, перебивавъ уже на нѣсколькихъ фермахъ, пріѣхалъ на мызу Тальботѣйсъ съ намѣреніемъ провести здѣсь полгода въ качествѣ ученика, такъ какъ хотѣлъ приобрести практической навѣкъ въ различныхъ отрасляхъ фермерскаго дѣла, съ тѣмъ, чтобъ отправиться потомъ въ колоніи или арендовать ферму въ Англіи, смотря по обстоятельствамъ.

Вступленіе молодого человѣка въ ряды агрономовъ и скотоводовъ было и для него самого, и для его близкихъ совершенно неожиданнымъ поворотомъ въ его карьерѣ.

Мистеръ Клэръ старшій, первая жена котораго умерла, оставивъ ему дочь, женился вторично уже въ немолодыхъ годахъ. Отъ второго брака у него было три сына и изъ нихъ только одинъ Энджелъ, утѣха его старости, не получилъ академическаго образованія, хотя съ самыхъ раннихъ лѣтъ подавалъ такія блестящія надежды, что, казалось, долженъ былъ бы сдѣлаться украшеніемъ любого университета.

Года за три до появленія Энджеля на клубномъ праздникѣ въ Марлоттѣ, когда онъ уже вышелъ изъ школы и подготавливался дома къ Кембриджу, въ пасторатѣ была получена посылка отъ мѣстнаго книгопродавца, адресованная на имя преподобнаго Джемса Клэра. Когда викарій вскрылъ ее и въ ней оказалась книга, онъ прочелъ нѣсколько страницъ, а затѣмъ вскочилъ съ мѣста и, сунувъ книгу подъ мышку, устремился прямо въ магазинъ.

— Что это вамъ вздумалось прислать мнѣ эту книгу?— спросилъ онъ рѣзкимъ тономъ.

— Она выписана на ваше имя, сэръ.

— Только не мной и не моими домашними. Я счастливъ, что могу заявить это.

Содержатель магазина справился съ книгой заказовъ.

— Ахъ, это ошибка въ адресѣ! Книгу выписалъ мистеръ Энджелъ Клэръ; ему и надо было послать ее.

Мистеръ Клэръ застоналъ, точно ему нанесли ударъ. Онъ возвратился домой, блѣдный, растерянный, и позвалъ Энджеля въ зной кабинетъ.

— Взгляни-ка на эту книгу, мой мальчикъ,— сказалъ онъ.— Что тебѣ известно о ней?

— Я ее выписалъ, — просто отвѣтилъ Энджель.

— Для чего?

— Чтобъ прочитатъ ее.

— Какъ можешь ты только думать объ этомъ?

— Какъ могу я думать? Да, вѣдь, это система философіи. Трудно найти болѣе нравственное и даже болѣе религіозное сочиненіе.

— Нравственное, положимъ, я этого не отрицаю. Но религіозное!... И кто же говоритъ это? Ты, будущій служитель алтаря!

— Разъ ты ужъ поднялъ этотъ вопросъ, отецъ, — началъ сынъ съ тревожною думой на лицѣ, — то я долженъ сказать тебѣ, что не пойду въ священники. Я люблю церковь и всегда буду горячо любить ее. Нѣтъ въ мірѣ учрежденія, къ исторіи котораго я питалъ бы болѣе глубокое удивленіе; но совѣсть не позволяетъ мнѣ сдѣлаться ея служителемъ: я не могу подчиниться гнету преданія, которымъ она сковываетъ умы.

Прямолинейный и простодушный викарій никогда не допускалъ и мысли, что его собственная плоть и кровь можетъ придти къ такимъ взглядамъ. Онъ былъ пораженъ, возмущенъ, ошеломленъ. А если Энджель не хочетъ быть священникомъ, къ чему же тогда посылать его въ Кембридж? Университетъ, какъ ступень къ чему-либо другому, помимо посвященія въ духовный санъ, представлялся ему предисловіемъ безъ книги. Онъ былъ не только религіозный, но искренно набожный, твердо вѣрующій человѣкъ, въ старинномъ, восторженномъ духѣ евангелической школы. Онъ попытался подействовать на сына доводами, увѣщаніями, просьбами.

— Нѣтъ, отецъ, я не могу быть пасторомъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, — сказалъ Энджель. — Всѣ мои стремленія въ вопросахъ религіи направлены къ пересозданію, къ «измѣненію колеблемаго, какъ сотвореннаго, чтобы пребыло непоколебимое», какъ гласитъ твое любимое «Посланіе къ евреямъ».

Отецъ такъ огорчился, что Энджелю было больно смотрѣть на него.

— Зачѣмъ же мы съ твоею матерью во всемъ себѣ отказываемъ и копишь деньги, чтобы дать тебѣ университетское образованіе, если ты не хочешь употребить его въ честь и славу Божію? — твердилъ пасторъ.

— Но отчего же не употребить его въ честь и славу человѣка, отецъ?

Еслибъ юноша продолжалъ настаивать, ему, можетъ быть, и удалось бы поступить въ Кембридж, наравнѣ съ братьями. Но взглядъ викарія на этотъ разсадникъ знанія, какъ на переходную

ступень къ духовному сану, былъ у него фамиліною традиціей, глубоко укоренившееся въ его умъ. Энджелю казалось, что дальнѣйшія попытки съ его стороны поколебать этотъ взглядъ были бы равносильны намѣренію завладѣть не по праву священнымъ залогомъ, въ прямой ущербъ его благочестивымъ родителямъ, которые, какъ даль ему понять отецъ, были вынуждены во многомъ урѣзывать себя, чтобы только осуществить свою мечту и дать одинаковое образованіе всѣмъ сыновьямъ.

— Ну, что-жь, я обойдусь безъ Кембриджа, — сказалъ, наконецъ, Энджель. — Я чувствую, что не имѣю права поступать туда при данныхъ обстоятельствахъ.

Результаты этого рѣшительнаго разговора не замедлили обнаружиться. Юноша проводилъ годъ за годомъ въ отрывочныхъ занятіяхъ, переходя отъ одной науки къ другой; онъ началъ проявлять пренебреженіе къ общественнымъ формамъ и правиламъ, сталъ все больше и больше презирать сословныя и имущественныя различія. Даже «добрая старинная семья» не имѣла для него привлекательности, если въ ея представителяхъ не замѣчалось энергическихъ и смѣлыхъ начинаній. Но за то, поѣхавъ разъ въ Лондонъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на свѣтѣ, онъ, въ противовѣсъ этимъ суровымъ взглядамъ, совсѣмъ потерялъ голову и чуть не попалъ окончательно въ сѣти одной женщины, гораздо старше его, хотя, по счастью, это приключеніе не успѣло оставить въ немъ глубокихъ слѣдовъ.

Привычка къ деревенскому уединенію породила въ немъ непреодолимое, почти безразсудное отвращеніе къ современной городской жизни и закрыла ему доступъ къ успѣхамъ, какихъ онъ могъ бы достигнуть въ той или другой свѣтской профессіи, разъ что духовная оказалась для него неосуществимою. Но за что - нибудь надо было приняться, и такъ какъ одинъ изъ его знакомыхъ очень удачно устроился фермеромъ въ колоніяхъ, то Энджель и подумалъ, что этотъ примѣръ можетъ вывести его на прямую дорогу. Фермерство въ колоніяхъ, въ Америкѣ или на родинѣ, но, во всякомъ случаѣ, лишь послѣ того, какъ онъ хорошо освоится съ этимъ дѣломъ, основательно изучивъ его на практикѣ, — вотъ та карьера, которая, по всей вѣроятности, дастъ ему независимость и не потребуетъ отъ него въ жертву того, что онъ цѣнилъ выше матеріальныхъ благъ, — интеллектуальной свободы.

Такимъ образомъ, двадцати шести лѣтъ, Энджель Кларъ очутился на фермѣ Тальботѣйсъ, и такъ какъ по близости не было до-

ма, гдѣ онъ могъ бы найти себѣ удобное помѣщеніе, то мызникъ принялъ его къ себѣ въ нахлѣбники.

Его комната представляла громадный мезонинъ, тянувшійся надъ фермой во всю ея длину. Проникнуть въ него можно было только по лѣстницѣ изъ сырни, и пока Энджель не пріѣхалъ и не выбралъ его своимъ убѣжищемъ, онъ долгое время оставался необитаемъ. Здѣсь Клэру былъ полный просторъ. Одинъ конецъ комнаты былъ отдѣленъ драпировкой, за которой стояла кровать, а другая половина, незатѣйливо меблированная, служила кабинетомъ, и позднимъ вечеромъ, разойдясь по своимъ угламъ, домочадцы мызника часто слышали, какъ пасторскій сынъ ходилъ взадъ и впередъ по мезонину.

Сначала Энджель проводилъ все свободное время наверху, много читалъ или наигрывалъ на старой арфѣ, купленной на аукціонѣ. Но вскорѣ онъ счелъ болѣе интереснымъ заняться изученіемъ человѣческой природы, участвуя въ общихъ трапезахъ внизу, въ обширной столовой, вмѣстѣ съ мызникомъ и его женой, работницами и работниками, которые всѣ вмѣстѣ составляли весьма оживленную компанію.

Въ своему великому удивленію, Клэръ сталъ мало-по-малу находить истинное удовольствіе въ этомъ обществѣ. Условные поселяне, созданные его воображеніемъ и олицетворявшіеся въ жалкомъ простофилѣ, извѣстномъ подъ именемъ Годжа *), въ нѣсколько дней исчезли безъ слѣда. При ближайшемъ знакомствѣ Годжа вовсе не оказалось. Правда, что вначалѣ, когда у Энджеля Клэра было еще свѣжо впечатлѣніе только что покинутой имъ среды, новые друзья казались ему нѣсколько странными. Садиться за общій столъ съ ними представлялось ему первое время унижительнымъ. Взгляды, мнѣнія рабочихъ казались ему отсталыми и неинтересными. Но, живя здѣсь изо дня въ день, онъ, благодаря своей проницательности, сталъ мало-по-малу усматривать новую картину въ этомъ зрѣлищѣ. Хотя внѣшней переменѣны не произошло никакой, но монотонность уступила мѣсто разнообразію. По мѣрѣ того, какъ Клэръ ближе знакомился съ хозяиномъ и его домашними, съ его работниками и работницами, всѣ они стали дифференцироваться, какъ въ химическомъ процессѣ. Ему припоминалось изреченіе Паскаля: «Чѣмъ чловѣкъ умнѣе, тѣмъ больше онъ находитъ оригинальныхъ людей. Люди ограниченные не находятъ различія между людьми».

*) Годжъ (Hodge) — коллективное прозвище англійскаго крестьянина, подобно тому, какъ Джонъ Буль обозначаетъ типическаго англичанина, Томъ Аткинсъ — типическаго англійскаго создата.

Типическій и неизмѣнный Годъ пересталъ существовать для него. Онъ распался на множество разнообразныхъ индивидуумовъ, на множество существъ съ неодинаковыми умами, безконечныхъ въ своемъ различіи: счастливыхъ, безмятежныхъ и печальныхъ, остроумныхъ чуть не до гениальности и тупыхъ, легкомысленныхъ и строгихъ, — на множество людей, имѣвшихъ свои личныя мнѣнія другъ о другѣ, способныхъ хвалить или осуждать другъ друга, забавляться или печалиться при созерцаніи чужихъ слабостей или пороковъ, — людей, изъ которыхъ каждый шелъ своимъ собственнымъ индивидуальнымъ путемъ по стезѣ, ведущей къ смерти и праху.

Неожиданно для самого себя, Энджель полюбилъ жизнь на вольномъ воздухѣ ради нея самой и ради того, что она ему доставляла, независимо отъ ея отношенія къ его предполагаемой карьерѣ. Онъ освободился въ значительной степени отъ хронической меланхолиі, овладѣвающей цивилизованными расами по мѣрѣ того, какъ падаетъ вѣра въ благодѣтельную высшую силу. Впервые послѣ многихъ лѣтъ онъ нашелъ возможнымъ читать то, къ чему влекли его собственные вкусы, не стараясь набить себѣ голову знаніями, необходимыми для опредѣленной профессіи, такъ какъ тѣ немногія руководства по сельскому хозяйству, которыя онъ считалъ полезнымъ изучить, отнимали у него очень мало времени.

Онъ отдалился отъ прежней обстановки и увидалъ нѣчто новое въ жизни и въ человѣчествѣ. Затѣмъ онъ близко изучилъ здѣсь многія явленія, которыя прежде были лишь смутно знакомы ему, — времена года съ ихъ несходными характерами, темпераментъ утра и вечера, ночи и полудня, различныя настроенія вѣтра, теченіе водъ и облаковъ, жизнь деревьевъ и травъ; онъ сроднился съ тѣнями и безмолвіемъ спящей природы, съ блуждающими огнями, созвѣздіями и голосами неодушевленныхъ предметовъ.

Раннимъ утромъ было еще настолько свѣжо, что огонь въ каминѣ оказывался далеко не лишнимъ во время завтрака.

Энджель Блэръ, уступая настоянію м-съ Крикъ, утверждавшей, что онъ слишкомъ большой баринъ, чтобы завтракать за общимъ столомъ, помѣщался обыкновенно въ просторномъ углу возлѣ печки, а его приборъ ставился возлѣ него на подставку, привинченную къ стѣнѣ. Свѣтъ изъ большихъ, широкихъ оконъ, напротивъ него, заглядывалъ въ его пріютъ и, въ соединеніи съ холодновато-синимъ пламенемъ камина, давалъ ему полную возможность читать, если ему хотѣлось. Между нимъ и окномъ находился столъ, за ко-

торымъ сидѣли хозяева и рабочіе, и ихъ жующіе профили отчетливо вырисовывались на фонѣ оконныхъ стеколъ. Позади была молочная и черезъ отворенную дверь видѣлись прямоугольные ушаты, наполненные до краевъ парнымъ молокомъ. На противоположномъ концѣ работала большая маслобойка, а въ окно можно было видѣть и лошадь, приводившую машину въ движеніе. Погоняемая мальчикомъ, она уныло ходила вокругъ.

Первые дни послѣ того, какъ Тессъ появилась на мызѣ, Блэръ, погруженный въ чтеніе какой-нибудь книги, какого-нибудь журнала или музыкальной пьесы, только что полученныхъ съ почты, почти не замѣчалъ ея присутствія за столомъ. Она говорила такъ мало, а другія работницы были такія болтушки, что среди общаго говора онъ не различалъ новыхъ звуковъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ привычку пренебрегать деталями проходившихъ передъ нимъ сценъ ради общаго впечатлѣнія. Но какъ-то разъ, когда онъ заучивалъ на память одну изъ своихъ музыкальныхъ партитуръ и силою воображенія заставлялъ себя слышать мотивъ, онъ вдругъ задумался и тетрадь выпала у него изъ рукъ и покатила къ камину. Онъ смотрѣлъ, какъ горѣли полѣнья, какъ пламя кружилось вверху въ своей предсмертной пляскѣ, и ему казалось, будто оно кружится въ тактъ мелодіи, раздававшейся въ его головѣ; онъ смотрѣлъ и на болтавшіеся каминные крючья, густо облѣпленные сажей, которая трепетала подъ тотъ же напѣвъ, и на пустой до половины котелокъ, составлявшій визгливый аккомпаниментъ. Разговоръ за столомъ сталъ постепенно сливаться съ этимъ фантастическимъ оркестромъ и, наконецъ, Блэръ подумалъ: «Какой нѣжный голосокъ у одной изъ этихъ дѣвушекъ! Это, вѣроятно, новая работница».

Онъ оглянулся на Тессъ, сидѣвшую вмѣстѣ съ другими.

Она не смотрѣла на него. Впрочемъ, благодаря его продолжительному молчанію, объ его присутствіи почти забыли.

— Насчетъ привидѣній я ничего не знаю, — говорила Тессъ, — но я знаю, что мы можемъ живо заставить свою душу выйти изъ тѣла.

Мызникъ обернулся къ ней съ набитымъ ртомъ; глаза его выражали серьезное недоумѣніе; ножъ и вилка, которые онъ держалъ въ рукахъ, перпендикулярно упирались въ столъ, точно основаніе висѣлицы.

— Какъ такъ? Неужели вы правду говорите, голубушка? — сказалъ онъ.

— Въ этомъ легко убѣдиться, — продолжала Тессъ. — Стдять только лечь ночью на траву и смотрѣть прямо вверхъ на какую-

нибудь большую блестящую звѣзду... и если вы не будете отрываться отъ нея глазъ, то скоро почувствуете, что находитесь за сотнями и тысячами миль отъ вашего тѣла и что вамъ его вовсе и не нужно.

Мызникъ перевелъ свой пристальный взглядъ съ молодой дѣвушки на жену.

— Вотъ такъ чудныя вещи! Что ты на это скажешь, Христиана? Подумать только, сколько миль я исходилъ по ночамъ за послѣднія тридцать лѣтъ, и когда за тебя сватался, и когда отправлялся въ городъ по дѣламъ, да за докторомъ, да за сидѣлкой, и никогда до сихъ поръ я объ этомъ и понятія не имѣлъ!

Всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и ученикъ мистера Брика, взглянули на Тессъ съ любопытствомъ. Она покраснѣла и, равнодушно промолвивъ, что это просто ея фантазія, опять принялась за завтракъ.

Блэръ продолжалъ наблюдать за ней. Она скоро покончила съ ѣдой и, почувствовавъ на себѣ взглядъ молодого человѣка, начала чертить указательнымъ пальцемъ по скатерти какіе-то воображаемые узоры съ пугливымъ ощущеніемъ звѣрка, замѣтившаго, что за нимъ слѣдятъ.

«Что за истинная дочь природы эта дѣвушка!» — подумалъ про себя Энджелъ.

И, взглядывшись внимательно въ ея черты, онъ увидалъ въ нихъ что-то знакомое, что-то такое, что мгновенно перенесло его въ радостное, беззаботное прошлое, когда необходимость раздумывать о будущемъ не омрачала еще его горизонта. Онъ пришелъ къ заключенію, что видѣлъ раньше это лицо, но гдѣ именно, онъ не могъ вспомнить. Вѣроятно, это была какая-нибудь случайная встрѣча во время одной изъ его сельскихъ экскурсій.

Самъ по себѣ этотъ фактъ не возбудилъ въ немъ большого интереса, но все же съ тѣхъ поръ, всякій разъ, какъ ему приходило желаніе полюбоваться симпатичнымъ женственнымъ образомъ, взоръ его невольно обращался къ Тессъ, минуя другихъ хорошенькихъ дѣвушекъ.

XIX.

Обыкновенно коровъ доили какъ попало, не дѣлая между ними выбора. Но нѣкоторыя коровы выказываютъ особенную любовь къ извѣстнымъ рукамъ и иногда доводятъ свое пристрастіе до того, что умышленно отказываются стоять предъ кѣмъ бы то ни было, кро-

мѣ своихъ любимцевъ, и безцеремонно опрокидываютъ подойники чужихъ.

Мызникъ Брикъ считалъ нужнымъ идти наперекоръ этимъ симпатіямъ и антипатіямъ, постоянно назначая новыхъ коровъ каждому доильщику, такъ какъ, въ случаѣ ухода съ фермы какого-нибудь работника или работницы, онъ очутился бы въ крайне затруднительномъ положеніи. Но личные виды дѣвушекъ находились въ прямомъ противорѣчій съ правиломъ хозяина и каждая изъ нихъ, подбирая ежедневно тѣхъ восьмерыхъ или десятерыхъ коровъ, къ которымъ уже успѣла привыкнуть, достигала этимъ того, что работа шла у нея удивительно легко, безъ всякихъ почти усилій.

Тессъ, какъ и ея товарки, не замедлила открыть, какія именно коровы предпочитали ея способъ манипуляціи и, такъ какъ пальцы ея сдѣлались нѣжны вслѣдствіе долгаго пребыванія въ четырехъ стѣнахъ за послѣдніе годы, то она не прочь была бы пойти на встрѣчу склонности, которую проявляли въ этомъ отношеніи коровы. Изъ ста пяти дойныхъ коровъ, бывшихъ на мызѣ, особенно восемь: Пышка, Фантазія, Гордичка, Туманка, Старая Красотка, Молодая Красотка, Чистянка и Брикунья — такъ охотно давались ей въ руки, что доить ихъ не стоило ей почти никакого труда. Зная, однако, каковы взгляды мызника на этотъ счетъ, она добросовѣстно старалась брать коровъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ подходили, кромѣ самыхъ упрямыхъ, съ которыми еще не въ силахъ была ладить.

Но вскорѣ она замѣтила удивительное совпаденіе между тѣмъ порядкомъ, въ которомъ стояли коровы, и своими собственными желаніями и, наконецъ, рѣшила, что это размѣщеніе не можетъ быть дѣломъ случая. За послѣднее время ученикъ мызника помогалъ загонять коровъ и на пятый или шестой разъ Тессъ обернулась къ нему съ лукавымъ вопросомъ въ глазахъ:

— Мистеръ Кларъ, это вы такъ разставили коровъ?— сказала она, краснѣя, и при этомъ обвиненіи верхняя губа ея противъ ея воли сложилась въ улыбку, тогда какъ нижняя осталась строго-неподвижной.

— Да развѣ это не все равно? — сказалъ онъ. — Вѣдь, вы же не уйдете съ мызы и будете постоянно доить ихъ.

— Вы думаете? Я *надѣюсь*, что останусь здѣсь, но какъ я могу *знать* это?

Потомъ она спохватилась, что онъ, не подозрѣвая, какія важныя причины заставили ее искать этого уединенія, могъ ложно истолковать ея слова. Она сказала ихъ такъ горячо, какъ будто его присутствіе было однимъ изъ факторовъ въ ея желаніи. Эта мысль

такъ встревожила и взволновала ее, что въ сумерки, когда были кончены всѣ работы, она отправилась одна бродить по саду, продолжая осыпать себя упреками за то, что поступила такъ опрометчиво и дала понять мистеру Клэру, что его вниманіе къ ней не ускользнуло отъ нея.

Былъ настоящій іюньскій вечеръ, атмосфера находилась въ такомъ колеблющемся равновѣсіи и была такъ прозрачна, что нельзя было отличить близкое отъ далекаго, и все, что замыкалъ въ себѣ горизонтъ, казалось, было доступно осязанію. Глубокая тишина нарушалась только звуками арфы.

Тессъ и раньше слыхала эти звуки, когда они доносились изъ мезонина надъ ея головой. Смутные, глухіе, сдавленные тѣснымъ помѣщеніемъ, они никогда еще не проникали такъ ей въ душу, какъ теперь, когда свободно рѣяли среди неподвижнаго воздуха. Говоря абсолютно, и инструментъ, и исполнитель были оба плохи; но все дѣло въ относительномъ достоинствѣ вещей, и Тессъ слушала эту музыку, затанувъ дыханіе, и, какъ зачарованная птичка, не въ силахъ была двинуться съ мѣста. Потомъ она рѣшилась даже подойти поближе къ музыканту, причесавъ за заборомъ, чтобъ онъ не догадался объ ея присутствіи.

Часть сада, гдѣ находилась Тессъ, оставалась совсѣмъ запущенной послѣдніе годы и густо заросла влажною, сочною травой, отъ которой при малѣйшемъ прикосновеніи поднимались цѣлые клубы цвѣточной пыли, а также дрогомъ и полынью, испускавшими горькій ароматъ и образовавшими такой же пестрый рисунокъ, какъ и яркія краски садовыхъ цвѣтовъ. Тессъ пробиралась, крадучись, какъ кошка, по этой густой заросли; къ ея платью приставали паутинки съ листьевъ, подъ ногами хрустѣли раковины улитокъ, ея руки пачкались о молочный сокъ чертополоха, липкая плѣсень, казавшаяся на стволахъ яблонь бѣлою, какъ снѣгъ, оставляла багровыя пятна на ея кожѣ; наконецъ, она продвинулась совсѣмъ близко къ Клэру, все еще не замѣчавшему ея.

Тессъ не сознавала ни времени, ни мѣста. Она безотчетно отдалась теперь тому восторженному состоянію духа, которое, какъ она говорила, можно вызвать въ себѣ усиленіемъ воли, устремивъ пристальный взглядъ на звѣзду. Нѣжные звуки ласкали и баюкали ее, какъ мягкія волны, ихъ гармонія, какъ легкій вѣтерокъ, вливалась въ нее и наполняла глаза ея слезами. Цвѣточная пыль, носившаяся въ воздухѣ, представлялась ей видимымъ воплощеніемъ этихъ звуковъ, а влажные испаренія — плачемъ растроганнаго сада. Хотя ночь уже надвигалась, горько-пахнувшіе цвѣты пламенѣли

такъ, какъ будто не хотѣли закрыть своихъ вѣнчиковъ, а переливы ихъ красокъ смѣшивались съ волнами звуковъ.

Сумракъ уже спустился на землю; только на западномъ краѣ горизонта облака разступались, и изъ этого промежутка, который былъ точно частица дня, оставшаяся случайно на небѣ, струился свѣтъ, озарявшій садъ.

Энджелъ докончилъ свою жалобную мелодію, совершенно простенькую пьесу, не требовавшую большого искусства отъ исполнителя, и Тессъ стала ждать, надѣясь, что онъ начнетъ что-нибудь еще. Но, уставъ играть, онъ пошелъ бродить по саду, обогнулъ заборъ и очутился позади Тессъ. Горячая краска залила ея щеки и, ступая такъ безшумно, какъ будто она не двигалась совсѣмъ, она попыталась скрыться, прежде чѣмъ онъ успѣетъ замѣтить ее.

Однако, Энджелъ увидалъ ея свѣтлое лѣтнее платье и заговорилъ съ нею. Тихіе звуки его голоса явственно долетѣли до нея:

— Что вы такъ бѣжите, Тессъ?—сказалъ онъ.— Вы чего-нибудь боитесь?

— О, нѣтъ, сэръ... я ничего не боюсь... по крайней мѣрѣ, ничего такого, что можно видѣть или слышать... особенно теперь, когда яблочный цвѣтъ осыпается и все такъ зелено кругомъ.

— Такъ васъ, можетъ быть, одолеваютъ внутренніе страхи?

— Да, пожалуй, что такъ, сэръ.

— Чего же вы боитесь?

— Я не могу въ точности объяснить это.

— Что молоко свернется?

— Нѣтъ.

— Значить, жизнь вообще страшить васъ?

— Да, сэръ.

— Ахъ, она пугаетъ и меня, и какъ часто пугаетъ! Не правда ли, Тессъ, влачить бремя существованія очень трудная штука?

— Да, сэръ, разъ вы такъ поставили вопросъ.

— Но все же я никакъ не могъ бы ожидать, чтобы молоденькая дѣвушка, какъ вы, смотрѣла такъ печально на міръ Божій. Какъ объясните вы мнѣ это?

Она смущенно молчала.

— Скажите мнѣ по секрету, Тессъ.

Она подумала, что онъ спрашиваетъ ее о томъ собственно, какъ представляется ей окружающая природа, и робко отвѣтила:

— Деревья смотрятъ на насъ такъ пытливо или, по крайней мѣрѣ, намъ кажется такъ, и рѣка шепчетъ намъ: «Зачѣмъ смущаете вы меня своими взорами?» И намъ кажется, будто мы ви-

днѣ множество грядущихъ дней, которые тянутся длинною вереницей; первый изъ нихъ всѣхъ больше и отчетливѣе, остальные—чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, но всѣ они кажутся такими жестокими, грозными, словно говорятъ намъ: «Я иду! Берегитесь меня! Берегитесь!...» Но вы своею музыкой навѣваете свѣтлыя грѣзы и гоните прочь эти зловѣщія сны!

Онъ удивился, услыхавъ, что эта молодая дѣвушка рисуешь себѣ такія печальныя картины. Въ своихъ безыскусственныхъ рѣчахъ она выражала чувства, которыя можно было бы, пожалуй, назвать господствующими чувствами вѣка, иначе сказать—недугомъ современности. Онъ пересталъ такъ изумляться этому, когда сообразилъ, что такъ называемыя передовыя идеи по большей части представляютъ лишь новѣйшій способъ опредѣленія, болѣе точную формулировку, посредствомъ словъ съ окончаніями *логія* и *измъ*, такихъ ощущеній, которыя смутно воспринимались людьми за нѣсколько столѣтій до насъ.

Но все же было странно, что онѣ овладѣли умомъ этой дѣвушки въ такомъ еще юномъ возрастѣ; это было болѣе чѣмъ странно: трогательно, интересно, патетично. Не зная ея прошлаго, онъ не могъ остановить своихъ мыслей на томъ, что мѣриломъ опыта служить не длительность его, а интензивность. Ржавчина, запятнавшая на мигъ физическую природу Тессъ, явилась для нея умственною жатвой.

Тессъ, съ своей стороны, не могла понять, почему этотъ молодой человѣкъ, принадлежащій къ почтенной пасторской семьѣ, получившій хорошее образованіе и не знающій матеріальныхъ недостатковъ, смотритъ на жизнь, какъ на тяжкую муку. У нея самой, злополучной странницы въ этомъ мірѣ, существовали для этого слишкомъ вѣскія причины. Но какъ могъ этотъ прелестный, поэтический юноша спуститься въ Юдоль Униженія, какъ могъ онъ повторять вмѣстѣ съ Іовомъ тѣ слова, которыя она твердила дни и ночи, два-три года тому назадъ: «Душа моя желаетъ лучше прекращенія дыханія, лучше смерти, нежели жизни. Опротивѣла мнѣ жизнь, я не хотѣлъ бы жить вѣчно!»

Правда, что въ настоящее время онъ жилъ въ обстановкѣ, чуждой его классу. Но она знала, что онъ поселился на мызѣ лишь для того, чтобы пріобрѣсти тѣ свѣдѣнія, которыя были ему нужны, подобно тому, какъ Петръ Великій учился строить суда на корабельной верфи. Онъ доилъ коровъ не потому, что былъ вынужденъ дѣлать это, а потому, что готовился стать счастливымъ, богатымъ мызникомъ, землевладѣльцемъ, сельскимъ хозяиномъ и скотово-

домъ. Онъ будетъ американскимъ или австралийскимъ Авраамомъ, будетъ управлять, какъ монархъ, своими стадами и табунами, своими слугами и служанками. Тѣмъ не менѣе, по временамъ ей, все-таки, казалось непостижимымъ, что такой начитанный, талантливый и мыслящій молодой человекъ по собственному выбору рѣшилъ сдѣлаться фермеромъ, а не священникомъ, какъ его отецъ и братья.

И такъ какъ ни онъ, ни она не имѣли ни малѣйшей нити, которая могла бы помочь имъ разгадать ихъ обоюдную тайну, то каждый изъ нихъ въ свою очередь недоумѣвалъ передъ тѣмъ, что видѣлъ въ другомъ, и ожидалъ новыхъ откровений его характера и духа, не пытаясь проникнуть насильственно въ его прошлое.

Каждый день, каждый часъ приносилъ Энджелю какой-нибудь новый штрихъ, освѣщавшій природу Тессъ, а ей новый штрихъ, освѣщавшій его природу.

Первое время Тессъ видѣла въ Энджелѣ Клэрѣ скорѣе умъ, чѣмъ мужчину. Она сравнивала его съ собою и всякій разъ, какъ вновь убѣждалась въ богатствѣ его знаній, въ громадной пропасти, отдѣлявшей скромный уровень ея умственного развитія отъ неизмѣримой, недосыгаемой высоты его міросозерцанія, она впадала въ глубокое уныніе и совершенно отчаявалась въ возможности достигнуть чего-нибудь собственными усиліями.

Однажды, когда онъ случайно упомянулъ въ разговорѣ съ ней о пастушеской жизни въ древней Греціи, его поразилъ унылый видъ Тессъ, срывавшей въ это время въ саду почки цвѣтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «лордовъ» и «лэди».

— Что это вы вдругъ такъ опечалились?—спросилъ онъ.

— О, это такъ... я только подумала о себѣ, — сказала она съ грустною усмѣшкой, нервно оципывая цвѣтокъ «лэди». — Мнѣ только представилось, что могло бы выйти изъ меня! Вся моя жизнь мнѣ кажется загубленной оттого, что мнѣ не было случая пробить себѣ дорогу. Когда я вижу, какъ много вы знаете, какъ много читали, видѣли и передумали, я такъ живо чувствую тогда все свое ничтожество! Я точно бѣдная царица Савская, о которой разсказывается въ Библии, такая же нищая духомъ, какъ она.

— Полно, милая Тессъ, не горюйте объ этомъ! Да знаете ли что?—сказалъ онъ съ внезапнымъ оживленіемъ. — Я былъ бы чрезвычайно радъ сообщить вамъ кое-какія свѣдѣнія по исторіи или заняться съ вами какимъ-нибудь другимъ предметомъ, интересующимъ васъ...

— Вотъ опять «лэди», — перебила она его, приподнявъ одинъ бутонъ.

— Что такое?

— Я хотѣла сказать, что въ этихъ бутонахъ всегда оказывается больше «лэди», чѣмъ «лордовъ».

— Оставьте этихъ лордовъ и лэди. Хотѣлось бы вамъ пройти курсъ какой-нибудь науки, исторіи, напримѣръ?

— Ахъ, иногда мнѣ приходится на умъ, что мнѣ вовсе и не нужно знать больше, чѣмъ я уже знаю.

— Почему же это?

— На что мнѣ знать, что я только одна изъ длинной вереницы совершенно подобныхъ мнѣ людей, что въ какой-нибудь старинной книгѣ описана женщина, точь въ точь похожая на меня, и что я только буду повторять то, что она когда-то дѣлала? Вѣдь, мнѣ сдѣлается грустно отъ этого, вотъ и все. Лучше ужъ не вспоминать, что вся наша прошлая жизнь ничѣмъ не отличается отъ жизни несмѣтныхъ тысячъ и что и въ будущемъ мы съ своимъ характеромъ и дѣлами тоже ровно ничѣмъ не будемъ отличаться отъ несмѣтныхъ тысячъ такихъ же людей, какъ мы.

— Такъ неужели вы въ самомъ дѣлѣ не желаете ничему учиться?

— Я хотѣла бы, пожалуй, знать, почему... почему солнце свѣтитъ одинаково надъ добрыми и злыми,—отвѣтила она съ легкой дрожью въ голосѣ.—Но, вѣдь, книги мнѣ этого не скажутъ.

— Фи, Тессъ, можно ли быть такой озлобленной?—Онъ, конечно, говорилъ только съ условной точки зрѣнія долга, ибо это недоумѣніе не было чуждо и ему самому въ минувшіе дни. И, взглянувъ на простодушныя губки Тессъ, онъ подумалъ, что въ устахъ этой дочери чернозема такія рѣчи были, безъ сомнѣнія, лишь заученнымъ въ сельской школѣ урокомъ. Она продолжала ощипывать бутоны «лордовъ» и «лэди», и Клэръ, остановивъ на минуту взоръ на ея густыхъ рѣсницахъ, совсѣмъ закрывавшихъ опущенные глаза, медленно отошелъ отъ нея. Она простояла еще нѣсколько времени, задумчиво раскрывая послѣдній бутонъ; потомъ, очнувшись отъ своихъ мечтаній, съ жестомъ нетерпѣнія бросила на землю всю набранную горсть цвѣточной аристократіи, охваченная негодованіемъ на самоё себя за вздоръ, который она наговорила, между тѣмъ какъ въ самой глубинѣ ея сердца все сильнѣе и сильнѣе разгоралось давно уже тлѣвшее пламя.

Какою дурочкой онъ долженъ считать ее! И въ эту минуту страстное желаніе добиться отъ него болѣе выгоднаго мнѣнія о себѣ вызвало въ ея памяти фактъ, который послѣднее время она старалась забыть, чтобы забыть вмѣстѣ съ нимъ и его тяжкія послѣд-

ствія, тождество своего рода съ родомъ рыцарей д'Орбервилей. Это былъ бесполезный атрибутъ и открытіе его оказалось для нея злополучнымъ во многихъ смыслахъ; но, можетъ быть, мистеръ Клэръ, какъ джентльменъ и какъ знатокъ исторіи, настолько проникнется къ ней уваженіемъ, что забудетъ ея ребяческую игру въ «лордовъ» и «лэди», разъ онъ узнаетъ, что мраморныя и алебастровыя статуи въ Клингсбирской церкви изображаютъ ея прямыхъ предковъ, что опа не самозванная д'Орбервиль, начиненная деньгами и тщеславіемъ, какъ тѣ господа въ Трантриджѣ, а настоящая д'Орбервиль до мозга костей.

Однако, Тессъ не сразу рѣшилась открыть это Энджелю, а прежде попробовала косвенно позондировать мызника насчетъ того, какое впечатлѣніе эта новость должна произвести на мистера Клэра, и спросила у него, уважаетъ ли сколько-нибудь мистеръ Клэръ старинныя фамиліи, если онъ лишился всѣхъ своихъ богатствъ и владѣній.

— Мистеръ Клэръ, — энергичнымъ тономъ отвѣчалъ мызникъ, — такой строптивый чудакъ, какого я никогда и не видывалъ. Онъ вовсе не похожъ на свою родню, и ничего на свѣтѣ онъ такъ не презираетъ, какъ то, что мы называемъ «старинною фамиліей». Онъ говоритъ, будто здравый смыслъ долженъ намъ указывать, что старинныя фамиліи растратили свои силы въ давнишнія времена и что теперь въ нихъ ужъ, конечно, никакой крѣпости не осталось. Вотъ, напримѣръ, Биллетты, Дренххарды, Грей, Сенъ - Квинтины, Гарди, Гульды: у нихъ въ этой долинѣ какія были земли! А теперь вы ихъ почти что даромъ можете перекупить. Да чего лучше, наша Ретти Приддль, и та, вѣдь, изъ рода Париделлей, старинной фамиліи съ громадными помѣстьями возлѣ Клингсгинтова, что принадлежатъ теперь графу Уэссексу, а тогда ни объ этомъ графѣ, ни объ его родѣ еще и помину не было. Мистеръ Клэръ разузналъ это и говоритъ какъ-то бѣдной дѣвчкѣ, да еще съ какою насмѣшкой: «О, — говоритъ, — изъ васъ никогда не выйдетъ дѣльной молочницы! Всю свою мощъ вашъ родъ вотъ ужъ сколько вѣковъ тому назадъ растратилъ въ Святой Землѣ и теперь вамъ тысячу лѣтъ, по крайней мѣрѣ, надо пролежать подъ паромъ, чтобы набраться силъ для новой работы!» На-дняхъ къ намъ заходилъ мальчикъ, хотѣлъ наняться въ работники и сказалъ, что его зовутъ Маттомъ, а когда мы спросили его фамилію, онъ сказалъ, что никогда не слыхалъ, чтобъ у него была фамилія, а когда мы спросили, почему же это, онъ сказалъ, что, должно быть, его родные не такъ давно еще основались на своемъ мѣстѣ. Мистеръ Клэръ какъ вскочить, да какъ

начнетъ трясти руку мальчишки. «А! васъ-то мнѣ и надо, — говорить. — Я большія надежды возлагаю на васъ», — и далъ, вѣдь, ему полкроны. Нѣтъ, онъ старинныхъ фамилій терпѣть не можетъ!

Выслушавъ эту каррикатурную иллюстрацію мнѣній мистера Клера, бѣдная Тессъ порадовалась, что не проговорила передъ нимъ въ минуту малодушія, хотя ея фамилія была такая древняя, что совершила почти полный оборотъ и опять сдѣлалась новой. Притомъ же, оказывалось, что одна изъ ея товарокъ была не хуже ея въ этомъ отношеніи. Тессъ умолчала повтому о склепѣ д'Орбервилей и о рыцарѣ Вильгельма-Завоевателя, чье имя она носила. Разсказъ хозяина, нѣсколько уяснившій ей характеръ Клера, заставилъ ее подумать, что если она сколько-нибудь заинтересовала молодого человѣка, то, главнымъ образомъ, благодаря тому, что онъ считалъ ее отпрыскомъ новаго рода, не имѣющаго никакихъ традицій въ прошломъ.

XX.

Лѣто было въ полномъ разгарѣ. Новые листья, цвѣты, новые соловьи, дрозды и зяблики водворились на тѣхъ мѣстахъ, которыя всего за годъ передъ тѣмъ, когда они были лишь зародышами и неорганическими частицами, занимали другія имъ подобныя эфемерныя созданія. Лучи восходящаго солнца наливали почки и заставляли ихъ проростать въ длинныя стебли, поднимали вверхъ древесный сокъ безшумными потоками, раскрывали лепестки цвѣтовъ, извлекая изъ нихъ незримыя струи ароматовъ.

Домочадцы мызника Крига жили покойно, мирно, даже весело. Ихъ положеніе было, пожалуй, самымъ счастливымъ изъ всѣхъ положеній на общественныхъ вѣсахъ, такъ какъ они находились выше той черточки, гдѣ кончается нужда, и ниже той, гдѣ свѣтскія приличія начинаютъ сковывать естественныя чувства, а безразсудное увлеченіе модой мѣшаетъ людямъ довольствоваться тѣмъ, чего имъ, въ сущности, могло бы быть достаточно.

Такъ прошла та густолиственная пора, когда ростъ деревьевъ я ляется какъ бы единственною цѣлью природы. Тессъ и Клэръ б зотчетно изучали другъ друга, постоянно балансируя на рубежѣ с расти, но все еще не переступая его. И все это время, въ силу в отразимаго закона, они такъ же безповоротно, какъ два ручья, те и щие въ одной долинѣ, стремились къ соединенію.

Давно уже Тессъ не была такъ счастлива, какъ теперь. Во-пер- в ѣ, она и физически, и нравственно чувствовала себя приволь-

но въ новой обстановкѣ. Отростокъ, пустившій было корни въ ядовитомъ слоѣ земли, на мѣстѣ своего рожденія, былъ теперь пересаженъ въ болѣе здоровую почву. А затѣмъ она, какъ и Энджелъ, находилась пока въ той спорной полосѣ между склонностью и любовью, гдѣ глубь души еще не затронута, гдѣ рефлексія еще не поднимаетъ своихъ докучливыхъ вопросовъ: «Куда несетъ меня этотъ потокъ? Какой имѣетъ онъ смыслъ для моего будущаго, какое отношеніе къ моему прошлому?»

Для Энджеля Клэра Тессъ была пока лишь случайнымъ явленіемъ, неожиданно встрѣтившимся ему на пути, свѣтлымъ, ласкающимъ душу образомъ, только недавно утвердившимся въ его сознаніи. И онъ допускалъ свою мысль заниматься ею, думая, что созерцаетъ съ точки зрѣнія философа чрезвычайно самобытный, свѣжій и интересный женскій характеръ.

Они встрѣчались постоянно; они не могли не встрѣчаться. Они встрѣчались ежедневно въ таинственный, торжественный часъ утреннихъ сумерокъ, при слабомъ блескѣ фіолетовой или розовой зарп, такъ какъ имъ надо было вставать рано, очень рано. Коровъ доили спозаранку, но передъ этимъ еще снимали устои съ молока, а къ этой работѣ приступали уже въ самомъ началѣ четвертаго. Обыкновенно, тотъ, кто первый просыпался отъ боя часовъ, будилъ остальныхъ, а такъ какъ Тессъ поступила на мызу самой послѣдней и вскорѣ оказалось, что на нее можно положиться относительно того, что она не проспитъ будильника, какъ ея товарищи, то на нее чаще другихъ возлагали эту обязанность. Какъ только часы, пробивъ три удара, умолкали съ шипѣньемъ, Тессъ выходила изъ комнаты и подбѣгала къ двери хозяина, потомъ поднималась по лѣстницѣ къ комнатѣ Энджеля и явственнымъ шепотомъ окликала его, а затѣмъ будила работницъ. Къ тому времени, какъ она успѣвала одѣться, Энджелъ тоже былъ готовъ и выходилъ на влажный воздухъ. Остальныя молочницы и самъ фермеръ обыкновенно нѣжились еще съ четверть часа въ постеляхъ.

Сѣрые полутоны разсвѣта совсѣмъ не то, что сѣрые полутоны конца дня. Въ утреннія сумерки свѣтъ кажется активнымъ, мракъ пассивнымъ; въ вечернія сумерки мракъ нарастаетъ и является активнымъ, а свѣтъ, наоборотъ, угасаетъ.

Благодаря тому, что Энджелъ и Тессъ такъ часто и не всегда, быть можетъ, случайно изъ всѣхъ обитателей мызы первые отзываются на ногахъ, имъ представлялось, что они поднимались первые во всемъ мірѣ. Въ началѣ своего пребыванія въ Тальбтейсѣ Тессъ не снимала по утрамъ сливки, а прямо отправляла

въ поле, гдѣ Энджелъ обыкновенно поджидалъ ее. Фантастическій, полусмѣшанный водянистый свѣтъ, наполнявшій собою открытый лугъ, вселялъ въ нихъ чувство изолированности, какъ будто они были Адамомъ и Евой. Въ этотъ тусклый ранній моментъ дня Тессъ казалась Энджелю удивительно величавой и царственной и въ моральномъ, и въ физическомъ смыслѣ, быть можетъ, оттого, что онъ зналъ, что въ предѣлахъ его горизонта немного нашлось бы столь же красивыхъ дѣвушекъ, которыя рѣшились бы выйти на свѣжій воздухъ въ такую необычайно раннюю пору. Красивыя женщины обыкновенно проводятъ въ крѣпкомъ снѣ раннее лѣтнее утро. Тессъ была подъ рукою, а другія не существовали для него.

Смѣшанный, странный, лучезарный сумракъ, среди котораго они направлялись вдвоемъ къ тому мѣсту, гдѣ находилось стадо, нерѣдко приводилъ ему на память часъ Воскресенія. Не думалъ онъ, что Магдалина была такъ близко отъ него. Между тѣмъ, какъ ландшафтъ былъ весь окутанъ мглою, лицо его спутницы, фокусъ его глазъ, возвышаясь надъ туманною атмосферой, казалось, свѣтилось фосфорическимъ блескомъ. Она являлась какъ бы призракъ, какъ бы безплотнымъ духомъ. Но это объяснялось тѣмъ, что на лицо ея падали съ сѣверо-востока холодные лучи восходящаго солнца. И на Тессъ черты Энджеля производили такое же впечатлѣніе безтѣлесности.

Въ эти минуты ея образъ особенно глубоко врѣзывался въ его душу. Она была для него уже не молочницей Тессъ, а фантастическимъ видѣніемъ, типическимъ олицетвореніемъ женственности. Онъ называлъ ее Артемидой, Деметрой и другими мнѳологическимъ именами, которыя ей не нравились, потому что были ей непонятны.

— Зовите меня «Тессъ», — застѣнчиво просила она, и онъ исполнялъ ея желаніе.

Потомъ понемногу свѣтлѣло, и она снова дѣлалась простою смертною; ликъ богини, во власти которой даровать блаженство, вновь принималъ черты существа, жаждущаго блаженства.

Въ эти ранніе часы имъ случалось спугивать водяныхъ птицъ. Цапли, съ громкимъ шумомъ, какъ отъ отворяющихся дверей и ставней, показывались изъ-за заросли на краю луга, а если уже находились въ водѣ, то смѣло отстаивали свою позицію и наблюдали за шедшею парочкой, поворачивая головы медленнымъ, безстрастнымъ движеніемъ, подобно тому, какъ вертятся маріонетки въ часовомъ приборѣ.

Они еще заставляли легкіе лѣтніе туманы, стлавшіеся по лугамъ небольшими клочьями, ровными и пушистыми. Среди океана

росы выдѣлялись темнозеленые сухіе островки, сохранявшіе размѣръ и фигуры лежавшихъ здѣсь ночью коровъ. Отъ каждаго островка вился слѣдъ, указывавшій направленіе, по которому шла корова, поднявшись съ ночлега; на концѣ этой дорожки они находили ее; клубы пара, вылетавшіе изъ ея ноздрей, когда она тяжелымъ храпѣньемъ показывала, что узнаетъ ихъ, образовали среди господствовавшаго тумана другой, болѣе густой. Затѣмъ они загоняли коровъ или тутъ же на мѣстѣ начинали доить ихъ.

Иногда же туманъ былъ совсѣмъ непроницаемъ; луга походили тогда на пѣнистое море, изъ котораго, на подобіе грозныхъ рифовъ, выступали кое-гдѣ деревья. Птицы прорѣзали его, взлетали въ верхній, лучистый кругъ атмосферы и, повиснувъ крыльями въ воздухъ, нѣжились на солнцѣ, или же садились на жерди, подраздѣлявшія пажити и блестявшія теперь, какъ стекло. Туманъ осаждался и на рѣсницахъ Тессъ въ видѣ крошечныхъ алмазовъ, осыпая ея волосы мелкимъ жемчугомъ. Когда день вступалъ окончательно въ свои права и все принимало заурядный видъ, алмазы и жемчугъ высыхали, Тессъ теряла тогда свое неземное очарованіе, лучи солнца начинали ярко переливаться и сверкать на ея прекрасныхъ чертахъ, и она опять становилась лишь прелестною молочницей, у которой, однако, могли быть соперницы по красотѣ.

Къ этому времени раздавался голосъ хозяина, читавшаго нотации работникамъ за ихъ поздній приходъ и бранившаго старую Дебору Флайандеръ за то, что она не вымыла рукъ:

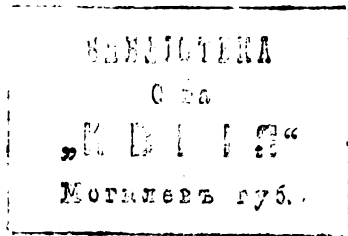
— Ради самого Господа, Дебъ, подставь руки подъ насосъ. Блянусь честью, еслибъ лондонскіе господа только знали, какая ты грязнуха, они еще меньше стали бы заказывать молока и масла, а это, вѣдь, не шутка!

Процессъ доенья шелъ своимъ порядкомъ, и къ концу его можно было слышать, какъ м-съ Кригъ отодвигала въ кухнѣ отъ стѣны громадный обѣденный столъ, что было неизмѣнною прелюдіей къ завтраку, послѣ котораго столъ съ тѣмъ же ужаснымъ скрипомъ совершалъ обратное путешествіе.

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ СТАРАГО БОЦМАНА.

(Изъ далекой старины).

І. М е с т ь .

І.

— Сами изволили служить во флотъ, вашескобродіе, такъ можете понимать, какая она есть флотская служба. Извѣстно, вода— не сухой путь, и коли ты, значить, въ своемъ разсудкѣ, съ ей не шути, а уважай ее и Бога-то завсегда помни. Всего бывало. Ну, и учили встарину нашего брата не по-нонѣшнему, а больше боемъ и линьками, особенно ежели командиръ или старшій офицеръ были къ этому привержены. Такое тогда положеніе было, что быдто безъ эстаго никакъ невозможно...

— И долго вы служили, Захарычъ?

— Двадцать три года отслужилъ царю, вашескобродіе. Боцманомъ восемь лѣтъ былъ, три раза въ «дальнюю» ходилъ... Всего, можно сказать, видалъ. Бились мы съ «конвертомъ» на каменьяхъ у Сахалинъ-острова, не разъ въ океанѣ, во время погоды, Господа милосерднаго вспоминали, но только, прямо доложу вамъ, во вѣкъ не забыть, какъ это мы на *Чайку* домой, въ Рассею, вернулись. Слышали про *Чайку*-то? Вѣдь, почти къ Кронштадту подходили... Видно, Господь несчастіе послалъ намъ въ наказаніе. «Помни, молъ, флотъ рассейскій, что за грѣхи бываетъ!» Тридцать шесть годовъ, почитай, прошло съ тѣхъ поръ, а и теперь, какъ вспомнишь...

Низенькій, сухощавый и сѣдой, какъ лунь, Захарычъ, съ которыми мы, сидя въ небольшой лодкѣ, ловили раннимъ лѣтнимъ утромъ окуней на ряжахъ, недалеко отъ Ораніенбаума, внезапно смолкъ и, весь вниманіе, напряженно глядѣлъ своими маленькими, оживившимися глазками на поплавогъ. Еще секунда, и Захарычъ вытащилъ изъ воды крупнаго окуня.

— Окунекъ форменный!— прошепталъ Захарычъ, снимая съ врючка трепыхавшуюся рыбу и бросая ее въ бачекъ съ водой.— Здѣсь имъ водъ, вашескобродіе!

Онъ основательно насадилъ червяга, поплевалъ на него, закунулъ удочку и, закуривъ маленькую трубочку, набитую махоркой, примолкъ.

Мнѣ было не до окуней.

Узнавъ, что Захарычъ былъ на злополучной *Чайкѣ*, о трагической катастрофѣ которой мнѣ довелось слышать въ юности, я, разумѣется, хотѣлъ узнать отъ очевидца подробности, тѣмъ болѣе, что о причинахъ несчастья въ свое время ходили темные слухи.

— Такъ вы были, Захарычъ, на *Чайкѣ*?—воскликнулъ я.

— То-то былъ... На форъ-марсѣ служилъ... Ножовымъ, вашескобродіе... Господь вызволилъ... Немного тогда насъ съ *Чайки* спаслось,—почти шепотомъ говорилъ Захарычъ, не спуская глазъ съ поплава.—Ишь, вѣдь, шельмецъ, потрогалъ, а настояще братья не беретъ!—прибавилъ онъ, покачивая головой.

— Расскажите, Захарычъ, о *Чайкѣ*... Все, что помните, расскажите.

— Лучше, какъ отловимъ рыбку, тогда. А то рыба не любитъ разговору... Даромъ, что рыба, а и въ ей разсудокъ.

— Да вы, Захарычъ, тихо рассказываете, она и не услышитъ. А потомъ мы, какъ слѣдуетъ, закусимъ и ужь будемъ удить молча.

— Развѣ что ежели тихо,—согласился Захарычъ, видимо нѣсколько заинтересованный вопросомъ о закускѣ и бросая любопытный и умильный взоръ на стоящую на кормѣ корзинку, изъ которой торчала бутылка съ водкой.

— Можеть, и теперъ стаканчикъ выпьете?—предложилъ я.

— Что-жь, вашескобродіе, вреду не будетъ, ежели и выпить,—весело отвѣчалъ Захарычъ, замѣтно оживившись.—Вмѣсто какъ быто чая. Оно даже пользително, и самое время... Солнышко-то высоко поднялось. Скоро и флагу подъемъ... Эка, вѣдь, коровы!—съ насмѣшливымъ презрѣніемъ прибавилъ Захарычъ, указывая побурѣвшюю, съ надувшимися жилами рукой на стоящія у Кронштадта два броненосца, отчетливо виднѣвшіеся на чистомъ горизонтѣ.—Никакого въ ихъ виду нѣтъ... Не то, какъ старинныя суда... Мачты кургузья, голыя... Только одно званіе, что мачты,—говорилъ Захарычъ, пока я отгупоривалъ бутылку.

Съ благовѣйною осторожностью взялъ онъ своими скрюченными, костлявыми пальцами маленькій, до краевъ налитый стаканчикъ затѣмъ снялъ съ головы измызганный картузь и, переkre-

стившись и пожелавъ мнѣ быть здоровымъ, медленно, съ наслажде-
ніемъ пьяницы, сталъ цѣдить водку.

— Покорнѣйше благодарю, вашескобродіе. Славная водка!—
одобрительно вымолвилъ онъ, возвращая стаканчикъ.

— А закусить?—предложилъ я, протягивая Захарычу бутер-
бродъ.

— Много благодарны, вашескобродіе... Я его погода съѣмъ,—
сказалъ онъ, пряча бутербродъ въ карманъ своего ветхаго куцаго
пальтишки.

Наладивъ удочку, Захарычъ закинулъ ее и тихимъ, слегка си-
пловатымъ баскомъ началъ свой рассказъ среди мертвой тишины
лѣтняго погожаго утра на штильвшемъ морѣ.

II.

— Ходили мы на этой самой *Чайкѣ* безъ малаго три года, ва-
шескобродіе, по разнымъ мѣстамъ. Блиперъ нашъ подъ парусами
ловко ходилъ; ежели въ бакштагъ или полвѣтра, такъ узловъ по
двѣнадцати отжаривалъ и парусину легко носилъ. Ходкое было суд-
но и рулю послушливое, и носомъ не рыло воды. Добрый былъ кли-
перокъ. Ну, и подъ парами, когда для нужности, узловъ по семи
хаживалъ. Обошли мы на ѣмъ, почитай, весь свѣтъ. Были и на
мысу на Надежномъ *), и въ Китаѣ, и въ Япони, во Франциски въ
Америкѣ, заходили и на разные острова, гдѣ черный народъ, быдто
дикій, живетъ. Всякую, значить, диковину довелось увидеть по
жарнимъ-то землямъ, вашескобродіе... Но только эти три года намъ
вродѣ вѣку показались, потому, прямо сказать, плаваніе было ка-
торжное, и какъ *Чайка* вошла, значить, въ Финскій заливъ, то
всѣ мы крестились и благодарили Господа, что, молъ, конецъ ка-
торгѣ... А главная тому причина—командирь...

— Сердитый былъ?

— Прямо сказать, злобный человѣкъ, и съ имъ матросамъ бы-
ла одна тоска. Изъ нѣмцевъ, вашескобродіе, сказывали, изъ ревелъ-
скихъ бароновъ. Такой изъ себя сухопарый и долговязый, ровно
щепель, и съ матросомъ гордый-прегордый. Никогда отъ его никто
не слыхалъ добраго слова. Выйдетъ это онъ наверхъ и ходитъ, какъ
индюкъ, по шканцамъ. Молчить и только бачки свои рыжіе почи-
ываетъ. А взглянетъ ежели на матроса лягушечьими глазами, то
родѣ быдто на червяка или на мразъ какову. Очень онъ высоко се-

*) Мысъ Доброй Надежды.

бы полагаля. Изъ нѣмцевъ-господъ многіе, сказываютъ, такъ себя полагають, что кровь у ихъ быдто не та, что у простого человѣка, а я такъ разсчитываю, что Богъ кровь всѣмъ одну далъ, вашескобродіе. Вѣстовой у его былъ, Акимка, царство ему небесное! Изъ одной деревни мы были, такъ и съ имъ даже не допускалъ себя до разговору. «Скотина!» «Свинья!»—вотъ и всего, а то больше знакомъ приказывалъ. Должонъ понимать! И терпѣлъ отъ его Акимка,—ахъ, какъ терпѣлъ!—завсегда съ разбитою мордой ходилъ. Сбѣжать даже съ клипера собирался этотъ самый Акимка, однако, ребята отговорили. А жилъ бы теперь Акимка въ Америкѣ въ вольномъ званіи.

Захарычъ на минуту примолкъ, оглядѣлъ удочку, закурилъ трубку и, попыхивая дымкомъ, продолжалъ:

— Не одинъ Акимка терпѣлъ; всѣ мы терпѣли,—что тутъ подѣлаешь? И такая тоска была, что не приведи Богъ. И всталъ съ тоской, и легъ съ тоской... Всякихъ командировъ видалъ я на своемъ вѣку, вашескобродіе, и лютыхъ, и занозистыхъ и, прямо сказать, бѣшеныхъ, однако, другого такого, какъ этотъ баронъ Шлига, Господь не насылалъ ни раньше, ни позже. Другой и зубы тебѣ отшлифуетъ безо всякаго, можно сказать, разсудка, и форменно отдереть, какъ Сидорову козу, но ты можешь понять, что онъ хоть и тиранить тебя по своей должности и по характеру, а, все-таки, тобой не пренебрегаетъ. «Такой же, молъ, и матросъ человѣкъ есть, но только другого, значить, званія». И, какъ отойдетъ сердце, онъ на тебя звѣреть не смотритъ и доброе слово скажетъ... А нѣмецъ-то этотъ Шлига матросомъ пренебрегалъ, брезговалъ, значить, и всѣ мы это понимали... Не бойсь, матросъ наскрозъ начальнига понимаетъ, вто чего стѣить и отъ какихъ причинъ звѣрствуетъ. А этотъ брался, можно сказать, безъ всякаго пыла, злобственно и ненасытно. Чуть какая неисправка, сейчасъ поманить тебя пальцемъ—бѣги, значить, къ ему. И станеть кулакомъ морду расписывать не спѣша, съ разстановкой... Вдарить и подождать. Цокнетъ по зубамъ и дастъ кулаку отдыхъ... И опять, и опять, доколь не отпуститъ матроса съ вздутымъ рыломъ, въ крови. И норовилъ, чтобы почувствительнѣе. На это онъ ловокъ былъ. Такъ «дьяволомъ» да «анаемой» и звали его матросы промежь себя, другого названія ему и не было. И, прямо сказать, дьяволъ, не тѣмъ будь помянуть покойникъ. Никакой жалости къ людямъ не имѣлъ, словно безчувственный какой. У меня о сю пору знакъ отъ него остался.

Захарычъ приподнялъ картузъ и указалъ на шрамъ у виска.

— Это онъ мнѣ «бинкомъ» *), вашескобродіе, високоъ раскряля.

— За что?

— А за то, что на форъ-марсѣ вышла заминка, — марсель чуть чуть опоздали закрѣпить. На секундъ, на другой, что-ли... А онъ требовалъ, чтобы ни на одинъ секундъ опоздать не смѣли. На этотъ счетъ строгъ былъ. Ну, въ числѣ прочихъ марсовыхъ и меня... Булакъ-то, видно, усталъ, по зубамъ ѣздивши, такъ онъ со всей силы меня «бинкомъ»... Однако, казенный бинокъ попортилъ и это его осердило... Велѣлъ тогда всыпать. «Двадцать пять!» — говорить. А боцманамъ онъ приказывалъ наказывать по всей строгости и не торопясь, чтобы, значить, продлить терзаніе. И самъ всегда на бакѣ стоялъ и смотрѣлъ, какъ наказывали... Стоить и цыгарку курить. И требовалъ, чтобы линекъ былъ форменный. Одно слово, мучитель былъ, что и говорить... Однако, безъ вины не наказывалъ — клепать нечего, но только при его строгости всегда вина находилась... Рѣдко кто уберегался... Всѣмъ попадало, и не было, кажется, на *Чайкѣ* ни одного человѣка, который отъ его не терпѣлъ. И всѣ Шлигу ненавидѣли. Офицеры тоже не долюбивали командира. Онъ и съ ими не очень-то нѣжничалъ. Вѣстовые тогда сказывали, что въ каютъ-компаніи очень имъ были недовольны и быдто собирались, по возвращеніи въ Рассею, жаловаться на его... Но Шлига и въ усъ не дулъ... Очень ужъ гордый и упрямый былъ человѣкъ... ну, и, надо правду сказать, по своему дѣлу капитанъ лихой и отчаянный... Бывало, штормуемъ форменно, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ на мостикѣ, зубы затиснулъ да только бачки свои пощипываетъ... Разъ, доложу вамъ, трепало насъ въ Индійскомъ океанѣ двое сутокъ, потеряли мы гротъ-мачту, клиперъ бросало словно щепку, волны такъ и ходили ходуномъ черезъ палубу, — думали, тутъ и конецъ намъ, а у этого самаго Шлиги никакого страха нѣтъ, одна отчаянность. Стоитъ, рыжій дьяволъ, у штурвала, около рулевыхъ, не моргнувши глазомъ, и только покрикиваетъ: «Право!» «Лѣво!» — чтобы поперекъ волны клиперъ не бросило на погибель, да нѣтъ-нѣтъ, по зубамъ рулевыхъ, ежели оплошали. И видъ у его все тотъ же: гордый-прегордый, быдто ему, отчаянному, и шторма ни по чемъ, и смерть не страшна... И еще осрамилъ одного мичмана... Самъ-то лба не перекрестилъ ни разу, а какъ замѣтилъ, что мичманъ вахтенный въ страхѣ крестится, говорить ему: «Вы бы замѣсто флота лучше въ монахи шли,

*) Биноклемъ.

коли, говорить, моря трусите. На вахтѣ, говорить, не молятся, а службу справляютъ!» Мичманъ и сгорѣлъ отъ этихъ словъ... Такъ, почитай, двое сутокъ простоялъ Шлига у штурвала... ни на кого не полагался. На часъ, на другой спустится внизъ отдохнуть, оставивши замѣсто себя старшаго офицера, и опять къ своему мѣсту... И стоять въ кожанѣ и зюйдъ-весткѣ весь мокрый отъ воды и во-кругъ посматриваетъ... И ѣсть ему Акимка наверхъ подавалъ. Принесетъ это кусокъ сыру, да галетку, да рюмку хересу... Съѣстъ Шлига сыръ, а галетку помочить въ винѣ и посасываетъ... Матросы все это видятъ и только диву даются его отчаянности. «Ишь, вѣдь, дьяволь, какой спокойный!» Это про его говорятъ, и, глядя на командира, и въ насъ быдто страхъ пропадалъ. Управится, молъ, анаема! И, вѣдь, точно управился, вашескобродіе, даромъ, что и мачту потеряли, и ураганъ былъ ни приведи Богъ! Чуть бы командиръ растерялся, быть всѣмъ на днѣ. На третьи сутки полегчало. Поставили мы форъ-марсель въ четыре рифа и курсъ взяли на Цейлонъ-островъ. А Шлига осмотрѣлъ клиперъ, приказалъ, что поломано, починить и ушелъ спать. Спалъ онъ цѣлыя сутки, а когда вышелъ наверхъ, то, вмѣсто добраго слова за то, что во время штормы всѣ старались, онъ плотниковъ въ кровь разбилъ... Плохо, молъ, починка идетъ! Да и боцманамъ попало... Онъ этимъ не стѣснялся... Всѣхъ равнялъ и боцманамъ чистилъ зубы, какъ и другимъ прочимъ... Это замѣсто молебна-то! Думали: велить честь-честью молебенъ благодарственный отслужить Батюшкѣ, а онъ свой молебенъ отслужилъ, Шлига-то!... Дѣнь черезъ десять добрались мы до Цейлонъ-острова, справили тамъ новую гротъ-мачту, вооружили ее, какъ слѣдуетъ, и айда дальше... Онъ не любилъ застаиваться въ портахъ и самъ рѣдко съѣзжалъ на берегъ... Все сидитъ одинъ, какъ перстъ, въ своей каютѣ и все письма пишетъ своей бароншѣ.

— Женѣ?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе, невѣстѣ. Была у него, значить, оставлена въ Рассеѣ, подъ Ревелемъ, невѣста. Жениться хотѣлъ по возвращеніи. Какъ уходили мы изъ Кронштадта, она со своею маменькой пріѣзжала къ нему прощаться. Такая высокая, статная и пригожая. Лицомъ чистая, бѣлая и лѣтъ этакъ двадцати. Сказывали, тоже изъ нѣмокъ и тоже баронскаго званія. И они все по-нѣмецки говорили, а когда прощались, она очень плакала, и онъ заскучавши былъ. И, надо полагать, очень обожалъ свою нѣмку. Акимка сказывалъ, что патреты этой самой баронши по всѣмъ мѣстамъ были въ капитанской каютѣ: и надъ койкой, и по перебор-

камъ, и на письменномъ столѣ, и такъ, въ патретной книгѣ. И Шлига часто на ихъ смотрѣлъ. Стоитъ и любитъся, и въ тое время самъ онъ, сказывалъ Акимка, добрѣе становился, не глядѣлъ звѣремъ, какъ наверху. А какъ придемъ въ портъ, и концырь письма привезетъ, такъ Шлига и вовсе обрадуется,—запретъ у себя въ каютѣ и читаетъ, да по нѣсколько разъ сызнава, не начитается, что ему нѣмка пишетъ. И что бы вы думали, вашескобродіе? Акимка видѣлъ, какъ онъ письма-то эти цѣловалъ, а у самого слезы... Поди-жь ты! Значить, и у его для этой баронши сердце-то смягчалось. То-то оно и есть! И я такъ полагаю, вашескобродіе, что у всякаго человѣка, самаго злого, что - нибудь да найдется доброе, потому ежели ты на всѣхъ зло имѣешь и никого на свѣтѣ не любишь, такъ и самому нѣтъ житья. И страсть сколько онъ изводилъ бумаги на письма! Акимка говорилъ, что толстые пакеты посылалъ... Все, значить, къ ей... И много подарковъ везъ. А на себя скупъ былъ, и не было у него положенія, какъ у другихъ командировъ, къ себѣ приглашать на обѣдъ офицеровъ. Такъ одинъ и обѣдалъ всѣ три года... И все одинъ да одинъ съ нѣмкинскими патретами... Только не довелось ему свидѣться съ бароншей... Господь наказалъ... А она, сказывали, какъ узнала про судьбу его, разсудку рѣшилась...

Захарычъ снова вытянулъ окуня. Наладивъ удочку, онъ, не слѣша, закинулъ ее, но, вмѣсто того, чтобы продолжать разсказъ, дипломатически покашливалъ, бросая и на меня, и на корзинку такіе выразительные взгляды, что я догадался предложить Захарычу выпить.

— Вовсе даже необходимо промочить глотку, вашескобродіе, — съ живостью согласился старикъ, и его темно-красное, изрытое морщинами лицо просіяло, — а то пересохла отъ разговору... Быть-то першить въ ей.

— А не много ли будетъ, Захарычъ, цѣлаго стаканчика на тощагъ?—спросилъ я, собираясь наливать.

Захарычъ вытаращилъ на меня глаза съ видомъ обиженнаго человѣка.

— Много?... Это старому-то боцману?

И не безъ достоинства прибавилъ:

— Миѣ, вашескобродіе, ежели и всю вашу бутылку сразу, такъ не много, а не то что такой наперстокъ. Слава Богу, пивали и знаемъ свою препорцію!

Съ этими словами, крѣпкій еще на видъ, несмотря на свой седьмой десятокъ, Захарычъ какъ-то молодцевато выпрямился на

скамьѣ и задорно приподнял голову, какъ будто приглашая полюбоваться его особой.

Онъ съ прежнимъ наслажденіемъ припалъ къ водкѣ, затѣмъ закусилъ маленькимъ кусочкомъ бутерброда и крикнулъ съ видомъ удовлетворенія.

— Вотъ теперь и рассказывать поспособнѣе. Водка эту самую мокроту гонить, вашескобродіе, — пояснялъ Захарычъ. — И ежели кашель, ничего лучше нѣтъ, какъ водка. И отъ всякой нутренности помогаетъ.

И, сплюнувъ въ воду, онъ продолжалъ:

III.

— Такимъ-то манеромъ маялись мы, вашескобродіе, на *Чайкѣ* съ ѣстимъ самымъ Шлигой и всячески проклинали его. Соберемся, бывало, это на бакъ покурить или передъ сномъ лясничаемъ въ палубѣ, только и разговору, что про Шлигу. «Такой, молъ, сякой!» Разговоромъ, значить, сердце облегчаемъ. Обидно, вѣдь, что на другихъ судахъ матросы какъ люди живутъ, а у насъ ровно бы арестантскія роты. И такъ, я вамъ доложу, иной разъ приходилось нудно, что, кажется, взбунтуй кто насъ въ тѣ поры, — пошли бы на бунтъ противъ командира... Отъ одного старика матроса я потомъ слыхалъ, что встарину было такое дѣло на фрегатѣ *Отважномъ*. Можеть, слыхали, вашескобродіе?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А было такое дѣло, вашескобродіе, — понижая голосъ, внушительно повторилъ Захарычъ. — Матросъ, что рассказывалъ, въ то время на этомъ самомъ фрегатѣ служилъ. Тоже, значить, у ихъ командиръ звѣрствовалъ безъ всякаго предѣла, и разъ ночью въ окіанѣ боцманъ и унтерцеры просвистали въ дудки и кригнули всѣ въ одинъ голосъ: «Пошелъ всѣ наверхъ командира за бортъ кидать!» Вся команда выскочила наверхъ... И быть бы форменному бунту, вашескобродіе, еслибъ въ ту пору не догадался старшій офицеръ и не повернулъ все дѣло... Башковатый былъ и, сказывали, доберъ съ матросомъ.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Выскочилъ это онъ наверхъ, видитъ, народъ шумить и, ни слова не говоря, на полуютъ, а оттуда какъ зыкнетъ громовымъ голосомъ: «По мѣстамъ стоять! Къ повороту!» Матросы, значить, услыхавши команду, бросились по своимъ мѣстамъ. Извѣстно, привыгли къ службѣ. А онъ все командуеть: «Кливеръ шкотъ, фока

шкотъ раздернуть! Право на бортъ!» И давай фрегату повороты дѣлать: то оверштагъ, то черезъ фордевиндъ. И этакимъ родомъ, примѣрно, съ часъ цѣлый все повороты давалъ и вовсе умаялъ народъ. Устали, значить, матросы, и пылъ у ихъ прошелъ. А тѣмъ временемъ старшій офицеръ все дѣло объяснилъ капитану. «Такъ и такъ, молъ, хотѣли за бортъ васъ гнать отъ вашей жестокости. Я, говорить, бунтъ пока прекратилъ, а теперь, говорить, вашего ума дѣло!» Тогда командиръ вышелъ наверхъ и быдто ничего не знаетъ. «Команду во фронтъ!» — приказалъ. Стали во фронтъ. «Молодцы, — говорить, — ребята. Лихо работали. Съ такими молодцами, — говорить, — и линьковъ не нужно!» И тую-жь минуту приказалъ боцманамъ и унтерцерамъ линьки за бортъ покидать. Матросы: «Рады, молъ, стараться!» — и разошлись... И послѣ этого ужъ звѣрства не было. Наказывали съ разсудкомъ, и народъ вздохнулъ... А командиръ собралъ всѣхъ офицеровъ и просилъ все это дѣло въ скрытности держать, чтобы никто въ Рассею не давалъ знать. Блятву, сказывали, взялъ. Потому, значить, по совѣсти понималъ, что его вина и не хотѣлъ матросовъ за бунтъ губить. Объяви онъ все, какъ было, пропало бы много народу. А онъ быдто ничего не слышалъ и ничего какъ быдто на фрегатѣ и не было. По-благородному поступилъ, и матросы были имъ послѣ довольны. А какъ вышелъ онъ въ адмиралы, очень даже заботливый и ласковый былъ къ матросу начальнигъ. Я съ имъ на флагманскомъ кораблѣ служилъ и на адмиральскомъ вельботѣ гребцомъ состоялъ. Ни разу онъ не дрался и, бывало, завсегда награждалъ по чаркѣ, какъ отвозили его на вельботѣ.

Захарычъ примолкъ и словно бы въ раздумьи тихо покачалъ головой.

— Вотъ до какого грѣха, — снова заговорилъ Захарычъ, — можно довести матроса, даромъ что нашъ-то, рассійскій матросъ, и терпокъ, и покоренъ. Теперь-то легко служить... Не то положеніе, что встарину... Права даны. Судись, коли что... А тогда, сами знаете... Однако, терпѣли мы на «Чайкѣ», можно сказать, со всею покорностью. Все думается, не вѣкъ же терпѣть, впереди, Богъ дастъ, и ослабка будетъ. И точно, ослабка вышла. Какъ пошли мы домой, въ обратную, Шлига-то нашъ быдто маленько потише сталъ и не такъ тиранствовалъ, видно, отъ радости, что съ нѣмкою со своей скоро свидится. Ну, да и то сказать: работали у насъ на клиперѣ, прямо сказать, въ лоскъ, какъ бѣшеные. Въ три минуты марселя мѣняли, вашескобродіе. За три-то года Шлига вышколилъ и навелъ

страху. И какъ пришли мы въ Копенгагань *)),—а отсюда до Кронштадта рукой подать, — всѣмъ намъ радостиѣе стало. Шабашъ, мошь, скоро Шлигъ. Одинъ только на глиперѣ человекъ, артиллерійскій унтерцеръ Яшкинъ, не радовался, а быдто еще угрюмостиѣе сталъ и отъ тоски мѣста себѣ не находилъ. И смотреть, бывало, на море сердито такъ, точно думу недобрую про себя думаетъ. Тогда-то намъ и не въ домекъ, а, кажется, онъ и взаправду недоброе замышлялъ. Очень ужъ большую злобу онъ противъ Шлиги имѣлъ и не могъ, значить, осилить сердца. Бывало, только заговорять при немъ о командирѣ, такъ Яшкинъ весь задрожитъ, побѣлѣетъ съ лица, а глаза у его загорятся злобно-презленно. Со стороны глядя, и то жутко... Царство ему небесное и прости ему Господь, ежели его рукъ было это дѣло...

И Захарычъ, снявъ картузь, медленно и торжественно перекрестился, и тихо, чуть-чуть на-распѣвъ, продолжалъ:

— А былъ этотъ самый Яшкинъ изъ кантонистовъ, вашескобродіе, и, сказывали, адмиральскій быдто сынъ, не въ законѣ прижитый отъ матросской жонки, молодой парень, годовъ не болѣе какъ тридцати, изъ себя очень даже видный и съ форцомъ, особливо въ началѣ, какъ Шлига его еще не донялъ. Сапоги, значить, со скрипомъ, часы при цѣпочкѣ, перстенекъ, одно слово: фу ты на! И любилъ по-господски говорить разныя такія слова... Хвасталъ, что умѣетъ. И, надо правду сказать, былъ этотъ самый Яшкинъ человекъ съ умомъ, но только норовистый и злопамятливый и очень о себѣ воображалъ, совсѣмъ не по своему званію... Нами гнушался и компаніи не водилъ. «Я, мошь, матросу не чета!» Офицеры его не допускали до разговору, — извѣстно, нижній чинъ и другого званія. И такое, значить, ему было положеніе: отъ однихъ отсталъ, а къ другимъ не присталъ. Ни пава, ни ворона! Якшался онъ больше съ писаремъ да фершаломъ, вмѣстѣ съ ими и на берегъ ѣздилъ... И при всемъ-то этомъ его воображеніи Шлига ему зубы чистилъ и поролъ отчаянно, даромъ что Яшкинъ унтерцеромъ былъ.

— За что?

— А за все, вашескобродіе. А главная причина: понималъ онъ непоборность Яшкина и хотѣлъ ее искоренить вовсе, чтобы, значить, не смѣлъ онъ о себѣ воображать. Въ скорости, какъ вышли мы изъ Кронштадта, сталъ Шлига Яшкина донимать. Присталъ къ ему ровно клещъ. А тогда Яшкинъ во всемъ своемъ форцѣ былъ; думаетъ: унтерцеръ артиллерійскій и что съ имъ по-благородному, —

*) Копенгагенъ.

Шлиги-то не зналъ. Хорошо. Вызвали это какъ-то всѣхъ наверхъ, къ авралу, значить. Вышелъ и Яшкинъ и на бакъ зря стоитъ, вродѣ быдто пассажира. Шлига примѣтилъ это, и какъ кончился авраль, потребовалъ Яшкина къ себѣ. Тотъ безъ всякаго сумѣнія идетъ это къ капитану на мостикъ, форсисто такъ, подошелъ, фуражку снялъ и въ глаза Шлигѣ смѣло смотреть. А Шлига его тихо таково спрашиваетъ: «Вы кто такой на клиперѣ есть?» — и въ на-смѣшку «выкаетъ». — «Я, говоритъ, артиллерійскій унтерцеръ!» — «Изъ кантонистовъ будете?» — «Точно такъ, вашескобродіе, изъ учебной команды». — «Изъ учебной команды?... Ахъ, ты, говорить, подлецъ! Изъ учебной, а лодарничать на авралѣ?...» — и разъ, другой, третій по зубамъ, и отчесалъ, я вамъ доложу, по всей формѣ. Ушелъ отъ его Яшкинъ совсѣмъ оконфуженный... Лицо въ крови... Это при его-то форцѣ. Обидно! И злобный-презлобный, отъ сраму ни на кого не глядя, спустился онъ на кубрикъ и цѣльный день примочки прикладывалъ, чтобы знаковъ на лицѣ не оказывало. И съ того самаго разу и началась у его злоба противъ Шлиги. Боялся его, какъ огня, и злобу имѣлъ. И что дальше, то больше, потому что и Шлига Яшкина терпѣть не могъ и, чуть что, всячески унижалъ его, словно уничтожить хотѣлъ. Спуску ему не было — и дубасилъ, и поролъ. Разъ, какъ теперь помню, вернулся Яшкинъ съ берега (въ Гонгонтѣ мы стояли) треснувши и, замѣсто того, чтобы идти спать, сталъ на бакъ въ пьяномъ видѣ грозить Шлигѣ... всячески ругалъ его... «И злодѣй, и такой, и сякой». Убрали Яшкина внизъ, а Шлига-то все слышалъ и на слѣдующій день приказалъ его выдрать. Да такъ и велѣлъ боцманамъ: «Спустить, говорить, этому мерзавцу шкуру!» И отодрали бѣднягу безъ всякаго милосердія... Дали ему сто линьковъ и окровавленнаго, замертво, снесли въ лазаретъ. Недѣлю отлеживался и въ себя, значить, приходилъ. Съ той поры Яшкинъ окончательно заскучалъ и въ злобу вошелъ. «Я, — говоритъ, — самъ пропаду и его, говорить, изведу, злодѣя!» Такъ опосля фершалъ сказывалъ, — ему онъ во всемъ открывался... Однако, послѣ этой самой, прямо сказать, арестантской порки Яшкинъ съ виду присмирѣлъ и всячески старался, чтобы не проштрафиться и по своей должности быть исправнымъ. И избѣгалъ попадаться на глаза Шлигѣ. Какъ ежели Шлига выйдетъ наверхъ, Яшкинъ внизъ, на кубрикъ, и отсиживается... Но только и Шлига золь и упрямя былъ. Чуть какая неисправка около орудій — въ зубы, а то на бакъ... Терпѣлъ Яшкинъ, про себя зло тайлъ и весь свой прежній форцъ потерялъ... Сидитъ больше внизу, думы думаетъ, а то книжку какую отъ офицеровъ достанетъ; читаетъ, читаетъ и слезами

залется... А смиренія все въ ёмъ не было... И разъ, послѣ того, какъ его за что-то выпороли, онъ такъ на Шлигу посмотрѣлъ, и такой у его былъ взглядъ, что самъ Шлига глаза опустилъ и прочь пошелъ,—понялъ, значить, что довелъ человѣка до послѣдней отчаянности... И впрямь, совсѣмъ обезпутилъ человѣка! Прежде, бывало, съѣдетъ Яшкинъ на берегъ, честь-честью, больше по-благородному время проводилъ, въ кіятръ сходить, выпьетъ самую малость, а потомъ сталъ пьянствовать, какъ на берегъ урвется, и привозили его на клиперъ въ самомъ, можно сказать, послѣднемъ видѣ. Его завсегда уносили, бывало, поскорѣе внизъ, чтобы Шлига не видалъ,—жалѣли Яшкина. А внизу онъ грозитъ и страшныя самыя слова кричить противъ Шлиги. «Убью,—говорить,—безпремѣнно злодѣя за всѣ мои мученія! Онъ,—говорить,— всю мою жисть извелъ!» И плачетъ, бывало, спяна, рева реветъ,—жалко смотрѣть. А на утро протрезвится, и мрачный такой ходитъ да глазами изподлобья посверкиваетъ,—совсѣмъ на душегуба похожъ... Въ послѣдній годъ, однако, Яшкину стало легче жить... Увѣрился ли Шлига въ его покорности или жалость его взяла, но только бросилъ онъ его утѣснять, далъ, значить, отдышку. Однако, Яшкинъ зла не забывалъ,—не таковскій онъ былъ человѣкъ, чтобы обиду простить, и чѣмъ ближе мы подходили къ Рассеѣ, тѣмъ онъ какъ бы потеряниѣе становился. Видно, злоба не давала ему покою и онъ тосковалъ... Пришли это мы въ Копенгаванъ, всѣ радуются, что скоро домой, а ему быдто отъ этого тошниѣ и онъ ровно не въ своемъ умѣ былъ человѣкъ. И на берегъ не съѣзжалъ,—не пожелалъ... А ночью на рейдѣ,—стоялъ я на вахтѣ съ полуночи,—смотрю, Яшкинъ пробирается къ капитанской каютѣ. «Зачѣмъ это онъ?»—думаю И страхъ меня взялъ. Однако, вахтенный мичманъ его замѣтилъ и оклигнулъ: «Ты, говоритъ, куда?»—«Вѣстового, отвѣчаетъ, повидать нужно!»—а голосъ его дрожить.—«Завтра повидашь!» Яшкинъ назадъ... Недоброе, должно быть, замышлялъ. На другой день вышли мы всею эскадрой: два конверта и два клипера—въ Копенгавани, значить, «рандева» (рандеву) была—и въ скорости вошли въ Финскій заливъ... Радумся... Вѣтеръ попутный... жаримъ подъ всѣми парусами и клиперъ свой прибираемъ, чтобы домой во всемъ паратѣ придти. Погода славная... Солнышко свѣтитъ сверху... Назавтра и въ Кронштадтѣ... Всѣ матросы наверху, каждый за своимъ дѣломъ... Вышелъ и Шлига и тоже веселый такой,—и ему, значить, лестно. Приказалъ крЮить-камеру вычистить, все тамъ въ порядокъ привести... Ну, извѣстно, это Яшкино дѣло... Спустился онъ туда съ двумя матросами, надѣли,

какъ слѣдуетъ, коты, фонари взяли безопасныя... Послѣ фершаль сказывалъ, что былъ быдто Яшкинъ въ потемнѣнности, когда шелъ внизъ... Но только безъ вниманія тогда оставили... Знали, что Яшкинъ чудить... Прошло такъ около часу времени. Шлига спрашиваетъ у артиллерійскаго офицера: «Готово, мошь, у васъ?» — «Все, отвѣтилъ готово». — «Ну, говоритъ, пойдѣмте посмотримъ!» И пошли себѣ, не думая, что больше не видать имъ Божьяго свѣта.

Захарычъ протяжно вздохнулъ.

— Какъ теперъ помню, пробилъ шесть стѣлянокъ, значить, три часа пополудни. На счастье свое, былъ я въ ту пору на шканцахъ, собирався на вельботъ лѣзть уключины чистить. Стою я это пока, взглядываю на Гогланъ-островъ, — мы мимо шли, — какъ вдругъ загремѣло, словно изъ тысячи орудій пальнули... Взрывъ, значить. Клиперъ подпрыгнулъ, затрясся весь, а я ужъ на другой сторонѣ шканцевъ ничкомъ оглушенный лежу, — откинуло. Поднялся въ страхъ и ажно волосъ дыбомъ. Смотрю, впереди все въ бѣломъ дыму и пламя пышетъ, а оттеда крикъ и стоны... Не приведи Богъ ихъ слышать! Еще, примѣрно, секундъ, и все стихло, а половины клипера уже нѣтъ, и вижу я, что и корма сейчасъ тонетъ. Перекрестился я и въ воду... ухватился за стѣнгу... А кругомъ наши, что живые остались, стараются отплыть отъ клипера, кто за что хватается... А волна сильнѣе била... вѣтеръ свѣжій... Нѣкоторые тонуть... Держусь я за стѣнгу и фершаль приплылъ, ухватился... Надѣмся. Видимъ, со всѣхъ судовъ шлюпки на спасенье идутъ... Обернулись мы на *Чайку* взглянуть, а ея и званія нѣтъ... только обломки поверхъ воды плаваютъ... Перекрестились мы съ фершаломъ и ждемъ... Ну, тутъ въ скорости подошли шлюпки и начали подбирать людей... Коихъ подобрали, а кои потопли, царство имъ небесное!

— А много спаслось?

— Третья часть спаслась команды и изъ офицеровъ пять человекъ, а всѣхъ офицеровъ было восемнадцать.

— И вы думаете, Захарычъ, что это Яшкинъ взорвалъ?

— Полагать надо, что его это грѣхъ отъ злобы на командира. И на слѣдствіи многіе такъ показывали.

— А, можетъ, взрывъ произошелъ отъ неосторожности?

— Сумнительно, вашескобродіе, потому, сами изволите знать, крѣптъ-камера такое мѣсто, что въ ей завсегда строгую опаску имѣютъ... Едва ли... А, впрочемъ, одинъ Господь Всемогущій знаетъ, какъ было дѣло, а людямъ не доискаться настоящей правды.

Мы оба нѣсколько времени сидѣли молча, не обращая вниманія на удочки. Былъ мертвый штиль и на морѣ стояла какая-то торжественная тишина.

— Однако, не пора ли и закусить, вашескобродіе?—прервалъ молчаніе Захарычъ.—За разговоромъ, гляди-ко-сь, и солнышко вовсе поднялось... И славный же день сегодня!... На рѣдкость по здѣшнимъ мѣстамъ!—добавилъ Захарычъ.

Мы стали закусывать.

К. Станюковичъ.

Въ годовщину.

I.

Бродя одинъ средь васъ, холодныя твердыни
Суровыхъ финскихъ скалъ, я вспомнилъ край иной, —
Я вспомнилъ ширь и глушь родной моей пустыни
И путь недавній мой туда, въ просторъ степной.
Мой духъ изнемогалъ подь тяжестію жгучей
Неисцѣленныхъ ранъ, невыплаканныхъ слезъ, —
И шелъ я въ милый край, гдѣ благодатны тучи,
Гдѣ бодрости и силъ полны полеты грозъ.
О, степь раздольная, лучи и вѣтры юга,
Сѣдыхъ кургановъ цѣпь и пѣсни старины!
Я васъ привѣтствовать готовился, какъ друга,
Въ сіяньи яркихъ зорь, средь кроткой тишины,
Въ бодрящей той глуши, въ просторѣ томъ зеленомъ,
Гдѣ нѣкогда я пилъ отраду дѣтскихъ лѣтъ.
И стономъ, — о, какимъ великимъ, страшнымъ стономъ
Отвѣтилъ край родной на братскій мой привѣтъ!
Вливая въ грудь мою то страха острый холодъ,
То жалости струю безсильнаго огня,
Широкимъ, громовымъ раскатомъ слово: голодъ!
Еще издалека домчалось до меня.

II.

Я видѣлъ тѣ поля, тѣ жалкіе покосы,
Въ исходѣ лѣтнихъ дней. Цвѣты еще цвѣли,
Но поздніе дожди и теплота, и росы
Убитыхъ воскресить колосьевъ не могли.
Я видѣлъ очаги, остывшіе, какъ гробы,
Я видѣлъ хижины угрюмѣе могилъ.

Бакой-то тайный гнетъ, смѣсь ужаса и злобы,
 Ложился душной мглой и все кругомъ давилъ.
 И шелъ изъ края въ край по всей странѣ, томимой
 Господней карою, одинъ великій стонъ.
 Не радовалъ тогда просторъ необозримый
 И блескъ родныхъ равнинъ, какъ пышныхъ похоронъ
 Уборы скорбные—парча, цвѣты и свѣчи.
 Бакой тяжелый крестъ должна была поднять
 На богатырскія, но сторбленные плечи
 Измученныхъ дѣтей страдающая мать!
 Все говорило здѣсь: «Суровой жизни море
 Рождаетъ много слезъ, недуговъ и невзгодъ,
 Но нѣтъ мучительнѣй, нѣтъ больше, глубже горя,
 Чѣмъ горе пахаря въ неурожайный годъ.
 Нѣтъ бѣдствія того, нѣтъ въ мірѣ испытанья,
 Въ которомъ часть вины не пала бы на тѣхъ,
 Кто понесетъ отъ нихъ печали и страданья.
 Но чьи же тутъ виной ошибка или грѣхъ?»...

III.

А мы, столицъ изнѣженные дѣти,
 Живя изъ года въ годъ, не видя никогда,
 Какъ на родныхъ поляхъ растутъ колосья эти,
 Плоды терпѣнія и долгаго труда;
 Мы, знаньемъ гордые—искусствомъ и наукой,
 Созданьями ума и творческой мечты,—
 Когда до насъ дошелъ стонъ ужаса и муки
     Изъ этой душной темноты,
 Какъ много пышныхъ словъ и вздоховъ рассыпали
 И въ тощую суму голоднаго тягла
 Какіе жалкіе объѣдки мы бросали
     Съ отягощеннаго стола!
 Они, кормившіе насъ долгими вѣками
 Обильной жатвою съ полей родной земли,
 Взывали къ намъ, моля съ кровавыми слезами,
 И разъ ихъ накормить мы вдоволь не могли!...

IV.

Да, глубже горя нѣтъ и нѣтъ обиды жгучѣй,
 Но нѣтъ и радостнѣй, величественнѣй нѣтъ

Той вѣры пламенной и силы той могучей,
Что пахарь нашъ хранить, какъ вѣковой завѣтъ:
Не бросилъ онъ своей убогой десятины,
Не проявлялъ онъ своей работы вѣковой,
Не палъ, подобно намъ, подъ игомъ злой години
Съ душой запуганной, съ покорной головой.
По тѣмъ же бороздамъ, недавнею невзгодой
Придавленный къ землѣ, голодный и больной,
Онъ шелъ подъ мрачною осенней непогодой,
Неся исконный трудъ надъ нивою родной.
Холодный дождь кололъ лицо его и руки
И вѣтеръ, точно волкъ голодный, вылъ кругомъ.
Но въ этой сѣрой мглѣ, подъ стонущіе звуки
Угрюмой осени, подъ вѣтромъ и дождемъ,
Вставали борозды обычной чередою,
Ложились озими межъ темныхъ, жесткихъ грудъ...

О, смилуйся, Господь, надъ русскою нуждою!
Благослови нашъ горькій трудъ!...

С. Фругъ.

UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

КЪ ЧЕМУ ЖИТЬ?

Разсказъ Эрнста Альгрена (Викторін Бенедиктсонъ).

Маленькое лѣсное озеро казалось такимъ темнымъ и глубокимъ въ своей рамкѣ изъ старыхъ буковъ; въ неподвижной, зеркальной водѣ его отражались верхушки деревьевъ, а на поверхности, вдоль береговъ, окаймленныхъ тростникомъ, плавали большіе свѣтло-зеленые листья водяныхъ лилій.

Солнце освѣщало куполь, образуемый листвою, дѣлая его прозрачно-зеленымъ, но ни одинъ лучъ не проникалъ насквозь, ни одной почти былинки не росло на землѣ, которая словно дрожала подъ ногами, мягкая и зыбкая подъ слоемъ сухихъ листьевъ и хвороста, яетронутая лѣтнею жарой.

Воздухъ былъ прохладенъ и пропитанъ благоуханіемъ деревьевъ; когда какая-нибудь пташка начинала пѣть, трели ея далеко-далеко разносились между высокими, тонкими стволами; серна выглядывала изъ-за поросли молодыхъ буковъ и орѣшника и тотчасъ же безшумно исчезала. И тогда снова воцарялась полная тишина.

Но вдалекѣ, на лѣсной тропинкѣ что-то двигалось, медленно приближалось, какъ бы выростая изъ тѣней, отбрасываемыхъ деревьями, и, наконецъ, обозначилась женская фигура, которая прямо, совсѣмъ не сгибаясь, не шла, а скользила по тропинкѣ.

Ея походкѣ соответствовало и лицо ея, застывшее въ выраженіи смертельной печали. Черты были когда-то красивы, теперь онѣ казались острыми; цвѣтъ лица былъ сѣровато-блѣдный, подъ глазами лежали темныя тѣни, — слѣды безсонныхъ ночей. Станъ былъ худой и тонкій, только плечи еще сохранили прежнюю округлость.

На ней не было шляпы; волосы, гладко причесанные и положенные на головѣ греческимъ узломъ, обрисовывали своимъ блестящимъ цвѣтомъ линіи затылка. Только на вискахъ между темными прядями кое-гдѣ серебрились бѣлыя нити.

Погруженная въ тяжелыя думы и низко склонивъ голову, женщина шла мѣрною поступью, какъ бы сознательно замедляя шаги. Потомъ она вдругъ остановилась и окинула взоромъ темное озеро, древесные стволы, густо-заросшую даль лѣса, гдѣ всѣ контуры сливались въ зеленовато-синемъ освѣщеніи. То были темные глаза, въ которыхъ страсти перегорѣли, оставивъ послѣ себя черную печать разрушенія, то былъ спокойный, мрачный взглядъ, пытливо смотрѣвшій на все окружающее, какъ бы для того, чтобы измѣрить ничтожность всего, что существуетъ,—холодный, жесткій взглядъ, въ которомъ теплые лучи солнца не могли зажечь ни искорки свѣта. Брѣвно сжатыя губы говорили о безысходномъ отчаяніи, руки были стиснуты, словно подъ гнетомъ безпредѣльной тоски. Внезапно въ этомъ взорѣ появилось выраженіе мольбы, безмолвный вопль о спасеніи, потомъ онъ опять сдѣлался спокоенъ, равнодушно скользнулъ по мирному ландшафту, какъ бы навѣки чуждый всему, что тутъ жило и росло, и снова ушелъ въ себя съ тѣмъ спокойствіемъ, которое послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій дается, наконецъ, человѣку, осужденному на смерть.

Женщина пошла далѣе, медленно и задумчиво, какъ прежде. На берегу озера, гдѣ земля спускалась отлогимъ скатомъ, она остановилась и прислонилась къ дереву, вѣтви котораго свѣшивались надъ водой. Она такъ была погружена въ свои мысли, что не замѣтила топота маленькихъ дѣтскихъ ножекъ. Какъ изблеченный преступникъ, она вздрогнула, услыжавъ за собой тоненькій голосокъ:

— Тетя!

Она медленно обернулася, стараясь наружнымъ спокойствіемъ прикрыть свой испугъ.

— Что тебѣ?

Темные глаза ея такъ равнодушно устремились на малютку, какъ будто онъ былъ ничтожный червякъ и она могла однимъ взмахомъ отбросить его отъ себя.

— Ничего,—отвѣтилъ мальчикъ.

Тетка такъ сурово смотрѣла на назойливаго малютку, что онъ, очевидно, смутился. Онъ едва могъ выдержать ея взглядъ, усѣлся въ густую траву, покрывавшую берегъ озера, и сталъ смотрѣть въ воду съ какою-то не дѣтскою серьезностью.

— Кто послалъ тебя сюда?

— Мама.

Что-то вродѣ досады искривило сжатыя губы на блѣдномъ лицѣ,—это подергиванье было сходно съ горькою усмѣшкой злобы.

Женщина взглянула на своего сторожа съ тѣмъ упорствомъ, которое готово ждать и ждать. Наконецъ, присутствіе этого посторонняго существа сдѣлалось для нея нестерпимо: она повернулась и направилась къ лѣсу. Мальчикъ вскочилъ, пустился бѣжать ей въ догонку и потомъ пошелъ рядомъ, не надѣдая ей разговоромъ, даже не смотря на нее.

Она шла, будто не замѣчая, не удостоивая его взглядомъ, не обращающаго вниманія на то, какъ онъ спотыкался, сѣменя маленькими ножками.

Наконецъ, она взглянула на него.

— Развѣ ты не усталъ?

— Нѣтъ, я могу идти и дальше.

Онъ сказалъ это съ такимъ видомъ, будто и подумать не могъ объ усталости при одномъ только радостномъ сознаніи, что оказываетъ тетѣ такую великую услугу.

У дорожки стояла полусгнившая деревянная скамейка. Женщина сѣла на нее, мальчикъ опустился на землю.

— Ты можешь идти играть, если хочешь.

— Нѣтъ, тетя, я лучше останусь здѣсь.

Невозможно было сказать ему, что онъ мѣшаетъ. Такой упрекъ не могъ сорваться у нея съ языка. Присутствіе этого малютки вынуждало ее къ болѣе деликатности, чѣмъ еслибъ передъ ней находился взрослый человѣкъ.

Она должна была покориться. Водворилось долгое молчаніе. Видя, что и мальчикъ не нарушаетъ его, она вдругъ почувствовала любопытство; ей подумалось, что онъ, можетъ быть, ушелъ и что она опять осталась одна. Съ радостною надеждой она обернулась, но мальчикъ былъ на прежнемъ мѣстѣ; онъ полулежалъ на землѣ и, видимо, былъ совершенно поглощенъ какою-то игрой. Она нагнулась къ нему. Изъ скорлупки буковаго орѣха онъ устроилъ себѣ телѣжку, нагрузилъ ее комочками земли и двигалъ за стебелекъ, какъ за дышло. На пути ему попадались рыжіе лѣсные муравьи, и иногда онъ нарочно наѣзжалъ на нихъ, забавляясь тѣмъ, какъ они опрокидывались на спину, или преслѣдовалъ ихъ съ такою быстротой, что, спасаясь отъ него, они отбивали ножками настоящую барабанную дробь. Очевидно, онъ готовъ былъ хоть цѣлый день просидѣть тутъ и совсѣмъ позабылъ о тетѣ.

Она тихо поднялась со скамьи, такъ что не слышно было и шелеста ея платья, и безшумною, осторожною походкой двинулась опять къ лѣсу. Она не рѣшалась даже оглянуться изъ боязни, что одинъ уже взоръ ея можетъ привлечь къ себѣ вниманіе ребенка.

Лишь тогда, когда она отошла на значительное разстояніе и скрылась за кустами, она, наконецъ, обернулась: ей такъ хотѣлось удостовѣриться, что онъ не идетъ за нею. Она увидала его въ нѣкоторомъ отдаленіи: онъ шелъ по той же дорожкѣ, по которой шла и она, — шелъ, наклонивъ головку и старательно обстригивая какую-то палочку, — онъ не потерялъ изъ вида своей тети.

Ей вдругъ представилось, будто это маленькое существо несравненно сильнѣе ея самой; она почувствовала страшную усталость и изнеможеніе и бросилась на землю, прислонившись спиною къ стволу стараго бука.

Мальчикъ подвигался все тѣмъ же тихимъ шагомъ, продолжая обстригивать свою палочку. Женщина лежала и смотрѣла на его маленькія, тоненькія ножки въ темносинихъ чулкахъ. Съ тупою, механическою воспримчивостью она замѣтила, что правую ступню онъ заворачивалъ внутрь, какъ-то лѣнливо качая ножку на каждомъ шагу. Она вглядывалась въ маленькую, худенькую, наклоненную фигурку въ матросской курточкѣ съ синимъ кантомъ и потомъ взоръ ея остановился на дѣтскомъ личикѣ подъ мягкою, загнutoю вверхъ кастровою шляпой.

Мальчикъ былъ совершенно поглощенъ своимъ занятіемъ, и на его нѣжныхъ, блѣдныхъ чертахъ лежало выраженіе полного покоя. На минуту женщиной овладѣлъ суевѣрный страхъ: этотъ ребенокъ не былъ похожъ на другихъ дѣтей; ей почудилось, что онъ посланъ къ ней изъ какого-то невѣдомаго міра. Потомъ она пришла въ себя; испугъ былъ вызванъ ея собственнымъ болѣзненнымъ настроеніемъ. То, что она видѣла передъ собой, было ничто иное, какъ дѣтская безпечность и безмятежность.

Мальчикъ подошелъ къ ней, сталъ на колѣни въ траву и, не поднимая головы, продолжалъ свою работу.

— Эйнаръ!

Онъ поднялъ на нее свои ясные глазки, въ которыхъ свѣтился вопросъ, и пересталъ строгать.

— Почему ты не отстаешь отъ меня?

— Мнѣ мама велѣла.

Блѣдное лицо исказилось горечью и униженіемъ. Значитъ, е стерегутъ, какъ помѣшанную! — Она приложила руку къ пульсу. — Глушцы, неспособные понять, что она приняла холодное, спокойное рѣшеніе! Презрѣнные черви! Жалкіе сурки! Да, они готовы чинить бремя безцѣльнаго, бессмысленнаго существованія, готовы влачить его все дальше и дальше и имъ въ голову не приходитъ сбросить его навсегда! Мало того, они еще посягаютъ на сво-

буду других!—и на чертахъ въ промелькнуло выраженіе гадливости и отвращенія.

— Какъ сказала тебѣ мама?

Онъ опять опустилъ палочку и ножикъ, чтобъ взглянуть на тетку.

— Мама сказала: тетя больна, не отходи отъ тети, можетъ быть, ей что-нибудь понадобится.

Онъ говорилъ медленно, съ явнымъ стараніемъ передать слово въ слово приказаніе матери, и пристально глядѣлъ на тетку, какъ бы для того, чтобъ прочесть на ея лицѣ, хорошо ли она поняла его и увѣрена ли она въ томъ, что онъ сказалъ правду.

— Миѣ ничего не надо,—произнесъ непривѣтливый голосъ.

— Ну что-жь, я, все-таки, останусь здѣсь,—отвѣтилъ ребенокъ, тихо радуясь тому, что можетъ быть полезенъ.

— А развѣ тебѣ не хочется вернуться къ той скамейкѣ, гдѣ у тебя была телѣжка?

— Нѣтъ, я теперь придумаю что-нибудь другое.

Она пролежала нѣсколько минутъ въ тягостномъ молчаніи, точно прикованная къ своему мѣсту, между тѣмъ какъ малютка хлопотливо перебиралъ сухіе листья и хворостъ. Ей казалось, что она ненавидитъ его. Но она не могла оторвать глазъ отъ этихъ тонкихъ, маленькихъ членовъ и отъ нѣжнаго личика, сохранявшаго даже во время игры это не дѣтское выраженіе сосредоточенности.

Она встала.

— Ты такъ далеко прошелъ, что, навѣрное, усталъ. Лежи здѣсь и играй.

— Нѣтъ, отчего-жь и миѣ не пойти? Я могу идти, сколько тебѣ угодно, тетя.

Онъ уже былъ на ногахъ, готовый пуститься въ путь вмѣстѣ съ нею.

Она поняла, что ей до самаго вечера не избавиться отъ своего доброжелательнаго мучителя, что ей остается только одно—постараться провести это время насколько возможно сносно. Когда ей сдѣлалось ясно, что она должна ждать, ея негодованіе на мальчика какъ будто немного смягчилось. Онъ топтался возлѣ нея на своихъ слабенькихъ ножкахъ и, чтобы помочь ему идти поскорѣе, она протянула ему руку. Онъ тотчасъ же всунулъ въ нее свою и они пошли рядомъ, не говоря ни слова.

Какое-то чувство успокоенія какъ будто исходило изъ этой маленькой ручки и проникало во все ея существо, и теперь ее тронула безпредѣльная довѣрчивость малютки, неспособнаго даж

представить себѣ, что онъ можетъ быть въ тягость. Что за таинственная сила заставляла это дитя съ такимъ терпѣніемъ и такъ неотступно слѣдовать за нею?

Она подумала о томъ, какъ должны были ослабѣть отъ усталости маленькія ножки, сѣла на скамью, молча приподняла Эйнара и посадила возлѣ себя. Онъ сидѣлъ, болтая ножками, и имѣлъ видъ взрослого человѣка, чувствующаго, къ своему крайнему замѣшательству, что теперь надо вести разговоръ.

— Тебѣ жаль меня... что я больна... какъ говорить мама?

— Да, — застѣнчиво произнесъ онъ.

— А ты самъ былъ когда-нибудь болѣнъ?

— Да, я былъ болѣнъ одинъ разъ. Это когда докторъ пріѣзжалъ ко мнѣ. — Теперь Эйнаръ былъ безмѣрно счастливъ, что нашлась тема для разговора.

— Любишь ты доктора?

— Да, но я такъ его боялся!

— Почему-жь ты боялся? Развѣ докторъ былъ грубъ съ тобой?

— Нѣтъ, но я такъ боялся его желѣза.

— Какого желѣза?

— Онъ вставлялъ сюда, — мальчикъ провелъ рукой по груди, — такое длинное желѣзо.

— Желѣзо?

— Да. У меня, — онъ сдѣлалъ паузу, чтобъ припомнить и правильно выговорить слова, — *у меня были водяня на лѣжкахъ.*

Онъ вопросительно взглянулъ на нее, чтобъ убѣдиться, поняла ли она такую премудрость.

Ей представилось, что она видитъ его больнымъ въ его кровати, въ длинной бѣлой ночной рубашечкѣ; она измѣрила всѣмъ трепетнымъ біеніемъ собственнаго сердца безпомощную тоску этого маленькаго сердечка, она увидѣла передъ собой эти большіе недоумѣвающіе дѣтскіе глаза съ выраженіемъ испуганной покорности и безропотнаго смиренія.

Ее всю обожгло, точно по теплымъ мускуламъ ея скользнуло леденящее лезвіе хирургическаго ножа, и утомленные жизнью глаза ея закрылись, чтобъ не видѣть больше ужаснаго зрѣлища.

Снова водворилось молчаніе; тетка и племянникъ тихо сидѣли на скамьѣ.

— Развѣ ты никогда не играешь съ братьями и сестрами? — заговорила она опять.

— Нѣтъ.

— Развѣ ты ихъ не любишь?

Онъ отвѣчалъ не сразу.

— Нѣтъ.

— Почему же?

Онъ подумалъ немного, чтобъ отвѣтить по чистой правдѣ.

— Они такъ больно дерутся, — сказалъ онъ и заглянулъ ей въ лицо, какъ бы для того, чтобъ рѣшить, удовлетворена ли она этимъ объясненіемъ.

Его спутница ничего не отвѣтила; между бровей у нея появилась болѣзненная складка. Она вдругъ поняла, какъ одинокъ этотъ мальчикъ, до какой степени онъ предоставленъ самому себѣ, онъ, которому были опасны даже игры его братьевъ и сестеръ.

— Тетя!

Она взглянула на него; онъ сидѣлъ на скамьѣ, съжившись и скорбившись, какъ обезьянка.

— Что тебѣ, Эйнаръ?

— Какъ ты думаешь, не пора ли идти обѣдать?

Онъ говорилъ совсѣмъ тихо; ему было стыдно, что голодъ заставлялъ его напомнить объ этомъ.

— Да, теперь, навѣрное, пора.

Они оба встали и направились къ дому.

Когда неравная парочка вошла въ столовую, супъ былъ уже поданъ.

— Наконецъ-то вы пришли, я уже послала за вами прислугу, — сказала хозяйка, — всѣ эти голодные желудки не могли дольше ждать. — Она стояла у одного конца стола, оглядывая шумную толпу дѣтей, которыя толкали другъ друга, торопясь занять свои стулья.

— Мама, папа не прійдетъ къ обѣду? — раздался пискливый голосокъ одной изъ дѣвочекъ.

— Нѣтъ, онъ только завтра вернется.

— Такъ я сяду на его мѣсто! Я! Я! — крикнули трое дѣтей, стараясь перекрычать другъ друга.

— Всѣ останутся на своихъ мѣстахъ — сдѣлайте милость! И прошу не шумѣть!

Рѣшительный тонъ матери заставилъ всѣхъ разомъ утихнуть.

— Прости моихъ крикуновъ, милая Оттилія, — обратилась она къ гостьѣ. — Садись же, пожалуйста!

Оттилія сѣла, не сказавъ ни слова. Въ ея взглядѣ было что-то враждебное, и она избѣгала смотрѣть на невѣстку.

Послѣдней было, очевидно, уже подь сорокъ, но ея полное румяное лицо съ смѣлымъ выраженіемъ казалось молодежавымъ и жизне-радостнымъ.

— Вы, должно быть, далеко забрались?—сказала она, смотря на гостью и садясь на свое мѣсто. У нея были умные, зоркіе глаза, въ глубинѣ которыхъ таилась бездна добродушія.

— Да, мы много ходили, — коротко отвѣтила Оттилія.

— Ну, и что-жь, Эйнару удалось услужить чѣмъ-нибудь тетѣ?— продолжала хозяйка съ тою веселою неустрашимостью, которая какъ будто задается цѣлью во что бы то ни стало разсѣять дурное настроеніе въ другихъ.

Повидимому, вопросъ былъ обращенъ къ Эйнару, но онъ не отвѣчалъ, а сидѣлъ, уставившись глазами въ свою тарелку, съ такою скромною миной, что видно было, до какой степени онъ втайнѣ доволенъ собой.

Тетка тоже молчала, но на тонкихъ губахъ ея промелькнуло выраженіе ненависти. Она кинула быстрый взглядъ на невѣстку и опять застыла въ своей равнодушной, неподвижной позѣ. Но въ душѣ ея кипѣли гнѣвъ и протестъ.

Неужели эта здоровая, краснощекая женщина, никогда не знавшая душевной пытки, тоски и пустоты, никогда не тяготившаяся жизнью, неужели она воображаетъ, что своими грубыми ухищреніями она сѣмѣетъ предотвратить то, что *должно* произойти? Неужели она уже торжествуетъ потому только, что присутствіе малютки отсрочило исполненіе рокового рѣшенія?... О, это безсердечіе глупости, не дающее человѣку даже умереть по своей волѣ!... А эта женщина еще мнитъ себя умной и доброй, и всѣ считаютъ ее таковой. Она просто глупа и больше ничего.

— Ты, надѣюсь, не докучалъ тетѣ, Эйнаръ?—спросила мать, взглянувъ на него почти съ укоризной. Она рѣшила вытянуть-таки отвѣтъ у этого воплощенія мрачнаго упорства, сидѣвшаго за ея столомъ.

Дѣти стали пересмѣиваться и подталкивать другъ друга. Эйнаръ покраснѣлъ, и гордость его смѣнилась чувствомъ униженія. Очевидно, онъ съ такою увѣренностью ожидалъ похвалы, и вдругъ, вмѣсто нея, онъ слышитъ насмѣшки братьевъ и сестеръ и даже упрекъ матери.

— Мы съ Эйнаромъ большіе друзья, не правда ли?

Худая, дрожащая рука обвила плечи Эйнара и, поднявъ голову, онъ увидалъ передъ собой наклоненное блѣдное лицо, такъ странно смотрѣвшее на него своими темными, раздражающими душу глазами, жесткій взглядъ которыхъ внезапно смягчился.

Мальчикъ не могъ ничего отвѣтить. Робко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довѣрчиво взглянулъ онъ въ блѣдное лицо и потомъ украдкой по-

смотрѣлъ на братьевъ и сестеръ. Вотъ они видятъ теперь, что его общество пріятно тетѣ.

— Эйнаръ мнѣ ничуть не мѣшаетъ, — прибавила она и сняла руку съ его плечъ. Въ больной душѣ ея ликовала злобная радость. Пусть эта женщина не воображаетъ, что можетъ остановить ее своими принудительными мѣрами.

Такимъ образомъ, весь остальной день тетка и Эйнаръ провели вмѣстѣ, въ полномъ мирѣ и согласіи.

Наконецъ, насталъ вечеръ.

Оттилія стояла у окна въ своей комнатѣ, блуждая мыслями все въ томъ же лабиринтѣ, въ которомъ она уже сотни и тысячи разъ путалась до смертельнаго изнеможенія.

Вдругъ кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите.

Она должна была употребить всю силу воли, чтобы не обнаружить въ своемъ голосѣ досады на то, что ее не хотятъ оставить въ покоѣ. Навѣрное, ее пришли звать къ ужину. Она обернулась съ равнодушнымъ видомъ.

Но это былъ Эйнаръ. Онъ стоялъ, держась за ручку двери; онъ былъ такъ малъ ростомъ, что долженъ былъ для этого подняться на цыпочки.

— Мама спрашиваетъ, можно Ниллѣ перенести мою кроватку къ тебѣ, тетя? — сказалъ онъ.

Дѣтскіе глазки, устремленные на нее, свѣтились такою преданностью; мальчикъ былъ такъ увѣренъ, что его предложеніе обрадуетъ тетю, и былъ всецѣло занятъ этою мыслью. Оттилія хотѣла выговорить «нѣтъ», но какая-то таинственная сила не дала ей произнести этого слова и заставила ее сказать «да».

Съ безконечною радостью ребенка, мечтающаго о томъ, какъ онъ будетъ спать на новомъ мѣстѣ, Эйнаръ побѣждалъ по корридору, восклицая:

— Да, можно, можно! Нилла, тетя позволила мнѣ спать у нея!

Она же, все еще стоявшая у двери и слышавшая его крикъ, сжала губы и гнѣвъ заклокоталъ еще неудержимѣе въ ея ожесточенной душѣ.

На зло имъ, на зло имъ она докажетъ... О, развѣ же это не первое изъ всѣхъ человѣческихъ правъ: право разстаться съ жизнью?

Потомъ ее позвали ужинать, и она отправилась въ столовую. Она и невѣстка сѣли за столъ вдвоемъ: дѣти отъужинали раньше.

Трапеза прошла въ молчаніи, объ женщины только дѣлали видъ, что ѣдятъ. Невѣстка была совсѣмъ не похожа на себя; живой тонъ ея обращенія сдѣлался вдругъ удивительно мягкимъ, подобно звуку струнъ подъ сурдиной. Когда онѣ встали изъ-за стола, чтобы пожелать другъ другу доброй ночи, она подошла къ своей гостьѣ.

— Оттилія, — тихо сказала она, — ты сердисься на меня. Но я не хочу принуждать тебя. Если ты не *можешь* дольше терпѣть, ты свободна. Надъ тобой не установлено надзора.

Оттилія уже взялась за ручку двери, но при этихъ словахъ она остановилась и удивленно и недоувѣрчиво взглянула въ лицо говорившей. Та больше ничего не сказала, но объ онѣ стояли, зорко всматриваясь другъ въ друга, и эти два пристальные взгляда говорили больше, чѣмъ всякіе вопросы, отвѣты и длинныя объясненія.

— Я не хотѣла *навязывать* тебѣ Эйнара. Я желала тебѣ добра, — снова заговорила блондинка. — Изъ семерыхъ дѣтей не такъ ужъ трудно уступить одного. — Она прибавила это съ тонкою улыбкой, и эта улыбка какъ бы придала двойное значеніе ея словамъ и внезапно озарила все лицо ея внутреннимъ свѣтомъ ума и доброты.

— Я была несправедлива къ тебѣ, — съ усиліемъ выговорила брюнетка.

— Я это знаю.

На чертахъ Оттиліи сначала появился пытливый вопросъ, тотчасъ же перешедшій въ безмолвное презрѣніе и сознаніе своего превосходства. Не стоило и говорить того, что у нея было на умѣ.

— Покойной ночи, — промолвила она и протянула руку.

Невѣстка удержала эту руку въ своей и пристально посмотрѣла на Оттилію.

— Я вѣрю, — сказала она, — что можно и не будучи помѣшанной искать избавленія въ смерти. если жизнь черезъ-чуръ тяжела.

Впалые глаза Оттиліи просвѣтлѣли, враждебность въ ихъ выраженіи исчезла и уступила мѣсто благодарности. Такъ надъ ней не тяготѣетъ больше этотъ позоръ; ее не считаютъ сумасшедшей!

Холодная рука еще разъ почувствовала пожатіе другой руки, полной жизненной теплоты и силы.

— Дѣлай, какъ хочешь, я всегда съумѣю понять тебя. Только поцѣлуй моего мальчика и не пугай его.

Объ женщины доувѣрчиво взглянули въ глаза другъ другу, затѣмъ раздался стукъ захлопнувшейся двери, и та, которая хотѣла умереть, очутилась одна въ корридорѣ.

«Поцѣлуй моего мальчика и не пугай его», — отозвалось въ ея душѣ. Какою глубокою материнскою любовью звучалъ этотъ голосъ! Всею безпредѣльною нѣжностью матери къ своему ребенку... Да, но въ немъ было и еще что-то...

Дѣятельная мысль, привыкшая во все углубляться, стала допытываться смысла этой интонаціи... Не одною только нѣжностью звучалъ этотъ голосъ: въ немъ была и отвага, та беззавѣтная отвага, которая не отступаетъ ни передъ какимъ рискомъ, вѣрить въ свое счастье и выигрываетъ, — что-то родственное съ ея собственнымъ характеромъ, съ тою лишь разницей, что она поставила все на одну карту и проиграла.

Раздумывая объ этомъ, она отворила дверь въ свою спальню, гдѣ лежалъ маленькій Эйнаръ. Она тихо прошла по комнатѣ, чтобы не разбудить его, и стала смотрѣть въ окно. Лунный свѣтъ игралъ на прозрачныхъ узорахъ гардинъ, отбрасывая ихъ на коверъ въ видѣ легкихъ тѣней, между тѣмъ какъ тяжелыя, темныя драпировки по обѣимъ сторонамъ дѣлали еще болѣе холоднымъ и мечтательнымъ его блѣдное сіяніе. Все кругомъ было окутано какою-то зловѣщею таинственностью, и внезапно дрожь пробѣжала по спинѣ Оттиліи и волосы ея стали дыбомъ, какъ бы приподнятые незримою рукой.

Что это? Страхъ?... Да, конечно. Но она знала, что съумѣетъ преодолѣть его. И долго, долго не двигалась она съ мѣста, выжидая, пока всѣ въ домѣ улягутся.

Она накинула на себя пеньюаръ изъ персидской ткани, завернулась въ него такъ небрежно, какъ нищенка завертывается въ свои лохмотья, сняла башмаки и надѣла подбитыя мѣхомъ туфли, которыя могли заглушить звукъ ея шаговъ, и затѣмъ медленно направилась къ двери. Теперь часъ насталъ: все въ домѣ затихло.

— Тетя, — раздался шепотъ съ дѣтской кровати, когда Оттилія проходила мимо.

Она вздрогнула и остановилась: она, навѣрное, ослышалась! Это просто игра ея возбужденной фантазіи. Вѣдь, Эйнаръ спитъ крепкимъ сномъ.

Она пошла дальше.

— Тетя, тетя, куда ты идешь? — снова раздался дрожащій, робкій голосокъ.

— Развѣ ты боишься?

— Да, тетя, мнѣ страшно одному.

— Я вернусь, лежи смирно и тихо.

— Ты скоро придешь, тетя?

— Скоро, скоро.

Эйнарь натянулъ на голову одѣяло, и Оттилія скрылась изъ комнаты.

Ей сказали, что она можетъ дѣлать, какъ хочетъ. Этимъ, конечно, только хотѣли успокоить ее. До послѣдней минуты ее, все-таки, будутъ стеречь. Но, быть можетъ, ей удастся проскользнуть незамѣченною.

Въ корридорахъ было темно, такъ темно, что надо было знать всѣ закоулки стараго дома такъ, какъ она ихъ знала, чтобы не натолкнуться на что-нибудь, но она ощупью подвигалась впередъ, закрывая порою глаза, какъ будто такъ ей легче было пробираться.

На лѣстницѣ сдѣлалось свѣтлѣе отъ окна, продѣланнаго наверху, но потомъ ей оставалось еще пройти темный нижній корридоръ. Ни одного звука человѣческаго голоса не было слышно во всемъ домѣ. Мертвая тишина царила повсюду и Оттиліи казалось, что она блуждаетъ по опустѣлымъ покоямъ какого-нибудь замка, уцѣлѣвшаго отъ давно минувшихъ временъ. Наконецъ, она ощутила выходную дверь. Она была увѣрена, что найдетъ ее запертой, но при первомъ же толчкѣ дверь подалась, безшумно повернувшись на петляхъ... Оттилія была свободна.

На самомъ порогѣ она остановилась, придерживая дверь одною рукою, чтобы она не захлопнулась за нею.

Освоившіеся съ темнотою глаза широко раскрылись передъ брызгавшимъ имъ на встрѣчу бѣловатымъ свѣтомъ и потомъ инстинктивно поднялись къ тихому ночному небу, на которомъ стояла полная луна, освѣщая землю своимъ мягкимъ сіяніемъ и придавая всѣмъ предметамъ мистическій, безтѣлесный видъ и безформенную тѣнь.

Торжественный покой лежалъ на всей природѣ и небо съ кротко мерцающими звѣздами производило впечатлѣніе неизмѣримои безконечности. Несчастной женщинѣ представилось, что только тогда, когда она пролежитъ много-много лѣтъ въ нѣдрахъ темной, тяжелой земли, только тогда позабудетъ она, что надъ этою самою землею можетъ сіять такая свѣтлая, чудная ночь.

Ея легкія жадно вбирали въ себя освѣженный росю, неподвижный воздухъ, такой мягкій послѣ знойнаго дня, насыщенный ароматомъ цвѣтовъ и скошеннаго сѣна. Ея глаза отдыхали, утопая въ этомъ кроткомъ свѣтѣ, ноздри ея расширились и она чутко прислушивалась ко всѣмъ звукамъ, которые могла уловить: къ рѣзкому трещанью кузнечиковъ въ травѣ, къ однообразному крику перепеловъ и меланхолическому кваканью лягушекъ въ дальнемъ

болотѣ. Но ни человѣческаго голоса, ни человѣческихъ шаговъ, ничего, что напоминало бы о ненасытномъ, вѣчно находящемся въ разладѣ съ собой, властелинѣ и разрушителѣ земли! И въ кустарникахъ, и въ травѣ, — всюду трепетала жизнь, бессознательная, растительная, беззаботная жизнь, чуждая мыслей и сомнѣній. Жажда жизни, радость жизни, борьба за жизнь. Слышался ли гдѣ-нибудь вопросъ: къ чему жить? Нигдѣ! нигдѣ! Среди ночныхъ голосовъ не было ни одного, который звучалъ бы диссонансомъ, всѣ они какъ будто восклицали: мы хотимъ жить, жить, жить!

Тутъ не было ни словъ, ни мыслей, ничего опредѣленнаго; тутъ было только чувство, такое великое и широкое, что оно обнимало въ себѣ все живущее; тутъ былъ только благодатный покой растительной жизни, пролившійся, какъ освѣжительный бальзамъ, въ истерзанную человѣческую душу.

Блѣдныя губы задрожали, оцѣпенѣвшіе мускулы пришли въ движеніе и тонкою, исхудалою рукой Оттилія провела по своему лбу, влажному отъ ночной прохлады.

И вдругъ въ ея воспоминаніи промелькнуло: «Тетя, мнѣ страшно одному!»

Вотъ онъ лежитъ наверху, въ ея спальнѣ, карауля ея шаги, боясь темноты, привидѣній и всякихъ страшилецъ. Но напрасно будетъ онъ прислушиваться и пугаться во снѣ, напрасно будетъ завтра спрашивать и разузнавать о томъ, что взрослые будутъ скрывать отъ него съ чувствомъ стыда и отвращенія.

Оттилія повернулась машинально, нервнѣтельно.

Она осторожно притворила дверь и снова отправилась по темнымъ корридорамъ и полуосвѣщенной лѣстницѣ въ угловую комнату, чтобъ посмотрѣть, спитъ ли малютка.

Она стала на колѣни у его постели.

— Эйнаръ, — шепнула она такъ тихо и нѣжно, что никакъ не могла бы разбудить его.

Отвѣта не послѣдовало, но двѣ маленькія слабыя ручки обвились вокругъ ея шея, и дѣтская пушистая головка крѣпко прижалась къ ея груди. Долго сдерживаемыя рыданія, наконецъ, разлились, и Оттилія почувствовала, какъ все это маленькое тѣльце трепетало отъ судорожнаго плача, такого безпомощнаго и отчаяннаго, что онъ рѣзалъ ее по сердцу, какъ угрызенія совѣсти.

Развѣ же тоска этого ребенка была менѣе искренняя, менѣе глубокая, чѣмъ тоска взрослыхъ людей? Развѣ не страшился онъ, какъ и она сама, безжизненной, беспросвѣтной пустоты одиночества, этой всепоглощающей, бездонной пустоты, устремлявшей на нее

свой мертвенный взоръ изъ всего бытія, изъ всякой ея мысли о будущемъ? Развѣ онъ и она не были оба обездоленными существами? Больной малютка, такъ страдавшій отъ толчковъ своихъ братьевъ и сестеръ, и она, сломившаяся подъ единственнѣмъ ударомъ, который нанесла ей судьба.

Мальчикъ все еще прижимался къ ней, а она шептала ему на ухо безсвязныя слова утѣшенія и гладила его рукой по головкѣ: сквозь мягкую шерстяную ткань своего платья она чувствовала его прерывистое дыханіе, а изъ глазъ его слезы текли ручьями, такъ что она то и дѣло вытирала ихъ носовымъ платкомъ.

Наконецъ, она устала держать его, но когда по тяжести его головки она замѣтила, что онъ заснулъ, она не поднялась съ колѣнъ, а осталась на прежнемъ мѣстѣ, у его кровати. Воздухъ кругомъ нея былъ наполненъ его дыханіемъ, сонъ согрѣлъ его маленькіе члены, а изъ волосъ его исходилъ какой-то особенный, здоровый аромать, точно отъ щеночка, чисто вылизаннаго матерью. Она прильнула губами къ этимъ мягкимъ волосамъ, но Эйнаръ не шевельнулся.

Ребенокъ! Будущее!...

Быть можетъ, жизнь великаго человѣка... источникъ счастья и страданій для другихъ!... Не это ли чувство испытываютъ матери? Раньше она этого не понимала, не понимала до той самой минуты, когда маленькій Эйнаръ такъ крѣпко, такъ спокойно заснулъ у нея на рукахъ. Ледъ, сковавшій ея душу, растаялъ, голову и сердце охватило жаркое пламя и изъ глазъ ея неудержимымъ потокомъ хлынули жгучія слезы. Горе вылилось наружу и духъ ея воспрянулъ отъ долгаго оцѣпенѣнія.

Она рыдала, точно сердце ея готово было разорваться, а малютка такъ ровно дышалъ во снѣ. Ей представилось, что у нея только онъ одинъ и есть на свѣтѣ. *Только онъ?* Но чего же еще ей желать, когда она нашла существо, на которое можетъ перенести всю любовь свою, всѣ надежды... теперь, когда для нея самой уже все было кончено въ жизни?

Она поднялась съ колѣнъ и ей вспомнились слова невѣстки:

— Изъ семерыхъ не такъ ужъ трудно уступить *одного*.

Неужели она *это* хотѣла сказать?

О, какой даръ, какой щедрый, неоцѣненный даръ!

S.

Н А З А Р Ъ).

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

— Какіе-то бандиты завѣлись, чортъ возьми!

Стояла поздняя осень; увядшій, прѣлый листъ засыпалъ небольшой палисадникъ передъ старымъ деревяннымъ домикомъ, въ глухомъ переулкѣ, гдѣ жилъ Бугровъ. Утро было свѣжее, но чистое, ясное, — въ блѣдной осенней лазури ни одного облачка. Все кругомъ дышало какою-то усталою истомой; природа, точно вакханка, истомленная бурными порывами кипучей страсти и бѣшеной энергіи, казалось, отдыхала теперь съ застывшею на лицѣ улыбкой лѣнивой нѣги. За то въ людяхъ просыпалось то, что теряла природа, — ея усталость отражалась тамъ обратно подъемомъ силъ и энергіи. Свѣжіе осенніе дни, несмотря на меланхолическіе тоны, какъ-то особенно хорошо дѣйствуютъ на всѣхъ, подбадривая и оживляя. Бугровъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше и его тянуло на воздухъ.

Параличъ лѣвой стороны приковалъ его къ креслу, отнялъ каяедру, лишилъ возможности принимать активное, непосредственное участіе въ общественной жизни, но не тронулъ ни ума, ни сердца. Каяедру Бугровъ замѣнилъ переводами научныхъ, полезныхъ книгъ и уроками на дому, которые давали ему кое-какой заработокъ, необходимый для существованія, а умъ и сердце отдавалъ каждому, кто стучался за ними въ его дверь, кому нуженъ былъ совѣтъ, указаніе, помощь, чья смутно бродившая душа искала учителя и наставника-друга. Возлѣ него всегда ютился молодой кругъ, члены кото-

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

раго затѣмъ уходили въ жизнь, смѣняясь въ свою очередь новыми, но сохраняли всегда духовную связь другъ съ другомъ и глубокое уваженіе къ нему лично. Больной, онъ являлся какъ бы центромъ, соединявшимъ многихъ разбросанныхъ другъ отъ друга людей, а его нравственное вліяніе, его авторитетъ, уваженіе къ нему — цементомъ, скрѣплявшимъ эту связь. Почти весь интеллигентный кругъ города зналъ его, если не лично, то по слухамъ; о добротѣ его, довѣрчивости, простотѣ ходили анекдоты, передававшіеся съ тою благодушною улыбкой, что всегда характеризуетъ мягкое, любовное отношеніе, а старенькій домикъ съ палисадникомъ въ глухомъ переулкѣ такъ и звали шутя «лабораторіей». Въ тигляхъ ума, идеаловъ, высокаго нравственнаго чувства тамъ перерабатывалась, очищалась человѣческая душа, разрозненные, разобщенные элементы которой слагались затѣмъ въ цѣльное, прочное соединеніе. Доживъ до сѣдыхъ волосъ, расслабленный, больной, онъ оставался все тѣмъ же свѣтлымъ идеалистомъ, полнымъ и вѣры, и жизни, какимъ былъ и раньше, сохранилъ нетронутой теплую отзывчивость, умѣлъ и приласкать, и согрѣть cadaго. У него толпились съ утра до вечера, каждый приходилъ съ своимъ, cadaго онъ выслушивалъ, о каждомъ, кому это было нужно, хлопоталъ: тому устраивалъ урокъ, тому переписку, той давалъ книги, для этого собиралъ деньги и т. д., и т. д., и все это онъ дѣлалъ не вставая съ кресла. Единственное существо, относившееся къ нему немного свысока и позволявшее себѣ даже читать строгія нотации, была кухарка Марья, бывшая няня его покойной сестренки, съ которой онъ никогда не разставался, какъ и та никогда не могла бы разстаться съ своимъ большимъ «дитѣ», — такъ называла его Марья. Она привязалась къ нему тѣмъ безграничнымъ, чисто-материнскимъ чувствомъ, главнымъ факторомъ котораго является состраданіе. Она одна смотрѣла за порядкомъ, за тѣмъ, чтобы наставленія врачей исполнялись, берегла его, ходила за нимъ, заботилась дѣйствительно какъ о ребенкѣ и, конечно, частенько ворчала.

— И, батюшки-свѣты, чтой-то, какъ я погляжу!... На дворѣ пѣтухи поютъ, а мой-то Павелъ Петровичъ все за книжкой! Что доктуръ-то наказывалъ, а? Что наказывалъ?

Подъ вліяніемъ Бугрова, подъ вліяніемъ того милосердія, которое двигало ее каждый день служить больному и связывало съ нимъ все брѣпче, душа простой Марьи развилась до той высокой красоты, за которою человѣкъ теряетъ все личное или, вѣрнѣе, свое личное полагаетъ исключительно въ служеніи другому, въ заботахъ не о себѣ, а о другомъ.

Въ послѣднее время тамъ поселился, вынырнувшій снова на свѣтъ, безпріютный Дементьевъ и помогаль Марья въ ея хлопотахъ и заботахъ, какъ самый вѣрный, самый заботливый другъ. Марья любила его больше всѣхъ друзей и знакомыхъ Бугрова, считала самую чистою, святою душой и уважала, какъ доктора, — докторовъ она считала всезнающими и всемогущими. Дементьевъ возился за нее съ самоварами, носилъ за нее дрова, даже стряпаль порой, берегъ, вообще относился, какъ относится у насъ къ какой-нибудь великолѣпной барынѣ. Марья даже конфузилась.

— Чтой-то, Федоръ Ивановичъ, вы носите воду, ровно бы я сама не могу... За кого-то вы меня принимаете?... Ровно бы я барыня какая...

Но Дементьевъ, часто рѣзкій, и даже очень, съ другими, только улыбался ей мягко и невозмутимо продолжалъ свое дѣло.

— Если бы вы были барыней, Марья Ивановна, — отвѣчалъ онъ, всегда называя ее по имени и отчеству, — я, конечно, этого бы для васъ не дѣлалъ.

— Ужъ и не пойму, Федоръ Ивановичъ...

— И не понимаете, голубушка. Лучше скажите, гдѣ сковорода. Я сдѣлаю яичницу къ завтраку, а вы ужъ лучше отдохните.

Усталая Марья, съ которой отъ вѣчной работы всегда катился потъ, садилась, зная, что тотъ не дастъ себя переспорить, и только ворчала какимъ-то любовно-благодарнымъ тономъ:

— И охота вамъ, Федоръ Ивановичъ, грязнымъ дѣломъ руки марать?

— Именно, охота! — возражалъ Дементьевъ. — Во-первыхъ, Марья Ивановна, это не грязное, а самое чистое дѣло, потому что оно на пользу другому, а, во-вторыхъ, голубушка моя, — вѣрите мнѣ, — нѣтъ болѣе пріятнаго, какъ послужить за друга, да еще и такого хорошаго, какъ вы...

— Ужъ и нашли хорошаго, нечего сказать! — скромничала болѣе конфузившаяся, чѣмъ жеманившаяся Марья. — Такихъ-то за пятакъ въ каждой деревнѣ сотню наберешь.

— И тѣмъ лучше! — возражалъ также спокойно Дементьевъ, самымъ аккуратнымъ образомъ выполняя кухонныя функціи. — Слава Богу, если такъ, потому что вы — чистая сердцемъ... Ну, а знаете, чай, что обѣщано чистымъ сердцами?

Марья не понимала хорошо, конфузилась, но чувствовала, что подъ ледяною оболочкой этого страннаго, не похожаго какъ будто на другихъ, молчаливаго человѣка стучитъ доброе, отзывчивое сердце.

Съ Бугровымъ Дементьевъ былъ въ самой тѣсной дружбѣ, хотя Бугровъ разъ и навсегда попросилъ его не развивать ему своихъ теорій и не спорить, такъ какъ споръ будетъ бесполезенъ,—на положеніяхъ они никогда не сойдутся.

— Видите ли,—сказалъ онъ ему,—еслибъ я держался вашихъ взглядовъ, мы ушли бы съ вами куда-нибудь на необитаемые острова и зажили бы первобытною жизнью... Въ сущности, вѣдь, это дѣйствительно первобытное состояніе проповѣдуете вы.

— Въ новомъ и совершенно переработанномъ выраженіи, пожалуй... Вспомните-ка знаменитую гегелевскую триаду!... Если идти вашимъ путемъ, каждый синтезъ можно будетъ уподобить тезису, изъ котораго онъ вытекъ.

— Хорошо, хорошо, я понимаю и принимаю, что вы хотите сказать. И иду дальше... Я живу среди людей, въ которыхъ, какъ и во мнѣ, развитъ инстинктъ общественности, которые живутъ имъ и потому неминуемо укладываютъ свою жизнь въ опредѣленные формы. Естественно, остается пользоваться этимъ инстинктомъ и дружными усилиями, совмѣстною работою все идти впередъ, улучшая условія и формы.

— А если въ конечномъ всѣ эти улучшенные формы—предразсудки?

— Въ конечномъ! То-есть въ такой дали, куда никто изъ насъ никогда заглянуть не можетъ... Кто его знаетъ, можетъ быть! Но и тяготѣніе въ конечномъ можетъ оказаться предразсудкомъ, оно и Ньютономъ поставлено какъ гипотеза только, и до сихъ поръ не законъ, а теорія... Что-жь, развѣ поѣтому вы не должны пользоваться ею? Видите ли, Федоръ Ивановичъ, въ океанѣ есть разныя существа: одни живутъ на небольшой глубинѣ, ближе къ поверхности, другія на недостигаемой глубинѣ. Строеніе у тѣхъ и другихъ различно, вторые на своихъ щупальцахъ носятъ даже особые фосфорическіе фонарики, потому что иначе не видятъ въ мрачной глубинѣ. Согласитесь, что и тѣ, и другіе никогда не сойдутся, органически не сойдутся въ своемъ міросозерпаніи, если бы начали говорить другъ другу... Вотъ такъ и мы съ вами.

И оба, живя вмѣстѣ, никогда послѣ того не спорили другъ съ другомъ.

Въ это утро Бугровъ съ молодымъ жаромъ принялся за работу, заданную ему Таней, а работа была ему сильно по душѣ. Таня, какъ только оправилась, сейчасъ же заявила, что изъ наслѣдства оставить себѣ усадьбу съ паркомъ, а всю роцинскую землю дарить роцинцамъ на добрую память объ отцѣ. Чтобы даръ дѣйстви-

тельно пошелъ въ прокъ, а не попалъ въ руки Селифонтова, она попросила Бугрова и Авсентьева вдвоемъ обдумать и выработать условія и форму этой передачи, которая обезпечивали бы, въ то же время, и школу, и больницу, и самое выгодное, самое правильное пользованіе роштинцами ея даромъ. Работа была трудная, но за то несомнѣнно интересная для обоихъ. Она открывала возможность приложить на опытѣ, испробовать на дѣлѣ всѣ новыя положенія науки. Общая схема была намѣчена Сергѣемъ въ его письмахъ къ Танѣ, а самое трудное, — разработка всего, — пришлось на долю обоихъ друзей. Оба они, въ интересахъ строгаго выполненія роштинцами выработанныхъ условій, настояли на томъ, чтобы до поры до времени этотъ даръ не былъ узаконенъ формально. Земля отдавалась пока только частнымъ образомъ въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, Таня оставалась, все-таки, законною собственницей и, въ случаѣ несоблюденія этихъ условій, право пользованія прекращалось. Главное руководство оставалось за Таней и ея довѣренными лицами; весь чистый доходъ дѣлился между роштинцами въ пропорціи, построенной на самыхъ гуманныхъ началахъ. Когда же роштинцы свыкнутся съ поставленными имъ условіями владѣнія настолько, что будутъ въ состояніи вести дѣла сами и явится, такимъ образомъ, гарантія, что формы пользованія и распредѣленія не выйдутъ изъ установленной колеи и никакіе пройдохи не смогутъ какъ-нибудь гнусно воспользоваться простою роштинцевъ, тогда Таня могла и узаконить свой даръ. Такая постановка дѣла казалась самою лучшей и практичною, гарантируя отъ всякаго рода случайностей, и только одинъ Сладкошѣвцевъ кипятился и возмущался, находя, что тутъ связить все то же высокомерное недовѣріе «интеллигента» къ народу, желаніе командовать и навязывать свое. «Изъ простаго акта справедливости, — кричалъ онъ суетливо, — добродѣтельные господа непременно поровнять выкроить благодѣяніе! И пахать-то безъ насъ-де не съумѣете! Ха, ха, ха!» Но съ нимъ никто не соглашался, даже Ларская, которая въ общихъ воззрѣніяхъ сходилась съ нимъ вполнѣ. Конечно, если бы спросить самихъ роштинцевъ, они, несомнѣнно, поддержали бы его всецѣло, какъ и пройдоха Селифонтовъ, у котораго для этого были и свои виды, и свои перспективы. Искони подозрительные роштинцы объясняли этотъ даръ по-своему, твердо были увѣрены, что сдѣланъ онъ по распоряженію покойнаго генерала «для ради спасенія души» (кто-жь отъ своего-то добровольно отступится?), а на условія пользованія, о выработкѣ которыхъ до нихъ доходили пока только темные слухи, смотрѣли, конечно, какъ

на подвохъ со стороны наследницы съ цѣлью «оттягать добро». Такъ говорили и вѣковое недоуѣріе, и Анисья, и Селифонтовъ, и многоопытная мудрость стариковъ.

Работа была кончена, Бугровъ пробѣгалъ послѣднія черновыя строки, поджидая Авсентьева для совмѣстной окончательной редакціи, и тотъ не замедлилъ. Онъ пришелъ раздраженный немного и сообщилъ довольно неприятныя вѣсти.

Оказывалось, что въ городѣ праздные языки болтали уже по поводу этого дара всевозможныя небылицы. Благодаря стараніямъ и сплетнямъ генеральши и Пуцковскаго, для которыхъ желаніе Тани являлось, естественно, чѣмъ-то вродѣ ножа въ сердце, разбивая надежды и перспективы, — этотъ добрый актъ принималъ видъ чего-то злонамѣреннаго и тревожнаго. Подозрительныя умы настораживали уши, языки болтали, кое-гдѣ уже начинали кричать, что «нужно принять мѣры», а въ довершеніе всего и сами роциныцы стали глупить. Они знаютъ уже, что земля будетъ имъ отдана, нетерпѣливо волнуются, толкуютъ, что отъ нихъ что-то скрываютъ, хотятъ ихъ надуть, а Селифонтовъ, пользуясь такимъ настроеніемъ, сѣять зачѣмъ-то смуты, дѣйствуя, вѣроятно, по наущеніямъ Пуцковскаго. Что онъ правая рука «тѣхъ», — такъ называли оба генеральшу съ ея зятемъ, — извѣстно всѣмъ. Становому даже пришлось нарочно ѣздить и успокаивать людей.

— Что-жь Болдуновъ-то? — перебилъ Бугровъ. — Вѣдь, онъ могъ бы растолковать... Тамъ, вѣдь, на мѣстѣ... Знаютъ же его и вѣрятъ ему.

— Ну, Болдуновъ за своимъ романомъ ничего не видитъ и не слышитъ! — улыбнулся Авсентьевъ.

Бугровъ хлопнулъ по столу рукой съ безразличною досадою.

— Ахъ, эти добрые русскіе люди!... Не могутъ они рядомъ съ женщиной стоять безъ того, чтобы не завести романа... У постели умирающаго, и то романъ сочинять! Тьфу, ты! Право же, пѣтухи ведутъ себя, кажется, лучше! И глядите же, порядочный человѣкъ, неглухой, работающій, а вотъ же, подавай ему объятія и «сладость устъ твоихъ», или какъ тамъ говорится? Иначе не можетъ!... И который это разъ у него?

— Ну, кто-жь сосчитаетъ! — шутилъ Авсентьевъ. — Съ каждымъ фазисомъ развитія... На нашихъ глазахъ была фельдшерница, та предпочла другого врача, затѣмъ Ларская, но та о любви и слышать не хотѣла, — бадовство, говорить, — теперь Таня...

— Ну, у той есть соколъ, до котораго Болдунову и глазомъ не достать! — вставилъ Бугровъ, хорошо улыбаясь, какъ улыбался онъ

всегда при упоминаніи о своемъ любимцѣ.—Нѣтъ, вотъ что противно, господа!—продолжалъ онъ возмущенно, возвращаясь къ прежней темѣ.—Отвратительно то, что и теорію, оправдывающую себя, найдеть сейчасъ нашъ братъ, какъ только коснется амура... Съ постепеннымъ духовнымъ ростомъ, съ развитіемъ, моль, я мѣняю и требованія, предъявляемые къ подругѣ. Вотъ какъ! Не хочется сказать просто-напросто: пѣтухъ я! Ну, и замазываетъ себя теоріей... Погодите же, проберу я его, пусть только носъ покажетъ!

— Удивляюсь,—не удержался тутъ Дементьевъ,—право, удивляюсь!... Чего тутъ кипятиться? И какое кому дѣло, какъ и сколько разъ кто-нибудь любить? У васъ темпераментъ Филимона, любившаго только Бавкиду, ну, и благо вамъ. Но не требуйте отъ Колдунова, у котораго въ жилахъ течеть, можетъ быть, кровь андалузскаго гидальго, чтобы онъ вель себя такъ же. Это дѣло темперамента и вмѣшиваться тутъ никто не можетъ.

— Вѣрно, — подхватилъ Бугровъ,— совершенно вѣрно, но только до тѣхъ поръ, пока темпераментъ не мѣшаетъ работѣ и дѣлу человѣка... Это разъ... А съ другой стороны... съ другой... Какъ вамъ сказать? Нужно, знаете ли, и предѣлъ какой-нибудь положить себѣ, чтобы темпераментъ не доводилъ до распущенности.

Дементьевъ пожалъ плечами.

— Распущенность? Экое, подумаешь, страшное слово какое!... Байронъ, Гейне, Гёте,—имъ тоже кидало въ лицо это слово мѣщанское фарисейство... А ну-ка, поставьте и тѣхъ, и другихъ на вѣсы, не перетянетъ ли чаша съ этою тройкой всѣхъ обвинителей вмѣстѣ? А? Да вотъ что лучше: покажите-ка мнѣ хоть одного истиннаго моногамиста на свѣтѣ, который бы любилъ только одну и одинъ разъ... Ну-ка, покажите по совѣсти, положи руку на сердце,—сто противъ одного, что не покажете!... Абеляръ?... Пойдите, пойдите, Авсентьевъ,—въ отношеніи Абеяра я,—съ такимъ же правомъ, какъ вы отрицаете,—утверждаю, что у него до Элоизы была по меньшей мѣрѣ хоть одна Гретхенъ, какъ и у Элоизы до Абеяра могъ быть какой-нибудь «душка» военный. Я утверждаю, наконецъ, что все наше современное представленіе о добродѣтели, вся ваша мораль вытекаетъ только изъ вопроса о воспитаніи и кормленіи дѣтей, забота о чемъ лежитъ на каждой семьѣ отдѣльно. Ваша мораль зиждется, такимъ образомъ, не на природѣ человѣка, а исключительно на одномъ экономическомъ факторѣ современнаго строя, на римскомъ правѣ, на кодексѣ Юстиніана...

Но тутъ его перебили. Поднялся споръ, въ которомъ принялъ участіе и закаявшійся спорить Бугровъ. Авсентьевъ, наконецъ, махнулъ рукой и выбѣжалъ весь красный.

Въ то же утро, послѣ ухода Авсентьева, какъ нарочно, Колдуновъ показалъ свой носъ. Но этотъ носъ былъ спущенъ уныло, лицо глядѣло совсѣмъ убито, живые глаза стали какими-то тусклыми, матовыми, небольшая борода смята, — отъ всей крѣпкой фигуры несло уныніемъ. Бугрову даже жалко его стало, но онъ, все-таки, разсердился.

— Вотъ и встати!—сказалъ онъ.—Что у васъ тамъ такое за смуты, говорятъ?

Колдуновъ безнадежно махнулъ рукой.

— А ну ихъ совсѣмъ! Глухость безъисходная! Жаль, уѣхалъ Сампсонъ кузнецъ, тотъ умѣлъ ихъ урезонивать.

— А вы-то?

— Я?—Колдуновъ опять махнулъ рукой.—Не до нихъ!

— Вотъ какъ! Все романъ?

Бугровъ уже сердился.

— Ну, романъ, пусть романъ! Чего же вы сердитесь? Что же дѣлать, если я люблю?... Сердцу не закажешь!—говорилъ Колдуновъ, уныло смотря на хозяина.

— Конечно, такъ и въ пѣснѣ поется... Но поймите же вы, чудакъ, что она невѣста другого, что не сегодня - завтра Сергѣй будетъ здѣсь... Поймите...

Колдуновъ рѣзко махнулъ рукой.

— А, и пусть бы скорѣе! Еслибъ онъ пріѣхалъ уже, или она уѣхала куда-нибудь, мнѣ, кажется, стало бы легче... А то я сбѣгу, и чортъ съ ней и со службой, найду въ другомъ мѣстѣ!

Бугровъ заговорилъ прямо и рѣзко. Его слова какъ будто пробудили что-то въ Колдуновѣ; онъ задумался. Слова пѣтухъ и другія, равно какъ и напоминаніе о прежнихъ романахъ, щемили неприятно слухъ. Онъ повернулся, какъ будто немного растерянно, и, точно прося помощи или ища поддержки, спросилъ съ унылымъ отчаяніемъ:

— Ну, что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать, если я люблю?

— Что дѣлать? Справляться съ собой надо, вотъ, какъ справлялся съ собой этотъ самый Сергѣй, когда еще былъ юношей, а не мужчиной, какъ вы, и любилъ по-юношески, безумно... Да, да... Я хорошо помню, я слѣдилъ за нимъ и, признаться, помогалъ ему справляться, потому что видѣлъ его и понималъ, что малый годится кое для чего лучшаго слѣпой юношеской страсти. Таня тогда уѣ-

жала из пансіона къ отцу; помните, — вы еще рассказывали, что ѣхали съ ней вмѣстѣ, — написала Сергѣю послѣ многихъ дней коротенькое письмо, холодное, какъ ему показалось, что-то еще у нихъ вышло и въ маломъ закипѣло молодое самолюбіе, забушевала гордость пролетарія, полюбившаго аристократку, и... и... Да, еслибъ вы видѣли, какъ справился этотъ юноша, какъ самъ налеталъ на все, чтобы затушить свою боль, а не носиться съ нею!... Я помню это блѣдное молодое лицо, эти горячіе глаза и сильно сжатые губы, чтобы не выдать ни малѣйшимъ звукомъ того, что кипѣло въ груди. Я помогаль ему, я отвлекаль его мысль, заставляль дрожать другія струны, взываль къ другимъ чувствамъ, но я видѣль, по сжатымъ губамъ, по глазамъ видѣль, что у малаго и своей силы довольно, что онъ и самъ справляется молодцомъ. Вотъ какъ, батенька!

Самолюбіе Колдунова было задѣто.

— Этотъ Аркановъ у васъ нѣчто вродѣ единицы мѣры. Вы прилагаете эту идеальную мѣрку ко всякому! — обидчиво и немного ѣдко отпаривоваль онъ.

Бугровъ слегка сощурилъ глаза.

— Единица мѣры? Ну, нѣтъ! И потому нѣтъ, что подъ такую мѣру, батенька, ой-ой, врядъ ли много подойдетъ нашего брата!... Право же, маловато... У насъ вотъ и дѣло изъ рукъ валится, когда насъ амурь одолѣваетъ, намъ вездѣ нужна взятка, хотя бы и амурная, — до того проѣло насъ взяточничество. Эхъ, батенька, мы и до сихъ поръ не можемъ стряхнуть съ себя крѣпостныхъ наслѣдій! Вѣдь, согласитесь же, что эти пѣтушинья свойства — прямой отголосокъ прежняго распутства и крѣпостныхъ гаремовъ, хотя Дементьевъ и готовъ утверждать, что такова вообще природа человѣка... Да-съ, батенька! Ну-съ, а Сергѣй не то... Такіе типы и сжечь себя могутъ, какъ наши прадѣды въ срубяхъ, и умирать спокойно умѣютъ, не поморщившись, а не то что...

Онъ не договорилъ въ волненіи. Колдуновъ обрадовался, что разговоръ коснулся Сергѣя, — самой пріятной для Бугрова темы, съ которой тотъ долго могъ не сходить, разъ затронувъ.

— Вы отзываетесь о немъ такъ, точно онъ уже и совсѣмъ безъ общихъ слабостей, — подалъ онъ реплику, чтобъ отвлечь отъ себя. — Сами же вы въ рассказахъ своихъ говорили о порывистости натуры, которая доводитъ его чортъ знаетъ до чего, объ остромъ самолюбіи и чисто-дьявольской гордости, о...

— Да, да, говорилъ! — страстно схватился Бугровъ. — Все это

такъ, говорилъ!... Но я указывалъ рядомъ и кое-что такое, что сильно смягчаетъ, сдерживаетъ, даже красить эти тѣни... Я говорилъ и о безграничной искренности, и чисто-классической прямотѣ характера, о правдивости, которыя не допускаютъ его замазывать себѣ глаза на свои слабыя стороны и самооправдываться... Отъ себя же ему ой-ой, какъ достается, и малый умѣетъ взнудать себя и держать на поводу... Я говорилъ и о теплой, чисто-женской отзывчивости на всякое людское горе, о добротѣ, о деликатности чувства, что всегда сопровождаетъ сильныя натуры. Да-съ!... Такъ ужъ свѣтитъ на насъ солнце, что нѣтъ ничего въ мѣрѣ безъ тѣни, но за то и тѣни-то, батенька, бываютъ разныя... Кстати, вотъ, послушайте... Я самъ недавно узналъ эпизодъ изъ его ранняго дѣтства, характерный, хорошо его обрисовывающій. Ему было тогда лѣтъ одиннадцать, двѣнадцать, не больше. Мать его тогда заболѣла, — ее послали доктора въ Крымъ, куда она взяла съ собой Таню, — вы знаете, Таня росла у нея, — а мальчига оставила у знакомой, не злой, но крайне раздражительной, болѣзненной женщины, которая, какъ послѣ оказалось, жестоко порола своихъ двухъ сыновей, сверстниковъ Сергѣя. Онъ учился, скоро предстоялъ экзамень, — дѣло было раннею весной, — и взять его съ собой она, конечно, не могла... Ну, подумайте, какъ почувствовалъ себя гордый мальчижъ, воспитанный только лаской и словомъ, что испытывалъ онъ въ этой новой обстановкѣ, среди криковъ и брани, всевозможныхъ наказаній, угрозъ, даже битья?... Ему, конечно, влетало тоже не разъ и онъ возненавидѣлъ свою хозяйку самую глубокою ненавистью слабаго, беззащитнаго существа. Бѣжать было некуда, написать матери удерживала любовь, боязнь растревожить ее, а замѣтте, онъ былъ еще совсѣмъ мальчижъ. Онъ рѣшилъ подчиниться, сносить все, но въ свою очередь дать и ей почувствовать, до чего скверно приходилось ему. Что же онъ придумалъ, а? какъ вы думаете? А вотъ что: у барыни были роскошныя цвѣты, выхоленныя, взрощенныя ею же самой, которые она любила чуть ли не какъ дѣтей, и гордилась ими. На этомъ чувствѣ и построилъ все мальчижъ... Что же онъ дѣлаетъ? Послѣ каждой несправедливости съ ея стороны, послѣ каждого битья кого-нибудь изъ троихъ, все равно, — онъ вынималъ свой перочинный ножикъ и тихонько, незамѣтно для всѣхъ, подрѣзалъ одинъ какой-нибудь корень. Правда, это злая месть, но какова выдержка, каковъ характеръ, а? И это у мальчига, у гимназиста пузыря! Но слушайте, какъ повелъ себя затѣмъ этотъ пузырь... Когда всѣ корни были подрѣзаны и цвѣты незамѣтно погибли, къ отчаянному го-

рю изумленной, не понимавшей причины, хозяйки, и она билась и разливалась потоками слезъ и жалобъ, кляня весь свѣтъ, — мальчикъ смѣло, хотя и поблѣднѣвъ, конечно, выступилъ впередъ и самъ разсказалъ ей все, — самъ, своими устами! Его никто не вынуждалъ къ тому, никто не подозрѣвалъ ни въ чемъ, а онъ сказалъ правду, какъ она была, не скрывъ ничего. Онъ указалъ ей на жестокости, на ея несправедливость; сказалъ, что, жалѣя мать, не хотѣлъ беспокоить ее своими жалобами, рѣшилъ не писать ничего и скрывать... А? каково?

— Ну, что-жь, она жестоко отодрала его, конечно?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Все это я узналъ отъ нея же самой. Она говорила, что все это какъ будто отрезвило ее. Мальчикъ своимъ жестокимъ урокомъ заставилъ ее оглянуться... Такъ-то, сударь, не нужно ли и намъ оглянуться, а? Не пора ли, въ самомъ дѣлѣ?... Давайте, подрѣжемъ какіе-нибудь корни, чтобы выручить отъ этихъ постоянныхъ амуровъ... Какой по счету приходитея? Ну, говорите!

Нужно правду сказать, что рѣчь Бугрова какъ-то дѣлительно дѣйствовала на душу Колдунова и нытье понемногу спадало, хотя онъ и волновался и даже, казалось, сердился. Обижаться на Бугрова, на его тонъ, на эту мягкую шутливую форму упрека, за которой чувствовалось столько теплоты, участія, ума, нравственной силы, было невозможно. Колдуновъ и самъ порой не могъ удержаться отъ улыбки, несмотря на унылость и нытье, но ему, все-таки, хотѣлось избѣжать больной темы. На его счастье, вошла Ларская проститься, — она уѣзжала въ Петербургъ на курсы, — а затѣмъ подоспѣлъ и Дементьевъ.

— Ну, что Таня? — живо спросила дѣвушка и въ живыхъ смѣющихся глазахъ ея запрыгалъ огонекъ, ясно свидѣтельствовавшій, что тайна, которую, какъ думалъ Колдуновъ, онъ прячетъ и таить глубоко, врядъ ли непроницаема. — Все въ томъ же настроеніи?

— Да, все въ томъ же... Хандра... одиночество... книги, — слишкомъ ужъ равнодушно отвѣтилъ Колдуновъ, чтобы его равнодушія нельзя было не заподозрить. — Вотъ развѣ Аркановъ, когда вернется...

Дементьевъ подкатилъ кресло, въ которомъ каждый хорошій день каталъ по бульварамъ больного Бугрова.

— Пора на воздухъ, пора! Поѣдемъ-ка! — сказалъ онъ.

— Ну, а мы пойдемъ съ вами, Матвѣй Михайлычъ, — сказала Ларская. — Кстати, я до сихъ поръ не собралась осмотрѣть постройку новой башни водопровода... Туда всѣ ходятъ, — говорятъ, за-

мѣчательный видъ на городъ и окрестности съ верхней площадки.. Ну, что-жь, пойдёмъ, или дѣла есть? Нѣтъ? Тѣмъ лучше... Разсѣйтесь...

Она подтрунивала слегка, какъ и всѣ, надъ влюбчивостью Колдунова, составлявшею Ахиллесову пяту этого, въ сущности, добраго, жизнерадостнаго малаго, къ которому весь кругъ относился мягко и любовно. Серьезнаго значенія его чувствамъ никто никогда, конечно, не придавалъ, да и самъ онъ, въ «свободные» моменты, — такъ называли промежутки между концомъ одного увлеченія и началомъ другого, — подтрунивалъ и надъ собой, и надъ своими романами, признаваясь, что всѣ они носятъ у него характеръ чего-то вродѣ перемежающейся лихорадки.

— Ну, что-жь... Вы бы хинину побольше! — шутили друзья.

— Не беретъ! Specifica, а вотъ же и не беретъ... Удивительно! — такъ же весело отшучивался и онъ въ свободные моменты. Тогда онъ былъ и живъ, и бодръ, и веселъ, и энергиченъ; но начинался пароксизмъ — и Колдуновъ мѣнялся до неузнаваемости. Одно выходило еще не дурно, что пароксизмы эти были непродолжительны. Увлечение Ларской продолжалось не долѣ лѣтнихъ каникулъ. Къ рождественскимъ каникуламъ оно угасло, наступилъ свѣтлый промежутокъ вплоть до лѣта, когда Таня вернулась изъ за границы. Бугровъ всегда предсказывалъ ему, что его непременно скрутитъ и женитъ на себѣ какая-нибудь ловкая дѣвица. Съ такими это постоянно случается и затѣмъ они неминуемо попадаютъ подъ башмакъ.

— Не захать ли мнѣ по дорогѣ къ Танѣ, — еще разъ повидаться? — сказала Ларская, когда они обогнули вокзалъ желѣзной дороги и повернули кратчайшимъ переулкомъ. — Сутки не бѣда, — куда ни шло...

— Что-жь, доброе дѣло! — отвѣтилъ мрачно Колдуновъ. — Въ ея состояніи каждый гость ей въ радость, а вы, Лидія Петровна, и подавно, — и вдругъ, оставивъ мрачный тонъ, точно обрадовавшись, что нашелъ слушателя для своихъ изліяній, онъ заговорилъ оживленно и быстро: — Знаете, чѣмъ лучше я къ ней присматриваюсь, чѣмъ лучше узнаю, тѣмъ все больше изумляюсь и восторгаюсь... Право, это... это — нѣчто феноменальное... Замѣчательная дѣвушка!

— Конечно... Таня славная! — улыбнулась Ларская. Такіе же восторги выпадали прошлое лѣто и на ея долю.

— Этого мало... нѣтъ, этого мало! Славная! Не славная, а что-то идеальное, небывалое! Какой умъ, какая наблюдательность

и, въ то же время, какая простота! Мнѣ Павловъ говорилъ, что на курсахъ она сразу обратила на себя вниманіе, — онъ читалъ у нихъ съ Авсентьевымъ... И какъ это у нея все просто выходитъ, — ни фразъ, ни рѣчей, — а посмотрите: тихонько, тихонько, а завела и школу, и больницу, и банкъ начала устраивать для крестьянъ, а теперь и землю отдаетъ имъ. Все отъ души, все отъ сердца... «Я, говорить, неоплатная должника предъ ними и должна платить свои долги всю жизнь!»

— Ну, это и не одна она понимаетъ и говорить теперь.

— Положимъ!... Но какъ говорить? Вы чувствуете сразу, что это не слова, а убѣжденіе... Напримѣръ, Плюховъ, — какія сладкія пѣсни разводить, — то, молъ, и такъ, и этакъ, — а вотъ же нельзя отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что это просто мошенникъ, который держитъ носъ по вѣтру и своими пѣснями ловить только до-вѣрчивую, добрую Рыбину или, попросту, ея приданое.

— Онъ и мнѣ не нравится, — сказала серьезно Ларская. — Жаль бѣдную, если это такъ, ну, да, впрочемъ, кто-жъ его знаетъ?

— Тутъ и сомнѣваться нечего — скрутить! И знаете, боюсь я его... Смотрите, ей-ей, предасть онъ всѣхъ... Конечно, этотъ гусь исключеніе, но все же... Разные бываютъ на свѣтѣ, Лидія Петровна... бываютъ и такіе, что только говорятъ хорошія слова... Ну-съ, а Татьяна Илларионовна, это человѣкъ совсѣмъ особаго склада. Такого другого днемъ съ огнемъ не сыщешь, хоть весь свѣтъ обойди. Да-съ, это человѣкъ, можно сказать, исключительнаго типа... Въ глубокой скромности, подъ необычайною деликатностью, у такихъ скрыта гигантская сила, гигантская!... Когда она говоритъ: «Не нужно мнѣ вашихъ городовъ, вашихъ культуръ, я останусь въ деревнѣ», — вы сразу чувствуете, что это не игра, что она закабалитъ себя, совсѣмъ закабалитъ и дѣло сдѣлаетъ... Да, ужъ сдѣла-етъ!

— Но такихъ искреннихъ и добрыхъ громадное большинство.

— Не спорю-съ... Но одна паршивая овца... — ворчалъ Болдуновъ. Въ моменты пароксизмовъ онъ всегда являлся пессимистомъ.

— Въ это я не вѣрю. Никакая овца ничего тутъ испортить не можетъ! — страстно перебила дѣвушка. — Чистое и славное всегда останется чистымъ и славнымъ!... Спажите лучше о Танѣ, — она безповоротно рѣшила остаться въ Роцинѣ?

— Безповоротно... Да и дѣла ей будетъ пропасть.

— Ну, а народъ? Что это у васъ тамъ за смуты?

— Народъ? — Колдуновъ ожесточенно махнулъ рукой. — Народъ — мракъ! — какъ говорить Сампсонъ Ивановичъ, нашъ роцинскій кузнецъ. Ничему и никому не вѣрять, всё мы для него только лисицы, переодѣтыя въ овечьи шкуры, и гнемъ-де свои линіи съ какими-то задними цѣлями... Вотъ какъ! Ну, а тутъ еще мутить Селифонтовъ съ этии Пуцковскими... Слышали, Пуцковскій съ генеральшей, говорятъ, опеку грозятъ наложить на Татьяну Илларионовну за расточительство и прочее?... Право же, всё говорить... Я увѣренъ, что они мутятъ съ этою цѣлью... Намутятъ, ну, а тамъ...

Но Ларская уже не слушала, — она возмутилась отзывомъ Колдунова о народѣ... Вотъ какъ? мракъ? Такъ могутъ отзываться только люди, уже втянувшіеся въ свою культурность, пессимисты съ буржуазными наклонностями. Это превосходничанье — продуктъ своего привилегированнаго положенія... Кузнецъ Сампсонъ? Онъ тоже испорченъ; его испортили грамотность, знаніе, знакомство съ культурными людьми... Это тоже превосходничанье, — его положеніе иное, онъ независимѣе и обезпеченнѣе, благодаря своему ремеслу... Чѣмъ сытѣе человѣкъ, тѣмъ онъ консервативнѣе, — это старая истина. Правда, въ народѣ много недовѣрія, но, вѣдь, это такъ понятно и легко объяснимо... За то стѣдуетъ подойти къ нему поближе...

— Ну, хорошо, хорошо, подходите поближе... — обидѣлся Колдуновъ на обвиненіе въ буржуазности. — Не буду спорить... Вотъ мы подошли къ башнѣ, но тамъ кто-то уже есть... Видите, смотрятъ въ бинокли?

— Тамъ всегда много, — отвѣтилъ Ларская, съ трудомъ обрывая взволнованную рѣчь.

Они взобрались по крутой лѣстницѣ, еще сырой, испачканной известью. Воздухъ былъ тяжелый, удушливый, какой всегда бываетъ въ новыхъ, только что отстроенныхъ каменныхъ помѣщеніяхъ, подъемъ крутъ и утомителенъ, за то на балконѣ было дѣйствительно хорошо. Ларская даже ахнула отъ восхищенія, — такой оригинальный видъ открылся ея взору. Громадный городъ разстилался внизу всею своею тяжелою, налегшею на землю массой, съ домами, похожими сверху на разноцвѣтныя коробки, съ улицами, переулками, площадями, на которыхъ пѣшеходы выглядѣли маленькими фигурками кукольнаго театра. Рѣба казалась узенькою синею полоскою гладкой полированной стали, за то зарѣчная часть, горы, покрытые густымъ лѣсомъ, какъ будто приблизились и вы, росли. Веселыми глазами Ларская искала вдали знакомыя дачи и

узнавъ, громко указывала на нихъ Колдунову. Двѣ какія-то дамы и кругленькій подвижной мужчина, — повидимому, ихъ спутникъ, — рѣзко оборвавшіе оживленный разговоръ при появленіи Ларской и Колдунова, стали заниматься тѣмъ же.

— Пуцковскій! — шепнулъ Колдуновъ, наклонившись.

Ларская живо вскинула глазами, — она ни когда еще не встрѣчала его, — и перешла дальше по кругу балкона, который кольцомъ обвивалъ башню.

— Я не такимъ представляла его себѣ, — шепнула она въ отвѣтъ съ гримасой. — Фи! Ну, а эти дамы?

— Одна, кажется, жена, а другая... право, не знаю.

— Вы не знакомы?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣтилъ Колдуновъ.

И оба стали всматриваться молча въ широкую открытую даль.

Въ то же утро съ поѣздомъ желѣзной дороги прибылъ, наконецъ, въ городъ и Сергій Аркановъ. Долгое томительное ожиданіе, тревога, неувѣренность, затѣмъ лихорадочное нетерпѣніе, съ какимъ каждый нервный, спѣшащій путникъ считаетъ часы и минуты, злясь на медленность поѣзда, негодуя на остановки, — все это исчезло, свалилось. Что казалось только мечтой, страстно любимымъ призракомъ, осуществилось, — онъ опять у себя на родинѣ, вблизи своихъ и, конечно, своей... Тани!... Въ этотъ счастливый моментъ онъ желалъ только одного еще: поскорѣе встрѣтить хоть одно знакомое, близкое, дорогое лицо и, казалось, ничего больше, — по крайней мѣрѣ, въ душѣ не мѣстились желанія. Тамъ было столько счастья, жизнерадостности, подъема молодой энегги, проснулась такая глубокая жажда жизни и вѣры въ нее, что закрыли, казалось, собою все. Давно уже грызла его тоска по родинѣ, давно говорилъ онъ себѣ, что тамъ, за границей, ему нѣтъ ни мѣста, ни почвы. Еще прощаясь съ Таней у границы, онъ говорилъ ей, что между нимъ и людьми стояла ихъ исторія, взлелѣянная ею традиціи, безчисленные ряды поколѣній, изъ которыхъ каждое оставляло ясно свой слѣдъ на всемъ, создавая органическую преемственность, цѣлую цѣпь послѣдовательнаго роста. У него не было ни этой исторіи, ни этихъ традицій, — ничего не было. Его настоящее было неопредѣленно, его будущее, куда онъ только и могъ смотрѣть глазами, гадательно. Но эта гадательность сама по себѣ, казалось, дѣйствовала возбуждительно. Ни чѣмъ не задерживаемый, ни на что не оглядываясь, онъ могъ купаться въ этомъ будущемъ свободно, какъ птица въ голубомъ, непредѣльномъ эфирѣ. И теперь онъ чувствовалъ себя почти какъ тотъ юноша, что, окон-

чнвъ долгіе школьные годы, идетъ въ большіе центры искать жизни, счастья, науки... чего бы то ни было, но только своего, непремѣнно своего.

Онъ оставилъ вещи на вокзалѣ до ночного поѣзда на Рощино, а самъ немедленно отправился по адресу Бугрова, но того не засталъ, — Бугровъ какъ разъ въ то время совершалъ свою прогулку. Сергѣй забѣжалъ къ Павловымъ, но и тѣхъ не засталъ, — прислуга ждала обоихъ только къ обѣду. Онъ пошелъ бродить по городу, каждый уголокъ котораго напоминалъ далекіе дни дѣтства, будилъ и воскрешалъ полузабытое прошлое выпучей, страстной юности. Много лѣтъ прошло, многое уплыло безвозвратно, но связь челоуѣка съ роднымъ пепелищемъ не порвалась. Она воскресла и, воскресая, шевелила какое-то теплое, чисто-родственное чувство ко всему въ отдѣльности, и къ улицамъ, казалось, и къ неподвижнымъ чужимъ домамъ, камню, дереву, ко всему мертвому, точно одухотворенному теперь воспоминаніями о мимо прошедшей жизни. Это прошлое, какъ всегда почти, вставало только въ хорошихъ свѣтлыхъ призракахъ и отъ нихъ ложилось на душу какое-то нѣжное тепло, слегка отзывавшееся грустью. Сергѣй давно не испытывалъ того особеннаго, смѣшаннаго чувства покоя, уютности, связи съ людьми, какое испытываешь, когда попадешь, наконецъ, въ *свое* мѣсто, гдѣ все является не чужимъ, а близкимъ, почти родственнымъ. Ему хотѣлось все увидѣть сразу, все обнять взглядомъ, каждый уголокъ, и когда онъ добрелъ до башни, на вершинѣ которой виднѣлись люди, а работавшіе вблизи каменщики сказали, что доступъ на нее воленъ, что господа смотреть оттуда на городъ, онъ взбѣжалъ наверхъ однимъ духомъ и, немного запыхавшись, сейчасъ же присѣлъ на уступѣ каменной балюстрады, раздѣливъ обѣ группы. Онъ окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и, не встрѣтивъ знакомаго лица, жадно устался въ открывшійся сверху просторъ.

— Кто?—шепнула Ларская и повела въ его сторону глазами.

Болдуновъ въ отвѣтъ пожалъ плечами и замоталъ головой.

— Красавецъ!—шепнула снова дѣвушка.

— И-да-съ, и дэнди!—подхватилъ Болдуновъ съ насмѣшливою улыбкой.—Изъ бонтонныхъ, сейчасъ видно. Костюмъ, движенія, манеры,—настоящій оперный баритонъ.

— И фигура!—подчеркнула Ларская, подзадоривая.

Она всматривалась искоса въ это красивое незнакомое ей блѣдное, немного утомленное лицо съ густою бородой, которую слегка развѣвалъ вѣтеръ, и, въ то же время, ловила слухомъ ве-

селое хихиканье Пуцковскаго и снова начавшійся оживленный разговор его дамъ. Пуцковскій что-то рассказывалъ, очевидно, забавное и, можетъ быть, даже немного фривольное, такъ какъ дамы взвизгивали особеннымъ характернымъ смѣхомъ, а одна то и дѣло выкрикивала: «Ахъ, какой языкъ! ахъ, что онъ себѣ позволяеть! Мими, прикажите же ему замолчать!»—продолжая, въ то же время, поощрительно заливаясь хохотомъ.

— Охъ, охъ... перестаньте, а не то я свалюсь отъ смѣха! Мими, правда, онъ преувеличиваетъ? Неужели она такая... такая?

— Клянусь, баронесса,—продолжалъ весело Пуцковскій.— Мими, скажи правду, такъ это или не такъ?

— Это правда, это все истинная правда!—подхватила сейчасъ же Мими.

— Ну, вотъ, видите, баронесса, видите! Но это еще только цвѣточки, а вотъ, не хотите ли, ягоды...

И Ларская, и Болдуновъ невольно слушали,—у обоихъ защемило сердце, оба какъ будто поняли или догадались, что дѣло шло о Танѣ. Дѣвушка посмотрѣла на Болдунова, тотъ поймалъ ея взглядъ и прошипѣлъ сквозь зубы: подлецъ! Сергѣй тоже слышалъ все, какъ ни хотѣлъ не слушать и уйти въ одно созерцаніе. Грязные намеки, хихиканье, болтовня,—все это не мирилось съ его настроеніемъ, нарушало безмятежность духа, раздражало. Онъ поднималъ голову и строго, почти вызывающе посмотрѣлъ въ сторону хохотавшей группы, но тамъ, увлеченные своимъ, ничего не замѣтили. Онъ уже колебался, не уйти ли ему лучше, когда Пуцковскій выпалилъ, наконецъ, невозможную гадость, которая заставила его брезгливо содрогнуться. Ему было ясно, что дѣло шло о женщинѣ или дѣвушкѣ, что какой-то общей знакомой грязно, пошло перемывали косточки клеветой. Та, которую звали баронессой, даже всплеснула руками.

— Боже! Неужели это возможно?

Пуцковскій хихикнулъ.

— Помилуйте-съ!... Проживъ за границей, вы совсѣмъ не знаете, что у насъ творится... Эти стриженные филантропки выкидываютъ и не такія штучки.

Сергѣй всталъ. Онъ не могъ уже оставаться спокойнымъ. Внутри у него что-то начинало влокотать и подниматься.

— И она носитъ *его* имя теперь? Его имя?...

— Какъ же-съ!—хихикнулъ Пуцковскій.—Теперь мы уже не Танька, а Татьяна Щорина, генеральская дочь!

Сергѣй былъ уже почти у выхода, почти у самой лѣстницы.

Его обожгло кипяткомъ, онъ остановился невольно, потому что въ глазахъ у него потемнѣло. Мгновеніе онъ, казалось, колебался, сомнѣваясь, не обманулъ ли его слухъ, такъ ли онъ разслышалъ. Это дорогое имя?... Эта грязная клевета?... Ошеломленный неожиданностью, онъ и вѣрилъ, и не вѣрилъ себѣ... Но только мгновеніе... Еще, казалось, не замерли въ воздухѣ послѣдніе звуки этой грязной клеветы, этой кровной обиды, визгливый хохоть еще дрожалъ и разливался, а его сильные пальцы уже клещами сжимали плечо Пуцковскаго, такъ же ошеломленнаго, такъ же захваченнаго врасплохъ.

— Вы негодяй и лгунъ! Слышите вы?

И онъ самъ почти удивился кажущемуся безстрастію и спокойствію своего тона. Это была не обыкновенная вспышка гнѣва, не взрывъ вспыльчиваго, раздраженнаго и полупьянаго отъ безсонной ночи человѣка, забывшагося до издѣвательства надъ юркимъ импрессарио въ Триестѣ, о чемъ и вспоминать было отвратительно... Тутъ не было забытія, — Сергѣй все помнилъ, все сознавалъ; жестокая боль обиды, все еще звучавшей въ ушахъ, леденила его теперь все больше и больше. Чтò онъ сдѣлаеть, онъ и не думалъ, и не зналъ, но онъ понималъ ясно, что передъ нимъ стоитъ нѣчто роковое, безповоротное, нѣчто такое, что не вызываетъ послѣ ни сожалѣнія, ни раскаянія, и это сознание надѣляло его такимъ покоемъ. Глаза его различали только испуганное лицо врага и глубокую, сѣрую пропасть.

— Слышите? Если вы не сознаетесь сами сейчасъ же, громко, при этихъ дамахъ, что вы негодяй и лгунъ, одинъ изъ насъ... одинъ изъ насъ...

Сергѣй началъ задыхаться и только рукой указалъ внизъ на мостовую.

— Что-о-о?

Пуцковскій все еще испуганно ворочалъ бѣлками. Его дамы вышли изъ столбняка, взвизгнули и стали кричать: «*Mais laissez donc, Vava, laissez!*» — полныя ужаса. Не менѣ перепуганная Ларская схватила за руку совсѣмъ растерявшагося Болдунова.

— Что-о?... Милоств... милоств... гсдарь!...

Рука Сергѣя дрогнула, глаза затуманились. Какая-то неодолимая сила, казалось, влекла его и манила туда... внизъ... въ сѣрую пыльную пропасть.

— Да или нѣтъ? — захрипѣлъ онъ сухимъ горломъ, задыхаясь. — Одну минуту... только одну минуту...

— Но что вамъ угодно?

Дамы бросились къ Пуцковскому и схватили его за полы пиджака, крича все то же: «Laissez, laissez!» Ларская поблѣднѣла, какъ полотно, и судорожно сжала руку доктора, стоявшаго истуканомъ. Сергѣй уже терялъ всякое представленіе, казалось, и только задышался и хрипѣлъ.

— Что мнѣ угодно?.. Что мнѣ угодно?.. А вотъ что, негодяй и лгунь!...

Его блѣдное лицо застыло въ какой-то холодной, почти безстрастной улыбкѣ и, въ то же время, дышало необузданно-роковымъ гнѣвомъ. Ноздри дрогнули, онъ двинулся весь и сильныя руки сами собой какъ-то сжали тисками круглыя, плотныя плечи оторопѣвшаго врага. Еще, казалось, одно мгновеніе... одно только рѣзкое движеніе — и свершится нѣчто ужасное, роковое, безповоротное, — нѣчто такое, въ трепетномъ предчувствіи чего всѣ свидѣтели безмолвно замерли въ испугѣ... Одно мгновеніе... Глаза потускнѣли; въ нихъ сверкала только холодный, какой-то безжизненный блескъ, но, къ своему счастью, Пуцковскій поймалъ этотъ безумный, роковой, застывшій взглядъ.

— Ну, хорошо, хорошо... Я негодяй и лгунь... Извольте, извольте!...

— То-то!

Сергѣй оттолкнулъ его съ отвращеніемъ, точно избѣгая соблазна, и всѣ вздохнули громко и свободно, и самъ Пуцковскій, потерявшій, казалось, отъ ужаса способность понимать что-нибудь. Ларская даже вскрикнула облегченно: ахъ! Сергѣй снялъ шляпу, провелъ рукой по волосамъ и холодному влажному лбу и то же вздохнулъ, точно съ него свалилась стопудовая гиря.

— Ну, помните же, негодяй и лгунь!... Если вы когда-нибудь... это имя... это чистое имя...

Онъ не могъ говорить отъ одышки; только теперь задрожавшія губы плохо слушались. Глаза его какъ-то совсѣмъ уже безучастно слѣдили за Пуцковскимъ, котораго тащили къ лѣстницѣ, внизъ, испуганныя, блѣдныя спутницы, повторяя: «Assez donc, Vava, assez! Allons, allons!...» Тотъ покорялся, какъ манекень, но на второй ступенькѣ пришелъ въ себя, опомнился и уперся на мѣстѣ.

— Кто вы? — крикнулъ онъ вдругъ, задыхаясь въ свою очередь отъ прилива злобы, смѣнившей прежній ужасъ. — Кто вы?

Сергѣй точно проснулся и сейчасъ же двинулся за нимъ.

— Это безразлично!.. Я не дерусь съ негодьями...

— Не драться... не драться! — шипѣлъ Пуцковскій, опускаясь

и поворачиваясь, въ то же время, къ слѣдовавшему за нимъ Сергѣю.— Не драться!... Есть другія средства... другія... другія...

— А, другія? Хорошо!— донеслось уже снизу до Ларской и Болдунова, все еще стоявшихъ неподвижно.— Сергѣй Аркановъ, докторъ Вѣнскаго университета... Вотъ моя карточка, ловите, негодяй и лгунъ!

Тутъ только оба пришли въ себя и опомнились. Ларская повторила впопыхахъ: «Ахъ, ахъ, это онъ, онъ... Аркановъ! Онъ пріѣхалъ... Слышите, Болдуновъ?»— и оба тоже бросились къ выходу. Когда они спустились, наконецъ, внизъ, у башни стояли только Пуцковскій и его дамы. Пуцковскій, вертя въ рукахъ карточку, выкрикивалъ внѣ себя: «Какіе-то бандиты завелись, чортъ возьми!»— и грозилъ куда-то идти, кому-то заявить, но дамы тащили его домой, убѣждали успокоиться и не заводить скандала.

— Оставьте, Вава! Лучше оставьте такъ!... Право же, кромѣ скандала ничего не будетъ!

— Но позвольте, позвольте, вотъ свидѣтели!... Господа, вы видѣли?— кинулся онъ къ сошедшимъ.— Вы видѣли, какъ велъ себя этотъ бандитъ?

Ларская пріостановилась взволнованная, задорная и дала волю накипѣвшему порыву.

— Да, господинъ негодяй [и лгунъ, все видѣли и слышали!

Она сразу почувствовала облегченіе и, фыркнувъ, весело пошла съ Болдуновымъ къ Бугрову, къ которому, какъ оба догадывались, и долженъ былъ направиться Аркановъ.

— Вотъ это мужчина!— вырвалось у нея послѣ небольшой паузы.— Да, это мужчина!— и она тихо вздохнула.— Но когда онъ пріѣхалъ?

Болдуновъ разсердился почему-то.

— Женщинамъ всегда нравятся бѣшеные...

— Бѣшеные?

— Ну, конечно... Развѣ это не бѣшенство? За каждую мерзость, за каждую глупость перваго встрѣчнаго негодяя сейчасъ видать его на мостовую, ломать кости, убивать!... Помилуйте, гдѣ же тутъ здравый смыслъ?

— Это вы серьезно, Болдуновъ?— пріостановилась Ларская.

— Конечно, серьезно,— отвѣтилъ онъ, тоже пріостанавливаясь.

Ларская молчала и смотрѣла на него.

— Ну, если такъ, то уходите! Уходите, я не хочу идти съ вами рядомъ!... Слышите? Бѣшеные! Ахъ, еслибъ всѣ наши,— она

не сказала или не нашла подходящаго слова, — были такіе! Ахъ, еслибъ они были такіе!...

— Нужно было бы въ каждомъ домѣ пристраивать буйное отдѣленіе, — вставилъ Колдуновъ, теперь нарочно уже для спора, для задора.

Ларская топнула ножкой.

— Уходите!... Говорю вамъ, уходите! Меланхолическая уравновѣшенность! — винула она сквозь зубы и, вся веселая, бойкая, смѣлая, быстро пошла впередъ. — Экій буржуа!

Колдуновъ шелъ сзади и не могъ отвести глазъ отъ этой стройной, красивой фигурки. Самолюбіе его было задѣто. Вдругъ онъ вспомнилъ, что въ прошломъ году онъ такъ увлекался ею и, нельзя сказать, чтобъ она за это сердилась... «Гм... гм... А прехорошенькая! И ножка, и бюстъ, и личико, все *legi artis!* Чортъ, побори, однако, неужели у меня тогда все это такъ быстро остыло? Что за странное непостоянство. Совсѣмъ точно пароксизмъ лихорадки... А прехорошенькая!» Подъ влияніемъ ли этихъ думъ, или чего другого, но онъ быстро догналъ ее и пошелъ рядомъ, хотя она спѣшила и не хотѣла смотрѣть на него.

— Ну, ну, не сердитесь, *collega*, — заговорилъ онъ вдругъ весело, точно вся любовная хандра его слетѣла, — не сердитесь!... Давайте помиримся! Хотите, я даже закричу: да здравствуютъ бѣшеные!

Ларская шла, не отвѣчая, но глаза и губы, которыя она усиленно кусала, выдавали улыбку.

— Что-жь, *collega*, можно? — поддразнивалъ ее Колдуновъ.

— Идите, если ужъ вамъ такъ хочется, а только вы, все-таки, мирный буржуа.

— За счастье идти съ вами рядомъ, *collega*, я готовъ и не это выслушать изъ вашихъ прекрасныхъ устъ, — шутилъ Колдуновъ.

— Вотъ какъ! А Таня? — залилась дѣвушка веселымъ, бойкимъ смѣхомъ. — Пароксизмъ прошелъ?

Колдуновъ сконфузился, но мрачность, которую онъ хотѣлъ напустить на себя, совсѣмъ ему не давалась. Онъ только вздохнулъ растерянно. Чортъ знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что за ерунда!...

Позднимъ вечеромъ Сергѣй съ Павловымъ оба шли къ вокзалу отъ Бугрова, у котораго по случаю пріѣзда Сергѣя собралось много народа. Старые друзья молчали. Павловъ что-то обдумывалъ про себя, Сергѣй весь былъ полонъ еще неостывшимъ волненіемъ отъ

горячихъ, страстныхъ споровъ. Наконецъ, ему точно надоѣло это молчаливое волненіе.

— Да, дружище, постой-ка!... Ты все время, пока мы ломали копыя, молчалъ и дипломатически уклонялся... Чѣмъ же ты живешь, а? Все архивами? Ну-ка, выкладывай!

— Между прочимъ, и архивами,—улыбнулся Павловъ,—а въ общемъ... въ общемъ... Знаешь ли, я, какъ и въ то время, когда ты еще увлекающимся юношей увѣрялъ меня, что черезъ нѣсколько лѣтъ, всего нѣсколько лѣтъ, мы будемъ прямо ловить жареныхъ голубей въ воздухѣ, какъ и прежде, я думаю, что не нами міръ начался и не нами кончится...

— Разсудительно!

Сергѣй остановился и заложилъ руки въ карманы по старой, юношеской привычкѣ.

— Разсудительно! Но согласишься, ученѣйшая премудрость, что если бы ты спросилъ моллюску, чѣмъ живетъ она, и эта моллюска могла бы тебѣ отвѣтить, она непременно повторила бы твои ученѣйшія слова.

— Можетъ быть!... Но разница въ томъ, что моллюска этого не сознаетъ и не представляетъ, а я сознаю и представляю.

— И очень жаль!... Я совсѣмъ не понимаю этого философско-сповойнаго прозябанія въ вѣбахъ, пространствѣ, этого отрицанія насущныхъ задачъ текущаго дня,—иронизировалъ Сергѣй.—Вѣдь, такъ, сквозь туманъ своей эрудиціи, ты ихъ не видишь и не знаешь,—это именно хочешь ты сказать?

— Нѣтъ, не это. Я хочу сказать, что они не альфа и омега,—что процессъ развитія безконеченъ и въ каждый новый моментъ выдвигаетъ все новыя насущныя задачи.

— А развѣ я говорю не то же?

— То же, но поступаешь, какъ будто не сознавая этого... Ты весь уходишь въ текущій день, какъ въ альфу и омегу... Отдаешься всецѣло!

— Но потому, что я живой человѣкъ, а не воплощенная эрудиція.

— Пусть будетъ и такъ, хотя я и не знаю, при чемъ тутъ эрудиція. Мы, просто, разнo устроенные съ тобою люди, вотъ и все. Чувства у тебя если не преобладаютъ, то, по меньшей мѣрѣ, находятся въ гармоніи съ головой и никакого спеціальнаго регулирующаго объективнаго аппарата налицо не имѣется. Поэтому, когда ты стоишь передъ фактомъ, истиной, что ли, ты и готовъ каждую минуту расшибить себѣ голову за ея немедленное торжество...

— А ты?

— А я поступаю иначе, ибо голова преобладает у меня надъ всѣмъ. Этотъ регулирующий факторъ всегда напоминаетъ мнѣ, что никакой фактъ, никакая текущая истина не есть альфа и омега всего, что процессъ жизни безконеченъ и, значить, разбивать себѣ голову не изъ чего. Я констатирую истину и спокойно занимаюсь своимъ дѣломъ, увѣренный, что раньше или позже она восторжествуетъ усиліями всѣхъ, ходомъ жизни...

— Усиліями разбивающихъ себѣ головы...

— Не совсѣмъ такъ. При ихъ посредствѣ — да. Они необходимый факторъ поступательнаго хода жизни, но это же не значить, что я непремѣнно обязанъ быть таковымъ именно. Жизнь требуетъ и создаетъ для себя много типовъ, много различныхъ факторовъ...

— И филистера, конечно, о которомъ, какъ ты помнишь, вѣроятно, поэтъ сказалъ, что это ein hohler Darm voll Furcht und Hoffnung das Gott erbarm! Право же, еслибъ я не зналъ тебя, по твоимъ словамъ я могъ бы назвать тебя филистеромъ!

Павловъ покраснѣлъ и взялъ друга подъ руку.

— Будемъ говорить серьезно, — сказалъ онъ.

— Ну, будемъ.

— Слушай же. Возьмемъ всѣ выдающіяся теченія, — приглядиись... Ну, скажи на милость, не могу же я пѣть въ униссонъ съ Сладкопѣвцевымъ, что вся земная правда живетъ только въ темной массѣ, что у нея долженъ я только учиться.

— Положимъ.

— Далѣе, не могу же я видѣть все спасеніе только въ абсолютной индивидуализаціи, какъ Дементьевъ, и утверждать, что только борьбой обособленныхъ и свободныхъ отъ всего особей, борьбой съ какими бы то ни было формами создается счастье.

— Допустимъ. Но ты можешь взять у каждаго то истинное, что тамъ есть, и сдѣлать заключеніе, какое дѣлаетъ Авсентьевъ, Бугровъ и другіе, опредѣляя роль интеллигентнаго дѣятеля.

— Скорѣе всего; но для этого у меня нѣтъ вашей вѣры, — каюсь. Я не могу думать, что, сдѣлавъ то-то и то-то или добившись того-то, я сразу измѣню положеніе, для котораго нѣтъ еще готовыхъ условій. Дай готтентоту телеграфный аппаратъ и онъ разобьетъ его, чтобы изъ металлическихъ частей понадѣлать накопечники стрѣлъ и копій для грабежа сосѣдей. Такъ-то, другъ мой!... По-моему, ходъ жизни напоминаетъ микрометрический винтъ: незамѣтно, но неудержимо. Вы хотите подложить рычагъ, повернуть

сразу, ну, что-жь, пробуйте... Всему доброму я сочувствую и готовъ помогать, но идти вмѣстѣ не могу,—у меня свои взгляды и свое дѣло. Кто его знаетъ, какъ еще пойдетъ ваше роцинское предпріятіе, эта попытка устройства быта на раціональныхъ научныхъ данныхъ! У васъ много сильныхъ и сплоченныхъ враговъ. Говорятъ, и роцинцы, которымъ вы хотите сдѣлать добро, смущены и думаютъ, что ихъ хотятъ надуть, что земля имъ завѣщана будто бы покойнымъ генераломъ и что условія, въ которыя вы облакаете передачу земли, только попытка лишить ихъ завѣщаннаго имъ. Ну, положимъ, это недовѣріе понятно.... Все прошлое... невѣжество... непониманіе... но съ этимъ, все-таки, придется крѣпко посчитаться, въ особенности, если всякіе Пуцковскіе и кабатчики будутъ мутить еще въ своихъ цѣляхъ... А съ другой стороны, развѣ Сладкопѣвцевъ не возмущаетъ вами, не говоритъ, что вы хотите просто только командовать, вмѣсто того, чтобъ учиться жить у роцинцевъ и отдать имъ все безъ всякихъ условій и проч., и проч.? Посмотримъ!

— Не каркай.

— Я не каркаю, а говорю, что изъ добра можетъ выйти и бѣда.

— Ну, что-жь, если выйдетъ, значить, мы взялись неумѣло— и только. Не значить же это, что мы несли ложь...

— Конечно.

— То-то. Но я не хочу спорить, я такъ уже наспорился за вечеръ, что прямо-таки набилъ оскомину... Да вотъ и вокзалъ уже, давай поужинаемъ.

— Идетъ.

— Не читай, не читай!—остановилъ друга Сергѣй, когда они вошли въ залъ и Павловъ углубился въ меню.— Не читай!... Все равно, не изобрѣтешь ничего лучшаго отбивной котлеты, ручаюсь! Такъ ужъ мы устроены, говорятъ... Сто разъ перечитай, а непременно кончишь котлетой.

— Ну, давай котлеты,—разсмѣялся Павловъ,—и вина... вина!... Буду пить за васъ съ Таней... Всего хорошаго!... Ты какъ же, твердо рѣшилъ уже уѣхать съ нею на зиму въ Питеръ, да?

— Хочу. Какъ врачу иностраннаго университета, мнѣ предстоитъ еще повѣрочное испытаніе, вотъ я и буду держать его зимой. Ну, а къ веснѣ домой. Кончится судебная процедура съ наслѣдствомъ и мы примемся за раціональныя начала, какъ ты говоришь... Да вотъ и вино, наливай!

— Ну, за тебя и Таню!—сказалъ Павловъ, поднимая стаканъ.—За ваше счастье и успѣхъ!

— Спасибо! За что же пить мнѣ?

— За что хочешь.

— Ну, хорошо, я пью за ученыхъ, за людей эрудиціи... Пью за то... за то, чтобы на склонѣ лѣтъ, когда каждый изъ нихъ оглянется назадъ, онъ не увидѣлъ бы въ прошломъ одиѣ уступки да сдѣлки съ собой... Вотъ за что я пью, дружище! Пусть свѣтитъ наука, но пусть же свѣтятъ и люди, которые ведутъ ее!

Павловъ покачалъ головой.

— Язвительно, хотя твоя шпилька отточена плохо. Наука всегда свѣтитъ будетъ,—на то она и наука,—ну, а ученые, люди эрудиціи, тѣмъ и не предписано, дружище, свѣчѣніе... Ихъ роль болѣе простая и скромная. Это тѣ же работники, мозолящіе только не руки, а голову, и предъявлять къ нимъ другія требованія, кромѣ добросовѣстнаго исполненія работы, никто не имѣетъ основаній. Они создаютъ матеріалъ, добываютъ данныя, на которыя опираются тѣ, что дѣйствительно свѣтятъ, истинные герои жизни, тѣ, что несутъ въ нее не только голову, но и сердце. И, въ отвѣтъ на твой тостъ, я пью за послѣднихъ, обнимаю тебя и привѣтствую Таню.

Друзья обнялись крѣпко и расцѣловались, но Сергѣй, все-таки, вставилъ:

— Я помню, дружище, одну чудную ночь, въ которую ты не былъ такимъ опортунистомъ... Ты пилъ тогда за святую Прометееву искру.

— А развѣ не она продиговала теперь мой тостъ?

— Ты пилъ тогда за то, чтобы она никогда не потухала...

— Какъ и теперь! Эта искра и тянетъ меня къ наукѣ, какъ тебя въ жизнь, она и побуждаетъ меня работать. Отъ каждаго по его силамъ,—гласить справедливость,—и по его способностямъ.

Черезъ полчаса поѣздъ уже мчалъ Сергѣя по направленію къ Роцину. Измученный всѣми волненіями дня, бурною утреннею сценой, горячими спорами, тревожными слухами объ интригахъ и козняхъ генеральши и Пуцковскаго, въ которомъ онъ нажилъ себѣ совершенно случайно кроваваго врага, Сергѣй безпобойно дремалъ, забившись въ уголокъ вагона, охваченный тяжелымъ кошмаромъ. Ему грезилась утренняя сцена, но съ другимъ финаломъ. Грезилось ему, что длинныя, страшно длинныя руки Пуцковскаго уносили отъ него куда-то далеко-далеко, въ какой-то безирозвѣтный туманъ его Таню, а онъ, бездыханный, неподвижный, превращенный чьею-то магическою волей въ нѣмой истуканъ, но сознающій, чувствующій точно въ летаргическомъ снѣ, стоялъ безъ силы, безъ воли спасти ее, несмотря на мольбы и призывы. Его

глаза видѣли, его уши слышали, но члены не двигались, а изъ омертвѣлой груди вырывались только больные, жгучіе стоны безсилія, изъ глазъ текли только слезы, прожигавшія камень, на который онѣ падали звонко, быстро, одна за другою. И только, хотя внутри, подъ ледяною оболочкой смерти, оковавшей члены, кипѣла и бушевала страсть, дрожала такая сила, жила такая великая любовь, что, вырвись онѣ наружу, свершилось бы чудо. Онѣ разметали бы скалы и горы, за которыми исчезалъ дорогой образъ. И слышалъ Сергѣй торжествующій, наглый хохотъ кругомъ, видѣлъ наглые, горѣвшіе хищною радостью взгляды, старая генеральша и ея громадный кругъ прямо издѣвались надъ нимъ, а онѣ все стоялъ неподвижный, безсильный и только стоналъ въ отвѣтъ. «Ну же, гдѣ твоя любовь, твоя вѣра въ себя, твоя сила?» — выдали ему прямо въ лицо кругомъ. И нигдѣ ни одного слова участія, ни одного взгляда сочувствія и состраданія, только одинъ Павловъ, боязливо прячась, выдаетъ ему изъ-за пыльныхъ хартій робкій взглядъ печальнаго участія и тихо, чуть слышно вздыхаетъ. Рощинцы, которымъ отдано такъ много, чешутъ затылки и, зѣвая, бормочатъ кругомъ, что такъ-де ему и надо... «Значить, по заслугамъ!» — слышитъ явственно Сергѣй. Даже Сладкопѣвцевъ упрекаетъ его, что онѣ слишкомъ много бралъ на себя, ставилъ свой интеллектъ слишкомъ высоко, вмѣсто того, чтобы «опроститься», покорить свою гордость, смириться духомъ. И чувствуетъ Сергѣй, какъ въ его воспаленной груди зажигается мало-по-малу, капля за каплей, горячая злоба, какъ страстно загорается неугасимая жажда мести. Царившая тамъ любовь одѣваетъ боевую броню, беретъ щитъ и опускаетъ забрало. Я любовь, я ненависть! — говоритъ она ему... И чье-то блѣдное лицо со взглядомъ не то безумца, не то генія, съ желѣзною волей, которая выразительно сжала блѣдныя, сухія губы, наклоняется къ нему, какъ къ другу, смотритъ въ упоръ глазами, въ которыхъ застыла слеза участія, и шепчетъ любовно: «Проснись!» «Дементьевъ!» — вскрикнулъ Сергѣй, узнавъ это блѣдное лицо, и проснулся. Онѣ открылъ глаза, встрѣтилъ первые розовые лучи ясной, свѣтлой зари и вздохнулъ полною грудью, какъ только вздыхаютъ, освободившись отъ кошмара.

Въ томъ же вагонѣ, въ другомъ углу, дремалъ здоровый, рослый, бородатый рощинецъ, угрюмый Никандръ, и тоже тревожно грезилъ. Никандръ былъ несомнѣнно самый умный мужикъ въ деревнѣ и главный воротила, за которымъ шли и которому вѣрили все; Колдуновъ даже звалъ его рощинскимъ Бисмаркомъ. Работникъ былъ онѣ на диво, трудился не покладая рукъ, не зная уста-

ли, хозяйство велъ образцово, да и жену взялъ себѣ подъ стать, такую же домовитую хозяйку-работницу Марѳу. Когда-то Никандръ здорово пилъ, но у него хватило и силы, и воли оборвать быстро и круто, послѣ чего онъ и не прикасаясь даже къ вину, а къ выпивавшимъ относился съ тѣмъ безразличнымъ полупрезрѣніемъ, съ какимъ чистоплотный голландецъ относится къ неряхѣ-чужестранцу. Такіе типы всегда деспотически прилагаютъ свою личную мѣрку къ каждому другому и смотрятъ на человѣка сверху внизъ, если человѣкъ не дѣлаетъ того же, достигнуть чего у нихъ хватило умѣнья и силы. «Смогъ я, значить, и ты могъ!» — говорятъ они и часто мучатъ, просто, своимъ личнымъ превосходствомъ, нетерпимостью. Да будь ты себѣ чище луча солнечнаго, только не мучь своею чистотой! — частенько приходитъ охота сказать такимъ людямъ въ жизни, но рощинцамъ Никандръ нравился, а его брюзжанье, укору, превосходничанье приходились имъ по душѣ. Всѣ рощинцы выпивали, хозяйство вели худо, не прикапливали, должали, и для каждаго изъ нихъ трезвый, хозяйственный, зажиточный Никандръ являлся воплощеннымъ идеаломъ, недостижимостью котораго вызываетъ сокрушенные вздохи и ссылки на свою немощь, не убивая, въ то же время, жгучую, но бессильную жажду достиженія, скорѣе похожую на легкую безнадежную зависть. «Эхъ, Никандра, — чесали затылки рощинцы, — вотъ, какъ ёму Богъ далъ!... Ха-а-рошій, пра, мужикъ!... Все въ дому есть, какъ есть настоящій хозяинъ!» А такое сознаніе, конечно, являлось косвеннымъ признаніемъ за Никандромъ права на брюзжанье и превосходничанье. «Какъ не лаять нашего брата? — говорили рощинцы. — Вѣрно говорить Никандра-то, сущую правду... Ругай, ругай, Никандра, валяй нашего брата за правду-то!» Эта Никандрова правда вполне отвѣчала постоянному глухому ропоту, который денно и ночью томилъ каждую наивную рощинскую душу, на свое бессилье и неумѣнье справляться со слабостями и зажить по-настоящему, по-никандрову. И, тѣмъ не менѣе, каждая такая рошущая душа въ моменты соблазна, когда приходилось бороться съ тою или иною слабостью, какъ-то безнадежно-бессильно чесала затылокъ, заглушала смутный ропоть сокрушенными вздохами, что все, молъ, отъ Бога, всему-де положень свой предѣлъ, и... забывала идеаль. Но проходилъ моментъ и, вмѣстѣ съ просыпавшимся болѣе остро душевнымъ ропотомъ, вставалъ во всемъ своемъ недостижимомъ, но желательномъ обаяніи идеаль и Никандрово брюзжанье приходилось еще больше по душѣ.

— Ругай, ругай, Никандра, потому, за дѣло! Эхъ, кабы мнѣ-то таланъ твой, гол-лова человѣкъ!... Ну, да что подѣлаешь? Каж-

дому свое, знать, отъ Бога! Въ старосты бы тебя у насъ поставить.

Но Никандръ никогда на это не соглашался, — служба только хозяйству помѣха, — его значеніе и такъ было сильно, безъ службы. Правда требуетъ сказать, что Никандръ былъ и доброй души мужикъ, — жену, напримѣръ, онъ никогда и пальцемъ не тронулъ, — а послѣднее врядъ ли можно было сказать о многихъ рощинцахъ. Дѣтей даже баловалъ, не то чтобы драть, — подзатыльники, конечно, влетали, но безъ нихъ нельзя, — въ общемъ же онъ былъ крайне нѣжный отецъ. Ни въ чемъ не отказывалъ другимъ, если могъ помочь чѣмъ-нибудь, — помогалъ, хотя, конечно, и своего не упускалъ. Зналъ онъ немного грамотъ по-старопечатному и это знаніе много бѣды принесло ему во время введенія уставной грамоты, когда рощинцы «смутьянили», не соглашались принимать надѣлы, ссылаясь на Никандрово толкованіе «Положенія», которымъ, будто бы, какъ объяснялъ тогда этотъ единственный ихъ грамотѣй, имъ вся земля полагается. «Положеніе» пришлось волей-неволей вводить силой и Никандру тогда влетѣло жестоко, — больше двухъ недѣль онъ провалялся, охая на печи подъ тулупомъ. Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ такимъ угрюмымъ на видъ, а врожденная подозрительность и недовѣріе усилились до крайности. Никандръ никому не вѣрилъ, — даже отцу родному не повѣрилъ бы, кажется, если бы тотъ сталъ говорить ему, что готовъ кому-нибудь сдѣлать доброе безкорыстно... И въ головѣ у него совсѣмъ не помѣщалась мысль, что кто-нибудь можетъ творить добро другимъ, добиваться его, безъ какой-нибудь задней, личной цѣли. Если онъ встрѣчалъ что-нибудь дѣйствительно доброе и не могъ при этомъ усмотрѣть цѣли ясной личной выгоды, онъ объяснялъ себѣ это добро желаніемъ спасти на томъ свѣтѣ душу, «для ради спасенія», — значить, опять-таки выгодой и пользой. вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на жестокое наказаніе, въ его подозрительной, недовѣрчивой душѣ никогда не умирала смутно копошившаяся мысль, что «тогда», все-таки, «скрутили», поступили съ надѣлами неправильно, не по положенью. Въ общемъ, это былъ типъ самаго исправнаго, работающаго, строго-лояльнаго деревенскаго жителя, но самая лояльность его, какъ и вообще въ деревняхъ, всецѣло отвѣчала только тому, что онъ самъ называлъ и признавалъ правдой.

Съ такимъ же недовѣріемъ, такъ же угрюмо-подозрительно встрѣтилъ онъ и слухъ, что барышня отстунается отъ земли и хочетъ передать ее ни съ того, ни съ сего рощинцамъ. Конечно, барышня была добрая, жалостливая, но кто же когда-нибудь отсту-

пается отъ своего, добровольно раздаетъ свое добро другимъ? Это дѣлали святые угодники, положимъ, но на то они и угодники. Подозрительность зашевелилась, тема была слишкомъ страстная, и голова поневолѣ заработала. Сама собою подсказывалась мысль, что такъ завѣщаль умирающій баринъ для спасенія души, на смертномъ одрѣ только признавъ то самое, съ чѣмъ не соглашался «тогда», давно, при введеніи положенія, когда Никандръ, стоявшій за правоту, теперь признанную, такъ сильно поплатился... А разъ дѣло стояло такъ, то само собою дѣбалось ясно, что всѣ проволочки въ передачѣ завѣщанной земли, всѣ намѣренія барышни урегулировать пользование этою землею, о которыхъ ходили слухи, являлись простымъ подвохомъ съ ея стороны—оттягать свое наслѣдственное добро. Развѣ самъ Никандръ поступилъ бы иначе, если бы дѣло шло о наслѣдственномъ надѣлѣ, усадьбѣ или хотя бы о телѣгѣ, даже о дугѣ? «Кому охота дѣлиться своимъ?» Крайній собственникъ, онъ и не могъ понимать иначе. Еще недавно у нихъ въ селѣ разыгралась цѣлая драма изъ-за раздѣла наслѣдства между двумя братьями, его ближайшими сосѣдями. Споръ шелъ изъ за мерина, который перешелъ къ Ивану, съ чѣмъ никакъ не могъ примириться его братъ Петръ, который въ злостной ярости и подрѣзалъ у мерина на переднихъ ногахъ сухожилья,—коли не мнѣ, моля, такъ и не тебѣ! Иванъ за это, тоже тайкомъ, поджогъ Петровъ овинъ и чуть не спалилъ все село. Прямыхъ уликъ противъ обоихъ не было, судъ вмѣшаться не могъ,—хотя село отлично знало, какъ вышло все,—оба оставались на свободѣ, злобствуя другъ противъ друга и наводя страхъ на всѣхъ перспективой новыхъ взаимныхъ каверзъ, которыя могли отразиться зломъ и на сосѣдяхъ. Правда, оно, какъ будто, и большой грѣхъ не соблюдать въ точности завѣщанія умирающаго, ну, да господа-то не очень беспокоятся о грѣхахъ,—думалъ Никандръ,—къ церкви не очень прилежны, постовъ не блюдаютъ,—вообще грѣха какъ будто и не боятся. Съѣздивъ въ городъ по порученіямъ Селифонтова, онъ побывалъ у Анисьи; и та, конечно, только подтвердила своими раздраженными рѣчами его подозрѣнія. Рощинцевъ хотять скрутить вновь,—это было для него теперь и ясно, и неопровержимо. Долго и мучительно работала встревоженная голова истинно «мирского» человѣка надъ вопросами: какъ быть, какъ отстоять свое добро, оттягать его отъ этихъ хитрыхъ, умныхъ и вліятельныхъ господъ, готовыхъ, когда нужно, прикинуться и добрыми, и жалостливыми, и, обезсиленный, наконецъ, этою жгучею работой, Никандръ заснулъ. Тяжелый кошмаръ давилъ его всю ночь на-про-

летъ. Видѣлъ онъ себя и «мірскимъ ходокомъ», посланнымъ всѣмъ роцинскимъ «міромъ» искать управы на алчную барышню, не желающую выполнить какъ должно завѣщанія, видѣлъ всѣ бѣды, выпадающія на долю такихъ ходоковъ, видѣлъ давніе эпизоды, когда вводили «Положеніе», и онъ, казалось ему, опять валяется и охаетъ на печи подъ тулупомъ и слышитъ горькія причитанія своей Мары. Когда кондукторъ разбудилъ его передъ самою станціей, онъ долго не могъ еще придти въ себя, долго оглядывался изумленными, подозрительными глазами.

— А-а! здравствуй Бисмаркъ! — смѣясь кивнулъ ему Колдуновъ, когда онъ выползъ, наконецъ, изъ вагона на дебаркадеръ. Колдуновъ возвращался въ томъ же поѣздѣ и теперь суетился съ вещами Сергѣя, съ которымъ вмѣстѣ направлялся въ Рошино. — Здравствуй! Тоже ѣздилъ?... Ну, что тутъ ваши глушаютъ? Ты урезонилъ бы ихъ, Никандръ!

Никандръ угрюмо сдернулъ шапку, поклонился и, закинувъ котому за плечо, молча направился по дорогѣ.

— Кто ихъ знаетъ, баринъ! — неопредѣленно кинулъ онъ хмуро сквозь зубы и сейчасъ же подумалъ: — «Заглупилъ бы и ты, кабы твое добро оттягивали у тебя... Пѣтухомъ запѣлъ бы, небось!»

— Нашъ первый министръ! — засмѣялся Колдуновъ Сергѣю.

— Этотъ вотъ?

— Этотъ самый... Умный мужикъ... Трезвый, работающій, первый въ Роцинѣ... Да вотъ только угрюмый онъ какой-то... Совсѣмъ медвѣдь... Ну, а нашему брату, — хоть ты на крестѣ клянись, — ни въ чемъ не повѣрять... Никому не повѣрять... Это уже въ крови у нихъ.

Сергѣй покачалъ головой.

— Это наша вина, а не ихъ, collega, — сказалъ онъ, сдвигая хмурую брови. — Кто изъ насъ пытался подойти къ нимъ? Пойдите, пойдите, не возражайте, — знаю! — попытки были, отдѣльныя, но чисто дѣтски-наивныя, не серьезныя, такъ, больше порывами... А, между тѣмъ, вѣка, цѣлые вѣка учили ихъ другому... Помните въ библіи: грѣхъ отцовъ на дѣтяхъ ихъ!... Такъ-то! Ну, а вамъ-то, collega, во всякомъ случаѣ, непростительно, — вѣдь, вы уже цѣлые годы съ ними...

— А вотъ посмотрите сами! — вспыхнулъ горячій Колдуновъ. — Попробуйте-ка, подойдите!

— Неудача моего опыта, если она и встрѣтитъ меня, ничего еще не скажетъ, — отвѣтилъ Сергѣй. — Вспомните, collega, что они сфинксъ для меня, чистѣйшій сфинксъ, что я даже не знаю, какъ

и говорить-то съ ними... Всѣ мы знаемъ о нихъ только изъ картинъ нашихъ беллетристовъ, а много ли тѣхъ-то?... Левитовъ, Успенскій, Наумовъ, да вотъ еще и новый, недавно выступившій— Златовратскій... Какъ видите, нельзя сказать, чтобы много...

И лицо его нахмурилось еще больше.

Тревожно металась, тревожно грезила эту ночь и Таня. Впрочемъ, давно уже дѣвушка не знала покойнаго, безмятежнаго, тихаго сна. Смерть отца, послѣ которой она проболѣла такъ долго, козни генеральши и Пуцковскаго, о которыхъ до нея, все-таки, доходили слухи, наконецъ, смуты въ Роцинѣ, вызванныя толками о землѣ,— все это, тѣсно связанное одно съ другимъ, тяжелою гирей придавило молодую, нѣжную душу. Правда, о деревенскихъ смутахъ до Тани доходили только слабые отголоски, — окружавшіе заботливо скрывали отъ нея все, что могло волновать и отравлять ее, — но пѣтихъ отголосковъ было довольно, конечно, чтобы смутить такое молодое и нѣжное сердце. Недовѣріе и подозрительность роцинцевъ поразили ее чѣмъ-то близкимъ даже къ испугу, —ничего подобнаго она и допустить не могла раньше. Явиться на помощь бѣдному люду деревни, осѣсть тамъ за добрымъ дѣломъ, казалось ей раньше и очень легко, и очень просто, такъ что открывшаяся внезапно, раздѣлявшая ихъ бездна, полная недоверія и недоразумѣній, —совсѣмъ отравила ея покой. Таня отлично умѣла ориентироваться въ этомъ открытіи, понимала причины, породившія все, но примириться, все-таки, не могла, —какъ - никакъ, молодому сердцу было и обидно, и невыразимо больно. Нѣтъ, кажется, большей обиды, какъ сознавать, что въ протянутой тобою съ лаской рукѣ человѣкъ непременно видитъ и хочетъ видѣть злую угрозу, ехидство, подвохъ. Таня понимала, что не будь у нея ея богатства, культуры, всего того, что такъ рѣзко отличало ее отъ роцинцевъ и дѣлало ее сильнѣе и выше ихъ, —понимала, что явись она къ нимъ такую же, какъ они, такую же крестьянкой, бѣдною странницей, даже нищей, къ ней относились бы, конечно, иначе, не было бы ни этихъ подозрѣній, ни этого недоверія. Но, все-таки, иногда ей становилось до того жутко, что она, казалось, готова была все бросить, оставить, отдать имъ въ руки Роцино, а самой уйти куда-нибудь, скрыться отъ всей этой обиды и боли... Богъ съ вами, если вы ничему не вѣрите и все только подозрѣваете!... Ее удерживало чувство долга, все возроставшее, и крѣпшее сознание, что она нужна, полезна, что жить только для себя, не заботясь о другихъ, нельзя и не должно. Чѣмъ же можно лучше наполнить жизнь, какъ не по-

лезнымъ служеніемъ этой темной, обездоленной средѣ? Что можетъ принести болѣе отрады, какъ не сознаніе своей полезности? Раньше она этого не понимала, не потому, что не доразвилась тогда до такого сознанія, что мало знала и видѣла. Она кидалась во всѣ стороны, какъ птица, которая ищетъ дерево, на которое бы ей усѣсться и подъ листвою котораго укрыться, но всегда хотѣлось ей быть свободной, сильной, независимой, какъ мужчина, тоже имѣть свой удѣлъ въ жизни, а не ограничиваться «однимъ разливаньемъ чая и кофе». А развѣ можетъ найтись лучшей удѣлъ, какъ тотъ, что открывался теперь передъ нею? Да и какой же товарищъ и другъ вышелъ бы изъ нея для Сергѣя, если бы первыя неудачи, первые удары или неприятности испугали бы ее до того, что она сразу все оставила бы, бросила, съ первыхъ же шаговъ отказалась бы отъ намѣченнаго ею же совмѣстно съ нимъ? Эта мысль подбадривала и оживляла самолюбивую дѣвушку. Нѣтъ, ни за что не сойдетъ она съ своего пути! Въ концѣ-концовъ, разсѣются же эти недоразумѣнія, поймутъ же роштинцы, какъ они неправы. Унывать и падать духомъ стыдно. Она крѣпилась, работала въ своей школѣ, гдѣ всецѣло уходила въ свое дѣло, и только все нетерпѣливѣе ждала Сергѣя. Ея любовь къ нему росла теперь, казалось, съ каждымъ днемъ все больше и сильнѣе. Съ потерей отца, Сергѣй являлся для нея единственнымъ лицомъ въ цѣломъ свѣтѣ не чужимъ, близкимъ, роднымъ, съ которымъ она не чувствовала себя одинокой, и теперь, казалось, она отдавала ему все, что раньше дѣлила между нимъ и отцомъ. Какъ-то совсѣмъ незамѣтно для себя, точно помимо воли, она стала теперь вникать даже въ тонъ его писемъ, ловить ихъ настроеніе. Въ душѣ иногда быстрою судорогой пробѣгала даже струйка чего-то похожаго на ревность, когда ей казалось, что письмо слишкомъ объективно, спокойно или мало посвящено ей и его чувству къ ней. Иногда ей казалось, что она какъ будто подчиняться стала ему, что Сергѣй овладѣваетъ ея волей, точно поглощаетъ ее, но теперь это не затрогивало уже самолюбія, не будило задора. Иногда ей казалось даже, что она стала какъ будто совсѣмъ, совсѣмъ другой.

Таня проснулась, какъ всегда, рано и вышла въ столовую, гдѣ горничная Саша приготовила уже чай. Почту еще не принесли и, сидя за чаемъ, дѣвушка занялась дѣтскими тетрадами, которыя нужно было просмотрѣть, поправить и отнести сегодня въ школу. Косые блѣдныя лучи осенняго солнца сквозь стеклянную дверь балкона падали полосой на бѣлую скатерть, и, пробѣгая съ невольною улыбкой дѣтскія каракули, Таня слегла шурилась, что

придавало особенную миловидность ей и безъ того красивому личику. Какъ ни старалась она всецѣло углубиться въ свои тетрадки, въ головѣ, все-таки, неутомимо шевелился одинъ и тотъ же жгучій вопросъ: получить ли она сегодня письмо Сергѣя? Она ждала уже нѣсколько дней этого письма, немного волновалась, не получая, и ночью ее преслѣдовали тревожные сны. Ей снилось сначала, что Сергѣй болѣнъ, а потомъ что-то тяжелое, скверное, какая-то путаница, въ которой она не могла разобраться, даже вспомнить хорошо не могла, но отъ которой проснулась въ тревогѣ. Она посмотрѣла на часы, удивляясь, почему не несутъ почту, хотѣла уже кликнуть Сашу, когда та сама вошла къ ней и сообщила, что пріѣхалъ какой-то баринъ съ вокзала.

— Кто пріѣхалъ?—удивилась она, такъ какъ Саша знала хорошо всѣхъ навѣщавшихъ Рощино гостей.

— Не знаю, барышня... Новый какой-то,—отвѣтила Саша.— Не видала я его.

— Новый?

Таня оправила на плечахъ косынку, встала, немного удивленная, сказала:

— Проси!—повернулась и вдругъ остановилась неподвижно, какъ статуя,—этотъ «новый» стоялъ уже въ дверяхъ.

— Сергѣй!—крикнула она ему на встрѣчу, голосомъ, въ которомъ звучало и удивленіе, и сомнѣніе, и восторгъ.— Неужели это ты, Сергѣй?

И, прежде чѣмъ Сергѣй успѣлъ выговорить слово, прежде чѣмъ онъ успѣлъ двинуться съ мѣста, на которомъ такъ и окаменѣлъ, казалось, завидѣвъ ее, она сама бросилась къ нему въ протянутыя руки и прижалась къ его задыхавшейся отъ счастья груди.

— Милый, милый, милый!—шептала она въ отвѣтъ на его поцѣлуи, на страстные, задыхавшіяся рѣчи, прижимаясь все крѣпче, точно убѣгая и прячась отъ своего одиночества, отъ всѣхъ большихъ тревогъ и волненій у этого сильно бившагося сердца.

И вдругъ расплакалась.

V.

Результаты различныхъ настроеній.

Житковская усадьба, принадлежавшая больному Аргадію Павловичу, лежала всего въ трехъ верстахъ отъ Рощина. Еще съ осени тамъ появились плотники, штукатуры, маляры, нанятые Пуцковскимъ, и дружно работали, приводя въ порядокъ старый, запущен-

ный, давнымъ - давно нежилой барскій домъ. Пуцковскій готовилъ себѣ дачу, куда весной должны были переѣхать генеральша, Мими съ дѣтьми, больной владѣлецъ и Валентинъ. Весь «кругъ» зналъ, что дѣлается это исключительно съ двумя видами: улучшенія зану-щенной хозяйства, принадлежавшаго «несчастному больному», и болѣе строгаго, болѣе удобнаго надзора за «безобразіями», которыя творятся или должны твориться роцинскими интриганами, филантропами и бандитами, — роцинскихъ владѣльцевъ иначе не называли. Обѣ цѣли эти одинаково говорили въ пользу милаго и умнаго Вавилы Станиславовича, были одинаково почтенны и достойны. О Роцинѣ ходили такія сплетни, передавались изъ устъ въ уста такіе невѣроятные факты, такая смѣсь небылицъ, клеветы, выдумки и прямой лжи изливалась потоками въ анонимныхъ доносахъ, адресованныхъ чьею-то невидимою рукой во все углы, что самый мирный, самый спокойный человѣкъ долженъ былъ бы встревожиться и спросить изумленно: «Да что-жь это такое, наконецъ? Какъ же это терпятъ?» Бѣдный становой, на долю котораго и безъ того приходилось миллионъ триста тысячъ входящихъ и исходящихъ въ годъ, былъ заваленъ теперь по поводу этихъ доносовъ новыми тысячами «строжайшихъ», «немедленнѣйшихъ», «секретнѣйшихъ» и всякихъ другихъ предписаній и запросовъ, съ которыми онъ совсѣмъ не зналъ какъ быть и какъ справиться. Можно было подумать, что маленькое Роцино грозило всему міру голодомъ, моромъ и другими неслыханно-жестокими бѣдами. Когда становой отписывался, что все обстоитъ благополучно и никакихъ бѣдствій не усмотрѣно, ему не вѣрили, приписывали это его старости, неумѣнью уловить и подмѣтить, говорили, что туда бы надо послать молодого, ловкаго, энергичнаго. Вавила Станиславовичъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ всѣмъ и каждому, что онъ устраиваетъ свою дачу, чтобы организовать какъ можно лучше надзоръ и что отъ глазъ Валентина, котораго онъ туда командируетъ съ дамами, не ускользнетъ ничто. «Отлично, отлично, организуйте, — отвѣчалъ ему весь его кругъ, — что же терпѣть, въ самомъ дѣлѣ?» Ему жали руки, благодарили, называли умнымъ и дѣльнымъ, пѣли хвалу его чувствамъ и ставили въ примѣръ. Онъ скромно кланялся и тихонько хихикалъ.

— Ахъ, этотъ Вавила Станиславовичъ, что за дѣльная, въ самомъ дѣлѣ, голова!

Чуть только потянуло первымъ тепломъ, еще и снѣгъ не стаялъ, Аркановы не вернулись изъ Петербурга, — переѣздъ совершился. Мими вся ушла въ хозяйство, въ счеты куръ, гусей, индюковъ, яицъ, генеральша съ Валентиномъ при посредствѣ пре-

данной Анисьи и юркаго Селифонтова всецѣло отдались роцинской политикѣ. Какъ повели они свое дѣло, осталось ихъ тайной, но очень скоро смущенные роцинцы стали баюкать себя сладкою надеждой, что, въ случаѣ чего, если бы барышня въ самомъ дѣлѣ вздумала что-нибудь «нарушить» или «скрутить», у нихъ за плечами есть матушка-генеральша, которая можетъ и не допустить до обиды, есть истинный, настоящій наслѣдникъ — больной баринъ, у котораго хотя и перехвачено хитростью наслѣдство, но который тоже можетъ «не допустить». Даже роцинскій Бисмаркъ, угрюмый Никандръ, повѣрилъ и пересталъ тревожно ломать голову надъ вопросомъ: какъ отстоять свое и мірское добро? Надежда укрѣпилась, роцинцы, повидимому, успокоились и только все страстиѣ, все напряженнѣе ждали возвращенія молодыхъ, которые должны же были, наконецъ, объявить имъ прямо, какъ и что. Никандръ, подсылаемый «міромъ», все чаще и чаще сталъ навѣдываться къ старухѣ Анисьѣ.

— Ну, что, Анисья Федоровна, — спрашивалъ онъ съ низкимъ, преданнымъ поклономъ, — какъ быть-то?... Что господа промежъ себя говорятъ про молодыхъ господъ?

— Лають, сердешный! — жалостливо качала головой выжившая изъ ума старуха. — Ужь таковскіе, говорятъ, таковскіе, что и не приведи Господи... Что ни-на-есть первые душегубцы... Жадные, слышь... Какъ матушку-генеральшу-то обошли, все заграба-стали...

— А насчетъ нашихъ дѣловъ какъ?

— А насчетъ вашихъ дѣловъ и не знаю ужъ, милый... На общее положеніе, сказываютъ, повернуть хотять. Собча, говорятъ, милый, — несла Богъ вѣсть что ничего не понимавшая и плохо слышавшая господскіе толки Анисья.

Никандръ даже вздрагивалъ отъ этой угрожающей, зловѣщей тарабарщины, въ которой и самый умный человѣкъ, кажется, не могъ бы разобраться.

— На какое такое положеніе, Анисья Федоровна? — спрашивалъ онъ, не понимая и только чуя нѣчто злое.

— А кто-е знаетъ, какое, — говорила она, качая сѣдою головой, — нехорошее, знать... Можетъ, и въ крѣпость повернуть хотять.

Никандръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы повѣрить послѣднему, но отдѣлаться отъ тяжелаго, гнетущаго впечатлѣнія, навѣваемаго подобнымъ карканьемъ, не могъ. Онъ заискивающе кланялся Анисьѣ и конфиденціально сообщалъ, съ улыбкой, прямо просившей о поддержкѣ, что «міръ» надѣется на генеральшу и больного барина.

— Матушка-генеральша, поди, не оставитъ насъ... А ты ужь похлопочи, Анисья Федоровна, за «міръ»... Постою за него... Мы те въ ножки кланяться будемъ...

— Постою, сердешный, постою!—живо подхватила добрая, въ сущности, старуха. — Сама въ ножки генеральшѣ паду... Разкажите, ваше превосходительство, скажу, а ужь міръ помилуйте!... Будь покоенъ!

Никандръ уходилъ къ «міру», передавалъ по-своему слова Анисьи, вставляя, конечно, и отъ себя, что ему выяснилось изъ разговора, и, такимъ образомъ, въ средѣ роштинцевъ укрѣплялись и росли увѣренность и надежда.

— Ужь ты охлопочи, Никандра! — радостно говорили ему на «міру». — Обдумай насъ, умная твоя голова... Мы тебѣ во какъ за это!... Первѣющій ты у насъ человекъ, стало быть!

И мірское сердце угрюмага Никандра вздрагивало при этомъ и трепетно билось горделивымъ счастьемъ.

Все это, незамѣтное сразу, ничѣмъ особеннымъ не выдающееся, назрѣвавшее и складывавшееся въ тиши и тайнѣ, не могло, однако, укрыться отъ глаза, привыкшаго всматриваться. Умный и наблюдательный Дементьевъ прочуялъ и грубо шитую интригу, что шла изъ житковской усадьбы, и тревожное настроеніе роштинскаго «міра». Съ отъѣзда Сергѣя и Тани онъ поселился въ Роштинѣ въ званіи управляющаго и принялъ на себя по просьбѣ обоихъ и Бугрова подготовительную работу по осуществленію задуманныхъ проектовъ. Лучшаго, болѣе аккуратнаго и точнаго работника найти, конечно, было трудно. Правда, къ самымъ проектамъ онъ относился довольно скептически. Въ то время какъ всѣ почти видѣли въ нихъ чуть ли не попытку кореннаго разрѣшенія многихъ жгучихъ вопросовъ, для него они являлись только высоко-гуманнымъ актомъ все той же традиціонной филантропіи, построеннымъ, правда, на раціональныхъ научныхъ основаніяхъ. Когда ему возражали, что въ жизни всегда важенъ первый шагъ, инициатива, что хорошей актъ можетъ явиться заразительнымъ примѣромъ для другихъ, онъ отрицалъ это жизненными фактами, указывая на рочдѣльскихъ піонеровъ Англіи, примѣръ которыхъ сдѣлалъ очень мало или почти ничего, приведя только къ сравнительному благосостоянію небольшой изолированной и замкнутой группы. Тѣмъ не менѣе, сочувствуя въ общемъ всему доброму, онъ хотн согласился на просьбу пріятелей, благо подъ руками ничего уцпаго, на его взглядъ, пока не было. Онъ закупалъ сѣмена, орудья, строилъ громадный складъ для общихъ продуктовъ, размеже-

ывалъ поля для разной культуры, дѣлалъ примѣрныя таблицы учетовъ и расчисленій, спѣша подготовить все къ возвращенію Сергѣя и Тани. Тонкій и чуткій слухъ, наблюдательный глазъ скоро открыли ему всю паутину рощинской смуты, но, по правдѣ, онъ не придавалъ ей большого значенія. Смута, думалъ онъ, уляжется тотчасъ же, какъ только съ возвращеніемъ Аркановыхъ рощинцамъ будетъ все формально объявлено и разъяснено, а житковскую паутину объяснялъ себѣ простымъ желаніемъ какъ-нибудь насолить и подгадить за утрату большого наслѣдства. О перспективахъ Вавилы Станиславовича онъ не имѣлъ пока ни малѣйшаго представленія. На продѣлки юркаго Селифонтова, распространявшаго и кричавшаго кругомъ невозможнѣйшія глупости, прямо-таки сбивавшаго рошницевъ, а въ особенности рощинскихъ бабъ, съ толку, смотрѣлъ какъ на личную месть себѣ и Колдунову за сцену на площадкѣ вагона и за свидѣтельство о побояхъ, которое Колдуновъ выдалъ мужику, жестоко избитому Селифонтовымъ, и которое тотъ представилъ судѣ. Эти Селифонтовскія глупости вызывали у него только самый веселый хохотъ. Колдуновъ, горячій, впечатлительный, относился иначе. Разъ онъ прибѣжалъ къ нему до того раздраженный и взволнованный, что на немъ, какъ говорится, лица не было.

— Чортъ знаетъ что! — такъ и началъ онъ, вмѣсто всякаго привѣтствія. — Право же, этотъ негодай Селифонтовъ натворитъ бѣды.

— Что, развѣ опять кричалъ «камуна» или въ этомъ родѣ? — засмѣялся Дементьевъ. — Ну, послушайте, стодить ли волноваться изъ-за такого негодая? Посмотрите, батенька, на васъ лица нѣтъ!

— Да, смѣйтесь! — волновался обиженно Колдуновъ. — Вамъ смѣхъ, а мнѣ-то какво?... «Камуна»! Нѣтъ, сударь мой, теперь ужъ не «камуна»!... Подлецъ моихъ бабъ перемутилъ... Фельдшеръ говорить мнѣ, что тѣ дуры спрашивали, вправду ли, молъ, доктора ребятъ травить будутъ? Вотъ что! Это все по поводу мѣръ, принимаемыхъ земствомъ для борьбы съ дифтеритомъ, — слышали, эпидемія-то къ намъ тянется и не миновать намъ, — охъ, не миновать, — кругомъ тянется! Ну, а это его штуки, ей-Богу, его! Вотъ голову даю, что это онъ, подлець, намутилъ...

— Пустяки, батенька, — спокойно отвѣтилъ Дементьевъ. — Столько лѣтъ вы здѣсь врачомъ, населеніе къ вамъ такъ привыкло, — мало ли что негодай говорить?... Ну, двѣ-три встревоженные дуры спрашивали, экая бѣда!

— Да, да, поговорите-ка съ ними! — горячился Колдуновъ. — Хорошо вамъ-то, а вотъ потолкуйте съ ними! Вы не знае-

те, сударь, что такое «баба», не знаете. Это преопасный элементъ въ своемъ безпросвѣтномъ мракѣ. И мужиковъ съ толку собьеть, какъ начнетъ пилить да приставать съ утра до вечера, и намутить, и такого начудить, что и не разхлебаешь. Бѣда на этой струнѣ у нихъ играть, не дай Боже!... Негодья-то знаетъ, что дѣлаетъ, — ловкій пройдоха!

— Вздоръ!

— Нѣтъ-съ, далеко не вздоръ! Самый умный мужикъ не устоять, когда его начнутъ доѣдать бабы, — кипятился Колдуновъ. — Ну, а понесетъ вздоръ одна, загадятъ всё, всё подхватятъ, какъ сороки, потому что страшно. Мужиковъ на дыбы поднимутъ... Мало ли было примѣровъ?... Заварится каша, наглушаютъ люди, ну, а потомъ затылки только чешутъ, каются... Мы-ста ничего, мы-де и такъ, и этакъ, — все, молъ, бабы виноваты, онѣ все подняли. Начнешь стыдить: какъ же это вамъ, длиннородымъ, не стыдно всякій вздоръ слушать? Каются, опять затылки чешутъ, опять на бабъ... Донимали ужь очень, съ утра до вечера пилили, — просто, молъ, въ огонь людей своимъ языкомъ ввели... Вотъ какъ, батюшка... Видывали мы ужь эти штуки!

А злая эпидемія, дѣйствительно, приближалась, все плотнѣе и плотнѣе окружая Роцино страшнымъ кольцомъ, грозя еще издали тревожными слухами и самыми нелѣпыми толками. Мими ахала и охала, готовилась бѣжать куда-нибудь съ дѣтьми, но приѣхавшій изъ города къ тому времени Вавила Станиславовичъ сообщилъ скверную вѣсть, что эпидемія вездѣ, что бѣжать некуда и лучше всего сидѣть въ Роцинѣ, гдѣ пока еще ничего нѣтъ, а можетъ быть, дастъ Богъ, ничего и не будетъ. Онъ взялъ отпускъ и предполагалъ пожить съ семьей мѣсяць, а можетъ быть и больше. «Бандиты» должны были вернуться на-дняхъ и свое присутствіе здѣсь онъ считалъ необходимымъ, — у него были какіе-то свои виды и цѣли, о которыхъ, кажется, зналъ одинъ Валентинъ. Тотъ шнырялъ всюду, разнюхивалъ, разузнавалъ, шептался съ косымъ Селифонтовымъ, пытался даже подойти къ Дементьеву, но тотъ огрѣлъ его сразу и прямо. По вечерамъ Вавила Станиславовичъ запирался съ нимъ въ кабинетъ, а къ утру обыкновенно изготавлялись два-три таинственныхъ пакета, которые кучеръ отвозилъ на вокзалъ для отправки въ городъ.

Среди роцинцевъ паника росла съ каждымъ днемъ. Изъ разныхъ мѣстъ шли толки и слухи о томъ, что какая-то странная хворость вырываетъ десятками дѣтей, у которыхъ «захватываетъ горлышко», что дѣтей этихъ насильно тащатъ въ больницы, не

допускаютъ къ нимъ постороннихъ, не позволяютъ цѣловать мертвыхъ и, обсыпая известкой, спѣшно хоронять, а затѣмъ истребляютъ всякое «добро» въ избахъ, гдѣ болѣзнь проявилась. Къ этой правдѣ примѣшивалась куча небылицъ, изобрѣтеній напуганнаго воображенія, по-своему искавшаго сильнаго объясненія этого страшнаго явленія, а подчасъ и злонамѣренной лжи какого-нибудь Селифонтова, имѣвшаго свои виды и цѣли. Больше всего трепетали, конечно, бабы, какъ всегда падкія на всевозможные темные слухи, которые онѣ распространяли съ неимовѣрною быстротой, приплетая къ нимъ въ свою очередь новыя небылицы, подсказываемыя страхомъ и суевѣріемъ. Мужиковъ какъ будто больше смущало то обстоятельство, что «добро» заболѣвшихъ предають истребленію, и главный интересъ, казалось, вертѣлся на вопросѣ, платять ли за это истребляемое, или нѣтъ. Темные слухи и тутъ путали, — говорили, что платить «приказано», но исполнители не выполняютъ, будто бы, приказанія, а традиціонныя подозрительность и недовѣріе легко допускали это. Вообще, земство, правду сказать, проявило самую похвальную энергію въ борьбѣ съ эпидеміей, — оно дѣлало все, что могло, что было только въ силахъ сдѣлать, — за то исполнители частенько грѣшили. Грѣшили легкимъ отношеніемъ къ мужику, къ его опасеніямъ, недовѣрію и страху, грѣшили высокомѣрнымъ отношеніемъ къ его темнотѣ, пренебреженіемъ къ сомнѣніямъ, которыя онъ проявлялъ къ непонятнымъ ему мѣрамъ слишкомъ увѣренныхъ въ себѣ исполнителей и проявлять которыя побуждало его весьма часто самое святое, самое чистое чувство — любовь къ дѣтямъ. Въ большинствѣ случаевъ, разъясненій никакихъ не дѣлалось, мѣры проводились деспотически, самоувѣренно, а это влекло за собой всякаго рода столкновенія и осложненія, которыя въ свою очередь служили канвой для новыхъ нелѣпыхъ толковъ. Добрый, усердный Колдуновъ тоже грѣшилъ, какъ и другіе; онъ горячился, кричалъ, вмѣсто разъясненій — ругался, слушая нелѣпые толки, высмѣивалъ ихъ, негодуя, но, въ то же время, и страшно жалѣлъ въ душѣ этотъ несчастный, темный и напуганный людъ. Его сердце сжималось острою болью, когда какая-нибудь святая простота съ тревожнымъ страхомъ допрашивала таинственнымъ шепотомъ: правда ли, молъ, что доктора травять? — но сдерживать себя, встрѣчать все это спокойно, выдержанно не допускала горячая, экспансивная натура. Фельдшера вели себя еще хуже, — полузнаніе всегда донельзя заносчиво, — тѣ просто-напросто высокомѣрно глумились и, глумясь, подливали въ огонь масло.

Когда Аркановы, наконецъ, вернулись и кружокъ пріятелей встрѣчалъ ихъ на вокзалѣ, жизнерадостныхъ, полныхъ вѣры и бодрой энергіи, Сергѣй невольно обратилъ вниманіе на крайне встревоженное лицо Колдунова.

— Что съ вами, collega?—спросилъ онъ, пытливо засматривая ему въ глаза.— Съ вами, какъ будто, что-то неладное?

Колдуновъ конфиденціально наклонился къ его уху.

— Уже и сюда, кажется, заглянулъ дифтеритъ,—шепнулъ онъ ему.—Цѣлыхъ три крайне подозрительныхъ случая.

— Можетъ быть, angina?—шепнулъ ему въ отвѣтъ успокоительно Сергѣй.

— А налѣтъ? Нѣтъ, collega, какъ есть настоящій!

Лицо Сергѣя омрачилось.

— Вотъ какъ? Плохо!—и, взявъ его за руку и немного подумавъ, онъ добавилъ дружескимъ шепотомъ: --- Знаете, collega, въ такихъ скверныхъ случаяхъ, какъ острая эпидемія, нужно быть очень осторожнымъ съ встревоженнымъ населеніемъ... Это главное... Впрочемъ, вы и сами, конечно, знаете... Я такъ только, къ слову...

Но Колдуновъ только разставилъ руки.

— Никакою осторожностью тутъ ничего не подѣлаешь... Такая темъ, такой мракъ, хоть колъ теши!... Ужь я ли не остороженъ, а вотъ...

Онъ не договорилъ и только съ отчаяніемъ махнулъ рукой.

Былъ теплый, просто роскошный весенній вечеръ. Вверху, надъ деревьями, какъ бы сгущенный воздухъ еще отливалъ слегка золотистымъ свѣтомъ, но внизу, въ паркѣ, уже притаилась синеватая дымка, а въ свѣтившемся прозрачно-голубомъ небѣ начиналъ блестѣть тонкій и блѣдный серпъ молодого мѣсяца. Все уже притаилось, спряталось, молчало, только встревоженная чѣмъ-то малиновка быстро и отчетливо чирикала, да откуда-то издалека, вмѣстѣ съ легкимъ запахомъ вечерняго дыма, глухо доносилось сливавшееся другъ съ другомъ довольное, сытое блеянье и мычанье вернувшегося стада. Тани не было,—она ушла въ больницу,—и Сергѣй оставался одинъ на широкомъ балконѣ, выходившемъ въ паркъ. Заложивъ руки въ карманы, какъ всегда въ минуты раздумья, и насвистывая, онъ угрюмо шагаль изъ угла въ уголъ. Мысли текли невеселыя,— положеніе дѣлъ казалось дѣйствительно плохимъ. Во-первыхъ, разразившаяся эпидемія,—констатировалъ онъ про себя.— Второе, безтактность этого добраго, но горячаго Колдунова, кото-

рый своими мѣрами, хотя и разумными въ общемъ, только раздражаетъ людей. Дѣйствовать нужно не такъ, — съ невѣжествомъ нужно считаться, а не игнорировать его и глумиться... Чортъ знаетъ, какую сумятицу поднялъ онъ! Дошло уже до того, что, какъ говорить горничная Саша, солдатка Домна увѣряла всѣхъ на улицѣ, будто видѣла собственными глазами, какъ онъ съ Таней напускали болѣзнь на село въ трубу. На-дняхъ они дѣйствительно смотрѣли въ трубу на окрестности съ передняго балкона... Вотъ до чего нужно быть осторожнымъ, чортъ побори! Ахъ, эта несчастная, бѣдная темнота! Но что всего хуже, это, конечно, тотъ взрывъ, который вызвало среди роштинцевъ объявленіе имъ условій передачи и пользования подаренною землей. Онъ и Таня, оба рассчитывали, что это поведетъ къ успокоенію, обрадуетъ и разсѣетъ мрачное настроеніе, о которомъ предупреждалъ Дементьевъ, а вотъ же... Какъ разъ наоборотъ! Чортъ возьми, какъ скверно!... Ей-Богу, онъ отдалъ бы и душу, и жизнь, и кровь по каплѣ, лишь бы разсѣялся этотъ ужасный мракъ, лишь бы одинъ лучъ свѣта проникъ въ эту пропасть бездоннаго мрака и горя! Сергѣй даже дрожалъ отъ волненія и какъ будто задыхался. Разстроенный, онъ остановился въ углу и, какъ всегда въ моменты сильнаго волненія, сталъ всматриваться безцѣльнымъ, нагорѣвшимъ взглядомъ въ темнѣвшую все больше и больше даль, пока сзади не послышался скрипъ. Онъ вздрогнулъ, повернулся и встрѣтилъ входившаго Дементьева.

— А, это вы!... Ну, что тамъ?—винулся Сергѣй къ нему, но, взглянувъ ему въ лицо, сразу понялъ, что вѣсти плохія.

— Скверно!—отвѣтилъ Дементьевъ однимъ словомъ.

— Что именно?

— Они ходили міромъ къ Пуцковскому и тотъ подтвердилъ, что генераль завѣщалъ имъ или желалъ завѣщать,—трудно разобрать,—всю землю.

— Быть не можетъ!

— Никандръ клянется, а ужъ онъ не совретъ... Теперь чортъ знаетъ что поднимется... Я увѣренъ, что Пуцковскій хочетъ довести дѣло до скверной развязки.

Дѣло дѣйствительно было плохо, если и Дементьевъ казался встревоженнымъ. Онъ молча усѣлся и поднялъ глаза на Сергѣя. Тотъ стоялъ въ раздумьи, точно колеблясь или рѣшаясь на что-то, и только дрожавшія ноздри да блѣдность лица выдавали подымающуюся внутри бурю.

— Ну, ладно же!—почти крикнулъ онъ, точно рѣшившись.—

Довольно! Будетъ съ меня всѣхъ этихъ доносовъ, гадостей, подвоховъ, которые и такъ мнѣ довольно насолили и стоятъ!... Будетъ, нужно кончить... Иванъ!—крикнулъ онъ внизъ садовнику,—скажи запречь Варвара въ бѣговья дрожки!

— Вы поѣдете къ Пуцковскому?

— Да, къ нему.

— Возьмите и меня!...—Холодный, безцѣльный взглядъ Деметьева какъ будто блеснулъ вдругъ въ сгущавшемся мракѣ.

— Ну, нѣтъ, вы непременно оставайтесь здѣсь. Мало ли что можетъ случиться?

Красавецъ Варваръ быстро помчалъ его по гладкой, хорошо укатанной дорогѣ. Ночь смѣняла уже вечеръ, небо потемнѣло, изъ прозрачно-голубого стало синимъ и на потемнѣвшемъ фонѣ ярко сверкали теперь и молодой мѣсяцъ, и безчисленныя звѣзды. Все дышало миромъ, глубокимъ покоемъ, усталою нѣгой, но горѣвшимъ глазамъ Сергѣя чудилось иное. Мрачные альпійскіе ледники, холодные, мертвые, дышать безмятежною радостью тому, кто смотритъ на нихъ жизнерадостными глазами, а свѣтлому настроенію мертвая игра свѣта и тѣни въ ледникахъ, холодные цвѣтовые контрасты говорить о жизни. Для глазъ человѣка природа — зеркало, въ которомъ послушно отражается всегда его собственное настроеніе, а душа бессознательно ловитъ свой образъ. И взволнованному, раздраженному Сергѣю казалось, что такая кроткая ночь дышетъ чѣмъ-то зловѣщимъ, грозящимъ, такимъ же бурнымъ, какъ и то, что закипало у него внутри, овладѣвая имъ все сильнѣе и сильнѣе. Детально воспоминалась теперь вся сцена на площадкѣ водопроводной башни, и эти воспоминанія только усиливали озлобленіе. Вотъ какіе типы становятся иногда въ жизни поперекъ дороги! Голова горѣла, въ вискахъ стучало, мысли начинали путаться. Все усиливавшееся раздраженіе какимъ-то невидимымъ токомъ передавалось, казалось, и нервной лошади, которая стала волноваться, безпокойно вздрагивала тонкими ушами и, то и дѣло, порывалась нести. Сергѣй натянулъ возжи и нервно-сердито сжалъ губы... Что-то будетъ, чѣмъ кончится это свиданіе? Во всякомъ случаѣ, тянуть дольше нельзя; такъ или иначе, нужно объясниться, выяснить все, нужно кончить! Хотя въ душѣ все сильнѣе закипало негодованіе и злоба, но сознание, все-таки, подсказывало ясно, что мирное разрѣшеніе было бы самое унижительное. Но какъ добиться такого разрѣшенія?—объ этомъ, однако, онъ ни разу не подумалъ. «А! вотъ, наконецъ, логовище этихъ змѣй, все назначеніе которыхъ только шипѣть и кусать,—проговорилъ

онъ неслышно про себя, лишь только увидѣлъ житковскую усадьбу.—Ну, посмотримъ!» Ловкимъ движеніемъ руки онъ круто повернулъ во дворъ разгорячившагося рысака и сразу осадилъ у подъѣзда.

— Подержи, Саша,—сказалъ онъ сидѣвшему сзади конюху,— да присматривай,—Варваръ хочетъ шалить.

Онъ взбѣжалъ по ступенькамъ и почувствовалъ вдругъ, какъ тотъ же холодный, леденящій покой, что и тогда на балконѣ башни, объялъ его съ ногъ до головы. Въ передней не было ни души. Сергѣй сбросилъ пальто, быстро прошелъ въ полуоткрытую дверь залы и лицомъ къ лицу столкнулся съ изумленнымъ и встревоженнымъ Валентиномъ.

— Аркановъ!—впнулъ онъ ему.—Мнѣ нужно видѣть господина Пуцковского.

— Его нѣтъ... онъ вышелъ,—растерянно забормоталъ ему тотъ.

— Въ такомъ случаѣ, я подожду.

Сергѣй спокойно усѣлся и только нервно застучавшіе по столу пальцы выдавали скрытое волненіе.

— Но Вавила Станиславовичъ можетъ долго не вернуться... На всякій случай, позвольте представиться,—Валентинъ чопорно поклонился и назвалъ себя съ дѣланною аффектаціей.—Есть вашимъ услугамъ... Если что-нибудь спѣшное, я могу всегда...

Сергѣй поднялъ на него въ упоръ совсѣмъ потемнѣвшіе отъ быстро возстававшего гнѣва глаза.

— Спасибо!—оборвалъ онъ круто и рѣзко.—Съ господиномъ Пуцковскимъ мы уже нѣсколько знакомы и потому объясняться именно съ нимъ мнѣ будетъ удобнѣе.

Валентинъ на эти слова сдѣлалъ самое невинное лицо.

— Но его нѣтъ... и, по всей вѣроятности, онъ не скоро придетъ.

— А я думаю, что онъ есть!... И знаете ли что, милостивый государь?—отвѣтилъ Сергѣй, повидимому, спокойно, чуть-чуть улыбаясь холодною улыбкой.—Посоветуйте-ка ему лучше не прятаться... Я увѣренъ, вы не сомнѣваетесь, что на такой пріятный визитъ меня вынудило нѣчто крайне экстренное... Право же, ему будетъ лучше выйти и переговорить... Дѣло скверное и можетъ кончиться скверно, а каяться ему придется, вѣрьте мнѣ... Вы дѣлаете изумленное лицо?... Знаете ли, оставимъ-ка лучше эту игру!... Я вѣдь, все вижу и знаю и хочу кончить насколько можно мирно... Да да!... Скажите ему, что я пріѣхалъ объясниться, главнымъ обра

зомъ, по поводу его словъ рошнцамъ... Онъ увѣрилъ народъ, что земля была имъ завѣщана...

— Ахъ, но, вѣдь, онъ высказалъ только свое предположеніе... и не въ такой опредѣленной формѣ... Насколько зналъ покойнаго... насколько слышалъ... Ничего опредѣленнаго... И если вы такъ хотите его видѣть...

Но растерянную, спутанную рѣчь Валентина вдругъ перебилъ плавный, тягучій звукъ колокольнаго набата. Онъ ворвался внезапно, будя неподвижный, полный глубокой ночной тишины воздухъ, и густая волна его, не дозвучавъ, не замеревъ, потонула въ новыхъ такихъ же звуковыхъ волнахъ, откуда-то выплывавшихъ цѣлымъ потокомъ, быстро слѣдуя другъ за другомъ, догоняя и обрывая одна другую. Въ воздухѣ плыла, казалось, невидимая звуковая рѣка, волны которой вырывались мѣрно изъ одной и той же точки, какъ дымовые клубы; оба, и Сергѣй, и Валентинъ, вздрогнули, насторожились и бросились на крыльцо. Имъ на встрѣчу блеснуло изъ-за крышъ надворныхъ стросній ярко-багровое пламя. Точно борясь съ густымъ мракомъ ночи, оно разливалось все шире и выше, посылая къ зениту обгаренные дымовые клубы, сквозь которые только чуть-чуть просвѣчивали блѣдныя звѣзды.

— Въ Рошннѣ горитъ, Сергѣй Филиппычъ! — крикнулъ ему на встрѣчу испуганный, поблѣднѣвшій конюхъ.

Сомнѣнія не могло быть. Сергѣй кинулся въ дрожки, схватилъ возжи, но, прежде чѣмъ пустить лошадь, обернулся къ Валентину.

— Скажите же ему, что онъ раскается! Ну, Варваръ, выручай!

Кровный, умный рысакъ, точно самъ почуявъ, что медлить нельзя и нужно выручать, пустился стрѣлою. Они мчались, казалось, прямо на пламя, которое багрило воздухъ, дорогу, рысака, выростая все ближе и ярче, то и дѣло вспыхивая цѣлыми каскадами яркихъ искръ, разсыпавшихся на багряномъ фонѣ блестящимъ золотымъ дождемъ. Иза-за пригорка ничего, кромѣ этого огня и дождя искръ, не было видно, пельзя было съ увѣренностью опредѣлить даже, въ какой части села пожаръ. Кругомъ царила невозмутимая, глубокая, какъ и ночная мгла, тишина, въ которой рѣзко и отчетливо звучала частая дробь копытъ быстрой рыси и только издали глухо поднимался вверхъ вѣстѣ съ клубами огня какой-то смѣшанный гулъ, похожій на жужжаніе пчелинаго роя. Но когда мчавшійся Варваръ свернулъ, наконецъ, къ усадьбѣ, у Сергѣя сейчасъ же дрогнуло сердце и онъ самъ почувствовалъ, что лицо его поблѣгло. На моментъ онъ, однако, усомнился.

— Что горить, Саша, какъ тебѣ кажется?—спросилъ онъ конюха побѣлѣвшими губами.

Саша тоже встрепенулся, точно не довѣряя своимъ глазамъ, привсталъ немного, но сейчасъ же и ахнулъ.

— Больница, Сергѣй Филиппычъ! Ей Богу, знать, больница горить!—съ ужасомъ подтвердилъ онъ догадку Сергѣя.

Теперь уже, кажется, все стало ясно—и пожаръ, и его причина. Въ умѣ промелькнулъ Пуцковскій, страшная злоба вспыхнула въ сердцѣ, но все это быстро разсѣялось, исчезло передъ однимъ роковымъ вопросомъ: гдѣ Таня и что съ нею?... Сергѣй похолодѣлъ и стегнулъ Варвара возжей. Они промчались мимо усадьбы, перелочили плотину и быстрѣе вѣтра влетѣли въ темную, широкую улицу села. Кругомъ не было ни души, все точно вымерло. Въ воздухѣ носился удушливый запахъ сильной и ѣдкой гари, стоялъ цѣлый содомъ отъ смѣшанныхъ криковъ и гула, но Сергѣй не чувствовалъ и не слышалъ. Онъ различалъ только, какъ билось его сердце, ощущалъ, какъ неотступно сверлящій, единственный вопросъ: гдѣ Таня?—леденить его кровь, точно ужасъ, охватываетъ тревогой, доходящей до мучительной боли. Стиснувъ отъ этой боли зубы, онъ еще разъ стегнулъ Варвара и тотъ вытянулся, рванулся и понесъ, какъ бѣшеный, по пустынной улицѣ. Но на поворотѣ кто-то громко закричалъ: «Стой!»

— Это вы?

Сергѣй даже привсталъ и отвалился назадъ на возжахъ, чтобы сдержать расходившагося рысака.

— Я... я!—быстро отвѣтилъ задыхавшійся Дементьевъ, ловко вскакивая въ дрожги на мѣсто соскочившаго Саши.—Я!... Бѣда пришла!

Но Сергѣй занятъ былъ только одною думой.

— Гдѣ Таня?—спросилъ онъ второпяхъ, сухо и отрывисто.

— Самъ ищу ее!...

— Вотъ какъ?—крикнулъ Сергѣй хрипло, сухимъ голосомъ и по тѣлу у него пробѣжала холодная дрожь.

Варваръ мчался, а Дементьевъ впопыхахъ коротко рассказывалъ ужасную исторію. Когда толпа вернулась отъ Пуцковского, въ кабагѣ Селифонтова пошло разливанное море. Затѣмъ бабы первыя кинулись за село къ больницѣ и стали выносить больныхъ ребятъ. Пошли угрозы, крики, свалка съ фельдшерами и сторожами. Подоспѣли мужики. Какому-то фельдшеру влетѣло и тотъ съ дуру выстрѣлилъ изъ револьвера... Ну, а затѣмъ и пошло... Колдуновъ, говорить, избить, фельдшера убили... еще кого-то убили, впрочемъ,

можетъ быть, и вздоръ, всякую чушь несутъ! А затѣмъ подожгли... Онъ самъ еще не былъ тамъ, искалъ Таню.

— Искали Таню?—перебилъ Сергѣй.—А если она тамъ?— онъ указалъ рукой на пламя.

— Едва ли.

Горѣвшая больница была теперь какъ на ладони; ихъ отдѣлялъ отъ нея только деревенскій выгонъ. Толпа разбѣгалась, точно сама испугавшись своего злого дѣла, и бѣшенный Варваръ мчался теперь мимо цѣлыхъ группъ убѣгавшаго люда, на моментъ останавливавшихся, смотрѣвшихъ вслѣдъ и затѣмъ снова пускавшихся бѣжать. Съ дрожекъ они оба слышали уже голосъ старика священника, укорявшаго народъ за сдѣланный грѣхъ, увѣщавшаго образумиться и раскаяться. Пламя пожара сверкало теперь прямо передъ ними. Соскочивъ съ дрожекъ, Сергѣй разжалъ, наконецъ, зубы.

— Я найду ее, хотя бы пришлось броситься туда...

Онъ указалъ рукой на огонь и быстро пошелъ вдоль тлѣвшей ограды. Первый, на кого онъ наткнулся, былъ избитый сотскій; онъ стоялъ и охалъ. Дальше, тоже озаренные багровымъ отблескомъ пожара, валялись какое-то платье, куски мебели и тряпки. Слѣва имъ что-то громко кричалъ дьячекъ, выдѣлявшійся во мглѣ какимъ-то фантастическимъ багровымъ призракомъ, и манилъ къ себѣ рукой. Они повернули къ нему, но въ это же время раздался отчаянный призывный крикъ разглядѣвшей ихъ горничной Саши.

— Баринъ! Сергѣй Филиппычъ! Сюда!... Сюда!...

Сергѣй толкнулъ кого-то, перескочилъ какое-то препятствіе и въ одинъ мигъ очутился передъ чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, что изъ груди его вырвался вопль, совсѣмъ оледѣнившій спѣшившаго за нимъ Дементьева. На моментъ тотъ остановился, какъ столбъ, отъ этого вопля. Затѣмъ онъ услышалъ страстный призывный крикъ: «Таня!»—услышалъ глухое рыданіе, какъ бы силой вырвавшееся изъ сжатого, стиснутаго горла, и увидѣлъ, какъ этотъ сильный, безстрашный человѣкъ склонился къ землѣ, точно сломанная вѣтка.

Когда онъ подошелъ вплотную и широко открытыми отъ ужаса глазами разглядѣлъ истерзанную, полумертвую уже Таню, у него самого чуть-чуть не подкосились ноги. Внутри что-то заклокотало и подступило къ горлу.

— Звѣри! — сами собой прошептали сухія, холодныя губы и рука нервно сжала револьверъ.

И была ли это судорога агоніи, почудилось ли ему въ игрѣ дрожавшихъ багровыхъ лучей пожара, въ перебѣгавшихъ пятнахъ свѣта и тѣни, въявь ли это было, но онъ видѣлъ, какъ на его хрип-

лый, бѣшенный шепоть открылись вдругъ эти кроткіе, добрые, темные глаза и блеснули ему улыбкой любви и прощенія. Онъ увидѣлъ, какъ раскрылись эти окровавленные уста и, грезилъ ли онъ, пораженный, или нѣтъ, онъ не знаетъ, но эти уста, казалось, явственно прошептали его замиравшему сердцу съ послѣднимъ вздохомъ:

— Не-счаст-ны-е!...

VI.

Опущенное забрало и поднятый щитъ.

Заря уже занялась, румяная, свѣтлая, веселая; она сулила, казалось бы, ясный день, но справа медленно надвигалась густая черная туча. Въ воздухѣ чуялась гроза, молодой весенній громъ уже перекатывался вдали веселыми, пока еще мягкими и глухими перекатами. Сергѣй, завернувшись въ пледъ, все сидѣлъ неподвижно у самой тропинки, что шла по обрыву, круто заворачивала за высокій утесъ большого холма и затѣмъ уже прямо тянулась полями къ Рощину, откуда доносился сюда легкій запахъ гари бывшаго пожара. Это было любимое мѣстечко покойной Тани. Съ зарей изъ села стали доноситься легкій гулъ и мелкая дробь барабана. Пуцковскій, опекунъ новаго владѣльца, сейчасъ же упросилъ по телеграфу вызвать войска для обузданія рощинцевъ, и Никандру, какъ и во время оно, опять предстояла теперь перспектива оханья на печи подъ тулупомъ, а, можетъ быть, и болѣе скверная. Угрюмо сидѣлъ онъ на лавкѣ въ съѣзжей избѣ и тяжелая гнетущая дума низко пригнула энергичную голову этого мірскаго человѣка, пытливо, но всегда неудачно пытавшуюся разобраться въ хаосѣ житейскихъ осложненій. Собственными ушами слышалъ онъ, какъ полупьяный Абрамка, больше всѣхъ расточавшій ему до сихъ поръ льстивыя слова, яростнѣе другихъ чудившій въ роковую ночь пожара, рабски продавалъ его теперь, издѣваясь, выставя главнымъ виновникомъ всего дѣла, подстрекателемъ и коноводомъ. «Енъ все, енъ,—кричалъ Абрамка, а за нимъ и другіе,—отъ Никандры все пошло!»—и лютая злоба забрадывалась теперь въ эту искреннюю мірскую душу, такая лютая, что дай ей волю, она, кажется, сожгла бы не только все Рощину, но и самую землю, на которой оно стояло. «Нестоющій народъ!—горько шевелилось въ угрюмой, обиженной душѣ.—Какъ есть, дрянъ народишко! Не стоило по-настоящему-то и вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Эхъ, кабы знать-то!» Сердце сжимала мучительная дума о женѣ и дѣтяхъ, въ глазахъ неотступно стояла родная кормилица-полоска, зеленѣющая теперь

высокою рождью, тщетно ждущая заботливой хозяйской руки, душу сверлила чисто-мужицкая жажда работы, труда до поту, жажда вѣковѣчнаго хозяина-пахаря, и все ниже и ниже опускалась голова, все большая злоба-тоска охватывала сердце неподвижно сидѣвшаго угрюмаго Никандра.

Такъ же неподвижно-угрюмо сидѣлъ и Сергѣй у подошвы утеса, все въ одной и той же позѣ, въ какой-то безграничной апатіи, подавленный или охваченный столбнякомъ, и только вздрагивалъ нервною дрожью. Даже злоба не бушевала въ истомленной, убитой скорбью душѣ, гдѣ, казалось, все замерло безповоротно. Дементьевъ слѣдилъ за нимъ тревожнымъ, заботливымъ взглядомъ, сидя также молча, не произнося ни одного слова. Но грозная туча все надвигалась, онъ посмотрѣлъ на нее, оглянулся, подумалъ и вдругъ положилъ на плечо друга руку.

— Сергѣй, а Сергѣй? Пойдемъ!

— Куда пойдемъ?—глухо спросилъ тотъ, не поворачиваясь.

— Свѣтъ великъ...

Наступила пауза.

— Да, великъ... И у меня нѣтъ въ немъ ни души! — глухо отвѣтилъ Сергѣй.

Дементьевъ немного подумалъ и сказалъ тихо:

— Есть ваше собственное сердце.

Сергѣй сухо засмѣялся.

— Въ томъ-то и бѣда, что есть... Что мнѣ съ нимъ дѣлать-то?

— Что дѣлать? Гм!... гм!... Вспомните поэта: пока сердце стучить, оно и любить, и ненавидить.

— Я не способенъ теперь ни на то, ни на другое.

Дементьевъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, другъ мой, это преходящее состояніе... Поэтъ условно правъ... Прислушайтесь, неужели васъ не волнуетъ этотъ глухой шумъ суеты торжествующаго побѣдителя? Не поминки ли по Танѣ справляетъ Пуцковскій тамъ, а?—прошипѣлъ Дементьевъ свозъ гнѣвно сжатыхъ губы.

Сергѣй вздрогнулъ, но, казалось, вышелъ изъ столбняка. Онъ распахнулъ пледъ, полѣзъ рукой въ карманъ и молча вынулъ портсигаръ.

— Нѣтъ ли у васъ огня, дружище? — спросилъ онъ. — Я не бурилъ уже, кажется, цѣлыя сутки.

— Огня? Къ сожалѣнію, нѣтъ... Но постойте, я сейчасъ достану, внизу живетъ лѣсникъ... Посидите минуту, одну минуту...

Дементьевъ быстро побѣжалъ внизъ, оглядываясь на друга.

Тотъ сидѣлъ такъ же неподвижно и смотрѣлъ ему вслѣдъ тусклымъ, полупотухшимъ, полусоннымъ взглядомъ. Съ кручи открывалась широкая красивая лѣссистая даль; необъятный голубой просторъ, въ которомъ рѣзво купалась веселая птица, манилъ и тянулъ къ себѣ человѣка, но Сергѣю все казалось глухою, неприютною и мертвою пустыней. Просторъ точно давилъ его. Онъ поглядѣлъ вверхъ, въ голубое небо, горѣвшее веселымъ багрянымъ свѣтомъ утра, посмотрѣлъ на поднимающуюся тучу, грозившую ливнемъ, и опять завернулся въ пледъ. Не все ли въ самомъ дѣлѣ равно, — ведро ли стоять, грозить ли бурей? Что бы тамъ ни было, легче и лучше не станеть.

Пуцковскій проснулся съ зарей и, веселый, довольный, счастливый, быстро выпилъ свой стаганъ чая, пока дамы еще спали, заглянулъ къ Валентину, котораго не обазалось, — онъ давно уже былъ въ Роцинѣ, — и, немного подумавъ, рѣшилъ, наконецъ, отправиться и самъ туда же. Знакоюю тропинкой идти было не далеко, утренній моционъ, извѣстно всѣмъ, очень полезенъ, а къ тому же, какому владѣльцу не хочется поскорѣе и получше осмотрѣть свои владѣнія и озаботиться принятіемъ тѣхъ или иныхъ мѣръ отъ возможнаго всегда расхищенія? Подумавъ, онъ надѣлъ шляпу, взялъ въ руку свою трость съ отточенною, скрытою внутри, толедскою шпагой, — предосторожность никогда не мѣшаетъ и Вавила Станиславовичъ всегда это помнилъ, — надѣлъ калоши на случай сильной росы и вышелъ, напѣвая веселую шансонетку. Вдали видѣлась туча, но онъ доберется задолго до начала дождя, путь короткій, минутъ тридцать не больше. Шелъ онъ бодро, весело, насвистывая, напѣвая, сшибая тростью стебли бурьяна, какъ ходятъ всѣ безпечные, беззаботные люди. Въ самомъ дѣлѣ, ему чертовски повезло. На такой выходъ онъ никогда не рассчитывалъ, все сложилось само собою такъ, какъ и во снѣ, казалось, не снилось. У него были другіе пути, виды, намѣренія, а вотъ же сама жизнь поднесла ему неожиданный сюрпризъ въ видѣ катастрофы съ Таней... Сама виновата, не нужно было затѣвать опасныхъ глупостей съ «хамьемъ», — улыбнулся весело Пуцковскій. — О, онъ ихъ быстро подтянетъ! Съ хамьемъ нужны только ежовыя рукавицы да крѣпко натянутыя возжи. Онъ поднялся уже въ гору, подошелъ къ утесу, повернулъ и вдругъ остановился безъ слова, безъ движенія, полный не то ужаса, не то крайняго изумленія. Прямо въ упоръ ему глядѣли хорошо знакомые и страшные глаза.

— А-а!... вотъ кто?!

Это вырвалось у Сергѣя какъ-то совсѣмъ неволью, потому

что сначала, слышавъ шаги, онъ думалъ, что возвращается Дементьевъ. На такую встрѣчу онъ не разсчитывалъ; сама судьба, казалось, ее подготовила. Онъ вскочилъ и оба врага стояли другъ противъ друга, затанувъ дыханіе, у обоихъ громко и судорожно бились сердца, но только разнымъ боемъ. Мгновеніе, и глаза ихъ снова встрѣтились, но они читали уже не изумленіе. Сергѣй вдругъ вспыхнулъ и ожилъ, — душа точно освободилась отъ сковывавшаго ее гнета, — страстная, кипучая природа проснулась. У него заходила грудь и застучало въ вискахъ, а въ глазахъ пошли какіе-то круги... У Вавилы Станиславовича?... Онъ растерялся, полный ужаса, и хотѣлъ, казалось, броситься бѣжать, но, вмѣсто того, самъ не зная какъ, вдругъ обнажилъ свой скрытый толедскій клинокъ

Это было самое безразсудное... Все было бы лучше, чѣмъ грозить Сергѣю, — для людей подобнаго типа всякая угроза — вызовъ. Его ноздри дрогнули, даже улыбка, кажется, мелькнула на этихъ мертвенно-блѣдныхъ губахъ.

— Вотъ какъ? Ну, хорошо, мы сведемъ наши счеты!

Онъ истерически расхохотался и кинулся, совсѣмъ какъ безумный, съ голыми руками. Пуцковскій отступилъ на шагъ, темно-синій клинокъ блеснулъ въ воздухъ, алая струя обогрела бѣлую, сухую ладонь Сергѣя, но черезъ мгновеніе все уже было кончено. Пуцковскій всплеснулъ руками, растянулся у самаго края кручи и захрипѣлъ, съ клинкомъ въ груди по самую рукоять.

— А-а!... — прозвучалъ въ тотъ же моментъ изумленный голосъ Дементьева.

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ, всматриваясь, точно соображая происшедшее, и вдругъ его безстрастные глаза блеснули.

— А-а!... Настоящій Божій судъ, — совсѣмъ какъ во времена сеньоровъ!... Вооруженный рыцарь и безоружный виланъ... Ловко справились! — и онъ наклонился къ лежащему, точно ища признаковъ жизни.

— Вѣрный ударъ, чортъ возьми! — продолжалъ онъ, поднимаясь. — Къ тому же, вполне законный, — въ самооборонѣ... Но что это у васъ, дружище, съ рукою?

Задыхавшійся и все еще дрожавшій Сергѣй не отвѣчалъ и совсѣмъ машинально, казалось, сжималъ глубокой порѣзъ ладони, изъ котораго такъ и била кровь.

— Рана? Давайте-ка, дружище, я перевяжу! — говорилъ Дементьевъ, вынимая платокъ. — Вотъ такъ... Видите?... Правда, я не дурной перевязчикъ, а? Могъ бы сойти за вашего фельдшера?

Ну, конечно, лучшей повязки и хирургъ не наложить... Пойдемъ теперь!

— Куда?—спросилъ глухо Сергѣй.

— Мало ли мѣста на свѣтѣ?... Или вы хотите поджидать слѣдователя? Пойдемъ, дружище!... Каждое живое сердце услышитъ въ жизни призывъ, лишь бы сьумѣло, да нашлась бы охота откликнуться...

И, обнявъ друга съ невыразимо-нѣжною лаской, онъ повелъ его за собою.

— Ну, сознайтесь же, что поэтъ правъ!

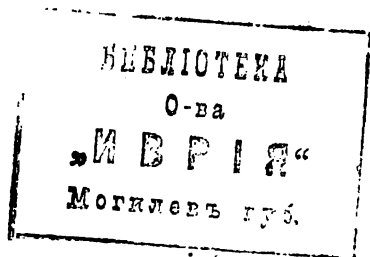
Туча совсѣмъ надвинулась, грохоча и сверкая, на землю обрушился настоящій ливень. Все окрестъ потонуло въ сѣрой пеленѣ дождя и только при блескѣ ослѣпительныхъ молній на сѣромъ фонѣ мгновеніями еще долго вырѣзывались темные силуэты друзей.

Тихо на широкомъ кладбищѣ, гдѣ пріютилась и Танина могила, среди безчисленныхъ другихъ могилъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, съ крестами и безъ крестовъ, оплакиваемыхъ и позабытыхъ. Много могилъ,—счета имъ не знаетъ даже и черный угрюмый воронъ, лучший счетчикъ могильный. Считаетъ ихъ вольный вѣтеръ, да счетъ теряетъ по дорогѣ, когда несется, убѣгая отъ нелюбимой земли, нагибая вѣковыя ели да качая поникшія долу вѣтви плакучей березы.

«Спи, спи, спи!» — напѣваетъ онъ имъ свою вѣчно унылую пѣсню, точно боясь, что проснется почившее сердце.

Тихо и уныло; каждый спѣшитъ мимо скорѣе. Пройдутъ глупые — небылицы плетутъ; недругъ пройдетъ — глаза опуститъ; пройдетъ близкій,—у того сердце сожмется тоской, а на глаза навернутся слезы... и только. Одиѣ вольныя птицы любятъ это тихое, унылое мѣсто и въ зеленой кущѣ плакучихъ березъ и угрюмыхъ елей отъ зари до зари поютъ свои пѣсни... Да Божье солнце еще, безпристрастное, одинаково ласковое для живыхъ и мертвыхъ, весело глядитъ туда и на встрѣчу его теплымъ ласковымъ лучамъ смѣло поднимаетъ къ нему съ неподвижныхъ могилъ свои нѣжные стебли молодая зелень.

Григорій Мачетъ.

Современная Тунисія.

V.

Мы представили довольно полную, хотя и сухую, картину физико-географическихъ условий, среди которыхъ живутъ въ Тунисіи люди; посмотримъ на нихъ самихъ. Прежде всего, тутъ является вопросъ: сколько вообще людей содержитъ теперь нѣкогда многолюдная Африка время Кароагена и Рима? Да не болѣе 1.400,000 душъ, т.-е. почти столько же, какъ Оренбургская губернія, съ которою мы ее сблизили въ самомъ началѣ. Для страны, лежащей въ однѣхъ широтахъ съ какою-нибудь китайскою провинціей Цзянь-су, имѣющей десятки миллионъ населенія, это мало, почему и можно надѣяться, что колонизація изъ Европы не замедлитъ пополнить недостающее. Эта колонизація и совершается на нашихъ глазахъ, въ послѣдніе годы все постепенно усиливаясь. Главное число переселенцевъ, какъ мы увидимъ дальше, доставляютъ Италия, южная Франція и Мальта; но и другія присредиземныя страны, наприм., Испанія, Австрія, высылаютъ въ Тунисію часть избытка своего населенія. Жители Тунисіи почти такъ же разноплеменны, какъ Оренбургской губерніи, даже, пожалуй, болѣе: тутъ есть мавры, берберы, арабы, турки, евреи, итальянцы, французы. Самые многочисленныя, вѣроятно, берберы, коренные обитатели страны, башкиры Тунисіи, подобно имъ отчасти полуосѣдлые, заняты и земледѣліемъ, и скотоводствомъ. Какъ мы уже говорили, они, однако же, не господа въ своей землѣ, а рабочіе. Мавры, мусульманскіе выходцы изъ Испаніи, всё—горожане, купцы и ремесленники, т.-е. люди вполне осѣдлые. Арабы, напротивъ, всё кочевые, давно утратившіе доблести своихъ предковъ VII—III столѣтій; они пользуются теперь въ Тунисіи репутаціей отчаянныхъ пунговъ, которымъ нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ. О евреяхъ говорить нечего: этотъ народецъ, нынѣ, какъ, впрочемъ, и всегда, мечтающій объ экономическомъ покореніи себѣ міра, въ Тунисіи занимается тѣмъ же, тѣмъ съ Россіи, Германіи, Австріи, Франціи, т.-е. гешефтами, торговымъ и финансовымъ плутовствомъ, и чтобы быть менѣе зависимыми отъ мѣстной

*) Русская Мысль, кн. IV.

юстиціи, тунисскіе евреи записываются подданными разныхъ европейскихъ державъ и, въ нужныхъ случаяхъ, прячутся за покровительство своихъ консуловъ. Турки, нѣкогда мечтавшіе о покореніи народовъ не деньгами, а мечомъ, и слишкомъ три столѣтія господствовавшіе въ Тунисѣ, быстро теперь исчезаютъ, какъ въ Греціи, Болгаріи, Арменіи и пр. Правда, официальнымъ правителемъ страны является турокъ; въ составѣ туземныхъ духовенства и чиновничества встрѣчаются также лица турецкаго происхожденія; но все это представляетъ лишь горсточку въ сравненіи съ другими народностями.

Такъ сказать, на счетъ турокъ умножаются въ Тунисѣ европейцы, особенно французы и итальянцы. Первыхъ, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, считается уже 11,000, а съ войсками болѣе 20,000. Было бы гораздо болѣе, если бы парижскіе организаторы франко-тунисской колонизаціи, своекорыстные буржуа-доктринеры и финансисты, не стѣснили переселенія французовъ въ Тунисію условіями раздачи земель. Въ Тунисѣ, по мнѣнію этихъ господъ, *должна* господствовать крупная поземельная собственность, а крестьяне-земледѣльцы *должны* быть только арендаторами или батраками. Ну, разумѣется, при такомъ законѣ, можетъ быть, и удовлетворяющемъ г. Леруа-Больѣ, но не подходящемъ къ видамъ большинства южно-французскихъ выходцевъ, послѣдніе предпочитаютъ ѣхать въ Буэносъ-Айресъ, а не въ Тунисъ. Этимъ доктринерски-экономическимъ промахомъ французовъ пользуются ихъ соперники въ Тунисѣ, итальянцы, которые переселяются туда въ такомъ числѣ, что теперь ихъ болѣе 40,000, занимающихся садоводствомъ, винодѣліемъ, мелкою торговлей въ портовыхъ городахъ, службой на желѣзныхъ дорогахъ, нагрузкою и разгрузкою кораблей и т. п. Итальянскій консулъ въ Тунисѣ ревниво охраняетъ интересы соотечественниковъ, и среди французовъ-соперниковъ это производитъ скрежетъ зубовой; безъ же тунисскому нѣтъ никакой причины ограничивать наплывъ итальянцевъ; въ глубинѣ души онъ, можетъ быть, даже радъ ему, хотя итальянскіе выходцы представляютъ собою порядочную дрянъ и матеріально, и нравственно. Англо-мальтійцы, нѣмцы, швейцарцы, безъ сомнѣнія, самые полезные для цивилизаціи Тунисіи люди, но ихъ пока очень немного. Мальтійцы особенно удачно устраиваютъ свои дѣла.

Такъ какъ итальянцы и французы въ настоящее время (будущее открыто завѣсою, а о прошедшемъ уже сказано довольно) являются «главными пионерами и двигателями цивилизаціи», то любопытно видѣть, какъ они относятся къ общей своей задачѣ и въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу. Разумѣется, «насажденіе европейской цивилизаціи» среди африканскихъ туземцевъ только пустой предлогъ къ наглому эксплуатаціи послѣднихъ. А затѣмъ «доблестная» общая цѣль у обоихъ народовъ-цивилизаторовъ одна: выжить изъ мѣстнаго населенія какъ можно больше собоовъ, если можно, даже стереть его съ лица земли или сохранить лишь въ видѣ рабочаго быдла. Эта цѣль до такой степени очевидна, стремленіе къ ней до такой степени ничѣмъ не прикрыто, что развѣ только

шестнадцатилѣтніе юноши и кисейныя барышни не разглядятъ ея съ пер-выхъ дней ознакомленія съ Тунисіей. Но приемы для достиженія этой свое-корыстной цѣли не одинаковы: французъ - солдатъ или даже биржевой дѣлецъ все хочетъ взять нахрапомъ, полицейскими мѣрами или грубымъ грабежомъ, по праву сильного; итальянецъ считаетъ себя ученикомъ Макиавелли и старается пустить въ ходъ хитрость, коварство, — пролѣзть въ окно тамъ, гдѣ отворить ворота ему не по силамъ. Чтобы эти не совсѣмъ лестныя для обоихъ народовъ отзывы не показались неосновательными, приведу два довольно замѣтные факта изъ недавняго прошлаго, точнѣе — изъ настоящаго Тунисіи, о которыхъ пріѣзжіи въ эту страну иностранецъ услышитъ толки чуть ли не прежде всего.

У покойнаго бея былъ любимецъ, Мустафа, начавшій, какъ водится въ мусульманской цивилизаціи, карьеру свою чубукочой и кончившій ее чѣмъ-то вродѣ великаго визиря или палатнаго мѣра. Разумѣется, онъ счумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы сильно обогатиться. Приемъ его при этомъ былъ очень простъ: докладывая своему повелителю всякаго рода дѣла и «исходящія бумаги», онъ обыкновенно прочитывалъ ему одно, а печать заставлялъ прикладывать къ другому. Эти «другіе» листы были ничто иное, какъ жалованныя грамоты ему, Мустафѣ, на земли въ разныхъ мѣстахъ Тунисіи, разумѣется, наиболѣе плодородныя и доходныя. Пока бей былъ безконтрольнымъ главой государства, конечно, никто не смѣлъ пикнуть противъ такого хищничества, но вотъ пришли французы и узнали о немъ. Сейчасъ же у цивилизаторовъ явилась мысль: отнять у хищника его неправое стяжаніе и отдать его... бѣднымъ, вы думаете, или хоть казнѣ, которой по праву или даже безъ права земли прежде принадлежали?... О, нѣтъ! французской акціонерной компаніи, которая - де введетъ цивилизованныя приемы земледѣлія, новыя растенія, новыхъ животныхъ и проч. Сказано — сдѣлано. Но тогда возникъ процессъ. Нужно было судиться; дѣло было поведено такъ, что судьями явились французы же; для пущей важности, хищниками былъ выписанъ изъ Парижа, за хорошій гонораръ, пресловутый адвокатъ Флоке (тотъ самый, что былъ недавно представителемъ палаты депутатовъ), и французскій апелляціонный трибуналъ призналъ безапелляціонно, что наследникамъ Мустафы ничего не слѣдуетъ, казнѣ тоже, ибо она получила известную (очень малую) сумму отъ акціонерной французской компаніи, а именно этой самой компаніи. Что будешь дѣлать съ людьми, у которыхъ въ рукахъ военная власть, способная разстрѣлять чортуновъ?... Ну, а чтобы не слишкомъ кричали либералы «независимые», лавнымъ образомъ, журналисты, имъ замазывали ротъ денежными подачками, какъ то обычно при господствѣ буржуа-торгашей.

Итальянцы не имѣютъ за себя военной силы, поэтому они дѣйствуютъ хитростью и, само собою разумѣется, во вредъ французамъ. Они такъ связаны послѣднимъ за освобожденіе Италіи отъ австрійскаго ига, что готъ желаніемъ показать «независимость сердца» по отношенію къ Фран-
1, подобно тому, какъ нѣмцы (за 1870 г.), австрійцы (за 1849 г.) и бол-

гары (за 1878 г.) показали ее по отношенію къ Россіи. Напакоstitь французамъ въ Тунисіи, на которую они сами мѣтили, — задушевная мысль каждаго итальянца. И вотъ однажды они рѣшились вставить спицу въ глазъ французамъ, думавшимъ, что они одни могутъ хозяйничать въ сѣверной Африкѣ. Была устроена, еще въ независимой Тунисіи, англичанами желѣзная дорога изъ Туниса въ Ла-Гулету, служащую ему гаванью, но дорога эта приносила убытки, и англичане рѣшились ее продать. Проще бы всего было купить ее въ тунисскую казну, но у бея не было на это денегъ (какихъ-нибудь 100,000 фунт. стерл.), и потому явились конкуренты, разумѣется, французы и итальянцы. Представителемъ первыхъ явилась желѣзно-дорожная компанія бонь-гуельминская, изъ Алжиріи, представителемъ вторыхъ мореходное общество Руббатино. Французы успѣли уже было сойтись съ англичанами въ цѣнѣ (106,000 ф. ст.) и должны были вступить во владѣніе туниско-гулетскою линіей, которую они надѣялись соединить съ алжирскими дорогами, но тутъ явился на сцену итальянскій консулъ въ Тунисѣ, г. Мачіо, и убѣдилъ англичанъ назначить публичныя торги на дорогу, говоря, что за нее можно выручить больше. Англійское сердце, какъ извѣстно, равнодушно къ барышамъ. Условіе съ французами было, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, разорвано и торги состоялись. На нихъ соперникомъ «Бонь-Гуельмы» явилась компанія «Руббатино» и одолѣла... по той простой причинѣ, что за ней стояло итальянское правительство, предсказавшее не жалѣть денегъ, лишь бы дорога не попала въ руки французамъ. Спица въ глазъ послѣднимъ была вставлена, но тогда-то парижское правительство рѣшилось послать въ Тунисъ полковника Бреара, а вслѣдъ за нимъ двинуть и войска, подъ предлогомъ, что тунисскіе подданные, крумиры, дѣлаютъ набѣги на французскія земли въ Алжиріи. Тунисъ сталъ французскимъ «протекторатомъ», и итальянцамъ пришлось проглотить обиду. Но отнять у нихъ тунисъ-гулетскую дорогу не позволяютъ международныя обычаи. Какъ же тутъ быть, чтобы итальянскаго духа не оставалось въ странѣ? Для этого придумано средство коммерческое. Французы не только соединили Тунисъ съ Алжиромъ большою желѣзно-дорожною линіей, но и продолжили послѣднюю отъ Туниса на юго-востокъ, до Радеса и Хаммамъ-лифа, гдѣ она упирается въ море, дѣлая, такимъ образомъ, конкуренцію итальянской линіи Тунисъ-Гулета. Мало того, французскіе инженеры стали заботиться объ углубленіи Тунисскаго озера, чтобы обратить его въ портъ для большихъ судовъ; тогда останется расширить и углубить проливъ (12 метр. ширины), соединяющій озеро съ моремъ, чтобы гулетская дорога осталась безъ грузовъ и пассажировъ. Итальянцамъ тогда придется бросить ее въ добычу соперникамъ.

V.

Примѣровъ неумолимаго соперничества итальянцевъ и французовъ въ Тунисіи можно бы привести множество, но наше дѣло не столько въ столѣ-

новеніяхъ европейцевъ на тунисской почвѣ между собою, сколько въ томъ, что дѣлають эти европейцы на благо или во вредъ самой Тунисіи. Здѣсь надобно признаться, что конкуренція европейцевъ не была бесполезною. Особенно французы, желая обезпечить свое господство надъ страню, сдѣлали много. Прежде всего, Тунисіа, со времени паденія римскаго владычества оставшаяся бездорожною, получила рядъ проѣздныхъ путей. Болѣе 900 верствъ шоссе проложено въ разныхъ частяхъ страны; Тунисъ связанъ съ Алжиромъ, Катруанъ съ Суссою рельсовыми путями, въ сѣтъ войдутъ Бизертъ и, быть можетъ, Габесь и Гафса, послѣ чего торговое и пассажирское движеніе внутри будетъ надолго удовлетворено въ важнѣйшихъ своихъ потребностяхъ. Но не слѣдуетъ, однако, упускать изъ вида, что въ этихъ успѣхахъ коммуникаціи есть нѣчто кажущееся, обманчивое. Шоссейныя дороги устроены крайне плохо: зимою по нимъ трудно двигаться отъ каменистой грязи, въ которую полотно обращается отъ дождей, а лѣтомъ—отъ изобильной и ѣдкой пыли. Притомъ, правительство, устроившее эти дороги, не заботится о ремонтѣ ихъ; мосты сносятся потоками, полотно разрушается, такъ что экипажи предпочитаютъ ѣхать по сторонѣ дороги. Рельсовые пути, въ движеніи по которымъ заинтересованы желѣзно-дорожные хозяева, конечно, поддерживаются лучше, но за то питательныхъ вѣтвей они почти не имѣютъ; была рѣчь объ установленіи желѣзно-дорожной связи между рудниками Атласа и ближайшими къ нимъ портами, но пока она еще не устроилась. Всячески сообщенія въ Тунисіи теперь легче и удобнѣе, чѣмъ были десять лѣтъ тому назадъ, почему и торговля страны возросла. Сравнивъ цифры привоза въ Тунисію и вывозъ изъ нея за 1890 годъ съ таковыми же за 1880 г., мы увидимъ, что было:

Привезено.	Вывезено.
Въ 1880 году на 26.790,892 шастра.	16.500,000 (около).
» 1890 » » 48.557,534 » . .	48.853,840 »

Очевидно, что внѣшняя торговля очень возросла, и, притомъ, денежный балансъ ея, прежде очень убыточный для страны, повернулъ въ ея пользу, хотя и на мелкую сумму. Чтобы это могло случиться, надобно было, чтобы производительность страны возросла и въ ней появился избытокъ товаровъ, значительно превышающій ея домашнія потребности. Особенно любопытно возростаніе хлѣбопашества, благодаря уничтоженію нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ по вывозу зерна. Въ 1889 году цѣнность вывезеннаго хлѣба не превосходила 7.371,760 шастровъ, въ 1890 г. она простиралась до 24.478,000 шастровъ, а въ 1891 г. достигла уже 48.853,840 шастровъ. Любопытно было бы для насъ, русскихъ, узнать, какъ отозвалось это возростаніе тунисской хлѣбной торговли на оборотахъ Одессы и Таганрога. Кромѣ хлѣба, Тунисіа снабжаетъ нынѣ Европу на крупную сумму (10.254,000 франк.) оливковымъ масломъ, губками, сырыми кожами и сухими плодами и овощами. Даже тунисскія вина уже поступаютъ на европейскіе рынки, а изъ мануфактурныхъ издѣлій—ковры,—подражаніе

малоазійскимъ и турецкимъ,—пока, впрочемъ, въ маломъ количествѣ. Покупаютъ тунисцы у Европы выдѣланныя кожи и издѣлія изъ нихъ, шелкъ, сахаръ, предметы домашняго обихода, мебель, стальные и желѣзные издѣлія, даже вино, водку и пиво, но особенно хлопчатобумажныя ткани. Своихъ фабрикъ въ странѣ мало, а потому естественно, что она за свое сырье требуетъ европейскихъ фабричныхъ издѣлій. Цивилизаторы-капиталисты, разумѣется, о заведеніи здѣсь фабрикъ и не заботятся, чтобы страна всегда оставалась данницею Европы за получаемые изъ нея мануфактурные товары; при этомъ они, впрочемъ, имѣютъ оправданіе въ скудости топлива.

Я привелъ сейчасъ цифры, относящіяся до внѣшней торговли, и позволилъ себѣ изъ возрастанія ихъ съ годами заключить, что и производительность Туниса возрастаетъ. Кажется, подобное заключеніе логически вѣрно, но ни въ какомъ случаѣ я не позволю себѣ сказать, что это возрастаніе торговыхъ оборотовъ свидѣтельствуетъ объ увеличеніи богатства жителей страны, точнѣе—благосостоянія массы ихъ. Давно извѣстно, что ученіе правовѣрной политической экономіи, т.-е. теорія Ж. Б. Сея и его послѣдователей, до Леруа-Болье включительно, о томъ, что огульныя цифры для цѣлыхъ странъ выражаютъ благоденствіе *всѣхъ* населяющихъ ихъ людей, есть чистая ложь; скорѣе можно сказать, что гдѣ общая цифра оборотныхъ капиталовъ, хотя и очень крупная, слагается изъ немногихъ крупныхъ же цифръ, тамъ, навѣрное, массы народа бѣдствуютъ и нисходятъ на степень рабочаго скота, трудящагося черезъ силу для обогащенія капиталистовъ. Это явленіе пролетаріата нынѣ уже порядочно изучено во всѣхъ его фазахъ, и если развитіе его все еще не поражаетъ умы, такъ это потому, что ученые экономисты и статистики охотно умалчиваютъ о вопиющихъ фактахъ, сюда относящихся. Вспомнимъ,—для ясности того, о чемъ здѣсь рѣчь,—сожженіе рязанскими земскими консерваторами подворныхъ описей и другихъ статистическихъ данныхъ о крестьянскомъ населеніи въ губерніи, гдѣ было раскрыто довольно бѣдственное состояніе вѣрстлянь. Въ Тунисіи до свирѣпости моихъ соотечественниковъ-рязанцевъ еще не дошли и статистическихъ матеріаловъ не жгутъ, но за то и не стараются ихъ собирать. Между тѣмъ, по словамъ нѣкоторыхъ давнихъ обитателей страны, въ иныхъ мѣстностяхъ ея уже становится замѣтнымъ появленіе безземельнаго пролетаріата, который, конечно, будетъ умножаться съ переходомъ земель въ руки немногихъ капиталистовъ, да еще иностранцевъ, соединяющихся въ безыменные акціонерныя общества, которыя могутъ грабить народъ вполне безнаказанно. Очень извѣстный въ Тунисіи примѣръ захвата большаго пространства земли крупнымъ «предпринимателемъ» представляетъ дѣло о поросляхъ альфы въ Энфидѣ, отданныхъ было въ монопольное пользованіе французу Дюплесси, а имъ проданное англійской акціонерной компаніи. Если бы не эта послѣдняя продажа, показавшаяся французскимъ властямъ «непатріотической», то, вѣроятно, многочисленные туземцы-бѣдняки лишились бы послѣдняго своего до-

стоянія, которое, видите ли, «никогда не было имъ отмежевано, съ нанесеніемъ на планъ», а, слѣдовательно, «юридически» имъ и не принадлежало. О томъ, что во всѣхъ странахъ, не подпавшихъ подъ иго римскихъ законовъ, особенно же въ земляхъ мусульманскихъ, почва считается достояніемъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ или кто издавна на ней обитаетъ, объ этомъ господамъ правовѣдамъ-завоевателямъ, а вмѣстѣ и «цивилизаторамъ», разумѣется, не приходило на мысль, а если и приходило, то они находили это варварствомъ, которое нужно искоренять заведеніемъ крупной поземельной, наследственной и продажной, собственности.

Это одна «черная точка» на тунисскомъ горизонтѣ, могущая современемъ заволочь все небо, обратиться въ грозную тучу и потревожить самодовольный покой хищныхъ пришельцевъ-цивилизаторовъ. Будь у нея сильный вооруженный союзникъ, да будь онъ самъ человѣкъ умный и энергическій, онъ могъ бы теперь же стать во главѣ народа и вымести изъ страны экономистовъ-нововводителей, которые, очевидно, преслѣдуютъ ту же цѣль, какую имѣли франки въ Галліи, готы въ Испаніи, лангобарды въ сѣверной Италіи и вандалы въ той самой Африкѣ, которая нынѣ зовется Тунисіей. Пока, впрочемъ, этихъ условій нѣтъ, и поземельный произволъ французовъ встрѣчаетъ лишь слабое противодѣйствіе въ итальянской колонизаціи, которая водворяется въ странѣ болѣе мирными и честными средствами. Другое черное пятно на небосклонѣ Туниса, появившееся съ приходомъ французовъ, это — черная армія монаховъ, приведенная «корпуснымъ командиромъ» въ кардинальской шапкѣ, только что умершимъ нынѣ Лавижери. Католическая его ревность была такъ велика, что онъ завелъ было команду монаховъ-воиновъ, хорошо вооруженныхъ и организованныхъ по-военному, съ заявленною цѣлью—бороться съ негроторговцами въ Африкѣ и съ тайною—загонять мусульманскія души въ католическое стадо, котораго онъ самъ былъ однимъ изъ видныхъ пастырей. Правда, Лавижери, наконецъ, умеръ, но завѣты его остались въ миссіонерской средѣ, и если ихъ станутъ настойчиво проводить въ жизнь подъ покровительствомъ французскихъ солдатъ, то дѣло можетъ получить непріятный для Франціи оборотъ. Лавижери былъ очень ловкій военачальникъ-администраторъ миссіонерской завоевательной команды; онъ зналъ, гдѣ нужно употребить волчій зубъ, а гдѣ лисій хвостъ; но преемники его могутъ оказаться менѣе искусными, и тогда въ Тунисіи можетъ вспыхнуть горячая мусульманская революція, въ связи съ экономическо-соціальною, на возможность которой мы указали выше, а пожалуй и безъ нея. Мусульмане сосѣдней Алжирин, лишеныя доселѣ правъ французскаго гражданства и ненавидящіе французовъ, конечно, явятся на помощь своимъ единовѣрцамъ въ Тунисіи.

Я, впрочемъ, не люблю заниматься пророчествами, особенно по такимъ сложнымъ вопросамъ, какъ экономическо-соціальные и религіозно-культурные, а потому перейду, въ заключеніе этого очерка, къ болѣе простому дѣлу—оцѣнкѣ стратегическаго положенія французовъ въ Тунисіи. Числен-

ность французских войск, официально составляющих «оккупационную бригаду», простирается до 9,500 вооруженных людей всякаго рода оружія. Тутъ есть зуавы, легкіе африканскіе егеря, пѣшіе и конные; стрѣлки, спаги, т.-е. туземная алжирская конница, три батареи полевой артиллеріи, рота саперъ, рота дисциплинарная, военно-работія и фурштадскія команды, военно-госпитальная прислуга и, разумѣется, многочисленный и блистательный штатъ военныхъ писарей всякаго чина и званія. Главная масса войскъ, конечно, сосредоточена въ Тунисѣ, но отдѣльные отряды встрѣчаются еще въ девяти мѣстахъ, причемъ иногда батареи артиллеріи не имѣютъ пѣхотныхъ или кавалерійскихъ прикрытій. Очевидно, это военное занятіе страны, за 10 лѣтъ предъ тѣмъ независимой, слабо; оно было бы непростительно слабо, если бы у французовъ по сосѣдству, въ Алжиріи, не было цѣлаго корпуса. Но опасность не въ одной малочисленности войскъ и ихъ разсѣяніи по странѣ, а всего болѣе въ томъ, что у французовъ нѣтъ прочнаго опорнаго пункта ни внутри страны, ни на побережьѣ, по пути въ Францію. Тунисская цитадель, средневѣковой постройки, конечно, довольно страшна для безоружныхъ жителей города, но она не можетъ выдержать осады войскъ европейскихъ, да и гарнизонъ ея можетъ легко быть блокируемъ, если не уйдетъ во-время. Въ другихъ городахъ укрѣпленій совсѣмъ нѣтъ; во второмъ городѣ страны, Кетруанѣ, считающемся святымъ, то-есть религіозною столицей туземцевъ-мусульманъ, даже нѣтъ гарнизона. Поэтому, сознавая опасность своего положенія въ Тунисіи, французы въ послѣднее время все свое вниманіе обратили на укрѣпленіе Бизерта. Благодаря положенію его на кратчайшемъ морскомъ пути въ Европу, у глубокой, совершенно закрытой бухты, и всего въ 40 верстахъ отъ Туниса, изъ него можно сдѣлать превосходный военный портъ и сухопутную крѣпость, изъ которой выбить французовъ будетъ не легко даже итальянцамъ, несмотря на силу ихъ флота и легкость подвозки войскъ изъ Сициліи. Это укрѣпленіе Бизерта крайне не нравится въ Римѣ; парламентскіе говоруны, вродѣ Крипи, кричатъ объ опасности для Італіи отъ созданія бизертскаго Тулона, но такъ какъ въ Европѣ ихъ никто не слушаетъ, то они, по необходимости, умолкаютъ... можетъ быть, еще и потому, что, по выразнію французовъ, итальянскіе карабинеры и берсальеры суть лишь оперные солдаты и подѣ Бизертъ едва ли когда рѣшатся придти.

Невольно, однако, приходитъ на умъ вопросъ: когда же итальянцы и французы подерутся на почвѣ Тунисіи? А что они могутъ подрасться, это весьма вѣроятно.

И побѣди итальянцы французовъ, это будетъ восьмой чужеземный властитель надъ бѣдною страной, которая самостоятельной національной жизни доселѣ почти вовсе не знала, и, благодаря разноплеменности населенія, едва ли когда узнаетъ.

P. S. Статья эта была окончена, когда появилось сочиненіе Нардисса Фокона *La Tunisie avant et après l'occupation française*, 1893 г., въ двухъ томахъ. Оно, разумѣется, содержитъ много фактовъ, не вошедшихъ въ составъ нашего краткаго обзора, но фактовъ второстепенныхъ, все же существенное читатель найдетъ у насъ. Кроме того, за послѣднее время Тунисія была во Франціи предметомъ горячей полемики въ журналахъ и преній въ парламентѣ. Одна газета, издаваемая по-французски и французомъ въ Тунисѣ, такъ горячо напала на существующіе тамъ нынѣ порядки, что заслужила отъ франко-тунисскихъ, а за ними и парижскихъ чиновниковъ укоръ въ недостаткѣ патриотизма и чуть ли даже не была запрещена, какъ это бываетъ всегда, когда чиновники считаютъ себя непогрѣшимыми, а, главное, всемогущими богами. Затѣмъ въ январѣ 1893 г. въ Парижѣ, въ палатѣ депутатовъ, г. Гюббаръ коснулся тѣхъ же порядковъ, господствовавшихъ въ Тунисіи, особенно при министрѣ-резидентѣ Массакко, недавно умершемъ, но управлявшемъ дѣлами въ теченіе несколькихъ лѣтъ, — порядковъ, которые Гюббаръ находилъ, между прочимъ, несогласными съ интересами Франціи, оставляющими слишкомъ много бею, точно государю самостоятельному. Именно депутатъ-критикъ находилъ, что 1) беева монета вытѣснила французскую; 2) что французскіе почтовые конторы и марки замѣнены въ Тунисіи тунисскими, тогда какъ итальянская почта дѣйствуетъ тамъ самостоятельно, при своихъ конторахъ и маркахъ; 3) что французскій флагъ на казенныхъ зданіяхъ замѣненъ тунисскимъ, съ мусульманскимъ полумѣсяцемъ, и т. п. Разумѣется, министру Рибо не стоило большого труда осмѣять эти дѣтскіе упреки и показать, что въ нихъ, притомъ, много невѣрнаго. Напримѣръ, монета тунисская хотя и чеканится съ гербомъ бея, но состоитъ уже изъ франковъ и сантимовъ, а не изъ піастровъ, такъ что для торговли французовъ это выгода, а не убытокъ; казенный флагъ есть флагъ французскій, на которомъ только дано мѣсто гербу бея, и пр. Продолжая рѣчь, министръ замѣтилъ, что укрѣпленіе Бизерта продолжается неустанно, съ моря и съ сухого пути, что невыгодное для итальянцевъ углубленіе тунисскаго порта скоро окончится, что обороты французской почты въ Тунисіи возросли на 120% послѣ введенія новой, франко-беевской системы и пр.

Книга Фокона, по недавности своего появленія, еще не вызвала критическихъ замѣчаній специалистовъ, но достаточно сказать, что она сопровождается хвалебнымъ предисловіемъ Жюля Ферри, чтобы понять ея направленіе, а вмѣстѣ и научное достоинство. Это—двухтомный памфлетъ, старающийся доказать, что въ 12 лѣтъ французскаго господства Тунисія подвинулась впередъ по пути цивилизаціи больше, чѣмъ въ двѣнадцать или даже въ двадцать четыре столѣтія своей предшествовавшей исторіи.

23 января 1893 г.

P. S. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ настоящаго 1893 года совершились два событія, немаловажныя въ современной исторіи Тунисіи. Во-первыхъ, она

связана, через Бизерть, прямымъ подводнымъ кабелемъ съ Марселемъ, чѣмъ избѣгается необходимость сношения съ Франціею по телеграфу не только черезъ чужія земли, Мальту и Италію, но и черезъ французскій, лежащій въ сторонѣ, Алжирь. Во-вторыхъ, коса, отдѣляющая Тунисскій лиманъ отъ моря, прорыта и въ самомъ лиманѣ углубленъ проходъ къ городу съ моря, такъ что отнынѣ къ Тунису могутъ подходить большіе пароходы. Это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, повлечетъ за собою упадокъ Гулеты и *итальянской* желѣзной дороги, соединяющей ее съ городомъ.

9 (21) февр. 1893 г.

М. Венковъ.

Главные течения русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій *).

II.

Знакомство съ изслѣдователями русской исторіи XVIII в. мы начнемъ съ сообщенія тѣхъ свѣдѣній, которыя характеризуютъ какъ личность ихъ, такъ и условія обстановки, среди которой имъ приходилось дѣйствовать. При этомъ русскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей мы будемъ разсматривать отдѣльно другъ отъ друга. Ознакомившись съ личностями изслѣдователей, мы перейдемъ затѣмъ къ изученію результатовъ ихъ ученой работы и будемъ группировать ихъ при этомъ въ томъ порядкѣ, какой потребуется сущностью дѣла. Такимъ образомъ, намъ можно будетъ соединить удобства обохъ порядковъ изложенія: при отдѣльныхъ характеристикахъ лучше будутъ отгѣнены основныя типичныя черты каждаго изслѣдователя, а при систематическомъ изображеніи ихъ выводовъ—отчетливѣе представится доля заслугъ каждаго въ движеніи науки и взаимныя вліянія ихъ другъ на друга **).

Четыре русскихъ историка: Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ и Болтинъ могутъ служить характерными представителями четырехъ различныхъ типовъ, созданныхъ русскимъ просвѣщеніемъ прошлаго вѣка. Начало вѣка занято бурною эпохой Петра. Типъ петровскихъ дѣльцовъ давно отмѣченъ и охарактеризованъ въ нашей исторической литературѣ. Выросшіе въ об-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

**) Сравнительная хронологія русскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей XVIII в.: въ 1750 году Татищевъ умеръ 64-хъ лѣтъ отъ роду (род. 1686); сорокалѣтній Ломоносовъ началъ заниматься русскою исторіей и 45-ти-лѣтній Миллеръ потерялъ отъ него нападеніе за академическую рѣчь о происхожденіи Руссовъ. Щербатовъ въ этотъ годъ 17-ти лѣтъ служилъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, а Болтинъ съ Шлецеромъ—оба 15-ти лѣтъ—кончали ученье, одинъ дома, другой въ школѣ. Байеръ (род. 1694) умеръ за 12 лѣтъ раньше Татищева. Короча, Байеръ—современникъ Татищева, Миллеръ—Ломоносова, Шлецеръ—Болтина и Щербатова: первые дѣйствовали въ началѣ, вторые въ серединѣ и третьи въ концѣ столѣтія.

становлѣ московской Руси и сразу выброшенные въ водоворотъ реформъ, они не имѣли ни времени, ни возможности пройти правильную теоретическую школу, которая подготовила бы ихъ по-европейски къ насажденію европейской цивилизаціи. Вынужденные схватывать кое-какъ, на-лету, обрывки знаній изъ всѣхъ возможныхъ отраслей науки и искусства, куда только ни толкали ихъ нуждавшійся въ людяхъ преобразователь,—эти люди волей-неволей должны были усвоить себѣ споровку—во всякой области знанія вылавливать сразу практически-нужное, непосредственно-полезное для немедленнаго приложенія къ дѣлу. Имъ некогда было сантиментальничать съ наукой и просвѣщеніемъ; Татищевъ хорошо выразилъ ихъ взглядъ на европейскую культуру, раздѣливъ всё «науки» по ихъ отношенію къ домашнему и государственному обиходу на двѣ различныя категоріи: это были, съ одной стороны, науки *нужныя* или, по крайней мѣрѣ, *полезныя*; съ другой стороны, науки *щегольскія*. Что просвѣщеніе смягчаетъ сердца или что искусство облагораживаетъ души,—подобныя мысли оставались чуждыми этому поколѣнію, которое цѣнило одно знаніе, а въ знаніи—одинъ его практический результатъ.

Татищевъ—одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей Петровской эпохи. Вѣчно дѣятельный, мастеръ окинуть однимъ взглядомъ цѣлую область знанія и уйти изъ нея не съ пустыми руками, будь это артиллерія, фортификація или минералогія, геологія или географія, исторія, всегда дѣловой, пишетъ ли онъ объ измѣненіи монетной системы, или объ усмиреніи киргизовъ въ Оренбургской губерніи, или объ Іоакимовой лѣтописи, всегда точный, начиная съ записи на какой-нибудь грамматикѣ: «1720 года, октября въ 21-й день, въ Кунгурѣ по сей грамматикѣ началъ учиться по-французски артиллеріи капитанъ Василій Никит. сынъ Татищевъ, отъ рожденія своего 34-хъ лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 2-хъ дней»,—начиная съ этой записи и кончая лѣтописнымъ сводомъ; практический и расчетливый, прозаическій, безъ капли поэзіи въ натурѣ,—такимъ представляется намъ первый русскій историкъ. Нужно только вспомнить, какъ въ послѣдній день жизни, предсказавши свою кончину, онъ отправляется указать мѣсто для своей могилы, и составляетъ меню для своего похороннаго обѣда.

Утилитаризмъ—таково мировоззрѣніе, наиболѣе подходящее для подобной натуры; и у насъ есть свѣдѣнія, что Татищевъ былъ сознательнымъ и послѣдовательнымъ утилитаристомъ. Свое мировоззрѣніе онъ изложилъ въ недавно напечатанномъ *Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ*. Отчетливость и стройность понятій, изложенныхъ въ *Разговорѣ*, были бы изумительны и необъяснимы, если бы мы не знали, что всѣ основное содержаніе своихъ воззрѣній Татищевъ заимствовалъ изъ произведеній современной ему заграничной литературы. Основною идеей, заимствованною имъ для своего мировоззрѣнія, была модная въ то время идея естественнаго права, естественной морали, естественной религіи. Посредниками при усвоеніи этой идеи были для Татищева, во-первыхъ, самъ знаменитый основатель теоріи естественнаго права, Самуиль Пүфендорфъ, и

во-вторыхъ, одинъ протестантскій богословъ, Вальхъ, *Философскій лексиконъ* котораго послужилъ главнымъ литературнымъ источникомъ татищевского разговора *).

По усвоенной Татищевымъ теоріи, «естественный законъ» человѣческой природы состоитъ въ томъ, что мы назвали бы теперь закономъ самосохраненія: въ стремленіи къ собственному благополучію или пользѣ. «Закону божественному» этотъ естественный законъ нисколько не противорѣчить, и не можетъ противорѣчить, такъ какъ и самъ онъ, само это «желаніе къ благополучію въ человѣкѣ, безпрекословно, отъ Бога вкоренено есть». Согласно традиціонной классификаціи христіанской морали, стремленіе къ благополучію сводится къ тремъ основнымъ склонностямъ души: «любочестію» (Ehrgeiz), «любоимѣнію» (Geldgeiz) и «плотоугодію» (Wollust). Сами по себѣ эти склонности ни добродѣтельны, ни порочны; но такъ какъ, благодаря испорченности нашей природы, страсть при ихъ удовлетвореніи одерживаетъ обыкновенно верхъ надъ разумомъ, то и сами стремленія превращаются въ пороки. Тѣ же стремленія, однако, при «разумномъ самолюбіи» могутъ сдѣлаться основой добродѣтелей: надобно только, чтобы чувствомъ руководилъ разумъ. При такомъ руководствѣ человѣкъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ съ благоразумною умѣренностью, безъ «избыточества» и безъ «недостатка». Разумное удовлетвореніе потребностей и есть добродѣтель или, что то же, соблюденіе естественнаго закона; напротивъ, излишнее «избыточество» или «воздержаніе» есть грѣхъ, нарушеніе закона, неизмѣнно ведущее за собой и «естественное наказаніе». Любовь къ самому себѣ лежитъ, такимъ образомъ, въ основѣ человѣческой морали. Но, разумно понятая, эта любовь не есть себялюбіе, такъ какъ она включаетъ и любовь къ другимъ. «Зане человѣкъ по естеству желаетъ быть благополученъ, къ благополучію же нашему нужна намъ любовь и помощь другихъ», то поэтому и «должны мы любовь къ другимъ *заимодательно* изъяслять». По той же причинѣ, «желая благополучіе мое всегда приумножить, а въдая, что ни отъ кого болѣе, какъ отъ Бога, получить могу,—отъ любви разумной къ себѣ долженъ и заимодательно или предварительно Бога любить» **).

Высшая цѣль или «истинное благополучіе», достигаемое съ помощью «разумнаго самолюбія», заключается въ полномъ равновѣсіи душевныхъ силъ, въ «спокойности души и совѣсти». Для достиженія этой цѣли «нужно

*) *Разговоръ двухъ пріятелей* и т. д. изданъ Н. А. Поповымъ въ *Ученіяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.* 1887 г., I. Лексиконъ Вальха мы пользовались въ 2-мъ изданіи (*Philosophisches Lexicon* hg. v. Johann Georg Walch. Lpz., 1733); первое изданіе было въ 1726 году. Особенно многочисленны и иногда буквальные заимствованія изъ Вальха въ первой, психологической, части *Разговора*. Между прочимъ, изъ Вальха взято и приведенное выше дѣленіе наукъ (*Phil. Lex. s. v. Studieren*, 2474 стр.: nöthige, nützliche, eitle и unnützliche Wissenschaften).

**) *Разговоръ двухъ пріятелей*, стр. 4—5, 15—27, 29, 129, 133—134. *Walch. „Phil. Lex.“*, s. vv. Eigenliebe, Gesetz der Natur, Güter des Menschen, Neigungen des Gemüths, Wille des Menschen, Liebe gegen andere, Liebe gegen Gott, Thier.

человѣку прилежать, чтобъ умъ надъ волей властвовалъ», а для того, чтобъ доставить преобладаніе уму, надо развить его природныя силы наукой *). Такимъ образомъ, «главная наука есть, чтобъ человѣкъ могъ себя познать»; «знаніе себя» есть необходимое условіе «высшаго добра». Изъ этого основного принципа развивается затѣмъ цѣлая система «нужныхъ» для человѣка наукъ, обнимающая какъ «тѣлесное» (медицина, экономія), такъ «политическое» (законоученіе) и «душевное» (логика, богословіе) самопознаніе **).

Какъ видимъ, общее міровоззрѣніе Татищева находится въ полнѣйшей гармоніи съ практическими задачами времени и съ прозаическимъ складомъ его натуры. По широтѣ основной идеи, это міровоззрѣніе должно было сдѣлать Татищева воспримчивымъ ко всевозможнымъ родамъ знаній и сообщать, въ то же время, всѣмъ его занятіямъ характеръ непосредственной связи съ жизнью и дѣйствительностью. Если Татищевъ не всегда воспроизводитъ нападки своихъ иностранныхъ источниковъ на чистую ученость, на науку и знаніе, служащія сами себѣ цѣлью, то это только потому, что такого рода ученость гораздо менѣе ему извѣстна, чѣмъ европейскимъ защитникамъ реальныхъ знаній противъ средневѣковой формальной науки. Но достаточно прочесть въ *Разговоръ двухъ пріятелей* нападки Татищева на преподаваніе «риторики, философіи и богословія» въ старой московской славяно-греко-латинской академіи, чтобъ увидѣть, что онъ вполне раздѣляетъ и презрѣніе къ «пустымъ словамъ» этихъ «болѣе вралей, нежели реторовъ», къ «пустымъ и не всегда правильнымъ силлогизмамъ» ихъ формальной логики,—и симпатіи къ «новой физикѣ» Декарта и Мальбранша, къ изученію естественнаго права по «книгамъ Гроціевымъ и Пуфендорфовымъ, которыя за лучшихъ во всей Европѣ почитаются» и вообще къ приобрѣтенію реальныхъ знаній историческихъ, географическихъ, медицинскихъ и т. д. ***).

Всѣ отмѣченныя особенности своихъ воззрѣній Татищевъ перенесъ и въ область своихъ спеціальныхъ историческихъ изслѣдованій. Послѣ всего сказаннаго нѣтъ надобности прибавлять, что занятія русскою исторіей, прежде всего, не были для него спеціальностью, а необходимою составною частью его общаго міровоззрѣнія, сводившагося для него, какъ мы видѣли, къ «самопознанію». Но къ этому теоретическому побужденію съ 1719 года прибавилось и практическое, такъ какъ въ этомъ году Брюсъ убѣдилъ Татищева взять на себя составленіе русской географіи и исторіи, порученное ему Петромъ. «Хотя я, — говоритъ Татищевъ, — для скудости способныхъ къ тому наукъ и необходимо нужныхъ извѣстій осмѣлиться не находилъ себя въ состояніи», однако же, «ему яко командиру и благодѣтелю

*) *Разговоръ*, стр. 9, 14, 15, 65, 131; *Walch.*, s. vv. Seelenbeschaffenheit, Vernunft, Judicium.

***) *Разговоръ*, стр. 2—3, 5, 75—78; *Walch.* Erkenntniss sein selbst, Studieren.

****) *Разговоръ*, стр. 116—117. Ср. стр. 11 объ историкахъ, у которыхъ «память» преобладаетъ надъ «смысломъ».

отказаться не могъ, оное въ 1719 году отъ него принялъ и мня, что географія гораздо легче, нежели исторія сочинить, тотчасъ по предписанному отъ него плану оную началъ» *). Такое начало, конечно, всего болѣе соотвѣтствовало и практическимъ побужденіямъ Брюса, «примѣтившаго», по словамъ Татищева, «что за недостаткомъ обстоятельной россійской географіи и ландкартъ... не малый государству вредъ приключался». Но, принявшись за разработку русской географіи, Татищевъ «въ самомъ началѣ увидѣлъ», что современной географіи нельзя составить безъ точныхъ (геодезическихъ) свѣдѣній, а для древней географіи необходимо знать древнюю исторію. Подготовительныя работы геодезистовъ, по представленію Брюса, и начались въ 1721 году; въ томъ же году заведены были сношенія съ астрономами и картографами—братьями Делиями. Для древней же географіи Татищевъ сталъ «за недостаткомъ на русскомъ языкѣ» необходимыхъ пособій собирать иностранныя книги и подыскивать переводчиковъ. Надо прибавить, что къ 1719 г. Татищевъ успѣлъ уже три раза побывать за границей и собралъ довольно значительную библіотеку. Но всѣ эти книги оказались мало пригодными для его цѣлей; историческіе и географическіе словари (Буддея, Бейля, Мартиньера и др.) были полны пробѣловъ и ошибокъ во всемъ, что касалось Россіи; книги снабжены недостаточными указателями, «и для того многого сыскать не можно; а всѣ книги читать времени не достанетъ»; многія книги напечатаны на языкахъ недоступныхъ Татищеву, знавшему только нѣмецкій и польскій; переводы же на польскій и нѣмецкій часто неисправны; по содержанію свѣдѣнія часто заимствованы изъ русскихъ источниковъ. Последнее обстоятельство побудило уже Брюса обратиться къ русскимъ матеріаламъ, «искать русской древней именуемой Несторовой лѣтописи», которую Брюсъ и нашелъ въ библіотекѣ Петра и отдалъ Татищеву. Взявъ ее, рассказываетъ намъ самъ Татищевъ, я ее скоро списалъ и думалъ, что лучше ея и не надобно; но, будучи посланъ въ 1720 году въ Сибирь для устройства горныхъ заводовъ, «вскорѣ нашелъ другую того же Нестора лѣтопись», оказавшуюся несходной съ имѣвшимся у него спискомъ. Эта разница текстовъ заставила Татищева искать другихъ списковъ и заняться ихъ сравненіемъ. Такимъ образомъ, ощупью Татищевъ добрался до главной своей задачи—составленія лѣтописнаго свода; занявшись ею, онъ, «оставя географію совсѣмъ, сталъ наиболѣе о собраніи исторіи прилѣжать»,—тѣмъ болѣе, что географическія работы перешли со второй половины 1720-хъ годовъ въ надежныя руки Делией и Ив. Кирилова. вмѣстѣ съ этой перемѣной цѣли начатаго труда, свой первый отдѣлъ — сводъ иностранныхъ источниковъ, вслѣдствіе практическихъ затрудненій, указанныхъ выше, и вслѣдствіе недостатка переводчиковъ, Татищевъ рѣшилъ сократить; въ печатномъ изданіи этотъ отдѣлъ составляетъ двѣ части перваго тома *Исторіи россійской*. Центромъ тяжести сдѣлался, такимъ образомъ, сводъ рус-

*) Рукописное „предъизвѣщеніе“ въ рк. Академіи наукъ. См. *Сенилова*: „Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о россійской исторіи В. Н. Татищева“ (*Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1887 г., IV), стр. 209.

ских и, главнымъ образомъ, лѣтописныхъ источниковъ. При составленіи этого свода Татищевъ, опять-таки, руководился требованіями времени. Первоначально онъ хотѣлъ дать историческое сочиненіе: «зачалъ,— по его словамъ,— историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ лѣтъ въ одному дѣлу, и нарѣчемъ такимъ, какъ нынѣ наиболѣе въ книгахъ употребляемо, сочинять». Но затѣмъ, «разсудя, что у насъ изъ древнихъ манускриптовъ... до днесь ни одинъ не напечатанъ», что всѣ списки лѣтописей разнятся одинъ отъ другого, что большая часть ихъ находится въ частныхъ рукахъ, «часто изъ рукъ въ руки переходятъ и сыскать послѣ неудобно», такъ что «ни на который, кромѣ находящихся въ постоянной государственной книгохранительницѣ и въ монастыряхъ, сослаться нельзя», что, поэтому, мѣнять въ нихъ «нарѣчія и порядка» нельзя, не рискуя подорвать довѣрія къ точности пересказа,—по всѣмъ этимъ причинамъ Татищевъ «разсудилъ за лучшее писать тѣмъ порядкомъ и нарѣчемъ, каковыя въ древнихъ находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, ни убавлявая изъ нихъ ничего». Черезъ двадцать лѣтъ послѣ начала работы этотъ трудъ былъ законченъ; въ 1739 году Татищевъ привезъ свою рукопись въ Петербургъ и передалъ ее Академіи наукъ на храненіе *). Но и послѣ того онъ не переставалъ работать надъ своею «исторіей». Такъ, онъ внесъ въ нее новые источники, и въ томъ числѣ знаменитую Іоакимовскую лѣтопись. Но, главное, не встрѣтивъ сочувствія къ своему труду въ Петербургской академіи и подвергшись въ столицѣ даже нареканіямъ за свое религиозное и политическое вольнодумство, Татищевъ сталъ склоняться къ мысли — перевести свою исторію на иностранный языкъ и издать гдѣ-нибудь за границей; онъ даже пробовалъ завести переговоры объ этомъ съ лондонскимъ королевскимъ обществомъ. Для этой цѣли онъ рѣшился переработать весь текстъ «исторіи»: замѣнить непонятныя выраженія болѣе вразумительными, внести поясненія темныхъ мѣстъ,—словомъ, говоря его словами, «всю ее въ настоящее нарѣчіе предложить» и «отъ разныхъ русскихъ исторій, яко Степенныхъ, Хронографовъ, Миней и Прологовъ изъяснить». Надъ этою второю редакціей и надъ продолженіемъ «исторіи» Татищевъ продолжалъ работать

*) Исторія Татищевского труда разсказана имъ самимъ въ „Предъизвѣщеніи“ къ *Исторіи российской* и въ главѣ о *географіи вообще и о русской* (I, стр. 507—510). Для дополненій см. *Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ* (прил. къ VI т. *Зап. Акад. Наукъ*) П. Пекарскаго, гдѣ напечатанъ, между прочимъ, каталогъ библіотеки Татищева. Списокъ источниковъ Татищева составленъ г. Сеняговымъ, *Ист.-крит. изслѣдованія* etc., стр. 170—193. Къ сожалѣнію, авторъ не пытается выдѣлить источники, непосредственно извѣстные самому Татищеву, отъ такихъ, ссылки на которые заимствованы имъ изъ сочиненій второй руки: такимъ образомъ, вся ученость Байера, изслѣдованія котораго переведены въ *Исторіи российской*, Стрыйковскаго и др., смѣшаны съ ученостью Татищева, хотя отдѣлять то и другое было весьма нетрудно. О первоначальной редакціи 1739 г. см. у г. Сенягова, стр. 207 и слѣд. О ходѣ географическихъ работъ послѣ Петра см. *Сеняго*: „Матеріалы для исторіи составленія атласа Росс. имперіи 1745 г.“ (прил. къ IX т. *Зап. Акад. Наукъ*).

до самой смерти, не успѣвъ, все-таки, довести свой трудъ до предполагаемаго конца и успѣвъ снабдить «примѣчаніями» только часть изготовленнаго текста (до 1238 г.). Послѣ смерти Татищева подлинныя рукописи его труда, за исключеніемъ нѣсколькихъ черновиковъ, погибли при пожарѣ его села, Грибанова, и *Исторія російская* была напечатана по спискамъ *).

Въ оцѣнкѣ научныхъ пріемовъ Татищева въ его «исторіи» намъ еще предстоитъ вернуться; теперь прибавимъ только, что, возникшая изъ жизненныхъ потребностей, эта исторія не составляла для автора главной жизненной задачи; ей онъ могъ посвятить только время свободное, отъ служебныхъ обязанностей; при частыхъ перемѣнахъ мѣста службы и рода служебной дѣятельности, такого времени у него оставалось, навѣрное, немного. Только что получивъ упомянутое выше порученіе «сочинять обстоятельную російскую географію съ ландкартами», Татищевъ былъ отправленъ на Уралъ и о собираніи географическихъ свѣдѣній, по его собственнымъ словамъ, «богѣ не мыслилъ». Съ 1720 по начало 1722 г. онъ дѣятельно

---

* На сношенія съ лонд. обществомъ указалъ, кажется, впервые Шлеперъ (*Исторія*, I, рим—рим). На связь новой редакціи съ мыслью о переводѣ *Исторіи* указано въ „Предъизвѣщеніи“. Двѣ части перваго тома изданы Миллеромъ въ Москвѣ 1768 и 1769 гг. подъ заглавіемъ: *Исторія Російская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ усмысленными трудами черезъ тридцать мѣтъ собранная и описанная покойнымъ тайнымъ советникомъ и астраханскимъ губернаторомъ В. Н. Татищевымъ*. Второй томъ изданъ въ 1773 г.; третій—въ 1774 г. имъ же; всѣ три—по списку, подаренному сыномъ Татищева Московскому университету, а два послѣднія—еще и по другому, богѣ исправному. Сличеніе печатнаго текста съ рукописями, хранящимися въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, произведенное г. Сениговымъ (стр. 237—262) показало, что несправности списковъ, по которымъ печаталась *Исторія*, не такъ значительны, какъ думали, и что Миллеръ сдѣлавъ изданіе вполнѣ добросовѣстно, вопреки мнѣнію предъидущихъ историковъ. Печатаніе четвертаго тома (съ 1237 года) Миллеръ задержалъ, по его словамъ, вслѣдствіе повышенія типографскихъ цѣнъ въ Спб. академической и московской университетской типографіяхъ. Въ 1783 г. Екатерина II разрѣшила напечатать этотъ томъ въ одной изъ частныхъ типографій въ Петербургѣ, на свой счетъ. Первые листы успѣлъ прокорректировать еще самъ Миллеръ, въ томъ же году умершій; но въ свѣтъ вышла книга только въ началѣ 1784 г. (*Пекарскій*, стр. 49—53, 64—66). Наконецъ, пятый томъ (съ 1462 года) былъ найденъ въ 1833 г. Погодинымъ въ числѣ его собственныхъ рукописей и изданъ Обществомъ исторіи и древностей российскихъ въ 1848 г. Какъ видно изъ текста этого тома, Татищевъ привелъ въ порядокъ свой матеріалъ до времени смерти Василя III; далѣе заготовленъ былъ, но не проредактированъ окончательно матеріалъ для царствованія Ивана Грознаго до 1558 года; остальныя 26 лѣтъ этого царствованія Татищевъ предполагалъ изложить по хранящемуся въ его библиотекѣ *Житію царя Иоанна II*, которое онъ приписывалъ митр. Макарію; повидямому, этотъ самый экземпляръ, размѣченный редакторскими помѣтками, попалъ потомъ въ число рукописей Румянцевскаго музея (*Востоковъ*, Опис., 362 стр.). Для времени Федора Ивановича онъ помѣстилъ житіе Федора, написанное патр. Иовомъ (напечатано въ V т. *Исторіи*). Наконецъ, и для дальнѣйшаго времени смуты и XVII в. встрѣчаемъ въ его библиотекѣ историческіе матеріалы (*Пекарскій*, стр. 58—60). Впрочемъ, далѣе 1613 г. Татищевъ не думалъ идти, оставляя послѣдующее время „изымъ для сочиненія“ (Предъизвѣщеніе, XXII). Изложеніе *Исторіи російской* сдѣлано С. М. Соловьевымъ (*Арх. ист.-юр. смѣд.*, стр. 17—35).

занимался устройством уральских горных заводов, половину 1722 г. потерялъ въ разъѣздахъ (въ Москву, Петербургъ и обратно на Уралъ), оправдываясь отъ обвиненій заводчика Демидова, затѣмъ до конца 1723 г. онъ опять объѣзжаетъ заводы, устраиваетъ школы, производитъ слѣдствіе о беспорядкахъ, ведетъ дѣловую переписку и т. д. Въ концѣ 1723 г. онъ уже опять ѣдетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ Сибирскій бергъ-амтъ. Вѣроятно, это было сравнительно удобное время для работы. Въ это время (1724 г.), по понужденію Петра, напомнившаго Татищеву о его проектахъ относительно русскаго «землемѣрія», Татищевъ, дѣйствительно, снова принимается за собираніе книгъ («особенно до географіи принадлежащихъ исторій») и подыскиваніе переводчиковъ. Съ декабря 1724 по апрѣль 1726 г. мы видимъ Татищева въ Швеціи, исполняющимъ деликатное дипломатическое порученіе. Здѣсь онъ успѣваетъ завести знакомство со шведскими учеными, заказываетъ секретарю «коллегіи древностей» Біорнеру выборку изъ скандинавскихъ источниковъ и усвоиваетъ его ученое мнѣніе о приходѣ руссовъ въ Новгородъ изъ Финляндіи. Съ 1727 по 1734 г. Татищевъ—членъ монетной конторы. Можно было бы думать, что его ученая работа сильно подвинулась за эти годы, но онъ самъ сообщаетъ намъ, что за все это время, оставивъ послѣ смерти Петра занятія географіей, онъ и для составленія исторіи «времени не имѣлъ», такъ что, за исключеніемъ покупки книгъ и знакомствъ съ учеными въ Швеціи, «все сіе время какъ географія, такъ и исторія лежали туне». Съ весны 1734 г. Татищева опять назначаютъ главнымъ начальникомъ заводовъ въ Перми и Сибири и опять начинаются для него постоянные разъѣзды и административныя хлопоты. Однако же, здѣсь онъ находитъ время «паки приняться за начатый трудъ», и о быстромъ ходѣ работы свидѣтельствуютъ, помимо разсылки вопросныхъ бланковъ и геодезистовъ по городамъ и провинціямъ Сибирской губерніи,—«нѣсколько главъ» сибирской географіи, посланныя въ академію въ 1736 г. и лично доставленныя туда же въ 1739 г. ландкарты Сибири и первая редакція *Россійской исторіи*. Надо прибавить, что съ 1737 г. Татищевъ изъ Екатеринбурга и съ Урала былъ назначенъ на только что устраивавшуюся тогда военную окраину, въ непостроенный еще Оренбургъ, въ тылу котораго продолжали волноваться башкиры, а впереди котораго приходилось возиться съ покорившимися на половину киргизами и калмыками, дѣйствуя на нихъ попеременно то «лаской», то «жесточью», какъ выражались наши администраторы XVII вѣка. Въ 1739 г. Татищевъ является въ Петербургъ съ объясненіями по поводу своей дипломатіи и съ рукописью своей исторіи въ первоначальной редакціи. Въмѣсто награды, на него сыплются жалобы и обвиненія, не совсѣмъ неосновательныя; его отставляютъ отъ службы, лишаютъ чиновъ, сажаютъ даже въ крѣпость. Этимъ неожиданнымъ гоненіемъ Татищевъ былъ обязанъ личному нерасположенію къ нему Бирона; вскорѣ послѣ паденія Бирона правительство такъ же быстро, даж не исполнивъ надъ Татищевымъ судебного приговора, возвращаетъ ему прежнее положеніе и немедленно посылаетъ его въ Царицынъ успокоива-

Валмыковъ. Съ осени 1741 г. Татищевъ вступаетъ въ управление Астраханскою губерніей и остается тамъ, погруженный въ хлопоты по внутренней администраціи и по сношеніямъ съ инородцами, до 1745 г.; продолжая здѣсь работы надъ исторіей, онъ не забываетъ слѣдить и за съемками и составленіемъ ландкартъ. Въ 1745 г., по новымъ жалобамъ, Татищевъ былъ опять отставленъ и посланъ, для излѣченія болѣзни, въ деревню, гдѣ и прожилъ послѣднія 5 лѣтъ своей жизни. За это время, оставивъ всѣ другія занятія, онъ отдался исключительно исторіи *). Припоминая весь этотъ послужной списокъ перваго русскаго историка, мы видимъ, что изъ тѣхъ «тридцати лѣтъ», въ теченіе которыхъ, согласно заглавію Миллера, составлялась *Исторія російская*, надо сдѣлать значительные вычеты. Татищевъ не имѣлъ бы времени сдѣлаться специальнымъ ученымъ по русской исторіи, если бы даже и имѣлъ для этого надлежащую предварительную подготовку. За то, въ его историческихъ работахъ, какъ мы не разъ замѣчали, нельзя не цѣнить одного: жизненнаго отношенія къ вопросамъ науки и связанной съ этимъ широты ученаго кругозора. Неподготовленный ни къ какому специальному отдѣлу, Татищевъ тѣмъ свободнѣе схватываетъ цѣлое и всюду вноситъ въ объясненія прошлаго свой личный жизненный опытъ: какой-нибудь хорошо знакомый ему обычай судейской практики или свѣжее воспоминаніе о нравахъ того XVII вѣка, концу котораго принадлежитъ его дѣтство и юношество, даютъ ему возможность понять жизненный смыслъ нашего московскаго законодательства; личное знакомство съ инородцами уясняетъ ему, какъ увидимъ, нашу древнюю этнографію, а въ ихъ живомъ языкѣ онъ ищетъ объясненія древнихъ именъ и географическихъ названій. Эта-то связь настоящаго съ прошлымъ объясняетъ намъ, почему самыя тяжелыя занятія по службѣ не только не отвлекаютъ Татищева отъ его основной задачи, но, напротивъ, расширяютъ и углубляютъ пониманіе имъ этой задачи. Здѣсь, конечно, надо искать и секрета того равномѣрнаго вниманія и одинаковаго усердія, съ какими Татищевъ хлопочетъ и о собираніи русскихъ лѣтописей, и о выборѣ изъ сѣверныхъ писателей, и о переводѣ изъ классиковъ всего, относящагося къ Россіи, и объ учрежденіи училища восточныхъ языковъ для подготовки къ занятіямъ русской исторіей, и о геодезическихъ съемкахъ для географическаго атласа: все это одинаково необходимо, потому что все это одинаково служить для объясненія одинаго жизненнаго итога, въ которомъ сливаются географія и этнографія, прошлое и настоящее.

Какъ Татищевъ весь вылился въ своемъ трудѣ, такъ, наоборотъ, Ломоносова въ его *Древней російской исторіи* мы вовсе не узнаемъ. Другое имя—другіе люди, или точнѣе и прежніе люди должны служить для того употребленія. Петровскій типъ просвѣщеннаго челоуѣка, дѣльца и прак-

*) Биографическія свѣдѣнія о Татищевѣ см. у Н. А. Попова: «Татищевъ и его время», М., 1861 г., и Б. Н. Бестужева-Рюмина: «Биографія и характеристика». Спб., 1872 г. О службѣ въ Оренбургѣ см. также В. Н. Витесскаго: «И. И. Неплюевъ и его время», Казань, вып. 1—3, 1889—91 г.

тика, былъ слишкомъ тяжелъ и грубъ для времени Елизаветы. Императрица и ея окружающіе были, правда, не менѣе, если только не болѣе далеки отъ цивилизующаго вліянія западной школы и литературы; но они съ охотою перенимали красивыя декораціи западной культуры и усвоивали себѣ европейскія увеселенія. Веселиться во время Петра—значило напиться до безчувствія въ наполненной табачнымъ дымомъ комнатѣ; веселиться во время Елизаветы—значило, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, присутствовать на придворномъ спектаклѣ. Вино и табакъ уступили мѣсто картамъ и театру, баламъ и маскарадамъ. Дворъ Елизаветы представлялъ одно изъ тѣхъ неуклюжихъ и неудачныхъ подражаній версальскому, какими полна была Европа въ средніе XVIII вѣка. Дворецъ въ стилѣ поздняго ренессанса, со штукатурными подражаніями мрамору, при дворцѣ паркъ, въ паркѣ пруды и фонтаны, «люстгаузы», декоративно-аляповатые Аполлоны и Венеры, во дворцѣ неумолкаемый праздникъ съ замысловатыми эмблематическими и миеологическими затѣями,—все это было обязательно для послѣдняго владѣтельнаго князька Германской имперіи. При этомъ придворномъ праздникѣ полагался по штату и литераторъ, какъ необходимая аксессуарная принадлежность придворнаго торжества. Литератору заказывали на этотъ случай оду или трагедію въ придворно-классическомъ вкусѣ; трагедія вызывала скуку, ода была непонятна; за то все было въ порядкѣ, какъ полагалось по новому чину официальнаго веселья.

Въ этотъ обязательный обиходъ придворно-классической цивилизаціи входила по необходимости и русская исторія, и ввести ее въ эту сферу было официально приказано тому же придворному литератору. Ломоносовъ долженъ былъ писать русскую исторію, какъ онъ написалъ *Тамиру и Семима*. Конечно, къ исполненію этого заказа онъ не былъ вовсе подготовленъ; конечно, эта работа отвлекала его отъ его любимыхъ занятій. Но не въ подготовкѣ было и дѣло; дѣло было въ томъ, чтобы «видѣть російскую исторію, его штилемъ написанную». Другими словами, Ломоносовъ долженъ былъ сдѣлать русскую исторію достойною вниманія высшаго общества; для этого нужно было только украсить старую матерію новыми приемами изложенія, приодѣть русскую исторію въ приличный времени ложно-классическій костюмъ. «Посему всякъ, кто увидитъ въ російскихъ преданіяхъ равныя дѣла и героевъ, греческимъ и римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшій нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковыми греческіе и латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Такимъ образомъ, на *искусство*, на языкъ обращено преимущественное вниманіе въ *Древней російской исторіи*, первая (и единственная) часть которой вышла въ 1766 году, уже по смерти автора *). Весь

*) Ходъ составленія „исторіи“ виденъ изъ собственныхъ отчетовъ Ломоносова (*Печурскій*: „Ист. акад. наукъ“, II). Въ 1751 г. онъ „читалъ книги для собранія матеріи къ сочиненію російской исторіи: Нестора, законы Ярославля, большой лѣтописецъ, Татищева первый томъ, Кромера, Вейселя, Гелмольда, Арнольда и другія,

почти рассказ идет кадансированною прозой. «Уже съ восхожденіемъ зари городъ отворяется; выходятъ съ отиѣпною бодростью и скоростью за благонадежнымъ своимъ предводителемъ и государемъ полки російскіе безъ остатку полыми вездѣ къ непріятелю воротами, которыя по Святославику повелѣнію за ними затворены» и т. д. Или: «уже его (Владимира) обращенное сердце жаждетъ какъ елень на водные источники святаго крещенія; однако, помня свое и предковъ въ военномъ мужествѣ преимущество надъ греками, желаніе свое унаиѣрился прикрыть важнымъ предпріятіемъ: дабы греческіе цари и греки не стали величаться ради російской уклонности въ прошеніи крещенія». Не слышатся ли уже въ этой разиѣренной прозѣ знаменитые дактили Карамзина?

Впрочемъ, до Карамзина у Ломоносова оказались и другіе послѣдователи, пошедшіе гораздо дальше его самого по пути литературной разработки исторіи: Эмиль и Елагинъ. Эмиль, полякъ-католикъ, принявшій въ Турціи магометанство, а въ Россіи православіе, ровесникъ Болтина (р. 1735 г.), исколесившій всю Европу и явившійся въ 1761 г. въ Петербургъ, на службу въ сухопутный шляхетскій корпусъ (потомъ онъ служилъ переводчикомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ),—въ 1767—9 гг. успѣлъ уже сочинить и напечатать свою *Російскую исторію*. Въ исторіи онъ остается авантюристомъ смѣлымъ и беззастиѣнчивымъ, ссылается на несуществующіе источники и развязно бранитъ не только такихъ изслѣдователей, какъ Байеръ, но даже и самого Нестора *). По образцу древнихъ, Эмиль

въ которыхъ бралъ нужныя эксценты, или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи на 15 листахъ“ (стр. 466). Въ 1752 г. „для собранія матеріаловъ въ російской исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Юрианда, Прокошія, Павла Дьякона, Зонара, Теофана исповѣдника и Леона грамматика и иныхъ эксцентовъ нужныхъ на трехъ листахъ въ 161 статьѣ (стр. 488). Въ 1753 г. 1) „Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами“. 2) „Читалъ російскіе академическіе дѣтописцы безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ російскихъ“ (стр. 508). Въ 1754 г. „сочинень опытъ исторіи словенскаго народа до Рюрика; дедикація, вступленіе,—глава I, О старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава II, О величествѣ и поколѣніяхъ російскаго народа; глава III, О древности словенскаго народа, всего 8 листовъ“ (стр. 543). Въ 1755 г. „сдѣланъ опытъ описаніямъ владѣній первыхъ великихъ князей російскихъ, Рюрика, Олега, Игоря. Въ томъ же году составлено похвальное слово Петру“ (стр. 569). Въ 1756 г. „собранные мною въ нынѣшнемъ году російскіе историческіе манускрипты для моей бібліотеки, пятнадцать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходства въ дѣяніяхъ російскихъ“ (стр. 591). Въ 1757 г. Ломоносовъ дѣлалъ для Вольтера экстракты о самозванцахъ, царствованіяхъ Михаила, Алексѣя и Федора и о стрѣleckихъ бунтахъ (стр. 618). Съ сентября 1758 г. началось печатаніе *Исторіи*, но къ 1763 г. было напечатано только три листа. Съ 1763 г. печатаніе пошло скорѣе, и Ломоносовъ обѣщалъ въ первомъ томѣ помѣстить событія до Ивана III; но представленная имъ рукопись кончалась смертью Ярослава Мудраго. Послѣ донесенія фактора академической типографіи (черезъ полтора года по смерти Л.), что оригинала болѣе не имѣется, напечатанная часть (до 1054 г.) была выпущена въ продажу (стр. 642, 791—792). Какъ видно изъ этихъ свѣдѣній, подготовка и печатаніе *Исторіи* шли крайне медленно.

*) Биографическія свѣдѣнія объ Эмиль см. въ *Словарь* митр. Евгенія, I, стр. 214—

влагаетъ въ уста своихъ героевъ цѣлыя рѣчи, о чемъ и предупреждаетъ читателя: «Долженъ я всѣхъ увѣдомить,—говорить онъ,—что многія рѣчи, которыя въ сей исторіи разныя говорятъ лица, выдуманы, наприм., рѣчь, которую говоритъ Гостомыслъ мятущемуся народу... Но если Гостомыслъ оной не говорилъ, то по малой мѣрѣ долженъ былъ говорить что-нибудь тому подобное, чтобы взволновавшійся, гордый и ничего не разсуждающій народъ могъ усмирить... Можетъ статься, Гостомыслова рѣчь была важнѣе и гораздо трогательнѣе той, которая въ сей книгѣ изображена; но я, соображаясь съ тогдашнимъ временемъ, въ которое краснорѣчія или, лучше сказать, *протяженнаго и туглаго стиля* не знали, старался говорить языкомъ cadaго человѣка состоянію сроднымъ». Эминъ полагаетъ даже, что именно эта манера изложенія «необходимо нужна для того, чтобы можно было исторію различить отъ сказки», ибо ея «свойство состоитъ въ томъ, дабы не только человѣческое любопытство увѣдомлять о прошедшихъ дѣлахъ, но и важною рѣчей и разными полезными разсужденіями научать тѣхъ, кои довольнаго просвѣщенія не имѣютъ». Точно такихъ же взглядовъ на исторію, какъ на художественное произведеніе, цѣлью котораго должно быть назиданіе, держится другой представитель того же направленія, Елагинъ, екатерининскій вельможа и масонъ, авторъ *Опыта любопытнаго и политическаго о юсударствѣ російскаго повѣствованія* *). Елагинъ посвящаетъ свой трудъ «премудрости» и старается «украшать сочиненіе свое подражаніемъ» древнимъ образцамъ. «Пухлый стиль» въ его разсказѣ продолжаетъ прогрессировать. Чтобы наглядно показать, до чего довело это употребленіе литературныхъ приѣмовъ Ломоносова и его послѣдователей, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Извѣстенъ разсказъ лѣтописи о мести Ольги древлянамъ, которыхъ она предварительно напоила до-пьяна, а потомъ велѣла избить. «Яко упишася деревляне,—говорится въ лѣтописи,—повелѣ (Ольга) отрокамъ своимъ идти на ня, а сама отыде кромѣ и повелѣ дружинѣ своей съчи деревляне». Теперь посмотримъ, что дѣлаютъ изъ этой фразы лѣтописи Ломоносовъ и Эминъ:

Ломоносовъ. Веселящимся и даже до отягощенія упившимся древлянамъ казалось, что уже въ Киевѣ повелѣваютъ всѣмъ странамъ російскимъ; и въ буйствѣ поносили Игоря передъ супругой его

Эминъ. Яко разъяренные львы, которые, долгое время не имѣя пищи, нашедъ какого-либо звѣря, въ малыя онаго терзаютъ частицы; такъ кievцы, долгое время слушаая древлянъ, поносящихъ бывша-

225, и у *Старчевскаго*: «Очеркъ исторической дѣятельности въ Россіи до Карамзина», стр. 178—188. Сочиненіе доведено до 1213 года и издано академіей наукъ въ 3-хъ томахъ (1787—1769) подъ длиннымъ заглавіемъ: *Россійская исторія, жизни всѣхъ древнихъ отъ самаго начала Россіи юсударей, всѣ великія и тѣмной достойныя памяти императора Петра Великаго дѣйствія, его наслѣдницъ и наслѣдниковъ ему послѣдованія и описаніе въ свѣтеръ златаго вѣка во время царствованія Екатерины Великой съ себя заключающая.*

*) «Опытъ» составленъ въ 1789 г., но напечатанъ только въ 1803 г., послѣ смерти автора († 1796). См. у митр. *Евгенія I*, стр. 211—214, и *Старчевскаго*, стр. 190—194 (Старчевскій повторяетъ, впрочемъ, свѣдѣнія Евгенія и объ Эминѣ, и о Елагинѣ).

всякими хульными словами. Внезапно избранные проводники Ольгины, по данному знаку, съ обнаженнымъ оружіемъ ударили на пьяныхъ; надежду и нагдоу въ ихъ пресѣли смертью...

го ихъ государя имя и за то отмстить времени ожидая, съ чрезвѣрною на нихъ бросились яростію и въ мельчайшія мечами своими ихъ разсѣкали частицы. Ольга, паки взосхѣдъ на могилу своего супруга, прослезясь, сіи молвила слова: „пріими, любовный супругъ, сію жертву и не думай, что ова послѣдняя. Сколько саягъ моихъ будетъ, стараться не премину о конечномъ убійцевъ твоихъ разореніи“.

Или возьмемъ другой примѣръ, не менѣе ярвіи:

Ломоносовъ. Для влѣпшаго ободренія своихъ войскъ (Ольга) пріемлетъ въ участіе сына своего Святослава, младостію и бодростію процвѣтающаго... и какъ обоихъ сторонъ полки сошлись къ сраженію, Святославъ кинуть копьѣ въ непріятеля и пробилъ тѣмъ коня сквозь уши... Великаго стремленія войскъ Ольгиныхъ и Святославскихъ не стерпѣвъ, древляне устремились въ бѣгство; оставшіеся отъ посѣченія меча россійскаго въ городахъ своихъ затворились.

Елагинъ. Святославъ, подобно юному льву, первое стадо овецъ гонящему, летаетъ по рядамъ вражимъ и лютая смерть предъ пѣнящимся въ ярости конемъ его парить. Все падаетъ отъ мышцъ его размаховъ. Коня и всадника супостатъ пораженныхъ бугристый творятъ за нимъ помощь; а противостоящихъ ему ни броя, ни отважность, ни самый бѣгъ отъ смертоносныхъ его ударовъ не спасаютъ... (Непріятеля бѣгутъ); одни тѣсняются во врата и затворяются въ стѣнахъ, другіе остаются за ровомъ и въ жертву смерти на бранномъ предаются погѣ; а прочіе всѣ разными путями въ разные грады свои удаляются.

А въ лѣтописи вся эта сцена изъ Илиады описана въ коротенькой фразѣ, въ которой говорится, что копьѣ, брошенное ребенкомъ Святославомъ, скользнуло между ушей лошади и ударило ей въ ноги: «снемшемася объма полкома на скупъ, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копьѣ легѣ сквозѣ (между) уши коневи и удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ... И побѣдиша деревляны, деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ».

Реторическое направленіе, какъ назвалъ его С. М. Соловьевъ, явилось въ нашей историографіи результатомъ приложенія къ области исторіи ложно-классическихъ теорій; въ этомъ смыслѣ оно было типичнымъ продуктомъ времени Елизаветы. При Екатеринѣ II это направленіе уже отживало свой вѣкъ; не только Елагинъ, но и Эминъ († 1770) уже не характеризуютъ господствующаго настроенія современной имъ историографіи. Чтобы найти главное теченіе исторической мысли временъ Екатерины II, мы должны обратиться къ сочиненіямъ Болтина и Щербатова.

Ко времени Екатерины II назрѣваетъ новая метаморфоза русскаго литературнаго типа. Литераторъ-ремесленникъ, поставщикъ придворныхъ издѣлій, замѣняется литераторомъ-любителемъ. Эта перемѣна сопровождается измѣненіемъ въ самомъ составѣ модной литературы. За ложно-классическою литературой придворнаго версальскаго быта эпохи Людовика XIV прои-

каеть въ Россію политическая и философская просвѣтительная литература парижскихъ салоновъ—эпохи Людовика XV. Академическія разсужденія о литературномъ слоgѣ уступаютъ мѣсто жгучимъ вопросамъ религіи, философіи и политики; апостолы европейскаго отрицанія, научнаго, религіознаго и политическаго, становятся и у насъ законодателями общественнаго мнѣнія. Можно даже прослѣдить въ настроеніи этого общественнаго мнѣнія у насъ то же самое *crescendo*, которое съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ отмѣтилъ Тэнъ относительно интеллигентнаго общества до-революціонной Франціи. И у насъ Монтескьё и Вольтеръ сдѣляются Руссо и Гельвеціемъ; и у насъ отрицаніе изъ легкаго аристократическаго скептицизма переходитъ мало-по-малу въ страстную революціонную проповѣдь. Но для нашихъ цѣлей намъ нѣтъ надобности слѣдить за крайними демократическими и матеріалистическими увлеченіями новымъ міровоззрѣніемъ. Оба наши русскіе историка времени Екатерины, достигшіе тридцатилѣтняго возраста уже въ первые годы ея царствованія, не подвергались опасности сдѣлаться ни якобинцами, ни атеистами. Извѣстно, что даже поколѣніе болѣе молодое, чѣмъ они, пережило увлеченіе Гельвеціемъ, только какъ тяжкую болѣзнь, и спѣшило успокоить встревоженную совѣсть раскаяніемъ и переходомъ отъ невѣрія и кощунства къ «доказательствамъ бытія Божія» и «разсужденіямъ о злоупотребленіи разума новыми писателями» *). Однако же, вліянію болѣе умѣренныхъ писателей просвѣтительной литературы Щербатовъ и Болтинъ подверглись въ весьма значительной степени. Читая сочиненія Щербатова, мы на каждомъ шагѣ наталкиваемся на слѣды этихъ вліяній и на болѣе или менѣе близкія заимствованія. Въ *Размыслахъ разсужденія о правленіи* онъ полными руками черпаетъ изъ *Духа законовъ*, въ *Размысленія о смертной казни*—одна изъ любимыхъ темъ просвѣтительной литературы,—полемизируетъ съ Беккариа, въ *Размысленія о смертномъ часѣ* онъ становится, хотя условно, на точку зрѣнія челоуѣка, отрицающаго безсмертіе и признающаго, что, умирая, мы «изъ бытія въ небытіе переходимъ»; еще въ одномъ сочиненіи признаетъ, что согласно «всѣмъ естественнымъ и народнымъ правамъ», по прекращеніи династіи «народъ вступаетъ въ перво-

*) Подъ первымъ заглавіемъ фонъ-Визинъ перевелъ отрывки изъ книги Кларка, раскаявшись въ своихъ атеистическихъ увлеченіяхъ; составленіемъ же «разсужденій» Лопухинъ, вполнѣдствіи масонъ, хотѣлъ загладить свой грѣхъ,—переводъ заключенія (*code de la nature*) изъ книги Гольбаха *Système de la Nature*,—переводъ, надо прибавить, немедленно сожженный авторомъ (Его записки въ *Чтен. Общ. Ист. и Дн.* 1860 г., II, стр. 14). Даже крайніе радикалы Екатерининскаго времени, Ушаковъ Радищевъ, не рѣшались согласиться съ французскими матеріалистами и сенсуалистами: Ушаковъ (*Письма о разумѣ*) полемизируетъ противъ Гельвеція; Радищевъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій высказываетъ противурѣчивыя мнѣнія по вопросу о безсмертіи души и колеблется между деизмомъ и критицизмомъ съ одной стороны и французскими философами съ другой (т. I, стр. 198; т. II: о челоуѣкѣ, его смертности и безсмертіи, особенно стр. 149, 158, 168, 169, и т. III, стр. 44, 46, 47; т. I стр. 14).

бытныя свои права» и т. д. Связь Болтина съ французскою литературою указываетъ постоянно имъ самимъ въ его цитатахъ *).

Въ содержаніи усвоенныхъ воззрѣній обоихъ историковъ можно найти много общаго; но, несмотря на все это общее, между взглядами обоихъ существуетъ коренное и глубокое различіе. По отношенію къ тогдашней русской жизни и образованности это различіе можно было бы характеризовать какъ противоположность двухъ общественныхъ типовъ: «вольтеріанца» и «стародума». Для современниковъ, опасавшихся, какъ бы «новое просвѣщеніе» не повело къ «поврежденію нравовъ»,—выборъ между этими типами сводился къ рѣшенію спора о томъ, что лучше: развитой умъ или добрая нравственность? Съ этой точки зрѣнія, конечно, и Щербатовъ, и Болтинъ одинаково были «стародумами». Авторъ знаменитаго памфлета *О поврежденіи нравовъ въ Россіи* точно также требовалъ для Россіи «нравственною просвѣщенія» **), какъ и его глубокомысленный противникъ. Но этическою стороною дѣла, противоположеніемъ ума и сердца не исчерпывалось различіе между нашими вольтеріанцами и стародумами. Различіе было и шире и глубже; оно сводилось къ различію двухъ міровоззрѣній, одинаково заимствованныхъ изъ французскаго источника. Вѣкъ раціонализма, вѣкъ фанатической вѣры въ могущество разума, въ возможность пересоздать человѣческій родъ путемъ правильнаго воспитанія и хорошихъ законовъ,—этотъ вѣкъ создалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и основы современной науки, старался свести самыя различныя области знанія къ единому принципу механическаго міровоззрѣнія. Но раціонализмъ исходилъ изъ сознанія свободы, тогда какъ научное міровоззрѣніе всюду проводило принципъ обусловленности, закономерности. Союзниками эти два міровоззрѣнія, научное и раціоналистическое, могли чувствовать себя только потому что—и только до тѣхъ поръ, пока—продолжалась ихъ совмѣстная борьба противъ преданія и внѣшняго авторитета. При иныхъ условіяхъ они должны были оказаться непримиримыми противниками.

Въ приложеніи къ исторіи раціоналистическая точка зрѣнія есть по преимуществу индивидуалистическая. Личность, болѣе или менѣе свободная, является съ этой точки зрѣнія творцомъ исторіи. Ходъ событій объясняется, какъ результатъ сознательной дѣятельности личности,—изъ игры страстей, изъ политическихъ и иныхъ расчетовъ, изъ силы, хитрости, обма-

*) Названныя сочиненія Щербатова, см. въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др.* 1860 г., т. I. Цитаты Болтина собраны въ *Исторіи російской академіи* г. Сухомлинова, т. V, стр. 135—164. Весьма значительную часть ихъ Болтинъ взялъ изъ словаря Бейля, не всегда указывая на этотъ источникъ; но, за вычетомъ всѣхъ сколько-нибудь сомнительныхъ случаевъ, несомнѣнно прямое и близкое знакомство съ самимъ словаремъ Бейля (который Болтинъ даже переводилъ), съ Руссо, Монтескьё, Вольтеромъ (особенно *Essai sur les loix*), съ Рейналемъ и Мерсье.

**) Статья Щербатова подъ заглавіемъ: *Статистика въ разсужденіи Россіи*. *Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1859 г., т. III, стр. 95. Сочиненіе *О поврежденіи нравовъ* напечатано въ *Русской Старинѣ* 1870 г., т. II и III.

на,—словомъ, изъ дѣйствія личной воли на волю массы, съ одной стороны, и изъ подчиненія этой массовой воли, — по глупости, по суевѣрью и инымъ мотивамъ,—съ другой стороны. Въ подборѣ такого рода объясненій и заключается *прагматизмъ* историка. Цѣль прагматическаго разсказа считается достигнутою, если историческое событіе сведено къ дѣйствию личной воли и если это дѣйствіе объяснено изъ обычнаго механизма человеческой души. Прагматизмъ сводитъ, такимъ образомъ, историческое объясненіе къ психологической мотивировкѣ. Специальную особенность прагматизма XVIII вѣка составляетъ то обстоятельство, что для психологической мотивировки берутся преимущественно своекорыстныя побужденія человеческой природы и что эти побужденія приписываются одинаково всѣмъ временамъ и народамъ, такъ что объясненіе выходитъ совершенно лишеннымъ мѣстнаго колорита и исторической перспективы. Всѣ указанные черты рационалистическаго прагматизма XVIII в. мы встрѣчаемъ въ изложеніи Щербатова. «Хотя, конечно, должность всякаго государя есть—наиболѣе всего пользу и спокойствіе своихъ народовъ наблюдать; но, къ несчастію рода человеческого, исторія свѣта намъ часто показываетъ, что благо государства былъ только видъ, прямая же причина дѣяній—или славолубіе, или собственное какое пристрастіе государей». Такъ формулируетъ Щербатовъ одно изъ общихъ положеній своей исторической теоріи. А вотъ примѣръ примѣненія этой теоріи къ отдѣльнымъ фактамъ. По извѣстному разсказу лѣтописи, императоръ византійскій сватается за семидесятилѣтнюю Ольгу. Позднѣйшій историкъ—критикъ, усомнившись въ этомъ фактѣ, будетъ опровергать его или на основаніи внутренней невѣроятности,—какъ фактъ, не соответствующій ни положенію дѣйствующихъ лицъ, ни ихъ возрасту,—или на основаніи сопоставленія съ противорѣчивыми фактами византійской исторіи (императоръ былъ уже женатъ). Для историка-прагматика сомнѣнія въ фактѣ не существуетъ; является только затрудненіе въ подборѣ психологической мотивировки. «Мню, что всего болѣе воспламенилось сердце императора, — такъ выходитъ изъ затрудненія Щербатовъ, — тѣмъ, что, взявъ ее себѣ въ жену, мнилъ наслѣдствомъ и всю пространную Россію имѣть или, по крайней мѣрѣ, заключить союзъ и дружбу съ сыномъ Ольги, Святославомъ. Политическіе виды, конечно, могутъ и престарѣлому лицу красоту придать, которыхъ не разумѣя, мню, тогдашніе писатели къ красотѣ Ольгиной приписали то, что единственно политика императора греческаго была». Приведемъ другой примѣръ, прагматическое объясненіе болѣе крупнаго историческаго явленія — покоренія Руси монголами. Причину этого явленія Щербатовъ находитъ въ «духѣ неумѣренной набожности». Оно произошло потому, что наши предки «переставали имѣть попеченіе о томъ, что мірскимъ и тлѣннымъ называли, но единственно стремились къ вѣчной жизни, якобы и самое защищеніе себя было противуборство воли Господней, и якобы защищеніе отечества не должность была христіанскаго закона. Монахи же и духовный погѣсн мысли паче утверждали, и, вкрадшись въ мірское правленіе..., твердость и великодушіе отовсюду прогнали, а на мѣсто того духъ монашескій вселили».

ся. Рассмотря сіи причины, неудивительно есть, что татары толь легко могли Россію покорить».

Совсѣмъ на другихъ основныхъ мысляхъ строится историческое міровоззрѣніе Болтина. Мы уже противоположили это міровоззрѣніе рационалистическому, какъ научное, основанное на идеѣ законмѣрности, — идеалистическому, основанному на идеѣ свободной личности. Въ приложеніи къ историческимъ явленіямъ идея законмѣрности развилась въ XVIII в. въ формѣ ученія о вліяніи *климата*, какъ совокупности всѣхъ естественныхъ условій исторической жизни. Созданное еще въ XVI вѣкѣ Боденомъ, въ его *Methodus ad facilem historiarum cognitionem*, ученіе о климатѣ было принято, какъ извѣстно, Монтескьё. Болтину оно было извѣстно изъ обихъ источниковъ *). Въ русскомъ обществѣ знакомство съ *Духомъ законовъ* было довольно распространено; любопытно, что и самое ученіе Бодена стало извѣстнымъ русской публикѣ изъ французской передѣлки, переведенной на русскій языкъ въ 1794 г. подъ названіемъ: *Физика исторіи или всеобщія разсужденія о первоначальныхъ причинахъ тѣлеснаго сложенія и природнаго характера народовъ* **). Какъ видно изъ самаго заглавія, *Физика исторіи* имѣетъ цѣлью поставить «природный характеръ» и «тѣлесное сложеніе» различныхъ народовъ въ связь съ физическими условіями ихъ жизни. «Жизненные духи находятся, — по этой теоріи, — почти во всегдашней зависимости отъ различныхъ качествъ крови и желчи, въ которыхъ они, такъ сказать, плаваютъ»; качества крови и желчи зависятъ отъ свойства принимаемой пищи, а пища соответствуетъ «умѣренію (температурѣ) воздуха и размѣрится по тепломѣру той страны, въ которой имѣемъ наше пребываніе». Такимъ образомъ, различные «темпераменты, нравы и склонности» разныхъ странъ сводятся къ различію въ ихъ климатѣ ***).

«И такъ, вліяніе климата можно ли принять за такую причину, которая столь же необходима въ своихъ слѣдствіяхъ, какъ и слѣпа въ своемъ началѣ?» Другими словами, не вытекаетъ ли роковымъ образомъ «народное умоначертаніе» изъ физическихъ условій исторической жизни? «Безъ сомнѣнія, — отвѣчаетъ намъ авторъ *Физики исторіи*, — безъ сомнѣнія, ежели только (вліяніе физическихъ условій) не умѣряется или не усовершенствуется гражданскими и до вѣры касающимися законами». «Сколь бы сильно ни было вліяніе физическихъ причинъ на сложеніе и нравы человѣка, но владычество законовъ имѣетъ несравненно большую предъ ними силу. Воля, будучи по существу своему свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, не можетъ быть рабски принуждаема къ удовлетворенію всѣхъ желаній, внутреннихъ ей натурою». «Догматы религіи» и «власть гражданскихъ зако-

*) Если только можно заключать о непосредственномъ знакомствѣ В. съ книжкой Бодена изъ *Прим. на Лексера* II, стр. 490. Изъ статьи о Боденѣ въ словарѣ Бейля эт. ссыла не заимствована.

*) Москва, 1794 г., стр. II+268+I. Переводчикъ, скрывшій свое имя подъ буквами И. Г., посвятилъ книжку графу Алексѣю Григ. Орлову.

) *Физика исторіи*, стр. 31—32, 141—142, 29.

новъ» даютъ достаточную силу разуму для побѣды надъ чувствомъ. «Многіе законодатели, исправивъ народное правленіе, содѣйствовали къ умноженію человѣческаго рода и дали жизнь новымъ душамъ: слѣдовательно, и сила законовъ можетъ равномѣрно (какъ и сила религій) преимуществовать надъ физическими вліяніями» *).

Всѣ эти разсужденія, которыми авторъ XVIII вѣка старается согласовать теорію Бодена съ нравственностью, вводятъ насъ въ самую суть спора, возникшаго между представителями научнаго и рационалистическаго толкованія исторіи и лучше всего характеризующаго разницу двухъ міровоззрѣній. «Нравы происходятъ отъ воспитанія, а воспитаніе зависитъ отъ началъ или формы правленія», — говоритъ историкъ-раціоналистъ Леклеркъ; буквально то же самое повторяетъ, прямо по Монтескьё, и нашъ Шербатовъ **). Болтинъ, представитель научнаго міровоззрѣнія, съ этимъ не можетъ согласиться. Упомянувъ о двухъ крайнихъ мнѣніяхъ, одно изъ которыхъ «всѣ переменны въ людяхъ и государствахъ» выводило изъ климата, а другое, «напротивъ, все отъ него отняло», Болтинъ заявляетъ, что онъ «послѣдуетъ тѣмъ, кои держатся среднія дороги, то-есть кои хотя и полагаютъ климатъ первенственною причиною въ устройствѣ и образованіи человѣковъ, однакожь, и другихъ содѣйствующихъ ему причинъ не отрицаютъ». Въ дальнѣйшемъ разсужденіи, однако, Болтинъ доказываетъ, что это—причины «второстепенныя», «не имѣющія толикія силы, чтобы могли дѣйствіе климата вовсе пресѣчь...; они только ослабляютъ дѣйствіе его, а не уничтожаютъ»; въ результатъ своихъ разсужденій онъ приходитъ къ тому выводу, «что главное вліяніе въ человѣческіе нравы, въ качества сердца и души имѣетъ климатъ; прочія же побочныя обстоятельства, яко форма правленія, воспитаніе и проч., частію токмо содѣйствуютъ ему или... дѣйствіямъ его препятіе творятъ» ***).

И такъ, «нравы» создаются естественными условіями исторической жизни. Сознательная дѣятельность человѣческой воли можетъ только до нѣкоторой степени видоизмѣнить дѣйствіе этихъ условій, но не можетъ парализовать его вовсе. Если такъ, то надо заключить, что и «просвѣщеніе» не можетъ имѣть большого вліянія на «нравы». Полагать, «что добродѣтели зависятъ отъ просвѣщенія и что наши предки, будучи меньше насъ просвѣщены, были насъ порочнѣе», или, наоборотъ, соглашаться съ противоположнымъ мнѣніемъ Руссо, что просвѣщеніе есть «корень всего зла» и «главная причина расгнѣнія нашего сердца и поврежденія нашихъ нравовъ», — одинаково значить преувеличивать силу «просвѣщенія» и игнорировать силу естественныхъ законовъ, — «обижать природу», какъ выразился Болтинъ. Просвѣщеніе не создаетъ ни добродѣтелей, ни пороковъ; «держась середи и,

*) Тамъ же, стр. 34, 264, 268.

**) *Чтенія* 1860 г., т. I, о правленіи, стр. 43: «ничто болѣе дѣйствія не имѣетъ надъ нравами человѣческими, какъ воспитаніе, и... воспитаніе разствуетъ по разнымъ родамъ правленія». Ср. *Esprit des Loix*, IV, 1.

***) *Примѣчанія на Леклерка*, т. I, § II (стр. 5—11).

можно за неопровергаемое правило поставить, что ни добродѣтели отъ просвѣщенія, ни пороки отъ простоты нравовъ не зависятъ». Природа человѣческая всегда одна и та же; «добродѣтели и пороки суть всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ» *).

Исходя изъ этой аксіомы, этого «неопровергаемаго правила», Болтинъ, естественно, долженъ отрицательно отнестись къ психологическимъ мотивировкамъ событій у историковъ-раціоналистовъ. Встрѣтивъ объясненіе, подобное приведенному выше объясненію татарскаго ига Щербатовымъ, Болтинъ не могъ не возразить, что религіозное мировоззрѣніе среднихъ вѣковъ не могло измѣнить народнаго характера. «О неумѣренной набожности или, приличнѣе, о грубомъ суевѣрїи князей сего времени,—говорить онъ **),—нѣтъ никакого сумнѣнія; но вопросъ настоятъ: можетъ ли суевѣріе и невѣжество привести въ слабость и малодушіе народъ, по природѣ и воспитанію храбрый?» Еще менѣе можетъ согласиться Болтинъ съ раціоналистическимъ взглядомъ на роль средневѣковаго духовенства, какъ сознательныхъ обманщиковъ народа. «Монахи и попы, — говоритъ его противникъ Леклеркъ,—находя свои выгоды, чтобы народы оставались во мракѣ невѣжества, удерживали ихъ въ грубыхъ суевѣрїяхъ». Болтинъ возражаетъ: «Воображая глубочайшее невѣжество тогдашняго нашего духовенства, никакъ не можно бы, казалось, повѣрить, чтобы они для своихъ выгодъ умѣли или хотѣли удерживать народъ въ грубыхъ суевѣрїяхъ; понеже потребно нѣкоторое просвѣщеніе, чтобы изъ невѣжества другихъ извлекать свою пользу» ***).

Какъ видимъ, точка зрѣнія Болтина, устраняя изъ исторїи лишнія объясненія и отыскивая въ основѣ событій дѣйствіе однихъ и тѣхъ же, повсюду одинаковыхъ законовъ «природы», стоитъ гораздо ближе къ реальному и органическому пониманію историческаго процесса, чѣмъ прагматизмъ и раціонализмъ его противника, Щербатова. Отмѣтивъ эту разницу въ основныхъ взглядахъ обоихъ историковъ, перейдемъ теперь къ общей характеристикѣ ихъ спеціальной исторической работы.

Въ біографическихъ условїяхъ ученой дѣятельности Болтина и Щербатова можно отмѣтить много общаго. Оба принадлежали къ очень зажиточному дворянству; оба воспитались дома и тамъ же получили первоначальное образованіе,—вѣроятно, такое же, какое получали обыкновенно помещичьи дѣти въ деревенской усадьбѣ, т.-е. очень плохое ****). Оба старались

*) *Примѣчанія на Щербатова*, т. II, стр. 82—83.

***) *Примѣчанія на Щербатова*, т. II, стр. 478. Невысокое мнѣніе о набожности древней Руси Болтинъ вполне раздѣляетъ съ Татищевымъ,

****) *Примѣчанія на Леклерка*, т. II, стр. 248.

*****) Явившись 16 лѣтъ въ Петербургъ, Болтинъ показалъ (очевидно, сообразно манифесту 31 декабря 1736 г., установившему правила дворянскихъ смотровъ), что онъ учился дома, „своимъ коштомъ, ариметикѣ и по-французски“. О геометріи, „основательное“ знаніе которой требовалось на этомъ смотрѣ манифестомъ 1736 г., Болтинъ не упоминаетъ. Правомъ дальнѣйшей отсрочки до 20 лѣтъ, для обученія географіи, фортификаціи и исторіи Болтинъ, стало быть, тоже не воспользовался, что

затѣмъ пополнить пробѣлы первоначальнаго образованія самостоятельными чтеніемъ, т.-е. были, что называется, самоучками. Наконецъ, оба начали свою карьеру съ обязательной для знатнаго дворянства службы въ гвардіи и оба вышли въ отставку, когда законъ о вольности дворянства сдѣлалъ это возможнымъ *). Очевидно, ни тотъ, ни другой не имѣли въ военной службѣ внутренняго влеченія. Перейдя на гражданскую службу, тотъ и другой занимали должности, требованія специальныхъ познаній политическо-экономическихъ и финансовыхъ. Болтинъ сдѣлался директоромъ пограничной таможни въ Васильковѣ (Кіевской губ.); пробывъ въ этомъ званіи 10 лѣтъ (1769—1779 г.), онъ былъ переведенъ, по протекціи Потемкина, своего бывшаго товарища по гвардейской службѣ, въ главную таможенную канцелярію. Но это учрежденіе вскорѣ закрылось (24 октября 1780 г.) и Болтинъ былъ опредѣленъ прокуроромъ военной коллегіи (15 марта 1781 г.). На службѣ военной коллегіи, сперва въ званіи прокурора, а съ 1788 г. члена коллегіи Болтинъ и оставался до самой смерти; и здѣсь ему давали, помимо прокурорской службы, порученія административно-финансоваго характера: одно время онъ ревизовалъ дѣла главной провіантской канцеляріи, въ званіи члена завѣдывалъ денежною казною, въ годъ присоединенія Крыма сопровождалъ Потемкина въ его поѣздкѣ на югъ и «исправлялъ по приказанію его разныя порученности», касавшіяся, вѣроятно, главнымъ образомъ, «утвержденія порядка и благоустройства въ Крымской области» путемъ поднятія ея матеріальнаго благосостоянія **). Въ этому слѣдуетъ прибавить, что Болтинъ и лично занимался коммерческими предпріятіями въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Щербатовъ по службѣ имѣлъ еще болѣе возможности ознакомиться съ современнымъ положеніемъ Россіи. Въ 1768 г. онъ былъ опредѣленъ присутствовать въ комиссіи о коммерціи; черезъ десять лѣтъ сдѣлался президентомъ камеръ-коллегіи и въ томъ же году (1778) опредѣленъ присутствовать въ экспедиціи винокуренныхъ заводовъ; въ слѣдующемъ году (1779) онъ назначенъ былъ присутствовать въ сенатѣ. Его знакомство съ русскою дѣйствительностью не ограничивалось, однако, обязательными столкновеніями съ нею въ качествѣ члена всѣхъ этихъ государственныхъ учрежденій. Онъ старался расширить и объединить эти практическія знанія съ помощью specialнаго теоретическаго изученія. Уже въ 1776—1777 г., т.-е. до президентства въ камеръ-коллегіи, онъ составляетъ замѣчательную для

и вполне понятно, такъ какъ его домашняя жизнь, при вочимѣ, заставлявшемъ его участвовать вмѣстѣ въ попойкахъ, была, очевидно, непривлекательна. *Сухомлинн* : „Ист. рос. акад.“, т. V., стр. 66—67. *Полн. Собр. Зак.*, стр. 7142.

*) Щербатовъ получилъ отставку 29 марта 1762 г., т.-е. немедленно послѣ лифеста 18 февраля 1762 г. Болтинъ прослужилъ до 1768 г.; въ своемъ прошеніи объ отставкѣ онъ мотивируетъ ее „частыми болѣзненными припадками“. *Сухомлинн* : *новъ*, стр. 360.

**) Таковы, по крайней мѣрѣ, были намѣренія Потемкина. *Сухомлинн* : *новъ*, с. 82—83.

того времени работу по статистикѣ Россіи, первый опытъ этого рода въ русской литературѣ, если не считать Кирилова. Подѣ «статистикой» Щербатовъ разумѣетъ то, что разумѣли подѣ ней Ахенвалль и его послѣдователи,—т.-е. государствовѣдніе въ широкомъ смыслѣ. Можно думать, что такое пониманіе статистики, созданное въ Германіи и господствовавшее тогда въ Европѣ, усвоено было у насъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка при посредствѣ Бюшинга и Шлецера, впервые въ Петербургѣ преподававшего статистику сыновьямъ гр. Кир. Разумовскаго *). Согласно пониманію школы Ахенвалля, *Статистика въ разсужденіи Россіи*, какъ называлъ Щербатовъ свой обзоръ, должна была заключать слѣдующія рубрики: 1) пространство, 2) границы, 3) плодородіе (экономическое описаніе Россіи по губерніямъ), 4) многонародіе (статистика населенія), 5) вѣра, 6) правленіе (описаніе центральныхъ и областныхъ учреждений), 7) сила, 8) доходы, 9) торговля, 10) мануфактуры, 11) характеръ народный, 12) расположеніе въ ней сосѣдей. Къ сожалѣнію, въ уцѣлѣвшей до насъ части рукописи сохранился текстъ только первыхъ шести рубрикъ.

Въ послѣдующіе годы интересъ Щербатова къ камеральнымъ знаніямъ не только не слабѣетъ, но, напротивъ, ведетъ къ еще болѣе глубокому спеціальному изученію. Такъ, по поводу голода 1787 г. Щербатовъ изслѣдуетъ его причины и предлагаетъ мѣры помощи, основанныя на приблизительномъ разсчетѣ, сколько могутъ дать хлѣба не пострадавшія отъ урожая губерніи, и на точныхъ свѣдѣніяхъ о размѣрахъ и стоимости русскаго винокуренія. Въ качествѣ постоянныхъ мѣръ «для обновленія упавшаго у насъ земледѣлія», онъ предлагаетъ «продать всѣ государственныя и экономическія земли дворянамъ» и учредить коллегію земледѣлія, подробный планъ дѣятельности которой онъ тутъ же и набрасываетъ. Въ слѣдующемъ 1788 г. Щербатовъ продолжаетъ изучать «состояніе Россіи въ отношеніи денегъ и хлѣба», излагаетъ исторію кредитныхъ денегъ въ Россіи и подвергаетъ рѣзкой критикѣ банковую политику правительства. «Монета нѣсть товаръ, но знакъ вещей,—говоритъ онъ,—а потому уменьшать настоящую цѣну монеты—се есть возвысить цѣну на вещи, а потому другой прибыли отъ сего не произойдетъ, какъ умноженіе цифровъ въ счетахъ».

Послѣ всего сказаннаго не будетъ удивительно, что и занятія исторіей Щербатовъ, какъ и Татищевъ, считаетъ, прежде всего, средствомъ для расширенія личнаго опыта, для лучшаго пониманія жизни и дѣйствительности, такъ сказать, вспомогательнымъ средствомъ отчизновѣднія. По собственнымъ словамъ его, онъ писалъ свою исторію «болѣе для собственнаго сво-

*) О „воспитательномъ институтѣ Разумовскаго“ см. въ автобіографіи Шлецера (*Сборн. отдѣленія р. яз. и слов.*, т. XIII, стр. 109 и слѣд.). Вернувшись за границу, Шлецеръ руководилъ занятіями русскихъ студентовъ въ Геттингенѣ, между прочимъ и у Ахенвалля (*ibid.*, 330, 382, 386). Матеріалы для лекцій по статистикѣ доставлялись Шлецеру изъ разныхъ государственныхъ учреждений черезъ посредство Тауберта, „знакомаго съ болѣею частью президентовъ и членовъ государственной коллегіи“ (*ibid.*, стр. 121—121).

его удовольствія, дабы чрезъ оную научиться познать состояніе Россіи». И, однако, эти самыя слова вызвали у Болтина проницательную отвѣдь: «Не видно, — пишетъ Болтинъ въ 1789 г., — чтобы въ намѣреніи своемъ, состоящемъ въ томъ единственно, чтобы писавъ исторію, научиться познать состояніе Россіи, понинѣ онъ стяжалъ желаемый успѣхъ; и сожалѣтельно, что такое намѣреніе не ранѣе онъ принялъ, нежели началъ ее писать, ибо, занявъ будучи столь многими трудами, едва ли достанетъ время на сіе нужное для пишущаго исторію познаніе. Въ недостаткѣ-жь онаго позволительно усумниться о исправности писаннаго имъ, ибо дѣянія историческія весьма тѣсно сопряжены съ познаніемъ той страны, въ которой они происходили; равнымъ образомъ, и то подвержено сумнѣнію, чтобы исторія такая, которая сочинитель не имѣлъ онаго познанія, могла послужить помощію для тѣхъ, кои впредь исторію нашего отечества писать предпримуть» *).

Мы знаемъ, однако же, что у Щербатова доставало времени на познаніе современной ему Россіи и что несправедливо обвинять его въ отсутствіи такого познанія. Если ужъ пришлось бы сравнивать степень знакомства съ современностью обоихъ историковъ, то скорѣе Болтинъ, насколько мы его знаемъ по его сочиненіямъ, долженъ бы былъ уступить Щербатову пальму первенства. И при всемъ томъ, въ обвиненіяхъ Болтина нельзя не признать большой доли правды. Щербатовъ имѣлъ хорошія спеціальныя знанія, но не умѣлъ организовать ихъ, не умѣлъ или не имѣлъ случая свести ихъ въ одну цѣльную систему, въ которой, дѣйствительно, прошлое пояснялось бы настоящимъ и настоящее вытекало бы изъ прошлаго. Не одинъ случай, конечно, а также и личныя особенности обоихъ историковъ привели къ тому, что въ то время, какъ одинъ изъ нихъ неутомимо работалъ надъ грудой сырого матеріала, не имѣя ни силъ, ни возможности надъ нимъ возвыситься, другой, съ гораздо менѣе значительнымъ научнымъ багажомъ, сдѣлался представителемъ перваго цѣльнаго, органическаго взгляда на русскую исторію.

Къ сожалѣнію, ходъ ученыхъ занятій обоихъ историковъ остается для насъ, какъ и вообще ихъ біографія, довольно мало извѣстнымъ. Однако, и изъ немногаго, что мы знаемъ, видна разница въ спеціальной подготовкѣ того и другого.

Сообщеніе Малиновскаго, что Щербатовъ былъ рекомендованъ Екатериной II Миллеромъ для составленія исторіи **), помогаетъ намъ опредѣлять время, съ котораго Щербатовъ принялся за свой историческій трудъ. Всего вѣроятнѣе, эта рекомендація могла быть сдѣлана весной 1767 года. Весь этотъ годъ Екатерина прожила въ Москвѣ, слѣдя за дѣятельностью ком-

*) *Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова*, стр. 147—150.

**) О роли Миллера говоритъ самъ Щербатовъ: «Онъ не токмо мнѣ вложилъ охоту къ познанію исторіи отечества моего, но, увидя мое прилежаніе, и побудилъ меня къ сочиненію оной». *Ист. росс.*, т. I, предисловіе. О роли Екатерины см. тамъ же, т. III, предисл.: «Я ея милосердіемъ въ трудѣ семъ ободренъ; ея щедротами отверсты мнѣ гесударствяныя книгохранительницы и архивы».

миссіи для составленія новаго уложенія. Въ Миллеру, два года передъ тѣмъ переѣхавшему въ Москву, она была особенно милостива; семь разъ призывала, по его словамъ, для ученыхъ бесѣдъ, открыла ему архивы разряднаго и сибирскаго приказовъ и назначила его депутатомъ въ комиссію объ уложеніи *). По той же комиссіи она должна была познакомиться лично съ кн. Щербатовымъ, который присутствовалъ въ комиссіи въ качествѣ депутата отъ ярославскаго дворянства. Въ духѣ даннаго ему избирателями наказа, Щербатовъ энергично отстаивалъ въ комиссіи дворянскіе интересы и боролся, опираясь на значительную партію, съ мнѣніями либеральныхъ депутатовъ **).

Показавъ, по его собственнымъ словамъ, «охоту къ познанію российской исторіи», Щербатовъ «черезъ сіе» получилъ отъ императрицы разрѣшеніе «брать потребныя мнѣ (для сочиненія сей исторіи) списки изъ патріаршей и типографической библіотекъ». Поскольку дѣло шло о подборѣ лѣтописныхъ списковъ, объ эти библіотеки, дѣйствительно, были главнымъ хранилищемъ: еще со времени Петра въ нихъ собраны были списки лѣтописей, присланные по указу изъ разныхъ монастырей. Выбравъ четыре списка патріаршей библіотеки, восемь списковъ типографской и присоединивъ къ нимъ семь списковъ собственныхъ, Щербатовъ приобрѣлъ солидное основаніе для изложенія древнѣйшаго періода русской исторіи. О томъ, что, кромѣ «охоты» для изученія лѣтописей, нужна еще и нѣкоторая предварительная подготовка, въ то время немногіе думали; Щербатовъ сознавалъ только свою неподготовленность для разработки *доисторическаго* періода, и то только «за незнаніемъ своимъ ученыхъ языковъ». Такъ какъ языкъ лѣтописи, казалось, былъ свой, знакомый, то здѣсь Щербатовъ храбро принялся за историческое изложеніе. Дѣло пошло быстро: начавши работу не раньше 1767 года, въ 1770 году онъ уже выпустилъ въ свѣтъ первый томъ *Россійской исторіи*, а въ 1771 г. второй, и дошелъ, такимъ образомъ, до татарскаго нашествія, до 1237 г. Чтобы оцѣнить всю поспѣшность этой работы, надо принять въ расчетъ, что съ 1768 года Щербатовъ опять началъ служить и, кромѣ того, получилъ отъ Екатерины порученіе разобрать кабинетныя бумаги Петра Великаго; надо также прибавить, что съ 1769 г. начинается его усиленная издательская дѣятельность: въ этомъ году онъ печатаетъ по списку патріаршей библіотеки *Царственную книгу*; въ 1770 г. издаетъ, по повелѣнію Екатерины II, самый эффектный документъ кабинетнаго архива, *Исторію швейцарской войны*, собственноручно исправленную Петромъ Великимъ, и прибавляетъ къ ней (1772) оправдательные докумен-

*) Пекарскій: „Ист. акад. наукъ“, I, стр. 396.

**) О дѣятельномъ участіи Щербатова въ засѣданіяхъ комиссіи и о его партійной роли свидѣлствуютъ протоколы засѣданій и собственныя заявленія Щербатова, напечатанныя въ *Сб. Ист. Общ.* тт. IV, VIII, XXXII, XXXVI. Наказъ ярославскаго дворянства см. въ т. IV, стр. 297—313. Любопытно сопоставить съ этими данными „Примѣчанія“ Щербатова „на манифестъ“ 1785 г., напеч. въ *Чтен. О. Ист.* 1871 г., IV, смѣсь.

ты, заимствованные, кромѣ кабинетнаго архива, еще изъ Миллеровскаго архива иностранной коллегіи. Въ 1771 г. издана *Лѣтопись о многихъ лѣтежахъ*; въ 1772 г.—*Царственный лѣтописецъ*, полученный изъ библиотеки князя Голицына и признанный Щербатовымъ за начало *Царственной книги*. Изданіе *Лѣтописца* Щербатовъ мотивируетъ тѣмъ, что «медленность, происходящая отъ разныхъ подлежащихъ учинить изысканій, принуждаетъ меня медлительнѣе быть, нежели бы я хотѣлъ, въ изданіи полнаго моего труда Россійской исторіи; то между симъ временемъ я за нужное почитаю издавать въ печать достойнѣйшія примѣчанія россійскіе лѣтописцы» *). Дѣйствительно, слѣдующій, 3-й томъ *Исторіи россійской* вышелъ только въ 1774 году. Причина этой «медленности» заключалась въ томъ, что для времени послѣ татарскаго нашествія къ лѣтописнымъ источникамъ присоединялись источники архивные, и необходимо было, прежде чѣмъ идти дальше, ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Для этой цѣли Щербатовъ получилъ (22 января 1772 года) разрѣшеніе заниматься въ московскомъ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ хранятся духовныя и договорныя грамоты князей, начиная съ половины XIII вѣка, и памятники нашихъ дипломатическихъ сношеній, начиная съ послѣдней четверти XV вѣка. Мы увидимъ впоследствии, что занятія Щербатова надъ этими документами дали толчокъ къ ихъ изданію, въ которомъ принялъ участіе и самъ Щербатовъ.

Издавая 3-й томъ, Щербатовъ совершенно основательно замѣтилъ, что допущеніе въ архивъ иностранной коллегіи «наиболѣе послужило мнѣ ко украшенію сочиняемая мною исторіи». Дѣйствительно, некритическій пересказъ лѣтописей, сдѣланный безъ всякой предварительной подготовки,—какимъ были первые два тома,—мало подвигалъ впередъ историческую науку послѣ лѣтописнаго свода Татищева. Но введеніе въ историческій рассказъ архивнаго матеріала, все болѣе и болѣе обильнаго, дало исторіи Щербатова исключительное положеніе среди историческихъ трудовъ прошлаго столѣтія **). Это былъ уже не сводный текстъ лѣтописи, какъ *Россійская исторія* Татищева, не литературное произведеніе на мотивы русской исторіи, какъ исторія Ломоносова и его послѣдователей, не учебная книга по русской исторіи, какъ *Краткій лѣтописецъ* Ломоносова или *Ядро Мангюева*;—это былъ первый опытъ связнаго и полнаго прагматическаго изложенія русской исторіи, основанный на всѣхъ главнѣйшихъ источникахъ, сохранившихся отъ нашего прошлаго. Онъ оставался единственнымъ опытомъ вплоть до Карамзина, а чѣмъ обязанъ Карамзинъ Щербатову,—мы еще увидимъ. У современниковъ исторія Щербатова, однако же, при-

*) Предисловіе къ *Царств. лѣтописцу*. Опроверженіе мнѣнія кн. Щербатова и послѣдующихъ изслѣдователей объ отношеніи *Цар. лѣт.* къ *Цар. книг.* см. въ интересной брошюрѣ А. Е. Прѣслякова: «Царственная книга, ея составъ и происхожденіе». Спб., 1893 г., стр. 20—27.

***) Обработка дальнѣйшихъ томовъ исторіи продолжалась до самой смерти Щербатова: послѣдніе томы, 14-й и 15-й, въ которыхъ исторія доведена была до 1610 г., до сверженія Шуйскаго, изданы въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, въ 1791 г.

обрѣла дурную репутацію. Ее считали сухой и скучной; и, конечно, она была написана не для большой публики. Что гораздо хуже,—ее считали лекричной и полной ошибокъ; это было справедливо относительно первыхъ томовъ, на которые обрушилась критика; но, какъ общая оцѣнка всѣхъ 15-ти томовъ,—такой отзывъ не можетъ считаться справедливымъ. Наконецъ, ее считали не продуманной, не проникнутой общою идеею; и это было совершенно справедливо, такъ какъ рационалистическіе приемы толкованія событій по самому своему свойству оставались слишкомъ внѣшними и не могли дать внутренней связи изложенію. Но можно поставить вопросъ, въ какой степени эта особенность труда Щербатова зависѣла отъ личныхъ свойствъ историка, и въ какой степени она вытекала изъ самыхъ свойствъ поставленной задачи. Екатерина II прямо рѣшала вопросъ въ первомъ смыслѣ, находя, что «голова его не была создана для этой работы» *). Навѣрное, такъ думалъ и литературный противникъ Щербатова, Болтинъ; но ему должны были быть ясны и другія причины, которыми неудача *Россійской исторіи* объяснялась и помимо личныхъ особенностей Щербатова. «Весьма тѣ ошибаются,—говорилъ Болтинъ по поводу Леклерка,—кои думаютъ, что всякой тотъ, кто, по случаю, могъ достать нѣсколько древнихъ лѣтописей и собрать довольно количество историческихъ припасовъ, можетъ сдѣлаться историкомъ; многого ему недостаетъ, если кромѣ сихъ ничего больше не имѣетъ. Припасы необходимы, но необходимо также и умѣнье располагать оными» **). Необходимо, другими словами, владѣть матеріаломъ, чтобы дать историческому разсказу литературную форму; а чтобы овладѣть матеріаломъ, необходима его предварительная ученая разработка. Пока эта разработка не произведена,—писать «исторію» преждевременно.

Нигдѣ не высказанная прямо, эта точка зрѣнія рѣшительно опредѣлила, однако же, характеръ собственной ученой дѣятельности Болтина. Вся его ученая работа сводится къ предварительной разработкѣ историческаго матеріала, причѣмъ результаты этой разработки Болтинъ никогда не рѣшается свести въ законченное цѣлое. Его излюбленная форма изложенія—это или форма словаря, или форма «критическихъ примѣчаній» къ чужому тексту, или форма комментарія къ историческому памятнику. Бѣлая свобода формы даетъ и большую свободу работѣ изслѣдователя. Не стѣсняя себя никакими опредѣленными сроками, не ставя даже себѣ въ началѣ занятій никакой опредѣленной темы, Болтинъ исподволь накопляетъ матеріалъ, постепенно, по мѣрѣ чтенія, дѣлаетъ выписки изъ прочитаннаго. Такимъ образомъ, совершенно незамѣтно составляется ученый арсеналь, изъ котораго можно черпать свѣдѣнія и справки по всякому представляющемуся случаю. Ученость Болтина вырастаетъ, такъ сказать, органически изъ его любознательности; этимъ и объясняется тотъ характеръ цѣльности, жизненности, продуманности, какими отличается ученый обиходъ Болтина.

*) *Историкъ*: „Опытъ русской исторіографіи“, I, кн. 2, ССLXVIII.

**) *Примѣч. на Леклерка*, I, стр. 269.

Этимъ же, надо прибавить, объясняется и его сравнительная несложность. «Мелочи» допускаются въ этотъ обиходъ лишь какъ средство сдѣлать «крупный» выводъ или избѣжать «крупной погрѣшности» *).

Вѣроятно, та же постепенность, съ какой нарастала ученость Болтина, мѣшаетъ намъ уяснить себѣ, какъ и когда онъ приобрѣлъ свои историческія знанія. Свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ въ рукописномъ словарѣ сенатора Казадаева, приходится оставить въ сторонѣ, какъ сомнительныя или безусловно невѣрныя **). Остаются только собственныя показанія Болтина о его «привычкѣ отъ юности, читая всякую книгу, замѣчать и выписывать достойныя примѣчанія мѣста» и о «выпискахъ, учиненныхъ *черезъ мноія мѣта*, изъ древнихъ лѣтописей, грамотъ и другихъ сочиненій» ***).

Судя по результатамъ, подготовительныя работы Болтина производились, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, онъ собиралъ матеріалы для исторіи языка: эти матеріалы, — слова, выписанныя изъ многихъ книгъ церковныхъ, яко плоды долговременныхъ трудовъ своихъ, — Болтинъ въ 1784—1786 гг. передалъ въ русскую академію, членомъ которой сдѣлался со времени ея открытія, съ 21 октября 1783 года, вмѣстѣ съ Потемкинымъ ****). Съ другой стороны, онъ составлялъ терминологическій и историко-географическій словарь для древняго періода русской исторіи. Копія съ этого словаря, считавшагося до сихъ поръ погибшимъ вмѣстѣ съ другими рукописями Болтина, въ 1812 г., въ пожарѣ бібліотеки Мусина-Пушкина, — только что отыскалась въ рукописяхъ бібліотеки московскаго Общества исторіи и древностей русскіихъ *****).

*) Прим. на Щербатова, II, стр. 375, 380.

***) „Вступая въ службу 1-го въ конный полкъ, продолжалъ заниматься ученіемъ, постоянно слушалъ лекціи въ академической гимназіи и сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. По любви къ отечественному слову коротко познакомился съ знаменитыми нашими писателями, Ломоносовымъ и Сумароковымъ; искалъ бесѣды съ учеными; о древностяхъ русскіихъ разсуждалъ съ Миллеромъ и Тредіаковскимъ; прочелъ всѣ, на отечественномъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ лучшія творенія о географіи и исторіи, древней и новѣйшей... (оставивъ службу въ 1779 г.), совершенно предался любимому своему предмету—изысканію и изслѣдованію русскіихъ исторіи. Два года употребилъ онъ на путешествіе по Россіи, особенно по южнымъ ея предѣламъ: посѣщалъ монастыри, хранилища многихъ историческихъ сокровищъ, рылся въ архивахъ, тщательно стараясь вездѣ дѣлать розысканія, относящіяся къ отечественной исторіи и географіи“. *Сухомятиновъ*: „Ист. рос. акад.“ V, 325—326. Какъ мы видѣли, Б. учился дома; о пребываніи его въ корпусѣ и гимназіи никакихъ данныхъ нѣтъ; послѣ оставленія мѣста директора васьиловской таможи Б. служилъ въ Петербургѣ и ѣздилъ въ эти годы только лѣтомъ 1781 г. въ Сарепту для лѣченія.

****) *Сухомятиновъ*, стр. 87—88. Последнее показаніе относится къ году смерти Болтина (1792 г.).

*****) *Сухомятиновъ*, стр. 275.

*****) Словарь географическій всѣмъ городамъ, рѣкамъ и урочищамъ, кои воспоминаются въ лѣтописи Несторовой. Сочин. г. Болтина fol. 60 листовъ, съ пропускомъ между 56 и 57 листовъ. Начинается съ буквы А, прерывается на сл. „Сковн“. Въ

Благодаря этой находкѣ, мы можемъ теперь представить себѣ гораздо яснѣе, чѣмъ это возможно было до сихъ поръ, ходъ подготовительной исторической работы Болтина. Какъ оказывается, Словарь составленъ *исключительно* по исторіи Татищева, на которую дѣлаются при каждомъ словѣ точныя ссылки. Иногда Болтинъ передаетъ своими словами и въ своей группировкѣ свѣдѣнія Татищева, иногда онъ переноситъ къ себѣ текстъ Татищева буквально, иногда просто выписываетъ заинтересовавшее его слово со ссылкой на соответствующее мѣсто исторіи Татищева, наприм. «ересь, пр(имѣчаніе) 374». «Влязьма, р. II, 167», «погость, что значить у Т. пр. 127» и т. д. Какъ видимъ, выписки Болтина не ограничиваются географическимъ матеріаломъ; онъ выписываетъ и любопытный для него терминъ или слово (дворянинъ, волость, подвойскій, запросъ и т. д.) и любопытную рубрику (законъ, народъ, науки), подъ которой Татищевъ сообщаетъ какое-нибудь интересное для него свѣдѣніе или по поводу которой дѣлаетъ собственное разсужденіе. Словомъ, мы видимъ передъ собой внимательнаго и добросовѣстнаго ученика, составляющаго къ преподавательскому тексту нѣчто среднее между конспектомъ и указателемъ. Очень рѣдко Болтинъ позволяетъ себѣ не согласиться со взглядомъ Татищева (наприм. о мѣстоположеніи Корсуни); большая часть выписаннаго матеріала усваивается вполне; почти весь онъ будетъ пушенъ въ дѣло въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Болтина.

Такимъ образомъ, словарь дѣлаетъ несомнѣннымъ то, о чемъ мы и безъ его помощи могли бы догадаться. Секретъ несомнѣннаго и огромнаго вліянія Татищева на Болтина заключается въ томъ, что Болтинъ по Татищеву выучился русской исторіи. Когда же происходилъ этотъ процессъ выучки, заложившій основаніе всей послѣдующей ученой дѣятельности Болтина по древней исторіи? Словарь составленъ по второму и третьему тому исторіи Татищева, т.-е. не ранѣе 1774 г., когда изданъ 3-й томъ, и не позже 1784 г., когда появился въ свѣтъ четвертый, съ которымъ Болтинъ своевременно ознакомился *), но которымъ уже не воспользовался для словаря. Далѣе, Болтинъ пользуется въ словарѣ тѣмъ знаніемъ топографіи кievской Руси, какое могла ему дать десятилѣтняя служба въ Васильевѣ **), но о мѣстностяхъ, лежащихъ на востокъ отъ Днѣпра, говорить, уже какъ о «сеѣ сторонѣ» (московской), т.-е. пишетъ словарь *не*

словарѣ, приложенномъ къ *Историческому изслѣдованію о мѣстности Тмутараканскаго княжества* Мусина-Пушкина, заимствованія изъ Болтина, по сличенію съ рк. Общ. ист., оказываются болѣе значительными, чѣмъ указано авторомъ. *Все историко-географическое содержаніе словаря Болтина, за ничтожными исключеніями, напечатано въ „Словарѣ географическомъ Щекатова“, начиная со 2-го тома этого Словаря.*

*) *Примѣч. на Лекерка*, I, стр. 296.

**) „Городъ сей (Красный) по близости Василева, и мню, что тутъ былъ, гдѣ и нынѣ на рѣчкѣ Вѣтѣ, между Кіева и Василева, виденъ великій валъ, немалое пространство окружающій, на мѣстѣ высокому, скатистому и ровному, на берегу Вѣты съ лѣвой стороны подлѣ самой дороги, идущи отъ Кіева“. Срав. *Щекатова*, III, стр. 846.

въ Васильковѣ, слѣд. послѣ 1779 года. Любопытно также, что, говоря о мѣстоположеніи Корсуни, Болтинъ еще не упоминаетъ въ словарѣ о своемъ посѣщеніи развалинъ Херсонеса въ 1784 г., о чемъ упомянуто въ примѣчаніяхъ на Леклерка *). И такъ, всего вѣроятнѣе, что внимательное изученіе Болтинимъ Татищева относится къ 1779—1783 гг. Если такъ, то ученикъ, стало быть, былъ взрослый: Болтину въ это время было 45—50 лѣтъ. Таковъ былъ, слѣдовательно, ученый багажъ Болтина къ тому моменту, когда начала выходить въ свѣтъ исторія Леклерка, которой суждено было положить начало ученой славѣ нашего историка.

Шеститомная *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne* Леклерка, доведенная до смерти Елизаветы, печаталась въ 1783—1792 гг. Авторъ, бывший домовый врачъ гетмана Кир. Разумовскаго, затѣмъ директоръ наукъ шляхетскаго корпуса, профессоръ и совѣтникъ академіи искусствъ, даже почетный членъ академіи наукъ по протекціи Разумовскаго, весьма плодovitый писатель по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, находился въ Россіи въ 1759 и 1769—75 гг. Задумавъ уже тогда писать о русской исторіи, онъ обратился къ члену коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главному судѣ мастерской оружейной конторы, Мих. Гр. Собакину, который, съ помощью двухъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ, сдѣлалъ для Леклерка обширныя извлеченія изъ рукописей различныхъ архивовъ (коллегіи иностранныхъ дѣлъ и дворцоваго?) и синодальной библіотеки и перевелъ эти извлеченія на французскій языкъ. Затѣмъ, онъ представился князю Щербатову, какъ будущій сочинитель русской исторіи, и отъ него получилъ «точное резюме національной исторіи» отъ Рюрика до Федора Ивановича, проспектъ для исторіи русскаго законодательства и матеріалы по исторіи искусствъ и исторіи дворянства въ Россіи. Наконецъ, онъ очень сильно воспользовался *Опытомъ историческаго словаря о российскіихъ писателяхъ* Новикова (изд. въ 1772 г.). Съ помощью этихъ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ источниковъ, а также французской компіляціи Левека, составленной по Щербатову, Леклеркъ и написалъ свою «исторію древней и новой Россіи», введя въ нее также и свои личныя наблюденія, сдѣланныя въ Россіи. Весь этотъ матеріалъ онъ подвергнулъ двойной порчѣ: во-первыхъ, благодаря своему полному, или, что еще хуже, почти полному незнанію русскаго языка; во-вторыхъ, благодаря тѣмъ литературнымъ приемамъ, которые онъ серьезно считалъ новымъ способомъ писать исторію. Разумѣется, о «древней и новой Россіи» французскій писатель говорилъ снисходительно и свысока, какъ истинный представитель передовой націи; надо, впрочемъ, прибавить, что онъ и собственному правительству временъ революціи не стѣснялся читать уроки политической мудрости **). Россія для Леклерка—страна невѣжества и деспотизма; народъ пребываетъ въ состояніи варварства, рабства и суевѣрія. «Государя

*) I, 87.

**) Біографическія и бібліографическія данныя о Леклеркѣ см. у Суздальцова: „И. р. ак.“, т. V, стр. 110—128, и прилож., стр. 377—394.

могутъ все что хотять, когда они благое въ виду имѣютъ; довольно имъ только пожелать, чтобъ ихъ государство было цвѣтущимъ, а народы блаженными»; но до сихъ поръ они желали только держать народъ, для собственнаго спокойствія, въ состояніи первобытной дикости и угнетенія. Въ результатъ, въ Россіи нѣтъ достаточныхъ побужденій къ размноженію народонаселенія; количество жителей не соотвѣтствуетъ громадности страны и всѣ средства народа истощаются на потребности внѣшней защиты.

Задѣтый за живое въ своемъ патріотическомъ чувствѣ, Болтинъ принялся, «по мѣрѣ чтенія», дѣлать письменныя замѣчанія на сочиненіе Леклерка. Возраженія на первые 5 томовъ, вышедшіе въ 1883—1885 гт., были готовы въ 1786 году. Черезъ два года, при посредствѣ Потемкина, Болтинъ издалъ ихъ въ двухъ томахъ, на собственные средства императрицы, которую исторія Леклерка должна была такъ же затронуть, какъ затронуло ее *Путешествіе* аббата Шаппа. Для своихъ полемическихъ цѣлей Болтинъ не думалъ предпринимать какихъ-нибудь новыхъ специальныхъ изученій; онъ просто мобилизовалъ свой наличный запасъ свѣдѣній и отмѣчалъ, по его собственнымъ словамъ, «только тѣ (ошибки Леклерка), кои при простомъ чтеніи съ памятью моею встрѣчались» *). Главный арсеналъ, выдвинутый Болтинымъ противъ Леклерка,—это были его многочисленныя выписки изъ словаря Бейля, изъ Вольтера, Мерсье и др. Навѣрное, болѣе половины «примѣчаній» заняты этой выставкой иностранной учености Болтина. Изъ другой, меньшей половины, справки, относящіяся къ древней русской исторіи, занимаютъ очень малую долю. Митр. Евгенийъ былъ совершенно правъ, говоря, что въ этой части «примѣчаній» Болтинъ «ничего не сказалъ ни новаго, ни лишняго предъ Татищевымъ, но онъ сблизилъ подъ одинъ взглядъ многія такія замѣчанія, которыя у Татищева разсѣяны по разнымъ мѣстамъ». Въ сущности, это было продолженіе той же работы, какую мы видѣли въ *Словарѣ*. Тамъ, гдѣ Болтинъ хотѣлъ дать болѣе обстоятельную справку, онъ присоединялъ къ Татищеву два тогда напечатанные лѣтописные текста: Несторову лѣтописи по Кенигсбергскому и по Никоновскому списку; изрѣдка онъ прибавлялъ къ этимъ тремъ текстамъ справку въ своемъ собственномъ рукописномъ экземплярѣ лѣтописи **). Но суть дѣла отъ этого не мѣняется: основой всѣхъ свѣдѣній Болтина по древне-русской исторіи продолжаетъ оставаться Татищевъ. Послѣ татарскаго пашествія, т.-е. того періода, который былъ обстоятельно изученъ Болтинымъ по 2 и 3 томамъ Татищева, историческія свѣдѣнія, а вмѣстѣ и поправки Болтина къ Леклерку замѣтно оскудѣваютъ. Онъ, наприм., думаетъ, что стоглавый соборъ собранъ былъ Иваномъ IV въ 1542 году. Главное вниманіе Болтина въ XVI и XVII вв. обращено на памятники законодательства: Судебникъ съ дополнительными статьями и Уложеніе. Припомнимъ, что первый приготовленъ былъ къ изданію и комментированъ тѣмъ же Та-

*) *Прим. на Леклерка*, I, стр. 243; ср. II, стр. 481.

***) *Прим. на Лекл.*, I, стр. 67, 61, 70, 83, 88, 91—92, 93, 94, 244, 249, 250.

тищевымъ: комментаріями этими Болтинъ и пользуется очень широко *). Что же касается Уложения, оно во времена Болтина лежало въ основѣ дѣйствующей юридической практики; слѣдовательно, знакомство съ нимъ не было дѣломъ одной только ученой любознательности. Далѣе, по отношенію къ новому періоду, знакомство Болтина съ источниками становится вполне отрывочнымъ и случайнымъ. Книжка Шафирова о причинахъ сѣверной войны, анекдоты Штелина, записки Манштейна—вотъ почти всѣ источники Болтина для исторіи событій XVIII в. Документальное изученіе событій, характернымъ для Болтина образомъ, замѣняется здѣсь живою традиціей. Одинъ старикъ рассказалъ ему, тридцать лѣтъ тому назадъ, о битвѣ подъ Нарвою; старыя барыни, вѣзшія къ царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ, передавали ему про одного юродиваго при дворѣ Анны Ивановны; отъ близкаго свойственника жены онъ «изустно слышалъ» объ ужасахъ Бироновщины, и онъ описываетъ эти ужасы такими тацитовскими красками, что прежній владѣлецъ моего экземпляра *Примѣчаній*, читавшій книгу въ началѣ вѣка, не могъ не приписать на поляхъ: «хоть около правды, но уже слишкомъ». Въ какой степени эти «изустные слухи» и личныя воспоминанія первенствуютъ у Болтина передъ изученіемъ источниковъ, видно изъ того, что, ссылаясь на упомянутого старика по вопросу, сколько было русскихъ войскъ подъ Нарвою, Болтинъ и не думаетъ сдѣлать самой простой справки объ этомъ въ основномъ, официальномъ источникѣ, *Журналъ Петра Великаго*, изданномъ еще въ 1770 г. Щербатовымъ. Точно также, разбирая свѣдѣнія Леклерка о русскихъ писателяхъ, Болтинъ и не подозреваетъ о заимствованіи этихъ свѣдѣній изъ словаря Новикова, изданнаго въ 1772 г. Оба первостепенной важности источника остаются ему совершенно неизвѣстными **).

Такимъ образомъ, опредѣляя свою роль въ «Республикѣ письменъ», Болтинъ не изъ одной скромности могъ назвать себя, «хотя и не приносящимъ ей пользы, яко пчела, но пользующимся трудами прочихъ, яко трутень» ***). Не въ «пчелиныхъ» свойствахъ, однако же, слѣдуетъ искать значенія *Примѣчаній на Леклерка*. Значеніе это заключается, во-первыхъ, въ общей

*) I, стр. 306, 318, 321, 313—337, 457—477; II, стр. 432, 441, 442, 443—444. Другія заимствованія изъ Татищева см. I, стр. 230, 252, 296, 314, 450, 509; II, стр. 48, 51—52, 401—402, 475—476.

**) I, стр. 527—528; II, стр. 73, 467—468, 470, 505; ср. также о причинахъ отступленія Апраксина, «извѣстныхъ всему свѣту», I, стр. 286; о содержаніи писемъ Шетарди о Елизаветѣ, «извѣстномъ всѣмъ», II, стр. 535; о уничтоженіи сѣчи, «памятномъ всѣмъ», I, стр. 346. Любопытный примѣръ предпочтенія живой традиціи источникамъ см. въ *Отвѣтъ Болтина Щербатову*, стр. 75—76: «весьма сумнительно, чтобы Татищевъ могъ въ семь сказаній (о званіи думныхъ дворянъ) сдѣлать ошибку, ибо при Петрѣ Великомъ былъ уже онъ въ совершенныхъ лѣтахъ и, слѣдовательно, могъ довольно слышаться о семъ отъ такихъ людей, кои сами были въ думныхъ дворянахъ и коихъ согласное ему сказаніе *безъ сумнѣній вѣщную доверенность заслуживаетъ*, нежели чье-либо заключеніе, сдѣланное изъ краткихъ и темныхъ словъ книгъ разрядныхъ».

***) Ibid., II, стр. 151—152.

точкѣ зрѣнія Болтина на историческія явленія; во-вторыхъ, въ приложеніи этой точки зрѣнія къ объясненію русскаго историческаго процесса. Общая точка зрѣнія Болтина была по существу противоположна рационализму Леклера. Тамъ, гдѣ Леклеръ ограничивается отрицаніемъ, Болтинъ ищетъ положительнаго объясненія; гдѣ Леклеръ находитъ одно отсутствіе или злоупотребленіе разума, Болтинъ предполагаетъ дѣйствіе историческаго закона. Дѣйствіе это всегда и вездѣ одинаково: «правила природы повсюду суть единообразны»; «во всѣхъ временахъ и во всѣхъ мѣстахъ человѣки, находясь въ одинакихъ обстоятельствахъ, имѣли одинакіе нравы, сходныя мнѣнія и являлись подъ одинакимъ видомъ». Поэтому нельзя характеризовать русскій народъ какъ какое-то исключеніе изъ всего человѣчества. Если русскій народъ и одержимъ пороками, то «не больше какъ и другіе народы». Это не значить, однако же, чтобы Россія была вполне сходна съ другими народами Европы; напротивъ, она «ни въ чемъ на нихъ непохожа». Несходство это есть естественное послѣдствіе особенностей какъ «физическихъ мѣстоположеній» Россіи, такъ и ея исторіи. Физическія, т.-е. географическія, климатическія и почвенныя условія обусловили разницу въ плотности населенія между различными частями Россіи и поставили предѣлы увеличенію плотности въ наиболѣе населенныхъ частяхъ ея. Тѣ же условія создали отличія и въ «нравахъ», въ складѣ народнаго характера. Ходъ русской исторіи вліялъ въ томъ же направленіи: раздробленіе на части и татарское иго задержали увеличеніе народонаселенія; то же самое «раздѣленіе народа на удѣльные княженія» произвело «различіе въ нравахъ, обычаяхъ и богочтеніи». Но въ Россіи этой внутренней областной розни было гораздо менѣе, чѣмъ на Западѣ; менѣе было и «такихъ чувствительныхъ и скорыхъ переменъ», какъ въ Европѣ; «нравы, платье, языкъ, названія людей и странъ остались тѣ же, какіе были прежде, исключая малыя нѣкоторыя переменны въ общежительныхъ обрядахъ, повѣрьяхъ и въ нѣсколькихъ словахъ языка, кои мы заимствовали отъ татаръ». Послѣ объединенія Руси «и нравы, и обычаи сдѣлались почти сходными», «народочисленіе» стало быстро увеличиваться. Съ переменами въ условіяхъ жизни измѣняются и нравы; нужно только «терпѣніе и время». Леклеръ думаетъ, правда, что это время можно сократить съ помощью мудраго законодательства; но, по мнѣнію Болтина, «не должно вводить насиліемъ переменъ въ народныхъ началахъ и образѣ умствованія ихъ, а оставлять времени и обстоятельствамъ ихъ произвести». «Удобнѣе законъ сообразить нравамъ, чѣмъ нравы законамъ, — повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ; — послѣдняго бегъ насилія сдѣлать не можно». Такимъ образомъ, «исправляя обычаи и нравы, должно быть весьма осторожну». «Дѣлая переменны или вводя новости, нужно наблюдать, чтобы оныя соотвѣтственны были нравамъ, обычаямъ, времени, мѣстоположенію, обстоятельствамъ, а паче климату; владѣтельство его есть главнѣйшее изъ всѣхъ: всякое предписаніе, узаконеніе, усънающееся его законовъ, будетъ безполезно, тщетно, вредно». Такъ, на примѣръ, «примѣчено многими, что съ тѣхъ поръ, какъ стали мы устра-

няться обычаевъ нашихъ предковъ и начали жить, сообразуясь иностраннымъ, сдѣлалися мы слабѣе, чаще подвержены стали быть болѣзненнымъ припадкамъ» и стали менѣе долговѣчными. «Главными тому причинами,—заканчиваетъ Болтинъ эту иллюстрацію,—полагаю уничтоженіе обычая ходить въ бани и введеніе французской поварни» *).

Какъ видимъ, Болтинъ дѣлаетъ изъ своей схемы не совсѣмъ осторожное практическое употребленіе. Но нельзя не признать, что по самому своему свойству эта схема, признававшая непрерывность традиціи и единство «нравовъ» на всемъ протяженіи русской исторіи, была какъ нельзя болѣе удобна для составленія перваго цѣльнаго взгляда на русскую исторію. Она была цѣнна уже тѣмъ, что заставляла историка обращать преимущественное вниманіе на факты внутренней исторіи, и въ фактахъ внутренней исторіи искать преемственности, внутренней связи. Основнымъ фактомъ внутренней исторіи, доступнымъ наблюденію тогдашняго историка, была прежде всего исторія законодательства. Всѣ данныя для такой исторіи были подготовлены Татищевымъ, но Болтинъ соединилъ ихъ въ одно цѣлое съ помощью своей идеи—зависимости «законовъ» отъ «нравовъ». «Нравы» народа оставались одинаковыми до раздробленія на удѣлы; слѣдовательно, и законы должны были быть одни и тѣ же на всемъ протяженіи исторической жизни, и до, и послѣ Ярослава. Такимъ образомъ, Русская Правда есть исконное право древнихъ руссовъ, нѣсколько видоизмѣненное только при слияніи руссовъ со славянами, такъ какъ «по несходству нравовъ» тѣхъ и другихъ пришлось приспособлять другъ къ другу и ихъ «законы». Затѣмъ «по мѣрѣ измѣны нравовъ» должно было перемѣнять и законы. Тѣ законы, кои при единоначальствѣ были приличны, стали быть по раздѣленіи на удѣлы, а паче и подъ игомъ варваровъ, ненужными, неудобными». Поэтому появились новые удѣльные законы, въ каждомъ удѣлѣ различныя. Этотъ второй періодъ въ исторіи законодательства продолжался до возстановленія единодержавія. Послѣ этого возстановленія Иванъ III и Василій III дѣлали попытки издать вновь новые законы; но попытки эти не удались, такъ какъ не успѣла еще сгладиться разница нравовъ, произведенная удѣльнымъ періодомъ. «Нельзя было согласить законовъ, не соглася прежде нравовъ, мнѣній и пользы: время одно могло безъ насильства произвести сію перемѣну». «Время» это, «благопріятное» для перемѣны, наступило при Иванѣ IV, «понеже почти всѣ уже удѣлы присоединены были къ единодержавію»; поэтому-то и удалось ему исправленіе стараго *Судебника*, который Болтинъ считаетъ тождественнымъ съ *Русскою Правдой* или, точнѣе, тождественнымъ съ тѣмъ древнимъ правомъ, изъ котораго *Русская Правда* сохранила отрывки. Такимъ образомъ, единство законовъ было возстановлено съ возстановленіемъ единства нравовъ. И позднѣе, съ изданіемъ V. женія, непрерывная юридическая традиція продолжала сохраняться. Кон-

*) *Примечанія на Лекерка*, II, стр. 162; 423, 242, 153, 160, 141, 159, 159, 316; I, стр. 316; II, стр. 355, 339, 370.

но, «прибыли нужды, прибавлены и законы»; но, восстановленное въ *Судебникѣ*, древнее русское право «даже и по сочиненіи *Уложения* не было отрѣшено, ибо и въ немъ во многихъ мѣстахъ ссылка дѣлается на *Судебникъ* и прежніе уставы». Въ значительной степени, старое право было, однако же, «отрѣшено», вопреки схемѣ Болтина; недовольный этимъ, онъ постоянно подчеркиваетъ, что измѣненные и отмѣненные статьи «по прежнимъ законамъ были лучше учреждены, разсмотрительнѣе и благоразсуднѣе уложены, обстоятельнѣе и яснѣе истолкованы, нежели въ *Уложении*» *).

Зная и общую схему Болтина, и опытъ приложенія ея къ русской исторіи, мы теперь лучше поймемъ, почему такъ неравномѣрно распредѣляется интересъ Болтина къ различнымъ сторонамъ историческаго изученія. Мы видѣли, какъ непростительно небрежно онъ относился къ ознакомленію съ внѣшней исторіей новой Россіи и съ исторіей новой литературы. Тѣ и другія явленія казались ему, очевидно, слишкомъ случайными, слишкомъ единичными съ точки зрѣнія его общей схемы. Напротивъ, гдѣ являлась возможность изучать постоянныя, устойчивыя явленія, или гдѣ можно было прослѣдить одинъ изъ органическихъ процессовъ исторіи, — любознательность Болтина беретъ верхъ надъ его диллетантизмомъ, онъ хлопочетъ о собираніи матеріаловъ, совершенно независимо отъ Леклерка и отъ необходимости возражать ему; онъ добываетъ справки, забирается для этого даже въ свой архивъ — военной коллегіи. Таковы его историко-статистическія, историко-этнографическія и историко-географическія работы, его этюды по социальной исторіи, — преимущественно по исторіи крестьянства, разбросанныя среди двухъ томовъ *Примѣчаній на Леклерка*. По статистикѣ населенія онъ добываетъ цифры подушныхъ переписей, болѣе детальныя цифры по отдѣльнымъ намѣстничествамъ, справляется о количествѣ людей взятыхъ въ рекруты за цѣлое столѣтіе, вычисляетъ общее количество народонаселенія. По этнографіи онъ даетъ списки древняго и новаго населенія Россіи и Сибири. По географіи онъ составляетъ описанія намѣстничествъ, даетъ общій очеркъ физической географіи Россіи и Сибири, набрасываетъ въ общихъ чертахъ ходъ русскихъ завоеваній и колонизаціи, наконецъ, не можетъ устоять передъ соблазномъ написать, кстати или некстати, полное описаніе древней татарской дороги на Русь по «Книгѣ большого чертежа». По социальной исторіи онъ пишетъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ экскурсовъ по исторіи развитія вѣрнопостного права, по современному хозяйственному и юридическому положенію крестьянства и т. д. Заразъ и къ этнографіи, и къ географіи, и къ социальной исторіи относятся значительныя по объему отдѣлы, посвященные исторіи казачества и Малороссіи. Во всѣхъ этихъ этюдахъ и экскурсахъ онъ постоянно исходитъ отъ современности и постоянно къ ней возвращается. Эта связь настоящаго съ прошлымъ въ изученіяхъ Болтина, его постоянные переходы отъ добытаго специальною научною работою къ тому, что полу-

*) *Примѣчанія на Леклерка*, I, стр. 314—319, 322, 326, 450, 453, 323, 327, 466.

чено путем живой исторической традиции, что «известно всемъ» современникамъ, — связь, трудно расчленимая, и переходы, часто совершенно неудовимые, — должны предостеречь насъ отъ слишкомъ позднѣшнихъ заключеній о томъ, какую роль во всей этой работѣ играло его личное творчество. Очень многое изъ высказанныхъ имъ мнѣній высказывалось давно и помимо Болтина, и даже въ литературной формѣ. Ограничиваясь одними сочиненіями Щербатова, можно было бы указать рядъ пунктовъ, по которымъ оба литературные противника держались однихъ и тѣхъ же мнѣній, — не потому, чтобы самостоятельно пришли къ одинаковымъ выводамъ, а потому, что эти мнѣнія составляли общій умственный обиходъ мыслящихъ людей того времени. Такимъ образомъ, далеко не все то, что Болтинъ первый сказалъ печатно, — онъ первый и выдумалъ.

Какъ бы то ни было, собранные въ одинъ фокусъ екатерининскаго стародумства, всѣ эти историческіе объясненія и выводы сообщили *Примѣчаніямъ на Леклерка* значеніе крупнаго общественнаго событія, — независимо отъ количества потраченной на нихъ кабинетной ученой работы. Не писавши исторіи, Болтинъ сразу сталъ первымъ русскимъ историкомъ и занялъ мѣсто, никогда никому не принадлежавшее, — не то что философа русской исторіи, но, во всякомъ случаѣ, — человека впервые думавшаго надъ русской исторіей и впервые появившаго ее, какъ живой и цѣльный органическій процессъ.

Въ числѣ пособій, оставленныхъ въ сторонѣ Болтинымъ, находилась и исторія Щербатова. «Начавъ дѣлать возраженія на Леклерка, — писалъ онъ позднѣе, — не имѣлъ я при себѣ исторіи Щербатова; и хотя бы могъ ее испросить у пріятелей моихъ на поддержаніе, но я не признавалъ ее необходимою для моей работы, имѣя у себя Нестора, Татищева, одну старинную лѣтопись и Лелева; да и справки дѣлалъ я рѣдко съ русскими книгами... Возражая мѣста, находимыя мною несправедливыми и сумнительными въ исторіи Леклерковой, не входило мнѣ въ голову, что я противорѣча имъ, воспротиворѣчу и князю Щербатову... Словомъ сказать, кончилъ я мои примѣчанія на Леклерка, не заглянувъ ни единожды въ его исторію, и для того ни въ одномъ мѣстѣ на нее не ссылался... упомянулъ же единожды имя его при означеніи ошибки его въ словѣ «гребля» по памяти, читавъ прежде его исторію». Къ этому упоминанію надо, впрочемъ, прибавить два другихъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ томъ, что Болтинъ и тогда считалъ Щербатова источникомъ многихъ ошибокъ Лелева и Леклерка *). Вызванный этими намеками, кн. Щербатовъ въ слѣдующемъ же году по выходѣ *Примѣчаній на Леклерка* напечаталъ «Письмо къ одному пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя оуленія, учиненныя его исторіи отъ г. г.-м. Болтина». Болтинъ въ томъ же (1789) году издалъ свой *Отѣтъ*, въ которомъ, указавши уже прямо нѣ-

*) *Отѣтъ* Болтина, стр. 63—64, прим.; I, стр. 265—266, 272 (объ „ошибкахъ и недостаткахъ, встрѣчающихся въ писателяхъ нынѣшнихъ, кои г. Лелеву были путеводителями“ и „кои заимствовалъ онъ, Леклеркъ, отъ другихъ по-невогѣ“), 280.

которыя ошибки Щербатовской исторіи, намекнулъ, что будетъ продолжать разборъ ея. Къ этому разбору онъ и приступилъ немедленно; въ 1792 г. онъ представилъ уже свои новыя «примѣчанія» черезъ Мусина-Пушкина императрицѣ Екатеринѣ II. Щербатовъ, въ свою очередь, не выдержалъ; давши еще въ *Лисьмъ* обѣщаніе не продолжать полемику, онъ, однако, написалъ толстый томъ «Примѣчаній на отвѣтъ» Болтина. Полемика такъ и не суждено было кончиться при жизни авторовъ. Щербатовъ умеръ въ 1790 г., Болтинъ въ 1792 г.; примѣчанія обоихъ были напечатаны уже послѣ ихъ смерти: Щербатовскія (анонимно) въ 1792 г., Болтинскія—въ 1793—94 гг. въ двухъ томахъ. Воспользоваться «примѣчаніями» Щербатова» Болтинъ уже не успѣлъ.

Критическія примѣчанія Болтина на первыя два тома исторіи Щербатова имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ *Примѣчанія на Леклерка*. Исторія Леклерка дала ему поводъ высказать свое общее міровоззрѣніе и общій взглядъ на прошлое и настоящее Россіи. Критика Щербатова служить ему поводомъ для дальнѣйшаго спеціальнаго изученія домонгольскаго періода русской исторіи, который и раньше былъ ему наиболѣе извѣстенъ. Всѣ возраженія Болтина противъ Щербатова можно свести къ двумъ категоріямъ. Съ одной стороны, онъ пускаетъ въ дѣло свои спеціальныя свѣдѣнія по исторической географіи и исторической этнографіи древней Руси и на каждомъ шагу показываетъ полнѣйшее незнакомство Щербатова съ этими вспомогательными дисциплинами. Щербатовъ смѣшиваетъ Владиміръ Волынской съ Владиміромъ Суздальскимъ и большую часть событій, относящихся къ первому, относитъ ко второму; точно также, онъ мѣшаетъ Переяславль южный съ Переяславлемъ - Залѣскимъ, Литву съ Польшей, ватичей передвигаетъ съ верховьевъ Оки на Вятку, народъ зимоголовъ превращаетъ въ собственное имя какого-то «Зимегора», а изъ племени сосоловъ дѣлаетъ нарицательное существительное «соль»; не имѣетъ никакого понятія о границахъ Руси и отдѣльныхъ княженій и т. д. Съ другой стороны, онъ доказываетъ неумѣнье Щербатова читать лѣтописи, происходящее отъ незнакомства съ лѣтописнымъ языкомъ и терминологіей, и неумѣнье выбирать между лѣтописными извѣстіями и вариантами, происходящее отъ недостатка критики. Щербатовъ слово «стягъ» превращаетъ въ «стогъ», изъ словъ «вежа» и «стрѣлень» дѣлаетъ собственные имена, «идти по немъ» (т.-е. противъ него) переводитъ «идти на помощь къ нему», изъ одного князя дѣлаетъ пятерыхъ и т. д. Въ общемъ, Болтинъ доказалъ, дѣйствительно, что кн. Щербатовъ «предпріялъ быть историкомъ, но читавъ прежде исторіи», что первые томы его исторіи показываютъ «крайнее небреженіе и невниманіе, незнаніе исторіи, географіи и русскаго языка». Но чтобы быть справедливымъ, надо прибавить, что и самъ Болтинъ гипотезамъ Щербатова противопоставлялъ иногда собственные гипотезы, еще болѣе далекія отъ истины: такъ отвергая приуроченіе Тмутаракани къ Азову, конечно невѣрное, онъ упорно настаивалъ на отождествленіи Тмутаракани сперва съ Рязанью, гдѣ искалъ ее и Татищевъ, потомъ съ од-

нимъ городищемъ на Ворсклѣ; нападая на почти вѣрное чтеніе лѣтописи «Шеренскъ», онъ предлагалъ замѣнить его небывалымъ городомъ «Ршенескомъ», заимствованнымъ у Татищева, и т. д. Еще чаще постигаютъ его неудачи, когда онъ принимается критиковать Щербатовское пользованіе лѣтописями. Мы видѣли, что Щербатовъ составлялъ свой текстъ по значительному количеству рукописныхъ списковъ, преимущественно изъ синодальной и патриаршей библиотекъ, и, какъ и слѣдовало, совершенно независимо отъ свода Татищева. Для Болтина Татищевскій сводъ остается основнымъ источникомъ свѣдѣній; нѣсколько разъ онъ повторяетъ одно и тоже утвержденіе: «не примѣчено, чтобъ онъ (Татищевъ) единое слово, не только рѣчь или цѣлое бытіе, отъ себя къ тексту повѣствованія гдѣ прибавилъ, но токмо исправлялъ погрѣшности и пополнялъ упущенія изъ другихъ лѣтописей; свои-жь мнѣнія и разсужденія писалъ въ примѣчаніяхъ, а потому и повѣствованіе его достойно есть совершенныя довѣренности» *). Такъ ли это на самомъ дѣлѣ, мы еще увидимъ впоследствии; теперь замѣтимъ только, что и самъ Болтинъ долженъ былъ нѣсколько разъ предположить, что Татищевъ вводилъ въ текстъ «свои догадки», «направляемъ будучи внимательнымъ разсужденіемъ» **). Эти догадки Болтину случается противопоставлять тексту Щербатова, какъ подлинныя свидѣтельства «нашихъ лѣтописей» ***). Тамъ, гдѣ справка съ Татищевымъ разрѣшаетъ недоумѣніе, вызванное чтеніемъ Щербатовской исторіи, Болтинъ обыкновенно эту справку и ограничивается. Если необходимо дальнѣйшее сличеніе текстовъ, Болтинъ обращается къ печатнымъ изданіямъ кенигсбергскаго и никоновскаго списковъ; наконецъ, послѣдній его ресурсъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, когда уже специально заинтересуется какимъ-нибудь отдѣльнымъ мѣстомъ,—это справки въ рукописныхъ спискахъ его собственной библиотекы. Если и послѣ всѣхъ этихъ справокъ Болтинъ находитъ у Щербатова что-нибудь лишнее или противорѣчающее извѣстнымъ ему спискамъ лѣтописи, онъ уже безъ дальнѣйшихъ колебаній обвиняетъ Щербатова въ выдумкахъ, искаженіяхъ и т. д. Такимъ образомъ, ему случается обозвать «бредомъ», «сказками», «баснями» и т. п. самыя достовѣрныя и подчасъ очень интересныя данныя древнѣйшей новгородской лѣтописи, воскресенскаго списка и другихъ, неизвѣстныхъ ему, но извѣстныхъ Щербатову лѣтописныхъ текстовъ ****). Насколько недостаточны бывають его ученые средства, когда онъ пытается возстановить исторію лѣтописнаго

*) *Отчеты* Болтина, стр. 62; примѣч. на Щерб. II, стр. 128, 187, 326.

***) *Отчеты*, стр. 20; прим. на Щерб., II, стр. 308.

***). Наприм., примѣч. на Щерб. II, стр. 29, объ убіеніи Глѣба въ Заволочь *Емлю*. Что Емь жила въ Заволочь (на Сѣв. Двинѣ), это ошибочное предположеніе Татищева, внесенное имъ въ свой сводъ.

****) Наприм. прим. на Щерб. II, стр. 105—7, и Лавр. с. а; 160—161, 353—354 и *Полн. собр. р. лѣт.* III, стр. 20; 427 и *П. с. р. л.* III, стр. 37; 429 и *П. с. л.* VII, стр. 127; 431, 441 и *П. с. л.* VII, стр. 130; 458 и *П. с. л.* I, стр. 196, III, стр. 48, VII, 138; 472 и *П. с. л.* I, стр. 221; III, стр. 50. Сюда же слѣдуетъ отнести

текста, лучше всего видно изъ того самаго параграфа *Примъчаній*, который перепечатанъ М. И. Сухоминовымъ, какъ образецъ Болтинской критики: фактъ, что въ Переяславлѣ была митрополія (по Болтину «пустота не стоящая возраженія»), признается за несомнѣнный новѣйшими историками церкви, а сообщающая объ этомъ фраза, прибавленная, по мнѣнію Болтина, позднѣйшими переписчиками, находится въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи *).

Въ послѣдній годъ жизни Болтина напечатанъ былъ текстъ *Русской Правды* съ его переводомъ и комментаріями; въ томъ же году, по порученію Екатерины II, Болтинъ написалъ примѣчанія на ея драму «историческое представленіе изъ жизни Рюрика» **). Обѣ работы, точно также какъ и *Примѣчанія на Щербатова*, показываютъ, что въ послѣдніе годы жизни Болтинъ все болѣе углублялся въ изученіе древняго періода русской исторіи. Успѣхи этого изученія не трудно отмѣтить, если сравнить объясненія Болтина къ *Русской Правдѣ*, какія онъ давалъ въ *Примѣчаніяхъ на Деклерка* съ тѣми, которыя онъ составилъ для изданія 1792 года; эти успѣхи видны также изъ все большей и большей самостоятельности, съ какою онъ началъ относиться къ мнѣніямъ Татищева ***). Въ сожалѣнію, болѣе цѣльныхъ плодовъ отъ этой поздней специализаціи Болтина не пришлось дожидаться; здоровье его въ эти послѣдніе годы очень мѣшало его занятіямъ. Болтинъ умеръ, не успѣвъ подвести итога своей специальной работѣ; и если бы даже онъ прожилъ долѣе, мы получили бы этотъ итогъ не въ видѣ

и ту „визную стужу“ при осадѣ лѣтомъ Торческа, на которую трижды нападали Болтинъ, про источникъ которой забылъ и самъ Щербатовъ, между тѣмъ какъ этимъ источникомъ были, очевидно, слова лѣтописи: „визною оцѣпляеми“.

*) *Голубинскій*: „Ист. р. церкви“, I, стр. 285—286, 565. Лавр. s. a. 1089. По Голубинскому и „строеііе банное“ есть настоящая баня, а не баптистерій, *ibid.*, стр. 565—566.

**) По свѣдѣніямъ А. О. Бычкова, Екатерина обращалась къ Болтину также за объясненіями темныхъ мѣстъ лѣтописей для своихъ *Записокъ касательно російской исторіи* (вѣроятно, для отдѣльнаго изданія, 1787—95 гг., а не для изданія въ *Собесѣдникѣ любителей рос. слова 1783—84* гг.?) Сб. Р. Ист. Общ. XIII, стр. X. Любопытно сопоставить съ этимъ одно обстоятельство: въ примѣчаніяхъ на Деклерка Болтинъ дѣлаетъ выгодную характеристику князя Константина Всеволодовича; въ прим. на Щербатова онъ повторяетъ эту характеристику съ прибавкой: „Одно только мнѣ не нравится въ семь государѣ, что онъ упражнялся въ сочиненіи книгъ, ибо упражненіе такое для государя неприлично, ниже для забавы, дабы со временемъ не обратилоя въ пристрастіе“. II, 423. Неужели Болтинъ рѣшился бы написать эти строки въ текстѣ, поднесенномъ государынѣ, послѣ того, какъ получалъ и исполнялъ ея порученія по ученой части? Разясненія относительно участія Болтина въ *Запискахъ* должны заключаться въ черновыхъ матеріалахъ для этихъ *Записокъ*, хранящихся въ госуд. архивѣ. *Иконниковъ*, I, стр. 773.

***) Такъ, „вирника“ онъ уже не считаетъ болѣе „помѣщникомъ“, какъ въ прим. на Лекл. I, 232, а „уголовнымъ судьей, производившимъ слѣдствіе и судъ объ убійствѣ“. Исслѣдованіе о „гривнѣ“ сдѣлано гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ въ Лекл. I, стр. 62—63. Мнѣнія Татищева исправляются нѣсколько разъ: при объясненіи словъ гридня, ключъ, куна, рѣвъ, тиунъ, ябетникъ (см. эти слова въ I т. *Указателя законовъ* Максимовича, оглавленіе, въ которомъ перепечатаны примѣчанія Болтина къ Р. II.).

какой-нибудь цѣльной исторической работы по древней исторіи, а въ видѣ осуществленія его завѣтной мечты: составить словарь, первое начало котораго было положено «выписками для уразумѣнія древнихъ лѣтописей, съ изъясненіемъ древнихъ словъ, изъ употребленія вышедшихъ, и географическихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ»: такъ обозначаетъ митр. Евгеній содержаніе извѣстнаго намъ *Словаря географическаго* (1779—1783 гт.). Въ послѣдніе годы жизни планъ этого словаря расширился и словарь раздѣлился на два. Съ одной стороны, Болтинъ принялся за составленіе *географическаго* словаря, или «историческаго и географическаго описанія намѣстничествъ», матеріалы для котораго, по распоряженію Екатерины, доставлялись ему изъ губерній. Какъ видно изъ *Примѣчаній на Деклерка*, нѣкоторые матеріалы этого рода онъ получилъ уже къ 1786 г. *). Съ другой стороны, онъ предложилъ русской академіи планъ изданія *толковаго* словаря русскаго языка, въ которомъ бы находилось «не только о всѣхъ словахъ, писаніяхъ или рѣченіяхъ, но и о всѣхъ вещахъ, тѣми рѣченіями означаемыхъ, достаточное истолкованіе, т.-е. касательно *словъ* и рѣченій извѣщеніе объ ихъ происхожденіи, знаменованіи, употребленіи и проч.; касательно *вещей*, тѣми рѣченіями означаемыхъ,— описаніе о ихъ природѣ, свойствѣ, образѣ составленія ихъ, разнствія другихъ тождеродныхъ и проч.». Такъ какъ академія отказалась отъ выполненія этого плана, то онъ, повидимому, принялся за осуществленіе его самъ: въ его рукописяхъ найдена была готовою буква *А* «толковаго словено-русскаго словаря» и матеріалы для его продолженія. Географическій словарь также остановился въ самомъ началѣ.

По старой привычкѣ, установившейся еще съ прошлаго вѣка, сравненіе между двумя современниками и противниками, Болтинымъ и Щербатовымъ, всегда дѣлалось не въ пользу послѣдняго. Можетъ быть, таково было, дѣйствительно, впечатлѣніе, произведенное на современниковъ личностями обоихъ историковъ; конечно, это впечатлѣніе могло только закрѣпиться исходомъ литературнаго поединка, въ которомъ всѣ преимущества были на сторонѣ нападающаго. Личнаго впечатлѣнія современниковъ мы не можемъ, конечно, провѣрить и должны до извѣстной степени ему довѣрять, тѣмъ болѣе, что преимущества ума и таланта Болтина доказываются его литературными произведеніями. По отношенію къ общимъ историческимъ взглядамъ эти преимущества ставятъ Болтина, безусловно, внѣ всякаго сравненія съ Щербатовымъ. Но однихъ этихъ преимуществъ мало для по-

*) Описаніе „историческое, географическое и статистическое“ составлялось по слѣдующему плану (митр. Евгеній, *Словарь сотт. пис.*): „древнее и нынѣшнее состояніе народовъ и городовъ, мѣстоположеніе, границы, нравы, обычаи и суевѣрія, число жителей, ихъ промыслы, почвы земли, рѣки, озера, произрастенія, государственные доходы, выгоды и недостатки“. Болтинъ успѣлъ составить описаніе Владимирскаго, Киевскаго и Черниговскаго намѣстничествъ; содержаніе этихъ описаній можно отчасти возстановить, сопоставляя цитаты изъ нихъ у Мусина-Пушкина (*Истор. изсл. о Тмутарак. княж.*, VIII, XXXII, XXXIX, LVIII, LXXI, LXXII) съ соотв. статьями геогр. словаря Щекатова.

Иды въ специальной ученой полемикѣ, и здѣсь побѣда далеко не была такою полною, какъ казалось современникамъ и многимъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Разрушить дѣло Щербатова или повести его дальше нельзя было, не овладѣвъ всѣмъ его матеріаломъ, а мы видѣли, какъ было далеко въ этомъ отношеніи Болтина до Щербатова. И даже поскольбу критика Болтина дѣйствительно разрушала исторію Щербатова, она, въ большинствѣ случаевъ, не вела изслѣдованія дальше, а возвращала его къ результатамъ, давно уже достигнутымъ Татищевымъ. Собственная изслѣдовательская работа Болтина начата была слишкомъ поздно, продолжалась слишкомъ короткое время и — для этого промежутка времени — слишкомъ разбрасывалась въ разныя стороны, чтобы дать сколько-нибудь крупныя результаты. Безспорно видное мѣсто принадлежитъ Болтину въ исторіи русской исторической мысли; но и здѣсь необходимо сдѣлать оговорки. При всей своей оригинальности, мысль Болтина двигалась, въ сущности, какъ это увидимъ, въ традиціонныхъ рамкахъ исторической теоріи XVIII в. Въ ней было очень много своеобразнаго, характернаго для настроенія времени и кружка, къ которому принадлежалъ Болтинъ; но все это своеобразное умерло вмѣстѣ съ авторомъ и съ вѣкомъ, создавшимъ его убѣжденія. Отъ Болтина нельзя вести никакой школы, никакого историческаго направленія; его историческая дѣятельность не создала никакого переворота въ ходѣ русской исторіографіи, а скорѣе сама была отголоскомъ того подъема научныхъ и теоретическихъ требованій, который становится замѣтнымъ въ концѣ столѣтія. Самое драгоцѣнное свойство, дававшее основной тонъ его ученой работѣ — чутье реальности, широкое пониманіе явленій общественной и политической жизни, живая связь съ историческою традиціей и внесеніе опыта государственной дѣятельности въ изученіе прошлаго, — словомъ, все то, что расширяло изслѣдовательскій кругозоръ нашихъ историковъ любителей прошлаго вѣка, — все это скорѣ послѣ Болтина должно было надолго исчезнуть изъ ученаго оборота нашей исторіографіи. Перечитывая теперь, когда научный реализмъ снова сдѣлался лозунгомъ историческаго изученія, эти страницы, покрытыя столѣтнею пылью, иногда съ удивленіемъ замѣчаешь, что между ними и нами гораздо меньше разстоянія, чѣмъ между нами и гораздо болѣе близкими къ намъ предшественниками. И это совершенно понятно: подъ тяжеловѣсными, устарѣвшими фразами историковъ XVIII в. мы чувствуемъ бѣненіе настоящей жизни, надолго изгнанной изъ сферы историческаго изученія ихъ преемниками и замѣненной школьнымъ пониманіемъ исторіи; водворить вновь эту жизнь, какъ необходимый и единственно-возможный предметъ научнаго анализа составляетъ нашу теперешнюю задачу. Но что же дѣлали въ промежуткѣ наши предшественники? Какую задачу они выполняли? На эти вопросы мы пошлемъ отвѣта впоследствии.

П. Милоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чарльзъ Дарвинъ и его теорія.

(Life and Letters of Charles Darwin including an autobiographical chapter. Edited by his son Francis Darwin. In three volumes. London. John Murray).

Мы не станемъ излагать здѣсь даже вкратцѣ теорію Дарвина, предполагая ее достаточно общезвѣстною. Мы только разсмотримъ здѣсь нѣкоторыя возраженія противъ этой теоріи и затѣмъ кратко изложимъ исторію ея возникновенія, появленія въ печати и первоначальнаго распространенія. Изъ всей массы возраженій мы займемся только одною, совершенно особою и своеобразною категоріей ихъ. Мы оставимъ въ сторонѣ возраженія серьезные и научныя, которыя взвѣшены, оцѣнены по достоинству или отвергнуты учеными специалистами, а также и всю громадную массу возраженій невѣжественныхъ, недобросовѣстныхъ, ребяческихъ и совершенно вздорныхъ; и на нихъ, къ сожалѣнію, потрачено много времени и труда, и они тоже оцѣнены по достоинству, разоблачены во всей ихъ невѣжественной наготѣ и недобросовѣстности и покрыли позоромъ самихъ возражателей. Остановимся же мы только на возраженіяхъ, исходящихъ отъ людей, въ общемъ согласныхъ съ Дарвиномъ, признающихъ исходную точку его теоріи, но не сочувствующихъ руководящему принципу ея, именно только не сочувствующихъ; эти люди не принимаютъ теоріи Дарвина не по какимъ-нибудь теоретическимъ основаніямъ и аргументамъ, а только по сердечному нерасположенію къ ней, потому что она не удовлетворяетъ ихъ нравственному чувству; имъ, такъ сказать, не нравится только внѣшній обликъ ея, а не ея внутренняя сущность. Это, строго говоря, даже не возраженія, а дружественные упреки ей и сожалѣнія о томъ, что эта теорія легко поддается перетолкованію въ дурную сторону.

Эти возраженія нигдѣ не собраны въ печати полною коллекціей и не формулированы систематически и подробно, а разсѣяны по разнымъ мѣстамъ и попадаютъ въ видѣ отступленій и попутныхъ замѣчаній. Часто также приходится слышать ихъ во время устныхъ дебатовъ по поводу теоріи Дарвина. Смыслъ этихъ возраженій сводится къ слѣдующему. Теорія

Дарвина жестока, безжалостна и безчеловѣчна, безнравственна и анти-социальна; она освящаетъ принципъ вражды, ненависти, борьбы. Дарвинъ реставрируетъ и реабилитируетъ варварскій принципъ грубой силы; его теорія жестокосердо осуждаетъ на гибель все слабѣйшее; она выноситъ смертный приговоръ всему слабосильному, не умѣющему бороться и побѣждать, несмотря на то, что по другимъ своимъ качествамъ оно нуждалось бы въ поддержкѣ и покровительствѣ. Дарвинъ распространилъ на всю природу жестокой принципъ, разъѣдающій человѣческія общества,—принципъ необузданнаго, зложелательнаго соперничества, называемаго для благозвучія свободною конкуренціей; своимъ авторитетомъ естествоиспытателя онъ подтверждаетъ и усиливаетъ политико-экономическое *vae victis* своего соотечественника Мальтуса; всею силой многосложной и обширной ученой аргументаціи и эрудиціи онъ доказываетъ, что не только въ человѣческихъ обществахъ, но и во всей органической природѣ неограниченно и безусловно царствуетъ принципъ: умри, околѣй съ голоду, если ты не съумѣлъ съ бою достать себѣ мѣста за столомъ, на которомъ помѣщается всякое пропитаніе. Только англичанину, живущему среди самаго полнаго и роскошнаго развѣта буржуазной конкуренціи и плутократическаго соперничества, могла придти въ голову такая идея. И вотъ такой-то жестокой и неблаговидный въ нравственномъ отношеніи принципъ составляетъ краеугольный камень теоріи Дарвина; онъ святотатственно возведенъ имъ на священную степень дѣятельной и благодѣтельной силы, вызывающей и направляющей развитіе и прогрессъ органической жизни на землѣ. Теорія Дарвина—это громадный вопіющій парадоксъ; по его представленію, стройное развитіе и совершенствованіе органическихъ формъ возникло изъ хаоса, борьбы, вражды, взаимноразрушенія и разрушенія. О любви, согласіи, взаимопомощи, братствѣ, поддержкѣ слабого и немощнаго, объ этихъ великихъ зиждительныхъ нравственныхъ силахъ нѣтъ ни слова въ теоріи Дарвина; онъ ихъ игнорируетъ и все отдастъ въ жертву противоположнымъ силамъ. Понятно послѣ этого, что всякое животное хищничество, всякое своекорыстное зложелательство и эгоистическое соперничество находятъ себѣ защиту подъ сѣнью теоріи Дарвина.

Подобнаго рода возраженія и упреки до такой степени не серьезны, что незовольно чувствуется неловкость при ихъ опроверженіи, потому что въ этомъ случаѣ приходится говорить почти все трюизмами. Прежде всего, нужно замѣтить, что ужъ если бы теорія Дарвина до такой степени благопріятствовала буржуазной конкуренціи и эксплуатаціи и своекорыстной плутократіи, то общественные представители этихъ элементовъ и ихъ естественные защитники и покровители встрѣтили бы теорію съ распростертыми объятіями и съ шумными криками одобренія, чего, какъ извѣстно, на дѣлѣ не было, а было совсѣмъ противоположное. И въ настоящее время самыми ожесточенными противниками Дарвина оказываются тѣ сферы, которыя служатъ опорами и столбами буржуазной эксплуатаціи и всякой экономической и политической неправды. И это совершенно понятно, пото-

му что ударъ, нанесенный этимъ сферамъ теоріей Дарвина, потрясеній весьма существенные традиціонные предрассудки, былъ гораздо дѣйствительнѣе и важнѣе, чѣмъ эта мнимая услуга, оказанная будто бы ею памяти эксплуатаціи и эгоистическаго соперничества. Далѣе, предположимъ, что теорія Дарвина дѣйствительно противорѣчитъ моральнымъ чувствамъ чело-вѣка и его социальнымъ инстинктамъ. Въ области морали и социологіи это возраженіе могло бы еще имѣть значеніе при обсужденіи какой-нибудь новой моральной или социологической теоріи, но въ естествознаніи, въ области біологіи, этотъ аргументъ не можетъ имѣть никакого значенія; здѣсь онъ просто неумѣстенъ. Это все равно, какъ если бы кто-нибудь сталъ опровергать естественно-научную теорію эстетическими аргументами, хотя впрочемъ, случается слышать и даже читать и подобную нелѣпость. Естественно-научная теорія можетъ быть опровергаема и опровергнута только фактами и аргументами изъ области естествознанія. Естествознаніе изучаетъ природу, существующую внѣ человѣческаго субъекта, и если факты и явленія этой природы подтверждаютъ какую-нибудь теорію, то противъ нея бес-силна вся человѣческая субъективная мораль и эстетика. Внѣшняя природа возникла до чело-вѣка, независимо отъ чело-вѣка и не для чело-вѣка, и онъ самъ есть продуктъ ея. Поэтому чело-вѣку не подлѣ силу мѣрять и критиковать природу своею субъективною этико-социологическою мѣркою. Антроп-центрическая точка зрѣнія на природу, подобно блаженной памяти геоцентрической теоріи, отошла уже въ область преданія. Шопенгауэръ или Гартманъ могутъ находить, что природа устроена скверно, что можно было бы, пожалуй, устроить болѣе совершенную и идеальную природу по рецепту ихъ философіи. Но трезвый естествоиспытатель, изучающій природу, старается познать и по-любить ее, какъ она есть фактически, считая идеальную природу фантазіей, а моральные укоры—по меньшей мѣрѣ, излишними. Конечно, между фактической природой и чело-вѣкомъ, какъ частью и продуктомъ ея, не можетъ быть несоотвѣтствія, диссонанса или антагонизма; но если они существуютъ, то это вина чело-вѣка, что онъ не умѣлъ сообразоваться съ природой или приспособиться къ ней, или даже не вина, а несчастье, вы-ходъ изъ котораго зависитъ, все-таки, отъ чело-вѣка, такъ какъ въ общемъ относительно природы съ цѣлью измѣненія ея онъ безсиленъ и долженъ уступать и подчиняться ей. Гельмгольцъ находитъ, что глазъ чело-вѣка устроенъ въ оптическомъ отношеніи весьма несовершенно и что если бы оптикъ сдѣлалъ для него по его заказу инструментъ съ такими несовер-шенствами, какія представляетъ нашъ глазъ, то онъ прогналъ бы оптика и не принялъ отъ него сдѣланнаго по заказу инструмента. Но что же намъ дѣлать съ нашимъ глазомъ? Какъ бы онъ ни былъ несовершенъ, но съ этимъ нужно примириться и всякое сожалѣніе въ этомъ случаѣ, по мень-шей мѣрѣ, было бы излишне. Можно ораторствовать противъ этого съ есте-тической и этической точки зрѣнія сколько угодно и утверждать, что «это божественный органъ души, ея зеркало, что посредствомъ его мы оцѣн-лемъ всю вселенную, что онъ доставляетъ намъ эстетическія и всякія дру-

ія наслажденія,—и ужели же можно признать этотъ органъ несовершеннымъ? Считать его несовершеннымъ могутъ только грубые эмпирики, не идущіе дальше своего носа естествовѣды». Всѣ такія разглагольствованія прекрасны и сантиментальны; но фактически глазъ, все-таки, имѣетъ свои несовершенства, указываемыя наукой; очень жаль, но что же дѣлать? У естествоиспытателя на всѣ эстетическія и этическія возраженія готовъ самый резонный отвѣтъ: мнѣ самому не нравится моя теорія и мнѣ она кажется жестокой и некрасивой; но что же мнѣ дѣлать, если она вѣрна, подтверждается фактами? Мнѣ самому было бы гораздо пріятнѣе, подобно древнему Эмпедоклу, смотрѣть на міръ какъ на истеченіе и воплощеніе Эроса—любви и во всѣхъ его явленіяхъ видѣть проявленіе не борьбы и враждебности, а согласія и любви; но что же мнѣ дѣлать, когда на каждомъ шагу я вижу только вражду и борьбу? Для меня было бы гораздо симпатичнѣе, если бы тигръ и волкъ питались не невинными агнцами, а сѣнцомъ, и мое чувство покровительства животнымъ было бы болѣе удовлетворено, если бы человѣкъ могъ поддерживать свое существованіе, не губя для этого тысячи жизней, тысячи организмовъ животныхъ или растительныхъ. И какъ было бы прекрасно, если бы всѣ живыя существа, не терзая и не истребляя другъ друга, питались бы манною небесной, волкъ съ агнцемъ мирно гуляли бы по лугамъ и т. д.,—словомъ, все бы въ міръ шло такъ, какъ это предполагается въ золотомъ вѣкѣ; но на фактѣ я вижу иное, вижу неумолимый жестокой законъ: одна жизнь поддерживается не иначе, какъ только смертью другой; кто-нибудь непременно долженъ погибнуть; если останется въ живыхъ невинный агнецъ, поколѣетъ волкъ. Какъ говорится въ сказкѣ Салтыкова, волкъ не по своей волѣ жестокъ, «а потому, что комплекція у него каверзная: ничего онъ, кромѣ мясного, ѣсть не можетъ; а чтобы достать мясную пищу, онъ не можетъ иначе поступать, какъ живое существо жизни лишитъ,—однимъ словомъ, обязывается учинить злодѣйство, разбой». Англійскіе ханжи, пока витаютъ въ эмпирияхъ, проповѣдуютъ любовь и братство даже относительно животныхъ и не могутъ безъ слезъ и содроганія говорить и слушать о физиологическихъ опытахъ надъ живыми животными; но какъ только они воснутъ реальной почвы дѣйствительности, сейчасъ же отрезвляются, относятся благодушно и даже поощрительно къ откармливанію домашнихъ животныхъ, къ искусственному произведенію въ нихъ ожирѣнія сердца, печени, почекъ, всѣхъ органовъ и всего организма, что, конечно, доставляетъ животнымъ болѣе продолжительныя мучительныя страданія, чѣмъ всякій физиологическій опытъ, но только не оскорбляетъ чувствъ сердобольныхъ и сантиментальныхъ людей. Словомъ, сердечныя чувствованія человѣка не могутъ служить критеріемъ сужденій о внѣшней природѣ. Свои собственныя человѣческія отношенія человѣкъ можетъ устраивать какъ ему заблагоразсудится; здѣсь моральныя и эстетическія требованія и соображенія вполне умѣстны и безусловно обязательны. А относительно внѣчеловѣческой природы человѣкъ безъ явленъ; она возникла и сложилась до него и помимо него и ему остается

ся только познавать ее, какъ она есть, совершенно независимо отъ чувствъ, какія могутъ возбуждать въ немъ порядки и законы, господствующіе въ ней. Но и не въ одной только внѣшней природѣ господствуетъ борьба и соперничество; они играютъ важную роль и въ человѣческой сферѣ. И естественный испытатель можетъ сослаться на обширную арену человѣческой борьбы, на исторію. Что наполняетъ всю исторію и что обуславливаетъ историческій прогрессъ? Борьба, — борьба народовъ и племенъ, борьба государствъ, борьба религій, борьба сословій, борьба партій, борьба имущихъ и немущихъ, борьба философскихъ, литературныхъ и эстетическихъ школъ, борьба убѣжденій и частныхъ мнѣній и т. д. Въ исторіи встрѣчаются крайне непріятныя вещи, возмущающія нравственное или эстетическое чувство, и историческія событія часто принимаютъ оборотъ крайне нежелательный и возмутительный для самого историка. Однако же, историкъ долженъ быть изображать этотъ оборотъ такимъ, каковъ онъ былъ, и никто не подумаетъ обвинять за это историка и исторію въ безнравственности или безсердечности, или давать предпочтеніе другому историкъ, который изображаетъ этотъ оборотъ не такъ, какъ онъ совершился, а такъ, чтобы онъ соотвѣтствовалъ нашимъ личнымъ моральнымъ и эстетическимъ симпатіямъ. Правда, впрочемъ, какъ въ исторіи, такъ въ естествознаніи и философіи существовали и существуютъ не теоріи только, а цѣлыя системы, построенныя и разукрашенныя такимъ образомъ, чтобы онѣ удовлетворяли такъ называемымъ «потребностямъ человѣческаго сердца» и его порываніямъ къ сверхъопытному, безконечному, хотя въ существѣ дѣла они собственно удовлетворяли только сердечнымъ человѣческимъ слабостямъ, давали пищу сантиментальности, занимали фантазію и щекотали дѣтскій вкусъ къ чудесному. И потому трезвое изслѣдованіе безжалостно разрушало эти теоріи, какъ несоотвѣтствующія суровой дѣйствительности, и считало ихъ просто фантазіями, годными только для умовъ, не имѣющихъ мужества прямо взглянуть въ глаза дѣйствительности, признать ее, какъ она есть, и потомъ уже сообразовать съ нею свои чувства и вкусы.

Очевидно, словомъ, одно то обстоятельство, что теорія Дарвина, объясняющая происхожденіе видовъ естественнымъ подборомъ, руководимымъ борьбою, очень непріятна для чувства и сердоболія, — рѣшительно ничего не говоритъ противъ существа теоріи и не можетъ служить упрекомъ для нея, даже еслибъ эта борьба признавалась единственнымъ факторомъ при образованіи новыхъ видовъ. Но на самомъ дѣлѣ Дарвинъ далекъ былъ отъ мысли считать борьбу единственнымъ факторомъ естественнаго подбора и онъ энергически протестовалъ, когда ему навязывали такую мысль. Напротивъ, онъ самъ ставилъ себя въ заслугу то, что никто не собралъ столько фактовъ, какъ онъ, доказывающихъ измѣненіе органовъ и частей тѣла вслѣдствіе ихъ употребленія или неупотребленія, т.-е. вслѣдствіе ихъ упражненія или бездѣйствія, и что онъ же собралъ не мало фактовъ, указывающихъ на измѣненіе видовъ вслѣдствіе прямого вліянія внѣшнихъ условій и обстоятельствъ. Хотя, съ другой стороны, совершенно вѣрно то

естественный подборъ, руководимый борьбою, Дарвинъ считалъ важнѣйшимъ факторомъ, и всѣ усилія его были, главнымъ образомъ, направлены къ разъясненію этого фактора.

Далѣе, порицатели Дарвина уже слишкомъ грубо представляютъ себѣ борьбу за существованіе. По ихъ представленіямъ, эта борьба ведется преимущественно, если не исключительно, когтями, зубами, кулаками и другими подобными, но непремѣнно грубыми и смертоубийственными приспособленіями, вродѣ войны между людьми—этими вѣнцомъ созданія и царемъ природы, причѣмъ борьба руководствуется ясно сознаваемою и опредѣленно намѣченною цѣлю уничтожить съ корнемъ, истребить противника. При этомъ, конечно, забываютъ, что такое понятіе о борьбѣ совершенно неприменимо къ растительному міру, который, однако, по теоріи Дарвина, тоже видоизмѣнялся и развивался борьбою за существованіе. Вотъ если бы порицатели Дарвина вдумались въ борьбу между растеніями и уяснили себѣ ея характеръ и потомъ перенесли полученныя такимъ образомъ представленія на борьбу между животными, то она не имѣла бы для нихъ суроваго и отталкивающаго вида разрушенія и взаимонстребленія. Это есть борьба чисто-пассивная, безъ ненависти и вражды, безъ соперничества и уничтоженія; это, такъ сказать, экзамень. Выдерживающіе его удостоиваются естественнаго подбора, а не выдерживающіе вымираютъ, причѣмъ подборъ и вымираніе устраиваются не самими соискателями и соперниками, а экзаменаторомъ, безстрастно, безпристрастно и абсолютно-справедливою съ своей точки зрѣнія природой, причѣмъ между успѣвшими и неуспѣвшими соискателями не только нѣтъ вражды, но можетъ существовать даже сочувствіе и взаимопомощь. Живетъ, наприм., семья въ самыхъ дурныхъ условіяхъ и одинъ членъ этой семьи отъ природы слабѣе здоровѣемъ всѣхъ остальныхъ членовъ. Очевидно, онъ падетъ въ борьбѣ за существованіе, остальные члены побѣдятъ, переживутъ его, хотя тутъ не только нѣтъ борьбы и вражды, но существуетъ любовь, потому что остальные члены семьи окружаютъ больного самыми нѣжными попеченіями и съ самоотверженіемъ стараются помочь ему и поддержать его жизнь. Синонимомъ и истолкованіемъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе служатъ слова: «переживаніе способнѣйшаго или наилучше приспособленнаго къ даннымъ условіямъ». Эти слова выражаютъ совершенно то же понятіе, какъ и слово борьба. И потому рѣшительно непонятно, что въ этой борьбѣ можетъ быть такого ужаснаго и жестокаго, такъ претящаго нашимъ нравственнымъ чувствамъ.

На такомъ же недоразумѣніи и перетолкованіи построенъ и тотъ упрекъ, будто теорія Дарвина освящаетъ принципъ грубой силы и законность насилія. По Дарвину-де выходитъ, что тотъ и правъ и имѣетъ право на существованіе, у кого крѣпкіе зубы, острые когти и сильные кулаки; ему благоприятствуетъ естественный подборъ, сама природа. На этотъ ужъ данъ прекрасный отвѣтъ въ статьяхъ г. Тимирязева по поводу прѣговутыи книги Данилевскаго противъ теоріи Дарвина (*Русская Мысль*

1887 г., кн. V—VI). Почтенный профессор показалъ здѣсь, что теорія Дарвина не только не освящаетъ принципа грубой силы и насилія, а, напротивъ, представляетъ собою еще новое основаніе и поддержку для нашей вѣры въ прогрессъ.

Такъ же странно и тотъ упрекъ теоріи Дарвина, что ею злоупотребляютъ, хотая найти въ ней поддержку извѣстной теоріи Мальтуса, породившей теорію Дарвина, и естественно-научное основаніе для социологическаго факта существованія въ обществѣ двухъ классовъ людей, однихъ—благопріятствуемыхъ общественнымъ подборомъ, а другихъ—отверженныхъ и осужденныхъ на вымирание, и что, наконецъ, его теоріей прикрываются негодные, презрѣнные, алчные и преступные люди, выставляющіе свою омерзительную и разбойническую дѣятельность, какъ законную борьбу за существованіе, какъ указанную самой природой конкуренцію и т. д. Нѣкоторые видъ правдоподобія сообщаютъ этому упреку многіе фигурирующіе въ литературѣ полуобразованные люди, которые, наслышавшись дарвиновскихъ фразъ и помня самыя низменныя понятія о человѣческомъ существованіи, страшно злоупотребляютъ фразою о борьбѣ за существованіе. Такъ какъ, по представленію такихъ людей, существованіе есть единственно и исключительно только «шкура», то по ихъ терминологіи борьбою за существованіе называется только та дѣятельность, которая стимулируется низменными, пошлыми и алчными цѣлями, и потому всякій негодяй и преступникъ есть борецъ за существованіе, дѣйствующій по рецепту теоріи Дарвина. Высокій же и безкорыстный борецъ за правду и добро, за справедливость и попираемыя права человѣка, борющійся со зломъ, невѣжествомъ, насиліемъ, угнетеніями, обманомъ, борется не за свое существованіе, не за свою «шкуру», а за идеи или, лучше сказать, за фантазіи, за бредни; выражаясь очень снисходительно, это психопатъ, а не здравый и разумный человѣкъ, это средневѣковый фантазеръ и мистикъ, а не человѣкъ XIX вѣка, руководствующійся въ своей жизни и дѣятельности современною теоріей Дарвина. Подобнаго рода люди не въ состояніи понять, что въ сферу существованія входитъ еще что-нибудь другое, кромѣ шкуры, что идеи и бредни могутъ для иного человѣка составлять такую же или даже важнѣйшую часть существованія, чѣмъ шкура, и что человѣкъ, борющійся за идею, можетъ сказать о себѣ, что онъ борется за свое существованіе. Всѣ подобнаго рода упреки показываютъ, что напрасно твердили и твердятъ міру, что во всемъ мірѣ нельзя найти такой прекрасной и высокой вещи, которою нельзя было бы злоупотребить и пользоваться ею какъ предлогомъ для дурныхъ цѣлей. Кто не знаетъ, какіе ужасы совершались подъ предлогомъ *od majorem Dei gloriam*?

Наконецъ, упрекъ Дарвину за единомысліе съ Мальтусомъ и замкнутае во время отъ него сути теоріи съ перваго взгляда имѣетъ видъ основательности; тутъ мы имѣемъ сознаніе въ виновности самого Дарвина. Дѣйствительно, онъ самъ съ свойственною ему откровенностью чистосердечно и върчиво посвятилъ публику во внутренній процессъ развитія своихъ

и прямо сказать, на какія мысли навело его чтеніе Мальтуса. Продолжительныя наблюденія надъ животными и растеніями, рассказываетъ Дарвинъ, вполне подготовили его понять всю важность совершающейся повсюду борьбы за существованіе и потому при чтеніи Мальтуса ему тотчасъ же пришла въ голову мысль, что при такой борьбѣ благопріятныя измѣненія будутъ сохраняться, а неблагопріятныя уничтожаться (v. I, p. 83). Такимъ образомъ, чтеніе Мальтуса было для Дарвина тѣмъ же, чѣмъ было упавшее яблоко для Ньютона или качающееся паникадило въ пизанскомъ соборѣ для Галилея; это были импульсы, такъ сказать, вызвавшіе переходъ великихъ идей изъ потенціального состоянія въ кинетическое. Кантъ тоже говоритъ, что онъ въ своей философіи подражалъ Копернику, что какъ Коперникъ нашелъ объясненіе кажущагося движенія небесныхъ тѣлъ не въ самихъ тѣлахъ, а въ человѣкѣ, такъ и онъ сталъ искать истину не во внѣшнемъ мірѣ и его явленіяхъ, а тоже въ самомъ человѣкѣ, въ законахъ и формахъ его мышленія. Пожалуй, и это можно назвать заимствованіемъ и родствомъ. Теорія Мальтуса и теорія Дарвина—двѣ разныя вещи, имѣющія между собою внѣшнюю связь или внѣшнюю аналогію: одинъ говоритъ объ искусственныхъ условіяхъ человѣческихъ обществъ, а другой—о естественныхъ условіяхъ всей органической жизни; та быстрота возростанія населенія, о которой трактуется у Мальтуса, совсѣмъ не то, что дѣйствительная возможность размноженія организмовъ; бѣдность средствъ пропитанія, ограничивающая ростъ населенія, тоже совсѣмъ не то, что указываемая Дарвиномъ просто физическая невозможность роста и жизни всѣхъ сѣмянъ растеній и всѣхъ яицъ и икринокъ животныхъ. Мальтуса опровергали и опровергаютъ данными экономической статистики, а противъ Дарвина эти данныя безсильны, потому что вовсе не касаются его теоріи. Словомъ, попрекать и корить Дарвина Мальтусомъ совершенно несправедливо.

Наконецъ, было многое множество споровъ о томъ, религіозна или антирелигіозна теорія Дарвина; одни нещадно осуждали ее за крайнюю нерелигіозность, а другіе ставили ей въ большую заслугу, что она вполне гармонируетъ съ религіей. По самому существу дѣла это вопросъ логически несообразный и совершенно праздный. Религія и наука естествознанія суть явленія совершенно различныхъ порядковъ,—явленія не имѣющія общихъ точекъ соприкосновенія и несоизмѣримыя. Религія имѣетъ свою вполне обособленную сферу, обнимающую, главнымъ образомъ, чувство и волю человѣка, его практическую сторону, тогда какъ въ сферу науки входитъ единственно только умственная теоретическая сторона человѣка. Существенный нервъ религіи—это вѣра, безусловное довѣріе авторитету, дѣтское послушаніе и беззавѣтная покорность ему, тогда какъ существенный принципъ науки—это скепсисъ, критическое отношеніе ко всякому авторитету. У религіи свои аргументы, свои орудія дѣйствія на людей, и орудія не плотскія, а чисто-духовныя, супранатуралистическія, тогда какъ аргументы и орудія естествознанія чисто-плотскія, чувственныя, опытъ и

внѣшнее наблюденіе, передъ которыми естествознаніе преклоняется безусловно, тогда какъ для религіи они не имѣютъ никакого значенія и религія держится своего, что бы ни говорилъ внѣшній опытъ и наблюденіе. Исторія науки представляетъ множество примѣровъ того, что религіозность или антирелигіозность теорій была безразлична для ихъ научнаго значенія. Философскія и естественно-научныя измышленія Аристотеля считались когда-то вполне согласными съ религіей, а они, все-таки, оказались научно-несостоятельными. И наоборотъ, теоріи, осужденныя какъ антирелигіозныя и еретическія и доводящія ихъ авторовъ до костровъ и эшафотовъ, оказывались научно-состоятельными и авторамъ ихъ, хотя уже поздно, воздавались почести и ставились памятники. Самъ Дарвинъ, имѣя въ виду ханжество извѣстной части англійской публики, счелъ нужнымъ замѣтить въ своемъ главномъ сочиненіи, что онъ въ своей теоріи не видитъ ничего такого, что могло бы шокировать чье-либо религіозное чувство. И затѣмъ, въ доказательство того, какъ странны бываютъ приговоры надъ научными теоріями съ религіозной точки зрѣнія, онъ припомнилъ дѣйствительно курьезный случай, какъ Лейбницъ не устыдился упрекать ньютоновскій законъ тяготѣнія, «величайшее открытіе, когда-либо сдѣланное человѣкомъ», какъ выражается Дарвинъ, въ томъ, что онъ подрываетъ естественную, а, слѣдовательно, и откровенную религію. При такомъ глубоко существенномъ различіи двухъ несоизмѣримыхъ вещей можно ли рассуждать о согласіи или несогласіи между ними, объ унисонѣ или октавѣ между градусомъ температуры и какимъ-нибудь тономъ? Въ Англійи возникновеніе вопроса о религіозности теоріи Дарвина можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено извѣстнымъ англійскимъ ханжествомъ, считающимся тамъ признакомъ респектабельности, а въ другихъ мѣстахъ этотъ вопросъ былъ, вѣроятно, подражаніемъ.

Первое проростаніе зерна великой теоріи Дарвина относится къ 1837 году, хотя, строго говоря, къ этому году относится только первое появленіе ея на бумагѣ въ исторической отнынѣ его записной книжкѣ. Впервые теорія эта блеснула въ его умѣ еще во время путешествія на кораблѣ «Бигль», а въ указанномъ году она приняла вполне опредѣленные очертанія съ опредѣленною программой изученія. По словамъ Дарвина, во время путешествія его особенно поразили три факта: 1) открытіе въ формации Пампасовъ большихъ ископаемыхъ животныхъ, покрытыхъ броней подобно нынѣ существующимъ броненосцамъ; 2) близко родственные виды замѣщаются одни другими по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ югу по континенту (Ю. Америки), и 3) южно-американскій характеръ большей части формъ на архипелагѣ Галапагосъ и въ особенности то, что онѣ представляютъ легкія отличія на каждомъ островѣ группы, причемъ ни одинъ изъ этихъ острововъ не представляетъ большой древности въ геологическомъ смыслѣ. «Очевидно,—говоритъ Дарвинъ,—что какъ эти, такъ и другіе подобные факты могутъ быть объяснены не иначе, какъ только предположе-

нѣмъ, что виды животныхъ постепенно измѣнились; и этотъ предметъ сильно занялъ меня. Но такъ же очевидно, что ни дѣйствіе окружающихъ условій, ни желаніе организмовъ (особенно въ растеніяхъ) не могли объяснить безчисленнаго множества случаевъ, въ которыхъ всякаго рода организмы прекрасно приспособлены къ условіямъ ихъ жизни, напр., дятель или древесная лягушка къ ползанію по деревьямъ или сѣмя къ разсѣванію посредствомъ крючковъ и летучекъ. Меня всегда поражали такія приспособленія, и пока они не объяснены, мнѣ казалось почти бесполезнымъ стараться доказать непрямыми доказательствами, что виды измѣнились. По возвращеніи въ Англію я пришелъ къ мысли, что только слѣдуя примѣру Лайелля въ геологін и собирая всякаго рода факты объ измѣненіи животныхъ и растеній домашнихъ и дикихъ, можно пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ предметъ» (*Life a. Letters*, v. I, p. 82—3). И вотъ началась удивительная, упорная, неослабная и непрерывная работа собранія фактовъ, работа пчелы, отовсюду собирающей медь, и работа не поспѣшваго и самолюбиваго ученаго, торопящагося повѣдать міру свою теорію, а истиннаго мудреца, собирающаго факты безъ предвзятой теорін, по самому строгому методу индукціи (on true Baconian principles). Прежде всего, факты нужно было собирать изъ книгъ, брошюръ и журналовъ. Такъ какъ Дарвинъ занимался одновременно изученіемъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ вопросовъ, то, въ видахъ систематизаціи собираемыхъ фактовъ, у него было заведено нѣсколько большихъ портфелей, отъ 30 до 40 штукъ, которые помѣщались на особыхъ полочкахъ, имѣвшихъ каждая соответствующую надпись, и въ которые онъ вкладывалъ все собранное по вопросу, для котораго былъ отведенъ тотъ или другой портфель. При чтеніи книгъ Дарвинъ обыкновенно отмѣчалъ на поляхъ карандашомъ то, что ему было нужно, и на концѣ книги записывалъ соответствующую страницу. Если прочитанная книга принадлежала самому Дарвину, то составлялся предметный указатель къ записаннымъ страницамъ, отдѣльно по каждому предмету; если же книга была чужая, то изъ нея дѣлались выписки на особыхъ листкахъ по каждому предмету. Затѣмъ какъ эти выписки, такъ и предметные указатели раскладывались по соответствующимъ портфелямъ. Съ книгами Дарвинъ не особенно церемонился; онъ прямо вырывалъ изъ нихъ статьи, необходимыя для него, а то даже просто только нѣсколько листковъ и ихъ только хранилъ, а остальное бросалось, равно какъ и тѣ книги, въ концѣ которыхъ не было записано ни одной страницы и на которыхъ поэтому ставился нуль. Такимъ образомъ собрана была въ теченіе болѣе 20 лѣтъ невообразимая масса всякаго рода матеріаловъ, и Дарвинъ самъ удивлялся своему терпѣнію и прилежанію при взглядѣ на безконечный списокъ книгъ, брошюръ, журналовъ и изданій ученыхъ обществъ, которыя онъ не только перечиталъ, но еще сдѣлалъ изъ нихъ необходимыя извлеченія (v. I, p. 83). Параллельно съ этимъ онъ велъ обширную переписку и вступалъ въ личныя сношенія съ учеными людьми и практическими дѣятелями и, наконецъ, самъ производилъ многочисленныя опыты и наблюденія.

Въ то же время, сверхъ портфелей, онъ, особенно въ первые годы, велъ еще записныя книжки, въ которыя вносилъ свои собственныя мысли и замѣчанія по занимавшимъ его вопросамъ. И вотъ одна такая записная книжка начата была въ июлѣ 1837 г. и въ ней набросанъ былъ самый общій и бѣглый очеркъ главнѣйшихъ пунктовъ его теоріи. Здѣсь вполне опредѣленно высказана догадка или почти увѣренность, что виды образовались вслѣдствіе происхожденія ихъ одинъ отъ другого путемъ измѣненія и что это объясненіе примѣнимо ко «всему органическому царству». «Если мы дадимъ свободный просторъ догадкамъ,—пишетъ Дарвинъ въ своей записной книжкѣ,—то придемъ къ заключенію, что животныя, наши собратья по ощущеніямъ боли, по болѣзнямъ, смерти, страданіямъ и голоду, наши рабы въ наиболѣе трудныхъ работахъ, наши товарищи въ развлеченияхъ, могли имѣть и общее съ нами происхожденіе отъ одного общаго предка, и мы всѣ слились бы въ одно. Различіе въ умственныхъ способностяхъ человѣка и животныхъ не такъ велико, какъ различіе между живыми существами, не одаренными мыслью (растеніями), и живыми существами, одаренными мыслью» (животными) (v. II, p. 6). Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ записной книжки уже затронуто существенное возраженіе противъ его теоріи, что между видами должны были бы существовать переходныя формы, если бы виды происходили одни отъ другихъ. «Къюве,—говорится въ этихъ замѣткахъ,—возражаетъ противъ такого происхожденія, говоря: почему же до сихъ поръ нигдѣ не были открыты какія-нибудь промежуточныя формы между палеотеріемъ, мегалониксомъ, мастодонтомъ и нынѣ существующими видами? По моему мнѣнію (въ Южной Америкѣ), родоначальникъ всѣхъ броненосцевъ могъ быть братомъ мегатеріума, ихъ дяди, нынѣ вымершаго». «Возражатели скажутъ мнѣ: покажите ихъ (переходныя формы). Я могъ бы отвѣтить «да», если вы покажете мнѣ каждый переходъ между бульдогомъ и борзой» (v. II, p. 6—7). Наконецъ, въ этихъ замѣткахъ сдѣлано указаніе на то, что теорія измѣненія видовъ и генетической связи между ними прольетъ новый и интересный свѣтъ на многія науки, наприм., на сравнительную анатомію существующихъ и ископаемыхъ животныхъ и проч., а что всего важнѣе, вызоветъ желаніе доискиваться причинъ и законовъ измѣненія видовъ и откроетъ обширное поле для наблюденій, изслѣдованій и теоретическихъ выводовъ. Объ естественномъ подборѣ, о борьбѣ за существованіе тутъ еще нѣтъ помину. Въ этихъ замѣткахъ Дарвинъ высказалъ свои самыя сокровенныя, интимныя мысли, хранившіяся въ глубинѣ его души; онъ не рѣшался сообщить ихъ другимъ, такъ какъ и самъ не былъ еще проникнутъ убѣжденіемъ въ ихъ научной непоколебимости. Это были не положенія, прочі установленныя, а скорѣе планы и программы вопросовъ, подлежащихъ дальнѣйшей обработкѣ.

Такимъ образомъ, въ 1837 г. Дарвинъ еще не выработалъ себѣ опредѣленныхъ представленій о причинахъ и законахъ измѣненія организмовъ у него еще не сложились въ опредѣленной формѣ идеи объ естественно

подборѣ и борьбѣ за существованіе, хотя онѣ уже находились въ его умѣ въ зачаточномъ состояніи, въ видѣ готовыхъ элементовъ для нихъ, и нуженъ былъ только какой-нибудь импульсъ, чтобы вызвать ихъ къ самостоятельной жизни. Такимъ импульсомъ и былъ трактатъ Мальтуса о народонаселеніи, который Дарвинъ прочиталъ въ октябрѣ 1838 г., т.-е., по его собственнымъ словамъ, «спустя 15 мѣсяцевъ послѣ того, какъ я началъ мои систематическія изслѣдованія». Его сразу же осянула мысль, что при измѣнчивости видовъ и при борьбѣ за существованіе благоприятныя измѣненія будутъ сохраняться, а неблагоприятныя уничтожаться, и результатомъ этого будетъ образованіе новыхъ видовъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ Дарвинъ,—я пришелъ, наконецъ, къ теоріи, при помощи которой можно было вести дальнѣйшую работу» (v. I, p. 83), великое дѣло его жизни, ту *species work*, какъ онъ выражался.

При этомъ самымъ поразительнымъ образомъ обнаружился удивительное самообладаніе этого человѣка, его строгая до аскетизма правдивость и его добросовѣстная ученая осторожность. Найдя искомый способъ рѣшенія задачи, онъ не пришелъ въ самодовольный восторгъ, не воскликнулъ *эврика*, не предался искуссительной мысли, что вотъ онъ, наконецъ, нашелъ всю истину, которую можетъ смѣло провозгласить въ назиданіе ученому и неученому міру. Совершенно наоборотъ: онъ отнесся къ блеснувшей въ его умѣ теоріи философски-спокойно, даже недověрчиво, скептически; онъ боялся быть послѣднимъ, боялся увлеченія предзанятою идеей. И вотъ онъ даетъ себѣ строгій обѣтъ не только не публиковать основныхъ пунктовъ своей теоріи, но и не излагать ихъ на письмѣ даже для своего личнаго употребленія, не излагать даже въ видѣ замѣтокъ въ записной книгѣ, заведенной для теоріи. Онъ свято исполнялъ свой обѣтъ до 1842 г., и вотъ до какой степени свято. Въ 1837 г. онъ печаталъ журналъ своего путешествія на «Beagle», и хотя въ это время въ умѣ его, какъ мы видѣли, уже обрисовался общій обликъ его теоріи, однако, въ печатномъ журналѣ мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ и вліянія теоріи. Попадаютъ мѣста, которыя какъ будто говорятъ въ пользу теоріи, но за то есть множество мѣстъ и такихъ, которыя вполне согласны съ тогдашними общепринятыми теоріями. Даже во второмъ изданіи его путешествія, вышедшемъ въ 1845 г., когда его теорія уже окончательно сформировалась, нигдѣ нѣтъ замѣтныхъ слѣдовъ ея; онъ свято хранилъ свою тайну и не проговорился ни въ чемъ. Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ. Занимаясь своимъ любимымъ *species work*, Дарвинъ велъ и другія работы, дѣлалъ разныя спеціальныя изслѣдованія и, между прочимъ, работалъ надъ своею монографіей о *Cirripeda*. При этомъ онъ самымъ неусыпнымъ образомъ сторожилъ надъ собой, какъ бы ему не проговориться и не выдать секрета своей теоріи, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы при этой спеціальной работѣ отрѣшиться отъ своей теоріи, забыть ее и не дать ей хоть сколько-нибудь повліять на эту работу. Съ точки зрѣнія его теоріи, вопросъ о томъ, есть ли данная форма особый видъ или только

разновидность, не имѣло большого значенія, это вопросъ времени, т.-е. измѣнилась ли эта форма *сегодня* или *вчера*, какъ выражается самъ Дарвинъ. Но, несмотря на это, онъ дѣйствовалъ въ своей работѣ какъ добросовѣстный классификаторъ и руководствовался общепринятыми правилами классификаціи; онъ бился и мучился надъ установленіемъ видовъ и разновидностей, какъ правовѣрный послѣдователь вѣры въ постоянство видовъ и искатель хорошихъ видовъ. Въ письмѣ къ Д. Гукеру (1853 г.) онъ пишетъ про эту работу такъ: «Описавши рядъ формъ, какъ особые виды, я рвалъ потомъ мою рукопись и соединялъ ихъ въ одинъ видъ, затѣмъ опять рвалъ написанное и раздѣлялъ ихъ, а затѣмъ снова соединялъ ихъ въ одинъ видъ, и при этомъ скрежеталъ зубами, проклиналъ виды и спрашивалъ себя, за какіе такіе грѣхи я долженъ терпѣть такое наказаніе?» (v. II, p. 40). Работа Дарвина надъ *Coligepeda*, по его собственнымъ словамъ, не многое дала ему для его теоріи; но, все-таки, дала ему много доказательствъ измѣнчивости формъ. «Я былъ просто пораженъ,—рассказываетъ онъ,—измѣнчивостью въ извѣстной легкой степени каждой части у всякаго вида. Строго сравнивая одинъ и тотъ же органъ у нѣсколькихъ особей, я всегда находилъ какое-нибудь легкое измѣненіе и потому убѣдился, что діагнозъ видовъ по мелкимъ различіямъ всегда опасенъ. До сихъ поръ я воображалъ, что однѣ и тѣ же части у особей одного вида гораздо болѣе походятъ (чѣмъ это было у *Coligepeda*) на предметы, отлитые въ одну и ту же форму. Работа систематики была бы легка, если бы не эта путающая дѣло измѣнчивость, которая, впрочемъ, для меня, какъ теоретика, была пріятна, а какъ для систематика ненавистна» (v. II, p. 37).

Наконецъ, только спустя восемь лѣтъ, которыя можно считать инкубационнымъ періодомъ теоріи Дарвина, довѣріе его къ ней укрѣпилось настолько, что онъ сообщилъ секретъ ея нѣсколькимъ близкимъ друзьямъ, разрѣшилъ себя отъ своего обѣта и дозволилъ себѣ въ 1844 году изложить на бумагѣ краткій, но связный очеркъ теоріи, но, опять-таки, не для печати и даже не для прочтенія друзьямъ, а только для своего личнаго употребленія, для того, чтобы самому лучше ориентироваться въ массѣ добытыхъ положеній и резюмировать достигнутые результаты. Въ этомъ очеркѣ есть уже всѣ существенные пункты и всѣ главныя основы теоріи, есть уже, между прочимъ, и принципъ полового подбора. По увѣренію Гексли, въ этомъ очеркѣ Дарвинъ придавалъ въ дѣлѣ образованія измѣненій вліянію внѣшнихъ условій и унаслѣдованію приобрѣтенныхъ привычекъ гораздо больше значенія, чѣмъ въ его печатномъ сочиненіи о происхожденіи видовъ. По убѣжденію же самого Дарвина, въ той фазѣ развитія его теоріи, которую представляетъ этотъ очеркъ, былъ одинъ существенный пробѣлъ, недоставало рѣшенія «одной проблемы большой важности», а именно объясненія слѣдующаго факта. Измѣненіе органическихъ формъ совершается не наобумъ, не какъ попало, а идетъ въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи. По мѣрѣ измѣненія близкихъ и сходныхъ формъ разница между ними по при-

знакамъ все усиливается, и чѣмъ дальше идетъ измѣненіе, тѣмъ несходство между родственными прежде и сходными формами становится больше. Это и называется у Дарвина *divergence of character*, т.-е. расхожденіе признаковъ или усиленіе разницы между признаками. Между разновидностями одного и того же вида разница въ признакахъ незначительная, но разница между отдѣльными видами уже больше; разница между родами и семействами еще больше, а разница между порядками, классами и т. д. еще больше. А, между тѣмъ, по его теоріи, вся совокупность видовъ, родовъ и семействъ какаго-нибудь класса произошла отъ одного общаго родоначальника, потомки котораго чѣмъ дальше размножались, тѣмъ больше разнились между собою, такъ что незначительная разница между разновидностями перешла въ большую разницу между видами и еще въ большую разницу между родами, семействами и т. д. Чѣмъ же объясняется такое усиленіе разницы между признаками и все увеличивающееся отклоненіе слѣдующихъ поколѣній отъ родоначальныхъ формъ? Дарвинъ долго ломалъ голову надъ этимъ вопросомъ, и когда, наконецъ, рѣшеніе его блеснуло въ его умѣ, то онъ крайне обрадовался и, по его словамъ, до конца жизни помнилъ то мѣсто на дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ, гдѣ ему впервые пришло въ голову это рѣшеніе (v. I, p. 84), и при этомъ удивлялся, какъ онъ раньше не пришелъ къ такому очевидному рѣшенію. Рѣшеніе, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что чѣмъ больше разнились между собою по своимъ признакамъ особи какаго-нибудь вида, тѣмъ большую возможность они имѣли жить въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ условіяхъ, тѣмъ благоприятнѣе были для нихъ шансы въ борьбѣ за существованіе и тѣмъ болѣе покровительствовалъ имъ естественный подборъ. Поле, засѣянное разными сортами пшеницы, даетъ большій сборъ, чѣмъ такое же поле, засѣянное однимъ сортомъ ея.

Дарвинъ, какъ сказано выше, не предназначалъ своего очерка для печати; онъ рѣшилъ выступить въ печать со своею теоріей только тогда, когда собраны будутъ всѣ наличные аргументы въ пользу теоріи и когда подробно будутъ разработаны всѣ стороны ея. Но при этомъ онъ не считывалъ на маусиловское долготіе и потому принялъ мѣры, чтобы, въ случаѣ его смерти, былъ напечатанъ хоть этотъ краткій очеркъ теоріи. Онъ написалъ письмо на имя жены, которое должно было имѣть силу духовнаго завѣщанія. Въ немъ онъ писалъ: «Я только что кончилъ очеркъ моей теоріи видовъ. Если, какъ я думаю, моя теорія будетъ когда-либо принята хоть однимъ компетентнымъ судьей, то это будетъ значительнымъ шагомъ въ наукѣ». Затѣмъ онъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ его смерти, очеркъ теоріи былъ напечатанъ подъ редакціей какаго-нибудь компетентнаго ученаго, но съ болѣе подробнымъ развитіемъ теоріи, съ дополненіями и измѣненіями, для каковой цѣли въ распоряженіе этого редактора должны быть переданы всѣ его рукописи, замѣтки, выписки изъ книгъ и азеть съ отмѣченными страницами и всѣ относящіяся къ теоріи портреты до 10 штукъ. Гонораръ редактору за эти труды полагался въ 400 фунт.

стерлинговъ, а въ случаѣ надобности даже въ 500 и, кромѣ того, участіе въ прибыляхъ отъ сочиненія. Какъ на подходящихъ редакторовъ, онъ указывалъ на Ляйелля, Форбеса, Генсло и Гукера, изъ которыхъ послѣдній, по его мнѣнію, былъ бы самымъ подходящимъ. Если же нельзя будетъ найти редактора, тогда онъ дѣлалъ распоряженіе напечатать очеркъ такъ, какъ онъ есть, причѣмъ оговорить, что онъ былъ написанъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и только по памяти, безъ предварительнаго провѣрочнаго просмотра тѣхъ сочиненій, на которыя дѣлаются ссылки, и что онъ вовсе не предназначался для печати.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, свою теорію на случай своей смерти, Дарвинъ покойнѣе могъ заняться дальнѣйшею разработкой ея и отложить опубликованіе ея до того времени, когда будутъ окончательно отдѣланы всѣ ея подробности и когда она явится во всеоружіи аргументовъ. При своей работѣ онъ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ множество совершенно новыхъ вопросовъ, не затронутыхъ въ литературѣ и никому не приходившихъ въ голову. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно обращался къ своимъ ученымъ друзьямъ и вообще къ ученымъ специалистамъ, прося у нихъ отвѣтовъ и разъясненій по этимъ вопросамъ. Но и друзья, и специалисты весьма часто не могли удовлетворить его, и потому онъ самъ принужденъ былъ дѣлать самостоятельныя наблюденія или производить опыты. Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ могли казаться сами по себѣ незначительными и мелочными; но они оказываются весьма серьезными, если сопоставить ихъ съ тѣми поводами, какіе вызвали ихъ. Такъ, наприм., Дарвинъ вымачивалъ въ соленой водѣ сѣмена растений и опредѣлялъ потомъ ихъ всхожесть, ловилъ водяныхъ птицъ, смывалъ илѣ, приставшій къ ихъ ногамъ, и потомъ пробовалъ, нѣтъ ли въ этомъ илѣ способныхъ проростать сѣмянъ какихъ-нибудь растений; онъ также пробовалъ, могутъ ли плавать на морской водѣ яйца ящерицъ и змѣй и какъ долго они могутъ сохранить жизнѣнность, находясь въ этой водѣ. Эти опыты были вызваны такимъ поводомъ. Вопросъ о географическомъ распредѣленіи видовъ имѣлъ большую важность для теоріи Дарвина, и ему нельзя было обойти другого родственнаго и предварительнаго вопроса о способахъ расселенія и разнесенія видовъ по странѣ и по разнымъ странамъ. До Дарвина почти никто не обращалъ вниманія на этотъ послѣдній вопросъ и тогдашніе ученые для объясненія расселенія организмовъ прибѣгали къ самымъ смѣлымъ и рискованнымъ гипотезамъ. Находя одинаковые виды въ двухъ отдаленныхъ странахъ, раздѣленныхъ въ настоящее время моремъ, ученые, не долго думая, дѣлали предположеніе, что эти страны были прежде соединены между собою, составляли непрерывныя части одного материка, нынѣ исчезнувшаго или разорвавшагося на нѣсколько разъединенныхъ частей. И предполагалось около полудесятка такихъ исчезнувшихъ материковъ. Форбесъ предполагалъ материкъ, простиравшійся отъ Европы до Сѣверной Америки и до Саргасова моря, Гукеръ считалъ вѣроятнымъ, что Новая Зеландія была соединена съ Южною Америкой и материкъ шелъ дальше до Кергеленовой Земли;

Воластонъ думалъ, что Мадера была соединена съ континентомъ, а Бувардъ допускалъ, что почти всё острова въ Тихомъ и Атлантическомъ океанахъ были соединены съ континентами. Дарвина возмущалъ такой произволъ и такая щедрость на громадныя перевороты въ распредѣленіи суши, совершившіяся, такъ сказать, на-дняхъ по геологическому времени, уже во время существованія нынѣшнихъ видовъ, хотя онъ ясно видѣлъ, что такіе континенты могли бы послужить большимъ подспорьемъ для его теоріи и устранить многія трудности, представлявшіяся ей. Надъ Гукеромъ Дарвинъ острѣлъ и писалъ ему, что онъ и его подражатели пекутъ континенты, какъ блины (v. II, p. 74); но въ письмахъ къ Ляйеллю онъ серьезно возставалъ противъ этой маніи создавать материкъ, убѣждалъ его противодѣйствовать этой маніи, допускающей въ новѣйшее геологическое время тѣхъ же катастрофы, какъ тѣ, противъ которыхъ ратовалъ нѣкогда самъ Ляйелль, и приводилъ множество аргументовъ противъ этихъ проблематическихъ континентовъ. Въ числѣ этихъ аргументовъ было и полное невѣдѣніе учеными способовъ разсѣянiя и разнесенiя видовъ; еслибъ эти способы были извѣстны, то ими объяснилось бы нынѣшнее географическое распредѣленіе видовъ гораздо лучше, чѣмъ исчезнувшими континентами. И вотъ онъ занялся разъясненіемъ и изученіемъ этихъ способовъ. Могутъ ли сѣмена, плоды, яйца переноситься водою, могутъ ли они сохранить жизнность въ морской водѣ, могутъ ли содѣйствовать перенесенію ихъ птицы, рыбы и другія животныя? Ни литература, ни ученые друзья не могли дать ему никакихъ отвѣтовъ на эти вопросы; естественно, поэтому, онъ прибѣгъ къ собственнымъ опытамъ и наблюденіямъ. И съ легкой руки Дарвина способы разселенiя и разнесенiя видовъ стали изучаться подробнѣе и въ настоящее время составляютъ любопытную обширную главу въ наукѣ о географическомъ распредѣленіи видовъ. Такимъ образомъ, Дарвинъ, вымачивая въ морской водѣ сѣмена растений и яйца животныя, не тратилъ времени попусту, не разбрасывался и не отвлекался отъ своей теоріи, а собиралъ матеріалы для ея созданiя. Тоже самое нужно сказать и объ его изслѣдованiяхъ объ инстинктѣ. Какъ мы знаемъ, Дарвинъ возраженіями противъ его теоріи интересовался гораздо больше, чѣмъ аргументами въ пользу ея. А инстинкты, въ особенности же инстинкты спеціальныя, выдающіеся своеобразностью, были рѣзкимъ эффектнымъ возраженіемъ противъ нея. И Дарвину необходимо было потратить много времени и труда на уясненіе того процесса, путемъ котораго могли развиваться инстинкты при дѣйствіи естественнаго подбора; такъ какъ только этимъ уясненіемъ ему удалось отнять видъ непостижимости, не поддающейся никакому объясненію чудесности у инстинктовъ исключительныхъ и рѣдкихъ, показавши связь ихъ съ инстинктами общими, болѣе простыми и болѣе легкими для объясненiя.

Печатная ученая литература дала Дарвину громадную массу матеріала для его теоріи, но весьма значительная доля такого матеріала была собрана имъ путемъ переписки. Цѣлая половина II тома разсматриваемаго нами со-

чиненія занята письмами его къ разнымъ лицамъ, написанными съ цѣлью полученія отъ нихъ разнаго рода свѣдѣній, необходимыхъ для его species work. Джозефъ Гукеръ первый удостоился чести узнать отъ Дарвина секретъ его теоріи. Сообщая свой секретъ, повѣряя его въ первый разъ постороннему лицу, Дарвинъ чувствовалъ какую-то робость; онъ боялся, что его другу она можетъ показаться до того странною и дикою, что онъ отнесется къ ней съ полнымъ пренебреженіемъ, и потому онъ изъ предосторожности посвятилъ друга въ свою теорію не сразу, а постепенно и по частямъ сообщилъ ему ея главныя основанія. Въ письмѣ къ нему (отъ 11 января 1844 г.) онъ со скромностію и какъ будто даже съ неувѣренностію и колебаніемъ говоритъ такъ: «Все время послѣ моего возвращенія изъ путешествія я занимался очень притязательною работою и я не знаю никого, кто бы не называлъ ее очень безразсудной. Меня до такой степени поразило распредѣленіе организмовъ на Галапагосъ и пр. и пр. и характеръ американскихъ ископаемыхъ млекопитающихъ и пр. и пр., что я рѣшился собирать безъ разбора всякаго рода факты, имѣвшіе какую-нибудь связь съ вопросомъ о видахъ. Я перечиталъ массу сочиненій по земледѣлію и садоводству и непрерывно собиралъ факты. Наконецъ, для меня блеснулъ лучъ свѣта и я почти убѣдился (совершенно противоположно тому мнѣнію, изъ котораго я исходилъ), что виды измѣнчивы (это что-то вродѣ сознанія въ убійствѣ). Боже меня сохрани отъ Ламарковскихъ негѣпостей, «стремленія къ прогрессированію», «приспособленія вслѣдствіе желанія животныхъ» и проч. Но заключенія, къ которымъ я пришелъ, немного разнятся отъ его заключеній, хотя въ способахъ измѣненія мы вполне расходились. Мнѣ кажется, я нашелъ (вотъ какое притязаніе!) простой путь, которымъ виды такъ прекрасно приспособились къ разнымъ цѣлямъ. Васъ это поразитъ и вы, навѣрное, подумаете про себя: вотъ для какаго человѣка я трачу свое время и даже переписываюсь съ нимъ! Пять лѣтъ назадъ и я подумалъ бы такъ же» (v. II, p. 23—24). Въ другомъ письмѣ онъ открылъ Гукеру еще одинъ уголокъ своей теоріи, и тоже скромно, безъ всякаго вида увѣренности. «Все, чего я ожидаю даже въ самые розовые моменты, это то, что я въ состояніи буду доказать всякому здравому натуралисту, что есть двѣ точки зрѣнія на вопросъ о неизмѣнности видовъ, что на всѣ факты можно смотрѣть и можно сгруппировать ихъ съ точки зрѣнія взгляда, что родственные виды произошли отъ общаго предка. Систематическихъ сочиненій по этому предмету я не знаю, исключая сочиненія Ламарка, которое представляетъ настоящій мусоръ, но на сторонѣ неизмѣнности стоятъ многіе, Ляйелль, Притчардъ и др. Агассицъ недавно выставилъ сильнѣйшій аргументъ въ пользу неизмѣняемости. Исидоръ Ж. Ст.-Илеръ написалъ нѣсколько дѣльныхъ статей въ пользу измѣнчивости. И какъ странно, что авторъ такой книги, какъ *Animaux sans vertèbres*, могъ написать, что насѣкомыя, которыя никогда не видятъ своихъ яицъ, *пожелали* (а растенія свои сѣмена), чтобы они были извѣстной опредѣленной формы, такъ чтобы могли прикрѣпляться къ извѣстнымъ предметамъ. Другое общепринятое

(именно въ Германіи) мнѣніе едва ли менѣе нелѣпо, т.-е. что будто бы климатъ, пища и проч. сформировали вошь такимъ образомъ, чтобы она могла ползать въ волосахъ, а дятла такимъ образомъ, чтобы оны могъ лазить по деревьямъ. По моему мнѣнію, всѣ эти нелѣпыя взгляды возникли вслѣдствіе того, что никто, насколько мнѣ извѣстно, не подходитъ къ этому предмету со стороны измѣнчивости домашнихъ животныхъ и изучивши все, что извѣстно о разведеніи ихъ» (v. II, p. 29). Наконецъ, Дарвинъ выдалъ Гукеру весь свой секретъ и далъ ему для прочтенія очеркъ своей теоріи.

Къ Гукеру адресовано большинство писемъ Дарвина съ просьбою о разъясненіяхъ, указаніяхъ, справкахъ и т. п. по вопросу о видахъ; за Гукеромъ слѣдуютъ Аза Грей и Ляйелль, а за ними цѣлый рядъ ученыхъ теоретиковъ и практиковъ. Для примѣра здѣсь можно привести нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ. Собранныя Дарвиномъ во время путешествія растенія были переданы для описанія Гукеру. По этому поводу Дарвинъ писалъ ему: «Сдѣлайте сравнительныя замѣчанія о видахъ, родственныяхъ съ европейскими видами, для поученія ботаническихъ невѣждъ вроде меня. Мнѣ всегда казалось интереснымъ выяснить, есть ли въ Огненной Землѣ такія европейскіе роды, которые не встрѣчаются вдоль Кордильероу; пространственная разъединенность въ этомъ случаѣ была бы громаднa. Укажите также въ вашей работѣ, какіе роды американскіе и какіе европейскіе и какъ велики различія между видами европейскихъ родовъ» (v. II, p. 21—22). По поводу растеній съ Галапагоса Дарвинъ писалъ ему же: «Изъ моего журнала (путешествія) вы увидите, что птицы (этого архипелага) хотя представляютъ особые виды, однако, имѣютъ, очевидно, южно-американскій характеръ; я убѣдился, что то же самое можно сказать и относительно морскихъ раковинъ. Не представляютъ ли того же самаго и растенія, свойственныя этому архипелагу? Вы говорите, что по количественнымъ отношеніямъ они континентальны (а развѣ это не крайне любопытно?), но родственны ли они по формамъ съ Ю. Америкой?... Я побезпокою васъ и еще однимъ вопросомъ. Изъ бесѣдъ съ Гульдомъ я вывелъ такое заключеніе, что въ тѣхъ родахъ птицъ, которые имѣютъ всемірное или почти всемірное распространеніе, отдѣльные виды также имѣютъ обширныя области распространенія; такъ, наприм., сова всемірна, и многія изъ видовъ ея имѣютъ весьма обширныя области распространенія. Не повторяется ли то же самое явленіе въ тайнобрачныхъ растеніяхъ, не имѣютъ ли обширнаго распространенія тѣ виды, роды которыхъ всемірны? Я не предполагаю, чтобы имѣло силу обратное положеніе, т.-е. когда видъ имѣетъ обширное распространеніе, то и его родъ имѣетъ такое же распространеніе. Вы премного обяжете меня, если при случаѣ подумаете объ этомъ... Геологія открыла интересный фактъ относительно распространенія раковинъ: я считаю вполне доказаннымъ, что тѣ виды, которые имѣли обширное географическое распространеніе, также весьма долго сохранялись и существовали долгое время» (v. II, p. 24—26).

Дальнѣйшая переписка Дарвина съ Гукеромъ вращалась около разныхъ

уже опредѣленныхъ и формулированныхъ пунктовъ дарвиновской теоріи, въ которую уже вполнѣ былъ посвященъ Гукеръ. Такъ, въ одномъ письмѣ Дарвинъ пишетъ Гукеру: «Изъ вашихъ замѣчаній я вижу, что вы не поняли моихъ воззрѣній на измѣненіе. Я приписываю весьма мало значенія прямому дѣйствию климата и проч.» (v. II, p. 82). Въ другомъ письмѣ онъ снова возвращается къ тому же предмету: «Отправивши къ вамъ мою рукопись, я потомъ уже сообразилъ, что слѣдовало бы сначала послать вамъ нѣсколько предварительныхъ вопросовъ о причинахъ измѣненія. Правъ ли я, или ошибаюсь—это другой вопросъ; но заключеніе, къ которому я пришелъ совершенно независимо отъ географическаго распредѣленія, состоитъ въ томъ, что внѣшнія условія (къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ натуралисты) сами по себѣ имѣютъ весьма мало значенія. Значеніе ихъ опредѣляется другими дѣятелями, относительно которыхъ мои понятія еще слабы. Я сузу на основаніи фактовъ измѣненія домашнихъ формъ и могу нѣсколько больше уяснить этотъ предметъ. Въ настоящее же время, когда я изложилъ его на бумагѣ, мое заключеніе то, что внѣшнія условія имѣютъ крайне мало значенія, исключая того, что они вызываютъ измѣняемость. Но эта измѣняемость (вслѣдствіе которой дѣти не совершенно походятъ на своихъ родителей), по моему понятію, совершенно отлична отъ образованія рѣзкихъ разновидностей или новыхъ видовъ (конечно, и эта измѣняемость управляется своими законами, изъ которыхъ нѣкоторые я стараюсь уловить пока еще въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ). Образованіе прочной разновидности или вида я почти вполнѣ приписываю подбору того, что не совсѣмъ точно можетъ быть названо *шансомъ* измѣненія или измѣняемости. Эта сила подбора находится въ самомъ прямомъ отношеніи ко времени и въ естественномъ положеніи видовъ можетъ дѣйствовать только крайне медленно. Даже тѣ легкія измѣненія, посредствомъ подбора которыхъ образуется, наконецъ, порода или видъ, находятся въ гораздо большей зависимости отъ ихъ сосѣдей, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій, какъ это можетъ быть доказано (даже относительно растений и съ очевидностью относительно животныхъ). Поэтому, на основаніи моихъ принциповъ,—вѣрны ли они, или невѣрны,—я не могу согласиться съ вашимъ положеніемъ, что время, измѣненные условія и измѣненные сосѣди суть «однозначачіе термины». Первое и послѣдніе я считаю гораздо болѣе важными; время же важно только потому, что даетъ просторъ дѣйствию подбора» (v. II, p. 86—87). Въ другомъ письмѣ по поводу того же вопроса онъ писалъ Гукеру: «Я только что привелъ въ порядокъ мои матеріалы объ измѣненіяхъ, повидимому, происходящихъ отъ непосредственнаго и прямого дѣйствія внѣшнихъ причинъ, и меня поразилъ одинъ результатъ. Самые ярые приверженцы независимаго сотворенія видовъ признаютъ, что мѣхъ однихъ и тѣхъ же видовъ бываетъ тоньше на югѣ ихъ области распространенія, чѣмъ на сѣверѣ, что одніи и тѣ же раковины на югѣ окрашены ярче, чѣмъ на сѣверѣ, и окрашены блѣднѣе въ глубокихъ водахъ, что насѣкомыя меньше и темнѣе на горахъ, а вблизи моря бываютъ блѣдными и съ жесткимъ покровомъ, что

на горахъ растенія бываютъ меньше и болѣе волосисты и имѣютъ болѣе яркіе цвѣтки. Во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ и отдѣльные виды, живущіе въ двухъ поясахъ, представляютъ то же самое явленіе. И это, по моему мнѣнію, проще всего объясняется тѣмъ, что роды, будучи, въ сущности, только рѣзко выраженными разновидностями, слѣдуютъ по тому же самому закону, какъ признанныя и допускаемыя разновидности. Я упоминаю обо всемъ этомъ по поводу измѣненія растеній по мѣрѣ поступанія ихъ вверхъ по горамъ; и я сдѣлалъ это замѣчаніе въ общихъ чертахъ, не приводя примѣровъ, такъ какъ существуетъ много споровъ и сомнѣній, что называть разновидностями. Но мнѣ такъ много попадалось разныхъ случайныхъ замѣчаній, что такъ именно характеризуются разновидности растеній на горахъ, что, должно быть, это вѣрно. Какъ вы думаете? Существуетъ ли, по вашему мнѣнію, въ общепризнаваемыхъ разновидностяхъ растеній стремленіе по мѣрѣ поступанія вверхъ по горамъ становиться болѣе волосистыми и давать цвѣтки сравнительно большіе и ярче окрашенные?» (v. II, p. 90—91). Вѣроятно, Губеръ не согласился съ этими обобщеніями и отвѣчалъ отрицательно, такъ какъ въ слѣдующемъ письмѣ Дарвинъ, между прочимъ, писалъ ему: «Ваше письмо разрушило всѣ мои соображенія, а я считалъ волосистость и проч. альпійскихъ видовъ общепризнаннымъ фактомъ и я помню, что я встрѣчалъ когда-то указанія на него... Но сознаюсь, что уже послѣ того, какъ я написалъ вамъ о немъ, я былъ и самъ очень смущенъ, когда узналъ, что кто-то (кажется, Моконъ-Тандонъ) утверждаетъ, что альпійскіе цвѣтки имѣютъ сильную тенденцію становиться бѣлыми, а Линней говоритъ, что холодъ дѣлаетъ растенія безлепестными, даже растенія одного и того же вида. Часто ли бываютъ безлепестными арктическіе виды? Моя компилятивная работа привела меня къ убѣжденію, согласному съ тѣмъ, что вы говорите о незначительности прямого вліянія климата, и я указывалъ на волосистость альпійскихъ растеній какъ на исключеніе. Пахучесть была бы прекраснымъ фактомъ для меня, еслибъ я зналъ, что разновидности становятся болѣе пахучими въ сухихъ странахъ. Считаю волосистость альпійскихъ растеній общепризнаннымъ фактомъ, я не записывалъ указаній на него, такъ что теперь не могу видѣть, какаго рода доказательства приводятъ авторы. Сознаюсь, впрочемъ, что когда однажды я спросилъ Фальконера, извѣстны ли ему случаи, чтобы растенія, вслѣдствіе переселенія, потеряли или приобрѣли волосистость, то онъ отвѣчалъ отрицательно. Но вотъ сію же минуточку я ясно припоминаю, что гдѣ-то читалъ и замѣтилъ фактъ, что волосистыя растенія съ Пиренеевъ потеряли водоски, когда ихъ стали культивировать въ Монпелье» (v. II, p. 91—92). Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ по тому же поводу: «Вы прекрасно состригли волосы съ альпійскихъ растеній. Случай съ *Anthyllis* можетъ служить «связующимъ звеномъ» съ предполагаемымъ фактомъ, что пиренейскія растенія становятся гладкими на низшихъ уровняхъ. Если я найду случаи, доказывающіе это, то сообщу вамъ. Я удивляюсь, откуда могло взятъ мнѣніе о волосистости? Не вытерло ли

оно изъ понятія о цѣлесообразности, чтобы защищать растенія отъ холода? Въ разговорѣ со мною Фальконеръ сопоставлялъ два факта шерстистыхъ альпійскихъ растеній и животныхъ... Я иногда презираю себя, какъ жалкаго компилятора, совершенно такъ же, какъ вы презираете компиляторовъ, но я не презираю всей своей работы, такъ какъ, по моему мнѣнью, мы имѣемъ уже достаточно знаній для того, чтобы положить основаніе для изслѣдованія происхожденія видовъ. Я имѣю поводъ презирать себя и смѣяться надъ собою, какъ надъ компиляторомъ, такъ какъ написавши фразу: *альпійскія растенія имѣютъ большіе цвѣтки*, я, можетъ быть, принужденъ буду написать надъ нею другую: *альпійскія растенія имѣютъ малые или безлепестные цвѣтки*» (v. II, p. 96—97) Въ слѣдующемъ письмѣ Дарвинъ снова обращается къ тому же вопросу. «Я не знаю,—пишетъ онъ Гукеру,—до какой степени это васъ интересуешь, но я нашелъ, что Мокенъ-Тандонъ въ своей *Tératologie* говоритъ о пушистости растеній и, кажется, приписываетъ ее больше сухости, чѣмъ высотѣ; но и по его мнѣнью нужно признать, что горныя растенія бывають пушисты и что эта пушистость только отчасти объясняется замѣчаніемъ Декандоля, что, вслѣдствіе малорослости горныхъ растеній, волоски сближаются между собою, что и придаетъ имъ видъ большей волосистости. Онъ ссылается при этомъ на Сенебье *Physiologie végétale*, какъ на авторитетъ въ подтвержденіе того, что горныя растенія болѣе волосисты. Еслибъ я могъ положительно доказать, что туземныя растенія въ сухихъ странахъ болѣе волосисты, тогда случай разновидности, ставшей болѣе волосистою на сухой почвѣ, былъ бы важнымъ фактомъ для меня» (v. II, p. 98). Нельзя не замѣтить здѣсь мимоходомъ, сколькихъ трудовъ стоила Дарвину установка каждаго факта, необходимаго для его теоріи, такъ какъ онъ почти не находилъ въ литературѣ отвѣтовъ на свои новые и совершенно своеобразные вопросы, и какъ онъ былъ при этомъ остороженъ, осмотрителенъ и чуждъ всякой поспѣшности и упорной предвзятости.

Въ одномъ изъ писемъ онъ проситъ Гукера поискать ботаническаго подтвержденія для сдѣланнаго имъ обобщенія относительно измѣнчивости. «Дорогой Гукеръ, вы говорите,—и я увѣренъ, искренно,—что вамъ не неприятны мои обращенія къ вамъ съ вопросами о разныхъ общихъ пунктахъ; вы же отвѣчайте или не отвѣчайте на нихъ, смотря по времени и расположенію. Я нахожу въ животномъ царствѣ, что всякая часть или органъ, развитые у какого-нибудь вида хотя и нормально (т.-е. не уродливо), но въ высшей или въ необыкновенной степени сравнительно съ тою же частью или органомъ у другихъ родственныхъ видовъ, подвержены измѣнчивости въ высшей степени. Для меня это несомнѣнно на основаніи массъ собранныхъ фактовъ. Напримѣръ, у клеста (еловика) клювъ развитъ необыкновеннымъ образомъ сравнительно съ другими родственными *Fringillidae*, и этотъ клювъ въ высшей степени измѣнчивъ. *Himantopus*, отличающійся необыкновенною длиною своихъ ногъ, представляетъ большую измѣнчивость въ длинѣ ногъ. Я бы могъ привести множество любопытныхъ и поразительныхъ фактовъ, но не буду.

тельныхъ примѣровъ этого во всѣхъ классахъ, и такое множество, что они, по моему мнѣнію, не могутъ быть случайностью. Но я не имѣю ни одного примѣра изъ растительнаго царства, вѣроятно, вслѣдствіе моего невѣжества. Если бы *Nerpenthes* состоялъ изъ одного или изъ двухъ видовъ въ группѣ съ развитымъ кувшинчикомъ, тогда я сказалъ бы, что онъ будетъ очень измѣнчивъ. Но я не считаю *Nerpenthes* подходящимъ примѣромъ, потому что если весь родъ или вся группа имѣетъ органъ необычайно развитымъ, то я не ожидаю, что онъ окажется очень измѣнчивымъ. Только тогда, когда одинъ или небольшое число видовъ сильно отличаются какою-нибудь частью или органомъ отъ формъ близко родственныхъ съ ними во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, эта часть или органъ будутъ въ высшей степени измѣнчивыми. Не подумаете ли вы объ этомъ? По-моему, это важный законъ» (v. II, p. 97—8). Отвѣтъ Гукера, какъ видно, былъ отрицательный, потому что въ слѣдующемъ письмѣ Дарвинъ писалъ ему: «Ваше письмо имѣетъ большую цѣну для меня, и оно поколебало меня относительно моего положенія. Но я позволяю себѣ сказать, что отсутствіе подтверждающихъ ботаническихъ фактовъ можетъ быть отчасти объяснено трудностью измѣрять легкія измѣненія. Вы, конечно, ничего не будете имѣть противъ того, если я сдѣлаю замѣтку, въ которой скажу, что вы обсуждали этотъ вопросъ, и хотя одинъ или два случая, повидимому, подтверждали его, но гораздо большее число случаевъ противорѣчили ему. Это отсутствіе ботаническихъ доказательствъ тѣмъ болѣе удивительно для меня, что вообще я замѣтилъ, что всякое мое положеніе гораздо скорѣе подтверждается наблюденіями, собранными мною въ ботаническихъ сочиненіяхъ, чѣмъ въ зоологическихъ. Я никакъ не ожидалъ, что вы заинтересуетесь этимъ предметомъ. Какъ бы то ни было, этотъ случай составляетъ одно изъ многихъ моихъ страшныхъ затрудненій». Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова возвращается къ тому же предмету и пишетъ Гукеру: «Я очень смущенъ вашимъ замѣчаніемъ, что нѣтъ очевидныхъ примѣровъ моего (или, вѣрнѣе, Уотергоуза) закона, что нормальныя образованія бывають въ высшей степени измѣнчивы. Я много думалъ надъ вашимъ замѣчаніемъ о трудности замѣчать или сравнивать измѣняемость въ растеніяхъ вслѣдствіе большой вообще измѣняемости частей ихъ. Я бы считалъ законъ вполнѣ отвергнутымъ, если бы вы поискали въ вашемъ умѣ случаевъ большей измѣнчивости какого-нибудь органа и затѣмъ сказали бы, легко ли найти подобные случаи; потому что еслибъ они были найдены и при этомъ оказалось бы, что они не совпадаютъ съ болѣшимъ или ненормальнымъ развитіемъ, то это было бы полнымъ опроверженіемъ. Но и это только въ томъ случаѣ, если вы будете начинать въ вашемъ умѣ съ вопроса объ измѣняемости, а не съ вопроса о ненормальности. Можетъ быть, возможны случаи, въ которыхъ часть въ высшей степени измѣнчивая у всѣхъ видовъ группъ должна быть исключена, какъ представляющая что-нибудь особое и имѣющее связь съ сложнымъ предметомъ полиморфизма. Не довершите ли вы вашей помощи мнѣ дальнѣйшимъ обсужденіемъ предмета съ этой точки зрѣнія?» (v. II, p. 101).

Къ Гукеру же Дарвинъ обращался за содѣйствіемъ по слѣдующему и-просу. «Всю эту большую работу,—пишетъ Дарвинъ,—задало мнѣ замѣчаніе Фриса, что виды обширныхъ родовъ болѣе близки и родственны между собою, чѣмъ виды малыхъ родовъ. А если это такъ, то на основаніи того, что виды и разновидности едва отличимы между собою, я прихожу къ тому заключенію, что въ обширныхъ родахъ должно быть больше разновидностей, чѣмъ въ малыхъ» (v. II, p. 103). Рассмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія флору Новой Зеландіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, Дарвинъ нашелъ въ нихъ подтвержденіе своего заключенія. Но этого ему казалось недостаточнымъ и онъ проситъ Гукера указать, не знаетъ ли онъ какой-нибудь хорошо-разработанной флоры въ 1,000—2,000 видовъ, въ которой были бы показаны разновидности, и, между прочимъ, спрашиваетъ его, нѣтъ ли описанія обширной русской флоры, въ которомъ были бы разновидности (v. II, p. 105). Изъ послѣдующихъ писемъ не видно, на какія флоры указалъ Гукеръ, но онъ сильно смутилъ Дарвина замѣчаніемъ, что, можетъ быть, и въ обширныхъ, и въ малыхъ родахъ число разновидностей на дѣлѣ относительно одинаково; но ботаники, описывая обширные роды съ многочисленными видами, невольно и безсознательно описывали и больше разновидностей, а при описаніи малыхъ родовъ съ меньшимъ числомъ видовъ описывали и меньше разновидностей, такъ сказать, для пропорціональности, хотя ихъ на дѣлѣ существуетъ, можетъ быть, и больше. Увѣренность Дарвина въ его заключеніи поколебалась. «Къ какому бы заключенію я ни пришелъ,—пишетъ Дарвинъ Гукеру,—но вы оказали мнѣ громадную услугу, обративъ мое вниманіе на возможность или вѣроятность того, что ботаники перечисляютъ больше разновидностей въ обширныхъ родахъ, чѣмъ въ малыхъ. Очень трудно будетъ для меня при выводѣ моего заключенія сохранить добросовѣстную непредубѣжденность» (v. II, p. 103). Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ, какъ видно будетъ дальше, обратился за указаніями къ А. Грелю.

М. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ипполитъ Тэнъ *).

Георга Брандеса.

Врачи обыкновенно уклоняются отъ леченія больныхъ, которыхъ они особенно хорошо знаютъ и съ которыми особенно близки. По аналогичной причинѣ журналистъ предпочитаетъ хранить молчаніе, когда смерть уноситъ тѣхъ, кто ему очень дорогъ. Съ тяжелымъ чувствомъ принимается онъ писать, когда только что узналъ о смерти человѣка, которому онъ больше всего обязанъ и которому больше всего удивлялся.

Телеграфъ, сообщившій, что Тэнъ умеръ въ Парижѣ, возвѣстилъ уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ, что болѣзнь его приняла тревожный оборотъ. Этотъ недугъ былъ давняго происхожденія. Последніа двадцать лѣтъ Тэнъ уже не пользовался хорошимъ здоровьемъ. Съ 1873 г. онъ жилъ въ Ментонъ-Сенъ-Бернаръ въ Савойѣ и проводилъ лишь мѣсяца по четыре въ году въ Парижѣ. Его здоровье требовало тихой деревенской жизни и чистаго горнаго воздуха и даже при соблюденіи этихъ условій, все-таки, мало поправлялось. Онъ не принималъ участія въ политической жизни, почти не бывалъ въ обществѣ и все свое время посвящалъ исключительно своему послѣднему капитальному произведенію *Происхожденіе современной Франціи*. Пять томовъ этой книги вышли и недостаетъ только послѣдняго, но и онъ, навѣрное, почти доведенъ до конца.

Въ лицѣ Тэна умеръ величайшій изъ современныхъ историковъ и критиковъ Европы,—быть можетъ, вообще, первый прозаикъ Европы въ настоящую минуту. Онъ умеръ въ таковой моментъ, когда былъ непопуляренъ, когда большая публика въ его отечествѣ отстранилась отъ него, ибо онъ утратилъ поклонниковъ, боготворившихъ его въ болѣе раннюю пору его жизни за радикализмъ его философскихъ мнѣній, и не много выигралъ отъ сочувствія тѣхъ, которые читали и восхваляли его за его антипатію къ революціи и унылымъ взглядъ на ходъ развитія современной Франціи.

Теперь, съ его кончиной, какъ это всегда бываетъ, всѣ голоса, безъ сомнѣнія, сольются въ признаніи его заслугъ.

*) Переводъ съ датскаго изъ газеты *Politiken*.

Тѣ, которымъ довелось слышать Тэна, какъ лектора, въ красивой залѣ Ecole des Beaux Arts съ большою полукруглою картиною Делароша, должны были сохранить неизгладимое воспоминаніе о самомъ необыкновенномъ видѣ краснорѣчія. При входѣ профессора молодые художники оглашали переполненный амфитеатръ цѣлою бурей рукоплесканій. Тэнь садился къ столу и начиналъ говорить совсѣмъ тихо, безъ малѣйшей игры физиономіи, безъ одинаго жеста, первое время безъ малѣйшаго повышенія или пониженія голоса, не ускоряя и не замедляя рѣчи, монотонно, съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Но голосъ, хотя и не сильный, былъ богатъ и звученъ, и по мѣрѣ того, какъ Тэнь продолжалъ говорить, это противорѣчіе между поэзіей выраженій, великолѣпіемъ описаній, смѣлостью и изумительною красотой стиля, съ одной стороны, и затѣмъ съ другой—этою равнодушною, безстрастною дикціей казалось вамъ какъ бы шуткой, какъ бы результатомъ пари. Онъ точно самъ не зналъ или не подозрѣвалъ, какъ превосходно то, что онъ говоритъ. Лишь тогда, когда онъ описывалъ какой-нибудь ландшафтъ или какое-нибудь художественное произведеніе, въ его голосѣ появлялась если не теплота, то все же нѣкоторый интеллектуальный энтузіазмъ. Вскорѣ становилось понятно, что лекторъ вполне естествененъ, и что эта англійская манера если и не была у него врожденнымъ свойствомъ, то сдѣлалась, все-таки, неподдѣльною формою, въ которую вылился его характеръ. Онъ терпѣть не могъ выставлять напоказъ свои чувства или хотя бы проявлять свои душевныя движенія и въ совершенствѣ владѣлъ собою. Онъ не искалъ благоволенія своихъ слушателей, онъ непритязательно, но съ сознаніемъ своей силы сообщалъ имъ воззрѣніе, которое они вольны были раздѣлить или нѣтъ, какъ имъ заблагоразсудится. Онъ только не могъ не говорить такъ, что слушать его было истиннымъ праздникомъ.

Ипполитъ Адольфъ Тэнь родился въ 1828 г. въ Вузье, въ Арденнахъ. Исполнскіе лѣса Арденнъ произвели глубокое впечатлѣніе на его дѣтскую душу и внушили ему любовь къ лѣсамъ и отдѣльнымъ деревьямъ и вообще къ величественнымъ ландшафтамъ,—любовь, такъ часто прорывающуюся въ его сочиненіяхъ. Черезъ посредство дяди, возвратившагося на родину изъ Америки и научившаго его англійскому языку, онъ еще въ дѣтствѣ испыталъ на себѣ сильное воздѣйствіе англійскаго духа и характера, имѣвшее рѣшающее значеніе въ его развитіи.

Въ 1848 г. онъ поступилъ первымъ по конкурсу въ Нормальную школу (высшее учебное заведеніе Франціи для подготовки учителей), и занятія въ этой школѣ, солидное филологическое и историческое образованіе, даваемое ею, положили фундаментъ его научному зданію. Когда онъ вышелъ изъ школы, онъ былъ молодымъ ученымъ, мыслителемъ, увлекавшимся философіей 18-го вѣка, ненавидѣвшимъ и презиравшимъ французскую эклектическую философію, спиритуализмъ Кузена,—молодымъ человекомъ со скуднымъ житейскимъ опытомъ, но съ воинственнымъ духомъ и

великою отвагой въ своемъ стремленіи завоевать себѣ въ умственной жизни Франціи подобающее ему мѣсто.

Нѣтъ надобности рассказывать объ издѣвательствахъ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался со стороны высшихъ университетскихъ властей. Высшая милость, какой ему удалось добиться, это отправиться на должность помощника учителя въ Неверѣ, а затѣмъ—помощника учителя въ Пуатье. Когда онъ сталъ, наконецъ, просить штатнаго мѣста третьяго учителя гдѣ-нибудь въ провинціи, его назначили шестымъ учителемъ въ Безансонѣ. Онъ вышелъ въ отставку и въ теченіе слѣдующихъ тринадцати лѣтъ жилъ въ Парижѣ частнымъ человѣкомъ, изучая физиологію, высшую математику, медицину и философію.

Въ 1865 г. принцъ Наполеонъ, разыскавшій его и привлекшій его къ своему кружку, доставилъ ему мѣсто профессора въ академіи художествъ, послѣ того, какъ французская академія, по доносу епископа Орлеанскаго, отказалась увѣнчать преміей капитальный трудъ его молодыхъ лѣтъ *Исторію англійской литературы*. Такъ какъ о назначеніи его въ Сорбонну или въ Collège de France не могло быть и рѣчи, то, не имѣя матеріальныхъ средствъ, онъ съ радостью принялъ это незначительное мѣсто. Жалованья было всего какихъ-нибудь 5,000 франковъ, но отъ профессоровъ весьма мало требовалось, и Тэнъ могъ ограничиться небольшимъ числомъ лекцій въ зимніе мѣсяцы. Въ 1869 г., благодаря женитьбѣ, онъ сдѣлался состоятельнымъ человѣкомъ и затѣмъ, когда здоровье его разстроилось, онъ окончательно оставилъ профессорскую дѣятельность и сталъ жить только для своихъ литературныхъ работъ.

Даже тогда, когда Тэну было уже за сорокъ лѣтъ, онъ слылъ во Франціи нечестивымъ бунтовщикомъ, а въ Даніи поверхностною личностью. Но вскорѣ его имя стяжало славу и на Сѣверѣ, а во Франціи онъ былъ одно время любимъ и уважаемъ, какъ никто другой изъ умственныхъ воспитателей молодежи, счумѣвшей вполне оцѣнить его.

Что увлекало въ Тэнѣ, это, несомнѣнно, прежде всего, его чувство прекраснаго. Оно было такъ самостоятельно и сильно, что вамъ казалось, будто вы никогда не встрѣчали ничего подобнаго. А затѣмъ—соединеніе смѣлости мыслей и богатства и роскоши воображенія. Читателей, которые относились къ Тэну съ самою горячею симпатіей, подбуждали не философскія его теоріи,—онѣ интересовали скорѣе, какъ проявленіе его характера,—и не попытка его, остроумная, но по необходимости неудовлетворительная, построить эстетику,—эстетика была доктриной, а Тэнъ возбуждалъ энтузіазмъ не доктринерною своею стороною. Нѣтъ, въ немъ плѣнялъ великій поэтъ и живописецъ. Его проза напоминала парчу.

Мало-по-малу во Франціи вошло въ моду превозносить стиль Ренана надъ всею прочею прозой въ странѣ. Это справедливо въ томъ смыслѣ, что его стиль былъ необыкновенно простъ и лился непринужденно, какъ стихъ Ламартина, но несправедливо, если этимъ Ренана, какъ художника слова, хотѣли поставить выше Тэна. Теперь считается ересью ставить Тэна выше,

но, навѣрное, не мало найдется людей, для которыхъ стиль Ренана не имѣетъ идти и въ сравненіе со стилемъ Тэна. Правда, у послѣдняго за каждымъ предложеніемъ чувствуется воля, составившая его именно такъ, а не иначе, чувствуется искусство, создаваемое художникомъ. Но что-жъ изъ этого, разъ въ результатѣ является чудная красота и ясность, образы, запечатлѣвающіеся въ памяти, и богатство мелодій, относящихся къ музыкѣ Ренана такъ, какъ Бетховенъ относится къ Гайдну? И прибавьте къ этому самообладаніе, гордость, казихъ вы не найдете у Ренана. Нигде ни одного чувствительнаго, ни одного интимнаго слова читателю. Сентиментальность исключена совершенно, и сочувствію доступа нѣтъ.

Тэнъ не менѣ красоты любилъ истину, и эта любовь ничуть не имѣла ему, потому что онъ имѣлъ полную власть надъ собою. Въ устныхъ бесѣдахъ онъ всегда умѣрялъ, сдерживалъ, одушевленный страстью къ справедливости въ сужденіи, точно онъ видѣлъ передъ собою воочию вѣсы справедливости и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы стрѣлка ихъ стояла отвѣсно. Онъ любилъ во всемъ крупныя основныя контуры. Его основное влеченіе было влеченіе упрощать.

Но въ его природѣ была нѣкоторая двойственность.

Какъ умъ, онъ былъ существомъ изъ эпохи Возрожденія, не гибкимъ, но смѣлымъ и богатымъ, исполненнымъ любви ко всякой крупной силѣ и всякой ярко выраженной страсти, и, кромѣ того, существомъ глубоко политическимъ, не сторонившимся утомленныхъ и больныхъ элементовъ, безъ которыхъ новѣйшее время почти не знаетъ истинной поэзіи, восторженнымъ поклонникомъ Альфреда де-Мюссе и Генриха Гейне.

Какъ человекъ, онъ былъ въ высшей степени буржуазенъ (*gandé universitaire*); ни разу въ жизни не позволилъ онъ своей фантазіи обмануть его разсудокъ, ни разу не сдѣлалъ глупости, ни разу не совершилъ какого-нибудь бросающагося въ глаза поступка. Съ удивленіемъ и сожалѣніемъ смотрѣлъ онъ на умы, которые и въ личной жизни отдавались во власть своей поэзіи. Онъ сравнительно поздно познакомился со свѣтомъ въ его настоящемъ видѣ и получилъ отъ него впечатлѣніе подавляющаго отвращенія. Никогда соблазны Парижа не манили его. Само собою разумѣется, что въ молодости онъ бывалъ всюду, бывалъ и у кокетокъ и большихъ куртизанокъ. «Я смотрѣлъ на нихъ, какъ на трупы въ анатомическомъ театрѣ»,—говаривалъ онъ. Онъ жилъ какъ ученый и философъ.

Эта своеобразная двойственность его природы обнаружилась передъ большою публикой въ его *Исторіи революціи*.

Планъ его послѣдняго великаго произведенія начерталъ въ немъ патръ-отъ. Послѣ катастрофы 1870 г. онъ рѣшилъ быть насколько возможно полезнымъ своей странѣ.

Онъ началъ изучать старый режимъ, революцію, эпоху Наполеона.

Положеніе, имъ занимаемое въ то время, было таково. Онъ только что пережилъ неистовства коммуны и видѣлъ революцію сквозь зарево пожара коммуны. Вопреки своей антипатіи къ имперіи, онъ, какъ другъ при

на Наполеона и принцессы Матильды, внушалъ недовѣріе новой демократіи. Онъ съ самаго начала видѣлъ въ яacobинизмѣ продуктъ ложно-классическаго умственнаго направленія, ограниченность котораго онъ, какъ историкъ литературы, всю свою жизнь изобличалъ и старался сокрушить. Его политическимъ идеаломъ было осуществленное англичанами соединеніе консерватизма и прогресса, а потому, по отношенію къ революціи и легкомысленному и пристрастному боготворенію, предметомъ котораго долгое время были ея представители, онъ сдѣлался органомъ реакціи, носившейся въ воздухѣ.

Онъ принялся за дѣло съ чрезвычайною добросовѣстностью. Состояніе, въ какомъ находились источники, принудило его въ то самое время, какъ онъ сдѣлался историографомъ, приступить къ изслѣдованію архивовъ. Когда Зибель изучалъ въ Парижѣ исторію революціи и хотѣлъ взять въ архивѣ нѣсколько связокъ рукописей, архивариусъ воскликнулъ, къ изумленію нѣмца: «Не прикасайтесь къ этому священному праху, милостивый государь, онъ лежитъ здѣсь съ 93-го года!» Французскіе изслѣдователи оставляли этотъ прахъ въ покоѣ. Тэну это положеніе вещей представлялось позоромъ, и онъ съ жаромъ предался работѣ, непосильной для его слабаго здоровья. А потому въ его исторіи оказывается по временамъ слишкомъ мало текста и слишкомъ много цитатъ. Порой онъ черезъ-чуръ усердно рылся въ архивной пыли.

Его книга о старомъ режимѣ вышла шедевромъ. Книга о революціи вышла слабѣе. Это объясняется тѣмъ, что, тогда какъ поэтъ и живописецъ въ Тэнѣ могъ набрасывать превосходные портреты великихъ людей революціи, человекъ порядка былъ въ немъ инстинктивно возмущенъ и подавленъ распаденіемъ всякихъ узъ.

Звукъ разбивающагося въ дребезги оконнаго стекла уже приводилъ его въ содроганіе. Онъ негодовалъ при видѣ всей этой невѣжественной массы, насильственно завладѣвшей кормиломъ правленія.

И такимъ образомъ онъ написалъ замѣчательное и солидное произведеніе, но, читая его, вы готовы подчасъ подумать, будто авторъ своими увѣщаніями пытается остановить землетрясеніе.

Въ послѣднемъ изъ вышедшихъ томовъ, первомъ томѣ о наполеоновской эпохѣ, въ мастерскомъ портретѣ Бонапарта, которымъ онъ открывается, Тэнъ вновь поднялся на высшую ступень своего таланта. Правда, этотъ портретъ не совсемъ точенъ. Тэнъ слишкомъ склоненъ давать вѣру всемъ свидѣтельствамъ противъ Наполеона, онъ вѣритъ даже гнуснымъ мемуарамъ Меттерниха. Но пониманіе характера здѣсь глубоко и вдумчиво, а стиль грандіозенъ. Историкъ нашелъ достойный себя сюжетъ.

Впрочемъ, эта книга принесла ему мало радости. Его старинный покровитель, принцъ Наполеонъ, написалъ противъ него негодующую брошюру; его старинная пріятельница, принцесса Матильда, въ первой вспышкѣ гнѣва по прочтеніи книги послала ему свою барточку съ надписью р. р. с. (roug

prendre congé), и если она и не замедлила раскаяться въ своей опрометчивости, то все же онъ послѣ того почувствовалъ себя болѣе одинокимъ.

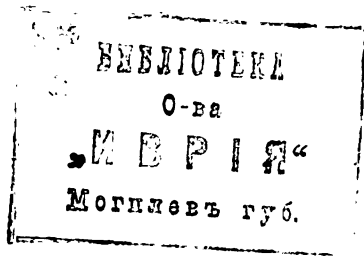
Взглядъ его на новѣйшую исторію Франціи былъ мраченъ и дѣлалъ все мрачнѣе и мрачнѣе. Его основное воззрѣніе заключалось въ томъ, что старый режимъ положилъ начало совершенно неразумной въ политическомъ смыслѣ централизаціи, затѣмъ революція сломила всѣ самостоятельныя учрежденія и всѣ самостоятельныя силы въ странѣ за предѣлами Парижа, наконецъ, Наполеонъ сжалъ въ своей рукѣ то, что еще оставалось, а когда онъ выпустилъ добычу, тогда страна пошатнулась. Съ 1800 годъ Франція 8 разъ перемѣнила форму правленія и теперь будто бы все ближе и неотвратимѣе катится къ гибели.

Въ 1889 г. Тэнъ писалъ: «Наполеонъ ввелъ въ этотъ механизмъ центральнымъ двигателемъ, общею пружиной стремленіе пробиться впередъ, беззащитное честолюбіе, ничѣмъ не прикрашенный эгоизмъ, и эта пружина, натянутая до крайняго напряженія, трещить, лопается и ломаетъ механизмъ. Послѣ него его преемники держались такого же образа дѣйствій. До сихъ поръ самый продолжительный изъ періодовъ въ этомъ вѣгѣ не достигнулъ еще двадцати лѣтъ». Въ слѣдующемъ году Тэнъ указываетъ, что хотя республика и просуществовала теперь двадцать лѣтъ, но что она едва не была ниспровергнута буланжизмомъ. Последнее слово, посвященное имъ Франціи въ его великомъ произведеніи, это безнадежное: «идеть неуклонно къ банкротству».

Онъ написалъ это могучее историческое сочиненіе въ томъ же духѣ, въ какомъ Исаія писалъ свои могучія поэтическія книги для своего народа.

Поэтому онъ и не былъ популяренъ въ минуту смерти. Но когда забудется настроеніе дня, тогда имя его вновь засіяетъ во всемъ своемъ блескѣ.

Законъ и справедливость на «новомъ судѣ» и у земскихъ начальниковъ.

Legum servi esse debemus, ut liberi esse possimus.

Cicero.

I.

Въ недавней исторіи русскаго общественнаго самосознанія наблюдается одно странное, аномальное явленіе, это—полупрезрительное, полувраждебное отношеніе къ началу *законности*. Чтобы отыскать аналогичное явленіе въ исторіи европейской мысли, нужно обратиться къ XVI столѣтію, къ «умоначертанію» временъ Бэкона *) и Стюартовъ или, по крайней мѣрѣ, къ реакціонной эпохѣ первыхъ лѣтъ оканчивающагося столѣтія. Этому вредному анахронизму, который довольно долго ошибочно принимался за самобытный продуктъ русской мысли, заплатили дань многіе замѣчательные люди. Не только Гоголь въ періодъ появленія *Переписки съ друзьями*, но и Пушкинъ съ Карамзинымъ не остались чужды этому заблужденію. Если въ первую эпоху своей дѣятельности и въ стихахъ, и въ прозѣ они восхваляли «сѣнь надежную законовъ» и «въ жестокой вѣкъ возславляли свободу», то во вторую эпоху замѣчается не только пренебрежительное, но прямо непріязненное отношеніе къ принципу законности. Законъ — *дерево*, — говорилъ Пушкинъ, — въ законѣ слышать чело­вѣкъ что-то жесткое, не братское; съ однимъ *буквальнымъ* исполненіемъ закона далеко не уйдешь, нужна *милость*, умягчающая законъ **), и проч.

Нельзя сказать, чтобъ такой взглядъ на законъ не имѣлъ почвы въ со­временной Пушкину дѣйствительности. Напротивъ, именно уродливыя явленія ея настолько застилали разумѣніе даже очень умныхъ людей, что приводили ихъ къ ошибочнымъ обобщеніямъ. Нашъ старый, продажный, инквизиціон-

*) См. *Основы государственнаго права Англій* проф. Дайси. Спб., 1891 г., стр. 266—267.

***) Эти слова Пушкина приведены въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому, см. т. IV *Сочиненій Гоголя*, 4-е изд., стр. 600.

ный судъ съ его тайнымъ бумажнымъ производствомъ, съ его подьячскимъ буквѣдствомъ, съ безпощадною жестокостью къ слабымъ и бѣднымъ и преступною поблажкой сильнымъ и богатымъ не могъ, конечно, поднять авторитетъ закона.

Приведу двѣ-три справки изъ судебной хроники «добраго стараго» времени. Титулованный изнасилователь, имѣвшій нахажство рекомендоваться въ прошеніи, поданномъ въ сенатъ, словами: «по милости царской, я сынъ барскій», оправдывается сенатомъ, несмотря на доказанность возмутительнаго преступленія и громкій, хотя и безплодный протестъ молодого обер-секретаря И. С. Аксакова *). Другой случай. Наканунѣ почти открытія новаго суда рязанская палата приговорила къ домашнему аресту исправника Л—а, который такъ неслыханно-гадко надругался надъ крестьянскими дѣвушками, что подробности процесса не могли быть оглашены въ печати. Объясненіемъ этого возмутительнаго приговора, который былъ приличенъ, по выраженію Каткова, развѣ Хивѣ и Бухарѣ, служило давленіе, произведенное на «губернскую юстицію» губернаторомъ въ пользу своего любимца **).

А вотъ полюбуйтесь на высшую юстицію, исходящую отъ самого министра юстиціи, когда нѣтъ у подсудимаго сильнаго заступника. Мальчуганъ-сирота былъ пойманъ въ булочной съ грубо-поддѣланнымъ двугривеннымъ. Палата приговорила преступника къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылке въ Сибирь, но, вмѣсто 100 ударовъ плетью, назначила ему 100 розогъ. Сенатъ счелъ справедливымъ уменьшить число розогъ до 50-ти, но такъ какъ самъ не имѣлъ права допустить такого чрезвычайнаго снисхожденія, то постановилъ исходатайствовать на то высочайшее повелѣніе. Министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ, педантъ-буквоѣдъ ***), типичнѣйшій представитель нашей бездушной старой юстиціи, не счелъ возможнымъ дать ходъ сенатскому ходатайству, разсудивъ, что замѣной 100 ударовъ плетью 100 розгами и безъ того проявленъ избытокъ милосердія ****).

Уровень современной Пушкину и Гоголю юридической науки, — если только можно назвать наукой рабское обоготвореніе дѣйствительности, — также не мало способствовалъ паденію престижа права. Въ то тяжелое время, когда съ университетскихъ кафедр раздавался дикорамбъ въ честь кнута и утонченныхъ приѣмовъ инквизиціонной пытки *****), когда самое слово «право» было изгнано изъ университетскаго преподаванія, ограниченнаго

*) См. предисловіе къ книгѣ: *И. С. Аксаковъ и его перипетика*. Изъ-за этого дѣла Аксаковъ долженъ былъ выйти въ отставку.

**) См. *Москов. Вѣдом.* 1866 г., № 49.

***) Характеристику его см. въ книгѣ моей: *Изъ эпохи великихъ реформъ*, изд. 3-е, стр. 9 и слѣд.

****) См. т. XXVI *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, № 23.

*****) См. проф. *Я. Баршова*: «Основанія уголовного судопроизв.» Спб., 1841 г. стр. 155.

(до устава 1863 г.) *буквальнымъ* пересказомъ статей *Свода Законовъ* *), законы могли внушать ужасъ или презрѣніе, но не уваженіе.

При такомъ неизменномъ уровнѣ судебной практики и юриспруденціи и при слабомъ знакомствѣ русскаго общества съ исторіей права и цивилизаціи у другихъ цивилизованныхъ народовъ, создавалась почва для поверхностнаго и фальшиваго обобщенія о вредѣ законности вообще, какъ олицетворенія жестокости и буквоѣдства, и о необходимости на мѣсто «сѣни надежной законовъ» поставить просвѣщенный и даже непросвѣщенный произволъ администраціи, т.-е. личной власти. Въ иныхъ случаяхъ произволъ можетъ оказаться даже полезнымъ, и, все-таки, ему нѣтъ мѣста, потому что лучше пожертвовать нѣкоторыми второстепенными цѣлями, нежели поступиться *главною* идеей гражданскаго общезнатія—идеей *права* **),—такъ разсуждаетъ европеецъ. У насъ разсуждали наоборотъ: законы наши плохи, долой законность!

На подмогу скороспѣлому обобщенію явилось искреннее, но туманное, самодовольно-хвастливое ***)) ученіе славянофиловъ о самобытности *quand même*, возведшее ее въ нѣкій политико-метафизическій догматъ *an und für sich*. Въ мою задачу не можетъ входить критика этого ученія «археологическихъ либераловъ» и его позднѣйшихъ искаженій. Еслибъ это и не выходило изъ моей компетентности, въ настоящее время такой разборъ явился бы излишнимъ въ виду разбора, сдѣланнаго столь компетентнымъ и талантливымъ критикомъ, какъ В. С. Соловьевъ ****). Я только желалъ бы вкратцѣ прослѣдить на исторіи нашихъ судебныхъ учреждений практическую несостоятельность этого ученія, возведшаго въ законъ противоположеніе закона и справедливости.

II.

Если старый судъ и законодательство были жестоки и несправедливы, то естественно было, кажется, искать выхода изъ этого прискорбнаго поло-

*) См. справку, приведенную въ лекціяхъ проф. Рѣдкина. Спб., 1889 г., стр. 5—6. Въ 50-хъ годахъ цензура запретила *Уголовное судопроизводство* молодого правовѣда Н. И. Стояновскаго на томъ только основаніи, что въ немъ, кромѣ текста закона, встрѣчались (о, ужасъ!) и нѣкоторыя... „собственныя“ мысли автора.

**) См. предисловіе проф. П. Г. Виноградова къ назв. соч. Дайси.

***)) Гоголь, говоря о славянистахъ или „восточникахъ“, между прочимъ, характеризуетъ ихъ такъ: „Кичливости больше на сторонѣ славянистовъ: они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ рѣпу“. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о „квасныхъ патріотахъ“, Гоголь выражается такъ: „Послѣ ихъ похвалъ, впрочемъ, довольно чистосердечныхъ, только плюнешь на Россію“. См. *Соч.*, т. IV, стр. 600, 697.

****) См. второй выпускъ *Національнаго вопроса въ Россіи*, главы II и VIII. Изъ разбора г. Соловьева явствуетъ, какую злую шутку сыграла судьба надъ „самобытниками“: ученія Аксакова и Каткова, по справкѣ съ документами, оказываются заимствованными у заповалы первой французской реакціи, графа Жозефа де-Местра (см. стр. 104—116).

женія не въ упраздненіи законности, а въ реформѣ законодательства. По главнымъ тормазомъ для такой разумной постановки и рѣшенія вопроса было существованіе крѣпостного права, дававшего окраску всему общественному строю и служившаго тормазомъ для всякаго прогресса *). Будучи само построено на отрицаніи права и на узаконеніи произвола, оно изъ административнаго усмотрѣнія дѣлало настоящій рычагъ управленія instrumentum regni. Законъ жестокъ, формаленъ, стало быть, администрація должна имѣть право, не стѣсняясь никакими законами, водворять правду на землѣ, не стѣсняясь никакими формами и нормами. Таковъ девизъ дореформеннаго строя жизни сверху до низу. Наверху въ центры вводится экстраординарное учрежденіе, агентамъ коего вмѣняется въ обязанность внимать «гласу страждущаго человѣчества и защищать беззащитнаго гражданина» **), открывая правду по непосредственной интуиціи и не стѣсняясь никакими формами. Внизу дѣйствуетъ полновластная администрація, стоящая de facto выше закона, что такъ наглядно выразилъ одинъ типичный губернаторъ, положившій подъ себя *Сводъ Законовъ*. Въ начальствѣ, — пишетъ г. Любимовъ, — совмѣщалось все: законъ, правда, милость и кара ***). При такомъ всевластіи начальства пути проявленія его благопопечительнаго управленія, конечно, должны быть своеобразны и порою капризны и непостижимы.

Замѣчательный набросокъ картины мѣстнаго управленія мы находимъ въ послѣдней главѣ *Мертвыхъ душъ*. Наперсникъ высшаго начальства, идеальный, провиденціальный откупщикъ Муразовъ, «единственный честный человѣкъ» (все чиновники мерзавцы, по опредѣленію губернатора), и голодная губернія прокармливаетъ, и съ раскольниковыми ведетъ переговоры и даже берется «спасти» «душу» Чичикова, искусно разыгравшаго предъ нимъ комедію раскаянія.

— У человѣка, даже у того, кто похуже, — говоритъ Муразовъ губернатору, — все-таки, есть чувство справедливости, развѣ ужъ жидъ какой-нибудь, а не русскій.

Губернаторъ сдается и разрѣшаетъ Муразову выпустить изъ тюрьмы Чичикова, составившаго подложное завѣщаніе. Чичиковъ же заказалъ новый фракъ изъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, посмѣиваясь надъ наивностью своего обмороченнаго заступника, и укатилъ изъ города. Любопытенъ финалъ этого уголовного дѣла. Опутанный кругомъ плутнями «юрисконсульта», губернаторъ грозитъ своимъ подчиненнымъ ultima ratio дореформеннаго времени — военнымъ судомъ. «Само собою разумѣется, — говоритъ губернаторъ, — вмѣстѣ съ виновными *пострадаютъ и множество невинныхъ*. Что же дѣлать? Хотя я знаю, — продолжаетъ онъ, — что и новые чинов-

*) См. проф. *Иванюкова*: „Паденіе крѣпостного права“, стр. 1. Недавно *Гражданинъ*, оплакивая паденіе крѣпостнаго права, сдѣлалъ любопытное признаніе, что съ нимъ вмѣстѣ „рухнули и старые суды, жившіе и дѣйствовавшіе *единственно* въ обстановкѣ крѣпостнаго права, а безъ него совершенно *немыслимыя*“ (см. № 58, 1893 г.).

**) См. интвюкцію гр. Бенкендорфа агентамъ III отдѣленія.

***) См. *Любимова*: „М. Н. Катковъ“, стр. 183 и слѣдующія.

ники продадутъ и обманутъ, какъ прежніе, но я долженъ поступить *жесток*, потому что вопіеть правосудіе».

Рѣчь свою губернаторъ заключаетъ патріотическо-патетическимъ обращеніемъ. «Я обращаюсь, — говорилъ онъ, — къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что такое благородство мыслей. Я приглашаю разсмотрѣть ближе *свой долгъ* и обязанности занимаемой должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется и мы сдѣ...».

На этомъ полусловѣ обрывается рѣчь сановника и послѣдняя глава безсмертныхъ *Мертвыхъ душъ* *). Каковы были практическіе результаты лирическаго воззванія губернатора, остается загадкою, которую, впрочемъ, не трудно разгадать. Изъ самой же рѣчи мы узнаемъ, что она и *не могла* произвести никакой существенной перемѣны въ дореформенномъ царствѣ произвола и повального взяточничества: «Установились,—говорилъ тотъ же администраторъ,—свои условія, все оцѣнено и цѣны даже приведены въ общую извѣстность **). И никакой правитель, хотя бы опъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ исправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствія дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ».

Приведенный «документъ»—настоящее *testimonium paupertatis* дореформеннаго режима и надгробное слово надъ мавиловскою доктриною, мечтавшею найти защиту отъ жестокости и формализма «закона» подъ «сѣнью властной руки» и патріархальнаго произвола. Представитель его, въ концѣ-концовъ, приходитъ къ необходимости прибѣгнуть къ завѣдомой жестокости, т.-е. къ сознательной неправдѣ. Для удовлетворенія «вопіющаго правосудія» приходится обратиться къ сѣрной военной расправѣ и совершить величайшій актъ неправосудія, ибо что же можетъ быть возмутительнѣе, съ точки зрѣнія правосудія, принесенія «множества невинныхъ жертвъ»? Это ли не банкротство дореформенной системы ***)?

Изъ сказаннаго явствуетъ, что дореформенный строй жизни представлялъ собою настоящій *circulus vitiosus*, изъ котораго не было выхода безъ магической формулы, способный разорвать, быть можетъ, самобытный, но поистинѣ заколдованный кругъ. Такою магическою формулою оказалась великая освободительная хартія 19 февраля, которая была первою побѣдой европей-

*) Сочин. Гоголя, т. IV, *Мертвыя души*, ч. 2.

***) Въ появившемся недавно извлеченіи изъ интереснаго дневника Гоголя (см. *Библиотеку для Чтенія* 1892 г., апрѣль) находимъ любопытную «табелю о взяткахъ», въ которой соотвѣтственно табели о «рангахъ» указано, кому и сколько давали «по чину», начиная отъ второстепенныхъ чиновниковъ губернскаго Олимпа и кончая самимъ губернаторомъ.

***) Чего можно ожидать отъ страны,—съ горечью писалъ И. С. Аксаковъ о дореформенной Россіи, создавшей и выносящей такое общественное устройство,—гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду, гдѣ надо поступить *беззаконно*, чтобы поступить справедливо (см. его *Письма*, т. III, стр. 206).

скаго либерализма *) надъ дореформеннымъ строемъ, основаннымъ на произволѣ и угнетеніи. Вслѣдъ за объявленіемъ воли явилась необходимость въ созданіи гарантій для охраны ея и замѣны порядка, основаннаго на усмотрѣніи всевластной администраціи, правовымъ порядкомъ, основаннымъ на законѣ. Явилась необходимость въ созданіи *системы новыхъ учреждений*, безъ которыхъ и лучшіе люди, какъ это видно изъ вышеприведеннаго случая съ Аксаковымъ, вынуждены были, сознавая свое безсиліе, выходить въ отставку.

Отсюда идея *судебной реформы*, которой, согласно высочайшему повеленію 1862 г., поставлено было задачею—перенести въ русскую жизнь новыя гуманно-либеральныя начала, «несомнѣнное достоинство коихъ, какъ гласилъ указъ, признано наукою и опытомъ *европейскихъ* государствъ **). Эти начала европейскаго публичнаго права получили свое выраженіе въ знаменитыхъ *Судебныхъ Уставахъ, впервые* ***) создавшихъ настоящій, т.-е. независимый отъ администраціи судъ, долженствовавшій водворить *правду* въ гражданскихъ дѣлахъ, *милость* въ уголовныхъ и *законность* повсюду въ гражданской жизни. И это была не пустая официальная реторика, навѣянная витаніемъ «плѣнной мысли» въ безбрежной эмпиреѣ «свободы жизни и духа», это было прекрасно обдуманное законодательное слово, которое стало столь же прекраснымъ дѣломъ съ открытіемъ въ 1866 г. новаго суда.

Переворотъ, произведенный судебною реформой, изведшею Россію, по выраженію одной современной газеты ****), изъ неволи вѣкового безправія и вѣковой неправды, былъ колоссаленъ. То, что казалось еще не такъ давно аксіомой—невозможность примиренія «жестокихъ» требованій закона съ справедливостью—нашло торжественное опроверженіе съ введеніемъ суда присяжныхъ. Внося въ уголовное правосудіе житейскую правду, примиря суровыя предписанія общаго формальнаго закона съ требованіемъ справедливости въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, присяжные внесли въ нашъ гражданскій обиходъ начала противоположныя традиціямъ стараго суда. Если его тонкая паутина, сквозь которую дерзкіе шмели свободно проскакивали, годна была лишь для улавливанія слабыхъ мухъ, то совсѣмъ иначе стали рѣшаться дѣла на судѣ присяжныхъ. Представители общества, умѣя понять и отпустить случайный проступокъ искренно раскаивающа-

*) И. С. Аксаковъ отгѣчаетъ, что первоначально славянофилы противились освобожденію крестьянъ, какъ требованію, выдвинутому западнымъ либерализмомъ (см. его *Листья*, т. III, стр. 291).

***) См. т. XIII *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, стр. 82.

****) Противъ такого взгляда возражаютъ „новѣйшіе“ друзья новаго суда, утверждающіе, что суды въ Россіи существовали и до изданія либеральныхъ *Судебныхъ Уставовъ*. Въ другомъ мѣстѣ мы указали несостоятельность этого возраженія (см. *Изъ эпохи великихъ реформъ*, гл. XI, post scriptum), а теперь добавимъ только, что до 1864 г. не было и не могло быть *судей*, такъ какъ дореформенные судьи были простые чиновники, находившіеся въ подчиненіи у администраціи, т.-е. были не боже, какъ „придаткомъ администраціи“, какъ выразился Катковъ (*Моск. Вид.* 1866 г., № 49).

*****) См. *Голосъ* отъ 17 апрѣля 1866 г.

гося преступника, со всею строгостью караи героевъ преступленія, разсчитывающихъ на безнаказанность или въ силу своего высокаго общественнаго положенія, связей, богатства, или въ расчетъ на тонкую обдѣлку преступленія и мастерское замѣтаніе слѣдовъ преступленія.

Дѣла милліонеровъ Овсянникова и Вальяно, игумены Митрофаніи, князя Оболенскаго, генерала Гартунга, представителя золотой молодежи Юханцева и проч., и проч. должны были убѣдить самыхъ отчаянныхъ скептиковъ въ томъ, что наша новая юстиція, чутко прислушивающаяся къ голосу искренняго раскаянія и нравственнаго возрожденія, глуха передъ внушеніями силы денегъ, «хорошихъ связей» и т. п. Съ другой стороны, только благодаря участію присяжныхъ, провозглашенное еще воинскимъ артикуломъ основное правило гуманнаго правосудія—толкованія всякаго сомнѣнія въ пользу подсудимаго—изъ отвлеченнаго *rius desideratum* стало реальнымъ факторомъ правосудія. Но это, конечно, не значить, что намѣренное «запутываніе дѣлъ», въ которомъ старые дѣльцы видѣли надежнѣйшую опору своей безнаказанности (вспомнимъ, что гоголевскій юрисконсультъ 15 лѣтъ находился подъ судомъ и не могъ быть отрѣшенъ отъ должности, благодаря тому, что держался правила: «спутать, спутать и ничего больше» *), могло вызвать сомнѣнія въ судахъ совѣсти и смутить ихъ разумѣніе. Достаточно припомнить замѣчательное въ этомъ отношеніи дѣло о хищеніяхъ въ таганрогской таможнѣ, съ которымъ присяжные блестяще справились, разрѣшивъ послѣ пятинедѣльнаго труда 1,311 вопросовъ **).

Но за то, если бы пришлось судить присяжнымъ вышеупомянутаго мальчугана за «поддѣлку» двугривеннаго, то, конечно, не стали бы они торговаться, подобно гр. Панину, изъ-за числа ударовъ розгами и, вѣроятно, вовсе бы оправдали его, къ ужасу нашихъ консерваторовъ, вообще равнодушныхъ къ законности и воспоминающихъ о буквѣ закона какъ разъ въ то время, когда примѣненіе ея было бы явною несправедливостью.

Описанная счастливая особенность и прерогатива суда присяжныхъ, благодаря которой онъ умѣетъ примирять требованія формальнаго закона, общественнаго порядка съ указаніями житейской правды, съ праведливостью дѣлаетъ изъ этого незамѣнимаго и единственнаго въ своемъ родѣ института ***) *живую общественную силу*, какъ мѣтко выразился Катковъ.

*) См. т. IV соч. Гююля, стр. 521.

**) См. заключеніе оберъ-прокурора А. Θ. Кони. *Судебныя рѣчи*, стр. 586.

***) *Русское Обзорніе* желало бы эту прерогативу суда присяжныхъ предоставить—*exsusez du reu!*—и земскимъ начальникамъ (см. № 4 за 1891 г.) и „удивляется“, что не всѣ одобряютъ такое уравненіе столь противоположныхъ и несоизмѣримыхъ институтовъ. Вездѣ, даже въ Англіи, гдѣ такъ сильно уваженіе къ закону, присяжные въ большей или меньшей мѣрѣ призваны служить коррективомъ закона (см. мои *Основы судебной реформы*, гл. XIV и XV). Развѣ только въ шутку или при напускной наивности можно говорить объ уравненіи второстепенныхъ, зависящихъ отъ администраціи чиновниковъ съ институтомъ, въ которомъ цивилизованные народы видятъ ос-

Я далеко отъ мысли утверждать, что сдѣлано все для правильного дѣйствія суда присяжныхъ. Съ улучшеніемъ нашего уголовного законодательства и судебныхъ порядковъ, съ успѣхами культуры улучшится и дѣйствіе суда присяжныхъ. Но можно сказать смѣло, что и нынѣ при нашихъ устарѣлыхъ законахъ судъ присяжныхъ—незамѣнимый судебный аппаратъ уже по тому одному, что онъ способенъ внести въ отправленіе правосудіи *наибольшую* сумму справедливости, какая только возможна по даннымъ условіямъ среды.

Если «черная неправда» и жестокость уголовного суда начинаютъ отходить въ область преданій, то этимъ Россія обязана суду присяжныхъ. Если бы Пушкину дано было видѣть судъ общественной совѣсти, онъ бы воочію убѣдился, что былъ неправъ, говоря: законъ—дерево, нѣчто жесткое, не братское. Онъ бы съ обычной своею отзывчивостью привѣтствовалъ это молодое учрежденіе, такъ быстро изгнавшее изъ суда возмущавшія поэта жестокость и буквѣдство и внесшее тотъ «братскій элементъ», ту «умягчающую законъ милость», о которой мечталъ Пушкинъ и которая была невозможна въ современныхъ ему судахъ.

III.

Теперь обратимся къ новому суду гражданскому и къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ достигается здѣсь примиреніе закона и справедливости. Иные считаютъ, что гражданскій процессъ и не можетъ задаваться такою цѣлью и что его назначеніе—отысканіе только такъ называемой «формальной», т. е. кажущейся, мнимой истины. Было время, когда такой формализмъ, дѣйствительно, господствовалъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, но, къ счастью, оно миновало. Самый цѣлостный типъ такого рода культа формы и буквы закона мы видимъ въ древнемъ Римѣ (*legis actiones*). Стояло, напримѣръ, истцу, отыскивающему виноградный черенокъ, назвать его лозой (*vites*), а не деревомъ (*arbor*), какъ гласила сакраментальная законная формула, и дѣло проигрывалось *). Но чѣмъ болѣе римское право высвобождалось изъ-подъ гнета жреческо-аристократической сословной ферулы **) и чѣмъ болѣе вливалась въ него живая струя освѣжающаго плебейскаго демократическаго и общечеловѣческаго начала, тѣмъ болѣе узконаціональное черствое римское право (*jus strictum*) стало проникаться духомъ естественной справедливости (*jus naturale*).

Почти одновременно съ «благосовѣтствованіемъ», раздавшимся на восточномъ берегу Средиземнаго моря и осудившимъ формальный принципъ: «суббота выше человѣка»,—на противоположномъ концѣ моря, въ Ри-

нову правового порядка (см. нов. соч. Дайси, ч. II. *Господство права*) и для правильного функционированія коего установлены всѣ доступныя человѣческому правосудію гарантіи.

*) См. *Муромецъ*: „Гражданское право“, стр. 155.

**) См. *Марешомъ*: „Римское право“, § 21.

нѣ, появилось «благое вѣяніе», требовавшее во имя разума и совѣсти водворенія въ судахъ началъ «правды и милости» (aequitas), безъ которыхъ право — неправо (nihil autem jus quod sit iniquum). Изобрѣтательный римскій юридическій гений, изощрившійся дотогѣ надъ созиданіемъ разныхъ юридическихъ путей и формъ квинтискаго права, устремился на созиданіе тончайшихъ юридическихъ институтовъ (restitutio in integrum и проч.), имѣвшихъ цѣлью защитить честныхъ и добросовѣстныхъ гражданъ отъ безсовѣстныхъ и безсердечныхъ вляузниковъ. Если XII таблицъ предоставляли кредитору право чуть не шкуру сдирать съ должника (III-я таблица разрѣшаетъ разрубить тѣло должника для пропорціональнаго удовлетворенія взыскателей), то новое римское право установленіемъ института beneficium competentiae ограждаетъ минимальную хозяйственную цѣльность должника. Вѣря, въ отличіе отъ азіатскихъ деспотій, что основой культурнаго общежитія можетъ быть только законъ, а не произволь, римскіе юристы видѣли путь къ справедливости не въ упраздненіи законовъ, а въ *разумномъ изясненіи и развитіи ихъ*. Плоды этого гениальнаго творчества римскаго юридическаго мышленія, собранныя Юстиніаномъ въ Пандектахъ, доселѣ составляютъ неистощимый духовный капиталъ для всего цивилизованнаго человѣчества.

Юридическая наука и судебная практика доселѣ учатся у римскихъ юристовъ методу для примиренія закона и справедливости, для водворенія въ гражданскомъ судѣ правды. Если условія современной жизни, сравнительно съ римскою, измѣнились, то пути для распознанія истины въ гражданскомъ процессѣ остались тѣ же, и извѣстный германскій юристъ Іеррингъ справедливо указалъ, что современный юристъ слѣдуетъ пути, указанному римскою юриспруденціей, но идетъ дальше нея.

Хотя римское право никогда не имѣло въ Россіи обязательнаго значенія, но такъ какъ, благодаря своей универсальности, оно признается воплощеніемъ разума (ratio scripta), то и русскому правосудію оно можетъ оказывать и дѣйствительно оказываетъ громадную услугу. Возможность воздѣйствія римской или научной юриспруденціи на русскій гражданскій процессъ открылась съ той же эпохи судебной реформы, къ которой относится и уничтоженіе «черной неправды» въ судѣ уголовномъ. Доведя до минимума значеніе формальныхъ доказательствъ *) и разрѣшивъ судамъ, въ случаѣ неполноты, неясности и противорѣчія законовъ, руководствоваться духомъ и общимъ смысломъ (ст. 9 уст. гражд. суд.) законовъ, *Судебные Уставы* открыли путь для внесенія въ гражданскій процессъ началъ добросовѣстности и справедливости. Но усовершенствованныя орудія процесса могли принести пользу только въ рукахъ умѣлыхъ исполнителей, какими должны были явиться члены вновь образуемой независимой, несмѣняемой магистратуры съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Только люди, незнакомые съ процессомъ научно-судебнаго «творчества», могутъ

*) Даже завладныя, считавшіяся sacrosanctum формализма, могутъ быть оспариваемы по безнадѣжности. См. рѣш. гражд. касс. деп. 1887 г. по дѣлу Хлытѣева.

думать, что для выясненія «правды» въ судебныхъ дѣлахъ не нужно глубокаго изученія законовъ, а достаточно «непосредственнаго (sic) чувства», по вдохновенію открывающаго сущность дѣла и «матеріальную правду». Къ сожалѣнію, ни наука, ни практика до сихъ поръ не знаютъ ничего о возможности открытія посредствомъ подобной «непосредственной» интуиціи «матеріальной правды», каковымъ даромъ, по увѣренію иныхъ, надѣлены наши новыя административно-судебныя учрежденія *). Путь къ судебной правдѣ менѣе простъ и болѣе труденъ, и, во всякомъ случаѣ, не непосредствененъ: онъ идетъ черезъ законъ по пути закона, а не въ сторону отъ закона. Для правильнаго уразумѣнія смысла и духа закона и всесторонней оцѣнки судебныхъ доказательствъ, благодаря которымъ только и открывается истинная «сущность» дѣла, нужно не неопредѣленное «непосредственное чувство» или чутье, граничащее съ капризомъ, произволомъ, если не самодурствомъ, а *самостоятельное* юридическое мышленіе и способность къ тонкому юридическому анализу. Еше Савиньи указалъ, что только всесторонняя юридическая школа можетъ работать свободное юридическое мышленіе, недоступное для простыхъ «законниковъ» **). Развивая ту же мысль, нашъ юристъ К. П. Побѣдоносцевъ замѣчаетъ, что только сообщаемая опытнымъ *знаніемъ сознательная увѣренность* мысли можетъ предохранить судью какъ *отъ буквотства, такъ и отъ произвольнаго увлеченія* ***).

Наша новая судебная практика явила уже не одно доказательство тому, какъ судъ, руководимый просвѣщенными юристами, можетъ отыскивать элементы справедливости даже въ такомъ «скудномъ руководственными правилами и полномъ противорѣчій» ****) законодательствѣ, какъ дѣйствующіе наши устарѣлые гражданскіе законы. Но какъ ни плохи эти законы, дурная репутація, созданная имъ подьячими-буквоѣдами, не вполне заслужена. Правда, есть въ нихъ такія категорически-несправедливыя постановленія, какъ, наприм., восходящія во временахъ *Русской Правды* правила о $\frac{1}{14}$ долѣ дочери въ наслѣдствѣ отца или объ исключеніи, въ боковыхъ линіяхъ, изъ наслѣдства братомъ сестры (ст. 1130 и 1135 т. X. ч. 1), предъ которыми юристъ безсиленъ. Что тутъ можетъ сдѣлать самый развитой юристъ, какъ не исполнить, сверѣя сердце, несправедливый законъ: *dura lex, sed lex!* Но есть масса случаевъ, гдѣ злоупотребляютъ этимъ афоризмомъ лица, которыя, по недостатку энергіи или умѣнья, преклоняются предъ явно несправедливою буквою закона, не истощивъ всѣхъ средствъ, даваемыхъ наукою, тонкимъ юридическимъ анализомъ для примѣненія его съ началомъ справедливости *****).

*) *Русское Обзоріе* 1891 г., № 4, стр. 800.

***) См. лекцію проф. Н. Л. Дювернуа. Спб., 1889 г., стр. 168.

****) См. *Судебное руководство*. Спб., 1872 г., стр. III.

*****) *Ibidem*, II.

*****) Превосходные образцы такого умѣлаго истолкованія закона можно найт въ многочисленныхъ трудахъ безвременно умершаго замѣчательнаго юриста Иль Франскаго. См., наприм., статью его въ *Журн. гражд. и угол. права* 1873 г., №№ 8 4.

Примѣръ ихъ практики можетъ лучше всего показать, какую громадную услугу способны оказать хорошій, относящійся къ дѣлу съ живою энергіей юристъ-судья разумнымъ истолкованіемъ неясныхъ или неполныхъ законовъ. Положеніе женщины, съ точки нашей старой судебной практики, было часто безвыходно и позѣ вправѣ быть сказано о русской женщинѣ:

Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣрала,
Ты вся—воплощенный испугъ
Ты вся—вѣковая истома.

Но какъ быть, когда эпилогъ подобный кровавой борьбы, помимо воли жены, разыгрывается на улицѣ? Таковъ былъ, наприм., случай, дошедшій недавно до сената *). Учитель полтавскаго реальнаго училища и женской гимназіи Василій Гриневицъ, долго истязавшій жену свою, выгналъ ее, наконецъ, съ двумя несовершеннолѣтними дочерьми на улицу, оставивъ ихъ безъ куска хлѣба. Жена обратилась поневолѣ въ судъ, прося взыскать съ мужа средства для содержанія семьи. Буквоѣдъ-фарисей, умиленно возводящій очи къ небу, всякій разъ, какъ произносить слово семья, умылъ бы руки и, порекомендовавъ семьѣ Гриневица долготерпѣніе, отказалъ бы въ искѣ въ виду отсутствія прямого закона, обязывающаго мужа выдавать семьѣ отдѣльное содержаніе. Къ чести нашей судебной практики нужно сказать, что она никогда не могла примириться съ такимъ жестокимъ, безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ горемычной долѣ брошенной на улицу семьи. Какъ ни несовершенны наши гражданскіе законы, но новый судъ старался путемъ толкованія, сличенія, аналогіи отыскать едва тлѣющую въ нихъ искру правды. Исходя изъ правила, указаннаго еще римскими юристами, что истинное пониманіе закона заключается въ усвоеніи не буквы его, а силы и воли его (*scire leges est non verba eorum tenere, sed vim ac potestatem*), нашъ кассационный сенатъ, побуждаемый рѣшеніями низшихъ инстанцій, не уставалъ искать эту истинную законодательную волю. Слѣды такого научно-судебнаго творчества видны и въ рѣшеніи сената по названному дѣлу Гриневица. Сопоставивъ отрывочныя положенія нашего гражданскаго права, разбросанныя по разнымъ томамъ *Свода Законовъ* (ст. 1091, т. X, ч. 2, ст. 332 т. IX, зак. о сост., прилож. къ ст. 40, примѣч. 2, т. XIV уст. о ссыл., ст. 89, т. X, ч. I и пр.), сенатъ призналъ, что, по *общему смыслу законовъ*, мужъ обязанъ выдавать женѣ половину получаемаго содержанія, такъ какъ она *не самавольно уклоняется отъ совмѣстнаго жительства съ мужемъ* **). Замѣчательна въ этомъ

*) См. рѣш. гражд. касс. деп. за 1890 г., № 18.

***) Ibidem, стр. 93. Отмѣчая здѣсь бесспорныя заслуги кассационнаго сената по развитію нашего гражданскаго права согласно указаніямъ науки, съ сожалѣніемъ должны мы указать, что въ практикѣ его встрѣчаются промахи, идущіе въ разрѣзъ съ такою тенденціей. Такой непонятный и, будемъ надѣяться, единичный *lapsus calami* находимъ мы въ одномъ изъ новѣйшихъ рѣшеній, въ которомъ сенатъ умышленно ссылку на такіе всемирно-извѣстные научные авторитеты, какъ сочиненіе Давала и Даллова (см. рѣш. гражд. касс. деп. 1881 г., № 62).

дѣлѣ еще одна подробность. Гриневицъ, очевидно, наученный какимъ-нибудь юристомъ-буквоѣдомъ, думалъ отпарировать искъ жены заявленіемъ, что онъ «готовъ» принять жену. Но судья, оцѣнивъ по совѣсти, должнымъ образомъ это нескрѣпенное заявленіе, рассчитанное на отводъ глазъ, не придавъ ему, какъ не подкрѣпленному никакими осязательными данными, никакого значенія.

Вышедшая недавно книга г. Боровиковскаго *) *Отчетъ судьи* заключаетъ въ себѣ богатый и поучительный матеріалъ для сужденія о томъ, какихъ счастливыхъ для правосудія результатовъ можетъ достигнуть судья, вооруженный солиднымъ юридическимъ знаніемъ и бодро несущій свои легкія судейскія обязанности. Изъ этого замѣчательнаго и пока единственнаго въ своемъ родѣ отчета мы узнаемъ, какихъ правилъ держался г. Боровиковскій въ своей судейской дѣятельности, чтобы исполнить законъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить торжество *правды* на судѣ. Но есть еще одна черта въ его дѣятельности, которая явно бросается въ глаза, несмотря на попятное умолчаніе автора: это—живое, *сердечное* отношеніе къ дѣламъ, безъ котораго судебная дѣятельность превращается въ обыкновенную служебную лямку съ ея обычною рутинной. Какъ истый «стражъ закона» (*miles legum*), г. Боровиковскій борется съ врагами его и старается отстоять правду закона отъ ихъ подчасъ остроумныхъ, но всегда безчестныхъ ухищреній. Онъ, какъ ученикъ римскихъ юристовъ, вѣритъ, что законъ не можетъ желать несправедливости (*nihil autem jus quod sit iniquum*), и, сильный своею вѣрой, онъ побѣдоносно борется со всевозможными плутовскими и ростовщическими изворотами и подвохами, имѣющими цѣлью мошеннической *обходъ закона*.

Обходъ закона, по мѣткому опредѣленію римскихъ юристовъ, заключается въ томъ, чтобы, прикрывшись буквою закона, нарушить его волю (*amplexus verbis legis contra ejus niti voluntatem*). Противъ такихъ покушеній сдѣлать изъ суда и закона орудіе обмана и неправды и возстаетъ въ своихъ рѣшеніяхъ г. Боровиковскій со всею силой своей эрудиціи и неотразимой логики, согрѣтой нравственнымъ чувствомъ правды.

Къ сожалѣнію, по недостатку мѣста мы не можемъ привести извлеченія изъ образцовыхъ рѣшеній одесской судебной палаты, редактированныхъ г. Боровиковскимъ, и должны ограничиться лишь принципами, имъ проводимыми.

Всякому извѣстно,—говорить онъ,—какъ *часты* случаи, когда по недостатку законовъ приходится обращаться къ *общему смыслу ихъ и духу*, въ виду неясности, неполноты и противорѣчій законовъ. Неизбѣжнымъ руководителемъ при восполненіи недомолвокъ закона и уясненія неточностей его являются *соображенія справедливости*, ибо законъ предполагается стремящимся къ установленію *справедливости* между гражданами **). По

*) Бывшій присяжный повѣренный, нынѣ членъ одесской судебной палаты и доцентъ Новороссійскаго университета по кафедрѣ гражданскаго процесса.

***) *Отчетъ судьи*, стр. 832.

вѣрному замѣчанію автора, это не общія мѣста,—это одинъ изъ *существеннѣйшихъ руководящихъ принциповъ* судейской дѣятельности, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ рѣшенія, напечатанныя въ приложеніяхъ къ *Отчету судьи* *).

Не менѣе назидательны и тѣ соображенія, коими мотивированы рѣшенія, направленные противъ недобросовѣстныхъ сдѣловъ и подлоговъ. Всѣ законодательныя опредѣленія о гражданскихъ правоотношеніяхъ, безъ сомнѣнія, рассчитаны,—говоритъ г. Боровиковскій,—на *добросовѣстность* и правдивость контрагентовъ. Недобросовѣстность—*смертельный порокъ всякой сдѣлки*,—говорится неоднократно въ его рѣшеніяхъ,—такъ какъ отсутствуетъ предполагаемая закономъ *душа сдѣлки*. Примѣнить законъ, рассчитанный на добросовѣстную сдѣлку, къ недобросовѣстному ухищренію значило бы не исполнить законъ, а, напротивъ, допустить его нарушение, допустить *мумленіе надъ нимъ*. Нерѣдко фактъ имѣеть такой внѣшній обликъ, который, казалось бы, прямо подходитъ подъ опредѣленіе даннаго закона. А, между тѣмъ, эта оболочка только *маска*: судью хотятъ *обмануть*. Рядомъ двѣ сдѣлки, одинаковыя по внѣшнимъ признакамъ. Обѣ требуютъ примѣненія къ нимъ одного и того же закона. Но въ одномъ случаѣ сдѣлка добросовѣстна и правдива, въ другомъ—она лишь замаскированная ложь и злонамѣренность. Оставаясь слѣпымъ рабомъ буквы, а не разума закона, судья можетъ попасться въ ловушку и, пожалуй, будетъ утѣшать себя мыслью, что исполнилъ свой долгъ «точнымъ примѣненіемъ» закона. Но такой взглядъ ошибоченъ. Напротивъ, судья тогда только дѣйствительно исполнить законъ и оградить его отъ нарушенія, если сниметъ обманчивую маску, обнаружитъ волка подъ овечьей шкурой.

Недобросовѣстныя и облыжныя сдѣлки,—продолжаетъ авторъ,—направлены либо во вреду третьихъ лицъ, либо къ обидѣ одного контрагента, простодушнаго и недогадливаго, другимъ, хитрымъ и жаднымъ. Судь не исполнилъ бы своей *истинной задачи* **), если бы недобросовѣстность и неправда не *боялись* его ***).

Но мало провозгласить такія симпатичныя начала, надо *умѣть* приложить ихъ къ каждому данному случаю такъ, чтобы не былъ нарушенъ ни законъ, ни право сторонъ. Для этого требуется искусное пользованіе тончайшими приѣмами юридико-микроскопическаго анализа *sui generis*. Обращенія его мы также находимъ въ приведенныхъ г. Боровиковскимъ рѣше-

*) См. *Отчетъ судьи*, т. 1, стр. 303—328.

**) См. *Отчетъ судьи*, стр. 238—239.

***) Признаться, не безъ вѣкотораго нравственнаго удовлетворенія перелистывала я *Отчетъ судьи*. Когда я въ эту дѣю своимъ *Веденіе неправыхъ дѣлъ* (см. *Русскую Мысль* 1884 г., кн. V) указалъ, что адвокатъ не можетъ браться за веденіе дѣла завѣдомо неправаго, противъ меня выступали съ возраженіемъ (см. *Вышніе вопросы адвокатуры* г. Невѣдомскаго), что такъ не можетъ смотрѣть на дѣло настоящій «юристъ»; что для адвоката формальная законность — единственный критерій при выборѣ дѣла. *Отчетъ судьи*, такъ убѣдительно опровергающій эту ветхозавѣтную ересь, даетъ мнѣ полный реваншъ.

ніяхъ, въ которыхъ онъ уничтожилъ всевозможныя недобросовѣстныя дѣла, обманы и подлоги, какъ-то: подложное переукрѣпленіе имущества, лживенные извороты, мошенническія стачки при публичныхъ торгахъ, опекунскія плутни, конкурсныя продѣлки и другіе продукты нашего нечистоплотнаго, но изобрѣтательнаго крючкотворства. Мало того, г. Боровиковскій распаталъ даже твердыню вексельнаго формализма, за которую безсовѣстные дѣльцы считали себя неуязвимыми. Стояло передать, по банковской надписи, третьему лицу завѣдомо оплаченный вексель и можно было «содрать» съ векселедателя деньги вторично. Платежная расписка первоначальнаго векселедержателя не была обязательна для новаго взыскателя. Исходя изъ того принципа, что вексельное право точно такъ же рассчитано на *добросовѣстность*, какъ и все гражданское законодательство, г. Боровиковскій отказывалъ, несмотря на всю строгость вексельнаго права, въ требованіи платежа вторыхъ денегъ, если видно было, что приобрѣтался вексель недобросовѣстно, т.-е. *завѣдомо-оплаченный*.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ познакомить читателей со вторымъ томомъ поучительнаго *Отчета судьи*. Но не можемъ не отмѣтить одной серіи дѣлъ, въ которой съ особенною силою сказывается теплое, участливое отношеніе и стремленіе къ внутренней правдѣ закона у судей типа г. Боровиковскаго, это—дѣла о семейныхъ несогласіяхъ. Хорошо сознавая, что главная основа семьи—правственная связь между супругами, г. Боровиковскій далекъ, однако, отъ мысли подъ этимъ *предлюбомъ* отказывать въ судебной защитѣ обиженному супругу. Нельзя,—разсуждаетъ онъ,—принудительными мѣрами помирить враждующихъ, но возможно «связать руки обидчику; умывая руки, гдѣ онъ могъ бы помочь горю, судъ совершилъ бы грѣхъ» *).

Протестуя противъ *насильственнаго* возстановленія судомъ супружескаго сожитія именно съ точки зрѣнія духа закона—для «охраны святости брачнаго союза», г. Боровиковскій указываетъ, что судебнымъ рѣшеніямъ нечего бояться упрека въ допущеніи соблазна отступленіемъ отъ безусловной обязательности сожительства супруговъ, и высказываетъ слѣдующія назидательныя соображенія о разумной *морализаціи* посредствомъ судебныхъ рѣшеній. Ничего нѣтъ легче,—пишетъ онъ,—какъ провозглашать абсолютныя принципы: супруги обязаны жить вмѣстѣ—*pergeat mundus*. Но судья берется не за свое дѣло, если мнить себя проповѣдникомъ. Правоученія не входятъ въ его функцію. Судья долженъ заботиться о *конкретной правдѣ*. Правоученіе же явится само собою, помимо заботъ судьи: оно вытечетъ изъ совокупности *правосудныхъ рѣшеній*. И полученное этимъ путемъ правоученіе явится жизненнымъ, убѣдительнымъ, доказаннымъ. и что за правоученіе въ настаиваніи абсолютности принципа сожительства супруговъ? Не заботься стяжать себѣ любовь супруга—судъ принудитъ оказательствамъ супружеской любви; не церемонься^а прогнать жену !

*) См. т. II *Отчета судьи*, стр. 314.

дому—судъ не принудить тебя къ попеченіямъ о ней. Не болѣе ли чистое правоученіе вытекаетъ изъ рѣшеній, отказывающихъ во внѣшнемъ принужденіи къ любви, обязывающихъ мужа заботиться объ обожаемой имъ женѣ, хотя она и вынуждена была разлучиться съ нимъ? *)).

Вотъ какіе гуманныя и разумныя начала жизненной *правды* умѣть извлечь изъ нашего скуднаго и устарѣлаго гражданскаго закона юристь-виртуозъ, судья, проникнутый духомъ судебныхъ уставовъ! Защита пострадавшаго и отысканіе правды закона—таковы высокія цѣли его служенія.

Разсужденіе свое объ юридико-этическихъ принципахъ судейской дѣятельности г. Боровиковскій заканчиваетъ слѣдующими замѣчательными словами: «Изобличеніе недобросовѣстности, раскрытіе окутанной ухищреніями *правды*—одна изъ задачъ судейской дѣятельности; въ возможности оказать *защиту обиженному и обманутому* и сдѣлать это въ огражденіе *святости закона* заключается великая привлекательность судейской дѣятельности, вдохновляющая судью на его тяжелый трудъ» **).

Эти прекрасныя строки, подъ которыми охотно подписались бы лучшіе римскіе юристы, рельефно резюмируютъ основную задачу новаго гражданскаго суда, обязаннаго идти *къ правдѣ путемъ закона*. Къ истекшему двадцатипятилѣтію судебной реформы нельзя было придумать лучшаго способа его чествованія, какъ напечатаніе *документовъ*, наглядно свидѣтельствующихъ, что, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, еще не изсякъ въ новомъ судѣ благородный духъ его и завѣщанныя первыми представителями нашей независимой судебной магистратуры добрыя *традиции*,—что примиреніе закона и справедливости, казавшееся всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ неосуществимою химерой, становится реальнымъ фактомъ гражданской жизни. Значеніе же судебныхъ традицій прекрасно разъяснено однимъ изъ участниковъ судебной реформы К. П. Побѣдоносцевымъ. Недостатокъ стараго суда съ его обезличеннымъ и лишеннымъ всякой самостоятельности персоналомъ онъ видѣлъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: «Ни въ судебныхъ мѣстахъ, ни въ средѣ судебныхъ лицъ мы не имѣемъ у себя судебныхъ *обычаевъ* и судебной *доктрины* и той внутренней дисциплины, которая, развиваясь въ предѣлахъ сословія, придаетъ прочность знанію, основательность мнѣнію, обсужденію порядокъ и, воспитывая вновь вступающихъ, образуетъ изъ нихъ самымъ дѣломъ *не работниковъ только, но живыхъ дѣателей и учителей*» (см. *Записку о гражд. судопр.* К. Побѣдоносцева въ т. XII *Дѣла о преобр. суд. ч. въ Россіи*).

IV.

Законоположенія 12 іюля 1889 г. создали цѣлую систему своеобразную къ административно-судебныхъ учрежденій, совершенно изолированную отъ установленій новаго суда и построенную на началахъ, ничего общаго

*) *Отчета судьи.*, стр. 216—217.

) *Отчетъ судьи.*, стр. 239—240.

не имѣющихъ съ основами *Судебныхъ Уставовъ*. Центральнымъ узломъ новой системы признаются подчиненные администраціи земскіе начальники, которые, исполняя спеціальную административно-полицейскую функцію относительно крестьянскаго населенія, вѣдаютъ, въ известной мѣрѣ, и судебныя дѣла вообще. Новѣйшія административно-судебныя учрежденія хотя и открыты недавно, однако, уже и теперь представляется возможнымъ сдѣлать если не окончательные, то приблизительные выводы о томъ, какъ они справляются съ основною задачей суда—примирять законъ и справедливость. Въ печать уже проникли нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія, что практика земскихъ начальниковъ, при неправильномъ руководствѣ, можетъ совершенно уклониться отъ порядка, указанного имъ закономъ для производства судебныхъ дѣлъ, и подъ видомъ водворенія «правды» попираетъ законъ и узаконяетъ произволъ.

Какъ ни многочисленны недостатки законоположенія 12 іюля, оно избѣгло крупной ошибки первоначальнаго проекта о земскихъ начальникахъ, коимъ предполагалось не стѣснять земскихъ начальниковъ никакими общепринятыми формами или рациональными гарантіями правосудія при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Къ счастью для правосудія, эта опасная затѣя была отвергнута государственнымъ совѣтомъ, и правилами 29 декабря 1889 г. установленны, за немногими изыятіями, для судопроизводства у земскихъ начальниковъ тѣ же процессуальные порядки, какіе были введены *Судебными Уставами* въ интересахъ водворенія законности и правды на судѣ. Если же искомая правда не достигается и *не можетъ* быть достигнута въ новыхъ административно-судебныхъ учрежденіяхъ, то причина этого явленія лежитъ, прежде всего, въ неудовлетворительности ихъ организаціи. Процессуальныя правила—это болѣе или менѣе усовершенствованный аппаратъ. Какъ бы онъ ни былъ хорошъ, онъ не можетъ функционировать правильно, если нѣтъ около него знающаго механика. Удовлетворительность данныхъ въ руководствѣ правилъ судопроизводства, какъ справедливо замѣчаетъ проф. В. К. Случевскій, не исключаетъ серьезныхъ опасеній, возникающихъ относительно ихъ дѣятельности. «Въ виду той *неразрывной связи*,—говоритъ онъ,—которая соединяетъ судоустройство съ судопроизводствомъ, въ состояніи ли будутъ наши новые судьи (чины администраціи?) орудовать при помощи созданнаго для мировыхъ судей процессуальнаго порядка, какъ и послѣдніе? Процессуальный порядокъ, созданный для судей выборныхъ, пользующихся въ теченіе опредѣленнаго времени правомъ *несмѣняемости*, сосредоточивающихся въ своей дѣятельности исключительно на разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ и поставленныхъ вполнѣ *независимо* отъ органовъ власти административной, окажется ли одинаково пригоднымъ для судей совершенно *противуположнаго типа*,—для судей, назначаемыхъ на должность административною властью, не пользующихся прерогативами власти судебной и въ большей части дѣятельности являющихся органами власти административной? Принципы и формы судопроизводственные, разсчитанные на образованіе внутренняго судейскаго убѣжденія самостоятельно

дѣйствующихъ и сосредоточивающихся на служеніи интересамъ правосудія судей, въ состояніи ли будутъ охранить судейское убѣжденіе новыхъ судей, поставленныхъ въ инныя условія служебнаго положенія, отъ вторженія въ это убѣжденіе навѣянныхъ разнообразѣйшими интересами жизни элементовъ, *чуждыхъ правосудію?* *)).

Помимо этой коренной причины, лежащей въ организаціи новыхъ учрежденій, есть еще временныя условія, также препятствующія имъ стать органами законности и правосудія. Частью литературные, частью административные комментаріи къ правиламъ 29 декабря 1889 г., служащіе отголоскомъ первоначальнаго проекта о земскихъ начальникахъ, стремятся подорвать силу и значеніе этихъ правилъ. *Гражданинъ*, присвоившій себѣ обязанность патронировать и руководить институтомъ земскихъ начальниковъ, старается внушить имъ, что главное ихъ призваніе—драть почаще крестьянъ, не стѣсняясь закономъ **). Съ цинизмомъ, невѣроятнымъ даже для нашего откровеннаго до безстыдства времени, *Гражданинъ* громогласно проповѣдуетъ, что для земскихъ начальниковъ процессуальныя правила и вообще законы *не обязательны* ***).

Къ сожалѣнію, и официальные комментаріи не всегда свободны отъ крупныхъ промаховъ, могущихъ внушить земскимъ начальникамъ крайне опасное мнѣніе о необязательности для нихъ законовъ. Исходя изъ добраго намѣренія вдохнуть жизнь въ новыя учрежденія, губернаторскіе циркуляры рекомендуютъ имъ держаться не закона, а «правды», причемъ, однако, не указывается имъ особаго пути для распознанія ея и вовсе игнорируется капитальный вопросъ: да способенъ ли этотъ институтъ, по своей организаціи и личному составу, къ раскрытію «правды» на судъ?

Для того, чтобы судья могъ творить судъ «по правдѣ», ему необходимы, какъ мы видѣли выше, не только *энергія*, но и *знаніе*, судебный опытъ и способность къ самостоятельному юридическому мышленію. Имѣются ли налицо эти качества въ персоналѣ земскихъ начальниковъ? Далеко нѣтъ.

Что касается энергіи, то, сколько можно судить по одному циркуляру, уже съ первыхъ шаговъ дѣйствія новаго института стали въ немъ замѣ-

*) См. *Учебникъ русскаго уголовнаго процесса* В. Случевского. Спб., 1892 г., стр. 2--3. К. П. Побѣдоносцовъ въ вышеупомянутой *Запискѣ* указывалъ, что только при бумажномъ или приказномъ производствѣ, при которомъ дѣла вершаетъ канцелярія, судьей можетъ быть всякій даже самый неспособный къ судейскому званію (стр. 4 *Зап.*).

**) Когда въ газетахъ оглашенъ былъ случай наказанія земскимъ начальникомъ розгами лица, *изъятаго*, въ силу закона, отъ тѣлеснаго наказанія, *Гражданинъ* сталъ «разъяснять», что въ интересахъ поддержанія авторитета своей власти земскіе начальники могутъ не стѣсняться закономъ.

***) Нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ, въ надѣлавшей много шума недавней официальной отвѣди своей *Гражданину*, констатировалъ неоднократное приглашеніе имъ земскихъ начальниковъ къ непочтеновенію законамъ. До какихъ крайностей можетъ довести это безцеремонное воззваніе къ «властной рубѣ», всего лучше доказываетъ знаменитое дѣло земскаго начальника Протопопова, осужденнаго недавно за рядъ насилій надъ крестьянами.

«*что глумится государственную власть*». Но истребить из суда гражданскую ответственность — значит обидеть граждан и нарушить их закон и справедливость. Смысл же, во всяком случае, не должен быть «*справедливости*» на суд. Справедливости можно добиться только путем изучения фактов, а не путем применения какой-либо формулы.

Во время отъезда графа Лобанова из столицы о деятельности нашего института опубликованы очень интересные данные о состоянии правосудия в военных судах, в которых за время строевых офицеров, во главе, подобно земским начальникам, некая юридическая подготовка. Давнее эти данные были известны, что в персонале земских начальников военный элемент ***) занимает самое видное место. Что же оказывается из этих данных? Из общего числа 2,000 дѣлъ, рѣшенных строевыми офицерами, только 5% рѣшены более или менее правильно, а по остальным 95% допущены существенныя нарушения процессуальных правил и уголовного закона, несмотря на строжайшія внушенія со стороны высшаго начальства ***). Авторъ статьи приписываетъ это грустное явленіе частью стремленію полковых судовъ угодить начальству (что также присуще земскимъ начальникамъ), частью юридической неразвитости судей. Если такъ трудно, путемъ начальственныхъ внушеній, достигнуть «правды» даже въ полковыхъ судахъ, съ ихъ ограниченнымъ кругомъ сравнительно простыхъ дѣлъ несложнаго военного быта, то легко представить себѣ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится тѣ же строевые офицеры въ должности земскихъ начальниковъ, неся, помимо сложныхъ административныхъ обязанностей, тяжелыя судебскія обязанности, для правильнаго отправленія коихъ нужно вполнѣ основательное знакомство съ процессуальными и матеріальными законами.

Такъ какъ желательнаго знакомства съ законами у земскихъ начальниковъ не имѣется, то сторонникамъ этого института больше ничего не оставалось, какъ придумать ad hoc какую-то теорію о трансцендентальной «сущности» дѣла, открывающейся по нѣякію только духовнымъ очамъ обладателей «властной руки».

«Что нужно для населенія, — писало Русское Обозрѣніе, — формальная справедливость (?) съ ея формальными гарантіями состязательнаго процесса, или правда матеріальная, съ такимъ производствомъ, гдѣ формальная гарантія гораздо слабѣе, но за то судьи и администраторы имѣютъ возможность (?) руководствоваться сущностью дѣла?» ****) Эта теорія о

*) См. циркуляръ черниговскаго губернатора г. Анастасьева отъ 18 авг. и 1801 г.

**) Мѣстами военный элементъ составляетъ болѣе 70%, въ среднемъ же съ 40%. (См. Вѣстникъ Европы 1891 г., № 9.)

***) (См. въ Юридической Литературѣ 1891 г., № 6, статью г. Шереметевска о полковыхъ судахъ, стр. 441.)

****) Русское Обозрѣніе 1891 г., № 4, стр. 890.

«формальной справедливости», по авторитетному замѣчанію г. Боровиковскаго, несомнѣнная *ересь* *). Справедливость одна. *Путь* къ ней открывается при содѣйствіи тѣхъ самыхъ «формальныхъ гарантій» въ видѣ состязательности, равноправности сторонъ и проч., надъ которыми такъ не встаетъ подсмѣивается названный журналъ. Но только для цѣлесообразнаго пользованія этими усовершенствованными орудіями процесса нужны умѣлыя, подготовленныя руки, точнѣе—головы. За примѣрами ходить не далеко: достаточно разсмотрѣть приведенныя у того же г. Боровиковскаго чиншевыя дѣла, до сущности которыхъ такъ трудно добраться при помощи «непосредственнаго чувства». Знающій судья, который стоитъ выше сословныхъ предразсудковъ, при помощи разумнаго, равноправнаго распредѣленія обязанностей доказыванія (*onus probandi*) открываетъ, въ состязательномъ процессѣ, путь къ справедливому рѣшенію чиншевыхъ дѣлъ **). Что же можетъ сдѣлать въ подобномъ случаѣ самый «расторопный» земскій начальникъ, которому даютъ совѣтъ найти таинственную «сущность» дѣла, не указывая, однако, пути къ ней,—совѣтъ, напоминающій сказочное: «ступай туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»?

Мудрено ли, послѣ этого, что появляются въ практикѣ земскихъ начальниковъ такія невѣроятныя, по своей произвольности, рѣшенія, какъ извѣстное рѣшеніе гравиронскаго уѣзднаго съѣзда. Съѣздъ отказалъ въ искѣ волостному писарю (учителю), искавшему свое жалованье съ волостнаго правленія, *безъ вызова истца*, съ призваніемъ иска недобросовѣстнымъ (?), а истца неблагонамѣреннымъ (!), основываясь *на донесеніи* земскаго начальника и ни на чемъ болѣе ***). Не знаемъ, удовлетворитъ ли «матеріальная правда» этого рѣшенія противниковъ «формальной справедливости», но ясно одно, что оно идетъ въ разрѣзъ съ самыми элементарными требованіями правосудія. Едва ли менѣе опасна для интересовъ правосудія и явная тенденція того же съѣзда къ эмансипации отъ «формальныхъ гарантій» путемъ систематическаго затрудненія населенію обжалованія рѣшеній земскихъ начальниковъ ****). Это очень удобно для судящихъ, но едва ли желательно для судимыхъ.

Въ официальныхъ разъясненіяхъ, обращенныхъ къ земскимъ начальникамъ, какъ уже было замѣчено, также встрѣчаются указанія, способныя вызвать недоразумѣніе о значеніи для нихъ закона и о роли ихъ въ качествѣ разыскателей «правды». Предостерегая отъ мертвящаго формализма, черниговскій губернаторъ г. Анастасьевъ, между прочимъ, писалъ: «*Суть суда въ его правдѣ, а не въ томъ, что такой-то (sic) законъ*

*) См. *Отчетъ судьи*, стр. 12.

***) См. *Отчетъ судьи*, стр. 24—25, и статью мою *Гражд. правос. въ духѣ Судеб. Устава* въ сборникѣ *Русской Мысли* въ пользу голодающихъ.

****) См. обстоятельную корреспонденцію: *Отчего мало обжалываются рѣшенія земскихъ начальниковъ*, въ № 231 *Русской Жизни* за 1891 г., а также № 13 *Судебной Газеты* за 1893 г.

*****) См. тамъ же, въ *Русской Жизни*.

можно примѣнить къ такому-то дѣлу и дѣло сбыть съ рукъ *)). Мысль прекрасная! Не мы будемъ возражать противъ стремленія водворить на судѣ «правду», но такое пренебрежительное отношеніе къ закону въ циркулярѣ, обращенномъ къ подчиненнымъ, едва ли не равносильно индугенциі за всѣ будущія нарушенія законовъ.

Другая ошибка циркуляра въ томъ, что онъ не входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса о томъ, какой же существуетъ путь къ правдѣ и *доступенъ* ли онъ земскимъ начальникамъ? Рекомендуемая г. губернаторомъ подвижность, расторопность, обращеніе «всего участка въ камеру», если бы практически и были осуществимы, все-таки, не рѣшаютъ вопроса о правдѣ на судѣ, т.-е. о разумномъ исполненіи закона и о примиреніи закона съ праведливостью. Какъ бы ни старались земскіе начальники превзойти другъ друга расторопностью, можно утверждать смѣло, что они не въ силахъ будутъ исполнить возлагаемой на нихъ благородной, но непосильной для нихъ миссіи, такъ какъ для отысканія «правды» на судѣ, основанной на законѣ, нужна солидная юридическая подготовка, а не достаточно темнаго «непосредственнаго чувства» (*Русское Обозрѣніе*).

Выше, на примѣрѣ полковыхъ судовъ, было выяснено, что даже для военнаго правосудія недостаточно одной доброй воли и исполнительности. Примѣръ мировыхъ судей, которые были поставлены въ этомъ отношеніи въ гораздо болѣе благоприятныя условія, нежели земскіе начальники, можетъ служить новымъ доказательствомъ а contrario. Вотъ что говоритъ по этому вопросу извѣстный цивилистъ К. П. Побѣдоносцевъ о первой порѣ дѣятельности мирового института. Даже практика самыхъ добросовѣстныхъ представителей мировой юстиціи, по его словамъ, страдала *слабостью идей*, «скудостью» общаго запаса *знаній*. *При наилучшихъ намѣреніяхъ ихъ творить судъ по правдѣ и при крайнихъ усиліяхъ воли* вдуматься въ сущность подлежащаго къ рѣшенію вопроса, — продолжаетъ онъ, — мировые судьи часто не въ силахъ были выработать для себя опредѣлительную идею и увлекаются неопредѣлительнымъ, хотя и сильнымъ *впечатлѣніемъ*, и въ уразумѣніи идеи закона впадаютъ въ одну изъ двухъ крайностей: либо въ широту личнаго, иногда *фантастическаго* представленія, либо въ узкій *формализмъ*; сознательная увѣренность мысли можетъ быть только удѣломъ опытнаго знанія **).

Если въ такомъ затруднительномъ положеніи могли быть, по недостатку знанія, мировые судьи, особенно въ первое время, къ которому относится приведенный отзывъ, то не трудно представить себѣ положеніе земскихъ начальниковъ, которые, съ одной стороны, болѣе обременены разнородными занятіями, чѣмъ мировые судьи, а съ другой и de jure, а въ особенности de facto обладаютъ меньшимъ образовательнымъ цензомъ и мень-

*) См. циркуляръ его отъ 18 апрѣля 1891 г. въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 25 апрѣля.

**) См. *Судебное руководство*. Сиб., 1872 г., стр. III.

шимъ запасомъ знаній, а потому лишены возможности творить судъ по правдѣ. Такимъ образомъ, если бы даже, несмотря на неблагоприятныя условія своей дѣятельности, несмотря на свою зависимость отъ администраціи, земскіе начальники проявили такую же любовь къ правдѣ и равноправности, какъ мировые судьи, то, тѣмъ не менѣе, имъ еще труднѣе было бы исполнить свое доброе намѣреніе, не рискуя принять за правду свои фантастическія заключенія или догадки наивнаго сердцеувѣднія, произвольныя впушенія такъ называемаго «нугра», либо сословныя предубѣжденія.

Но говорятъ, что ошибки земскихъ начальниковъ могутъ быть исправлены вышешю инстанціей. Подобная иллюзія лишена основаній. Къ сожалѣнію, ихъ высшая инстанція организована такъ, что сама легко можетъ впадать въ непоправимыя ошибки, и невольно возникаетъ вопросъ, а кто будетъ исправлять ея ошибки: quis custodiet custodes?

Дѣло въ томъ, что земскіе начальники, въ отличіе отъ мировыхъ судей, изъяты изъ вѣдѣнія, наблюденія и руководства кассационнаго сената и всецѣло подчинены, даже въ судебной сферѣ, чего не было съ самаго учрежденія министерствъ *), администраціи. Благодаря связи съ кассационными департаментами, гдѣ сосредоточены наши лучшія юридическія силы, мировыя учрежденія, такъ или иначе, пользовались указаніями «опытнаго знанія» юристовъ, которые могли удержатъ ихъ какъ отъ вреднаго увлеченія буквоѣдствомъ, такъ и отъ еще болѣе вреднаго попиранія закона и освященія произвола подъ предлогомъ рѣшенія дѣла по правдѣ. Что, благодаря такому разумному руководству, уровень мировой юстиціи долженъ былъ подняться и *дѣйствительно* поднялся, въ этомъ лучше всего убѣждаютъ оффиціальныя данныя, появившіяся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* наканунѣ упраздненія мирового института и удостоверяющія, что послѣ принятыхъ сенатомъ въ 1886 г. мѣръ мировыхъ учрежденія дѣйствовали *весьма удовлетворительно* какъ въ смыслѣ быстроты, такъ и въ смыслѣ *правильности* рѣшеній **).

Въ иномъ положеніи находятся земскіе начальники. Руководящею кассационною инстанціей для нихъ, даже и по чисто-судебнымъ дѣламъ, является не коллегія специалистовъ-юристовъ и не судебное, а чисто-административное учрежденіе, въ которомъ лица административнаго вѣдомства составляютъ *подавляющее большинство* ***). Таковъ составъ кассационнаго суда, имѣющаго назначеніемъ, путемъ тонкаго юридическаго анализа, устанавливать разумный смыслъ закона и блюсти за его исполненіемъ.

Что бы ни говорили сторонники «непосредственнаго чувства», но *невозможно* оправдать такой составъ кассационной инстанціи тѣмъ страннымъ соображеніемъ, будто «въ практической жизни, когда необходимо не су-

*) См. мои *Основы судебной реформы*, глава XII.

**) См. *Правительственный Вѣстникъ* отъ 25 августа 1889 г.

***) На 6—7 административныхъ членовъ приходится всего 1 судья и 1 представитель судебной администраціи (§ 105 *Пол. о зем. нач.*).

дить (?), а *дѣйствовать* (sic), необходимо руководствоваться именно этимъ неопредѣленнымъ чувствомъ, а не тонкимъ взвѣшиваніемъ и анализомъ» (*Русское Обозрѣніе*). Правило это, совершенно неумѣстное въ судебной дѣятельности земскаго начальника, гдѣ онъ долженъ являться судьей, носителемъ идей правосудія, а не «властной руки», безусловно непримѣнимо къ кассационной инстанціи, гдѣ именно долженъ господствовать научно-юридическій анализъ, властный своимъ нравственнымъ авторитетомъ юридическаго знанія. На что ужъ скептически и враждебно былъ настроенъ къ *Судебнымъ Уставамъ* сотрудникъ *Русскаго Вѣстника* въ 80-хъ годахъ, покойный В. Фуксъ, но и тотъ признавалъ, что кассационный судъ *немыслимъ безъ ученыхъ и опытныхъ юристовъ* *).

Для юриста законъ — это святыня; онъ стремится къ справедливости, но не иначе, какъ путемъ законности, въ «огражденіе святости закона», какъ выразился г. Боровиковскій. Представители административной власти, по роду своей дѣятельности, относятся нѣсколько иначе къ началу права, къ «законности», и, ставя на первомъ планѣ соображенія ближайшей цѣлесообразности и общественнаго порядка, не всегда придаютъ должное значеніе принципу права, безъ котораго *немыслимъ и порядокъ* **). Весьма возможно,—и на это уже имѣются указанія практики ***),—что новыя кассационныя учрежденія будутъ относиться снисходительно къ отступленіямъ отъ закона при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, разъ такое отступленіе будетъ болѣе или менѣе оправдываться съ административной точки зрѣнія.

Нечего и говорить, какія серьезныя опасности представляетъ для гражданской свободы и общественнаго порядка подобная судебно-административная практика. Она способна поколебать силу законовъ, точное исполненіе коихъ, какъ гласитъ высочайшій указъ сенату 4 сент. 1881 г., «составляетъ наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія дорогаго нашего отечества».

Гр. Джаншіевъ.

*) См. *Судъ и полиція* В. Фукса. М., 1889 г., ч. I, стр. 227.

**) Въ Нижнемъ-Новгородѣ не такъ давно открыто было существованіе пѣлаго полицейско-судебнаго учрежденія, совершенно невѣдомаго закону (см. *Русскія Вѣдом.* 1891 г., № 272).

***) См. *Юридич. Вѣстникъ* 1890 г., № 3, и 1891 г., № 9, и *Юридическую Лѣтопись* 1892 г., № 10.

Новая книга о Россіи.

(*Josif Nikolaevich Modrich: «Russia. Note e Recordi di Viaggio». Torino-Roma, 1892. Prezzo tre Rubli).*

Далматскій славянинъ Юсіфъ Николаевичъ Модричъ совершилъ путешествіе по Россіи, и описаніе своего путешествія издалъ подъ вышесказаннымъ громкимъ заглавіемъ. Цѣлью своего труда г. Модричъ выставляетъ желаніе сказать правду о Россіи итальянцамъ, имѣющимъ о ней самыя превратныя убѣжденія. Г. Модричъ всю свою книгу и доказываетъ имъ для успокоенія ихъ умовъ, что въ Россіи обстоитъ все совершенно благополучно и вездѣ проявляются полное благосостояніе и порядокъ.

Но для чего же для итальянцевъ назначать цѣну рублями, точно какъ будто бы рубль—ходячая монета въ Туринѣ или Римѣ? Невольно является мысль: не желаетъ ли г. Модричъ произвести успокоеніе русскихъ умовъ, указать россиянамъ на полное благосостояніе ихъ и благополучіе, поразить ихъ, говоря языкомъ Щедрина, «мнѣніями знатнаго иностранца о Россіи»? Но для чего же, скажутъ, тогда писать книгу по-итальянски? Неужели только въ надеждѣ на то, что книга кѣмъ-либо изъ польщенныхъ въ ней лицъ будетъ переведена и на русскій языкъ? Отвѣтимъ на это словами, которыми Чарскій успокоиваетъ у Пушкина итальянца-импровизатора: «Любопытство будетъ возбуждено. Правда, итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ не поймутъ, но это не бѣда: главное, чтобъ вы были въ модѣ». А, вѣдь, пушкинскій импровизаторъ не расточалъ направо и налево самой беззастѣнчивой лести, да и плату за свои представленія желалъ брать чрезвычайно высокую. Три же рубля, назначенные г. Модричемъ за свою книгу, не испугаютъ, конечно, множества польщенныхъ имъ лицъ, которымъ незнаніе итальянскаго языка не помѣшаетъ, разумѣется, и подыскать, и прочесть, и огласить относящееся къ нимъ мѣсто. Книга войдетъ, такимъ образомъ, въ моду; возбудитъ любопытство и салонныя толки, и «мнѣніе знатнаго иностранца» явится своего рода отличною рекомендаціей для многихъ лицъ и порядковъ. «Вотъ какъ, молъ, думаютъ о насъ знатныя иностранцы! А вы...»

Г. Модричъ объѣхалъ весьма значительную часть Россіи. Онъ посѣтилъ

Варшаву, Вильну, Псковъ, Петербургъ, Новгородъ, Вологду, Ярославль, Ростовъ, Сергѣевскій посадъ, Москву, Тулу, Курскъ, Кіевъ, Одессу и совершили даже тысячу верстъ въ кибиткѣ (Mille verste in kibitka), оглашая морозныя степи звономъ колокольчика и пребывая въ твердомъ убѣжденіи, что колокольчики привѣшиваются только для распугиванія бродячихъ стаями волковъ (стр. 297).

Г. Модричъ совершаетъ путешествіе свое какъ нельзя болѣе въ духѣ «знатныхъ иностранцевъ» Щедрина: «Помпадуръ видать, народъ не видать—хорошо». Оттого-то ничего сколько-нибудь народнаго или даже общественнаго онъ и не видитъ въ Россіи. Онъ имѣетъ дѣло только съ болѣе или менѣе официальнымъ міромъ, получаетъ свѣдѣнія только отъ официальныхъ лицъ, высказываетъ въ своей книгѣ самое высокое мнѣніе о каждомъ изъ своихъ собесѣдниковъ и тотчасъ прибавляетъ еще, что лицо, разговаривавшее съ нимъ, пользуется въ Россіи самую хорошею славою и именемъ своимъ заставляетъ трепетать отъ восторга сердце каждаго русскаго. Словомъ, путешествуетъ онъ по Россіи совершенно такъ же, какъ путешествовалъ по губернскому городу Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, прекратившій, какъ извѣстно, визиты свои только тогда, когда не было уже болѣе чиновниковъ, которыхъ можно бы еще посѣтить. Наблюденія свои описываетъ г. Модричъ точно такъ же, какъ описывалъ тотъ же Павелъ Ивановичъ Чичиковъ свои наблюденія передъ вторящею ему четой Мапиловыхъ. Зачастую надо прямо предполагать, что г. Модричъ заимствуетъ языкъ Чичикова и подражаетъ ему. Отъ этого, разумѣется, зачастую страдаетъ и вѣрность изображаемой имъ картины.

Г. Модричъ совершаетъ путешествіе свое въ такое время, когда Россія болѣе или менѣе извѣстна уже большинству западнаго міра и значительная часть русской изящной литературы переведена на западные языки, а Пушкинъ, Тургеневъ, Толстой и Достоевскій прочтены чуть ли не всѣмъ. Поэтому нельзя уже ожидать, чтобы для него православная обѣдня начиналась словами: во имя государя императора и наследника цесаревича,— какъ серьезно завѣрялъ добросовѣстный вообще иѣмецкій путешественникъ Коль въ началѣ сороковыхъ годовъ. Нельзя точно также ожидать, чтобы въ его описаніяхъ тройка оказывалась запряженной парю лошадей, а любовники, послѣ долгаго блужданія по парку, усаживались подъ тѣнь величественной клюквы—*sous l'ombre d'un klukwa majestueux*. Но, однако, и ему почему-то не дается клюква и въ описаніи русскихъ обѣдъ онъ завѣряетъ, что на ряду съ хлѣбнымъ квасомъ за каждыя столы подается *кюкленный* квасъ, изготовляемый изъ *кюкмы* (klukla) (стр. 440). Но не въ этомъ, однако, дѣло. Дѣло въ томъ, что г. Модричъ странно выбираетъ своихъ руководителей, безусловно довѣряется имъ, а затѣмъ всю Россію видитъ только «въ тѣни величественной клюквы»-- и изъ-за клюквы нигдѣ и никогда не видалъ лѣса. *Dis moi qui tu hante et je te dirai qui tu es*,— скажи мнѣ, кого ты посѣщаешь, и я скажу тебѣ, кто ты,— говоритъ французская пословица. Г. Модричъ называетъ намъ всѣхъ сво-

ихъ руководителей, а потому передъ нами обрисовывается отчасти и личность его, и вполнѣ постигается причина странности и невѣрности всей изображаемой имъ картины.

Познакомимъ же вкратцѣ читателя съ путевыми впечатлѣніями г. Модрича.

Подобно грибоѣдовскому «французику изъ Бордо», г. Модричъ «собирался въ путь въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами», полагая, по общему предубѣжденію своихъ соотечественниковъ, что увидитъ ее заселенною только козаками и бѣлыми медвѣдями и на самой еще границѣ рискуеть получить въ видѣ перваго привѣтствія сто ударовъ кнута (*i cento colpi di knut*). При первомъ еще намѣреніи г. Модрича ѣхать въ Россію бѣдная матушка его заболѣла отъ предчувствія ужасной участи, которая ждетъ ея сына въ Россіи, и сошла въ могилу отъ страха. Путешествіе пришлось на время отложить... Но черезъ годъ г. Модричъ двинулся, однако, смѣло въ путь, рѣшаясь на все, рискуя всею... Но уже дорогой, на пароходѣ изъ Триеста, опасенія его отчасти разсѣялись, благодаря счастливому составу компаніи, въ которой онъ оказался.

Когда г. Модричъ обсуждалъ еще вопросъ: «живутъ ли въ Россіи, кромѣ волковъ и медвѣдей, еще и люди, созданные по образу и по подобию Божію» (стр. 2), ему явились вдругъ свидѣтели совершенно противоположнаго порядка вещей: маститый черногорскій воевода Джіуро Матановичъ, долго жившая въ Одессѣ дѣвица-гречанка «съ совершеннѣйшимъ типомъ Маскотты» и бывавшій въ Одессѣ же капитанъ корабля. Все они съ величайшею похвалою отзывались о русскихъ, а въ особенности дѣвица-гречанка не могла найти достаточныхъ словъ для описанія *tratto cavaleresco* и *gentillezza* русскихъ одесситовъ.

Страшиться болѣе уже не приходилось. Но изъ головы г. Модрича не выходила *i cento colpi di knut*. Однако, онъ перевалилъ черезъ границу, не получивъ ихъ, и, сознавая свое благополучіе, опроверженію этого предубѣжденія посвятилъ нѣсколько страницъ своего труда (16—23). Оставался не рѣшеннымъ еще вопросъ: «*Existano ferrovie in Russia?*» (Существуютъ ли желѣзныя дороги въ Россіи?). Желѣзныя дороги, разумѣется, оказалась, и г. Модричъ понесся дальше. Съ краткими остановками въ Варшавѣ и Вильнѣ промчался онъ по Польшѣ и Сѣверо-западному краю, любуясь царствующими тамъ порядками и находя, что все обстоитъ совершенно благополучно и лучшаго даже и желать нельзя.

И вотъ онъ въ Петербургѣ.

Къ удивленію его, Петербургъ оказался заселеннымъ не бѣлыми медвѣдями и не козаками, а очень милыми тайными совѣтниками. И вотъ г. Модричъ начинаетъ порхать отъ одного тайнаго совѣтника къ другому, знакомясь съ жизнью русской и составляя себѣ представленіе о Россіи. Въ Петербургѣ онъ сразу очутился въ положеніи Федора Николаевича Глинки, у котораго въ кругъ знакомыхъ были

Все тайные совѣтники,
Но явные друзья.

Разсмотримъ же по порядку первыя впечатлѣнія г. Модрича, пріобрѣтенныя имъ, какъ надо полагать, еще до знакомства съ «тайными совѣтниками». Прежде всего, приходитъ онъ къ заключенію, что пѣшеходы предостерегаются извошниками условнымъ крикомъ: бириги (стр. 77). Затѣмъ онъ оставливаетъ свое вниманіе на швейцарѣ, которому дается названіе «бѣлаго дворника» въ отличіе отъ чернаго дворника и его помощниковъ (стр. 78). Посѣтивъ пріятеля неизвѣстнаго чина, г. Модричъ встрѣчаетъ горничную, «говорящую языкомъ Пушкина» (стр. 79). «Возьмемъ ли мы извошника?»—спрашиваетъ онъ пріятеля, двигаясь обозрѣвать Петербургъ.—«Нѣтъ! мы возьмемъ рысака!»—отвѣчаетъ пріятель (стр. 82). И вотъ они берутъ рысака, «называемаго также лихачомъ», и двигаются обозрѣвать. Ъдутъ они благополучно по разнымъ улицамъ, и вотъ на Гагаринской набережной другъ указываетъ Модричу на большой бѣлый домъ:

— Вотъ палаццо генерала Анненкова!

Модричъ чувствуетъ электрическое потрясеніе, объясняемое тѣмъ, что герой закаспійской желѣзной дороги былъ уже давно для него *l'oggetto della piu devota ammirazione* (стр. 87). Во время этихъ разъѣздовъ, любуясь зданіями, видитъ г. Модричъ на Дворцовой площади, между прочимъ, и «Преображенскій театръ» (стр. 90). Далѣе, обозрѣвая каналы, онъ встрѣчаетъ, вмѣстѣ съ Мойкой и Фонтанкой, и каналъ «Катарину» (стр. 93). Немного позднѣе «генералъ В. В. Комаровъ» ведетъ г. Модрича на вечеръ къ гениальному поэту и автору социальныхъ романовъ, Полонскому. «При появленіи гостя,—всегда священнаго для русскихъ,—мать, дочь и Полонскій идутъ мнѣ на встрѣчу, привѣтствуютъ меня, не дожидаясь, чтобы генералъ меня представилъ, и не зная, кто я» (стр. 105). Очевидно, г. Модричъ предполагаетъ, что для самого «генерала» вставать бы не приходилось. Посѣтивъ засѣданіе славянскаго благотворительнаго общества, г. Модричъ съ изумленіемъ убѣждается въ томъ, что гр. Игнатьевъ отнюдь не имѣетъ козацкаго вида и къ нему, Модричу, и ко всѣмъ вообще относится чрезвычайно любезно (стр. 111). Послѣ вечера, пріятно проведеннаго у К. П. Побѣдоносцева, запасшійся многими свѣдѣніями, г. Модричъ, надѣвая уже шубу, освѣдомляется у швейцара для разоблаченія западно-европейскихъ клеветъ: ѣсть ли его господинъ жареныхъ католиковъ за завтракомъ? «Несчастный не понялъ моего вопроса. Я видѣлъ въ зеркалѣ, какъ онъ съ ужасомъ покачалъ головой. Конечно, онъ дурно обо мнѣ подумалъ. Уходя, я слышалъ, какъ онъ сказалъ одному изъ лакеевъ: этотъ господинъ сумасшедшій» (стр. 130). Успокоившись относительно главныхъ своихъ опасеній, г. Модричъ сталъ продолжать обозрѣніе Петербурга. Такъ, посѣтилъ онъ семинарію во время богослуженія, сопутствуемый В. Е. Саблеромъ. «Въ нашемъ церковномъ пѣніи,—пояснилъ ему *il egreggio Sabler*,—есть восемь гласовъ, чередующихся по недѣлямъ. На эту недѣлю е *la voce se*» (стр. 154). Еще болѣе странныя объясненія влагаетъ г. Модричъ въ уста того же самаго собесѣдника при посѣщеніи духовной академіи: «Почти всѣ оны (воспитанники академіи) становятся калугерами, т.-е. монахами, и могутъ

разсчитывать на получене наивысшихъ степеней въ церковной іерархіи» (стр. 154). Конечно, г. Саблеръ не могъ назвать монаховъ калуGERами, точно также какъ не могъ сказать, что *почти все* воспитанники академіи становятся монахами, когда почти все они становятся свѣтскими преподавателями семинарій и только сравнительно малая часть идетъ въ бѣлое духовенство, а еще меньшая—въ монашество. Сомнѣваемся также, чтобы какой бы то ни было спутникъ назвалъ Александро-Невскую лавру «императорскою лаврою» (*lavra impériale*) по той только причинѣ, «что императоръ со всемъ дворомъ посѣщаетъ ее каждое 30 августа» (стр. 155). Не знаемъ, изъ какого тоже источника сообщаетъ г. Модричь, что монахи этой лавры получаютъ по 1,000 рублей жалованья, кромѣ пищи и квартиры (стр. 157). На кладбищѣ той же лавры посѣтилъ г. Модричь могилу «Брылова, русскаго Фенелона» (?) (стр. 159).

Въ заключеніе подробнаго описанія Петербурга и исходящихъ изъ него судебъ Россіи, г. Модричь даетъ намъ обзорніе русской періодической прессы, изъ котораго узнаемъ мы, что *Русскій Вѣстникъ* (*Russki Vesnik*) подъ редакціей Берга есть русское *Revue de Deux Mondes*. Узнаемъ мы, что г. Суворинъ, издатель *Новаго Времени*, человекъ «твердый въ своихъ убѣжденіяхъ», что онъ «истинный москвичъ изъ школы Аксакова». Далѣе г. Модричь даетъ восторженную характеристику В. В. Комарова, славить его хлѣбосоельство и съ восторгомъ говорить о *Петербургской Газетѣ*, которую называетъ русскимъ *Gil Blas*. Надо отдать г. Модричу полную справедливость. Отдавая дань уваженія петербургскому гостепрїимству, онъ платитъ добромъ за добро. Это не маркизь Кюстинъ, который въ 1831 г. объѣлъ всю петербургскую аристократію, да потомъ и выставилъ на смѣхъ всехъ своихъ кормильцевъ и поильцевъ.

За главою о Петербургѣ, занимающей 164 страницы, идетъ описаніе русской жизни, съ которой ознакомился г. Модричь какъ въ Петербургѣ, такъ и во время разѣздовъ по Россіи. Мы узнаемъ объ обычаяхъ русскаго высшаго общества звать *на чаекъ* (на сіаіок), какъ на маленькій чай (*rikolathe*). Мы узнаемъ точно также, что въ каждой русской семьѣ есть обязательный *jour fixe*, въ который все родные и знакомые заносятъ визитныя карточки или посѣщаютъ хозяйку дома. Съ особенною любовью останавливается г. Модричь на ужинѣ (*uzina*), который длится болѣе часа и во время котораго хозяинъ не садится, а бѣгаетъ вокругъ стола, наливая вино. По окончаніи ужина гости встаютъ, цѣлуютъ у хозяйки руку, получаютъ отъ нея поцѣлуй въ лобъ и жмутъ руку хозяину (стр. 245). Изумительная трезвость русскихъ, по крайней мѣрѣ, въ городахъ, поражаетъ г. Модрича. «Рѣдко видалъ я,—говоритъ онъ,—пьянаго извозчика, рабочаго или крестьянина. За обѣдомъ русскій человекъ выпиваетъ двѣ или три рюмки тонкаго вина и не пьетъ уже больше. Днемъ пьетъ онъ чай; не въ обѣденное время онъ не пьетъ вовсе или пьетъ рѣдко какой-либо спиртный напитокъ. Однажды только видѣлъ я въ Москвѣ двухъ пьяныхъ, упавшихъ на тротуаръ, да и тѣ, какъ сказали мнѣ полицейскіе, были нѣмецкими ре-

месленниками» (стр. 246). Отсюда уже видно, какъ близко знакомился съ русской жизнью, пространно говорящій о русскихъ объѣдахъ, закускахъ и ужинахъ, Іосифъ Николаевичъ Модричъ. «Во всякомъ русскомъ домѣ,— продолжаетъ онъ,— въ избѣ, какъ и въ лавкѣ, во всякомъ частномъ и публичномъ зданіи, въ каждомъ домѣ, гдѣ есть христіанская душа, имѣется святая икона и *красный уголь*» (стр. 247). Иконы имѣются, конечно, вездѣ, но понятіе о красномъ углѣ зачастую вполнѣ неизвѣстно, а г. Модричъ именно о красномъ углѣ и говорить безпрестанно. По завѣренію г. Модрича, русскія дамы и до сихъ поръ носятъ кокошники во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. У женщинъ простого народа также есть кокошники, хотя и не столь богатые, и не столь украшенные камнями, какъ у дамъ. Съ кокошника спадаетъ на плечи большой бѣлый вуаль и т. д. (стр. 233). Въ каждомъ городѣ, по словамъ г. Модрича, имѣются два собора,— холодный для лѣта и теплый для зимы. Зимой, по теоріи г. Модрича, функционируютъ специально русскія учрежденія—миръ и земство (стр. 249). Къ миру—общинѣ—г. Модричъ, по внушенію своихъ собесѣдниковъ, не особенно благоволитъ. По словамъ его, русскіе крестьяне, освободившись послѣ 1861 года изъ-подъ власти господъ, пользуются только коллективною свободой, какъ и коллективною собственностью, по порознь находятся въ рабствѣ у общины, и только съ трудомъ могутъ выходить изъ предѣловъ ея (?) (стр. 251). О земствѣ г. Модричъ имѣетъ совершенно превратное мнѣніе. По его словамъ, въ земствѣ сосредоточиваются *административные* интересы цѣлыхъ провинцій и отдѣльныхъ уѣздовъ (стр. 252). Немудрено, что, при такомъ представленіи о земствѣ, авторъ находитъ, что нигдѣ областная автономія не стоитъ такъ высоко, какъ въ Россіи, и эту мысль онъ проводитъ на многихъ страницахъ своей книги. Но, какъ всѣмъ извѣстно, земство именно не есть административное учрежденіе и во всякомъ уже случаѣ не представляетъ изъ себя средоточія всѣхъ административныхъ интересовъ. Впрочемъ, земству и посвящаетъ г. Модричъ всего только нѣсколько строчекъ. Русскую земскую жизнь знаетъ онъ столько же, сколько и состояніе русской печати.

Оставляя въ сторонѣ всѣ странствія г. Модрича по Россіи, не исключая и «тысячу верстъ въ кибиткѣ», остановимся на первыхъ словахъ описанія Троицко-Сергіевской лавры. «Три знаменитыя лавры, монастыри съ присоединенными къ нимъ духовными академіями, почитаются русскимъ народомъ: лавра кіевскихъ катакомбъ (кіево-печерская), св. Сергія въ серединѣ Сергіевскаго посада и св. Александра Невскаго въ Петербургѣ. Они суть святыя мѣста православнаго міра; къ нимъ стекаются изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ имперіи сотни тысячъ; на нихъ сосредоточиваются самыя пламенныя воздыханія вѣрующихъ. На нихъ покоится особое благоволеніе Божіе и сердце православное, русское трепещетъ при мысли о лаврѣ» (стр. 365). Если бы г. Модричъ изучалъ русскую жизнь и русское сердце не по застольнымъ только рѣчамъ и разговорамъ, онъ, конечно, зналъ бы, что никогда русское, православное сердце не поставитъ молодую и ни-

чѣмъ еще себя особымъ не ознаменовавшую Александро-Невскую лавру рядомъ и на одну степень съ исторически-прославленными, давшими многихъ угодниковъ лаврами Кіево-Печерскою и Троице-Сергіевскою, что, какъ народныя святыни, Соловки, Валаамъ и многое множество другихъ монастырей, не носящихъ названіе лавръ, стоятъ неизмѣримо выше и гораздо ближе къ народу, значительная часть котораго даже и не знаетъ о существованіи Александро-Невской лавры, не окруженной ореоломъ народной святыни. Если бы г. Модричъ болѣе зналъ народную жизнь и лучше читалъ русское сердце, онъ зналъ бы, что наименованіе «лавра» имѣетъ для религіознаго чувства весьма мало значенія и что вовсе не близость академій отличаетъ лавры отъ монастырей. Но г. Модричъ знаетъ только официальную Русь, да и ту только по застольнымъ рѣчамъ и салоннымъ разговорамъ. Напрасно говорить онъ такъ много отъ имени русскаго народа и отъ русскаго, православнаго сердца.

На неправильностяхъ въ описаніи Троицко-Сергіевской лавры и ея учрежденій мы не станемъ останавливаться, а перейдемъ прямо къ Москвѣ и московскимъ впечатлѣніямъ г. Модрича.

Глава о Москвѣ представляетъ много новаго и весьма интереснаго, въ особенности для москвичей. Если бы Дантъ, направляясь въ адъ, избралъ себя путеводителемъ не Вергилія, а какого-нибудь плохенькаго поэтака древняго міра, негодующаго еще, притомъ, на всѣхъ болѣе крупныхъ поэтовъ и проповѣдующаго какую-нибудь свою совершенно особую теорію, то, конечно, вмѣсто величественной поэмы, онъ написалъ бы только жалкую карригатуру ада. Мы не знаемъ, набѣжалъ ли въ данномъ случаѣ, какъ говорить пословица, звѣрь на ловца или, наоборотъ, въ видѣ исключенія, ловець набѣжалъ на звѣря, но г. Модричъ, во всякомъ случаѣ, избралъ себя странныхъ путеводителей и изобразилъ намъ карригатуру Москвы и московскихъ мнѣній, подавшись совершенно взгляду своихъ руководителей и взглянувъ на Москву съ ихъ точки зрѣнія. Изображеніе Москвы вышло каррикатурнымъ и въ общемъ, и въ частностяхъ.

Г. Модричъ начинаетъ тѣмъ, что объявляетъ слово Кремль словомъ татарскимъ (стр. 381). Затѣмъ говоритъ онъ о томъ, что, «со времени перенесенія св. синода въ Петербургъ, Москва сдѣлалась экзархатомъ», хотя въ Москвѣ св. синода никогда не существовало (стр. 382). Говоря о тѣнистыхъ бульварахъ, онъ упоминаетъ о Садовомъ бульварѣ, тянущемся 16 километровъ, и объ *аристократическомъ* Тверскомъ бульварѣ (стр. 383). Тотчасъ послѣ того начинается оригинальное описаніе московскаго быта. «Въ Москвѣ никто не ходитъ пѣшкомъ. У кого нѣтъ собственнаго экипажа,—а москвичъ, мало-мальски достаточный, его имѣетъ всегда,—тотъ пользуется извозчиками, которые за нѣсколько копѣекъ везутъ васъ съ одного конца города на другой, что не мѣшаетъ, однако, къ концу дня истратить пять рублей на одно передвиженіе» (стр. 383). Хорошее знакомство съ московскимъ бытомъ, обычаями и условіями жизни!

Въ Кремль г. Модричъ отправился съ г. Грингмутомъ. Тотчасъ же

новый Виргилій указаль на Спасскія или святыя ворота, совершенно позабывъ, что святыми называются они только въ стихотвореніи Ѳ. Н. Глинки (и то для размѣра), а народная, лѣтописная и даже официальная рѣчь названія этого вовсе не знаетъ.

— Почему называются они святыми?—спросилъ г. Модричь.

Г. Грингмутъ не сталъ въ тупикъ.

— Потому, что на наружной стѣнѣ висить икона Спаса — *палладій Кремля*, принесенная изъ Смоленска великимъ княземъ (?) Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1647 году.

Опредѣленіе совершенно ложное. Какъ филологъ, г. Грингмутъ долженъ былъ бы знать, что палладій всегда хранился внутри храмовъ, а не на наружной ихъ оградѣ. Какъ москвичъ, онъ долженъ былъ бы знать, что палладіемъ Кремля могутъ почитаться только внутреннія святыни соборовъ, а что изъ внѣшнихъ иконъ развѣ только Иверская могла бы носить преимущественно такое названіе. Немудрено, что, сбитый съ толку, г. Модричь тотчасъ же увидалъ подъ Спасскою башней «византійскую арку» (стр. 384 — 385). Войдя въ Кремль, г. Модричь замѣтилъ рядъ пушекъ и самую большую изъ нихъ—*сапоне impériale*, т.-е., вѣроятно, царь-пушку (стр. 386). Въ Кремлѣ же видить г. Модричь Чудовъ монастырь—резиденцію митрополита, который, какъ извѣстно, всегда жилъ и живетъ въ Троицкомъ подворьѣ, а не въ Чудовомъ монастырѣ (стр. 386). Тутъ же узнаеть путешественникъ неизвѣстную для насъ, москвичей, московскую пословицу: выше Москвы только Кремль, а выше Кремля только небо (стр. 386). Красное крыльцо называется львинымъ (*scalone dei leone*), хотя это когда-то существовавшее названіе утратилось тотчасъ по удаленіи отъ крыльца царскаго звѣринца. Около царя-колокола разсказывается неизвѣстная москвичамъ и русскому народу легенда: «Могучіе отголоски императорскаго колокола потрясутъ воздухъ, когда наши войска окончательно вступятъ въ Константинополь. Этотъ день будетъ величайшимъ днемъ современной исторіи: православіе одержитъ побѣду надъ полудніемъ». Можетъ быть, это спеціальная легенда *Московскихъ Выдомостей*, но Москва ея не знаетъ, какъ и приведенной выше пословицы. Хорошо сдѣлалъ г. Грингмутъ, что сказалъ ее г. Модричу «только на ухо». Что въ самомъ дѣлѣ общаго между отлитымъ при Аннѣ Ивановнѣ колоколомъ, Византією и торжествомъ православія? Въ Успенскомъ соборѣ наши пріятели видятъ гробъ патріарха (?) Іоны и не отличаютъ мощей отъ могилъ (стр. 390). Въ Архангельскомъ соборѣ они же усматриваютъ «гробницы *всѣхъ* великихъ князей и властителей русскихъ дома Рюрикова и Романовыхъ до Петра Великаго. По этимъ гробницамъ, покрытымъ красными пеленами, можетъ возстановляться *вся* русская исторія отъ самаго ея начала до основанія Невской столицы» (стр. 391).

За Кремлемъ наши путники любятъ «гигантскимъ Александровскимъ садомъ» (стр. 398), переходятъ на Красную площадь и тамъ вспоминаютъ, между прочимъ, о «царѣ Иванѣ Шуйскомъ» (стр. 401). По поводу «Васильевскаго собора», т.-е. Покровскаго собора или церкви Василя Блаженнаго,

г. Модричъ вспомнилъ объ Иванѣ Грозномъ и о взглядѣ на него, высказанномъ генераломъ Комаровымъ, который окончилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Наконецъ, эпоха Ивана Грознаго открываетъ намъ русскій характеръ; народъ, нравственныя фибры котораго могли вытерпѣть Ивана Грознаго, имѣетъ безъ сомнѣнія великое будущее». Подобно ему,—замѣчаетъ г. Модричъ,—разсуждаютъ московскіе патріоты» (стр. 405). Надѣмся, что далеко не всѣ московскіе патріоты, а только развѣ патріоты Страстного бульвара видятъ залогомъ блестящаго будущаго Россіи только народную способность все переносить и терпѣть. Г. Модричъ, однако, не соглашается съ московскими патріотами и остается при отдѣльномъ мнѣніи.

Въ описаніи Москвы, сдѣланномъ г. Модричемъ, москвичъ вообще узнаетъ чрезвычайно много новаго. Такъ, узнаетъ онъ, между прочимъ, что на Толкучѣхъ на лоткахъ среди другихъ товаровъ продается и vodka. Тамъ же на тѣхъ же лоткахъ продается и сырая конина, которой на нѣсколько копѣекъ отрѣзывается большой кусокъ (стр. 408—409). Любопытны также свѣдѣнія, сообщаемыя г. Модричемъ о московской религіозности. «Настоящій москвичъ,—говоритъ онъ,—чувствуетъ себя несчастнымъ, если занятія препятствуютъ ему хотя разъ въ недѣлю поцѣловать руку у Иверской Божіей Матери» (стр. 413). При проѣздѣ Иверской по улицѣ всѣ наклоняются и снимаютъ шапки, многіе останавливаются, *какъ при встрѣчѣ съ императоромъ*; нѣкоторые падаютъ ницъ (стр. 417).

Г. Модричъ провелъ въ Москвѣ масляницу и, очевидно, получилъ о ней хорошее понятіе, почтя ее недѣлю, *посвященною жареному поросенку и блинамъ*.

О блинахъ говоритъ онъ подробно и безъ заблужденій (стр. 424). Поговоривъ о масляницѣ, г. Модричъ приводитъ дѣликомъ помѣщенную имъ прошлою весной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью о причинахъ ненависти итальянцевъ къ Россіи. Статья эта не заключала въ себѣ ничего новаго, ничего вѣскаго и сильнаго, если даже и почитать ее справедливой. Но за то изъ книги г. Модрича узнаемъ мы, москвичи, нѣчто уже совсѣмъ для насъ новое. Оказывается, что статья эта произвела въ Москвѣ шумное и бурное впечатлѣніе—une sensatione strepitosa (а мы-то, москвичи, совсѣмъ и не замѣчали охватившаго Москву волненія). «Я получилъ,—говоритъ г. Модричъ,—сотни визитовъ людей, желавшихъ справиться о подлинности моихъ откровеній... Всѣмъ казалось невѣроятнымъ»... Сорокъ тысячъ однихъ курьеровъ! Впрочемъ, вѣдь, все это происходило, вѣроятно, подъ тѣнью величественной клюквы—a l'ombre d'un klukwa majestueux.

Можетъ быть, устыдившись фурора, только что описаннаго, г. Модричъ просто переходитъ къ очереднымъ дѣламъ и посвящаетъ нѣсколько страницъ описанію «Эрмитажа». Тутъ онъ чувствуетъ себя опять въ своей тарелкѣ и излагаетъ толково и дѣльно, хотя и напрасно находитъ стиль «Эрмитажа» строгимъ (istile severo, стр. 436). Не совсѣмъ уже правильно разсуждаетъ онъ о пасхальныхъ яйцахъ, которыя передаются со словами: «Христосъ воскресъ» (стр. 446). Совершенно невѣрно сообщаетъ онъ, что

полночная служба, т.-е. пасхальная утренняя, исполняется как - то особымъ отъ всей Россіи образомъ въ двухъ святыхъ городахъ—Кіевѣ и Москвѣ (стр. 447).

Послѣ всѣхъ этихъ новостей о Москвѣ и Россіи нечего уже удивляться завѣреніямъ о выдающемся талантѣ и изумительномъ знаніи (*dottrina straordinaria*) рецензента *Московскихъ Вѣдомостей* Юрія Николаева (стр. 450).

Съ такою же наблюдательностью и вѣрностью сужденія толкуетъ г. Модричъ о московской ежедневной прессѣ. Онъ начинается съ *Русскихъ Вѣдомостей* и, назвавъ почему - то В. М. Соболевскаго «типомъ дипломата въ отставкѣ», говоритъ, что газета, помимо направленія, ведется толково, но защищаетъ социальный катехизисъ графа Толстого (!) (стр. 459). Послѣ нѣсколькихъ строчекъ о *Русскихъ Вѣдомостяхъ* идутъ, разумеется, страницы о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. «Это—трибуна великаго Каткова, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время она занята прославленнѣйшимъ (*festeggiatissimo*) московскимъ публицистомъ Сергѣемъ Александровичемъ Петровскимъ, бывшимъ секретаремъ Каткова. Главнымъ редакторомъ состоитъ его превосходительство Владимиръ Андреевичъ Грингмутъ — одна изъ самыхъ крупныхъ и просвѣщенныхъ головъ, которыхъ я зналъ когда-либо (точь-въ-точь такъ же отзывался Павелъ Ивановичъ Чичиковъ о губернаторѣ и предсѣдателѣ палаты). При участіи *bravissimi* редакторовъ, сотрудниковъ и корреспондентовъ наполняются многочисленныя рубрики газеты, не оставляющей желать ничего болѣе въ смыслѣ типа газеты серьезной, просвѣщенной и вліятельной». «Во время моего пребыванія въ Москвѣ я встрѣтилъ со стороны Петровскаго и Грингмута самое утонченное вниманіе, — вниманіе, которое не забывается на всю жизнь. Поэтому во имя западной печати принимаю на себя честь высказать имъ публичную благодарность. Такихъ двухъ товарищей, какъ Петровскій и Грингмутъ, надо искать съ фонаремъ Діогена» (стр. 460).

Не излишнюю ли смѣлость принимаетъ на себя г. Модричъ, высказывая эту благодарность отъ имени западной печати? Не слишкомъ ли смѣлая откровенія дѣлаетъ онъ и намъ, москвичамъ, и русскимъ вообще? Мы, вѣдь, и не знали, что имѣемъ въ средѣ своей такихъ прославленныхъ публицистовъ. Впрочемъ, вѣдь, у г. Модрича свой масштабъ. Онъ рассчитывалъ найти въ Россіи только бѣлыхъ медвѣдей да козаковъ, а нашелъ *Московскія Вѣдомости*, гг. Петровскаго и Грингмута. Если же на всю Россію смотреть онъ съ точки зрѣнія *Московскихъ Вѣдомостей*, то какъ же иначе смотрѣть ему и на редакторовъ этого изданія, какъ не съ точки зрѣнія самой редакціи? Онъ скрылся подъ сѣнь ихъ газеты и смотритъ на все à l'ombre d'un klukwa majestueux.

Все московское образованное общество является для г. Модрича сосредоточеннымъ въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* и *casa Petrowski*, открытымъ для приглашенныхъ 2 и 16 числа каждаго мѣсяца. Тамъ собираются корифеи славянской идеи е il Gringmuth (стр. 462). Тамъ il Gringmuth произносить рѣчь о панславизмѣ, совершенно не понимая, что панславизмъ

не тождественъ съ поглощеніемъ славянъ Россіей, и придавая ему только этотъ смыслъ (стр. 463). Тамъ il celebre Povaiski произносить что-то весьма невразумительное (стр. 464). Тамъ нѣкій москвитъ выражаетъ радость, что русскіе до сихъ поръ не взяли Константинополя. «Тогда, —воскликаетъ онъ, — какъ возстановили бы мы въ св. Софїи православный культъ? Какой культъ, русскій, греческій, болгарскій или сербскій? Все это вопросы сложные и деликатные. Западные люди не могутъ этого понять». Этой чепухи, конечно, никто не можетъ понять. Греки, какъ извѣстно, въ дѣлѣ культа отличаются отъ насъ только языкомъ, а сербы и болгары даже и этого отличія не имѣютъ.

Всего страннѣе, что въ casa Petrovski г. Модричу предъявили Хомякова, стараго палладина московскаго идеала. Желали бы мы получить разгадку этой мистификаціи. Старый палладинъ московской мысли, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, давно уже умеръ и съ *Москов. Вѣдом.* ничего общаго не имѣлъ. Неужели г. Модричу предъявляли поддѣльнаго Хомякова, Хомякова-самозванца? Правда, этотъ неизвѣстный Москвѣ ingegno brillianissimo большею частью молчалъ и, наконецъ, произнесъ рѣчь съ *Московскими Вѣдомостями* не совсѣмъ согласную... Однако же, все-таки, странно.

Таково содержаніе книги г. Модрича. Мы выбрали изъ нея только малую часть ошибокъ, неточностей и искаженій. Въ сущности, она есть сплошное искаженіе истины и весьма близко напоминаетъ извѣстное произведеніе греческаго юмориста Лукіана, носящее названіе *Правдивой исторїи*. Въ сочиненїи этомъ знаменитый писатель вознамѣрился въ виду частыхъ отступленій греческихъ путешественниковъ отъ правды написать такое «путешествіе», въ которомъ правды совсѣмъ бы не существовало, т.-е. не было бы ни слова правды. Г. Модричъ bona fide довольно хорошо исполнилъ эту задачу.

Книга его, разумѣется, посвящена «славнымъ московскимъ публицистамъ Сергѣю Александровичу Петровскому и Владиміру Андреевичу Грингмуту».

Вотъ что значитъ уѣсться «подъ тѣнь величественной клюквы»!

Н.

Роль министровъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Швейцаріи *).

Въ политической организаціи Соединенныхъ Штатовъ, прежде всего, бросается въ глаза основная черта англо-саксонской расы: стремленіе къ индивидуальной свободѣ и непобѣдимое недоувѣріе ко всякой власти, какова бы она ни была. Религіозныя идеи, независимость колониальной жизни, воспоминаніе о преслѣдованіяхъ и о недавней борьбѣ еще болѣе развили и укрѣпили эту черту. Избирательныя собранія еще не представляли въ глазахъ американцевъ достаточной гарантіи для охраненія свободы. Они помнили, какую борьбу имъ пришлось выдержать съ англійскимъ парламентомъ для защиты своихъ правъ и интересовъ. Они помнили, что въ данномъ случаѣ палата общинъ шла рука объ руку съ палатою лордовъ.

Всѣ эти еще свѣжія воспоминанія не могли не отразиться на политической жизни американцевъ и выразились, главнымъ образомъ, въ раздѣленіи власти,—раздѣленіи, доходящемъ до крайности. Она распределяется, во-первыхъ, между тремя учрежденіями самостоятельными, или почти самостоятельными, каждое въ своей сферѣ: федеральное правительство, правительство штатовъ и мѣстныя власти. Въ каждомъ изъ этихъ правительствъ существуетъ еще раздѣленіе власти между тремя учрежденіями, вполне независимыми другъ отъ друга: законодательная власть, исполнительная и судебная.

Это второе раздѣленіе власти было предусмотрено при самомъ возникновеніи американской самостоятельности. Сначала оно внесено было въ колониальную хартію, потомъ дополнено и введено въ федеральную конституцію, какъ принципъ, долженствующій ограждать права и свободу гражданъ отъ произвола власти. Съ тѣхъ поръ этого принципа держатся конституціи штатовъ, а также нѣкоторыя городскія организаціи. Что касается раздѣленія власти между мѣстными учрежденіями, правительствомъ штатовъ и федеральнымъ правительствомъ, то оно создавалось медленно, по-

---

*) Dupriez: „Les ministres dans les principaux pays d'Europe et d'Amérique“. Tome deuxième. 1893. Ср. *Русская Мысль* 1892 г. кн. VIII и IX.

степенно, сообразно обстоятельствамъ, вытекая, такъ сказать, изъ прирожденнаго инстинкта англо-саксонской расы и основываясь на обычаяхъ. Основатели союза нашли это первое раздѣленіе власти уже твердо установившимся и не сочли нужнымъ его измѣнять.

Даже такіе сторонники сильной федеральной власти, какъ Гамильтонъ, относились съ уваженіемъ къ автономіи штатовъ, потому что видѣли въ ней залогъ для огражденія народныхъ правъ. «Въ соединенной республикѣ Соединенныхъ Штатовъ,—говоритъ *Федералистъ*,—власть раздѣляется сначала между двумя различными правительствами, и потомъ въ каждомъ изъ нихъ между отдѣльными и самостоятельными департаментами. Такимъ образомъ, права народа вдвойнѣ обезпечены. Различныя учрежденія будутъ контролировать другъ друга и, въ то же время, каждое изъ нихъ находится подъ своимъ собственнымъ контролемъ».

Организація мѣстныхъ учреждений была перенесена въ Америку изъ Англіи; но здѣсь, благодаря удаленности отъ центра, она пользовалась большею самостоятельностью. Рядомъ съ этими мѣстными учреждениями существовала правительственная власть, долженствовавшая оберегать королевскія права. Но колоніи, проникнутыя духомъ самоуправленія, захотѣли принимать участіе въ правленіи, которому были подчинены. Въ каждой колоніи рядомъ съ губернаторомъ и совѣтомъ, назначаемыми королемъ, образовалось собраніе, избираемое самими жителями. Нѣкоторыя хартіи Новой Англіи предоставляли даже жителямъ право выбора совѣта и губернатора.

Такимъ образомъ въ XVIII ст. образовалось тринадцать колоній; въ каждой было отдѣльное правительство, въ которомъ большое участіе принимали граждане, ограждая права своихъ мѣстныхъ учреждений. Колоніи были совершенно независимы другъ отъ друга; единственнымъ звеномъ между ними была ихъ общая зависимость отъ Англіи. У нихъ не было общихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, они не замѣчали ихъ, пока не начались притѣсненія со стороны короля и парламента. Утвержденіе законовъ о налогахъ, которые колоніи отвергли, было въ ихъ глазахъ нарушеніемъ самыхъ неприкосновенныхъ правъ. Всѣ колоніи, одинаково оскорбленныя, соединились для совмѣстной борьбы.

Война за независимость вызвала первую конфедерацію, которая была окончательно заключена въ 1781 г. Но это была просто лига для самозащиты, союзъ между штатами для охраненія ихъ авторитета, правъ и свободы. Делегаты обсуждали, правда, направленіе внѣшней политики, управленіе союзнымъ войскомъ и флотомъ, регулированіе торговли, финансовъ и проч., но окончательное рѣшеніе по всѣмъ этимъ вопросамъ конгрессъ долженъ былъ предоставлять девяти штатамъ. «Однимъ словомъ, онъ могъ все обсуждать, но ничего не могъ рѣшать». Онъ могъ рекомендовать тысячу мѣръ, но не могъ осуществить ни одной изъ нихъ.

Такого рода союзъ былъ равносильнъ отсутствію всякаго союза. Уже во время войны, когда медленность дѣйствій и нѣкоторыя неудачи охла-

дили первый пылъ энтузіазма, штаты отказали въ необходимой субсидіи для содержанія войскъ. Конгрессъ былъ вынужденъ выпустить кредитныя бумаги, которыя скоро потеряли всякую стоимость. Войско, терпя во всемъ нужду и видя, что оно можетъ остаться безъ жалованья, предложило Вашингтону королевскій титулъ. Послѣ заключенія мира раздоры усилились. Напрасно конгрессъ дѣлалъ воззваніе къ штатамъ для уплаты національнаго долга. Достаточно было отказаться одному, чтобы отказались и всѣ остальные. Ему не удалось также урегулировать торговлю. У каждаго штата была особенная торговая политика и каждый заботился только о своихъ собственныхъ интересахъ. Конгрессъ не могъ даже заставить отнестись съ уваженіемъ къ мирному договору съ Англіей.

Реформа была необходима. Въ январѣ 1786 г. штатъ Виргинія выбралъ делегатовъ и пригласилъ сдѣлать то же остальные штаты, чтобы выработать общую регламентацію торговли. Но на это воззваніе отозвались только четыре штата. Делегаты на первыхъ же собраніяхъ нашли, что ихъ миссія была слишкомъ ограничена, и обратились ко всѣмъ штатамъ съ просьбой прислать въ Филадельфію своихъ представителей, чтобы рассмотреть положеніе дѣлъ союза и попытаться выработать мѣры для укрѣпленія федеральнаго правительства. Конгрессъ подтвердилъ это рѣшеніе. Тогда на собраніе въ Филадельфію съѣхались представители отъ двѣнадцати штатовъ. Собраніе подъ предсѣдательствомъ Вашингтона, имѣя въ своемъ числѣ извѣстныхъ представителей отъ важдаго штата, какъ Гамильтонъ, Мадисонъ, Джей, Франклинъ, Рандольфъ, увидѣло скоро, что для того, чтобы устранить возникшія затрудненія, надо отказаться отъ прежней конференціи и создать новую. Оно выработало новый планъ конституціи. Этотъ проектъ былъ утвержденъ конгрессомъ 17 сентября 1787 г., но долженъ былъ подвергнуться въ каждомъ штатѣ обсужденію спеціальнаго собранія, избраннаго народомъ. Послѣ долгихъ обсужденій и колебаній, благодаря настойчивости великихъ патріотовъ, одиннадцать собраній утвердили новую конституцію. Конгрессъ пригласилъ сдѣлать необходимыя выборы и 4 марта 1789 г. новое правительство вступило, наконецъ, въ исполненіе своихъ обязанностей. Два штата, державшіеся до сихъ поръ въ сторонѣ, присоединились тоже къ союзу.

Эта конституція, выработанная съ такимъ трудомъ, осталась безъ измѣненій до нашихъ дней. Сдѣланы были только нѣкоторыя добавленія, сообразно росту общественной и политической жизни страны. Такъ, уничтоженіе рабства въ 1865 г. вызвало два новыхъ добавленія къ конституціи въ 1868 и въ 1870 гг.

Практика политической жизни не всегда согласуется съ буквою закона и обычай внесъ еще нѣкоторыя измѣненія въ первоначальную конституцію. Такъ, были измѣнены выборы президента, отношенія палатъ между собою, исправлено и смягчено полное раздѣленіе исполнительной власти и конгресса и т. д.

Конституція 1787 г. изъ простой лиги мира и торговли создала феде-

ративное государство. Разграниченіе правъ и обязанностей союза и штатовъ сдѣлано съ такою ясностью и точностью, какую рѣдко гдѣ можно еще встрѣтить. Штаты подчиняются федеральному правительству, но сохраняютъ полную независимость.

Права и обязанности федеральнаго правительства ограничиваются регламентаціей и администраціей общихъ всѣмъ штатамъ интересовъ. Они заключаютъ въ себѣ:

1. Сношенія съ иностранными державами, назначеніе и пріемъ посланниковъ, обсужденіе и заключеніе всякаго рода международныхъ договоровъ, объявленіе войны.

2. Администрація и командованіе арміей и флотомъ и нѣкоторыя права относительно милиціи штатовъ.

3. Во внутренней политикѣ нѣкоторое охраненіе штатовъ отъ смуть, усмиреніе мятежей и возстаній и вообще всѣхъ проступковъ и преступленій противъ государственной власти союза.

4. Регламентация международной торговли и торговли между штатами или съ индѣйцами, преслѣдованіе банкротовъ, огражденіе авторскихъ правъ и привелегій на изобрѣтенія.

5. Выпускъ монетъ и контроль.

6. Организация почты.

7. Владѣніе и управленіе территоріями, не составляющими собственности никакого штата.

8. Администрація округа Колумбіи (Вашингтонъ).

Наконецъ, федеральное правительство обладаетъ теперь всѣми необходимыми средствами для того, чтобы заставить уважать свою власть и обезпечить исполненіе своихъ законовъ. Кромѣ командованія военными силами, оно имѣетъ:

9. Право налагать и отмигать налоги для содержанія общественныхъ учреждений, посредствомъ которыхъ они дѣйствуютъ.

10. Право учрежденія федеральнаго суда, который долженъ пояснять и прилагать законы, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ, карать проступки за нарушеніе закона и преступленія противъ человѣческихъ правъ, главнымъ образомъ, пиратство въ открытомъ морѣ, а также рѣшать всевозможныя недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть между союзомъ и штатомъ или гражданиномъ или между гражданами различныхъ штатовъ, даже недоразумѣнія, возникающія на почвѣ законовъ того или иного штата.

Такимъ образомъ, союзъ занимается главнымъ образомъ внѣшнею политикою государства, почти всѣ внутреннія дѣла изъяты изъ его вѣдѣнія, и если сравнить его съ европейскими правительствами, то можно съ полною справедливостью сказать про него: «онъ мало управляетъ и почти не занимается администраціей».

Во всемъ, что касается внутренняго управленія, штаты вполне независимы отъ союза. къ ихъ области относятся: гражданское и уголовное законодательство, охраненіе общественного порядка, преслѣдованіе преступ-

лений противъ личности и противъ собственности, регламентація мѣстныхъ учрежденій, право налагать и снимать подати и пр.

Регламентація и администрація мѣстныхъ интересовъ всецѣло предоставлена мѣстнымъ властямъ, вполнѣ свободнымъ отъ административной опеки центральной власти. Города и мѣстечки такъ же независимы по отношенію къ своему штату, какъ штаты къ союзу. Пальфрей совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу Новой Англіи, что въ ней «каждый штатъ представляетъ своего рода конфедерацію маленькихъ республикъ, называемыхъ towns, также какъ вся нація состоитъ изъ конфедераціи республикъ, называемыхъ штатами».

Тѣмъ не менѣе, между отношеніями штата къ союзу и коммуны къ штату есть существенная разница. Штатъ совершенно независимъ отъ союза въ своей организаціи. Община, напротивъ, обязана штату своимъ существованіемъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія закона. И штатъ, создавшій общину, имѣетъ право опредѣлять ея границы и организацію, можетъ ограничить ея власть.

Филадельфійскій конвентъ, выдвигая въ новой конституціи принципъ раздѣленія власти между тремя совершенно различными и независимыми вѣдомствами: законодательнымъ, исполнительнымъ и судебнымъ, основывался не на однихъ только абстрактныхъ разсужденіяхъ; примѣромъ имъ служила Англія, а также національныя учрежденія штатовъ. Горячіе поклонники Монтескьё, такъ наглядно показавшаго, что свобода въ Англіи происходитъ отъ раздѣленія власти, тогда какъ централизація ея ведетъ всегда къ деспотизму, американцы, тѣмъ не менѣе, были слишкомъ практичны, чтобы положить въ основу конституціи абстрактный принципъ и на немъ строить политическую организацію страны. Принципъ раздѣленія власти не былъ для нихъ абсолютомъ, не допускающимъ никакихъ уступокъ. Они видѣли, что на практикѣ необходимы нѣкоторыя исключенія. «Демаркаціонная линия, опредѣляющая на бумагѣ границы различныхъ властей, еще недостаточна, чтобы предупредить различнаго рода узурпаціи, которыя такъ часто кончаются захватомъ власти въ одѣи руки... Всякая власть естественнымъ образомъ стремится къ расширенію и надо лишить ее возможности преступить опредѣленныя ей границы... Если между ними не будетъ связи, которая дастъ право каждому изъ трехъ вѣдомствъ наблюдать за другими, то трудно будетъ поддержать необходимое для каждой свободной страны раздѣленіе властей». Такимъ образомъ, исключенія, какъ и самый принципъ, истекаютъ изъ основной черты американцевъ: недовѣрія ко всякаго рода власти и ревниваго охраненія индивидуальной свободы.

Законодательная власть, хотя и была предоставлена собранію, избранному народомъ, тѣмъ не менѣе, внушала недовѣріе американцамъ. «Законодательная власть, — говоритъ *Федералистъ*, — иногда слишкомъ расширяетъ сферу своей дѣятельности и поглощаетъ всѣ остальные власти въ своемъ бурномъ теченіи». Чтобы избѣжать этой опасности, надо было, во-первыхъ, снабдить остальные вѣдомства средствами для обороны, а по-

томъ раздѣлить законодательную власть по примѣру Англіи и колоній между двумя палатами, составленными изъ различныхъ элементовъ населенія.

Вопросъ объ избраніи делегатовъ въ федеральныя палаты раздѣлилъ филадельфійскій конвентъ на двѣ, казалось, непримиримыя партіи. Большіе штаты настаивали, чтобы число депутатовъ опредѣлялось сообразно общей цифрѣ населенія. Маленькіе штаты боялись, чтобы въ такомъ случаѣ не пострадала ихъ независимость, и хотѣли одинаковаго числа представителей отъ каждаго штата, безъ всякаго отношенія къ населенію. Вопросъ былъ переданъ въ комиссію, которая предложила, какъ единственное средство соглашенія, производить выборы для одной палаты по первой системѣ, для другой—по второй. Компромисъ этотъ былъ принятъ.

Законодательная власть раздѣляется, такимъ образомъ, между палатой представителей и сенатомъ, а оба учрежденія составляютъ федеральный конгрессъ. Каждый штатъ имѣетъ право выбирать представителей въ палату пропорціонально общей цифрѣ населенія. Черезъ каждые два года весь составъ палаты измѣняется.

Сенаторы избираются по двое отъ каждаго штата, независимо отъ общаго числа жителей, на шесть лѣтъ; каждые два года одна треть выбываетъ, такъ что два сенатора одного и того же штата никогда не участвуютъ въ одной серіи. Депутаты въ палату избираются посредствомъ общей подачи голосовъ, а сенаторы законодательными собраніями каждаго штата.

Президентъ не составляетъ, какъ король въ Англіи, третьей вѣтви законодательной власти. Палаты дѣйствуютъ совершенно независимо отъ него, и онъ не можетъ ни отложить ихъ собранія, ни распустить ихъ. Но президентъ имѣетъ право въ случаѣ необходимости созвать экстренное собраніе конгресса.

Каждый билль, принятый обѣими палатами, пересылается президенту и онъ имѣетъ право въ продолженіе десяти дней отослать его обратно въ палату, если найдетъ его противнымъ духу конституціи и благу страны. Въ такомъ случаѣ билль опять поступаетъ на обсужденіе и пріобрѣтаетъ силу закона только въ томъ случаѣ, если принятъ въ обѣихъ палатахъ большинствомъ двухъ третей голосовъ. Если въ теченіе десяти дней конгрессъ прекратитъ свои засѣданія, то билль падаетъ самъ собою, если только онъ не подписанъ президентомъ.

Исполнительная власть не внушала основателямъ американскаго союза такого же недовѣрія. Напротивъ, они хотѣли придать ей силу и энергію, необходимую для ея миссіи, и потому сосредоточили ее въ рукахъ президента, который имѣетъ всѣ права для ея огражденія. Американцы приписывали вообще большое значеніе единству исполнительной власти. «Единство служитъ залогомъ необходимой энергіи,—говоритъ *Федералистъ*.—Рѣшимость, дѣятельность, быстрота характеризуютъ гораздо болѣе дѣйствія одного человѣка, чѣмъ многочисленнаго собранія».

Принципъ раздѣленія власти не допускаетъ возможности какого бы то ни было соединенія законодательныхъ и исполнительныхъ обязанностей.

Лица, занимающія административныя и судебныя должности, не могутъ приниматьъ участія въ конгрессѣ.

Несмотря на широкія полномочія президента во всемъ, что касается исполнительной власти, въ двухъ случаяхъ онъ не можетъ дѣйствовать безъ согласія сената. Договоры, заключенные президентомъ, только тогда приобретаютъ законную силу, когда ихъ утвердитъ сенатъ большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ членовъ. Утвержденіе лицъ на высшія судебныя и исполнительныя должности не можетъ состояться безъ согласія сената. Конгрессъ руководился соображеніями, что въ данныхъ случаяхъ президентъ можетъ преслѣдовать гораздо больше свои личные интересы, чѣмъ интересы страны.

Избраніе президента производится посредствомъ двойной системы выборовъ. Каждый штатъ назначаетъ отъ себя избирателей, число которыхъ должно равняться числу его депутатовъ и сенаторовъ, и имъ уже поручается избраніе президента. Этимъ способомъ конгрессъ хотѣлъ оградить избраніе президента отъ внезапныхъ и необдуманныхъ рѣшеній толпы и поручить его лучшимъ представителямъ страны. Но цѣль не была достигнута и только усложнились самые выборы.

Эти народные представители обыкновенно лишены всякой инициативы и служатъ только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ руководящей партіи. Народъ избираетъ ихъ безъ всякаго отношенія къ ихъ личнымъ достоинствамъ и обязываетъ ихъ предварительно честнымъ словомъ вотировать за заранее намѣченнаго кандидата.

Американскій народъ почти всегда раздѣлялся на двѣ большія политическія партіи, извѣстныя теперь подъ названіемъ партіи демократовъ и республиканцевъ. Кандидаты этихъ двухъ партій обыкновенно и одерживаютъ побѣды на выборахъ, представители же всѣхъ другихъ партій могутъ рассчитывать только на самое незначительное количество голосовъ.

Вице-президентъ избирается по такой же системѣ. Должность эта лишена какой бы то ни было инициативы и представляетъ своего рода синектуру и потому поручается обыкновенно лицамъ безъ вліянія и безъ таланта. Вице-президентъ предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, но не принимаетъ участія въ обсужденіи вопросовъ и можетъ вотировать только въ томъ случаѣ, если голоса раздѣляются на двѣ равныя партіи. Во время отсутствія или болѣзни президента обязанности его исполняетъ вице-президентъ.

Для облегченія обязанностей президента конгрессъ учредилъ различныя министерскіе департаменты съ точнымъ обозначеніемъ власти и обязанности каждаго министра. Въ 1789 г. были организованы четыре департамента, во главѣ которыхъ стояли:

1. Государственный секретарь, главная обязанность котораго состоитъ въ наблюденіи за вѣдѣніемъ политикою.
2. Секретарь казначейства.
3. Секретарь по военнымъ дѣламъ.
4. L'Attorney-General, своего рода министръ юстиціи.

Впослѣдствіи организовались еще четыре департамента:

5. Морское министерство.

6. Министерство почты, сначала какъ отдѣленіе государственнаго казначейства, потомъ вполнѣ самостоятельное.

7. Министерство внутреннихъ дѣлъ, учрежденное въ 1849 г.

8. Наконецъ, министерство земледѣлія, окончательно утвержденное въ 1889 г.

Надо упомянуть еще о двухъ департаментахъ, вполнѣ самостоятельныхъ, но лица, стоящія во главѣ ихъ, не имѣютъ званія министровъ и не участвуютъ въ кабинетѣ.

1. Комитетъ по общественнымъ работамъ.

2. Комитетъ по внутренней торговлѣ, созданный въ 1887 г., чтобы наблюдать за исполненіемъ закона о желѣзныхъ дорогахъ.

Какъ уже было сказано, президентъ можетъ назначать министровъ только съ согласія сената. Но сенатъ всегда принимаетъ назначенія президента, за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ. Такимъ образомъ, президентъ былъ бы почти независимъ въ выборѣ министровъ, еслибъ его не связывали обязательства по отношенію къ выбравшей его партіи. Онъ не можетъ выбирать министровъ внѣ ея, — всѣ попытки для сформированія смѣшаннаго министерства терпѣли полное крушеніе. Въ 1789 г. Вашингтонъ, стараясь примирить федералистовъ съ республиканцами, соединилъ ихъ представителей въ министерствахъ; но республиканцы вскорѣ вышли въ отставку. Линкольнъ предложилъ южнымъ демократамъ нѣкоторые мѣста въ кабинетѣ; всѣ отвѣтили ему категорическимъ отказомъ.

Конгрессъ, подчиняя сенату утвержденіе министровъ, не предусмотрѣлъ, кому предоставляется право удалять ихъ отъ должности. Вопросъ подвергся горячему обсужденію уже нѣсколько лѣтъ спустя при Вашингтонѣ. Одни настаивали, что вопросъ объ удаленіи министра, какъ и объ его назначеніи, долженъ рѣшаться президентомъ совмѣстно съ сенатомъ. Другіе предоставляли это право исключительно президенту въ виду его полной отвѣтственности передъ союзомъ во всемъ, что касается администраціи. Если чиновники, которые обязаны помогать ему, не будутъ отвѣтственны передъ нимъ, онъ не можетъ быть отвѣтственъ передъ страной. Палата примкнула къ послѣднему мнѣнію. Сенатъ раздѣлился на двѣ равныя партіи и вице-президентъ Джонъ Адамсъ рѣшилъ вопросъ въ пользу президента.

Въ 1867 г. ожесточенная борьба между конгрессомъ и президентомъ Джонсономъ снова вызвала этотъ вопросъ. Опасаясь, что президентъ можетъ удалить министровъ, несогласныхъ съ его новою политикой по отношенію къ Югу, конгрессъ вотировалъ законъ, уничтожавшій прежнее право президента и извѣстный подъ именемъ Civil Tenure Act. Президентъ наложилъ свое veto; но законъ былъ тотчасъ же опять подвергнутъ обсужденію и принятъ обѣими палатами большинствомъ болѣе чѣмъ двухъ третей голосовъ. Въ силу этого закона «каждое лицо, которое занимаетъ или будетъ занимать какую-либо гражданскую должность съ согласія сената,

исполняетъ возложенную на него обязанность до тѣхъ поръ, пока президентъ совмѣстно съ сенатомъ не назначать ему преемника».

Вопреки принятому закону, Джонсонъ въ слѣдующемъ году удалилъ военнаго министра, несмотря на протестъ конгресса, за что былъ подвергнутъ суду, но оправданъ, правда, съ большимъ трудомъ; 39 голосовъ противъ 20 высказались за обвиненіе, но президентъ можетъ быть осужденъ только большинствомъ двухъ третей голосовъ.

The Civil Tenure Act, вызванный временною борьбой между президентомъ и сенатомъ, не могъ долго держаться. Уже при генералѣ Грантѣ его значительно смягчили, а въ 1887 г., по взаимному соглашенію двухъ сторонъ, онъ былъ отмѣненъ и теперь президентъ пользуется правомъ смѣнять министровъ и всѣхъ лицъ, занимающихъ административныя должности.

Составъ министровъ въ Америкѣ, какъ и въ Англии, носитъ названіе кабинета. Но за этимъ внѣшнимъ сходствомъ скрывается глубокое внутреннее различіе. Министры Соединенныхъ Штатовъ не представляютъ тѣсно сплоченную организацію, а скорѣе простое соединеніе лицъ безъ всякой коллективной отвѣтственности и связанныхъ только общою зависимостью отъ ихъ главы. Каждый министръ имѣетъ свой кругъ обязанностей, ясно опредѣленный закономъ, и управляетъ своимъ вѣдомствомъ самостоятельно, безъ всякаго контроля своихъ товарищей. И политически, и юридически онъ отвѣчаетъ только за свои собственные поступки. Никто изъ нихъ не имѣетъ вліянія на общій ходъ административныхъ дѣлъ.

Президенту, правда, предоставлено право совѣтоваться съ своими министрами, когда и по какому поводу ему вздумается. Онъ можетъ спрашивать мнѣніе каждаго въ отдѣльности или собрать совѣтъ всѣхъ министровъ. Вашингтонъ спрашивалъ мнѣнія министровъ или коллективно, или каждаго отдѣльно, въ бесѣдахъ и письменно. При Джефферсонѣ и его преемникахъ все чаще и чаще стали собранія совѣта министровъ. Но настоящаго кабинета въ Америкѣ все же нѣтъ. Рѣшенія, принятые министрами большинствомъ голосовъ или единогласно, никогда не имѣютъ характера окончательныхъ постановленій, и отвѣственнымъ все же является только тотъ министръ, который приводитъ какой-либо изъ проектовъ въ исполненіе. Въ Америкѣ перваго министра нѣтъ. Всѣ министры равны между собою, но большее значеніе обыкновенно приписываютъ государственному секретарю, такъ какъ на немъ лежатъ особенно отвѣтственныя обязанности, и онъ необходимо долженъ соединять въ себѣ умъ, осторожность и энергію. Президенты выбираютъ обыкновенно на эту должность самыхъ выдающихся людей своей партіи. Но вліяніе государственнаго секретаря обусловливается исключительно его личными качествами и на другихъ министровъ онъ можетъ дѣйствовать только черезъ президента. Президентъ — единственный глава министровъ и они обязаны ему повиноваться. Онъ пользуется ихъ совѣтами и отдаетъ распоряженія. Министры — не болѣе, какъ подчиненные агенты, управляющіе сообразно политикѣ президента.

Можетъ показаться страннымъ, почему президентъ союза сохраняетъ

большую независимость, чѣмъ короли въ конституціонныхъ государствахъ. Это объясняется двумя совершенно различными причинами: отвѣтственностью президента и невозможностью для министровъ найти поддержку внѣ его.

Неприкосновенность королевской особы составляетъ главное условіе наследственной монархіи, и отвѣтственность министровъ является необходимымъ коррективомъ. По естественному ходу событій, отвѣтственность вѣдетъ за собой мало-по-малу и расширение власти. Основатели союза совершенно оставили старый монархическій принципъ о неприкосновенности. На главу исполнительной власти они возложили полную отвѣтственность за всѣ правительственныя дѣйствія. Такъ же, какъ послѣдній чиновникъ, онъ отвѣчаетъ за свои проступки передъ судомъ и политически передъ сенатомъ. Ничто не можетъ избавить его отъ этой отвѣтственности, даже единодушная поддержка министровъ.

Конечно, и каждый министръ отвѣтственъ передъ судомъ и передъ сенатомъ, но не за всѣ дѣйствія президента, а только за тѣ, въ которыхъ принималъ непосредственное участіе. Они отвѣчаютъ только за свои дѣйствія, президентъ отвѣчаетъ за нихъ всѣхъ.

Власть президента имѣетъ за собою двѣ громадныя силы: народную волю и могущество избравшей его партіи; власть министровъ зависитъ исключительно отъ президента, поэтому министры лишены возможности бороться съ нимъ въ случаѣ несогласія.

Перейдемъ теперь къ организаціи палатъ. Каждая палата раздѣляется на *постоянные* комитеты, на обязанности которыхъ лежатъ предварительное изученіе и разработка возникающихъ вопросовъ. Комитеты возникли въ палатахъ съ самаго основанія союза и постепенно все разрастались. Въ 1888 г., при пятидесятомъ конгрессѣ, въ палатѣ представителей считалось пятьдесятъ четыре комитета, а въ сенатѣ сорокъ одинъ. Въ сенатѣ комитетъ состоитъ изъ членовъ—числомъ отъ трехъ до одиннадцати, обыкновенно семь-девять—избираемыхъ самимъ сенатомъ на два года. Въ палатѣ члены комитета—отъ трехъ до шестнадцати, большею частью одиннадцать или тринадцать—избираются тоже на два года президентомъ палаты. Въ каждомъ комитетѣ находятся представители обѣихъ партій, и каждый членъ палаты принимаетъ участіе хотя бы въ одномъ комитетѣ.

Предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, какъ было уже сказано, вице-президентъ союза, не имѣющій никакого вліянія на рѣшеніе вопросовъ, за исключеніемъ случаевъ равнаго раздѣленія голосовъ.

Палата представителей, напротивъ, избираетъ себѣ предсѣдателя. Онъ пользуется значительною властью, такъ какъ отъ него зависитъ распределеніе занятій и составъ комитетовъ.

Этотъ предсѣдатель (*speaker*) не имѣетъ ничего общаго съ безстрастнымъ и совершенно непристрастнымъ предсѣдателемъ англійской палаты общинъ, единственная миссія котораго поддерживать порядокъ и который погубилъ бы себя, если бы сталъ выражать свои политическія симпатіи. Въ Соеди-

ненных Штатахъ, напротивъ, «speaker» — представитель партіи и всё знаютъ, что онъ будетъ пользоваться своимъ громаднымъ влияніемъ для осуществленія своихъ стремленій. Онъ составляетъ комитеты такимъ образомъ, чтобы провести билли своихъ сторонниковъ. Поэтому выборы предсѣдателя палаты сопровождаются страшною борьбою партій. Для законодательства эти выборы важнѣе выборовъ президента республики. Но все же не надо слишкомъ преувеличивать влияние предсѣдателя палаты. Это влияние ограничивается только палатою и далѣе не идетъ.

Кромѣ постоянныхъ комитетовъ, палата и сенатъ выбираютъ спеціальныя комитеты для обсужденія какихъ-нибудь особенныхъ вопросовъ и миссія этихъ комитетовъ оканчивается вмѣстѣ съ ихъ рѣшеніемъ.

Обѣ палаты конгресса пользуются правами, общими всѣмъ парламентамъ, но, кромѣ того, сенату дана особая миссія и спеціальныя права.

Права обоихъ собраній состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Законодательная власть, въ собственномъ смыслѣ этого слова, исключительное право предлагать, обсуждать и вотировать всѣ законы. Въ Америкѣ эта власть болѣе широка, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Американскіе законы отличаются своею обширностью; они предусматриваютъ самыя мельчайшія подробности до самаго послѣдняго случая ихъ примѣненія, такъ что позднѣйшія разъясненія и поправки административной власти являются излишними. Къ законодательной власти относится еще масса мѣръ частнаго или мѣстнаго характера, которыя рѣшаются, какъ и въ Англии, *особыми биллями* (private bills), только безъ свойственныхъ англійскому парламенту судебныхъ мѣръ. Наконецъ, законодательною властью рѣшаются всѣ жалобы и протесты гражданъ противъ федеральнаго правительства.

2. Право вотировать приходъ и всѣ расходы, займы, налоги и т. п. Финансовыя билли представляются сначала въ палату представителей, но сенатъ можетъ исправлять ихъ.

3. Право объявлять войну и выдавать каперскія свидѣтельства (lettres de marque). Компетенція палаты во внѣшней политикѣ ограничивается только этими двумя актами, но сенату предоставлены въ этой области важныя права.

5. Нѣкоторый контроль надъ исполнительною властью. Президентъ долженъ время отъ времени знакомить конгрессъ съ положеніемъ дѣлъ союза, и палата можетъ обвинить его, а также министровъ и высшихъ чиновниковъ передъ сенатомъ въ измѣнѣ, подкупахъ и другихъ тяжкихъ преступленіяхъ и проступкахъ.

Сенатъ — не просто законодательное собраніе, онъ — своего рода совѣтъ для исполнительной власти; конституція поручила ему санкціонировать наиболѣе важныя рѣшенія президента во избѣжаніе злоупотребленія власти.

Всѣ иностранныя договоры, по какому бы то ни было поводу, ведутся президентомъ и его агентами, но должны быть утверждены сенатомъ большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Назначеніе министровъ, посланниковъ, консуловъ, судей высшей судебной инстанціи и другихъ высшихъ административныхъ лицъ можетъ состояться только съ согласія сената.

Во всемъ остальномъ обѣ палаты пользуются равными правами. Но и въ той области, гдѣ права совершенно одинаковы, преимущество остается за сенатомъ; онъ пользуется большимъ вліяніемъ, чѣмъ палата. Это объясняется составомъ сената. Членами туда избираются лица, извѣстные своими умомъ, талантомъ или энергіей.

«Когда вы войдете въ палату представителей въ Вашингтонѣ, — говоритъ Токвиль, — васъ поражаетъ вульгарный видъ этого собранія. Напрасно глазъ старается найти среди этого громаднаго собранія сколько-нибудь знаменитаго человѣка. Почти всѣ члены состоятъ изъ неизвѣстныхъ лицъ, имена которыхъ ничего не говорятъ уму. Большинство изъ нихъ — сельскіе адвокаты, торговцы и даже лица, принадлежащія къ низшимъ классамъ населенія. Въ странѣ, гдѣ образованіе стало почти общимъ достояніемъ, говорятъ, что представители народа не всегда умѣютъ правильно писать. Въ двухъ шагахъ отсюда открывается дверь въ сенатъ, небольшой залъ котораго вмѣщаетъ въ себѣ большую часть американскихъ знаменитостей. Здѣсь нѣтъ почти ни одного человѣка, который не былъ бы извѣстностью. Знаменитые адвокаты, прославленные генералы, извѣстные государственные люди. Всѣ рѣчи, которыя здѣсь произносятся, сдѣлали бы честь самымъ блестящимъ парламентскимъ дебатамъ въ Европѣ».

Теперь такое описаніе было бы, пожалуй, слишкомъ лестнымъ для сената. «Многіе члены сената, — говоритъ Брайсъ, — были судьями или губернаторами, многіе участвовали въ государственныхъ собраніяхъ. Чтобы сдѣлаться членомъ этого высшаго конклава, человѣкъ долженъ приобрѣсти много опыта, знанія дѣлъ и человѣческой природы съ наименѣе выгодныхъ сторонъ». Но въ сенатѣ участвуютъ теперь многіе обладатели колоссальныхъ богатствъ. «Нѣкоторые, въ значительномъ большинствѣ, стали сенаторами потому, что они богаты; другіе, меньшинство, стали богатыми потому, что они сенаторы, тогда какъ въ другихъ случаяхъ тѣ таланты, которые доставили богатство ихъ обладателямъ, вознесли ихъ также на вершину политической дѣятельности». Въ заключеніе авторъ приводитъ слѣдующія слова одного америкаца: «Сенатъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, чѣмъ дѣлаетъ его система выборовъ и общественная жизнь этой страны. Его члены избираются въ рядахъ дѣятельныхъ политическихъ лицъ въ силу естественнаго закона, которому сообщаются повинуются законодательныя собранія штатовъ, поэтому возможно, что онъ состоитъ изъ лучшихъ людей, поставленныхъ во главѣ управленія... Онъ представляетъ лучшей продуктъ нашей политики, каковъ бы ни былъ этотъ продуктъ».

Президентъ и министры, какъ уже было сказано, не могутъ имѣть никакого серьезнаго вліянія ни на палату представителей, ни на сенатъ. Благодаря установившемуся обычаю, они не могутъ даже присутствовать въ засѣданіяхъ палаты, хотя конституція предусматривала и даже нахо-

дела необходимыми нѣкоторые случаи, гдѣ должны были соединяться объ власти, исполнительная и законодательная.

«Президентъ,—говорить конституція,—долженъ время отъ времени знакомишь конгрессъ съ положеніемъ дѣлъ союза и рекомендовать его вниманію тѣ мѣры, которыя онъ найдетъ нужными и полезными». Но въ какой формѣ должны быть сдѣланы эти сообщенія, конституція не говоритъ. Вашингтонъ и Джонъ Адамсъ обыкновенно передъ началомъ сессіи обращались къ палатамъ съ рѣчью, въ которой сообщали о состояніи дѣлъ правленія, излагали свои мнѣнія и обращали ихъ вниманіе на разнаго рода вопросы. Вашингтонъ присутствовалъ иногда въ засѣданіяхъ сената и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ высказывалъ свое мнѣніе. На рѣчь президента палаты отвѣчали обыкновенно адресомъ. Джефферсонъ, напротивъ, посылалъ въ конгрессъ письменное изложеніе, которое палаты оставляли безъ отвѣта. Съ тѣхъ поръ этому способу слѣдуютъ всѣ президенты.

Такимъ образомъ, сношенія конгресса съ агентами исполнительной власти ограничиваются только письменными изложеніями. Неудобство отъ такого образа дѣйствія не разъ давало себя чувствовать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ конгрессу было сдѣлано предложеніе предоставить министрамъ право слова въ обѣихъ палатахъ по вопросамъ ихъ вѣдомствъ безъ права принимать участіе въ преніяхъ по политическимъ дѣламъ. Но конгрессъ отвергнулъ всѣ попытки этого рода изъ боязни потерять свою независимость и расширить права исполнительной власти.

И, однако, несмотря на такое полное невмѣшательство президента и министровъ въ дѣла законодательной власти, не одинъ билль, представляемый въ конгрессъ, получилъ свое начало въ министерскихъ департаментахъ. Министры, по указанію президента, пишутъ проекты по разнаго рода вопросамъ и потомъ просятъ предложить эти билли въ томъ или другомъ собраніи кого-нибудь изъ членовъ своей партіи. Конечно, билль можетъ и не пройти. Министры слѣдятъ и за всѣми другими проектами, внесенными въ палаты, и хотя не принимаютъ участія въ ихъ обсужденіи, но косвеннымъ образомъ могутъ склонять мнѣнія въ ту или другую сторону. Тѣ права, въ которыхъ имъ отказываетъ конституція, имъ даетъ палата, благодаря организациі постоянныхъ комитетовъ.

Каждый проектъ, представленный въ палату, читается два раза безъ всякихъ преній. Палата принимаетъ, такъ сказать, самую форму билля. Послѣ двукратнаго чтенія билль передается въ одинъ изъ постоянныхъ комитетовъ. Случается, что билль заключаетъ въ себѣ разные вопросы и затрогиваетъ, такимъ образомъ, компетенцію нѣсколькихъ комитетовъ. Тогда поднимаются жаркія пренія, въ какой изъ комитетовъ передать билль. Отъ назначенія того или другого комитета часто зависитъ судьба самого билля.

Комитеты просматриваютъ каждый годъ массу проектовъ. Каждый членъ представляетъ ихъ нѣсколько, чтобы не обмануть довѣрія своихъ избирателей, и въ конгрессъ поступаютъ, такимъ образомъ, тысячи проектовъ. Въ сча-

стію, на рассмотрѣніе доходятъ только тѣ изъ нихъ, которые получаютъ одобреніе постоянныхъ комитетовъ.

Какъ только билль поступаетъ въ комитетъ, послѣдній становится его полнымъ обладателемъ. Если онъ найдетъ, что билль достоинъ вниманія, то принимается за его серьезное изученіе; онъ наводитъ справки со всѣхъ сторонъ. Сначала выслушивается авторъ билля, затѣмъ всѣ члены собранія, желающіе высказаться за или противъ проекта. Только въ комитетѣ и можно съ пользой излагать свои мнѣнія, — въ общемъ собраніи не будетъ времени, да и слишкомъ поздно. Когда такимъ образомъ вопросъ достаточно выяснится, члены комитета принимаются за обсужденіе его, вотируютъ, дѣлаютъ исключенія или смягченія. Послѣ этого билль поступаетъ въ палату. Но здѣсь наступаетъ новое затрудненіе. На десять мѣсяцевъ сессіи на долю каждаго комитета приходится только *два часа* времени для представленія и обсужденія всѣхъ его биллей, за исключеніемъ самыхъ важныхъ, а президенты комитетовъ соперничаютъ другъ съ другомъ въ ловкости и энергіи, чтобы поставить на очередь свой проектъ. Въ этомъ отношеніи очень важно заручиться содѣйствіемъ предсѣдателя собранія, такъ какъ онъ распределяетъ занятія.

Публичное обсужденіе биллей въ палатѣ представителей потеряло теперь всякое значеніе. На изложеніе билля и на пренія по поводу его дается только одинъ часъ. Докладчикъ долженъ до истеченія этого часа поставить главный вопросъ, послѣ чего всѣ пренія прекращаются и приступаютъ къ голосованію. Такимъ образомъ, комитетамъ принадлежитъ главная роль при выработкѣ и проведеніи законовъ. «Въ теоріи ихъ власть ограничивается подготовкой законовъ; въ дѣйствительности они вырабатываютъ ихъ одни, а палата повинуетъ имъ. Она собирается не для того, чтобы основательно обсудить проектъ, а чтобы какъ можно скорѣе вотировать то, что предлагаютъ комитеты».

Сенатъ несравненно серьезнѣе относится къ обсужденію биллей. Изученіе проектовъ, правда, тоже принадлежитъ комитетамъ, но эти комитеты избираются сенатомъ, и имъ не дается такихъ привилегій, какъ въ палатѣ. Обсужденіе проекта въ собраніи не ограничивается опредѣленнымъ временемъ и члены имѣютъ возможность обсудить его основательно и серьезно. Конечно, и сенатъ невольно подчиняется вліянію комитетовъ, но все же онъ не принимаетъ его предложеній безъ строгаго контроля.

Благодаря системѣ комитетовъ, министры могутъ принимать активное участіе въ выработкѣ законовъ. Излагая свои мнѣнія, они могутъ воздѣйствовать на членовъ комитета, хотя этимъ только и ограничивается ихъ вліяніе.

Билль, принятый обѣими палатами, отсылается на утвержденіе президента, какъ уже было сказано выше, и онъ въ продолженіе десяти дней имѣетъ право отобрать его. *Veto* президента имѣетъ большое значеніе и билль, отвергнутый имъ, очень рѣдко набираетъ потомъ необходимое количество голосовъ. Въ борьбѣ президента съ конгрессомъ народъ сто-

ить обыкновенно на сторонѣ президента. «Избранное народомъ, первое лицо республики обладаетъ естественною властью надъ народною массой, какъ лицо живое и дѣйствующее. Онъ видитъ въ немъ своего непосредственнаго представителя».

Всѣ проекты относительно пошлинъ и налоговъ должны сначала быть приняты въ палатѣ представителей, а потомъ передаются въ сенатъ. Инициатива всѣхъ другихъ финансовыхъ проектовъ принадлежитъ одинаково обѣимъ палатамъ. Сенатъ имѣетъ право исправлять и измѣнять всѣ поступающіе къ нему проекты. Онъ можетъ не только уменьшить или увеличить налоги, вотированные палатой, но даже создѣмъ уничтожить ихъ и замѣнить другими, совершенно новыми. Въ 1888 г., когда «Tariff Bill», исправленный сенатомъ, вернулся въ палату представителей, одинъ изъ членовъ заявилъ вполне справедливо, что палата создала одинъ билль, а сенатъ— совершенно другой.

Президентъ и министры не принимаютъ никакого участія въ утвержденіи бюджета. Секретарь казначейства не имѣетъ ничего общаго съ министромъ финансовъ въ европейскомъ значеніи этого слова,—онъ похожъ скорѣе на счетовода; время отъ времени онъ представляетъ совѣту администраціи отчетъ о положеніи финансовыхъ дѣлъ, гдѣ указываетъ на необходимые расходы и на направленіе дѣлъ. Передъ началомъ каждой сессіи секретарь представляетъ въ палату докладъ о приходахъ и расходахъ и о государственномъ долгѣ; онъ прибавляетъ свои замѣчанія о дѣйствующихъ налогахъ и указываетъ на необходимые, по его мнѣнію, реформы. Наконецъ, президентъ можетъ или въ своемъ отчетѣ передъ началомъ сессіи, или въ другихъ специальныхъ докладахъ обратить вниманіе конгресса на нѣкоторые пункты общей, экономической и финансовой политики. Подготовка финансовыхъ законовъ лежитъ всецѣло на отвѣтственности двухъ специальныхъ комитетовъ, наиболѣе важныхъ по своему значенію. Надо добавить еще, что обсужденіе финансовыхъ биллей въ палатѣ проходитъ весьма серьезно. Пренія производятся сначала въ палатѣ, составляющей на этотъ разъ какъ бы комитетъ (Committee of the whole House), подъ руководствомъ особаго предсѣдателя (chaegman). Каждый членъ можетъ свободно высказывать свое мнѣніе и предлагать разнаго рода измѣненія. Палата обсуждаетъ и вотируетъ отдѣльно каждый пунктъ и всѣ предложенныя измѣненія, такъ что послѣ этого перваго обсуждения билль является всегда въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Послѣ этого устраивается обычное собраніе подъ предсѣдательствомъ speaker'a, chaegman дѣлаетъ докладъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ Committee of the whole House, и тогда переходятъ къ окончательнымъ преніямъ.

Теперь перейдемъ къ положенію агентовъ административной власти. Гражданская администрація въ Америкѣ основана на полномъ подчиненіи партіи и на постоянной смѣнѣ агентовъ исполнительной власти. Какъ уже было сказано, центральная исполнительная власть сохранила за собою право назначать служащихъ на всѣ гражданскія федеральныя должности и смѣ-

нять ихъ по своему усмотрѣнiю. Люди, облеченные такою властью, не могутъ не злоупотреблять ею какъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ своей партiи. Начало этой системы относятъ къ 1828 г., когда въ президенты былъ избранъ генералъ Джексонъ; его водворенiе въ Бѣломъ Домѣ ознаменовалось смѣной всѣхъ административныхъ служащихъ. Окончательно эта система водворилась въ 1832 г., когда одинъ изъ сенаторовъ, М. Магеу, охарактеризовалъ ее слѣдующими словами, ставшими легендарными: «To the victor belong the spoils» (добыча побѣдителямъ).

Съ тѣхъ поръ принципа этого держатся всѣ партiи. Они видятъ въ этой постоянной смѣнѣ должностныхъ лицъ своего рода принципъ равенства, т.-е. каждый можетъ надѣяться получить какую-нибудь общественную должность и послужить, такимъ образомъ, своему отечеству; кромѣ того, при такой системѣ бюрократизмъ становится невозможенъ. За то тутъ есть другая опасность, которой не могъ избѣгнуть союзъ. Государственные должности становятся достоянiемъ личнаго честолюбiя или интересовъ партiи, ихъ исправляютъ политики, часто не имѣющие ни способности, ни опытности, ни любви къ профессiи, ни даже честности. Они пренебрегаютъ своими занятiями, такъ какъ хорошее исполненiе обязанностей не обезпечиваетъ за ними ихъ должности.

Недостатки такой системы не могли не вызвать реакцiи. Подъ давленiемъ общественнаго мнѣнiя и по требованiю наиболѣе просвѣщенной и независимой партiи конгрессъ внесъ нѣкоторыя реформы. Такъ, былъ установленъ сначала экзаменъ для полученiя должности, потомъ конкурсъ. Президентъ Гарфильдъ велъ особенно энергичную борьбу противъ разнаго рода злоупотребленiй. Съ его смертiю движенiе не остановилось и въ 1883 г. *Pendleton Act* подвергнулъ конкурсу четырнадцать тысячъ должностей изъ ста двадцати тысячъ. Законъ учреждалъ комитетъ, избираемый президентомъ, и на его обязанности лежало наблюденiе за честнымъ примѣненiемъ новыхъ правилъ. Но всѣ эти реформы мало измѣнили сущность системы и администрацiя попрежнему служить поприщемъ для партiйныхъ интересовъ. Врядъ ли возможно ожидать въ скоромъ времени какихъ-нибудь серьезныхъ измѣненiй. И президентъ, и сенаторы, и члены палаты, и члены мѣстныхъ и другихъ собранiй слишкомъ заинтересованы въ поддержанiи Spoils system для того, чтобы думать о коренныхъ преобразованiяхъ.

Обратимся теперь къ конституцiи швейцарскихъ кантоновъ. Годомъ основанiя настоящаго швейцарскаго союза надо считать 1848 г., когда была издана нынѣ дѣйствующая конституцiя. Въ 1874 г. въ ней были сдѣланы нѣкоторыя измѣненiя и дополненiя, но безъ всякихъ значительныхъ измѣненiй во внутренней организацiи законодательной и исполнительной власти *). Швейцарскiй конфедеративный союзъ отличается по первому взгляду отъ Соединенныхъ Штатовъ большою компетенцiей центральной власти. Въ Америкѣ каждый штатъ пользуется полною свободой и независимостью во

*) Ср. *Русская Мысль* 1892 г., кн. VIII и IX.

внутреннемъ своемъ управленіи. Оба правительства, центральное и мѣстное, дѣйствуютъ каждое въ своей сферѣ и встрѣчаются только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Въ Швейцаріи конституція значительно расширила вмѣшательство центрального правительства. Гражданинъ можетъ найти здѣсь защиту противъ произвола кантоновъ. Центральная власть оберегаетъ и защищаетъ противъ мѣстныхъ властей нѣкоторые принципы и права. Но такъ какъ это, хотя и незначительное, стремленіе къ централизаціи встрѣтило противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ кантоновъ, то потребовались значительныя уступки, и поэтому въ Швейцаріи нѣтъ ясной и опредѣленной границы между центральной властью и правительствомъ кантоновъ.

Федеральное правительство пользуется по конституціи слѣдующими правами:

Оно должно поддерживать сношенія съ иностранными державами, заключать договоры о мирѣ, о союзѣ, о торговлѣ. Тѣмъ не менѣе, кантоны имѣютъ право заключать съ иностранными государствами договоры въ области общественной экономіи и полицейскаго права и пограничныхъ отношеній, они могутъ непосредственно переписываться по этому поводу съ низшими властями и съ служащими иностранныхъ державъ.

Въ Швейцаріи нѣтъ постоянного войска, есть только милиція. Федеральное правительство располагаетъ войскомъ и всѣми принадлежностями войны, регулируетъ военную организацію, слѣдитъ за исполненіемъ законовъ, направляетъ военное образованіе и заботится о вооруженіи. На обязанности кантоновъ лежитъ продовольствіе и экипировка, они наблюдаютъ за сформированіемъ военныхъ корпусовъ и поддержаніемъ наличнаго состава милиціи, назначаютъ офицеровъ.

Федеральное правительство обезпечиваетъ кантонамъ ихъ территорію, ихъ независимость, ихъ конституцію, свободу и права народа, конституціонныя права гражданъ, а также права и преимущества, которыя народъ передалъ власти. Въ случаѣ смуты, оно должно принять участіе въ ихъ умиротвореніи или добровольно, или по требованію кантоновъ.

Во внутреннемъ управленіи, кромѣ преслѣдованія преступленій и проступковъ противъ самой конфедераціи, ему принадлежитъ право регламентировать и наблюдать за исполненіемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правилъ, напримѣръ: относительно охоты, рыбной ловли, игръ и лоттерей, эпидемій и эпизоотій, фабричной работы малолѣтнихъ, продолжительности работы, охраненія рабочихъ на фабрикахъ, вредно вліяющихъ на ихъ здоровье, наблюденія за иностранцами.

Въ область его компетенціи входятъ также нѣкоторыя дѣла по внутренней администраціи, какъ, наприм., помощь бѣднымъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ, религіозныя дѣла, народное образованіе и др.

Вмѣшательство федеральной власти въ регламентацію частныхъ интересовъ не ограничивается торговлей, промышленностью и земледѣліемъ. Оно касается также гражданской правоспособности, имущественнаго владѣнія,

литературной и артистической собственности, долговыхъ обязательствъ и банкротства.

Конфедерация опредѣляетъ систему мѣры и вѣса. Ей принадлежать всѣ права по выпуску монетъ. Новая статья конституціи, принятая народомъ и кантонами 16 октября 1891 г., даетъ ей исключительное право выпуска банковыхъ билетовъ и предоставляетъ закону, еще не вотированному, регулировать способъ и условія выпуска.

Монополии конфедерации не ограничиваются однимъ почтовымъ вѣдомствомъ; къ нимъ относятся телеграфы и телефоны, торговля пороховомъ и спиртомъ.

Конфедерация можетъ организовать общественныя работы или назначить субсидію для ихъ организаціи. Она наблюдаетъ за устройствомъ плотинъ, за сохраненіемъ лѣсовъ въ высокихъ мѣстностяхъ, за постройкой и эксплуатацией желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія.

Для исполненія всѣхъ этихъ обязанностей конфедерация имѣетъ союзную казну, которая пополняется таможенными пошлинами, доходами съ монополий, доходами съ федеральныхъ имуществъ, половиной валового дохода съ налога за освобожденіе отъ воинской повинности и, въ случаѣ нужды, контрибуціями съ кантоновъ.

Судебная организація разработана гораздо хуже, чѣмъ въ С.-Американскихъ Штатахъ.

«Кантоны самостоятельны, насколько эта самостоятельность не ограничена федеральною конституціей, и пользуются правами, предоставленными имъ федеральною властью». Но положеніе кантоновъ относительно національнаго правительства весьма отличается отъ положенія С.-Американскихъ Штатовъ. Ихъ независимость ограничена болѣе узкими рамками и даже въ узкой сферѣ присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ ихъ свобода менѣе обезпечена. Законы, принятые въ федеральномъ собраніи, имѣютъ такую же силу, какъ и конституція; они могутъ лишить кантоны ихъ власти, не оставивъ имъ даже права жалобы. Кантоны не ограждены даже въ достаточной степени отъ злоупотребленій исполнительной власти федеральнаго совѣта. Если только въ дѣло не замѣшаны денежные интересы, они могутъ прибѣгать лишь къ рѣшеніямъ федеральнаго собранія, имѣющаго исключительно политическій характеръ, а потому нѣсколько пристрастному.

По первому взгляду политическая организація Швейцаріи имѣетъ много общаго съ Американскимъ Союзомъ. Она также состоитъ изъ соединенія вполнѣ самостоятельныхъ государствъ; идея конституціи основана исключительно на принципѣ народной власти. Но если сравнить эти двѣ конституціи, то будетъ ясно видно все ихъ различіе. Американцы не избѣгли монархическихъ традицій. Моделью для республики имъ послужила монархическая конституція. Они уничтожили наслѣдственную власть, но сохранили единство исполнительной власти. Стремясь къ индивидуальной независимости, они развили тѣ статьи монархической конституціи, которыя ограждали личность отъ произвола и злоупотребленій власти. Въ принципѣ

раздѣленія власти они видѣли залогъ для обезпеченія индивидуальныхъ правъ и свободъ. Въ Швейцаріи монархическія традиціи отсутствовали. Тутъ царствовалъ одинъ только принципъ народной власти; тутъ не было поэтому необходимости такъ тщательно оберегать личную свободу гражданъ. Конечно, и здѣсь власть распределяется между различными органами съ присвоеннымъ имъ цикломъ обязанностей, но нѣтъ яснаго и точнаго разграниченія ихъ компетенціи и взаимнаго отношенія. Одинъ авторъ не безъ основанія сказалъ, что «политическая конституція Швейцаріи отличается органическимъ смѣшеніемъ власти»:

Швейцарское правительство состоитъ изъ трехъ учреждений: федеральнаго собранія, которому поручена спеціально законодательная власть и которое состоитъ изъ двухъ палатъ: одной—изъ представителей націи, другой—изъ представителей кантоновъ; федеральнаго совѣта, избраннаго собраніемъ, чтобы наблюдать за исполненіемъ законовъ и руководить администраціей страны, и федеративнаго трибунала, избраннаго собраніемъ и составляющаго высшее судебное учреждение конфедераціи.

Тутъ нечего искать какой бы то ни было самостоятельности и раздѣленія власти; учрежденія подчинены одно другому. Надъ всѣмъ царствуетъ принципъ народной власти. Народъ передаетъ свои права собранію, но сохраняетъ за собой высшее право контроля надъ дѣйствіями своего повѣреннаго. Такъ, конституція 1874 г., въ которой безъ согласія народа не могутъ быть сдѣланы никакія измѣненія, даетъ ему право отмѣнять постановленія федеральнаго собранія. Собраніе, съ своей стороны, не имѣя силъ удовлетворить всѣ нужды правительства, передаетъ часть своихъ полномочій другимъ политическимъ органамъ, подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ.

Такимъ образомъ, федеральный совѣтъ и трибуналъ подчинены собранію, которое, съ своей стороны, является только представителемъ народа. Правда, трибуналъ пользуется нѣкоторою независимостью въ томъ смыслѣ, что его постановленія не могутъ быть измѣнены собраніемъ, и оно можетъ оказывать на него давленіе только путемъ закона, но оно зависитъ отъ него все же и въ своемъ происхожденіи, и въ своемъ составѣ, такъ какъ члены его избираются на шесть лѣтъ и могутъ быть выбраны снова. Федеральный совѣтъ вполнѣ подчиненъ собранію, которое выражаетъ свою волю въ формѣ предписаній, постановленій и резолюцій. Онъ дѣйствуетъ по приказанію и подъ контролемъ палатъ и очень часто заблаговременно заручается ихъ согласіемъ.

Эта централизація власти, подчиненіе исполнительныхъ органовъ законодательному, составляетъ отличительную черту швейцарскаго правительства и скорѣе приближаетъ его къ парламентаризму, несмотря на внѣшнее различіе формъ, чѣмъ къ Американскому Союзу.

Федеральный совѣтъ состоитъ изъ семи членовъ, которые носятъ званіе министровъ и завѣдуютъ различными вѣдомствами. Всѣ дѣла совѣта распределяются между его членами по департаментамъ. Единственная цѣль

такого распредѣленія — облегчить веденіе дѣлъ; но всѣ рѣшенія должны исходить отъ федеральнаго совѣта, какъ отъ представителя власти.

Постановленіемъ 7 іюня 1887 г. дѣла распредѣляются между семью департаментами слѣдующимъ образомъ:

1. Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ.
2. » внутреннихъ дѣлъ.
3. » судебное и полиціи.
4. » военное.
5. » финансовъ и таможи.
6. » промышленности и земледѣлія.
7. » почтовое и желѣзно-дорожное.

Члены совѣта распредѣляютъ между собою вѣдомства каждый годъ, но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобъ они каждый годъ мѣняли портфели. Избраніе въ члены совѣта происходитъ черезъ каждые три года, причѣмъ можно выбирать прежнихъ членовъ. До окончанія срока смѣнить министра нельзя, если только онъ самъ не пожелаетъ подать въ отставку. Должность министра несовмѣстима со всякою другою должностію или профессіею. Министры не могутъ принимать участія ни въ національномъ собраніи, ни въ государственномъ.

Обѣ палаты вмѣстѣ назначаютъ на каждый годъ президента и вице-президента совѣта изъ его членовъ. Президентъ не можетъ быть выбранъ на слѣдующій годъ ни президентомъ, ни вице-президентомъ. Вице-президентъ можетъ быть выбранъ тотъ же, но онъ большею частью замѣщаетъ выбывающаго президента.

Президентъ конфедеральнаго совѣта носитъ званіе президента конфедерации; по положенію онъ не только не имѣетъ ничего общаго съ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, но даже съ первымъ министромъ въ парламентарныхъ правительствахъ. Такъ же, какъ и его товарищи, онъ управляетъ однимъ изъ вѣдомствъ и такъ же подчиняется контролю и авторитету совѣта. Его званіе даетъ ему только нѣкоторыя почетныя привилегіи. Онъ — представитель націи какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Ему принадлежитъ первое мѣсто на разныхъ публичныхъ церемоніяхъ; онъ принимаетъ представителей иностранныхъ державъ въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ при передачѣ писемъ отъ государей, но обычныя сношенія ведутся министромъ иностранныхъ дѣлъ, а рѣшенія постановляются совѣтомъ. Мнѣніе его не имѣетъ большаго значенія, тѣмъ мнѣнія всѣхъ его товарищей, и ему принадлежитъ только рѣшающій голосъ въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ.

Федеральный совѣтъ собирается два раза въ недѣлю для обсужденія текущихъ дѣлъ; въ случаѣ надобности, бывають дополнительные собранія. Постановленія не считаются дѣйствительными, если въ собраніи присутствовало менѣе четырехъ членовъ. Министры могутъ не быть на засѣданіи только по очень уважительнымъ причинамъ. Президентъ можетъ давать имъ недѣльный отпускъ; болѣе продолжительные отпуска даются совѣтомъ. На

каждомъ засѣданіи присутствуетъ секретарь конфедераціи, ведетъ протоколъ и заноситъ принятыя постановленія и правила. Каждый членъ можетъ требовать, если онъ не согласенъ съ большинствомъ, чтобъ его мнѣніе было занесено особенно въ протоколъ. Всѣ постановленія должны быть подписаны президентомъ и секретаремъ или ихъ замѣстителями.

Всѣ министры отвѣтственны за свои дѣйствія какъ съ гражданской, такъ и съ уголовной точки зрѣнія. Всѣ они отвѣтственны также за дѣйствія федеральнаго совѣта, если только не докажутъ своей полной невиновности. Жалобы подаются въ федеральное собраніе. Прежде чѣмъ подвергнуть ихъ обсужденію передъ двумя палатами, ихъ передаютъ обжалованному министру. Выслушавъ обвиняемаго, палаты или оставляютъ жалобу безъ послѣдствій, или открываютъ слѣдствіе. Если обѣ палаты выскажутся за послѣднее, то назначается особая слѣдственная коммиссія для ознакомленія съ дѣломъ; черезъ шесть дней она подаетъ докладъ. Обвиняемому министру дается двадцать четыре часа для ознакомленія съ докладомъ и для возраженія. Послѣ этого каждая палата отдѣльно вотируетъ о возбужденіи преслѣдованія. Если послѣднее принято обѣими палатами, министръ отставляется отъ должности и замѣняется другимъ, а дѣло поступаетъ въ трибуналъ. Надо прибавить, что до сихъ поръ не было возбуждено ни одного судебного преслѣдованія противъ членовъ палаты. Въ собраніе подавались, правда, жалобы, но лишенныя всякаго основанія.

Правительство въ Швейцаріи, какъ мы уже упомянули, состоитъ изъ двухъ палатъ: національнаго собранія и государственнаго собранія. Первый состоитъ изъ народныхъ представителей, выбранныхъ по одному на 20,000 общаго числа населенія. Въ немъ считается теперь 147 членовъ. Избирателямъ можетъ быть каждый швейцарскій гражданинъ не моложе двадцати лѣтъ, за исключеніемъ лицъ духовнаго званія и находящихся на государственной службѣ. Весь составъ національнаго собранія перемѣняется черезъ каждые три года.

Государственное собраніе состоитъ изъ сорока четырехъ депутатовъ, избираемыхъ по два отъ каждаго кантона. Лица духовнаго званія и состоящія на государственной службѣ, за исключеніемъ министровъ, могутъ быть членами государственнаго собранія. Конституція не опредѣляетъ ни срока окончанія ихъ полномочій, ни способа ихъ избранія. Одни избираются всеобщимъ голосованіемъ, другіе—совѣтомъ кантона. Нѣкоторые назначаются на три года, другіе—на одинъ годъ.

Сессіи палатъ раздѣляются по полугодіямъ: лѣтняя—съ перваго понедѣльника въ іюнь, зимняя—съ перваго понедѣльника въ декабрѣ. Никто не имѣетъ права ни отсрочить засѣданія, ни распустить палаты. Федеральныи совѣтъ можетъ только собрать чрезвычайную сессію или по своему собственному усмотрѣнію, или по требованію пяти кантоновъ, или четырехъ депутатовъ національнаго собранія. Сессіи обыкновенно бываютъ непродолжительны—отъ трехъ до четырехъ недѣль каждаго полугодія. Послѣд-

ніе годы часто собираются чрезвычайныя сессіи дней на двадцать, большею частью въ мартѣ или апрѣлѣ.

Обыкновенно палаты обсуждаютъ, каждая отдѣльно, вопросы, подлежащіе ихъ разсмотрѣнію. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они собираются вмѣстѣ подъ пресѣдательствомъ президента національнаго собранія. Такое общее собраніе бываетъ обыкновенно для выбора членовъ совѣта и трибунала, секретаря конфедерациі, главнокомандующаго войсками и пр.

Обѣ законодательныя палаты пользуются совершенно равными правами. Всѣ проекты могутъ быть внесены и въ ту, и въ другую палату. Передъ началомъ сессіи президенты палатъ рѣшаютъ, которой изъ двухъ будетъ принадлежать первенство въ обсужденіи каждаго вопроса, и свое рѣшеніе они сообщаютъ палатѣ.

Проекты, принятыя одною палатою, передаются въ другую въ продолженіе двухъ дней послѣ вотированія; если проектъ принять и здѣсь, то онъ отсылается обратно вмѣстѣ съ одобреніемъ. Въ случаѣ же несогласія, проектъ переходитъ изъ одной палаты въ другую, покуда онѣ не придутъ къ соглашенію.

Депутаты національнаго собранія и государственнаго раздѣляются на три группы, извѣстныя подъ именами правой, лѣвой и центра.

Правая—представительница интересовъ церкви и католическаго населенія. Религіозныя споры, очень частыя до послѣдняго времени, сдѣлали изъ нея непримиримую оппозицію. Благодаря, можетъ быть, такому враждебному положенію, она представляетъ бѣольшую сплоченность, чѣмъ другія партіи.

Либеральный центръ состоитъ изъ протестантскихъ консерваторовъ и по своей умѣренности и примирительнымъ стремленіямъ походитъ на лѣвый центръ французовъ. Въ настоящее время онъ составляетъ очень маленькую группу въ каждой палатѣ, хотя и пользуется все же вліяніемъ, благодаря личнымъ достоинствамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ.

Лѣвая, радикальная, считаетъ въ числѣ своихъ членовъ около двухъ третей всѣхъ депутатовъ національнаго совѣта. Но такъ какъ главную силу этой группы составляютъ большіе протестантскіе кантоны, она въ государственномъ собраніи не составляетъ большинства. Во всякомъ случаѣ, въ Швейцаріи она пользуется наибольшимъ вліяніемъ. Ни одна изъ этихъ партій не отличается тѣснымъ единеніемъ и строгою дисциплиной. Радикальное большинство теперь ближе, чѣмъ когда-нибудь, къ распаденію. Оно состоитъ изъ депутатовъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная съ либераловъ и кончая демократами съ сильнымъ стремленіемъ къ социализму. Болѣе умѣренные представители лѣвой приближаются по своимъ воззрѣніямъ скорѣе къ центру, чѣмъ къ «молодымъ демократамъ» крайней лѣвой.

Обратимся теперь къ положенію министровъ относительно палатъ. Министры, какъ уже было упомянуто, не могутъ быть членами палатъ, но они могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ палатъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Конституція отводитъ имъ все же только подчиненную роль. Имъ

принадлежит иногда инициатива, но не рѣшеніе. Право вносить въ федеральное собраніе проекты законовъ и постановленій дано членамъ собраній національнаго и государственнаго, федеральному совѣту и правительствамъ кантоновъ. Но право инициативы принадлежитъ федеральному совѣту, какъ коллективному учрежденію, а этимъ правомъ не пользуется каждый отдѣльный членъ. Если министръ хочетъ представить на обсужденіе собранія какой-нибудь законодательный проектъ, то онъ передаетъ его сначала въ федеральный совѣтъ, а тотъ, рассмотрѣвъ его, можетъ представить его отъ имени этого министра въ федеральное собраніе.

Въ началѣ каждой сессіи федеральный совѣтъ сообщаетъ палатамъ всѣ свои предложенія. Они бываютъ иногда очень многочисленны и касаются всевозможныхъ вопросовъ. Инициатива этихъ проектовъ не всегда принадлежитъ совѣту; онъ часто дѣйствуетъ по порученію палатъ. То ему поручаютъ составить проектъ закона противъ того или иного злоупотребленія, то исправить тотъ или иной пунктъ въ законодательствѣ или, наконецъ, возвращаютъ назадъ не понравившійся проектъ съ порученіемъ приготовить другой. Федеральный совѣтъ всегда въ точности исполняетъ порученія собранія. Мало того, министры часто, вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ правомъ инициативы, просятъ поднять вопросъ въ собраніи одного изъ членовъ съ тѣмъ, чтобы собраніе потомъ поручило имъ выработать проектъ. Общественное мнѣніе всегда благосклоннѣе относится къ проектамъ, инициатива которыхъ принадлежитъ собранію, избранному народомъ.

Если кто-нибудь изъ членовъ палатъ хочетъ внести проектъ, то онъ подаетъ письменное предложеніе президенту. Послѣ перваго поверхностнаго обсужденія начинаются пренія, если большинство двухъ третей голосовъ національнаго собранія и простое большинство государственнаго собранія согласится на это. Палата вотируетъ или немедленное обсужденіе проекта, или передачу его въ комиссію или въ федеральный комитетъ для разсмотрѣнія. Передача проектовъ министрамъ вошла теперь въ обычай, а такъ какъ всѣ предложенія кантоновъ тоже поступаютъ сначала въ совѣтъ, то можно сказать, что всѣ проекты проходятъ черезъ руки министровъ, прежде чѣмъ поступить на окончательное рѣшеніе палатъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ обсужденій палата отсылаетъ проектъ на разсмотрѣніе специально выбранной для этого комиссіи. Эти комиссіи могутъ обращаться къ министрамъ за всякаго рода справками и документами, такъ что находятся съ ними въ постоянномъ общеніи. Когда комиссія кончитъ свои занятія, она подаетъ докладъ съ своими заключеніями. Если въ комиссіи произошло раздѣленіе, то подаются два доклада, одинъ отъ большинства, другой отъ меньшинства. Пренія въ швейцарскихъ палатахъ бываютъ большею частью непродолжительны и ведутся всегда спокойно и вѣжливо.

Если проектъ пройдетъ въ обѣихъ палатахъ, то та изъ нихъ, которая первая приняла законъ, отсылаетъ его въ федеральный совѣтъ, съ подписью президентовъ и секретарей обѣихъ палатъ и съ обозначеніемъ даты послѣдняго голосованія.

На обязанности совѣта лежитъ опубликованіе закона въ предписанныхъ формахъ, а также часто и обозначеніе времени, когда новый законъ вступить въ силу. Принятый законъ долженъ пройти иногда еще черезъ одно испытаніе. Онъ можетъ подвергнуться народному голосованію, если въ продолженіе девяти-десяти дней со дня опубликованія этого потребуютъ тридцать тысячъ гражданъ или восемь кантоновъ. И это не простая формальность. Когда законъ подвергается народному голосованію, онъ большею частью отмигается. Правда, что народное голосованіе происходитъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ возбуждаетъ волненіе въ странѣ. Успѣхъ закона въ палатахъ не гарантируетъ ему успѣха въ народѣ. Проекты, принятые въ палатахъ громаднымъ большинствомъ, иногда отвергаются народомъ или проходятъ незначительнымъ большинствомъ.

При каждомъ народномъ голосованіи закона (*referendum*) происходитъ борьба партій, въ которой принимаютъ участіе и министры. Но тутъ они дѣйствуютъ и говорятъ каждый отъ своего собственнаго имени, а не какъ представители совѣта. Часто ихъ мнѣнія раздѣляются и они борются во враждебныхъ партіяхъ. Конечно, вліяніе каждаго министра ограничивается большею частью его кантономъ.

Пораженіе министровъ въ палатахъ и на народномъ голосованіи не можетъ пошатнуть ихъ положенія. Всѣ они остаются на мѣстахъ и пользуются тѣмъ же довѣріемъ. Но въ 1891 г. М. Вельти, нарушивъ всѣ традиціи, вышелъ въ отставку, потому что народъ отвергъ законъ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ конфедераціей. Но этотъ фактъ обуславливается исключительными обстоятельствами. Министръ видѣлъ въ этомъ референдумѣ крушеніе всей своей политики, которой онъ посвятилъ столько силъ и энергіи.

Бюджетъ обсуждается такъ же, какъ и законы. Никакой разницы не существуетъ между постоянными доходами и расходами и чрезвычайными. Коммиссія, составивъ проектъ въ окончательной формѣ, передаетъ его на обсужденіе палатъ во время декабрьской сессіи. Пренія не отличаются продолжительностью за недостаткомъ времени, такъ какъ сессія продолжается самое большее четыре недѣли, а на очереди стоитъ всегда много дѣлъ. Измѣненія всегда бываютъ незначительны и касаются большею частью уменьшенія расходовъ. Бюджетъ принимается почти безъ перемѣны въ томъ видѣ, какъ его представляетъ федеральный комитетъ. И къ чести министровъ сказать, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ годичный балансъ заканчивается безъ всякаго дефицита.

Во внѣшней политикѣ собраніе пользуется гораздо болѣе широкими правами, чѣмъ парламенты: только оно можетъ заключать союзы и договоры отъ имени конфедераціи съ иностранными державами, объявлять войну и заключать миръ. Договоры кантоновъ съ иностранными государствами должны быть утверждены федеральнымъ совѣтомъ. Во внутреннихъ дѣлахъ собраніе утверждаетъ конституцію кантоновъ и, въ случаѣ апелляціи, утверждаетъ договоры кантоновъ между собою. Оно слѣдитъ за точнымъ выполненіемъ конституціи, за поддержаніемъ порядка,

спокойствія и безопасности страны. Только собраніе имѣетъ право распорядиться войскомъ, и федеральный совѣтъ долженъ каждый разъ обратиться къ нему, если найдетъ нужнымъ употребить военную силу для подавленія беспорядковъ. Но, «въ случаѣ необходимости, внѣ сессій федеральный совѣтъ можетъ воспользоваться военными силами подъ условіемъ немедленно созвать палаты, если число солдатъ превосходитъ двѣ тысячи и если они находятся на военномъ положеніи болѣе трехъ недѣль».

Высшій контроль собранія надъ администраціей облегчается докладами министровъ: общіе доклады при началѣ каждой сессіи и спеціальныя доклады каждый разъ, какъ ихъ потребуютъ. «Федеральный совѣтъ, — говоритъ конституція, — отдаетъ отчетъ въ своемъ управленіи федеральному собранію при каждой обычной сессіи. Онъ представляетъ ему докладъ какъ о внѣшнемъ, такъ и о внутреннемъ положеніи конфедерации, и рекомендуетъ его вниманію мѣры, которыя онъ считаетъ необходимыми для благоденствія страны. Онъ дѣлаетъ также спеціальныя доклады, если этого потребуетъ собраніе или одна изъ секцій». Общіе доклады обыкновенно представляются въ іюньскую сессію; они передаются въ комиссію, которая тщательно изучаетъ ихъ, и потомъ уже поступаютъ на обсужденіе палаты.

Всѣ служащіе по администраціи назначаются федеральнымъ совѣтомъ. Выборъ зависитъ вполне отъ него и не стѣсняется никакими особыми условіями, только телеграфисты и высшіе служащіе почтоваго вѣдомства подвергаются экзамену. Низшіе служащіе назначаются на неопредѣленный срокъ, высшіе на три года, но по окончаніи срока они большею частью остаются на своихъ мѣстахъ. Федеральный совѣтъ можетъ отрѣшать служащихъ отъ должности, но только по важнымъ причинамъ, мотивируя причину увольненія и выслушавъ разъясненія увольняемаго. Онъ можетъ также налагать на нихъ разныя дисциплинарныя взысканія: сдѣлать выговоръ, наложить штрафъ, но не свыше пятидесяти франковъ, или временно отставить отъ должности. Жалобы на служащихъ могутъ подаваться въ федеральный совѣтъ, и тотъ, разсмотрѣвъ ихъ, или передаетъ въ трибуналъ, или оставляетъ безъ послѣдствій. Въ послѣднемъ случаѣ можно обратиться за окончательнымъ рѣшеніемъ въ федеральное собраніе.

Несмотря на принципъ временной службы, швейцарская администрація самая устойчивая изъ всѣхъ республиканскихъ администрацій и ни въ чемъ не походитъ на Соединенные Штаты съ ихъ spoils system. Выборъ служащихъ большею частью очень удаченъ и не подаетъ повода къ жалобамъ. Должности оплачиваются довольно скудно и не служатъ источникомъ жадныхъ вождельній. Политическіе интересы и личныя симпатіи также не играютъ большой роли въ назначеніяхъ, что врядъ ли и возможно, такъ какъ назначенія зависятъ не отъ одного лица, а отъ коллективнаго учрежденія.

На выборы федеральная администрація не оказываетъ никакого вліянія, да швейцарскій народъ слишкомъ привыкъ пользоваться свободой, чтобы подчиняться какому-нибудь давленію.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Подать и народное хозяйство.

„Неумѣрковано благо урожаетъ нищету, то-есть за прекрутымъ казны сбираниемъ послѣдуетъ земли опустѣніе“.

Крижаничъ.

(*Русская Беседа* 1859 г., стр. 5).

I.

Въ податномъ дѣлѣ есть нѣсколько центральныхъ вопросовъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, и заслоняютъ собой многіе другіе маловажные въ теоретическомъ, но весьма существенные въ самой практикѣ податного дѣла вопросы. До сихъ поръ наибольшее вниманіе въ податномъ дѣлѣ обращали на себя вопросы о подоходномъ налогѣ, о соответствіи податей съ платежеспособностью населенія, объ установленіи нормъ для равномерныхъ раскладокъ и проч., и проч. Несомнѣнно, всѣ эти вопросы громадной и первостепенной важности. На ряду съ этими вопросами, поднятый нынѣ вопросъ, сначала министромъ внутреннихъ дѣлъ *), а затѣмъ государственнымъ контролеромъ **), о податныхъ срокахъ кажется настолько незначительнымъ съ теоретической стороны, что и въ самой практикѣ отъ того или иного вырѣшенія его не ожидается никакихъ существенныхъ облегченій для плательщика; для интересовъ же государственнаго казначейства установленіе тѣхъ или иныхъ сроковъ большинству представляется простою формальностью, отъ которой величина поступленій будто бы не должна ни увеличиваться, ни уменьшаться. Ошибочность такого взгляда показала одна изъ контрольных палатъ, возбудивъ вопросъ о несоответствіи съ мѣстными экономическими условіями вновь установленныхъ въ районѣ ея ревизіоннаго участка частныхъ сроковъ взиманія податей, которые мѣстнымъ губернаторомъ съ зимы были перенесены на осень. Но-

*) Циркул. гг. губернаторамъ отъ 31 января 1892 г., № 962, пунктъ 8: „какими мѣрами достигнуть того, чтобы порядокъ и срокъ взиманія податей не обусловливали необходимости одновременной продажи крестьянами своихъ продуктовъ и переполненія таковыми хлѣбнаго рынка?“

***) Циркуляръ палатамъ отъ 6 іюля 1892 года.

вые сроки, по мнѣнію палаты, могутъ повлечь за собой неблагопріятныя послѣдствія для народнаго хозяйства, что въ свою очередь неминуемо должно будетъ отразиться и на интересахъ государственнаго казначейства. «Придавая этому обстоятельству весьма существенное значеніе въ смыслѣ сохраненія платежныхъ силъ населенія и предполагая войти въ непродолжительномъ времени въ обсужденіе съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ вопроса вообще о пѣлесообразности существующихъ сроковъ для уплаты окладныхъ платежей повсемѣстно въ имперіи, г. государственный контролеръ поручилъ департаменту гражданской отчетности собрать по сему предмету надлежащіе матеріалы». Въ числѣ такихъ матеріаловъ, какъ это видно изъ требованій департамента къ палатамъ, будутъ собраны, помимо отзывовъ о срокахъ мѣстной администраціи и земства, еще и отзывы печати.

Въ податной практикѣ для самого плательщика вопросъ объ установленіи частныхъ сроковъ, не обременительныхъ для него, имѣетъ громадное значеніе и часто почти равносильно съ вопросомъ о несоотвѣтствіи подателей съ платежеспособностью населенія или о неравномѣрности раскладокъ. Для плательщика, не имѣющаго никакихъ запасовъ отъ прежнихъ лѣтъ и живущаго изо дня въ день, установленіе сроковъ взиманія податей, отвѣчающихъ наибольшей его платежеспособности, принадлежитъ къ вопросамъ первостепеннымъ. И при незначительномъ окладѣ, но несвоевременнымъ требованіемъ его уплаты можно разорить плательщика, и, обратно, высокій окладъ уплачивается легко, если онъ требуется своевременно.

Обсужденіе вопроса о срокахъ въ настоящее время тѣмъ болѣе уместно, что съ изданія закона 23 мая 1878 г. объ отмѣнѣ прежде существовавшихъ сроковъ, общихъ для всей имперіи, прошло уже около 15 лѣтъ, — періодъ, въ который значеніе реформы о податныхъ срокахъ вполне уже выяснилось, а печать наша, насколько намъ извѣстно, еще не дѣлала оцѣнки новому закону о срокахъ.

Исторія нашего законодательства о податныхъ срокахъ не сложна. Существовавшіе до 1878 г. основные сроки были установлены еще въ 1769 г. По нимъ весь годовой окладъ какъ съ территоріальной единицы, такъ и съ каждаго плательщика раздѣлялся на двѣ равныя половины, вносимыя: первая — съ начала января по 1 марта, а вторая — съ октября по 1 января. Закономъ 6 іюня 1832 г. оба эти срока были продолжены на 15 льготныхъ дней, т.-е. въ первую половину послѣ 1 марта давалась еще отсрочка для взноса полугодового оклада до 16 марта, и во вторую — до 16 января слѣдующаго года. Вся часть годового оклада, не поступившая ко второму льготному сроку, зачислялась въ недоимку.

Очевидно, что наиболѣе соотвѣствующихъ и удобныхъ сроковъ для населенія, уплачивающаго всѣ свои подати отъ продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, нельзя подыскать другихъ, чѣмъ эти, а такъ какъ до великихъ реформъ прошлаго царствованія главнымъ занятіемъ всѣхъ податныхъ сословій у насъ было сельское хозяйство, — отъ него населеніе до-

бывало себѣ не только продовольствіе, но и средства на уплату всѣхъ лежащихъ на немъ податей и повинностей, — то этимъ и объясняется такая долговѣчность закона о срокахъ.

Съ начала 60-хъ годовъ въ экономической жизни государства и населенія происходитъ крутой переворотъ. Съ этого времени все крестьянское населеніе дѣлается свободнымъ въ выборѣ занятій и мѣста жительства, а такъ какъ большая часть прежняго крѣпостного населенія получила недостаточные не только по отношенію къ своимъ рабочимъ силамъ, но и своимъ потребностямъ земельные надѣлы, то она должна была искать себѣ заработковъ на сторонѣ. Это дало возможность поврительствуемой государствомъ и прежде, но не находившей достаточно рабочихъ рукъ обрабатывающей промышленности развиваться безпредѣльно и явиться опаснымъ конкурентомъ даже на граничныхъ рынкахъ. Обрабатывающая промышленность, при новыхъ поощреніяхъ государства, создавшаго для нея дѣлюю сѣть желѣзныхъ дорогъ, улучшившаго судоходство и грунтовые пути сообщенія и, главнымъ образомъ, вызвавшаго изъ прежней бездѣятельности частные капиталы, поощряя учрежденіе торгово-промышленныхъ банковъ при широкомъ государственномъ кредитѣ, могла дать теперь занятіе огромному числу рабочихъ рукъ, находившихся прежде исключительно при земледѣліи. Обращенію же огромной массы прежняго земледѣльческаго населенія въ промысловое и фабричное содѣйствовали двѣ главныя причины: съ одной стороны, малоземелье у помѣщичьихъ и отчасти удѣльныхъ крестьянъ, съ другой — значительное увеличеніе государственныхъ налоговъ съ 60-хъ годовъ для всѣхъ податныхъ сословій. Малоземелье не давало средствъ не только на уплату увеличившихся теперь податей, но не обезпечивало населенію средствъ для его собственныхъ потребностей и даже продовольствія; въ то же время, возросшія несоответственно доходности земли платежи вынудили и многоземельное населеніе обращаться въ зимнее время за средствами для уплаты ихъ къ неземледѣльческимъ промысламъ.

Валуевская комиссія по изслѣдованію податнаго вопроса не могла не отмѣтить такого поворота въ экономической жизни населенія и едва ли не единственнымъ практическимъ результатомъ изслѣдованій этой комиссіи въ 70-хъ годахъ было изданіе 23 мая 1878 г. закона о новыхъ срокахъ взноса податей. По существу этотъ законъ отмѣнялъ всякіе сроки, назначая ихъ для I-й податной половины въ продолженіе всего перваго полугодія (1 янв.—30 іюня) и для II-й—все второе полугодіе (1 іюля—31 декабря). При такомъ облегченіи плательщиковъ, прежнія 15-ти дневныя льготныя отсрочки, разумѣется, уже не имѣли существеннаго значенія. Установивъ такіе сроки или, вѣрнѣе, уничтоживъ прежніе общіе по имперіи сроки, законъ предоставилъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ право опредѣлять въ предѣлахъ каждаго полугодія и для каждой волости отдѣльно *частные* или мѣстные сроки съ обозначеніемъ частей полугодоваго оклада.

Установленный этимъ закономъ порядокъ опредѣленія такихъ сроковъ

показываетъ, насколько серьезное значеніе законодатель придавалъ измѣнившимся экономическимъ условіямъ населенія и какое важное значеніе сроки взноса податей имѣютъ для послѣдняго. Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія должны опредѣлять частные сроки и части оклада для взноса каждою волостью лишь «по истребованіи отзывать по сему предмету волостныхъ сходовъ и заключеній уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій или сѣздовъ мировыхъ посредниковъ».

Это обращеніе къ мнѣніямъ самихъ плательщиковъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ (податномъ) составляетъ самую существенную часть новаго закона. Никто лучше самого плательщика не можетъ знать ни его средствъ, ни того, когда для него платежи являются менѣе всего обременительными. Несвоевременное взысканіе даже незначительнаго и посильнаго оклада, если это будетъ повторяться изъ года въ годъ, можетъ отозваться на всякомъ хозяйствѣ несравненно пагубнѣе, чѣмъ значительно большій окладъ, взятый въ то время, когда у плательщика имѣются и имущество, и возможность реализовать его. Строго соблюдаемое крестьянскими присутствіями требованіе закона при назначеніи частныхъ сроковъ «руководствоваться дѣйствительною мѣстной потребностью» могло бы гарантировать плательщика отъ чрезвычайныхъ неудобствъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже разоренія. Этотъ законъ даетъ губернскимъ присутствіямъ широкую возможность слѣдить за платежеспособностью населенія и являться къ нему на помощь всякій разъ, какъ только мѣстныя экономическія условія измѣняются.

Законодательство о срокахъ на этомъ не остановилось: 22 декабря 1880 г. было издано дополненіе къ закону 1878 г., который оставлялъ безъ измѣненія одинаковыя величины окладовъ первой и второй податныхъ половинъ. Новый законъ даетъ право губернскому начальству входить въ разсмотрѣніе объ измѣненіи полугодовыхъ окладовъ и если «по какой-либо мѣстности, вслѣдствіе исключительныхъ условій», первая половина обременительна для крестьянъ, то представлять объ этомъ на усмотрѣніе министра финансовъ, который и разрѣшаетъ отсрочки во взносѣ этой половины. Несмотря на неполноту такого дополненія, допускающаго измѣненіе лишь первой половины годового оклада, очевидно, что и этотъ законъ имѣетъ въ виду облегченіе плательщика.

Послѣ этихъ законовъ прошло уже болѣе 10 лѣтъ,—періодъ, въ который предоставляемыя законами льготы плательщикамъ должны обнаружиться, если только мѣстныя губернскія присутствія воспользовались ими въ интересахъ населенія. Законодатель, не устанавливая никакихъ частныхъ сроковъ, ни частей полугодовыхъ окладовъ для нихъ, этимъ самымъ признаетъ, что источники для уплаты окладныхъ податей теперь измѣнились: коренной и, въ большинствѣ случаевъ, единственный прежде изъ этихъ источниковъ—собственное сельское хозяйство—для однихъ теперь или не существуетъ совсѣмъ, или сократился до того, что основывать на немъ платежеспособность этихъ хозяйствъ невозможно, для другихъ же на ряду съ

сельскими хозяйствами явились новые источники, отчасти случайные, отчасти и постоянные. Подмѣтить и оцѣнить все разнообразіе въ измѣненіи податныхъ источниковъ и предоставлено губернской администраціи, обусловивъ это важное дѣло непремѣннымъ опросомъ самихъ плательщиковъ чрезъ волостные сходы.

Болѣе или менѣе общей оцѣнки дѣятельности губернской администраціи въ этомъ важномъ дѣлѣ, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не являлось ни въ періодической печати, ни въ другихъ органахъ гласности; да, по правдѣ сказать, и матеріаловъ для такой общей оцѣнки очень мало. Въ газетахъ есть отдѣльные извѣстія о несвоевременности въ той или иной губерніи сбора податей, о разорительныхъ для плательщика способахъ этихъ сборовъ; въ постановленіяхъ отдѣльныхъ земствъ есть ходатайства объ измѣненіи установленныхъ администраціею сроковъ, но все это, какъ частности, а, можетъ быть, и по другимъ причинамъ, не служило поводомъ въ правительственныхъ сферахъ къ возбужденію общаго вопроса, какимъ задается теперь государственный контроль.

Для добровольнаго взноса податей внѣ сроковъ и до 1878 г. не существовало препятствій; казначейства обязаны были прежде и теперь круглый годъ принимать взносы въ нихъ подати и даже за будущіе оклады. Пржеініе сроки съ октября до января и съ января до марта имѣли обязательное значеніе лишь для губернской, уѣздной и волостной администраціи по сбору податей; въ эти сроки органы упомянутой администраціи должны принимать всѣ дозволенные закономъ средства къ побужденію плательщиковъ вносить полугодовые платежи, а въ остальное между этими сроками время принимать мѣры къ взысканію недоимокъ какъ прежнихъ лѣтъ, такъ и полугодовыхъ окладного года.

Судить о дѣятельности въ этомъ отношеніи нынѣшнихъ губернскихъ администрацій можно было бы, съ одной стороны, по установленнымъ ею частнымъ для каждой мѣстности отдѣльно срокамъ и съ другой—по ежемѣсячнымъ поступленіямъ въ каждой губерніи окладныхъ платежей. Изъ обращенія государственнаго контроля къ своимъ палатамъ видно, что свѣдѣній о частныхъ срокахъ по губерніямъ не имѣется даже и въ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ; насколько намъ извѣстно, объ этихъ срокахъ не печатается даже и въ мѣстныхъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, было одной изъ главныхъ причинъ, что земства, весьма чутко относящіяся къ нуждамъ своего населенія, въ большинствѣ случаевъ, не знаютъ этой стороны въ экономической жизни населенія. Такое наше заключеніе основывается на слѣдующихъ фактахъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ было три ходатайства земствъ Вятской губерніи объ измѣненіи сроковъ взысканія податей (въ концѣ 1887 г. ходатайствовали малмыжское уѣздное и вятское губернское и въ 1889 г.—глазовское уѣздное) и ни въ одномъ докладѣ къ возбужденію этихъ ходатайствъ не упоминается объ установленныхъ срокахъ. Наконецъ, и самое обращеніе земскихъ ходатайствъ объ измѣненіи сроковъ прямо къ высше-

му правительству показываетъ, что земскія учрежденія не знакомы и съ порядкомъ и инстанціями, устанавливающими эти сроки.

Точно также ни въ частной, ни въ официальной печати нѣтъ свѣдѣній и объ ежемѣсячныхъ поступленияхъ окладныхъ платежей по губерніямъ, а эти свѣдѣнія были бы однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ критеріевъ для оцѣнки податной практики и того, насколько она въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ согласуется съ дѣйствительными мѣстными условіями платежеспособности населенія.

Единственный матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ намъ министерство финансовъ въ публикуемыхъ имъ свѣдѣніяхъ объ ежемѣсячномъ поступленіи государственныхъ доходовъ вообще по всей имперіи; слѣдовательно, по этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ опредѣлить общіе по имперіи сроки дѣйствительнаго поступленія податей и выяснитъ тотъ источникъ платежей, на которомъ основываетъ нашъ фискаль виды на бездонное поступленіе платежей. Для характеристики общей картины податной практики этотъ матеріалъ, имѣющій несомнѣнную точность, является чрезвычайно драгоценнымъ. Правильная публикація его началась лишь съ 1882 г. сначала въ *Указателѣ*, а затѣмъ съ 1884 г. въ *Вѣстникѣ Министерства Финансовъ*. Чтобы воспользоваться имъ для указанной цѣли, намъ пришлось придать ему нѣсколько иную форму, чѣмъ онъ дается въ публикуемыхъ министерствомъ вѣдомостяхъ. Въ этихъ послѣднихъ ежемѣсячныя поступления по разнымъ статьямъ государственныхъ доходовъ публикуются итогомъ не за отдѣльный мѣсяць, а съ января по каждый отчетный мѣсяць, т.-е. съ января по февраль, съ января по мартъ, съ января по ноябрь и т. д. Вычитая изъ этихъ итоговъ предъидущія, мы получали поступления доходовъ за каждый отдѣльный мѣсяць и изъ этихъ цифръ составили прилагаемыя ниже таблицы ежемѣсячныхъ поступленій. Вычисленные нами проценты поступления сдѣланы въ зависимости отъ полугодовыхъ поступленій. Въ публикуемыхъ министерствомъ вѣдомостяхъ до 1885 г. всѣ окладные сборы (подушная и оброчная подать, государственный поземельный налогъ, налогъ съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ, лѣсной налогъ, выкупные удѣльныхъ крестьянъ, особые сборы въ западныхъ губерніяхъ и проч.) стоятъ въ одной рубрицѣ «подати»; съ 1885 г. въ государственную роспись и въ ежемѣсячныя вѣдомости объ ея исполненіи начали вносить выкупные платежи помѣщичьихъ крестьянъ, отчетность по которымъ до того времени составлялась и публиковалась совершенно отдѣльно отъ общей отчетности; съ 1887 г. переложениемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи на выкупъ, въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ изъ общей рубрики «подати» выдѣлена особая рубрика поступления выкупныхъ съ государственныхъ крестьянъ.

Слѣдя этой отчетности, мы составили три отдѣльныхъ таблицы: № 1—ежемѣсячныя поступления съ 1882 г. всѣхъ окладныхъ сборовъ (подати и выкупные платежи всѣхъ категорій); таблица № 2—выкупные платежи однихъ помѣщичьихъ и таблица № 3—выкупные однихъ государственныхъ

Таблица № I. Поступление (въ %/о кь полугодич. *) податей.

Годы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Юнь.	I полуг.	Юль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	II полуг.
1882	6,2	16,8	34,3	19,5	13,2	9,6	33,6	—	5,6	15,3	28,6	22,8	27,7	66,4
1883	6,1	13,9	39,1	18,4	12,3	10,4	27,5	3,2	5,4	13,4	23,4	20,9	33,4	72,5
1884	5,5	10,9	34,9	16,2	15,5	12,7	25,3	2,5	3,0	11,1	26,3	22,4	34,5	74,7
1885	4,7	13,4	27,3	21,9	16,5	15,9	27,7	3,1	3,2	13,1	20,3	21,8	29,0	72,3
1886	5,9	8,7	26,6	18,1	19,1	21,2	22,6	3,2	2,8	19,6	24,1	21,5	28,3	77,4
1887	4,9	8,6	25,9	17,6	17,8	23,3	24,8	4,0	3,7	15,8	28,0	22,3	26,0	75,2
1888	5,1	7,2	22,2	19,0	22,4	23,7	24,9	4,0	4,2	19,3	16,2	36,0	21,1	75,1
1889	5,7	11,3	23,7	14,9	20,7	23,2	25,1	10,3	4,0	16,4	27,6	20,0	20,5	74,9
1890	14,1	13,8	21,6	16,3	15,6	17,9	29,2	3,6	6,7	20,4	26,7	21,6	20,9	70,8
1891	11,1	14,4	19,1	17,2	17,5	20,0	31,3	5,3	8,7	19,6	27,1	21,0	21,3	68,7

Таблица № II. Поступление (въ %/о кь полугодич. *) выкупныхъ помѣщ. крестьянъ.

1885	2,0	11,3	24,8	21,1	18,5	22,5	32,6	5,0	3,9	35,4	19,9	21,6	14,4	67,4
1886	4,7	5,8	22,3	16,6	21,3	29,1	22,9	3,6	2,9	30,5	19,8	17,4	26,0	77,1
1887	3,9	7,1	24,3	15,4	20,3	28,9	28,4	4,5	3,5	14,9	35,5	13,9	27,4	71,6
1888	3,3	8,2	19,4	16,3	23,8	29,0	29,5	4,1	3,1	17,0	18,8	32,9	24,0	70,5
1889	3,9	8,0	22,2	14,0	23,2	28,4	30,4	9,3	3,8	15,0	26,6	21,0	24,1	69,6
1890	7,7	10,5	21,7	15,7	19,8	24,6	32,2	3,8	6,3	17,3	26,4	22,3	23,7	67,8
1891	7,1	10,0	19,1	17,3	20,0	25,9	35,0	6,0	6,5	17,5	27,3	22,3	20,4	65,0

Таблица № III. Поступление (въ %/о кь полугодич. *) выкупныхъ государ. крестьянъ.

1887	3,1	11,6	35,0	16,0	16,1	18,2	18,8	2,1	3,4	15,4	27,3	27,9	27,3	81,2
1888	5,5	13,7	24,8	16,5	21,6	17,7	19,3	2,9	4,7	21,4	5,6	47,4	18,0	80,7
1889	6,9	15,9	27,6	11,9	19,5	18,0	20,6	7,8	5,5	18,2	29,7	19,6	19,0	79,4
1890	18,2	19,9	24,3	12,9	12,9	12,4	24,8	2,4	8,5	23,6	26,6	19,8	19,1	75,2
1891	19,0	21,4	18,9	11,5	15,1	14,1	29,9	4,3	14,4	24,8	26,6	17,2	12,8	70,1

*) Въ настоящихъ таблицахъ даюмъ лишь процентныя отношенія поступленій. Абсолютныя же цифры этихъ поступленій за годъ и за 1-я полугодія были въ тысячахъ рублей слѣдующія:

Г О Д Ы:	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891
Всего податей за годъ	113,970	108,674	105,260	140,924	121,965	119,784	131,591	135,223	131,081	108,846
За 1-е полуг.	38,951	29,951	26,702	39,157	27,383	30,304	33,062	34,032	38,367	34,045
Выкуп. помѣщц. за годъ	—	—	—	39,808	44,597	40,624	43,021	42,412	40,967	34,845
За 1-е полуг.	—	—	—	12,931	10,227	11,592	12,795	12,889	13,187	12,196
Выкупш. госуд. кн. за годъ	—	—	—	—	—	41,372	49,170	49,332	47,263	34,204
За 1-е полуг.	—	—	—	—	—	7,779	9,470	10,172	11,766	10,249

крестьянъ. Безусловно точную характеристику времяплатежности одного только крестьянскаго населенія даютъ, конечно, двѣ послѣднія таблицы: первая изъ нихъ—для бывшаго крѣпостнаго населенія, вторая—для однихъ государственныхъ крестьянъ; но и въ таблицѣ № 1 болѣе 95% платежей падаетъ также только на однихъ крестьянъ (см. стр. 143).

Прежде всего, обратимъ вниманіе въ общей таблицѣ № 1 на полугодовыя поступленія окладныхъ сборовъ. Въ среднемъ за десятилѣтіе въ первое полугодіе поступало немного болѣе $\frac{1}{4}$ годового поступленія (27,2% его), а во второе почти $\frac{3}{4}$. Эти отношенія между полугодовыми поступленіями колебались значительно: въ началѣ десятилѣтія поступленія перваго полугодія достигали и до $\frac{1}{2}$, но затѣмъ они падали и въ 1886 г. спустились ниже $\frac{1}{4}$ (22,6%) годового поступленія, а къ концу десятилѣтія снова начали увеличиваться. Причину этого явленія, оказывается, нельзя искать въ законѣ 22 декабря 1880 г., дающемъ право губернскому начальству ходатайствовать объ отсрочкѣ сбора первой половины оклада во второе полугодіе. Въ издаваемыхъ *Ежегодникахъ* министерства финансовъ мы находимъ, что распредѣленіе окладныхъ сборовъ между полугодіями въ казенныхъ палатахъ дѣлалось почти поровну. Такъ, годовые оклады всѣхъ сборовъ по имперіи распредѣлялись въ тысячахъ рублей:

1882 г.		1883 г.		1884 г.		1885 г.	
I полугод.	II полугод.	I полугод.	II полугод.	I полугод.	II полугод.	I полугод.	II полугод.
77,051	74,799	74,051	75,087	69,990	69,406	72,505	74,882

Эти данныя говорятъ, что льготный законъ о распредѣленіи оклада по полугодіямъ остается, повидимому, безъ приѣнненія, такъ какъ и послѣ этого закона полугодовые оклады остаются прежніе, почти равные. Практика же взысканія не оставила дѣла въ прежнемъ положеніи и измѣнила полугодовые оклады по-своему. Препные податные сроки во II-ю половину года разсчитаны были на хлѣбъ, какъ на главный источникъ къ уплатѣ податей; срокъ I-й податной половины хотя и сопригасался со второй и, слѣдовательно, также былъ разсчитанъ еще въ значительной степени на хлѣбъ, какъ источникъ къ уплатѣ, но предполагалъ уже значительное участіе и другихъ источниковъ, особенно зимнихъ заработковъ, кончающихся къ 15 марта, къ концу льготной отсрочки платежа I-й половины. Теперь же не только вся вторая податная половина, но еще и половина перваго полугодія вьзается въ то время, когда у крестьянъ, кромѣ хлѣба, нѣтъ другихъ источниковъ, и, слѣдовательно, вышншая податная практика на хлѣбѣ, какъ податномъ источникѣ, сосредоточила болѣе прежняго свое вниманіе. Для администраціи, отвѣтственной за бездоимочное поступленіе окладныхъ сборовъ, сосредоточеніе своего вниманія на источникѣ, періодическое появленіе котораго въ крестьянскомъ хозяйствѣ вполне извѣстно и не подлежитъ никакому сомнѣнію, было наиболѣе вѣрнымъ средствомъ собирать безнедоимочно подати. Когда-то еще у крестьянъ будутъ средства отъ заработковъ, которые, къ тому же, причудливо мѣняются, измѣняя и самые моменты наибольшей крестьянской плетезеспособности, а хлѣбъ послѣ

жатвы стоитъ еще у всѣхъ или въ полѣ, или на гумнѣ. Поэтому вполне естественно въ интересахъ администраціи было сосредоточить весь центр тяжести сборовъ именно на второй податной половинѣ, выбирая въ это время не только окладъ этой, но и первой половины, а даже и недомку прежнихъ лѣтъ. И это дѣлается, какъ мы видѣли изъ распредѣленія годового оклада по полугодіямъ, безъ особаго разрѣшенія министерства финансовъ, съ согласія котораго можно переносить часть сбора первой половины на вторую. Выгодно это или безвыгодно для самого плательщика, мы увидимъ потомъ.

Теперь рассмотримъ наши таблицы относительно мѣсячныхъ сроковъ въ каждомъ отдѣльномъ полугодіи и начнемъ со второго полугодія, такъ какъ на него падаютъ главные поступления (до $\frac{3}{4}$) окладныхъ платежей. По прежнему закону о срокахъ главными платежными мѣсяцами признавались въ эту половину октябрь, ноябрь и декабрь, т.-е. зимніе мѣсяцы, когда устанавливается санный путь и является полная возможность продажи хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ послѣ окончанія ихъ обработки. Современное положеніе податной практики во вторую податную половину, повидимому, измѣнилось мало. Таблица № 1, дающая свѣдѣнія за 10-лѣтіе, показываетъ, что созданный прежними экономическими условіями зимній срокъ взноса податей имѣетъ теперь еще болѣе значеніе въ платежномъ отношеніи; нынѣ въ этотъ срокъ уплачивается и абсолютно, и относительно болѣе прежняго. Если практика послѣдняго времени и начинаетъ нѣсколько измѣнять прежде установленные жизнью сроки, то лишь въ худшую сторону. Уже въ первое 6-лѣтіе послѣ уничтоженія прежнихъ сроковъ сентябрскіе платежи, неудобные для большинства губерній по отсутствію въ это время спроса на хлѣбъ и правильныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, по начинающейся распутицѣ, а въ сѣверныхъ губерніяхъ и по незаконченности сельско-хозяйственныхъ работъ, колеблются между 11,1—15,3% полугодовыхъ взносов; со середины же 80-хъ годовъ они поднимаются и доходятъ уже до 20% и даже выше; съ другой стороны, въ это же время замѣчается перемѣщеніе центра тяжести платежей съ наиболѣе удобныхъ мѣсяцевъ, декабря и ноября, на октябрь и сентябрь, а за послѣдніе два года довольно замѣтные платежи (отъ 6,7 до 8,7%) падаютъ даже и на августъ.

Переносъ сроковъ платежей на ранніе осенніе мѣсяцы не говоритъ за то, чтобы въ назначенія ихъ губернская администрація, а въ приведенія ихъ въ исполненіе уѣздная полиція руководствовались не только исключительно, а хотя бы отчасти интересами и удобствомъ плательщиковъ. Переносъ сроковъ можетъ быть объясненъ исключительно только удобствомъ взысканій для администраціи, безъ всякаго отношенія къ «дѣйствительнымъ мѣстнымъ потребностямъ», какъ того требуетъ законъ. Такъ какъ громаднѣйшее большинство даже и промысловаго населенія у насъ, все-таки, занимается сельскимъ хозяйствомъ, то очевидно, что для органовъ, завѣдующихъ сборомъ податей, удобнѣе собирать ихъ тогда, когда наличность

хлѣба и сельскихъ продуктовъ у каждаго не подлежитъ сомнѣнiю; и если немедленное обращенiе въ деньги этихъ продуктовъ для населенiя убыточно, то эта убыточность для государственнаго казначейства вначалѣ совершенно незамѣтна. Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ несвоевременное взысканiе податей начинаетъ отражаться и на интересахъ казны въ видѣ растущихъ изъ года въ годъ недоимокъ по окладнымъ платежамъ.

Справедливость нашего заключенiя, что въ установленiи новыхъ сроковъ губернской администрацiей не проявлено достаточнаго вниманiя къ интересамъ и потребностямъ населенiя и что отодвиганiе сроковъ къ самой жатвѣ въ удобствахъ лишь одного взысканiя для администрацiи, должно было тяжело отражаться на плательщикахъ и убыточно для самого казначейства, подтверждается результатами исполненiя государственной росписи. Сравнивъ движенiе недоимокъ только за два десятилетiя—въ 70-е годы, когда дѣйствовалъ старый законъ о срокахъ, и въ 80-е, когда на основанiи новаго закона сроки взысканiя податей устанавливались губернскимъ начальствомъ, мы замѣчаемъ рѣзкую разницу, и не въ пользу послѣдняго десятилетiя. Недоимки по всѣмъ податямъ и выкупнымъ сборамъ въ 80-хъ гг. быстро и значительно увеличались противъ предъидущаго десятилетiя; и хотя главную причину такого роста было бы ошибочно видѣть только въ несвоевременности новыхъ сроковъ и въ недостаточномъ вниманiи администрацiи къ мѣстнымъ условiямъ и нуждамъ, но нельзя отказать въ значительномъ влiянii на ростъ недоимокъ и послѣднему обстоятельству. Такое заключенiе уже необходимо слѣдуетъ изъ одного того, что главный факторъ въ накопленii недоимокъ—несоответствiе податей съ платежеспособностью населенiя—со середины 80-хъ годовъ довольно замѣтно началъ ослабѣвать; казенные окладные платежи съ 1884 г. начинаютъ уменьшаться, сначала на 10—7 милл., а съ 1886 г. и даже на 30 милл. противъ максимальнаго овлада 1882 г. Несмотря на это, абсолютный ростъ недоимки почти не измѣнился, а относительный ростъ ея (къ окладу) за это время значительно повысился сравнительно съ 70-ми годами. Чтобы нагляднѣе видѣть разницу платежеспособности этихъ двухъ десятилетii, мы приведемъ таблицу ежегодныхъ окладовъ всѣхъ казенныхъ платежей и ихъ недоимокъ ¹⁾.

Годы.	Годов. окладъ казенн. платежей.			Годы.	% недоимки къ окладу.		
	Въ милл. руб.	Къ началу года да недоимки.	% недоимки къ окладу.		Въ милл. руб.	Къ началу года да недоимки.	% недоимки къ окладу.
1871	157,0	54,7	34,8	1881	171,3	52,7	30,7
1872	161,5	51,7	32,0	1882	173,0	60,8	35,0
1873	163,3	49,7	30,4	1883	172,4	72,0	41,7

¹⁾ Дашныя этой таблицы взяты изъ ежегодныхъ отчетовъ государственнаго контроля.

1874	164,4	46,7	28,4	1884 ³⁾	162,1	45,9 ³⁾	28,3
1875	164,4	45,0	27,4	1885	165,1	49,9	30,2
1876	163,9	43,9	26,8	1886 ⁴⁾	142,1	60,9	42,9
1877	168,4	49,0	29,1	1887	142,7	68,0	47,7
1878	169,1	51,8	30,6	1888	145,1	61,9	42,7
1879	169,9	47,8	28,1	1889	143,9	54,4	37,9
1880	170,3	46,4	27,2	1890	140,6	56,6	40,2

Среднее годовое 165,2 48,6 28,8 Среднее годовое 155,8 58,3 37,3

Отсюда довольно наглядно видна разница въ ходѣ оклада и недоимки. Въ 70-хъ гг. абсолютная величина недоимки стоитъ почти на одной высотѣ во все десятилѣтіе, а окладъ, между тѣмъ, постоянно возрастаетъ, вслѣдствіе этого относительный ростъ недоимки скорѣе уменьшался, чѣмъ увеличивался. Со середины слѣдующаго десятилѣтія окладъ начинаетъ уменьшаться, между тѣмъ, недоимка, несмотря на двукратное ея сложенеіе въ это десятилѣтіе (въ 1880 и 1883 гг.), быстро растетъ и абсолютно, и еще болѣе относительно; въ 1887 г. она едва не достигала половины оклада (47,7%) и лишь послѣ двухъ выдающихся урожаевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ (1887 и 1888 гг.), она нѣсколько понизилась, но затѣмъ опять пошла на повышеніе. Еще нагляднѣе представляется разница между платежеспособностью этихъ двухъ десятилѣтій изъ сравненія ихъ среднихъ годовыхъ оклада и недоимки. Средній окладъ 80-хъ годовъ менѣе предъидущаго на 10 милл. руб., между тѣмъ, средняя абсолютная величина недоимки этого десятилѣтія больше таковой же 70-хъ годовъ также почти на 10 милл. руб., а вслѣдствіе этого недоимка 70-хъ годовъ была къ окладу въ 28,8%, а въ 80-хъ—уже 37,3%. Если основная причина накопленія недоимокъ лежитъ въ несоотвѣтствіи налоговъ съ платежеспособностью населенія, то годовыя колебанія недоимокъ, не только не совпадающія, а даже находящіяся въ обратномъ отношеніи съ ростомъ налоговъ, очевидно, зависятъ уже отъ какой-то иной причины. А такъ какъ колебанія эти не случайныя и относятся къ цѣлому десятилѣтію, въ которое основная причина накопленія недоимокъ замѣтно даже ослабла, то очевидно, что эта новая причина не случайная и не временная, а продолжаетъ дѣйствовать постоянно и, притомъ, съ возрастающею силой, такъ какъ относительный ростъ недоимки подъ конецъ 80-хъ годовъ увеличивается. Если несоотвѣтствіе налоговъ съ платежеспособностью можетъ быть умѣрено среднею ве-

³⁾ По закону 14 мая 1883 г. окладъ подушной подати пониженъ для всѣхъ крестьянъ, а съ безземельныхъ и фабричныхъ подушная подать совсѣмъ уничтожена, вслѣдствіе чего по финансовой смѣтѣ на 1884 г. окладъ подушной подати съ 59,8 милл. руб. опредѣленъ въ 44,2 милл. руб.

⁴⁾ По всемілостивѣйшимъ манифестамъ сложено казенныхъ въ 1880 г.—7 милл. руб., а въ 1883 г. казенныхъ и выкупныхъ недоимокъ всего около 40 руб.

⁴⁾ По закону 28 мая 1885 г. подушная подать въ Европ. Россіи окончательно отменена, и по финансовой смѣтѣ на 1886 г. ея значится уже, вмѣсто 46,6 милл. р., всего 27,8 милл. руб.

личной недоимки 70-х годовъ въ 43,6 милл. руб. или 28%, къ окладу, то интензивность новой причины, проявившейся съ 80-хъ гт., будетъ 9,7 милл. руб. или 8,5%, къ окладу, при условіи, что первая основная причина накопленія недоимокъ нисколько не измѣнилась; но мы видѣли уже, что она уменьшилась, а, слѣдовательно, вторая причина будетъ измѣряться болѣе чѣмъ 10-ю милл. руб. ежегоднаго накопленія недоимки. И этою новою причиной, хотя и не единственною, безъ сомнѣнія, нужно признать несвоевременность сроковъ и существующіе нынѣ повудительные способы взысканія платежей. Въ особенности эта несвоевременность сроковъ и способы взысканія должны сильно отражаться на платежеспособности населенія во вторую половину, въ которую, какъ мы видѣли, уплачивается $\frac{3}{4}$ всѣхъ окладныхъ платежей (одновременно съ казенными уплачиваются и земскіе сборы).

Относительно сроковъ первой податной половины нужно признать, что они, подъ вліяніемъ снисходительнаго отношенія администраціи къ плательщику въ эту половину, установились болѣе соотвѣтственно платежнымъ средствамъ населенія. Прежде уплата и этой половины была рассчитана, главнымъ образомъ, на хлѣбъ и продукты сельскаго хозяйства, почему и срокъ этой половины былъ назначенъ на зимнее время, январь—февраль. Изъ нашей таблицы № 1 видно, что уже въ 1882 г. этотъ срокъ перемѣстился на мартъ—апрѣль; и чѣмъ дальше, тѣмъ меньшее значеніе оставалось за прежними главными платежными мѣсяцами; январь уже въ 1882 г. не имѣлъ почти никакого значенія (6,2% полугодоваго поступленія или всего 2% годового); въ февралѣ еще поступало 16,8%, но въ слѣдующемъ 1883 году въ февралѣ уже поступаетъ только 13,9%, въ 1884 — 10,9%, а въ 1888 г.—даже 7,2%; послѣ этого года относительно января и февраля замѣчается явный поворотъ къ прошлому, т.-е. увеличеніе платежей, хотя послѣдніе все еще много уступаютъ платежамъ весеннимъ и даже іюля мѣсяца. Хотя у насъ и нѣтъ подъ руками никакихъ данныхъ для опредѣленія истинной причины этого поворота, но мы увѣрены, что онъ произведенъ не добровольно самими плательщиками, а подъ вліяніемъ административнаго воздѣйствія.

Прежде глухіе въ платежномъ отношеніи мѣсяцы апрѣль, май и въ особенности іюнь, подъ вліяніемъ кореннаго измѣненія въ экономическо-промысловой жизни населенія, нынѣ получили, какъ и слѣдовало ожидать, значеніе почти главныхъ сроковъ первой половины. Особенно это ясно видно на постепенномъ послѣ 1882 г. возрастаніи поступленій майскихъ и іюньскихъ; съ 1888 г., однако, начинается поворотъ къ прежнему и въ эти мѣсяцы, хотя они и продолжаютъ быть еще главными сроками платежей въ первую половину.

Само собою разумѣется, что дѣйствительное поступленіе платежей въ тѣ или иные мѣсяцы еще далеко не указываетъ, что именно на эти мѣсяцы и приходятся утвержденные губернскимъ начальствомъ сроки. Здѣсь, вѣроятно, какъ и относительно установленія равныхъ взносовъ для 1 и 2

полугодій и несоотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью, происходитъ то же самое, т.-е. что установленные сроки существуютъ сами по себѣ (на бумагѣ), а дѣйствительные сборы производятся администраціей опять сами по себѣ. Насколько въ этомъ отношеніи своеобразно понимается администраціей льготный для населенія законъ о срокахъ, можетъ служить примѣръ Вятской губерніи. До 1887 г. частные сроки для взноса податей здѣсь были устанавливаемы 3 раза—въ 1880 г., въ 1883 и 1886 гг., и каждый разъ послѣ собранія по сему предмету отзываютъ волостныхъ сходовъ и заключеній уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, какъ того требуетъ законъ. Въ каждый изъ этихъ пересмотровъ прежде дѣйствовавшихъ сроковъ въ основаніе полагались мѣстные и преимущественно сельско-хозяйственныя условія, вслѣдствіе чего главные сроки на большинствѣ сходовъ всегда отодвигались къ зимѣ. Въ 1886 г. во вторую податную половину были установлены только два срока: 15 ноября со взносомъ $\frac{1}{10}$ оклада и 10 декабря—взносъ остальной $\frac{1}{10}$ годового оклада. Въ слѣдующемъ году вновь назначенный губернаторъ Анисьянъ нашелъ, что эти сроки неудобны для администраціи, и они были пересены на осеніе: 1-й—къ 1 октября ($\frac{1}{10}$ оклада), 2-й—къ 1 ноября ($\frac{2}{10}$ оклада) и 3-й—къ 1 декабря ($\frac{1}{10}$ оклада). Это сдѣлано уже безъ испрашиванія не только отзываютъ волостныхъ сходовъ, но и заключеній уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій. Единственный мотивъ къ измѣненію прежнихъ сроковъ былъ тотъ, что начальникъ губерніи «призналъ ихъ неудобными для обезпеченія *своевременнаго* взысканія сборовъ», какъ говорится въ циркулярѣ губернатора въ волостныя правленія *).

Въ виду этого, уѣздная администрація въ дѣлѣ сбора податей сообразовалась исключительно уже только съ собственными удобствами, и установленные губернаторомъ сроки передвигала по своему усмотрѣнію еще ближе и ближе къ жатвѣ, такъ что, въ концѣ-концовъ, возбудила ходатайства земствъ о переносѣ срока взносовъ податей съ осеннихъ на зимніе мѣсяцы. До чего своеобразно понимаются сроки уѣздною администраціей, могутъ служить слѣдующіе примѣры. Котельническимъ исправникомъ въ 1888 г. почти вся первая половина годового оклада (изъ 149 тыс.—147½ тыс.) была взыскана въ 1½—2 первыхъ мѣсяца, за что въ мѣстныхъ *Губерн. Вѣдом.* (№ 24, 1888 г.) дѣятельность его по сбору податей была признана примѣрною и поставлялась на видъ полицейскимъ властямъ другихъ уѣздовъ. Въ 1889 г. исправникъ Глазовскаго уѣзда издалъ циркуляръ по волостнымъ правленіямъ, требуя внести весь окладъ казенныхъ и земскихъ сборовъ этого года къ 15 октября, послѣ чего приступить къ сбору недоимки. Въ слѣдующемъ году исправникъ Орловскаго уѣзда требуетъ отъ волостныхъ правленій внести полностью не только окладъ, но и недоимку по казеннымъ и земскимъ сборамъ уже къ 1 октября. Въ нынѣшнемъ году, какъ сообщалось въ № 258 *Русской Жизни*,

*) *Сборникъ издаваемыхъ циркуляровъ вятскаго губернскаго начальства.* Вятка, 1891 г.

одинъ изъ земскихъ начальниковъ того же уѣзда циркулярами въ волостныя правленія потребовалъ окончательнаго очищенія всѣхъ сборовъ уже къ 15 августа. Въ сентябрѣ у насъ стоитъ еще хлѣбъ на корню.

Если льготный законъ о срокахъ не достигаетъ цѣли и при немъ населеніе терпитъ еще больше неудобствъ, чѣмъ въ прежнее время, то причина этого лежитъ въ недостаткахъ самого закона. Нынѣ нѣтъ никакого мѣстнаго контроля въ податной практикѣ. Администрація устанавливаетъ сроки, она же и приводитъ ихъ въ исполненіе. Нужны выдающіеся случаи несоотвѣтствія съ дѣйствительными условіями устанавливаемыхъ ею сроковъ, какъ, напримѣръ, въ Глазовскомъ и Орловскомъ уѣздахъ, чтобы заставить земства ходатайствовать объ измѣненіи ихъ, т.-е. взяться за дѣло, прямымъ образомъ не возложенное закономъ на его обязанность. Ошибка закона о срокахъ заключается лишь въ томъ, что чисто-земскія функціи (опредѣленіе мѣстныхъ экономическихъ условій, а на основаніи ихъ — податныхъ сроковъ) переданы губернской администраціи, которая при опредѣленіи экономическихъ условій сама принуждена обращаться къ земству же. При передачѣ дѣла объ установленіи сроковъ въ руки земства, безъ сомнѣнія, для этого болѣе компетентнаго, чѣмъ администрація, послѣдняя явилась бы незамѣнимымъ контролеромъ, испытывающимъ на практикѣ удобство и неудобство установленныхъ земствомъ сроковъ.

Устраненіе земства въ настоящемъ дѣлѣ тѣмъ менѣе понятно, что въ обще-экономической жизни уѣздовъ на земства возложены болѣе важныя функціи, чѣмъ назначеніе податныхъ сроковъ. Помимо постановленій, обязательныхъ для населенія въ разныхъ областяхъ экономической и гражданской жизни, земству передано право установленія земскихъ налоговъ и разныхъ сборовъ (страхового, чумного, продовольственнаго и проч.). Это, очевидно, уже области, требующія отъ земскихъ учрежденій наибольшей правоспособности и компетенціи, чѣмъ установленіе однихъ сроковъ взысканія податей. На Западѣ не только установленіе сроковъ, но порядокъ и самое дѣло взысканія государственныхъ податей находится въ рукахъ общественныхъ учреждений. Земскія учрежденія имѣютъ всѣ средства для опредѣленія мѣстныхъ экономическихъ условій, а, слѣдовательно, и для правильнаго установленія податныхъ сроковъ. Многія земства собрали прекрасный статистическій матеріалъ, могущій лечь въ основу не только для установленія сроковъ, но и для выработки раскладочныхъ основаній для преобразованія существующихъ или учрежденія новыхъ налоговъ взамѣнъ прежнихъ. Въ этомъ отношеніи и сама администрація должна обращаться за содѣйствіемъ только къ земству же.

П. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Борьба съ заразными болѣзнями.

Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что въ одинъ прекрасный день заразныя болѣзни исчезнутъ съ лица земли, какъ исчезли чума, англійская потница и другіе бичи прежняго человѣчества. Конечно, въ эту пору чудесную не придется жить ни намъ, ни нашимъ дѣтямъ. Но для человѣчества столѣтія—тѣ же минуты, и чѣмъ длиннѣе путь, по которому нужно идти, тѣмъ больше резоновъ поспѣшить отправкой въ дорогу. Къ какимъ бы взглядамъ на зародышъ заразной болѣзни ни пришла наука, человѣкъ, конечно, съумѣетъ (рано или поздно) тѣмъ или другимъ путемъ уничтожить эти зародыши и не давать имъ размножаться. Всѣ успѣхи культуры сводятся именно къ уничтоженію многихъ тяжелыхъ заразныхъ болѣзней, которыя бѣгутъ культуры. Какіхъ только ужасныхъ болѣзней ни знала средневѣковая Европа! Куда дѣвались знаменитыя въ исторіи эпидеміи «священнаго огня» (*ignis sacer, feu sacré, feu d'enfer*), которыя свирѣпствовали въ Европѣ въ VI, IX, X, XI, XII и XIII вѣкахъ? Наука показала, что вся эта эпидемія была ничто иное, какъ обыкновенный эрготизмъ (отравленіе маточными рожками ржи), доведенный до размѣровъ народнаго бѣдствія, когда большинству приходилось употреблять въ пищу дурной хлѣбъ съ громадною примѣсью спорыньи и другихъ сорныхъ травъ, которыя, благодаря низкой земледѣльческой культурѣ того времени, составляли во многихъ мѣстахъ Европы почти треть всей жатвы. Эпидеміи «священнаго огня» или «огня св. Антонія» или «св. Мартина» наипаче наблюдались послѣ суровыхъ зимъ, особенно же послѣ сырого и дождливаго лѣта, вслѣдъ за жатвою, т.-е. въ августѣ и сентябрѣ. Онѣ обыкновенно совпадали съ неурожаями и голодовками и рѣшительно никогда не наблюдались въ плодородные годы и среди зажиточныхъ классовъ, употреблявшихъ въ пищу хорошій хлѣбъ, приготовленный изъ муки лучшаго качества.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія относятся, какъ извѣстно, весьма подробныя и обстоятельныя описанія этой болѣзни, получившей уже тогда названіе «злой корчи» (рафанія). Въ то же время, стали убѣждаться, что равномерно съ общимъ ходомъ цивилизаціи, отзывавшемся въ свою очередь

на успѣхахъ земледѣльческой культуры, и самая болѣзнь стала появляться гораздо рѣже, отдѣльными случаями, и далеко уже не отличалась прежнею злокачественностью.

Въ XVIII столѣтїи эрготизмъ появлялся лишь въ Швейцарїи, въ нѣсколькихъ округахъ Франціи, да въ нѣкоторыхъ особенно негостепримныхъ уголкахъ Сѣверной Европы. Наконецъ, въ XIX столѣтїи эпидемическое появленіе злой корчи прекратилось почти совершенно, только изрѣдка она наблюдалась у дурно продовольствуемыхъ солдатъ (въ 1854 году въ Крыму, между союзными войсками, преимущественно какъ осложненіе при холерѣ) и въ нѣкоторыхъ бесплодныхъ мѣстностяхъ Запада. Къ сожалѣнію, однако, въ Россїи эта болѣзнь, извѣстная въ Западной Европѣ лишь по наслышкѣ, изъ преданій о старинѣ глубокой, еще не окончательно исчезла и автору этихъ строкъ пришлось лѣтъ 11—12 тому назадъ наблюдать и описать настоящую эпидемію этого заболѣванія, вспыхнувшую въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время можно признать безспорнымъ, что главнымъ факторомъ, порождающимъ въ наше время заболѣванія, подобныя злой корчѣ, чумѣ или проказѣ, должно считать *непѣжество* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Прежде всего, конечно, это относится къ состоянію земледѣльческой культуры, а затѣмъ уже и вообще къ экономическому благосостоянію населенія, которымъ въ свою очередь обуславливаются тѣ или другія условія питанія, опрятности и т. п.

Подобную же исчезнувшую почти съ лица земли болѣзнь представляетъ «потница», которая по временамъ появляется въ наиболѣе бѣдныхъ заколустныхъ уголкахъ Западной Европы. Потница производила жестокія опустошенія на сѣверѣ Европы и особенно въ Англіи въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтїя и нерѣдко отъ этой страшной болѣзни вымирала половина или треть населенія какого-либо города. Теперь эта болѣзнь уноситъ сравнительно ничтожное количество жертвъ и во многихъ странахъ она совсѣмъ неизвѣстна. Въ послѣдній разъ эпидеміи этой болѣзни наблюдались во Франціи въ 1880 и въ 1887 годахъ. Въ 1880 году эпидемію описалъ Рошардъ; она поразила жителей острова Олерона и изъ 20,000 человекъ захворало потницей 1,000 и умерло 142. Болѣзнь эта выражается весьма обильнымъ зловоннымъ потомъ, все тѣло опухаетъ и большой нерѣдко погибаетъ спустя 3—6 часовъ отъ начала болѣзни. Въ 1887 г. эпидемію, поразившую Пуату, изслѣдовали и описали Бруардель и Туано. Въ пяти округахъ было 2,570 случаевъ заболѣванія, изъ коихъ 176 со смертельнымъ исходомъ.

Къ числу исчезнувшихъ въ Европѣ болѣзней Рошардъ относитъ и проказу, которая свирѣствовала на всемъ европейскомъ материкѣ во времена крестовыхъ походовъ и возникла въ библейскія времена, чуть ли не за 1½ т. лѣтъ до Р. Х. Проказа сильно уменьшилась въ XVIII вѣкѣ и рѣдкій европейскій врачъ нашего времени имѣлъ случай наблюдать эту болѣзнь. Рошардъ упускаетъ изъ вида Россію, гдѣ, къ сожалѣнію, это страданіе,

также какъ и злая корча, не составляетъ большой рѣдкости. Проказа упорно держится у насъ въ Остзейскихъ провинціяхъ и даже заходитъ въ Петербургскую губернію.

Профилактика, т.-е. предупрежденіе распространенія заразныхъ болѣзней, передающихся отъ одного лица къ другому, зиждется на ученіи о такъ называемомъ *контагii*. Первообразъ современнаго ученія о происхожденіи эпидемическихъ болѣзней подѣ влияніемъ живыхъ существъ, въ видѣ низшихъ организмовъ, существовалъ у самыхъ древнихъ медицинскихъ писателей. Еще гораздо раньше открытія микроскопа и микроскопическихъ животныхъ врачи объясняли чуму и болотную лихорадку поступленіемъ въ организмъ какихъ-то низшихъ существъ. Въ XVII столѣтіи это ученіе о живомъ ядѣ вылилось въ крайне смѣшную и фантастическую форму. Животныхъ, вызывающихъ эпидемію, воображали себѣ носящимися въ воздухѣ на подобіе стай саранчи, изображали ихъ въ различной формѣ, и кто-то изъ врачей даже предлагалъ разгонять этихъ существъ врибомъ, шумомъ и ружейными выстрѣлами.

Вообще гипотеза о живомъ ядѣ претерпѣла множество неудачъ и превращеній, но нынѣ, послѣ великихъ открытій бактеріологіи, гигиена, въ смыслѣ предупрежденія заразныхъ болѣзней, лежитъ какъ связанная у ногъ бактеріологической науки, которая властно диктуетъ ей свои предписанія.

Заразительность (контагиозность, прилипчивость) болѣзней объясняется нынѣ всего лучше проникновеніемъ въ организмъ элементовъ, обладающихъ способностью въ немъ развиваться и размножаться, т.-е. жить. Яды твердые, жидкіе и газообразные не могутъ вызвать тѣхъ разнообразныхъ явленій, которыя характеризуютъ періодъ предвѣстниковъ и все остальное правильное теченіе заразныхъ болѣзней. Ядъ, каковъ бы онъ ни былъ, дѣйствуетъ соразмѣрно количеству, поступившему въ тѣло. Дѣйствіе его быстро и не выходитъ за границы тѣла, въ которое ядъ поступилъ. Зародыши (болѣзнетворные), поступая въ организмъ здороваго человѣка изъ организма больного, сперва не производятъ въ немъ никакихъ измѣненій. Они здѣсь развиваются, размножаются и по истеченіи извѣстнаго періода времени (инкубационный періодъ), различнаго въ различныхъ болѣзняхъ, но одинаковаго для одной и той же, вызываютъ серію симптомовъ, совершенно подобную тѣмъ, которыми страдалъ больной, изъ тѣла котораго они вышли. Зараженный субъектъ выздоравливаетъ или умираетъ смотря по тому противодѣйствію, которое онъ оказываетъ болѣзни. Въ первомъ случаѣ мириады зародышей частью уничтожаются въ самомъ организмѣ, частью выводятся наружу и могутъ инфицировать другіе организмы, тогда какъ первый больной, который служилъ ареной для ихъ эволюціи, зачастую вторично уже не можетъ играть эту роль. Какъ ни темны еще до сихъ поръ нѣкоторыя стороны паразитарной гипотезы происхожденія инфекціонныхъ болѣзней, все же она пользуется теперь, можно сказать, всеобщимъ признаніемъ, и нынѣ не много найдется смѣльчаковъ изъ числа извѣстныхъ врачей, которые рѣшились бы открыто отвергать необходимость принятія этой гипотезы, какъ

объясняющей наибольшее число фактовъ, относящихся къ области заразныхъ болѣзней.

Болѣзнетворные микробы открыты нынѣ для многихъ болѣзней, наприм., для сибирской язвы, возвратнаго тифа, розги, бугорчатки, холеры, сапа, дифтерита, крупозной пневмоніи и пр., но далеко еще не всѣ эти зародыши, будучи изолированы, даютъ культуры, которыя послѣ прививки здоровымъ людямъ сообщаютъ имъ ту же специфическую болѣзнь. Прежде всего, эти культуры пришлось бы прививать здоровымъ людямъ для полученія полнаго доказательства, но подобный опытъ, какъ это понятно само собою, врядъ ли былъ бы позволителенъ. Наконецъ, самое присутствіе микроорганизмовъ до сихъ поръ еще не констатировано для нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней, наприм., для чумы, для желтой горячки, и мы только по аналогіи обращаемся съ этими болѣзнями съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ санитарной профилактики, которыя предписываются для болѣзней, происхожденіе коихъ связано съ специфическимъ микробомъ.

Заразительное начало при выходѣ изъ пораженнаго организма гнѣздится или въ его выдѣленіяхъ, каковы: слюна, мокрота, носовая слизь, рвотныя и кишечныя изверженія, или же локализуется въ плотныхъ веществахъ, каковы бляшки скарлатинозныхъ и коревыхъ больныхъ или корки (струппы) оспенныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, примѣшиваясь къ воздушной пыли, они носятся въ атмосферѣ, пристають и осѣдаютъ на платьѣ, матеріи, товарѣ и иныхъ предметахъ, съ коими и могутъ совершать далекія передвиженія; въ первомъ случаѣ они вмѣстѣ съ соотвѣтствующею жидкостью пропитываютъ бѣлье и другія вещи больного человѣка и при высыханіи также въ видѣ пыли поступаютъ въ атмосферу. По крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что мокрота чахоточныхъ распространяетъ заразу именно такимъ путемъ. Если зародыши примѣшаны къ массамъ, извергнутымъ рвотой или нязомъ, то они поступаютъ или въ почву, или въ отхожія мѣста. Въ этихъ случаяхъ они легко могутъ заражать воды рѣкъ и колодцевъ, которые въ такихъ случаяхъ становятся носителями заразы. Пыль, содержащая заразительное начало, поступаетъ въ организмъ преимущественно черезъ дыхательные органы, тогда какъ зараза, примѣшанная къ жидкостямъ, чаще проникаетъ черезъ пищеварительныя органы, наприм., при питъѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзнетворные зародыши известной болѣзни могутъ проникать въ организмъ и тѣмъ, и другимъ путемъ, въ другихъ же они избираютъ для себя одну болѣе излюбленную дорогу. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что эти зародыши вмѣстѣ съ вещами, а отчасти и по воздуху могутъ переноситься на далекія разстоянія, могутъ подолгу (неопредѣленное время) сохранять свою жизнѣдѣтельность и всю присущую имъ ядовитую энергію и при благоприятныхъ условіяхъ (температуры и влаги) снова могутъ проявлять свою разрушительную работу. Такимъ образомъ, понятно, какъ поѣздъ желѣзной дороги, который привезъ здоровыхъ пассажировъ, можетъ зазечь эпидемію въ странѣ, куда онъ прибылъ, если контагіи привезенъ имъ въ вещахъ пассажировъ или вмѣстѣ съ прибывшими товарами.

Изъ числа трехъ главныхъ бичей человѣчества отмѣтимъ, прежде всего чуму, желтую горячку и холеру.

Чума считается чуть ли не самою страшною болѣзнью, которая когда-либо посѣщала Европу. Въ древнія времена всѣ болѣзни, отличавшіяся большою смертностью, поражавшія одновременно многихъ лицъ и охватывавшія значительныя пространства земли, назывались чумой и описывались подъ этимъ именемъ *). Глубокій туманъ древности до такой степени окутываетъ всѣ дошедшіе до насъ документы о первыхъ большихъ эпидеміяхъ, что нѣтъ никакой возможности сколько-нибудь солидно ориентироваться и разобраться въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ свѣдѣній и фактовъ. Въ книгахъ Моисея, судей и пророковъ имѣются описанія какихъ-то повальныхъ болѣзней, но, къ сожалѣнію, глубокій мракъ покрываетъ всѣ извѣстія этого отдаленнаго времени. Даже «афинская чума» (430 до Р. Х.) или «чума Фукидида», прекрасно описанная этимъ историкомъ, который самъ умеръ отъ этой болѣзни, представляется далеко недостаточнымъ историческимъ документомъ и многіе врачи расходились во взглядахъ относительно этой болѣзни; одни считаютъ это заболѣваніе настоящею бубонною чумой, другіе—оспой, третьи—сыпнымъ тифомъ и т. д. Крайне интересно, до какой степени психическое состояніе, охватившее все греческое общество время «чумы Фукидида», напоминаетъ нравственное настроеніе, наблюдавшееся у людей позднѣйшихъ историческихъ эпохъ, когда человѣчество подвергалось вліянію подобной же смертоносной заразы. Современники Фукидида также точно теряли голову и утрачивали всѣ свои нравственные принципы, какъ и люди XIV вѣка въ эпоху «черной смерти» или москвичи время знаменитой московской чумы 1770 г. «Великія бѣдствія,—говоритъ Литтре,—вызываютъ вообще преобладаніе эгоизма и чувства самосохраненія до той степени, которая изглаживаетъ всѣ другія чувства и превращаетъ человѣка въ хищнаго звѣря. Припомнимъ кораблекрушенія, голодъ, бѣдствія вродѣ отступленія изъ Москвы, когда одна мысль царить надъ всѣмъ,—мысль о собственномъ спасеніи, и, чтобы спасти себя, совершаютъ самыя жестокія дѣла. Во время эпидемій преобладаетъ тотъ же инстинктъ, выказывается тотъ же эгоизмъ...»

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что не только въ нашъ вѣкъ, но уже и во время московской чумы теряли голову большею частью одни только невѣжественные слои общества; какъ тогда, такъ и теперь можно указать не малое число лицъ, которыя въ години народныхъ несчастій съ мужествомъ и рвеніемъ выполняютъ свои общественныя обязанности и тѣмъ самымъ доказываютъ, что благотворное вліяніе историческаго прогресса коснулось общественныхъ нравовъ. Во время страшной московской чумы огромное большинство врачей не покидало своего поста, не отказывалось посѣщать заболѣвшихъ, тогда какъ въ средніе вѣка отъ

*) В. Святловскій: „Чумная зараза и ея отношеніе къ современной культурѣ“ Слово 1851 г.

зачумленных въ ужасѣ разбѣгались не только прислуга, но бѣжали и врачи.

Современная намъ эпидемія холеры доказываетъ то же самое. При вѣсти о тяжелой болѣзни множество врачей, сестеръ милосердія и учащейся молодежи поспѣшили броситься на общаго врага и не разъ доказали, что «страхъ смерти» не принадлежитъ къ числу качествъ русской интеллигенціи.

Въ Европу чума забралась въ 6 вѣкѣ и въ теченіе 52 лѣтъ унесла въ могилу сто милліоновъ жертвъ. Затѣмъ почти до 11 вѣка она затихла, потомъ снова возродилась и произвела неслыханныя опустошенія въ 14 столѣтіи, за что и была прозвана «черною смертью».

Черная смерть вышла изъ Китая и въ теченіе какихъ-либо четырехъ лѣтъ обошла всѣ обитаемыя страны. Число жертвъ ея доходило до 77 милліоновъ, изъ коихъ 40 падаетъ на долю Европы. Почти всѣ большіе города Италіи обезлюдѣли. Въ одной Флоренціи (отсюда и названіе «флорентійской чумы»), по сказанію Боккачіо, въ теченіе 3 мѣсяцевъ умерло сто тысячъ человѣкъ (1348 годъ), въ Женевѣ погибло 40,000 человѣкъ, въ Неаполѣ—60,000 и въ Венеціи—70,000. Нынѣшняя эпидемія холеры въ Гамбургѣ является невинною болѣзью сравнительно съ этими ужасами старины. Замѣчательнъ при этомъ тотъ фактъ, что самыя опустошительныя повальныя болѣзни никогда не заходили за извѣстный предѣлъ; смертоносная зараза, достигнувъ нѣкоторой степени напряженности, стихала подъ влияніемъ какихъ-то неизвѣстныхъ условій и человѣчеству никогда еще не угрожала опасность полнѣйшаго вымиранія. Возможность такого вымиранія по аналогіи съ животными царствами, гдѣ нѣкоторыя породы исчезли съ лица земли (ископаемыя формы), конечно, подъ влияніемъ какихъ-то патологическихъ причинъ, представляется маловѣроятной, ибо человѣчество съ успѣхами культуры получаетъ все большія средства для борьбы съ болѣзнями.

Историческая наука, знакомя насъ съ общественными и политическими условіями средневѣковой жизни, не позволяетъ сомнѣваться, что причины, породившія «черную смерть», заключались въ одной общей причинѣ—невѣжествѣ.

Невѣжество и спутники его—бѣдность, неопрятность и безнравственность—составляли, какъ извѣстно, отличительную черту общественныхъ условій среднихъ вѣковъ. Средніе вѣка со всею своею культурною жизнью породили и создали «черную смерть», которая держалась благодаря бѣдности и нечистоплотности низшихъ классовъ населенія и полнѣйшему пренебреженію къ вопросамъ общественной и частной гигиены.

У насъ въ Россіи «черная смерть» продолжала свирѣпствовать почти безъ перерыва то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ въ теченіе почти всего XV вѣка, тогда какъ въ остальной Европѣ хотя и повторялись эпидеміи чумы, но далеко не съ такою частотой и развѣ только одна Германія могла соперничать въ этомъ отношеніи. Въ XVI столѣтіи замѣчается положительное ослабленіе чумы и въ XVII столѣтіи чума посѣтила нѣкото-

рыя страны, повидному, въ послѣдній разъ; такъ, наприм., въ Лондонѣ послѣ 1868 г. не было уже больше никогда случаевъ чумы, во Франціи такъ называемая марсельская эпидемія (1720 г.) была также послѣднею вспышкой этой болѣзни, но въ другихъ государствахъ Европы, а, главное, въ Азіи, болѣзнь нѣтъ-нѣтъ, да и вспыхивала вновь. Въ концѣ почти XVIII столѣтія чумная эпидемія, появившаяся вновь на юго-западѣ Россіи, захватила огромный районъ и проникла въ самое сердце Россіи—въ Москву. Московская чума не требуетъ описанія, ужасы ея воспѣты даже беллетристами (Загоскинъ, Мордовцевъ), а взрывъ народной ярости, направленной противъ врачей, чиновниковъ и духовенства, извѣстенъ каждому. Три дня Москва оставалась во власти возставшаго народа, который умертвилъ архіепископа Амвросія Каменскаго и успокоился только тогда, когда пушечна была въ ходъ картечь.

Въ XIX столѣтіи чумныя эпидеміи стали еще болѣе ограничены, чѣмъ въ предыдущую эпоху. Чума рѣшительно исчезаетъ не только изъ европейскихъ центровъ, но перестаетъ появляться и на европейскихъ окраинахъ. Повсемѣстно ея роль принимаютъ на себя холера, брюшной и сыпной тифъ и повальное воспаленіе оболочекъ головного и спиннаго мозга.

Въ Европѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи чума появлялась на островахъ Средиземнаго и Чернаго морей (Мальта, Корфу, Кипръ и др.), а также и въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ. Сравнительно довольно жестокія эпидеміи наблюдались въ Греціи, въ Придунайскихъ княжествахъ—въ Босніи, въ Далмаціи, въ Бѣлградѣ и его окрестностяхъ. Всего сильнѣе проявилась чума въ Апуліи (1815 г.), на берегу Адриатическаго моря, въ городѣ Ноѣ, крайне бѣдномъ и грязномъ мѣстечкѣ.

Въ Азіатской Турціи чумная болѣзнь появилась въ послѣдній разъ въ 1843 г., а въ Египтѣ—въ 1844 г. Всѣ эпидемиографы утверждаютъ, что это исчезновеніе совпало со введеніемъ на Востокѣ нѣкоторыхъ санитарныхъ мѣропріятій и съ улучшеніемъ экономическаго быта населенія.

Въ 1858 г. ученые уже довольно рѣшительно высказывали мысль, что бубонная чума окончательно исчезла съ лица земли и что ее должно причислить къ группѣ вымершихъ болѣзней. Но, увы, надежды эти оказались преждевременными. Совершенно внезапно появилась несомнѣнно чумная эпидемія недалеко отъ Триполи (Бенгази), въ лагерѣ весьма бѣдныхъ арабскихъ кочевниковъ.

Особенно поразительно было то обстоятельство, что прошло почти 30 лѣтъ, какъ въ этой мѣстности не было ни одного чумнаго заболѣванія. Для объясненія этого факта приходится или допустить возможность самостоятельнаго зарожденія этой болѣзни подъ влияніемъ особенно благоприятныхъ условій, или предположить, что чумный ядъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ сохраняться въ странѣ въ теченіе 30 лѣтъ.

Въ 1867 году было снова такое же необъяснимое появленіе чумы на берегахъ Ефрата, въ Месопотаміи. И здѣсь чума появилась среди крайне бѣднаго арабскаго кочевомъ племени.

Въ 1871 году чума показалаь въ небольшой деревушкѣ персидскаго Курдистана, а въ 1874 г. снова въ Месопотаміи и Триполи. Въ 1875 и 1876 гг. чума показалаь въ Багдадѣ, откуда была занесена однимъ купцомъ въ Ресштъ (1877 г.), гдѣ и оставалась чуть ли не цѣлыхъ два года.

Обращаясь, наконецъ, къ чумнымъ эпидеміямъ, посѣтившимъ въ XIX столѣтіи Россію, мы видимъ, что еще въ 1804, 1805 и 1806 гг. чума появлялась во многихъ кавказскихъ аулахъ и затѣмъ показалаь между татарами, живущими близъ Астрахани, а въ 1807 г. эта болѣзнь обнаружилась въ самомъ городѣ. Нѣкоторые авторы утверждаютъ, что эпидемія была занесена магометанскими богомольцами, которые пробирались изъ Мекки черезъ Персію вдоль по Каспійскому морю. Кромѣ Астраханской губерніи, поражено было нѣсколько уѣздовъ Саратовской, но дальше по Россіи чума не пошла, поражая и въ названныхъ губерніяхъ самыя жалкія бѣдныя деревушки. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 70 лѣтъ въ Астраханской губерніи не было ни одного случая чумнаго заболѣванія, хотя чума продолжала появляться и на Кавказѣ, и въ Персіи.

Въ году отечественной войны чума была въ Одессѣ, затѣмъ въ 1828 и 1829 гг. показывалась въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа и Закавказья, свирѣпствовала въ русской арміи, воевавшей съ турками (унесла 20 т. солдатъ), и появлялась на берегахъ Чернаго моря и на Кавказѣ и въ сороковыхъ, и въ пятидесятыхъ годахъ. Повсюду она гнѣздилась преимущественно въ бѣднѣйшихъ пограничныхъ деревушкахъ и не развивалась въ жестокую эпидемію.

Послѣднее появленіе чумы въ Европѣ было въ октябрѣ 1878 года, и многимъ еще памятна сенсация, произведенная этимъ визитомъ. Чума появилась въ казачьей станицѣ Ветлянка, на правомъ берегу Волги. Болѣзнь, переходя изъ дома въ домъ, охватила всю деревню и въ концѣ декабря достигла максимума своего развитія. Эпидемія окончилась въ январѣ 1879 года, унесла въ могилу 370 человекъ изъ числа 1,372 жителей станицы. Въ самый сильный разгаръ эпидеміи умирало отъ 30 до 40 человекъ въ день. Изъ Ветлянки болѣзнь занесена была въ цѣлый рядъ станицъ на правомъ и на лѣвомъ берегу Волги, но эпидемія не пошла дальше, благодаря принятымъ противъ нея радикальнымъ мѣрамъ, и общая цифра умершихъ во всей окрестности не превышала 480.

Спустя мѣсяць послѣ прекращенія ветлянской чумы, она появилась въ 200 миляхъ отъ Мекки, среди племени вагабитовъ, и держалась здѣсь около четырехъ мѣсяцевъ. Съ тѣхъ поръ чума, повидимому, нигдѣ не показывалась, хотя врядъ ли можно признать, что она окончательно вымерла. Этотъ вулканъ, по словамъ Паризе, зажженъ во времена Юстиніана и до сихъ поръ время отъ времени бросаетъ искры и угрожаетъ человѣчеству серьезнымъ изверженіемъ. Но все же можно съ увѣренностью сказать, что нынѣ тамъ, гдѣ почва не подготовлена нищетою, всяческою бѣдностью, неопрятностью и санитарными безобразіями, чума не можетъ имѣть мѣста и культурнымъ странамъ Европы ея нечего бояться. Въ современной Европѣ

чума не встрѣтитъ уже тѣхъ безобразій, которыя творились въ средніе вѣка, но это, конечно, не освобождаетъ насъ отъ сугубаго соблюденія всѣхъ мѣропріятій, рекомендуемыхъ гигиеническою наукой.

Желтая лихорадка представляетъ болѣзнь преимущественно теплыхъ странъ, и такъ какъ при всей раскинутости Россіи нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эта болѣзнь заберется къ намъ, то мы, минуя ее, перейдемъ прямо къ болѣе близкой намъ, еще не совсѣмъ оставившей насъ гостьѣ—холерѣ.

Во какое-нибудь полстолѣтіе съ 1830 по 1892 г. включительно холера появлялась въ Россіи 7 разъ и унесла за это время въ одной Россіи около $1\frac{1}{2}$ —2 милліоновъ людей. Были годы, когда холера появлялась въ Западной Европѣ (1884, 1885 и 1886 г.) и не трогала Россіи. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ центрахъ эпидемія холеры явственно проявляется все слабѣе и слабѣе съ каждымъ послѣдующимъ разомъ; такъ, наприм., въ Парижѣ холера въ 1832 году взяла 234 человекъ на каждые 10,000 жителей, въ 1849 году уже лишь 185, въ 1854 г.—74, а въ 1873 и 1874 гг. всего лишь по 4 человекъ.

Во Франціи и Италіи въ послѣднія эпидеміи преимущественно пострадали наиболѣе обездоленные мѣстности, гдѣ населеніе страдаетъ отъ нищеты и алкоголизма (Неаполь, Тулонъ и Марсель). То же явленіе повторилось и въ нашу послѣднюю эпидемію, которая, охвативъ въ нѣсколько мѣсяцевъ чуть ли не всю Россію, съ особымъ упорствомъ и жестокостью поразила мѣста наиболѣе загрязненныя, наиболѣе бѣдныя и наименѣе приготовленныя къ встрѣчѣ грознаго врага. Про холеру, однако, мы не имѣемъ пока никакого права сказать, что она утратила свою злокачественность, ибо, попрежнему, отъ нея умираетъ половина всѣхъ захворавшихъ. Очевидно, ядовитость самого микроба нисколько не ослабѣла и измѣнилась лишь почва, т. е. вся санитарная обстановка, которая уже не такъ благоприятна, какъ прежде, для болѣе свирѣпаго развитія эпидеміи. Старые врачи утверждаютъ, что въ прежнія эпидеміи судороги были сильнѣе, а изверженія болѣе обильныя, но это положеніе еще требуетъ подтвержденія. Число заболѣвающихъ, очевидно, уменьшилось, но изъ числа заболѣвшихъ умираетъ такъ же много, какъ и въ прежнія эпидеміи. Общественная санитарія, очевидно, сдѣлала успѣхи, а практическая медицина, повидимому, остается на точкѣ замерзанія. Тамъ, гдѣ успѣхи гигиены чувствуются всего сильнѣе, тамъ холера взяла наименьшее число жертвъ; такъ, въ послѣднюю эпидемію (1892 г.) въ Германіи пострадалъ почти только одинъ Гамбургъ, Англія совсѣмъ не пострадала, хотя не заводила у себя никакихъ карантинныхъ, Франція пострадала очень мало и т. д. Возьмите, наоборотъ, Испанію, въ которой вопросъ общественной гигиены пользуется классическимъ презрѣніемъ, и вы убѣдитесь, что холерная эпидемія 1886 г. (послѣдняя въ этой странѣ) такъ пощипала эту католическую неопрятную страну, какъ не щипала ни разу сосѣднюю Францію. Здѣсь за періодъ времени съ 5 февраля по 31 декабря 1886 года умерло отъ холеры 119 т.

человѣкъ, что при населеніи въ 16 милл. даетъ по 7 человѣкъ на всякую тысячу жителей. Столько не умерло и у насъ въ Россіи въ настоящемъ (2,3 на 1,000) году, а въ сосѣдней Франціи такая смертность отъ холеры была только 40 лѣтъ тому назадъ. Душевное состояніе, подъемъ духа играютъ также огромную роль въ перенесеніи эпидеміи. Еще Сенека называлъ страхъ «дурнымъ совѣтчикомъ», и, во всякомъ случаѣ, по отношенію къ заразнымъ болѣзнямъ и къ смерти страхъ является не болѣе, какъ недомыслиемъ. Извѣстно, что во всѣ эпидеміи трусы становятся всегда первыми жертвами, особенное же отношеніе это имѣетъ къ холерѣ, ибо поносъ, начальный симптомъ холернаго заболѣванія, служитъ также нерѣдко проявленіемъ приступа страха. А потому одинъ аббатъ былъ правъ, сказавъ на однѣхъ холерныхъ похоронахъ, что «un ne meurt du choléra qui quand on le vent» *).

Мы уже говорили, что нынѣ почти уже никто не сомнѣвается въ томъ, что перечисленные нами болѣзни обуславливаются живымъ контагіемъ во образѣ патогенныхъ микроорганизмовъ. Однако, для чумы эти микроорганизмы еще не найдены, почти также, какъ и для желтой лихорадки, несмотря на то, что самъ Пастёръ брался за рѣшеніе этой задачи, и несмотря на то, что рядъ бразильскихъ врачей претендуетъ на открытіе соотвѣтствующаго микроба. Съ холерой дѣло стояло не лучше, пока за нее не взялся знаменитый Р. Кохъ, уже получившій извѣстность за свое открытіе микроба бугорчатки. Кохъ былъ командированъ германскимъ правительствомъ въ Александрію для научнаго изслѣдованія холеры, вспыхнувшей въ этомъ городѣ. Изслѣдованія его относились къ 12 человѣкамъ больныхъ и къ 10 трупамъ. Коховская *запятая* извѣстна теперь всему свѣту, хотя цѣлый рядъ гигиенистовъ, особенно французскихъ, считаютъ это дѣло далеко не выясненнымъ и темнымъ, а нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи признаютъ самую холеру за форму сложную, вызываемую не одними микробами, не одною коховскою запятой, а нѣсколькими сортами специфическихъ микробовъ.

Не пускаясь въ дебри полемики контагіонистовъ и локалистовъ, изъ коихъ послѣдніе во главѣ съ знаменитымъ Несторомъ гигиены, профессоромъ Петтенкоферомъ, торжествуютъ побѣду по случаю благополучнаго окончанія произведеннаго Петтенкоферомъ эксперимента (профессоръ выпилъ стаканъ холерныхъ запятыхъ), рассмотримъ тѣ профилактическія мѣры, которыми современная санитарная наука ограждаетъ себя отъ чумы, желтой лихорадки и холеры. Эти мѣры бываютъ троякаго рода: онѣ или стремятся не допустить заразу въ извѣстную страну, или, если она въ нее проникла, стремятся ее уничтожить, или, наконецъ, бываютъ направлены къ имунизаціи всѣхъ жителей данной мѣстности.

Огражденіе территоріи карантинномъ является мѣрою наиболѣе старинной и наиболѣе быстро выполняемой на практикѣ. Вопросъ о карантинахъ

*) Отъ холеры умираютъ только при желаніи.

хотя и очень старь, но темень до безконечности. Дипломаты и санитарные врачи всѣхъ европейскихъ государствъ давно уже не могутъ прийти къ какому-либо однообразному рѣшенію этого вопроса. Англія смѣется надъ карантинами, Франція домогается ихъ и, наконецъ, третьи смотрять на это дѣло по вдохновенію: то учреждаютъ карантинны, то закрываютъ ихъ, то опаздываютъ съ ними, то пренебрегаютъ ими. Послѣдняя международная конференція, собравшаяся въ Римѣ въ 1885 г., не пришла ни къ чему опредѣленному, хотя въ составѣ ея были представители отъ 36 державъ (85 дипломатовъ и 22 врача). Между прочимъ, на этой конференціи было постановлено упразднить сухопутные санитарные кордоны, сухопутные карантинны и замѣнить ихъ мѣрами осмотра и леченія заболѣвшихъ на пограничныхъ станціяхъ. Отходящія суда подвергаются строгой дезинфекціи, на Красномъ морѣ учреждается строгая обсервація, особенно для судовъ, идущихъ изъ Индіи, и если на борту оказывается холера, то судно подвергается строгому карантину. Однако, повторяю, всѣ эти мѣры, предложенныя единодушно всѣми представителями, за исключеніемъ англійскихъ, остаются до сихъ поръ безъ санкціи и безъ движенія. Вообще карантинное устройство, введенное въ санитарную практику Европы въ XIV столѣтіи, въ эпоху знаменитой «черной смерти», пользуется нынѣ весьма малымъ кредитомъ въ ряду другихъ мѣръ оздоровленія и еще на вѣнской конференціи въ 1814 г. всѣ гигиенисты единодушно забраковали эту мѣру. Карантинны государственныя, — говорилъ покойный проф. А. П. Доброславинъ, — никогда никакой заразы не препятствовали распространяться на оцѣпленную ими мѣстность. Несмотря на заставы въ Россіи въ 1770 году, эпидемія достигла Москвы. Карантинны Марсели не задержали чумы въ Провансѣ. Карантинны не спасли Сирію отъ чумы въ 1837 году. Быть можетъ, нигдѣ нѣтъ настолько удобной мѣстности для огражденія ея карантинномъ, какъ Гибралтаръ, скала, вдающаяся въ море и соединенная съ материкомъ одною узкою косой. Но, несмотря на самый строгій карантинъ съ моря и суши въ 1806 году, холера не была имъ задержана, и Гибралтаръ понесъ отъ нея тяжелыя жертвы.

Проф. К. П. Ковальковскій прибавляетъ къ этому, что если въ нѣкоторыхъ мѣстности, огражденных карантинномъ, дѣйствительно не проникала эпидемія или не выходила изъ такой, въ которой она появилась раньше, вообще если эпидемія не переходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ за предѣлы карантиннаго огражденія, то это происходило вовсе не отъ карантинновъ, а отъ причинъ, ничего общаго съ карантинами не имѣющихъ и зависѣвшихъ либо отъ характера самой эпидеміи, либо отъ условій мѣстности, не благопріятствовавшихъ ея развитію, либо отъ чего-нибудь другого. По изслѣдованіямъ, наприм., сдѣланнымъ д-ромъ Рощининымъ, выяснилось, что въ 1831 и 1866 гг. не было холеры въ г. Петергофѣ не потому, что онъ подвергся строжайшему карантинному оцѣпленію, а потому, что условія самой мѣстности были неблагопріятны для развитія холеры.

Вообще самымъ слабымъ мѣстомъ карантинной системы является неиз-

вѣстность относительно срока, въ теченіе котораго зародыши инфекціонныхъ болѣзней могутъ оставаться въ скрытомъ состояніи какъ въ организмѣ человѣка, такъ и въ особенности въ его вещахъ. Оказывается, что эти зародыши очень долго могутъ оставаться въ скрытомъ состояніи, не обнаруживая своей жизнедѣятельности, и проявляютъ ее во всей силѣ, когда попадутъ въ благопріятныя для того условія. Такимъ образомъ, является полная невозможность для сколько-нибудь рациональнаго опредѣленія сроковъ пребыванія въ карантинѣ и подь обсерваціей. Если карантинъ, наприм., не связанъ съ дезинфекціей, то товары могутъ годами оставаться въ немъ и все же, по выпускѣ изъ карантина, могутъ разнести заразу по всей странѣ. Никакой карантинный кордонъ никогда не оставался ненарушеннымъ, и если людямъ не удавалось нарушить его, то сквозь него проникали товары, разныя вещи и животныя (птицы, мухи etc.), которыя также могутъ являться разносчиками заразы. Экономическій убытокъ, наносимый странѣ карантинномъ, громаденъ, польза же санитарная крайне сомнительна и нерѣдко самъ карантинъ и карантинный кордонъ, благодаря скопленію людей, является гнѣздомъ, концентрирующимъ заразу, откуда она и развозится по всей странѣ.

Противъ морскихъ карантинновъ представляютъ то возраженіе, что люди и товары, которымъ запертъ входъ въ одномъ мѣстѣ, проникаютъ въ страну какимъ-либо другимъ путемъ и морской карантинъ можетъ имѣть значеніе развѣ лишь для острововъ.

Эпидемія нѣкоторыхъ болѣзней такъ же быстро вспыхиваютъ въ странѣ, какъ и потухаютъ. Для примѣра возьмемъ холеру. Въ 1832 году санитарныя власти не успѣли оглянуться, какъ болѣзнь развилась въ Англии, перескочила въ Кале и очутилась въ Парижѣ. Съ такою же быстротой холера проявилась въ 1854 году во французской эскадрѣ во время крымской кампаніи. Полагаютъ, что холера прибыла съ почтовымъ пароходомъ изъ Марсели и въ теченіе пяти дней на двухъ только военныхъ судахъ французскаго флота заболѣло 619 человѣкъ. Черезъ 10 дней холера такъ же внезапно исчезла. А теперешняя холерная эпидемія въ Россіи? Въ іюнь мѣсяцѣ мнѣ пришлось ѣхать на Кавказъ,—ни по дорогѣ, ни на мѣстѣ нигдѣ еще не пришлось встрѣтить азіатской гостыи, а черезъ какіе-нибудь 1½ — 2 мѣсяца холерный пожаръ уже охватилъ 50 русскихъ губерній и нѣсколько областей.

Распространенію холеры, когда она является черезъ Красное море, благопріятствуетъ то обстоятельство, что санитарное благосостояніе большихъ городовъ, расположенныхъ по берегамъ Средизимнаго моря, крайне неблагопріятно. То же самое должно сказать про города и мѣстности, которыя встрѣчаютъ холера на нашей персидской границѣ. Если бы эти города были благоустроены, дома не загажены, если бы въ нихъ проведена была хорошая вода, если бы, словомъ, въ нихъ вопросы общественнаго здоровья заняли бы подобающее мѣсто, тогда весьма вѣроятно, что холера потухала бы въ этихъ мѣстахъ и не шла бы дальше. Если городу, гдѣ бы онъ ни

былъ расположенъ, грозитъ холера, то, прежде всего, городъ долженъ произвести основательную чистку. Очистить нужно не только задніе дворы, но и улицы и площади. Дезинфицирующихъ веществъ не должно жалѣть, всѣ отхожія мѣста и помойныя ямы должны быть фундаментально очищены, но особенно важно обратить вниманіе на питьевую воду, дабы невозможно было загрязнять ее даже внѣ города, въ мѣстностяхъ, уже пораженныхъ эпидеміей. Нечего и говорить, что всѣ эти ассенизаціонныя работы должны быть предприняты и выполнены до появленія въ городѣ эпидеміи, ибо въ противномъ случаѣ онѣ становятся опасными для персонала исполнителей.

Наиболѣе бѣдные кварталы, съ тѣснымъ населеніемъ, должны обратить на себя особое вниманіе. Здѣсь одни санитарные осмотры ничего не могутъ сдѣлать, дома бѣдняковъ нужно очищать и оздоравливать на общественный счетъ, бѣдняка нужно одѣть, накормить и научить и тогда лишь городу не страшна никакая холера. Къ числу второстепенныхъ задачъ относится распушеніе учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и расквартированіе войскъ мелкими частями и выводъ ихъ изъ казармъ, которыя также подлежатъ радикальной чисткѣ. Если эвакуація войскъ по какимъ-либо соображеніямъ невозможна, то необходимо приостановить маневры, учебные сборы и всякія утомительныя упражненія; весьма желательно при этомъ улучшить людямъ пищу, завести чайныя и проч.

Одна изъ первыхъ приуготовительныхъ мѣръ заключается въ открытіи одного или нѣсколькихъ холерныхъ госпиталей, въ которыхъ все было бы на случай появленія соответствующихъ больныхъ. Когда въ 1884 г. въ Парижѣ появилась холера, то для приѣма больныхъ было приспособлено 5 госпиталей, въ послѣднюю эпидемію въ Петербургѣ 4 и т. д. Кромѣ того, желательно раздѣлить городъ на участки и въ каждомъ устроить приѣмный покой, гдѣ бы врачъ могъ оказывать первую помощь заболѣвшихъ, до перевозки ихъ въ холерную больницу. Въ послѣднюю холерную эпидемію въ Россіи цѣлесообразность подобныхъ санитарныхъ участковъ признана многими русскими городами. Первое заболѣваніе имѣетъ обыкновенно мѣсто среди бѣдныхъ жителей города, причемъ по доставленіи больного въ больницу должно заняться основательною дезинфекціей его комнаты, по правиламъ, излагать которыя здѣсь было бы неумѣстно. Добавлю, что вещи больного или отправляются въ дезинфекціонную камеру, или сжигаются, съ уплатой за нихъ денегъ владѣльцу. Въ теченіе всякой заразной болѣзни медицинскій персоналъ, какъ высшій, такъ и низшій (фельдшера, сестры милосердія, санитарная прислуга и пр.), подвергается всего больше опасности заболѣванія,—это такъ сказать печальная привилегія этой профессіи. Последняя холерная эпидемія въ Россіи унесла въ могилу 12 врачей, нѣсколько человекъ студентовъ и не приведенное еще въ извѣстность количество сестеръ, фельдшеровъ, фельдшерницъ и санитарныхъ служителей. Весь этотъ персоналъ, особенно низшій, долженъ быть поставленъ по возможности въ наилучшія условія питанія, причемъ желательно щадить елико-возможно ихъ силы и не доводить до изнеможенія. Къ сожалѣнію, послѣдній

совѣтъ скорѣе легко дать, нежели выполнить при развитіи сколько-нибудь сильной эпидеміи. При выходѣ медицинскаго персонала изъ холерной больницы въ городъ, необходимо производить тщательную дезинфекцію всякаго выходящаго. Ношеніе какой-либо специальной одежды, ватнаго респиратора, не принося существенной пользы врачу, скорѣе дискредитировало бы его въ глазахъ публики и умаляло бы его значеніе въ смыслѣ приданія бодрости духа всѣмъ окружающимъ. Профессиональное хладнокровіе врача составляетъ могучее нравственное средство ободрить падающій духъ пациентовъ, легко поддающихся паническому страху. Врачъ, который не скрываетъ, что опасается за свою жизнь и боится сопригосновенія съ больными, теряетъ почву подъ собою и не можетъ овладѣть положеніемъ, внушивъ окружающимъ бодрость и энергію.

Погребеніе труповъ въ моменты большихъ эпидемій является дѣломъ первостепенной важности. Организациа этого дѣла представляетъ огромныя трудности, если смертность становится сколько-нибудь значительной. Въ московскую чуму 1770 г. это дѣло было поручено командѣ колодниковъ, которые, въ особыхъ смоляныхъ костюмахъ, баграми, выволакивали изъ домовъ трупы и клали ихъ на телѣги. То же самое практиковалось и въ Марсели въ 1720 г., и когда колодники сами всѣ перемерли, то трупы оставались неприбранными въ домахъ и на улицахъ и ихъ некому было предавать погребенію. Въ Парижѣ въ 1832 году пришлось также отказаться погребать холерные трупы обычнымъ порядкомъ, и явилась мысль устранять для нихъ общія могилы. Погребеніе должно совершаться на достаточной глубинѣ, должно быть обозначено число лицъ и время погребенія въ общей могилѣ, а также могила должна быть засыпана негашеною известью. Сожигательныя печи, которыя рекомендуютъ примѣнять въ моменты эпидемій, помимо всякихъ соображеній, которыя приводятся противъ сожженія труповъ вообще, именно и негодны въ эпохи эпидемій, такъ какъ самая лучшая печь не можетъ сжигать болѣе 20 труповъ въ сутки. Такимъ образомъ, если въ городѣ, положимъ, будетъ до 1,000 покойниковъ въ день, то для сожженія ихъ потребовалось бы 50 печей, которыя, работая день и ночь, едва бы справились съ своимъ дѣломъ. Рошардъ высчитываетъ, что если бы въ Парижѣ были подвергнуты сожженію всѣ холерные трупы (въ 1832 г.), то на это потребовалось бы израсходовать не менѣе 2 милл. фр.

Мы сказали выше, что одною изъ мѣръ, предупреждающихъ заболѣваніе населенія данною инфекціонною болѣзною, является сообщеніе всему населенію иммунитета по отношенію къ данному заболѣванію. Всему населенію нужно сдѣлать, такъ сказать, предварительную прививку. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ санитарная наука располагаетъ только одною предохранительною прививкою, гарантирующею человѣчество отъ заболѣванія, натуральною оспой, для другихъ же заразныхъ болѣзней такихъ прививокъ пока еще не изобрѣтено. Для предупрежденія холерной заразы, правда, предложены предохранительныя прививки (Ферранъ, Хавкинъ, Клемпереръ),

но пока значеніе ихъ далеко еще не выяснено и люди науки не рѣшаются рекомендовать ихъ для всеобщаго употребленія.

Наконецъ, ради полноты, слѣдуетъ упомянуть о смѣломъ предложеніи международной экспедиціи на мѣста, снабжающія Европу экзотическими болѣзнями, и о производствѣ тамъ ассенизационныхъ работъ для искорененія на мѣстѣ источниковъ заразы. Однако, эти проекты требуютъ для своего осуществленія столькихъ милліардовъ, что о нихъ серьезно пока никто не рѣшается и заикаться.

По отношенію къ другой группѣ заразныхъ болѣзней, акклиматизировавшихся съ незапамятныхъ временъ въ Европѣ, у насъ не остается слабаго утѣшенія въ видѣ устройства карантинной линіи, ибо болѣзни этой группы, всѣ эти тифы, оспа, скарлатина, корь, дифтеритъ, бугорчатка и пр., до такой степени сроднились съ нами, что не пустить ихъ въ намъ или уйти отъ нихъ не представляется никакой возможности.

Начнемъ наше разсмотрѣніе съ оспы, какъ наиболѣе смертоносной болѣзни, появившейся раньше корь и скарлатины. Оспа представляетъ какъ бы переходную ступень между тифами и чумой, вѣрною спутницей которой долго и была натуральная оспа. Ужасъ, внушаемый нѣкогда этою болѣзью, былъ не меньше страха передъ чумой. Подобно чумѣ, оспа пришла къ намъ съ Востока приблизительно въ VI вѣкѣ *). Никакія упорныя кровопролитныя войны, никакая семилѣтняя или тридцатилѣтняя война не могутъ соперничать съ тѣми ужасными опустошеніями, которыя производятъ повальные болѣзни въ средѣ человѣчества. Какая-нибудь холера или оспа уносятъ въ очень короткій промежутокъ времени гораздо больше жертвъ, чѣмъ 30 самыхъ губительныхъ сраженій, произведенныхъ по всѣмъ правиламъ современнаго военнаго искусства. Какъ ни изобрѣтателенъ человѣскій умъ, но всѣ его митральезы, бездымный порохъ и крупновскія пушки являются дѣтскими невинными игрушками сравнительно со смертельнымъ губительнымъ дуновеніемъ повальныхъ болѣзней, подъ влияніемъ которыхъ нерѣдко вымираютъ цѣлыя поколѣнія людей и чуть ли не половина населенія всей страны.

Впервые оспенная болѣзнь ясно описана Григоріемъ Турскимъ подъ именемъ поносной болѣзни или слабой чумы. Въ самыхъ древнихъ китайскихъ и индѣйскихъ рукописяхъ имѣются указанія, свидѣтельствующія о страшныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ оспою, дуновение которой превращало цѣнныя населенныя области въ безлюдныя пустыни. Индія считаетъ, что оспа занесена въ нее изъ Китая еще за 1½ тысячи лѣтъ до Р. Х., причѣмъ нѣкоторые историки пресерьезно увѣряютъ, что постройка великой китайской стѣны остановила дальнѣйшее занесеніе болѣзни изъ Китая въ Индію. Изъ Индіи войска Александра Македонскаго распространили оспу по всѣмъ областямъ, куда они только ни появлялись. За два вѣка до Р. Х. оспенная

*) *Дженнеръ Эд. Его жизнь и научная дѣятельность.* Биографическій очеркъ В. Святловскаго. *Биографическая бібліотека Ф. Павленкова.* Спб., 1892 г.

эпидемія свирѣпетовала въ войскахъ Марка Авредія и отъ нея погибъ онъ самъ. За 60 лѣтъ до Р. Х. та же болѣзнь, по описанію Діонисія Галикарнаскаго, произвела страшнѣйшія опустошенія въ Римѣ. Начиная съ VI вѣка по Р. Х. оспа постепенно захватываетъ весь Востокъ, наше Закавказье, которое, подобно Китаю и Индіи, выработало особый способъ предохраненія отъ оспы въ видѣ прививокъ. Съ XI ст. оспа хозяйничаетъ уже по всемъ прибрежнымъ странамъ Средиземнаго моря и въ Бургундіи уноситъ въ могилу супругу бургундскаго короля, за что оба лейбъ-медика короля заплатили жизнью: ихъ велѣно было попросту казнить. Въ Византіи натуральная оспа появилась при Юстиніанѣ вмѣстѣ съ войсками, прибывшими изъ Африки подъ начальствомъ Азція. Въ Аравіи при Магометѣ свирѣпетовала страшная оспа и позже мавры разнесли болѣзнь въ VII вѣкѣ въ Сирію, Палестину, Египетъ, Персію, а въ VIII—въ Сицилію, Италію, Испанію и Францію.

Арабскіе врачи оставили прекрасное описаніе оспы, а Константинъ Африканскій далъ ей названіе «variola». Особенно сильно распространилась оспа по Европѣ послѣ крестовыхъ походовъ и крестоносцы считаются первыми устроителями больницъ для оспенныхъ больныхъ. Вообще въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ свирѣпетуютъ страшныя эпидеміи оспы, причѣмъ смертность отъ этой болѣзни была ужасающей и доходила до 80%, то-есть была сильнѣе теперешней холеры. Въ серединѣ XV вѣка оспа совершенно уже акклиматизировалась въ Европѣ и не проникала еще въ Россію, гдѣ первое появленіе ея относятъ къ XVII вѣку. Въ томъ же столѣтіи, т.-е. въ XV, оспу перевезли европейцы въ Америку, гдѣ злокачественность ея обнаружилась еще рѣзче, такъ какъ цвѣтныя племена оказались еще болѣе воспримчивыми къ этой болѣзни, чѣмъ бѣлыя расы. И нынѣ еще принято за правило при пріѣздѣ въ европейскіе города странствующихъ трупъ краснокожихъ индѣйцевъ и негровъ немедленно подвергать весь персоналъ этихъ трупъ привитію предохранительной оспы, дабы они не получили натуральной и не послужили гнѣздомъ заразы, опаснымъ для всего населенія. Когда въ 1788 году европейцы завезли оспу въ Портъ-Джаксонъ (нынѣшній Сидней) въ Австралію, она сразу почти уничтожила одно туземное племя. Также трагичны были заносы этого бича въ дѣвственный Новый Свѣтъ. Здѣсь цѣлыя племена были стерты съ лица земли этою страшною болѣзнію, занесенною слутниками Пизаро, Кортеса и другихъ искателей золота. Вымираніе нашихъ остяковъ въ Сибири, жителей Гренландіи и Исландіи представляетъ явленіе того же порядка. Съ XVIII столѣтія оспу можно считать болѣзнію, которая акклиматизировалась на всемъ земномъ шарѣ.

Нѣкоторые годы прошлаго столѣтія и даже начала нынѣшняго отиѣчены особенно страшными эпидеміями, не щадившими никого. Болѣзнь проникла одинаково легко во дворцы богачей, какъ и въ конуры бѣдняковъ.

Такъ, 18 января 1730 года отъ нея умеръ въ Москвѣ юный императоръ Петръ II, который, по рассказамъ, заразился ею отъ своего друга, князя Долгорукова, и, прохворавъ 12 дней, скончался на 15 году жизни.

Въ Австріи двѣ эрцгерцогини и супруга императора Іосифа II умерли отъ натуральной оспы; сама красавица императрица Марія-Терезія едва спаслась отъ этой страшной болѣзни, которая испортила навсегда черты ея лица. Въ семьѣ Вильгельма III отъ оспы умерли его отецъ, мать, жена, затѣмъ дядя, двоюродные братъ и сестра, наконецъ, самъ онъ заразился и едва не умеръ. Іосифъ I въ Австріи умеръ также отъ оспы. Во Франціи король Людовикъ XV, въ 1774 году, погибъ отъ натуральной оспы, брошенный своими близкими и испуганными придворными. Людовикъ XV заразился оспою на 64 году своей жизни, имѣлъ эту болѣзнь въ первый разъ на 14 году, такъ что врачи въ первое время не хотѣли и думать, что болѣзнь короля есть оспа,—до такой степени въ то время существовала увѣренность, что оспа вторично не появляется у человѣка, однажды перенесшаго это страданіе. Однако, и прежде не всё безусловно умирали, будучи поражены оспой; тотъ, кто оставался живъ, сохранялъ навсегда непривлекательные слѣды ужасной заразы; лицо покрывалось безобразными язвами, оспенныя язвы часто съѣдали ноздри, и человѣкъ, нерѣдко утрачивая зрѣніе и слухъ, приобрѣталъ навсегда слабость организма. Изъ отчета дома призрѣнія слѣпыхъ въ Лондонѣ, напечатаннаго въ началѣ XIX столѣтія, видно, что изъ всѣхъ слѣпыхъ, проживавшихъ въ этомъ домѣ, три четверти лишились зрѣнія отъ оспы.

Изъ всего сказаннаго легко можно составить понятіе, сколько горя, слезъ и страданій вносила эта болѣзнь въ человѣческую жизнь и какой ущербъ наносила государству и отдѣльнымъ лицамъ. По приблизительному исчисленію, прежде чѣмъ Дженнеръ указалъ на способъ предохранять себя отъ этой тягостной болѣзни, ежегодно отъ нея умирало въ Азіи около милліона людей, а въ Европѣ около полумилліона. Де-Кандаминъ высчиталъ, что въ одной Франціи въ началѣ XVIII столѣтія одна десятая общей смертности приходилась на оспу. Въ концѣ XVIII столѣтія оспа такъ часто поражала людей, что считалось, будто ни одинъ человѣкъ не можетъ обойтись безъ этого страданія, подобно тому, какъ нынѣ считается чуть не обязательнымъ всякому похворать корью. Гильдебрандтъ въ 1787 г. такъ выразилъ это мнѣніе: «Если данный субъектъ умеръ, не болѣя ни разу оспой, то надо полагать, что у него была оспа въ утробѣ матери». До открытія предохранительной прививки оспа изъ трехъ дѣтей уносила одного. Въ странахъ, куда не проникла до сихъ поръ вакцинація, болѣзнь до сихъ поръ остается страшной по силѣ смертности (Центральная Африка, Суданъ, озеро Чадъ и пр.). Въ цивилизованныхъ культурныхъ странахъ натуральная оспа уже не проявляется нынѣ въ видѣ большихъ эпидемій, но держится въ нихъ постоянно и занимаетъ довольно видное мѣсто въ смертности тѣхъ странъ, гдѣ предохранительная прививка оспы не составляетъ обязательной мѣры.

Бертильонъ опубликовалъ статистику смертныхъ случаевъ, произведенныхъ въ 1889 году оспою, скарлатиной и корью въ 12 главнѣйшихъ городахъ Европы (Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Глазго,

Брюссель, Марсель, Копенгагенъ, Единбургъ, Христіанія и Магдебургъ). Оказалось, что на 11.514,455 обитателей всѣхъ этихъ городовъ въ означенномъ году умерло 2,237 отъ оспы. Эта потеря, конечно, ничтожна сравнительно съ тѣмъ, что мы теряли въ XVII и XVIII столѣтіи отъ этой болѣзни, но и подобная потеря громадно велика, если мы вспомнимъ, что уже въ течение цѣлаго столѣтія челоувѣчество обладаетъ средствомъ не давать ни одной жертвы на алтарь этой болѣзни.

У насъ въ Россіи не мало еще остается мѣстностей, гдѣ натуральная оспа не исчезаетъ круглый годъ, и этотъ фактъ тѣмъ болѣе печаленъ, что болѣзнь совершенно исчезла изъ многихъ европейскихъ армій, благодаря повторнымъ ревакцинаціямъ, и что націи, которыя ввели у себя *обязательное оспопрививаніе*, также совершенно освободились отъ этого заболѣванія. Обязательное оспопрививаніе введено съ 1867 года въ Англіи и съ 1874 г. въ Германіи и въ Бельгіи, но не въ Россіи, какъ это утверждаетъ Рошардъ. Со времени введенія обязательнаго оспопрививанія въ Лондонѣ смертность отъ оспы упала съ 30,2 на 100,000 чел. на 3,4. Въ Берлинѣ съ 22,5 на 0,3. Въ Швейцаріи обязательное оспопрививаніе введено въ декабрѣ 1881 г. и съ тѣхъ поръ смертность отъ этой болѣзни повсемѣстно уменьшилась, но вотъ съ 1883 г. въ Цюрихскомъ кантонѣ послѣдовала отміна этого благодѣтельнаго закона и смертность чувствительно стала увеличиваться отъ этой болѣзни. Въ Россіи дѣло оспопрививанія поставлено очень печально. Въ 1815 г. въ Россіи былъ учрежденъ оспопрививательный комитетъ, на обязанности котораго лежало составленіе списковъ дѣтей, коимъ оспа не была еще привита, и подготовленіе искусныхъ оспенниковъ. Съ легкой руки этого комитета наша страна и поднесъ обладаетъ цѣлою арміею невѣжественныхъ оспенниковъ. Врачи, студенты, учителя и священники представляютъ каплю въ этомъ морѣ необразованныхъ людей. Неудивительно поэтому, что у насъ народъ издавна смотритъ на оспопрививаніе, какъ на тяжелую форму повинности, отъ которой необходимо отказаться. Пьяные оспенники со своими грязными инструментами вселяютъ страхъ и ужасъ въ матерей, а съ инородцами они, не стѣсняясь, продѣлываютъ такіе фокусы, которымъ и повѣрить трудно. Несомнѣнно, что все это вмѣстѣ взятое обуславливаетъ, почему въ Россіи оспа и до сихъ поръ остается страшною болѣзнію и эпидеміи ея и до сихъ поръ отличаются стихійною силой, унося въ годъ не менѣе 25 т. челоувѣкъ. Особыми врагами оспопрививанія въ Россіи должно считать, кромѣ невѣжества населенія, недостаточность средствъ, отпускаемыхъ на организацію дѣла (наприм., на всю Семирѣченскую область было отпущено въ 1888 году для этой цѣли 25 руб.). Въ одномъ только 1888 году было у насъ 24 случая сопротивленія оспопрививанію въ губерніяхъ Казанской, Пермской и Костромской. *Обязательность* оспопрививанія должно разсматривать, какъ большое благо для страны. Вопросы личной свободы здѣсь, конечно, не причемъ. Границами личной свободы всегда были и будутъ свобода другого лица и общее благо. Отецъ семьи также точно не

имѣть права держать у себя непривитыхъ дѣтей, которыя, заболѣвъ оспой, распространять болѣзнь по всему кварталу, какъ не имѣть онъ права загромождать свой погребъ динамитомъ подъ предлогомъ, что онъ не вѣрять во взрывчатыя свойства этого вещества.

Въ Америкѣ не существуетъ обязательнаго оспопрививанія, но за то оспенныхъ больныхъ третируютъ, какъ чумныхъ. Всякій американскій врачъ, подъ страхомъ тяжелаго штрафа, обязанъ извѣстить санитарную власть, что въ такомъ-то домѣ появился оспенный больной, а санитары могутъ насильственно перевести больного въ оспенную больницу, если признаютъ домашнюю обстановку его неудовлетворительною съ точки зрѣнія изоляціи отъ общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти мѣры нарушаютъ индивидуальную свободу въ гораздо большей степени, чѣмъ обязательное дозволеніе сдѣлать себѣ нѣсколько уколовъ на рукѣ. Обязательнаго оспопрививанія не имѣютъ Австрія, Италія и Испанія, не имѣетъ его и Франція, хотя давно домогается устами лучшихъ своихъ гигиенистовъ и общественныхъ дѣятелей. Но, прежде чѣмъ вводить въ странѣ обязательное оспопрививаніе, нужно организовать это дѣло такъ широко, чтобы дѣйствительно *всякій желающій*, всякій крестьянскій ребенокъ *могъ* безотлагательно и даромъ, за счетъ государства, воспользоваться прививкой. На гренобльскомъ конгрессѣ Ропардъ предлагалъ организовать это дѣло на слѣдующихъ основаніяхъ.

Въ каждой губерніи (или, еще лучше, уѣздѣ) долженъ быть свой особый врачъ, завѣдующій оспопрививаніемъ, обязанный ежегодно дважды, лѣтомъ и осенью, посѣтить всѣ волости и лично привить всѣхъ дѣтей и взрослыхъ, которые того пожелаютъ. Маршруты такихъ оспопрививательныхъ поѣздокъ составляются заранѣе и въ нихъ заблаговременно назначается часъ и день посѣщенія врачомъ извѣстнаго селенія. Означенный врачъ приглашается земствомъ или правительствомъ. При всякомъ врачѣ, завѣдующемъ оспопрививаніемъ, долженъ быть организованъ оспенный тележникъ, какъ резервуаръ для полученія вакцины. Надзоръ за оспенными врачами Ропардъ для Франціи полагаетъ сосредоточить въ рукахъ особыхъ инспекторовъ, которыхъ достаточно четверыхъ для всей страны. Ропардъ высчитываетъ даже, что для всей Франціи подобная организація (оспенный врачъ получаетъ содержанія 2,000 фр., а инспекторъ 10,000) обойдется не болѣе 770,000 франковъ въ годъ, тогда какъ теперь оспа уноситъ ежегодно средствъ на 9—10 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ, введеніе обязательнаго оспопрививанія дало бы странѣ даже значительную экономію.

Корь появилась, какъ мы уже упоминали, въ VI вѣкѣ и эту болѣзнь довольно долго смѣшивали съ оспой. За исключеніемъ нѣсколькихъ океаническихъ группъ острововъ, болѣзнь эта нынѣ распространена по всему земному шару. Въ цивилизованныхъ странахъ изъ всѣхъ сыпныхъ заболѣваній корь среди дѣтей производитъ наибольшее опустошеніе. Въ той же статистикѣ Бертильона, на которую я указывалъ выше, отмѣчено, что

въ 12 крупныхъ городахъ Европы въ 1883 году умерло отъ оспы 2,237 человекъ, отъ скарлатины 4,145 и отъ кори 7,449. Въ одномъ только Парижѣ за пятнадцатилѣтній періодъ времени (съ 1869 — 1885 г.) отъ кори умерло 13,229 дѣтей, отъ оспы 6,226 и 786 отъ скарлатины. Такимъ образомъ, можно считать, что среднимъ числомъ въ годъ корь уноситъ 6 человекъ изъ 10,000, и такъ какъ извѣстно, что въ общемъ эта болѣзнь далеко не злокачественная, то не трудно понять, какъ громадно должно быть общее число заболѣвшихъ, если такъ велико число умершихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ наше время рѣдкій ребенокъ вырастетъ, не перехворавъ корью. Эпидеміи кори по злокачественности весьма разнообразны и въ нѣкоторыхъ плохо устроенныхъ дѣтскихъ больницахъ нерѣдко изъ ста заболѣвшихъ умираетъ 50 человекъ. Во время осады Парижа въ одной казармѣ заболѣло 457 солдатъ корью, изъ нихъ умерло 168 человекъ, что даетъ 36,7%.

Скарлатина появилась въ Европѣ гораздо позднѣе оспы и кори, причѣмъ это появленіе произошло совершенно незамѣтно и не сопровождалось такими ужасами, какіе, наприм. характеризовали появленіе оспы.

Собственно говоря, до сихъ поръ точно не выяснено время появленія этой болѣзни и ее долго смѣшивали съ другими острыми сыпями, и первое достовѣрное описаніе этого заболѣванія относится къ бреславской эпидеміи, бывшей въ 1625 году. Начиная съ этой эпохи, скарлатина хотя и распространилась повсемѣстно, но область ея владѣній осталась гораздо меньшей, чѣмъ оспы и кори. Скарлатина далеко не такая космополитка, какъ эти болѣзни, и предпочитаетъ по преимуществу холодныя, сырыя мѣстности. Съ приближеніемъ къ югу и на югъ болѣзнь совсѣмъ утрачиваетъ свою злокачественность. На тропикахъ она встрѣчается крайне рѣдко и эпидемію скарлатины, описанную для Центральной Африки, по мнѣнію знаменитаго французскаго эпидемиолога Л. Коллена, должно считать всего вѣроятнѣе за другую болѣзнь.

На сѣверѣ Европы, наоборотъ, скарлатина считается очень серьезною болѣзнию. Въ Бельгійи смертность отъ нея не меньше, чѣмъ отъ кори; въ Англіи эта болѣзнь даетъ наибольшую смертность среди другихъ заболѣваній и уноситъ въ могилу столько жертвъ, сколько брюшной и сыпной тифъ, вмѣстѣ взятые. Въ Англіи, среднимъ числомъ, ежегодно отъ скарлатины умираетъ по 15 т. человекъ. Въ 1834 г. эта болѣзнь стоила Великобританіи большаго количества жертвъ, чѣмъ холера и въ 1864 г.,—отъ нея умерло 30 т. человекъ. Такъ же злокачественны эпидеміи этой болѣзни въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и въ Финляндіи, но на западѣ Европы болѣзнь отличается гораздо большею доброкачественностью. По ту сторону Атлантическаго океана въ прибрежной полосѣ скарлатина весьма злокачественна и въ Филадельфійи уноситъ въ 20 разъ больше жертвъ, чѣмъ въ Парижѣ, а въ Канадѣ такъ же злокачественна, какъ въ Лондонѣ и въ Эдинбургѣ. Въ Россіи скарлатина акклиматизировалась и въ 24 наибольше крупныхъ городахъ, считая въ томъ числѣ обѣ столицы, умерло въ

1888 году 2,068 человекъ отъ скарлатины при общемъ населеніи всѣхъ городовъ въ 4 милліона (т.-е. 0,005 на 10,000 населенія). Злокачественность скарлатины далеко не одинакова въ различныхъ губерніяхъ Россіи, но точныхъ цифровыхъ данныхъ по этому вопросу, къ сожалѣнію; не имѣется.

Заразительность скарлатины (прилипчивость) идетъ рука объ руку съ ея злокачественностью; наприм., въ парижскихъ госпиталяхъ, гдѣ скарлатина вообще доброкачественна, скарлатинозныхъ больныхъ не принято обособлять отъ другихъ больныхъ, причемъ французскіе врачи ни разу не наблюдали, чтобы въ самомъ госпиталѣ кто-либо заразился отъ этихъ больныхъ. Въ Россіи же и въ Англій скарлатина такъ же заразительна, какъ оспа и дифтеритъ.

Къ сожалѣнію, изъ числа острыхъ сыпныхъ заболѣваній (оспа, корь, скарлатина) только для одной оспы имѣется предохранительная прививка, для кори же и для скарлатины ничего подобнаго не существуетъ. Одно время считали белладону хорошимъ презервативомъ отъ скарлатины, но это утвержденіе оказалось вздоромъ и до сихъ поръ предохранить дѣтей отъ кори и скарлатины можно лишь общими мѣрами изоляціи и дезинфекціи вещей больныхъ и мѣстъ, гдѣ были заболѣванія.

Нынѣ почти во всѣхъ городахъ Европы и Америки острыхъ сыпныхъ больныхъ отдѣляютъ, изолируютъ отъ другихъ госпитальныхъ больныхъ, или же даже устраиваютъ для этихъ заболѣваній совершенно обособленныя больницы. Подобная мѣра, какъ извѣстно, практикуется также по отношенію къ тифознымъ больнымъ. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи, не считая столицъ, это дѣло находится въ зачаткѣ и дальше изоляціи больныхъ въ особыя «заразные отдѣленія», находящіяся подъ одною крышею съ «общею» больницей, дѣло пока не идетъ.

Въ Лондонѣ устройство отдѣльныхъ заразныхъ госпиталей породило такую общественную бурю, устроенныя больницы вызвали на себя столько жалобъ и нареканій со стороны сосѣдей, что въ 1884 году было рѣшено всѣ ихъ закрыть и устроить плавучій заразный госпиталь на Темзѣ, для каковой цѣли и были приспособлены три старыхъ морскихъ судна. Этотъ плавучій госпиталь предназначенъ специально для оспенныхъ больныхъ, причемъ одинъ изъ кораблей служить исключительно для помѣщенія больницы администраціи, а два другихъ приспособлены для принятія 350 чел. оспенныхъ больныхъ. Для служащихъ въ этомъ госпиталѣ и для медицинскаго персонала существуетъ цѣлая подробная инструкція относительно дезинфекціи платья и самихъ себя при выходахъ въ городъ и вообще при оставленіи больницы. Выздоровливающіе также не отпускаются прямо въ городъ: сперва ихъ переводятъ въ загородный барачный госпиталь и затѣмъ уже отсюда, снабдивъ новымъ платьемъ и выкупавъ въ ваннѣ, ихъ отпускаютъ на всѣ четыре стороны. Въ теченіе 14 мѣсяцевъ бараки и палатки этой больницы для реконвалесцентоу дали пріютъ 10,000 человекъ. Одновременно больница можетъ дать пріютъ для 1,000 человекъ. Вся

программа борьбы съ острыми сыпями сводится, въ сущности, къ слѣдующимъ 5 пунктамъ: 1) устройство особыхъ изоляціонныхъ больницъ или отдѣленій по возможности внѣ города; 2) организація перевозныхъ средствъ для доставленія въ больницу заболѣвшихъ; 3) устройство дезинфекціонной камеры для вещей заболѣвшихъ; 4) организація санитарнаго отряда для дезинфекціи квартиръ, гдѣ были заболѣванія, и 5) устройство пріюта для выздоравливающихъ. Тотъ городъ, который выполнилъ эту программу, можетъ считать себя стоящимъ на высотѣ требованій, предъявляемыхъ къ нему санитарною наукой.

Вообще санитарная наука въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей требуетъ изоляціи оспенныхъ, коревыхъ и скарлатинозныхъ больныхъ, присоединяя къ нимъ и дифтеритъ, этотъ четвертый бичъ современнаго молодого поколѣнія. Изоляція для коклюшныхъ больныхъ врядъ ли необходима, ибо, во-первыхъ, дѣтей съ этою болѣзнью рѣдко помѣщаютъ въ больницу, а, во-вторыхъ, потому, что лучшимъ леченіемъ для коклюша служитъ открытый воздухъ, прогулки и даже путешествія, перемѣна мѣста. Но и изоляція для четырехъ главныхъ болѣзней дѣтскаго возраста (оспа, корь, скарлатина и дифтеритъ) должна быть неодинаковая, и если для оспенныхъ больныхъ необходимы особые госпитали, то, наприм., для коревыхъ и скарлатинозныхъ можно довольствоваться устройствомъ особыхъ отдѣленій при общихъ больницахъ, такъ какъ эти больные во время высыпанія не выдерживаютъ дальней перевозки, а дифтеритныхъ нерѣдко везутъ въ больницу лишь въ моментъ, когда хотятъ дѣлать трахеотомию. Нечего и говорить, что посѣщеніе родителями маленькихъ больныхъ можетъ быть дозволено лишь въ крайнихъ случаяхъ, и, притомъ, съ соблюденіемъ при выходѣ изъ госпиталя всѣхъ условій дезинфекціи, которыя установлены и для госпитальнаго персонала. Изоляція дома, въ особенности въ бѣдныхъ семьяхъ, въ квартирахъ бѣдняковъ, дѣло крайне затруднительное, не только благодаря экономическимъ соображеніямъ, но и благодаря отсутствію у большинства сознательнаго отношенія къ вопросу о contagiозности даннаго заболѣванія. Дезинфекція и изоляція въ квартирѣ бѣдняка почти такъ же немислимы, какъ онѣ немислимы въ бѣдныхъ крестьянскихъ хатахъ, гдѣ все имущество нужно сжигать, а изолировать одного заболѣвшаго отъ другихъ, при наличности одной лишь комнаты, совершенно некуда. Этимиъ объясняется, почему въ нѣкоторыхъ странахъ законъ обязываетъ, наприм., всѣхъ оспенныхъ больныхъ помѣщать въ спеціальную больницу. Такъ поступаютъ Пруссія, Ганноверъ, многіе города Соединенныхъ Штатовъ Америки и такъ, вѣроятно, современемъ будетъ поступать вся Европа. Весьма щекотливымъ вопросомъ повсемѣстно является вопросъ о донесеніи подлежащей власти о томъ, что въ домѣ появилась заразная болѣзнь. Кто собственно долженъ дѣлать подобное донесеніе? Родителей, конечно, не убѣдишь доставлять подобныя донесенія. И врачи, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи, очень неохотно пишутъ подобныя «донесенія», и, пожалуй, правъ Рошардъ, находя, что преступно заставлять врача писать эти донесенія, такъ какъ

ими онъ нарушаетъ профессиональную тайну и создаетъ себѣ ненормальное положеніе въ семьѣ, въ которую призванъ лечить. «Донесеніе» врача въ подобныхъ случаяхъ нельзя разсматривать какъ чисто-научный актъ, ибо таковой влечетъ за собой иногда насильственную перевозку больного въ госпиталь, появленіе въ домѣ санитаровъ и тому подобныя пріятныя вещи, послѣ которыхъ доктору нельзя и показаться въ этотъ домъ. Во времена эпидемій въ бѣдныхъ кварталахъ и безъ того не очень-то радостно встрѣчаютъ врачей, а если вслѣдъ за ихъ визитомъ будутъ являться санитарно-полицейскія власти для доставленія больныхъ въ госпиталь, то врачи своимъ появленіемъ вызовутъ самыя дурныя чувства. Въ странахъ, гдѣ полицію плохо слушаютъ и совсѣмъ не уважаютъ, тамъ всѣ насильственныя эвакуаціи и перевозки больныхъ въ госпитали могутъ сопровождаться такими взрывами народныхъ страстей, что было бы, пожалуй, тактичнѣе и не прибѣгать къ означенной мѣрѣ. Все спасеніе въ этихъ случаяхъ заключается въ распространеніи среди массы просвѣщенія, знаній и въ пропагандѣ среди родителей здравыхъ идей относительно заразныхъ болѣзней, ихъ прилипчивости и пр.

Парижская медицинская академія, будучи приглашена высказаться по вопросу о томъ, въ теченіе какого времени ученикъ, пораженный заразною болѣзью, долженъ воздерживаться отъ посѣщенія школы, установила по этому поводу слѣдующія нормы, которыя должны быть хорошо извѣстны учебнымъ вѣдомствамъ всѣхъ странъ. Изоляція въ теченіе сорока дней рекомендуется при оспѣ, скарлатинѣ и дифтеритѣ и въ теченіе двадцати пяти дней для кори, вѣтреной оспы и заушницы, причемъ въ обоихъ случаяхъ передъ возвращеніемъ въ школу ребенокъ долженъ получить ванну, а платье его должно быть дезинфицировано. Кромѣ платья, дезинфекціи подлежатъ также мебель, постель и стѣны той комнаты, гдѣ лежалъ больной.

Для выполнения нашей задачи намъ остается еще разсмотрѣть дифтеритъ, тифозныя заболѣванія и чахотку, какъ страданія, которыя имѣютъ огромное вліяніе на общую смертность, хотя ни развитіе ихъ, ни способъ распространенія, ни самая частота не имѣютъ между собою ничего общаго.

Дифтеритъ, подобно кори и скарлатинѣ, считается по преимуществу болѣзью дѣтскаго возраста и у насъ въ Россіи всегда замѣчается особый параллелизмъ этого страданія со скарлатиной.

Въ русскихъ деревняхъ, въ Малороссіи скарлатинозная ангина зачастую осложняется дифтеритомъ. Начало, т.-е. моментъ появленія этой болѣзни на землѣ, неизвѣстно. Несомнѣнно, однако, что Аретей описалъ дифтеритъ подъ именемъ сирійской язвы въ I вѣкѣ и что затѣмъ лишь въ концѣ XVI столѣтія болѣзнь показала въ Испаніи, проникла въ Италію и опустошила большіе острова Средиземнаго моря. Въ XVIII столѣтіи дифтеритъ появился на сѣверѣ Европы, во Франціи, Англии и Швеціи, и въ 1771 году занесенъ былъ въ Америку. Въ предѣлахъ Россіи дифтеритъ появился лишь въ 1858 году и съ тѣхъ поръ свилъ себѣ прочное гнѣздо на нашемъ югѣ, и вообще теперь не осталось мѣстности въ Европѣ, гдѣ бы ни хозяйничала эта ужасная болѣзнь.

Дифтеритъ имѣеть ту особенность, что онъ никогда не удаляется изъ той мѣстности, въ которую забрался. По временамъ онъ почти исчезаетъ, но спустя нѣкоторое время снова появляется и совсѣмъ никогда не угадаетъ, какъ то дѣлаетъ, наприм., холера.

Дифтеритическая зараза даетъ особенно охотно небольшія «домовыя» эпидеміи, причеиъ нерѣдко болѣзнь уноситъ одного за другимъ всѣхъ дѣтей цѣлой семьи и падить взрослыхъ. Изъ числа взрослыхъ особенно воспримчивыми оказываются матери и врачи: матери потому, что онѣ не отходятъ отъ своихъ дѣтокъ, возятся съ ними и продолжаютъ цѣловать ихъ; врачи подвергаются наибольшей опасности въ моментъ смазыванія и прижиганія налетовъ или при производствѣ трахеотоміи. Замѣчательно, что эта страшная болѣзнь не гарантируетъ отъ вторичнаго заболѣванія. Можно перенести ее разъ, два, и она снова поражаетъ того же самаго субъекта совершенно такъ же, какъ и холера. Въ Парижѣ эта болѣзнь даетъ наибольшую смертность изъ всѣхъ заразныхъ болѣзней, причеиъ нерѣдко эпидемія бываетъ столь злокачественна, что изъ ста заболѣвшихъ умираетъ 75.

Мѣры предохраненія дѣтей отъ дифтерита должно проводить съ большою строгостью. Прежде всего, нужно хорошенъко организовать перевозку дифтеритичныхъ больныхъ, дабы другихъ дѣтей не возили въ каретѣ, назначенной для больныхъ этой категоріи. Профилактическія мѣры при дифтеритѣ въ общемъ тѣ же самыя, что и при острыхъ сыпныхъ заболѣваніяхъ, но они должны быть проводимы съ еще большею строгостью, такъ какъ дифтеритъ превосходить эти болѣзни заразительностью и смертоносностью. Уже нѣсколько лѣтъ какъ для дифтерита найденъ специальный путь въ дѣлѣ распространенія этой болѣзни, и путь этотъ, конечно, требуетъ особой специальной ассенизаціи. Именно, еще въ 1884 году было указано, что навозныя кучи играютъ особую роль въ дѣлѣ распространенія дифтеритической заразы, паразитарная натура которой доказана цѣлымъ рядомъ изслѣдователей (Клебсъ, Эбертъ и Лефлеръ). Клиническіе факты не оставляютъ сомнѣнія, что эта зараза распространяется преимущественно съ воздухомъ и воспринимается дыхательными путями. Холодное и сырое время года особенно благопріятствуетъ заболѣванію, почва для котораго всего лучше подготавливается всѣми этими ангинами, ларингитами и бронхитами. Интересные опыты Клебса показали, что дифтеритическую заразу можно привить кролику, помѣщая его въ ящикъ, въ который насыпанъ пепель, смѣшанный съ остатками дифтеритическихъ перепонокъ. Высушенные элементы заразнаго вещества примѣшиваются къ пыли и распространяются въ воздухъ при подметаніи пола и при передвиженіяхъ высохшихъ навозныхъ кучъ. Клебсъ подмѣтилъ, что въ Цюрихѣ случаи дифтерита умножаются на другой день послѣ генеральной чистки города, причеиъ болѣзнь въ скрытомъ состояніи (періодъ инкубаціи) остается не болѣе сутокъ. Мюнхенскій профессоръ Эмирихъ, который недавно произвелъ вмѣстѣ съ Петтенкоферомъ свой извѣстный опытъ съ холерными запятыми (Петтенкоферъ и Эмирихъ съѣли по стакану этихъ запятыхъ), доказалъ, что у домашней

птицы (куры, индѣйки и пр.) также бываетъ дифтеритъ, вполне идентичный съ человѣческимъ страданіемъ, и такимъ образомъ получилось объясненіе вліянія навозныхъ кучъ на распространеніе этого заболѣванія. Навозныя кучи зачастую располагаются по сосѣдству съ птичьими дворами, большая птица копошится и роется въ этомъ навозѣ, который, такимъ образомъ, становится воспріемникомъ заразнаго начала, и дѣйствительно, разбирая причины возникновенія дифтеритныхъ эпидемій, Тессе показалъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ болѣзнь развивалась по сосѣдству съ навозными кучами, которыя посѣщались домашнею птицею. Для дезинфекціи нашихъ русскихъ селеній, пораженныхъ дифтеритомъ, знаніе этого факта объясняетъ, почему самое скрупулезное очищеніе хатъ является безсильнымъ въ дѣлѣ прекращенія эпидеміи. Зачастую недостаточно очистить хату, но нужно сжечь и навозъ, который ее окружаетъ со всѣхъ сторонъ. Смертность отъ дифтерита ничуть не уступаетъ во многихъ странахъ смертности отъ брюшного тифа. Вся разница заключается въ томъ, что дифтеритъ—болѣзнь дѣтскаго возраста, а брюшной тифъ избираетъ свои жертвы преимущественно среди цвѣтущей молодости. Среднимъ числомъ европейскія арміи (русская, нѣмецкая, французская, австрійская и итальянская) теряютъ ежегодно отъ брюшного тифа по 175 человѣкъ на 100,000 наличнаго состава; другими словами, пять великихъ европейскихъ державъ, владѣя въ общей сложности подъ ружьемъ около 5 милліонами людей, теряютъ ежегодно, въ мирное время, изъ этого отборнаго цвѣта націи до 9 тыс. человѣкъ отъ брюшного тифа.

Надъ этимъ фактомъ стоить призадуматься защитникамъ идеи вооруженнаго мира, который не только требуетъ перенапряженія экономическихъ силъ страны, но создаетъ и поддерживаетъ спеціальныя военныя болѣзни. Брюшной тифъ поражаетъ, конечно, и остальное населеніе, но *повсемѣстно* въ войскахъ болѣзнь свирѣпствуетъ съ гораздо большею силой, чѣмъ среди мирнаго населенія, что и даетъ право разсматривать эту болѣзнь какъ спеціальное *войсковое* заболѣваніе, объясняющееся, главнымъ образомъ, переполненіемъ казармъ и другими особенностями военнаго ремесла.

Брюшной тифъ передается людямъ, главнымъ образомъ, путемъ изверженій, которыя содержатъ въ себѣ заразный ядъ, скопляющійся въ кишкахъ, поражаемыхъ весьма сильно при этой болѣзни. Заразное вещество легко остается на бѣльѣ больного, на постельныхъ принадлежностяхъ, высухая переходитъ въ атмосферу или поступаетъ въ выгребныя ямы, заражаетъ питьевую воду и такимъ путемъ переноситъ болѣзнь отъ одного человѣка къ другому. Распространеніе тифозной бациллы (открытой Шантемессомъ, Видалемъ и Гаффки) путемъ питьевой воды, хотя, повидимому, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, однако, этотъ путь не можетъ быть прослѣженъ для многаго множества эпидемій, и несомнѣнно доказано лишь одно, что зараза особенно охотно культивируется и воспроизводится въ средѣ, переполненной неопрятнымъ бѣднымъ людемъ. Зачастую достаточно разрѣдить населеніе казармы или тюрьмы, чтобы оставить въ нихъ эпидемію

брюшного тифа, которая возникла тамъ путемъ какого-либо заноса, оставшагося бы безъ послѣдствій, если бы казарменная и тюремная почвы не были такъ воспримчивы къ культурѣ этого яда. Вообще не слѣдуетъ забывать, что *чистота* при всѣхъ заразныхъ болѣзняхъ является главнымъ средствомъ борьбы.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ относительно бугорчатки, которая очень недавно включена въ число заразныхъ болѣзней и которая въ теченіе долгаго времени оставалась какою-то патологическою загадкой.

Еще очень недалеко то время, когда врачи разсматривали чахотку какъ болѣзнь питанія и думали, что это страданіе является результатомъ вліяній, такъ или иначе ослабляющихъ общую экономію организма. О контагіозности, т.-е. заразительности этой болѣзни, никто и не заикался. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ умершій на-дняхъ французскій ученый д-ръ Виллемонъ (Villemin), которому удалось привить бугорчатку животнымъ, а затѣмъ въ 1883 году знаменитый нѣмецкій ученый Робертъ Кохъ открылъ гибельную чахоточную палочку (бациллу) у каждого бугорчатого больного. Въ настоящее время никто изъ врачей уже не сомнѣвается въ заразительности чахотки, и это убѣжденіе прольетъ новый свѣтъ на профилактику этой болѣзни. Съ того момента, какъ доказана заразительность чахотки, она поступаетъ во власть гигиены, а, слѣдовательно, переходитъ и во власть людскую и утрачиваетъ всю свою загадочность, отъ которой опускались руки всѣхъ врачей, призванныхъ бороться съ ея распространеніемъ. Всѣ заразные болѣзни, вмѣстѣ взятыя, производятъ меньше опустошеній, чѣмъ одна чахотка. Самыя смертоносныя эпидеміи даютъ передышки несчастному человѣчеству, чахотка же постоянно и непрерывно производитъ свою разрушительную работу, которая не знаетъ отдыха и ослабленія. Время года и широта не играютъ роли въ ея побѣдоносной разрушительной работѣ и одна пятая всѣхъ смертей на земномъ шарѣ принадлежитъ этому бичу человѣческаго рода. Рошардъ, отъ котораго заимствованъ нами матеріалъ для настоящей статьи, вычисляетъ, что во Франціи ежегодно умираетъ до 100,000 человѣкъ отъ чахотки. Въ одномъ только Парижѣ за 20 лѣтъ (съ 1866 по 1885 г.) чахотка унесла 180,000 чел.

Если бы чахотка служила выраженіемъ нищеты, бѣдности и дурныхъ гигиеническихъ условій, то съ успѣхами культуры совпадало бы уменьшеніе и ослабленіе этого бѣдствія, но, однако, повсемѣстно скорѣе наблюдается обратное явленіе и всюду чахотка распространяется все больше и больше и захватываетъ не только всю Европу, но и весь земной шаръ. Полинезійскій архипелагъ весь обезлюдѣлъ отъ этой болѣзни. Въ Новой Зеландіи, наприм., которая славится чуднымъ климатомъ, необычайно здоровымъ воздухомъ, чуждымъ всѣхъ заразныхъ болѣзней, чахотка производитъ среди жителей страшнѣйшія опустошенія. Чахотка здѣсь имѣетъ какой-то особенно острый характеръ и въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно здоровый молодой организмъ доходитъ до полной про-

страціи. Въ одинъ сезонъ вымирають цѣлыя семьи, а въ теченіе года—цѣлыя села.

Смертность здѣсь отъ чахотки была всегда такъ велика, что врачи, не подозрѣвавшіе ея заразительности, покорялись волѣ судьбы и не предписывали больнымъ никакихъ мѣръ предосторожности. Большой мужъ не ставался съ здоровою женой, въ пансіонахъ, лицаехъ, монастыряхъ, — словомъ, всюду грудные чахоточные больные оставались не изолированными, вмѣстѣ съ другими здоровыми людьми. Даже въ лечебницахъ ихъ не отдѣляли отъ другихъ больныхъ и не принимали никакихъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать передачѣ сосѣдямъ этой ужасной болѣзни; что туберкулезъ можетъ передаваться съ пищей, было также неизвѣстно.

Но вотъ совершилось великое открытіе Коха, сдѣлавшее видимой глазу чахоточную палочку (при помощи окраски Эрлиха), и быстро наступила реакція, создавшая, пожалуй, даже чрезмѣрный страхъ передъ чахоточною зарозой. Въ настоящее время соединенныя усилія врачей и различныхъ ученыхъ обществъ выяснили, что бугорчатка передается какъ путемъ наследственной, такъ и путемъ личной передачи заразы. Относительно наследственной передачи нужно сознаться, что намъ неизвѣстенъ ни способъ этой передачи, ни степень его частоты. Все, что извѣстно, сводится къ тому, что наследственная бугорчатка обнаруживается чаще всего въ возрастѣ 16—35 лѣтъ и иногда сказывается лишь спустя нѣсколько поколѣній. Нѣкоторые ученые считаютъ, что изъ всѣхъ болѣзней чахотка скорѣе всего ведетъ къ вымиранію семей съ признаками вырожденія. Вообще наследственное заболѣваніе появляется обыкновенно въ болѣе раннемъ возрастѣ и сводитъ человѣка въ могилу быстрѣе, чѣмъ пріобрѣтенная путемъ переноса форма. Заразное вещество бугорчатки можетъ проникнуть въ организмъ путемъ прививки, черезъ дыхательные органы, черезъ пищеварительные, а также, повидимому, черезъ слизистую оболочку мочеполовыхъ органовъ. Бугорчатку можно привить, взявъ для этой цѣли туберкулезное вещество изъ легкаго чахоточнаго больного или чистыя культуры чахоточныхъ палочекъ, или даже кровь туберкулезныхъ больныхъ, хотя послѣдній носитель контагія и является для многихъ спорнымъ.

Увѣряютъ даже, что путемъ укола на трупѣ умершаго отъ бугорчатки можно получить эту болѣзнь, но, во всякомъ случаѣ, этотъ путь зараженія очень рѣдокъ, также какъ и возможность зараженія бугорчаткой во время акта привитія предохранительной оспы. Всего чаще зараза поступаетъ въ организмъ черезъ дыхательные органы, слѣдовательно, тому же дорогой, какою проникаетъ и дифтеритъ. Между супругами, по крайней мѣрѣ, это обычный путь для зараженія. Въ настоящее время зарегистрировано такое количество фактовъ этого рода, что нужно удивляться, какимъ образомъ раньше не подмѣчена была заразительность бугорчатки, особенно среди бѣдняковъ, гдѣ этому моменту содѣйствуетъ тѣснота жилищъ, плохая вентиляція, общность кроватей и недостаточность чистоты и опрятности въ помѣщеніи, гдѣ влачатъ свои послѣдніе дни чахоточный больной. Если суп-

руги спать въ одной постели и одинъ изъ нихъ чахоточный, то опасность для другого крайне велика, особенно въ періодъ образованія кавернь, когда чахоточныя бациллы сильно ризмножаются и отхаркиваются вмѣстѣ съ мокротой. Воздухъ, который выдыхаютъ чахоточные больные, повидимому, не содержитъ этихъ бациллъ, хотя нѣкоторые изслѣдователи и пришли къ противоположнымъ выводамъ. Впрочемъ, въ моментъ сильнаго кашля возможность эту вполне отрицать не приходится, равно какъ нельзя обвинять въ распространеніи заразы свѣжую мокроту, ядовитость которой обнаруживается лишь по мѣрѣ высыханія. Еще въ 1869 г. Виллемэнтъ высказалъ положеніе, что чахоточные больные приносятъ огромный вредъ сохраненіемъ привычки выплевывать мокроту прямо на полъ. Съ тѣхъ поръ всякому врачу извѣстно это обстоятельство. Куда бы ни попала мокрота, въ платокъ ли больного, или на полъ, или на одѣяло, — всюду она, по высыханіи, обращается въ пыль и примѣшивается къ комнатному воздуху. Здѣсь участь заразы та же, что и комнатной пыли.

При всякой уборкѣ комнаты, при подметаніи половъ, при перестиланіи постелей, при выколачиваніи ковровъ, одѣялъ и половиковъ и вообще всѣхъ драпировокъ и занавѣсей, создается рядъ моментовъ, благопріятствующихъ распространенію заразы. Случаи зараженія совершенно здоровыхъ людей въ комнатахъ, гдѣ жилъ и умеръ чахоточный больной, объясняются именно этимъ способомъ. Подобные случаи особенно часты на водахъ и вообще на климатическихъ станціяхъ, служащихъ резиденціей для чахоточныхъ. Вообще надо полагать, что появленіе чахотки среди арестантовъ въ тюрьмахъ и больницахъ гораздо чаще объясняется присутствіемъ пыли, содержащей заразу, нежели непосредственнымъ сосѣдствомъ съ чахоточными больными.

Комнаты, въ которыхъ жили чахоточные больные, или больничныя палаты, гдѣ лежали подобные субъекты, остаются зараженными на долгое время и Рошардъ сравниваетъ ихъ съ клѣтками, гдѣ жили поколѣнія кроликовъ, у коихъ экспериментально вызвана была бугорчатка, и гдѣ всѣ животныя той же породы, помимо прививки, заражаются бугорчаткой.

Жизнеспособность чахоточныхъ палочекъ очень велика; они очень стойки, какъ говорятъ бактериологи. Сормани констатировалъ, что въ молокѣ эти бациллы, несмотря на кипяченіе, настолько еще сохраняютъ свои различныя свойства, что могутъ передать болѣзнь морской свинкѣ — маленькому хорошенькому звѣрку, служащему обыкновенно для экспериментовъ въ нашихъ лабораторіяхъ. Можно разрушить ядъ лишь продолжительнымъ пятиминутнымъ кипяченіемъ.

Зараза бугорчатки можетъ передаваться и путемъ пищеварительнаго тракта, но подобное явленіе наблюдается гораздо рѣже и бугорчатка кишечъ, какъ извѣстно, представляетъ болѣзнь далеко не столь частую, какъ бугорчатка легкыхъ. Чахоточная палочка можетъ проникать въ желудокъ съ напитками и съ твердою пищей, зараженною пылью тѣмъ же порядкомъ, какъ и воздухъ заражается мокротой чахоточнаго больного. Наконецъ, пе-

ренокъ яда на пищевые продукты можетъ совершаться при посредствѣ мухъ, какъ то доказано также и для холерной инфекціи. Но, кромѣ того, пища можетъ служить источникомъ зараженія, если она взята отъ животнаго, пораженнаго бугорчаткой. Быки и особенно коровы, которыя росли въ большихъ городахъ, въ тѣсныхъ конюшняхъ и были лишены простора луговъ, часто заболѣваютъ бугорчаткой.

На парижскихъ бойняхъ изъ 1,000 убитыхъ животныхъ этой категоріи 6 оказываются пораженными туберкулезомъ. Бараны и особенно свиньи гораздо рѣже страдаютъ этою болѣзью, хотя привить имъ ее очень легко. То же самое должно сказать про кроликовъ. У лошадей эта болѣзнь почти никогда не встрѣчается и, наоборотъ, она весьма часто наблюдается у домашней птицы, которая наглотается мокроты и плевковъ чахоточныхъ.

У больныхъ животныхъ подозрительныя свойства получаетъ не только мясо, но у коровъ и молоко, и хотя точными экспериментами не установлена, строго говоря, заразительность мяса животнаго, страдающаго бугорчаткой, но такіе знатоки дѣла, какъ Рошардъ, считаютъ мясо несомнѣнно бугорчатыхъ животныхъ опаснымъ для употребленія въ пищу. То же самое должно сказать и про молоко, хотя Кохъ считаетъ его опаснымъ лишь тогда, когда сосцы также поражены бугорчаткой. Этимъ онъ и объясняетъ противорѣчивые результаты, полученные различными изслѣдователями, выяснявшими вопросъ о заразительности молока коровъ, страдающихъ бугорчаткой. При выясненіи этого вопроса на чахоточныхъ кормилицахъ, дѣло подвинулось мало впередъ, ибо весьма не легко выдѣлить вліяніе молока изъ ряда другихъ моментовъ, которыми чахоточная кормилица можетъ передать зараженіе своему ребенку. Во всякомъ случаѣ, въ кипяченіи молока мы имѣемъ могучее средство для обезвреженія коровьяго молока и содержащихся въ немъ заразныхъ началъ.

Какъ ни разнообразны пути, которыми туберкулезный ядъ можетъ проникнуть въ организмъ, но зараженіе совершается лишь тогда, когда специфическій ядъ встрѣтитъ для своего развитія подходящую почву. Москва сгорѣла отъ копѣчной свѣчки—это правда, но нельзя отрицать и того, что тогдашняя деревянная Москва представляла изъ себя самый подходящий костеръ изъ самаго горючаго матеріала. Бацилламъ не достаточно проникнуть въ организмъ, имъ нужно встрѣтить въ немъ благоприятныя условія для того, чтобы существовать и размножаться. Для брюшного тифа почву подготавливаетъ тѣснота и неопрятность жилищъ, для бугорчатки же такими причинами считаются всѣ условія, ослабляющія организмъ и уменьшающія его способность противодѣйствія болѣзнетворнымъ вліяніямъ.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ должно поставить всевозможныя заболѣванія дыхательныхъ путей; кромѣ ослабленія организма, это обстоятельство создаетъ чисто-мѣстное предрасположеніе. Слизистыя оболочки, будучи воспалены и лишены своего эпителиальнаго покрова, задерживаютъ на себѣ микробовъ и служатъ прекрасною почвой для ихъ культуры. Передъ дифтеритомъ сперва разыгрывается простая катарральная ангина, передъ ча-

хоткой—бронхитъ. Вслѣдъ за корью и гриппомъ оттого и можетъ развиваться чахотка легкихъ, что эти болѣзни влекутъ за собою развитіе бронхита. Если фабричный рабочій, имѣющій дѣло съ пылевымъ производствомъ, такъ часто умираетъ отъ чахотки, то это объясняется свойствомъ пыли вызывать механически бронхитическое раздраженіе.

Въ дѣлѣ принятія предохранительныхъ мѣръ, гарантирующихъ общество отъ распространенія бугорчатки, на первомъ планѣ должно поставить популяризацию среди общества новой для него истины о заразительности чахотки, причѣмъ требуется въ этомъ дѣлѣ большая осторожность, чтобы не вызвать излишняго переполоха въ нашемъ слишкомъ склонномъ къ преувеличенію обществѣ. Не должно забывать, что случаи прямого зараженія крайне рѣдки и что чахоточные больные внушаютъ опасеніе въ эпоху распада бугорковъ и что даже въ этотъ періодъ времени можно легко избѣгнуть опасности принятіемъ соответствующихъ мѣръ предосторожности.

Среди профилактическихъ мѣръ должно отмѣтить также вопросъ о наследственной передачѣ бугорчатки. У насъ въ Россіи, особенно въ народной массѣ, не существуетъ ни малѣйшаго представленія относительно опасности браковъ съ чахоточнымъ субъектомъ.

Священная обязанность врача заключается въ томъ, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ семьѣ и обществу и познакомитъ ихъ съ наследственностью этого ужаснаго страданія. Нѣкоторые гигиенисты предлагали даже воспретить законодательнымъ порядкомъ чахоточнымъ вступать въ бракъ, но, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ, кажется, ни въ одной странѣ не примѣняется подобный законъ, который, прежде всего, врядъ ли можно было бы заставить выполнять.

Если уже произошло такое горе и одинъ изъ супруговъ страдаетъ чахоткой, то и тогда еще можно попытаться смягчить несчастье принятіемъ соответствующихъ мѣръ. Такъ, если бугорчаткой страдаетъ жена и, притомъ, если она становится беременной, то кормленіе должно быть ей категорически воспрещено и въ интересахъ ея собственныхъ, и въ интересахъ ребенка. Больной супругъ, мужчина или женщина, долженъ спать отдѣльно отъ здороваго, причѣмъ вся мокрота должна поступать въ стеклянную или фаянсовую плевательницу. Въ плевательницу насыпаютъ песокъ, политый или карболовымъ растворомъ, или растворомъ сулемы (1:1000). При очищеніи плевательницъ ихъ нужно продержатъ нѣсколько минутъ въ кипяткѣ. Бѣлье и вообще всѣ принадлежности костюма, испачканныя мокротой больного, подлежатъ дезинфекціи по общимъ правиламъ.

Тѣ же мѣры предосторожности должны быть соблюдаемы въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ скучено большое количество молодежи. Изолированіе субъекта, у котораго бугорчатый процессъ подвинулся далеко впередъ, составляетъ мѣру первостепенной важности. Пребываніе такого субъекта, у котораго бугорки уже распались, среди здоровыхъ товарищей подвергаетъ ихъ крайней опасности и врачъ не долженъ брать на себя отвѣтственность въ подобномъ дѣлѣ.

Если дѣло идетъ о солдатѣ, то его должно немедленно перевезти въ госпиталь, гдѣ всего необходимѣе изолировать чахоточныхъ бѣтъ другихъ больныхъ и особенно отъ лицъ, страдающихъ болѣзнями дыхательныхъ органовъ. Этимъ, собственно говоря, и исчерпываются всѣ мѣры предосторожности, которыя должно соблюдать, чтобы предохранить остальныхъ больныхъ госпиталя отъ чахоточныхъ ихъ собратій. Нужно особое помѣщеніе, нужна изоляція и совершенно излишни тѣ строгія мѣры, которыя необходимы для заразныхъ отдѣленій, гдѣ лежатъ оспенные больные или дифтеритные. Въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ съ большимъ населеніемъ, конечно, ничто не мѣшаетъ устраивать для чахоточныхъ спеціальныя больницы, куда больные этой категоріи стекаются на зиму. Въ Лондонѣ, гдѣ вообще скучено наибольшее число чахоточныхъ на всемъ свѣтѣ, имѣется нѣсколько превосходныхъ госпиталей этого рода, которые въ 1885 году пріютили у себя 49 т. больныхъ. Считая 1 чахоточнаго на 100 человекъ жителей, оказывается, что въ Лондонѣ при 4 милл. жителей имѣется до 40 тысячъ чахоточныхъ, т.-е. население большого русскаго города. Чахоточные госпитали въ Англіи возникли въ эпоху, когда о контагіозности этой болѣзни не было никакого разговора, и они были основаны исключительно въ видахъ идеи человеколюбія, а не профилактики. Но очевидно, что теперь эти обѣ цѣли должны слиться воедино и тотъ городъ, который сумѣетъ выполнить задачу интернированія въ больницахъ всѣхъ своихъ бѣдняковъ, страдающихъ бугорчаткой, выполнить одну изъ великихъ заповѣдей общественной гігіены и предохранить многихъ лицъ отъ ненужныхъ заболѣваній.

Хотя зараженіе бугорчаткой черезъ пищеварительные органы совершается и не легко, однако, не слѣдуетъ пренебрегать дѣломъ осмотра мяса и молока. Мясо домашней птицы и дичи не требуетъ санитарнаго досмотра въ этомъ направленіи, ибо птицу всякій ѣстъ въ хорошо прожаренномъ состояніи или вареной, тогда какъ мясо и баранину зачастую ѣдятъ въ полусыромъ кровяномъ видѣ. Но обыкновенно, впрочемъ, и при жареніи мяса внутреннія части рѣдко нагрѣваются выше 58 градусовъ, т.-е. далеко не достигаютъ той температуры, которая дѣйствуетъ губительно на бациллы. Въ счастью, баранье мясо, какъ мы уже упоминали, рѣдко бываетъ поражено бугорчаткой, а свиное и того рѣже, и, такимъ образомъ, весь надзоръ за мясомъ сводится къ установленію надзора за рогатымъ скотомъ, что достигается всего легче организаціей ветеринарнаго осмотра скота, предназначеннаго къ убою, причемъ абсолютно не должно дозволить употреблять въ пищу такихъ особей, у коихъ бугорчатый процессъ генерализированъ во всѣхъ органахъ или если большое количество бугорковъ поражаетъ легкія, плевру, брюшину и брюшныя железистыя органы. Требовать большаго—значитъ лишать массу и того небольшого количества мяса, которое приходится на долю бѣдняковъ, изъ-за проблематической возможности предохранить ихъ отъ бугорчатки. Смѣшно, дѣйствительно, изъ опасенія быть отравленнымъ, морить себя голодомъ.

Гораздо затруднительнѣе организовать сколько-нибудь удовлетворительный контроль за молокомъ. Никакая инспекція не угладитъ за всѣми коровниками, не выпишетъ всѣхъ коровъ съ жемчужною болѣзнью и не подвергнетъ изслѣдованію все то молоко, которое выпивается въ каждомъ домѣ. Единственною рациональною мѣрой является популяризація совѣта, рекомендующаго, во избѣжаніе зараженія бугорчаткой, потреблять молоко исключительно въ кипяченомъ видѣ, но, къ сожалѣнію, и этотъ совѣтъ не прививается человѣчеству. Кто любитъ молоко и его натуральныя качества, того не заставишь пить довольно противное кипяченое молоко, хотя оно, вопреки мнѣнію Рошарда, пригодно въ этомъ видѣ и при искусственномъ вскармливаніи, и при такъ пазываемой молочной діетѣ. Совершенное закрытіе всѣхъ городскихъ фермъ и коровниковъ было бы, конечно, черезъ - чуръ исключительною мѣрой, которую съ успѣхомъ можно замѣнить установленіемъ для вновь открываемыхъ коровниковъ обязательнаго выполнения цѣлага ряда гигиеническихъ мѣропріятій (чистота, объемъ, свѣтъ и пр.).

Пока, впредь до новыхъ успѣховъ санитарной науки, гигиена не вправѣ требовать отъ общества выполненія болѣе широкихъ и обширныхъ программъ. Хорошо бы было, если бы и намѣченная нами была выполнена добросовѣстно и стойко. Плоды не замедлили бы убѣдить общество, что затраты, произведенныя имъ, не пропали даромъ, а вернулись сторицей.

Но для будущаго, и, притомъ, не особенно отдаленнаго, можно согласиться съ Рише (*Черезъ сто лѣтъ*), что не за горами уже та эпоха, когда «почти навѣрное будетъ достигнуто излеченіе и предупрежденіе заразныхъ болѣзней. Будутъ прививки противъ туберкулеза, скарлатины, тифовъ, кори и дифтерита». И тогда съюзится область насильственной смерти, такъ какъ смерть отъ заразной болѣзни вполнѣ равносильна насильственной смерти

В. Святловскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Важнѣйшими событіями прошлаго мѣсяца были принятіе англійскимъ парламентомъ ирландскаго билля во второмъ чтеніи и голосованіе германскаго рейхстага, отвергнувшаго правительственный военный законопроектъ. Въ первомъ случаѣ правительство взяло на себя мужественный починъ въ устраненіи вѣковой несправедливости и ведетъ энергичную борьбу за политическое самоуправленіе въ Ирландіи, за коренное преобразованіе государственнаго строя по началу удовлетворенія справедливымъ требованіямъ численно слабѣйшей національности. Препятствій на этомъ пути много, оппозиція, отстаивающая господствующее положеніе англичанъ, вовсе не сложила оружія, надѣется, наоборотъ, не допустить гомруля до осуществленія, но правительственное большинство держится крѣпко, несмотря на важныя разногласія въ подробностяхъ, а кабинетъ Гладстона не смущается бурными митингами враговъ ирландскаго самоуправления и угрозою вооруженнаго возстанія въ Ульстерѣ. Гладстоновскій билль выйдетъ, вѣроятно, послѣ третьяго чтенія очень измѣненнымъ. Онъ не удовлетворитъ вполне ни ирландцевъ, ни англичанъ. Весьма правдоподобно, что палата лордовъ его отвергнетъ, и тогда рѣшеніе этого великаго вопроса должно будетъ произойти роспускомъ нынѣшней палаты общинъ и обращеніемъ къ странѣ съ новыми выборами для окончательнаго выраженія народной воли. Невозможно, разумѣется, предсказать ближайшихъ усложненій въ вопросѣ такой важности, въ дѣлѣ, которое такъ сильно задѣваетъ интересы и страсти борющихся партій. Но самое принятіе англійскимъ парламентомъ основаній гладстоновскаго билля является знаменательнымъ историческимъ событіемъ, крупною побѣдой политической справедливости и просвѣщенной государственной мысли. Нѣтъ ничего болѣе утѣшительнаго и величественнаго, какъ благодѣтельные реформы, идущія на встрѣчу созрѣвающимъ общественнымъ потребностямъ, какъ тѣ мудрыя и либеральныя преобразованія, которыя проводятся въ народную жизнь, законодательнымъ путемъ, самимъ правительствомъ. Именно въ подобныхъ случаяхъ правительство исполняетъ свою величайшую историческую задачу, расширяя и укрѣпляя основанія личной свободы и общественнаго благосостоянія.

Совершенно противоположную роль взяло на себя въ послѣднее время германское правительство. Императору Вильгельму II во что бы то ни стало хочется быть вершителемъ судебъ Европы, имѣть наибольшее число казармъ, пушекъ, броненосцевъ, потому что въ побѣдоносное вліяніе германскаго духа императоръ не особенно вѣритъ. Настойчиво желая продолжать разореніе народа для торжества милитаризма, правительство Германской имперіи требуетъ отъ парламента новыхъ налоговъ на усиленіе состава арміи въ мирное время. Указанія на возможность войны на два фронта, т.-е. съ Россіей и Франціей, комплименты рейхстагу, обращеніе къ патриотизму,—все было пущено въ ходъ, чтобы вызвать у народныхъ представителей согласіе на новыя и тяжкія жертвы. Безусловнымъ противникомъ правительственныхъ предложеній выступили первоначально социалисты и свободомыслящіе. Ни гроша новыхъ податей, ни одного новаго солдата, никакого полицейскаго произвола,—вотъ девизъ, на которомъ сошлись въ данномъ случаѣ обѣ партіи. Національ-либералы очень желали удовлетворить правительственнымъ требованіямъ, но и они видѣли всю ихъ обременительность для населенія, и безъ того придавленнаго расходами на содержаніе арміи и флота. Національ-либеральная партія поэтому шла на компромиссъ, предлагая значительно сократить цифры новыхъ солдатъ и новыхъ податей. Правительство на такое соглашеніе не пошло. Оставался католическій центръ, который, присоединяясь къ консервативнымъ партіямъ рейхстага, могъ дать большинство военному законопроекту. Центръ подавался туго. Значительнѣйшая часть депутатовъ этой парламентской партіи не только католики, но и демократы. Среди нихъ находятся сторонники такъ называемаго христіанскаго социализма. Подать голосъ за усиленіе милитаризма значило возбудить сильное неудовольствіе въ народныхъ массахъ, нанести тяжелый ударъ популярности партіи центра.

При такихъ условіяхъ свиданіе императора Вильгельма, во время его поѣздки на серебряную свадьбу итальянскаго короля, съ главою католическаго міра являлось попыткою переслать предубѣжденія нѣмецкой католической партіи. Возникли слухи, что центръ ведетъ переговоры съ имперскимъ канцлеромъ. И дѣйствительно, рейхстагу былъ предложенъ законопроектъ Гюне, который былъ поддержанъ графомъ Каприви. Но громадное большинство депутатовъ партіи центра не пошло на такую значительную уступку. Большинство парламента оказалось противъ поправки Гюне, и рейхстагъ былъ немедленно распущенъ.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ Вильгельмъ на военномъ смотрѣ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ надежду, что новый рейхстагъ приметъ правительственный законопроектъ. Императоръ присовокупилъ, что онъ намѣренъ провести свой законопроектъ во всякомъ случаѣ, т.-е. даже и тогда, если согласія на него не дастъ новый парламентъ. О достоинствѣ этого намѣренія говорить теперь преждевременно, потому что ближайшею и въ высшей степени важною задачею германской политической жизни являются выборы въ рейхстагъ. Если они дадутъ въ результатъ опять большинство враждебное

усиленію милитаризма, то угрозу императора Вильгельма не такъ-то легко будетъ привести въ исполненіе, какъ онъ полагаетъ, а въ противномъ случаѣ она совершенно бесполезна.

Правительство надѣется, между прочимъ, на то, что расколъ партій свободномыслящихъ на двѣ самостоятельныя группы поведетъ къ пораженію той группы, которая осталась подъ руководствомъ Рихтера (другая группа заранѣе идетъ на компромиссъ съ правительствомъ). Такъ ли будетъ въ дѣйствительности, это вопросъ, не допускающій даже приближительнаго рѣшенія въ настоящее время. Если германскій народъ проникся сознаніемъ, что его разорядетъ милитаризмъ, что никто не угрожаетъ Германіи, что новыя требованія военной партіи вызваны не насущною потребностью государства въ оборонѣ, а желаніемъ играть господствующую роль въ Европѣ, то онъ поддержитъ тѣхъ депутатовъ, программа которыхъ находится въ рѣшительной оппозиціи съ правительствомъ. Если во время открывшагося избирательнаго періода народу внушатъ, что Россія и Франція готовы напасть на Германію, что соединенныхъ силъ *ми мира* недостаточно для борьбы съ этими противниками, то правительство можетъ набрать собѣ большинство въ будущемъ парламентѣ. Тотъ острый кризисъ, который теперь происходитъ, составляетъ, во всякомъ случаѣ, тяжелое и опасное испытаніе для *нового курса*, который покуда дальше казармы Германію не ведетъ. Канцлеръ Каприви заявилъ въ парламентѣ, что вопросъ о томъ, надо ли и насколько именно усилить боевыя средства Германіи, долженъ рѣшаться генералами. На эту странную теорію Рихтеръ справедливо возразилъ, что подобныя же требованія съ такимъ же правомъ могутъ предъявить судьи и прокуроры, инженеры и т. д. Тогда парламенту останется только вотировать налоги. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и въ установленіи налоговъ пришлось бы лишь принимать рѣшенія специалистовъ-финансистовъ. Между тѣмъ, великое значеніе народнаго представительства заключается въ томъ, что всѣ законодательныя мѣропріятія обдумываются специалистами, вносятся въ парламентъ для всесторонняго обсужденія и для согласованія каждаго законодательнаго акта съ общими интересами государства. Средства даются народомъ, и отнять у него право давать ихъ или не давать, сокращать или увеличивать,—это значитъ для Германіи произвести ту революцію сверху, о которой упоминалось въ преніяхъ распушеннаго рейхстага.

Численность партій въ этомъ рейхстагѣ была такова. Изъ 394 депутатовъ (три мѣста не были заняты) центръ считалъ 108, консервативная партія—65, свободные консерваторы—18, національ-либералы—41, поляки—17, эльзасъ-лотарингцы—10, ганноверцы—4, антисемиты—6, социаль-демократы—36, свободномыслящіе—67, затѣмъ нѣсколько депутатовъ, не принадлежащихъ ни къ какой партіи (князь Бисмаркъ, одинъ датчанинъ изъ Шлезвигъ-Гольштейна и т. д.).

Для опредѣленія дальнѣйшихъ судебъ Германіи будетъ чрезвычайно важно, какъ измѣнятся отношенія партій въ будущемъ рейхстагѣ. Побѣда пра-

вительства означала бы не только торжество милитаризма, но и относительное поражение либерализма, несовмѣстнаго съ господствомъ милитаризма. Послѣдніе годы, въ особенности послѣ франко-германской войны 1870—1871 гг., отличаются нѣкоторымъ паденіемъ гуманныхъ идеаловъ. Починъ въ этомъ отношеніи подавъ былъ наполеоновскою Франціей. Грубая погоня за наживой и чувственными удовольствіями легко разпѣла на почвѣ, обработанной деспотизмомъ и шовинизмомъ. Князь Бисмаркъ провозгласилъ, что міръ управляется и долженъ управляться путемъ крови и желѣза. Война, раздраженіе національнаго самолюбія, насильственное присоединеніе къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, ростъ претекціонизма,—все это разъединяетъ народы и отодвигаетъ осуществленіе основныхъ задачъ государственной и международной жизни, т.-е. справедливости, просвѣщенія, благосостоянія.

Любопытны по этому поводу разсужденія главнаго органа національ-либеральной партіи въ Германіи, *National-Zeitung*. Въ одномъ изъ апрѣльскихъ номеровъ этой газеты помѣщена статья, озаглавленная *Либеральныя идеи*. Паденіе идеаловъ,—говоритъ *National-Zeitung*,—всеми оплачивается и является печальнымъ признакомъ времени. Въмѣсто великихъ идей, еще недавно волновавшихъ умы, выступаютъ лишь имущественныя заботы и своекорыстные интересы. Народныя массы, полагаетъ берлинская газета, движутся теперь страстями, завистью, ненавистью и т. д. Чтобы занести въ расположеніе этихъ массъ, политическимъ вождямъ приходится прибѣгать къ демагогическимъ приемамъ, выступать съ утопическими предложеніями и т. п.

Въ теченіе ста лѣтъ,—продолжаетъ газета,—политическое развитіе Европы совершалось подъ господствомъ либеральныхъ идей. Первоначально идеи эти осуществились въ Англіи, затѣмъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; но только съ первой французской революціи получили онѣ всеобщее и побѣдоносное распространеніе. Съ тѣхъ поръ права человѣка и народное верховенство постепенно стали вводиться въ основу государственнаго строя всѣхъ европейскихъ народовъ. *National-Zeitung* видитъ опасность для цивилизаціи въ тѣхъ силахъ, которыя выступаютъ на борьбу съ либерализмомъ. Это справедливо, только напрасно органъ національ-либеральной партіи считаетъ пагубнымъ для цивилизаціи и для политической свободы тѣ требованія, которыя предъявляютъ къ государству рабочіе классы. Обеспеченіе человѣчески-достойнаго существованія для каждаго подданнаго служить одною изъ благороднѣйшихъ задачъ государственной власти и одною изъ тѣхъ цѣлей, которыя являются безусловнымъ требованіемъ благоразумной политики. Современная Германія, вступившая при князѣ Бисмаркѣ на путь фабричнаго и вообще соціальнаго законодательства, служить однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ этого утвержденія. Теперешній кризисъ можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно только на этой же почвѣ. Въ полныхъ живаго интереса и большой наблюдательности берлинскихъ корреспонденціяхъ *Русскихъ Вѣдомостей* мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе о настроеніи, которое охва-

тываетъ теперь нѣкоторыя либеральныя до того общественныя группы Германіи: «Если вы спросите,—пишетъ г. I.,—чему приписать высказанный наплывъ военныхъ симпатій у нѣкоторой части либераловъ, то отвѣтъ вы найдете во фразѣ Рихтера: *наши коммерціи совѣтники—большіе сторонники военною проекта*. Если прислушаться къ толкамъ, которые теперь идутъ въ обществѣ, то легко замѣтить, что зажиточное среднее сословіе, изъ котораго вышли національ-либералы и часть свободомыслящихъ, охотно приняло бы всякій компромиссъ. Оно, во-первыхъ, напугано мрачными картинами *козацкаго нашествія* и, какъ сословіе, которое много можетъ потерять, хочетъ имѣть лишніе сторожеи; оно, во-вторыхъ, боится народныхъ страстей, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ до крайности возбуждены; оно, въ-третьихъ, опасается, чтобы при такомъ настроеніи крайніе элементы слѣва и справа не затерли людей середины. И что, въ самомъ дѣлѣ, значить, въ сравненіи съ такими интересами, какой-нибудь лишній пфенигъ на кружку пива? Биржевые дѣльцы даже проявили столько патріотизма, что примирились съ мыслью о биржевомъ налогѣ, лишь бы имѣть спокойствіе. За полчаса передъ тѣмъ, какъ рейхстагъ приступилъ къ голосованію, биржевой бюллетень гласилъ: *тверже, въ надеждѣ на принятіе компромисса Гюне*. Сегодня (26 апрѣля) эти патріоты приуныли и серьезно увѣряютъ, что будутъ голосовать за консерваторовъ. Рихтеръ, недавній божокъ, сегодня въ ихъ глазахъ чуть ли не врагъ отечества» *). Вотъ въ какихъ сферахъ происходитъ дѣйствительно паденіе идеаловъ, которое оплакиваетъ *National-Zeitung*.

Естественно, что событія въ Германіи возбуждаютъ тревогу у ея союзницъ. Въ Австро-Венгріи и въ Италіи опасаются разныхъ усложненій и возможности новыхъ жертвъ на усиленіе армій тройственнаго союза. Россія, представительница *козацкаго нашествія*, занимаетъ совершенно спокойное положеніе, ничѣмъ не угрожая миру Европы. Во Франціи заинтересованы, конечно, исходомъ выборовъ въ рейхстагъ и нѣсколько встревожены затѣями императора Вильгельма II. Но французы обнаруживаютъ такое самообладаніе, что обманываютъ расчеты берлинскихъ официальныхъ сферъ, хотя и нельзя, къ сожалѣнію, сказать, чтобы шовинизмъ угасъ во французскомъ обществѣ.

Не все, разумѣется, мрачно и печально въ современной Германіи. На этотъ разъ укажемъ на рѣчь профессора Похгаммера при вступленіи въ должность ректора университета въ Килѣ, какъ на одинъ изъ добрыхъ признаковъ затихшаго, но не умирающаго духовнаго развитія нѣмецкаго общества. Рѣчь посвящена вопросу объ университетскомъ образованіи женщинъ. Указавши на равноправность, уже пріобрѣтенную въ этомъ отношеніи женщинами въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, Швейцаріи, Франціи, Италіи, Бельгіи, Швеціи и Даніи, Похгаммеръ переходитъ къ положенію вопроса въ Германіи. Въ рейхстагъ и въ ландтаги поданы уже много-

*) *Русскія Видомости*, № 118.

численные петиции въ пользу допущенія женщинъ въ германскіе университеты. Ректоръ Кильскаго университета считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ учрежденіе специально для женщинъ высшихъ учебныхъ заведеній, поступать въ которыя можно было бы изъ нынѣшнихъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній, безъ введенія въ послѣднія латинскаго и греческаго языковъ. Въ частности Похгаммеръ считаетъ благодѣяніемъ для женщинъ и для націи полученіе женщинами медицинскаго образованія. Въ массѣ сельскаго населенія женщина-врачъ можетъ принести огромную пользу. Въ двадцатомъ столѣтіи,—пишетъ кильскій профессоръ,—въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ деревенской жизни, по всей вѣроятности, будетъ часто встрѣчаться женщина-врачъ. Если исполненіе такого желанія весьма важно для Германіи, то во сколько разъ оно важнѣе для русской деревни, для нашего многомилліоннаго крестьянскаго населенія? Многіе идутъ въ Германію далѣе, требуютъ уравнианія гимназическаго образованія юношей и дѣвушекъ и свободнаго доступа послѣднихъ въ университеты и въ другія высшія учебныя заведенія.

Народное движеніе въ Бельгій, о которомъ мы упоминали въ прошломъ обзорѣ, повліяло, какъ мы и предполагали, на правительство и учредительное собраніе. Принять законопроектъ Ниссена, устанавливающій принципъ всеобщей подачи голосовъ, видоизмѣняющійся множественностью, при извѣстныхъ условіяхъ, голосовъ нѣкоторой категоріи избирателей (образованіе, цenzъ). Страна успокоилась. За то на другомъ концѣ Европы, въ Греціи, произошелъ серьезный министерскій кризисъ. Трикуписъ, президентъ кабинета, вышелъ въ отставку. Новаго кабинета, когда пишутся эти строки, еще не образовано. Кризисъ вызванъ финансовыми затрудненіями, вывести изъ которыхъ государство и брался Трикуписъ. Партія Деліаниса и Ралли вели съ нимъ ожесточенную борьбу. Заемъ, который пытался заключить министр-президентъ, не удался, и онъ, отчаявшись овладѣть положеніемъ, вышелъ въ отставку. Спокойствіе въ странѣ не нарушено, но финансовое положеніе весьма неудовлетворительно и раздраженіе партій велико. Читатели помнятъ, что король уволилъ бывшаго министра-президента Деліаниса, несмотря на то, что парламентское большинство было на его сторонѣ. Послѣ новыхъ выборовъ, произведенныхъ *дѣловымъ* министерствомъ, во главѣ управленія сталъ Трикуписъ, но опытъ оказался теперь неудачнымъ. Едва ли надо прибавлять, что главною причиною финансоваго разстройства является и въ Греціи милитаризмъ.

Изъ событій въ другихъ частяхъ свѣта слѣдуетъ отмѣтить открытіе всемірной выставки въ Чикаго и мирное разрѣшеніе столкновенія между народными представителями и правительствомъ въ Японіи. Нижняя палата представила императору адресъ, въ которомъ заключались жалобы на образъ дѣйствія министровъ и указанія на необходимость сокращенія нѣкоторыхъ расходовъ. Въ отвѣтъ на адресъ палаты императоръ издалъ де-

креть, напоминающій, какія глубокія и многочисленныя реформы произвело правительство въ послѣднія двадцать лѣтъ. Разрушеніе феодализма, развитіе торговыхъ сношеній съ иностранцами и введеніе конституціи открыли для Японіи новую эпоху исторіи. Конституція,—говоритъ императорскій декретъ,—находится еще въ дѣтствѣ, необходимы поэтому большія предосторожности, чтобы утвердить ее окончательно. Императоръ защищаетъ министровъ, указываетъ на то, что расходы, которые желала бы сократить палата, неотложны для государственной безопасности. Заявляя о томъ, что онъ уступаетъ изъ своего личнаго дохода по 1.200,000 франковъ (300,000 *yen*) для нуждъ военнаго флота, въ теченіе шести лѣтъ, императоръ кончаетъ призывомъ къ соглашенію между правительствомъ и народными представителями, безъ котораго невозможно развитіе свободы, благосостоянія и порядка.

Нижняя и верхняя палаты отвѣтили на императорское посланіе новыми адресами, сходными по содержанію. Народные представители приносятъ живѣйшую благодарность главѣ государства и выражаютъ съ своей стороны самыя примирительныя намѣренія. Правительство уступило палатѣ и сократило нѣсколько военные расходы. Въ странѣ образъ дѣйствія императора вызвалъ всеобщее сочувствіе. Не остался безъ добраго результата въ этомъ отношеніи и отказъ отъ десятой части содержанія (миллиардо получаетъ 3 милліона *yen*, т.-е. около 12 милліоновъ франковъ).

Корреспондентъ газеты *Journal des Débats*, откуда мы беремъ эти свѣдѣнія, предвидитъ возможность новыхъ столкновеній между большинствомъ въ палатѣ депутатовъ и правительствомъ, потому что японская конституція въ этомъ отношеніи не разграничила въ достаточной степени права и обязанности парламента и министровъ *), нѣкоторые расходы не подлежатъ контролю народныхъ представителей и т. д. Но, принимая въ соображеніе умъ, энергію и искреннюю любовь къ свободѣ и просвѣщенію нынѣ царствующаго императора Японіи, можно надѣяться, что современный государственный строй въ этой странѣ скоро и благополучно переживетъ дѣтскій возрастъ

В. Г.

---

*) *Journal des Débats*, 4 avril.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О вредѣ, который повлечетъ за собою законодательное регулированіе передѣловъ общинной земли.—Преобразование фабричной инспекціи.—Необходимость развитія русскаго фабричнаго законодательства.—Законъ объ ответственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими.—Предложенія относительно ссудо-сберегательныхъ товариществъ.—Факты изъ жизни нашихъ средне-учебныхъ заведеній.—Еще о земскихъ и церковно-приходскихъ школахъ. — Юбилей П. И. Вейнберга. —

А. С. Гацискій †.

Среди вопросовъ, которые поставлены за послѣднее время для разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ, обращаетъ на себя особенное вниманіе проектъ правилъ о передѣлахъ земли при общинномъ землевладѣніи. Министерство внутреннихъ дѣлъ, работая надъ этимъ проектомъ, руководствовалось соображеніемъ о тѣхъ невыгодахъ, которыя причиняетъ право сельскихъ обществъ произвольно, безъ ограниченія со стороны административной власти, совершать какъ общіе передѣлы всѣхъ земель, входящихъ въ составъ данной общины, такъ и частные передѣлы, извѣстные подъ именемъ «скидки и навалки душъ». Еще съ конца 70-хъ годовъ въ министерство поступали свѣдѣнія, что во многихъ сельскихъ обществахъ главарями всѣхъ мірскихъ дѣлъ, среди нихъ и передѣловъ земли, являются далеко не безупречные люди, которые, преслѣдуя своекорыстныя цѣли, направляютъ общіе и частные передѣлы согласно со своими личными интересами. Въ другихъ случаяхъ всѣми дѣлами на сельскихъ сходахъ руководить большинство изъ дурныхъ хозяевъ, которые, забросивъ земледѣліе, нерѣдко добиваются передѣла только для того, чтобы сбыть землю въ руки сосѣдей. Такъ какъ положеніе 19 февраля не устанавливаетъ никакихъ началъ, которыя гарантировали бы меньшинство отъ произвола большинства, то министерство внутреннихъ дѣлъ и рѣшило установить извѣстныя нормы, чтобы упорядочить эту важную сторону общиннаго землевладѣнія. Дабы выяснитъ воззрѣніе администраціи на передѣлы, министерство затребовало отзывы губернаторовъ. Эти отзывы характеризовали отношеніе крестьянъ къ общинному землевладѣнію, какъ къ формѣ, которая пользуется въ народѣ общимъ сочувствіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ частые передѣлы земли,—говоритъ администрація,—далеко не всюду

пользуются расположеніемъ крестьянъ: во многихъ общинахъ, даже цѣлыхъ уѣздахъ передѣлы производятся не чаще, чѣмъ каждыя 12—15 лѣтъ; избѣгая общихъ передѣловъ, населеніе старается уравнивать земельные надѣлы посредствомъ частныхъ. Изъ мѣстныхъ административныхъ властей только очень немногія лица высказались за полное уничтоженіе общиннаго владѣнія пахотными землями и за ограниченіе его дугами, выгонами и лѣсами (орловскій губернаторъ и орловское губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, три уѣздныя присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Тверской губерніи) и за строгое упорядоченіе общихъ передѣловъ земли или же за регулированіе или даже полную отмѣну частныхъ передѣловъ. Изъ земскихъ собраній только симбирское губернское отнеслось враждебно къ общинному землевладѣнію въ его настоящемъ видѣ.

Располагая такимъ матеріаломъ, министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ закона, состоящаго изъ 17 статей. Общій передѣлъ земли не долженъ быть, согласно съ этимъ проектомъ, производимъ чаще, чѣмъ одинъ разъ въ 12 лѣтъ. Приговоръ о передѣлѣ, постановленный на сельскомъ сходѣ большинствомъ $\frac{2}{3}$, съ обозначеніемъ основанія, по которому распределяется земля (по тягламъ, ревизскимъ или наличнымъ душамъ), представляется земскому начальнику, который повѣряетъ его на мѣстѣ и вноситъ въ уѣздный съѣздъ съ своимъ заключеніемъ о томъ, насколько онъ правильно составленъ и насколько цѣлесообразны избранныя обществомъ основанія для распределенія земли. Уѣздный съѣздъ одобряетъ приговоръ по существу или утверждаетъ его, или отказывается въ утвержденіи и предоставляетъ сельскому обществу составить новый. Срокъ передѣла, указанный въ приговорѣ, можетъ быть измѣняемъ до его истеченія только при исключительныхъ обстоятельствахъ и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія губернскаго присутствія. Въ теченіе срока, указанного приговоромъ, участки, которые достались на долю отдѣльныхъ домохозяевъ, не могутъ быть отбираемы отъ нихъ безъ ихъ согласія, ни въ полномъ составѣ, ни по частямъ. Общество имѣетъ право считать участки свободными и подлежащими его распоряженію только въ слѣдующихъ случаяхъ: смерти домохозяина, если онъ не оставилъ наследниковъ, способныхъ вести хозяйство, увольненія домохозяина изъ общества, высылки домохозяина по суду или приговору общества, если хозяйство его осталось безъ попеченія и если неисправность въ платежѣ повинностей заставляетъ отбирать у него участокъ. Такіе участки могутъ быть въ полномъ составѣ или по частямъ передаваемы другимъ домохозяевамъ. Лица, которыя заинтересованы въ участкѣ, поступающемъ въ распоряженіе общества, имѣютъ право обжаловать приговоръ въ теченіе 30 дней со времени объявленія его земскому начальнику.

Этотъ немногословный законопроектъ можетъ имѣть очень большое вліяніе на весь хозяйственный бытъ нашего крестьянства въ великороссійскихъ губерніяхъ. Тѣ изъ представителей мѣстной власти, которые вы-

сказываются за сохраненіе земельной общины и требуют ограниченія права сельскихъ обществъ производить передѣлы земли, впадаютъ въ противорѣчіе сами съ собой. Передѣлы земли, и, притомъ, возможно свободные отъ внѣшнихъ вліаній, согласные съ многочисленными мѣстными условіями, и выражаютъ существо общиннаго владѣнія землей. Разъ передѣлы,—все равно, общіе или только частные, перестаютъ производиться,—община рушится; она остается только оболочкою, которая прикрываетъ частную поземельную собственность (конечно, мы беремъ тотъ уровень экономическаго и умственнаго развитія, на которомъ стоитъ наша деревня, а не болѣе благоприятныя условія, гдѣ артельный трудъ сдѣлалъ бы передѣлы излишними). Регулируйте передѣлы тѣмъ немногословнымъ закономъ, который мы изложили, и общинный строй будетъ для многихъ милліоновъ крестьянъ искусственнымъ созданіемъ, вовсе несогласованнымъ съ условіями мѣстности, которыя кладутъ свою печать на порядокъ пользованія общинною землей. За послѣднія 10 лѣтъ мы чаще, чѣмъ когда-либо ранѣе, ссылаемся на необходимость считаться съ исторически сложившимися условіями народной жизни, мы каждый день слышимъ о томъ, какъ опасно внесеніе новшествъ въ народную среду, а, между тѣмъ, пытаемся упорядочить способы пользованія землею, и, притомъ, по однообразной мѣркѣ для всѣхъ великорусскихъ и новороссійскихъ губерній, мы сами отказываемся согласовать новыя начала съ тѣми условіями, которыя народная жизнь выработала въ данномъ мѣстѣ подъ вліаніемъ многихъ, частью изстари дѣйствующихъ причинъ. Если какая-либо система полеводства не можетъ быть съ выгодною примѣнена въ каждомъ уголкѣ нашего обширнаго отечества, если то или другое растеніе или земледѣльческое орудіе не вездѣ доставляетъ сельскому хозяину одну и ту же выгоду, то и способы надѣленія землею членовъ общины объясняются всѣмъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій. Это было бы несомнѣнно, если бы даже мы вовсе не имѣли точныхъ свѣдѣній о строѣ и жизни русской общины. Земля является для крестьянина важнѣйшимъ благомъ и источникомъ существованія. Не естественно ли поэтому, что онъ относится къ землѣ и передѣламъ, какъ моментамъ, которые устанавливаютъ на извѣстное число лѣтъ связь между землею и каждымъ общинникомъ, съ большею обдуманностью, нежели ко многимъ другимъ актамъ частной и общественной жизни? Злоупотребленія можно найти во всѣхъ общественныхъ слояхъ, отъ нихъ не свободенъ, конечно, и нашъ общинный строй. Но какое имѣемъ мы основаніе считать въ общинномъ строѣ злоупотребленіями такіе способы выполненія передѣловъ, которые отличаются отъ какой-то нормы, признаваемой нами за среднюю? Не гораздо ли правильнѣе отказаться отъ попытки установить нормальный типъ передѣловъ и считать многія своеобразности въ этой области необходимыми послѣдствіями всей совокупности мѣстныхъ условій? Обильный матеріалъ, который собрали объ общинѣ наши земскіе статистики, позволяютъ твердо обосновать всѣ эти положенія. Дознаю, что общинный строй, будучи господствующею формою поземель-

ныхъ отношеній отъ литовскихъ губерній до Восточной Сибири и отъ Архангельска до земли донскихъ и уральскихъ козаковъ, не представляеть однообразной картины. Дѣлятся ли земли по ревизскимъ душамъ, по работникамъ или тягламъ,—вездѣ есть мѣстные условія, которыя заставляютъ предпочесть одно изъ этихъ началъ, какъ единицу при передѣлѣ общинныхъ угодій. Спросите у крестьянъ, отчего ихъ поля передѣляются слишкомъ часто, каждыя 6 лѣтъ или даже каждые 3 года, и они отвѣтятъ, что ихъ поля еще не удобряются, что у нихъ интересы общинника не страдаютъ отъ того, что онъ только 3 года владѣлъ своимъ участкомъ. Спросите въ другомъ мѣстѣ, отчего передѣлы производятся только чрезъ 15—18 лѣтъ, и вамъ укажутъ важную причину, что поля унавоживаются, что нужно дать каждому домохозяну возможность собрать нѣсколько урожаевъ на томъ участкѣ, куда онъ вывезъ удобреніе. И частные передѣлы, которые возбуждаютъ противъ себя неудовольствіе противниковъ общины, вызваны къ жизни очень важными причинами: въ большомъ селеніи, гдѣ въ передѣлъ поступаютъ тысячи десятинъ земли и гдѣ одновременно затрогиваются интересы нѣсколькихъ сотъ домохозяевъ, уравненіе можетъ быть достигнуто частнымъ передѣломъ, производящимся въ группѣ изъ 2—3 десятковъ домохозяевъ. Всѣ особенности передѣловъ, кажущіяся странными и малопонятными людямъ, которые незнакомы съ бытомъ нашей деревни, всесторонне объяснены и освящены въ классическомъ трудѣ покойнаго В. И. Орлова: *Формы крестьянскаго землевладѣнія*, а въ послѣднее время получили снова освѣщеніе въ книгѣ г. В. В. *Крестьянская община*. На ряду съ цѣлесообразностью многихъ, повидимому, странныхъ обычаевъ, которыми сопровождаются передѣлы, мы находимъ и другую драгоценную особенность въ жизни общины—стремленіе устранить тѣ условія, связанныя съ передѣлами земли, которыя могутъ имѣть вредное вліяніе на хозяйство. Хозяйство крестьянина страдаетъ, если у него слишкомъ часто отбираютъ участки земли, въ которые было вложено наиболѣе труда и капитала; домохозяинъ несетъ крупный ущербъ, если, вмѣсто хорошо унавоженнаго участка, получаетъ вовсе неудобренную полосу. Общины имѣютъ въ виду эти обстоятельства и считаются съ ними при передѣлахъ: такъ какъ огороды, гуменики и конопляники служатъ главными мѣстами затраты труда и капитала, то къ нимъ или вовсе не примѣняются передѣлы, или производятся очень рѣдко. Дабы домохозяинъ, рачительно удобрившій свой надѣлъ, не понесъ чувствительной потери отъ полученія вовсе неунавоженной полосы, міръ требуетъ, чтобы всѣ общинники обрабатывали свои надѣлы и удобряли ихъ, чтобы не было рѣзкой разницы между полосами отдѣльныхъ домохозяевъ. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ встрѣчается и такой обычай, что домохозяинъ, которому при передѣлѣ досталась слишкомъ плохая полоса, получаетъ определенное количество возовъ навоза отъ міра. Наша литература по общинному землевладѣнію содержитъ многочисленныя указанія на факты этого рода. Кто удѣлитъ хотя немного времени, чтобы познакомиться съ земельною общиной, тотъ уви-

дять, что передѣлы въ большинствѣ селеній совершаются не чаще, чѣмъ чрезъ 12—15 лѣтъ. Правда, найдется довольно много общинъ, которыя производятъ передѣлы каждыя 6 лѣтъ и даже 3 года. Но какія это общины? Именно тѣ, гдѣ хозяйство находится въ состояніи упадка, гдѣ земля считается бременемъ, гдѣ она не покрываетъ даже податей, лежащихъ на крестьянскомъ дворѣ, гдѣ населеніе остается земледѣльческимъ только по названію, а по существу—перешло къ разнаго рода промысламъ и имѣетъ главнымъ источникомъ доходовъ фабричную работу или отхожіе промыслы. Въ такихъ селеніяхъ каждый домохозяинъ старается имѣть наименьшее количество земли, которое, по числу членовъ семьи, можетъ причитаться ему на дворъ. Именно въ такихъ общинахъ каждый старается сбросить съ себя излишекъ земли посредствомъ общаго или частнаго передѣла. Эти условія, учащая передѣлы всей земли, служатъ причиною частаго совершенія передѣловъ и въ единичныхъ группахъ домохозяевъ. Безпристрастная оцѣнка условій, которыя господствуютъ въ такихъ общинахъ, заставляетъ свазать, что причиною слишкомъ частыхъ передѣловъ служатъ вредные элементы въ средѣ крестьянства, а упадокъ благосостоянія, слишкомъ малые надѣлы, обременительные платежи и крайняя бездоходность сельскаго хозяйства. Немудрено, если въ ближайшіе годы увеличится число общинъ съ склонностью къ частымъ передѣламъ. Населеніе возрастаетъ, малоземелье становится все болѣе ощутительно, истощеніе почвы понижаетъ урожайность, а потому должно увеличиваться число селеній, въ которыхъ будутъ смотрѣть на земельный надѣлъ, какъ на тягость, и гдѣ большинство на сельскихъ сходахъ будетъ обнаруживать большую склонность къ частымъ передѣламъ. Можетъ ли предложенный законъ устранить эти невыгоды?

Законъ будетъ имѣть вліяніе и на тѣ сельскія общества, гдѣ теперь рѣдко производятся передѣлы. Наблюденія показываютъ, что тамъ, гдѣ земля сравнительно доходна, съ избыткомъ покрываетъ платежи крестьянскаго двора, крестьяне не охотно производятъ общіе и частные передѣлы; каждый дворъ старается удержать за собой какъ можно больше земли. Предложенный законъ еще болѣе укрѣпитъ это стремленіе. Ссылаясь на законъ, можно будетъ совѣмъ устранить частные передѣлы и совершать общіе еще рѣже, нежели они производятся въ настоящее время. А это еще болѣе увеличитъ неравенство относительно владѣнія землей,—неравенство, которое и теперь достигло мѣстами въ черноземныхъ губерніяхъ очень большихъ размѣровъ. Возьмемъ, наприм., огромное село Сукманку, Борисоглѣбскаго уѣзда, имѣющее до 800 дворовъ и больше 5,000 душъ; въ немъ $\frac{1}{4}$ дворовъ имѣетъ надѣлы въ 2 раза меньше (1,9 до 2,5 десятины на душу), нежели $\frac{1}{8}$ дворовъ (по 4,8 десятины), которые находятся въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ можно найти множество такихъ примѣровъ. Если въ подобныхъ общинахъ и теперь дѣйствуютъ силы, которыя ослабляютъ общинное начало, то, съ изданіемъ закона, неблагоклоннаго къ передѣламъ, эти силы будутъ дѣй-

ствовать еще болѣе могущественно. А въ результатѣ—еще большее измельчаніе надѣловъ тѣхъ дворовъ, которые имѣютъ мало земли, еще большая трудность для нихъ вести хозяйство, еще большее задолжаніе и незамѣтный, но неизбежный переходъ всей земли въ руки болѣе исправныхъ домохозяевъ, т.-е. разложеніе общины. Подобное же вліяніе будетъ оказано закономъ на общинный строй и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ теперь часто совершаются общіе и групповые передѣлы. Необходимость производить передѣлы не чаще, чѣмъ черезъ 12 лѣтъ, поведетъ къ тому, что многіе домохозяева будутъ ощущать земельное бремя гораздо сильнѣе, нежели теперь; они будутъ стремиться или выйти изъ общества и стать въ ряды городского пролетаріата, или, оставшись въ обществѣ и навсегда посвятивъ себя фабричному или ремесленному труду, даже приплачивать міру за то, чтобъ онъ освободилъ ихъ отъ земельныхъ надѣловъ, которые постепенно сосредоточатся въ рукахъ небольшого числа исправныхъ домохозяевъ. А разъ послѣдніе, усвоивъ нѣсколько болѣе совершенные сельско-хозяйственные приемы, почувствуютъ, что даже глинистый и супесчаный надѣлы могутъ быть не тягостью для владѣльца, а источникомъ доходовъ, они приобрѣтутъ на сельскомъ сходѣ необходимое большинство голосовъ, чтобы постановить о переходѣ къ подворному владѣнію, чтобы округлить свои участки и обезземелить своихъ сосѣдей-неудачниковъ. Довольно одного поколѣнія, чтобы процессъ разложенія общины, облегченный этимъ закономъ, сдѣлалъ очень большіе успѣхи. Мы считаемъ послѣдніе годы особенно благоприятными для этого процесса, а условія нашего народнаго хозяйства способствующими тому, чтобы обезземеленіе совершилось въ огромныхъ подавляющихъ размѣрахъ. Неурожай, вытекающіе изъ ухудшенія вѣншей природы, ослабили связь съ землею многихъ милліоновъ нашихъ крестьянъ. Многочисленныя массы поселянъ опустились на столь низкій уровеньъ обезпеченности, что чувство привязанности къ землѣ уступаетъ мѣсто чувству тягости огромнаго, напряженнаго труда, который едва доставляетъ кусокъ хлѣба. Такимъ образомъ, въ окружающихъ условіяхъ вѣтъ ничего, что воздѣйствовало бы на душу крестьянина и побуждало бы его удерживать земельный надѣлъ. Но и состояніе сельскаго хозяйства не представляетъ для огромной массы возможности удержаться въ ряду самостоятельныхъ хозяевъ: распались община—и большинство крестьянъ, вслѣдствіе низкой сельско-хозяйственной техники, не могли бы выпутаться изъ кабалы, въ которой они находятся, и неминуемо потеряли бы землю. Сельскій пролетаріатъ явился бы въ огромномъ подавляющемъ количествѣ. А законъ о неотчуждаемости надѣловъ, который почти сталъ совершившимся фактомъ,—развѣ онъ не воспрепятствуетъ обезземеленію нашего крестьянства? Этотъ законъ, отвѣтимъ мы, укрѣпляя за крестьянами тѣ надѣлы, которыми они владѣютъ въ настоящее время, послужитъ для многихъ источникомъ лишняго бремени, если будетъ ослаблена уравнивающая сила общихъ и частныхъ передѣловъ.

Въ правительственныхъ сферахъ поднять вопросъ о преобразованіи надзора надъ фабриками и заводами. Теперь техническій надзоръ за фабриками совершенно отдѣленъ отъ надзора за исполненіемъ закона относительно работы и обученія малолѣтнихъ. Второй возложенъ на фабричныхъ инспекторовъ; первый лежитъ на губернскихъ механикахъ. Съ 1857 года губернскіе механики не получаютъ жалованья изъ казны, а пользуются вознагражденіемъ отъ фабрикантовъ, по обоюдному соглашенію, за осмотръ паровыхъ котловъ, составленіе плановъ и смѣтъ. Въ результатѣ получается очень странное отношеніе: губернскіе механики обязаны наблюдать за исправнымъ состояніемъ паровыхъ котловъ, преслѣдовать упущенія со стороны фабрикантовъ, а, между тѣмъ, находятся въ матеріальной зависимости отъ послѣднихъ. Это нерѣдко заставляетъ ихъ смотрѣть сквозь пальцы на неисправное состояніе котловъ и служить причиною несчастныхъ случаевъ. Дѣятельность фабричныхъ инспекторовъ очень полезна. Но личный составъ малочисленъ: кромѣ главнаго фабричнаго инспектора и его помощника, имѣются 34 инспектора съ помощниками; на каждого приходится отъ 2,272 до 5,434 промышленныхъ заведеній.

Неудовлетворительность той и другой организаціи побуждаетъ правительство слить обѣ должности въ одноѣ лицѣ. Изъ 60 губерній Европейской Россіи 18 имѣютъ наиболѣе развитую фабричную и заводскую промышленность. Это губерніи: Петербургская, Эстляндская, Лифляндская, Московская, Тверская, Рязанская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Варшавская, Петроковская, Гродненская, Херсонская, Киевская, Подольская, Волынская и Харьковская. На эти губерніи приходится больше $\frac{2}{3}$ промышленныхъ заведеній всей Европейской Россіи и 80% фабричныхъ работниковъ. На первыя 18 губерній устанавливается общее число чиновъ фабричной инспекціи въ 76 человекъ, а на остальные 42 губерніи—67. Въ губерніяхъ первой группы будутъ старшіе фабричные инспектора, а въ 10 губерніяхъ—съ наиболѣе развитою промышленностью будутъ учреждены кандидаты на фабричнаго инспектора. Чины фабричной инспекціи будутъ соединять въ своемъ лицѣ техническій надзоръ за промышленными заведеніями и наблюденіе за примѣненіемъ правилъ, относящихся до работы малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ и до урегулированія отношеній между фабрикантами и рабочими. Кромѣ того, на чиновъ инспекціи возлагается собраніе статистическихъ свѣдѣній относительно фабричной, заводской и ремесленной промышленности и надзоръ за исполненіемъ правилъ относительно обученія малолѣтнихъ рабочихъ. Предположено оставить губернскихъ механиковъ въ губерніяхъ: Бавинской, Иркутской, Тобольской и Кутаисской и въ областяхъ Амурской, Кубанской, Сырь-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской. Въ настоящее время содержаніе фабричной инспекціи стѣдитъ около 127,000 руб., общій же расходъ на нее въ ея новомъ видѣ, вмѣстѣ съ содержаніемъ особаго отдѣленія при департаментѣ торговли и мануфактуръ, исчислено въ 612,380 рублей. Недостающая сумма будетъ пополнена особымъ сборомъ съ паровыхъ

котловъ; общее число фабричныхъ котловъ и локобилей достигаетъ 32,000; съ первыхъ предположено взимать по 20 р. въ годъ, а со вторыхъ по 12 р.

Намѣченное преобразование фабричной инспекціи вполнѣ целесообразно. На каждого чина фабричнаго надзора будетъ причитаться уже не 2—5,000 фабричныхъ заведеній, а 500—1,200; среднимъ числомъ каждое заведеніе можетъ быть посѣщено инспекторомъ не разъ въ 5—8 лѣтъ, а разъ каждые 1—2 года. Какъ ни будутъ еще обширны районы чиновъ фабричнаго надзора и какъ ни мало времени они будутъ въ состояніи удѣлить каждому промышленному заведенію, въ этомъ преобразованіи слѣдуетъ признать уже замѣтный шагъ впередъ. Съ чиновъ преобразованной инспекціи слагается обязанность составлять, по приглашенію фабрикантовъ, планы и смѣты и производить въ зданіяхъ фабрикъ разныя улучшенія; это не можетъ причинить фабрикантамъ невыгоды, такъ какъ въ настоящее время во всѣхъ промышленныхъ мѣстностяхъ есть частные механики, инженеры и архитекторы, услугами которыхъ и могутъ пользоваться владѣльцы промышленныхъ заведеній. Тамъ же, гдѣ не легко найти такихъ лицъ, какъ въ губерніяхъ Сибири и Кавказа, оставлены губернскіе механики. Преобразование фабричной инспекціи имѣетъ и ту хорошую сторону, что не сопряжено съ новымъ бременемъ государственныхъ финансовъ; промышленники могутъ безъ труда уплачивать сборъ съ паровыхъ котловъ, тѣмъ болѣе, что неисправность влечетъ за собою для нихъ и крупныя убытки, и уголовную отвѣтственность.

Увеличеніе числа фабричныхъ инспекторовъ служитъ нѣкоторымъ обезпеченіемъ того, что фабричныя законы будутъ исполняться болѣе точно, нежели въ настоящее время. Но пора подумать и о дальнѣйшемъ развитіи фабричнаго законодательства, пора позаботиться о томъ, чтобы наши фабричныя законы хотя медленно приближались даже къ тѣмъ границамъ, за которыя давно переступила Западная Европа. Припоминая исторію фабричнаго законодательства, мы видимъ, что каждый новый законъ былъ шагомъ впередъ. Англія, всего ранѣе развѣвъ крупную промышленность, выработала раньше и фабричныя законы посредствомъ упорной борьбы съ эгоистическими влеченіями и предрасудками фабрикантовъ и заводчиковъ. Однако, другія страны Европы старались не отстать отъ Англіи на этомъ пути. Австрія и Швейцарія въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже опередила Великобританію. Не взирая на превосходство англійской промышленности, государства материка Европы сдѣлали почтенныя усилія для того, чтобы оградить трудъ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ. Всего позднѣе была признана обязанность сократить рабочій день мужчинъ. Фабричныя законы Швейцаріи ограничиваютъ рабочій день одиннадцатью часами, а для рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ—десятью. Австрійскій законъ установилъ 11 часовъ, какъ высшій предѣлъ рабочаго дня, а въ нѣкоторыхъ производствахъ день сокращенъ даже до 10. Въ сѣверной Америкѣ высшій предѣлъ ограниченъ также 10 часами, а въ нѣкоторыхъ штатахъ восемью, если не было спеціальнаго договора между хозяевами и работниками. Насъ слѣду-

сть назвать только спокойными созерцателями успѣховъ, которые сдѣлало въ иностранныхъ государствахъ фабричное законодательство; мы движемся въ этой области очень медленно, а нѣкоторые позднѣйшіе законы составляютъ даже нѣсколько шаговъ назадъ сравнительно съ предъидущими. Такъ, наприм., законъ 24 апрѣля 1890 года установилъ для женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ менѣе благопріятныя условія, нежели тѣ, которыя были созданы законами 1882—85 годовъ. Мы относимъ сюда многочисленныя изъятія изъ запрещенія ночного труда для женщинъ и подростковъ. Законъ 24 апрѣля разрѣшаетъ этимъ лицамъ ночную работу въ «особо уважительныхъ случаяхъ». Такими «особо уважительными» случаями, когда присутствія по фабричнымъ дѣламъ, а тамъ гдѣ ихъ нѣтъ губернаторы могутъ разрѣшать женщинамъ и подросткамъ ночную работу, служатъ: продолжительная, вызванная несчастіемъ, остановка работъ на фабрикѣ и усиленное поступленіе заказовъ передъ ярмарками; ночная работа разрѣшается этимъ лицамъ и тогда, когда женщины и подростки работаютъ ночью совмѣстно съ главами своихъ семей. Установленныя изъятія даютъ таковой широкой просторъ для занятія женщинъ и подростковъ, что только небольшая часть ихъ будетъ находиться въ условіяхъ, когда, согласно съ буквой закона, имъ не можетъ быть разрѣшена ночная работа. Въ значительныхъ фабричныхъ центрахъ жены и дочери обыкновенно работаютъ совмѣстно съ главами семей; изъятіе, подъ предлогомъ усиленныхъ заказовъ, можетъ распространяться на большую часть года: если фабрика производитъ товары для нижегородской ярмарки и самыхъ большихъ южно-русскихъ ярмарокъ, то время усиленныхъ заказовъ можетъ наступать 6—8 разъ въ году, и ночная работа будетъ разрѣшаема съ небольшими перерывами въ теченіе почти цѣлаго года. Отмѣтимъ также неблагопріятное измѣненіе, которое вводитъ новый законъ для тѣхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ примѣняется непрерывная 18-ти часовая дневная работа двумя смѣнами: въ такихъ заведеніяхъ малолѣтніе могутъ быть занимаемы работою уже не 8 часовъ въ сутки, какъ по закону 1882 г., а 9 часовъ, а ночное время для подростковъ и женщинъ исчисляется не отъ 9 ч. и до 5 утра, какъ ранѣе, а отъ 10 до 4 утра. Такимъ образомъ, дозволенный рабочій день удлинится на 1 часъ для малолѣтнихъ и на 2 часа для женщинъ и подростковъ. Укажемъ и на другой пробѣлъ въ законѣ—необезпеченность обученія малолѣтнихъ рабочихъ. Хотя на фабричныхъ инспекторовъ возлагается наблюденіе за преподаваніемъ въ школахъ, которыя предназначены для фабричныхъ дѣтей, хотя этому предмету посвящено особое положеніе, однако, не созданы нормы, которыя обезпечивали бы успѣхъ дѣла. Обезпеченіемъ было бы повсемѣстное открытіе школъ для фабричныхъ дѣтей. Но законъ не вмѣняетъ этого въ обязанность хозяевамъ фабрикъ: онъ только «предоставляетъ имъ открывать» школы. Если при фабрикѣ нѣтъ школы, то фабричная инспекція входитъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ относительно того, чтобы въ ближайшихъ народныхъ училищахъ преподаваніе было приспособ-

соблено для фабричныхъ дѣтей (главнымъ образомъ, относительно времени классныхъ занятій). Если нельзя достигнуть соглашения, то фабричная инспекція должна приглашать мѣстное учебное начальство устраивать для фабричныхъ дѣтей особыя школы и для этой цѣли входить въ сношеніе «съ земствами, городскими или сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и тѣми частными лицами, отъ которыхъ возможно ожидать содѣйствія дѣлу народнаго образованія». Статьи закона перечисляютъ лица и учрежденія, въ которыхъ инспекція и мѣстное учебное начальство должны обращаться съ ходатайствами объ устройствѣ для фабричныхъ дѣтей новыхъ школъ или о приспособленіи существующихъ; но законъ никому не вмѣняетъ въ обязанность устраивать школы этого рода. Много пожеланій, но нѣтъ ни одного предписанія. Обратимся, наконецъ, къ продолжительности рабочаго дня мужчинъ и мы найдемъ факты, которые производятъ поистинѣ ужасающее впечатлѣніе. Преобладаетъ рабочий день въ 13—14 часовъ. Но очень многія промышленныя заведенія еще не достигли этой *умѣренной* нормы: на фарфоровыхъ заводахъ московскаго фабричнаго округа, въ прядильняхъ хлопка, шерсти и джута въ привислянскихъ губерніяхъ работаютъ 15—16 часовъ; на рогожныхъ заведеніяхъ, спичечныхъ заводахъ, въ овчинно-шубныхъ мастерскихъ работаютъ по 18 часовъ. Только люди, у которыхъ окончательнo притуплено чувство человѣчности, могутъ спокойно слышать о 16 часахъ труда, какъ нормальномъ рабочемъ днѣ для многихъ промышленныхъ заведеній. Сторонникамъ сохраненія этого порядка можно было бы сослаться на то, что «Россія еще не подготовлена къ болѣе короткому рабочему дню», что, при «сокращенномъ днѣ, русскіе товары будутъ окончательнo вытѣснены иностранными произведеніями даже съ туземнаго рынка», что «русскій человекъ, по сокращеніи дня, будетъ имѣть меньшій заработокъ» и такимъ образомъ понизится благосостояніе рабочихъ классовъ. Словомъ, можно на разные лады затянуть ту жалобную пѣсню, полная безсодержательности которой доказана многочисленными фактами изъ исторіи фабричныхъ законовъ. Но и русская жизнь выдвигаетъ факты, которые доказываютъ, что сокращеніе рабочаго дня въ русской промышленности не только возможно, но и выгодно. Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* напечатана такая корреспонденція изъ Лодзи: «Здѣсь сдѣланъ первый починъ уменьшенія рабочаго дня. Сдѣланъ онъ самою крупною лодзинскою фирмой акціонернаго товарищества хлопчатобумажныхъ мануфактуръ Карла Шейблера; на фабрикахъ этой фирмы работаетъ 6,500 рабочихъ. Въ субботу, 13 февраля, управленіемъ фабрики были созданы старѣйшіе рабочіе и мастера, и имъ было объявлено, что черезъ двѣ недѣли, а именно съ 3 марта, рабочий день будетъ сокращенъ на 1 часъ, т.-е., вмѣсто 13 часовъ въ день, работа будетъ длиться 12, что плата для рабочихъ поденныхъ останется безъ уменьшенія, а плата за сдѣланную работу увеличивается пропорціонально уменьшенію времени, т.-е. на одну тринадцатую часть, чтобы рабочіе не потеряли ничего изъ своего заработка. Такъ какъ на фабрикахъ Шейбле-

ра выплачивается рабочей платы ежегодно до 1,300,000 руб., то разница для владѣльцевъ составитъ около 100,000 руб. въ годъ». А въ началѣ весны газеты принесли извѣстіе, что многіе фабриканты привіслянскихъ губерній постановили сократить рабочій день до 12, а затѣмъ до 11 часовъ, находя, что, при сокращенномъ рабочемъ днѣ, трудъ можетъ стать *болѣе производительнымъ*. Образъ дѣйствій г. Шейблера доказываетъ, что среди фабрикантовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ твердо упрочилось убѣжденіе въ возможности производить, съ сокращеніемъ количества труда, не меньшую массу товаровъ. Было бы наивно предположить, что г. Шейблеръ даритъ рабочимъ 100,000 руб.; онъ руководствуется правильнымъ хозяйственнымъ расчетомъ: если, думаетъ онъ, прибыль въ текущемъ году уменьшится, то увеличенная производительность труда не замедлитъ увеличить ее въ самомъ близкомъ будущемъ. И такъ, скажемъ мы, есть настоятельная потребность сократить рабочій день на русскихъ фабрикахъ; на первый разъ мы считаемъ цѣлесообразнымъ установить 11 часовъ, какъ высшій предѣлъ рабочаго дня, за которымъ должно послѣдовать и дальнѣйшее сокращеніе.

Въ близкомъ будущемъ нужно ожидать изданія закона объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчье и смерть рабочихъ. Сущность закона, по газетнымъ извѣстіямъ, уже принята въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ государственнаго совѣта, состоитъ въ томъ, что владѣльцы фабрикъ, заводовъ и разныхъ иныхъ промышленныхъ предпріятій, въ случаѣ смерти или увѣчья рабочаго, обязаны вознаградить его или его семейство за понесенный убытокъ. Къ владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій отнесены отдѣльныя лица, частныя общества, казна, городскія и земскія учрежденія. Владѣльцы предпріятій освобождаются отъ отвѣтственности лишь въ томъ случаѣ, если докажутъ, что единственною причиною несчастья являются: непреодолимая внѣшняя сила, преступленіе или проступокъ, которые могутъ быть вмѣнены въ вину лицамъ, вовсе не причастнымъ къ промышленному предпріятію, или исключительно собственная вина или умыселъ пострадавшаго. Если причиною несчастнаго случая является совмѣстная вина владѣльца промышленнаго предпріятія и рабочаго, то размѣръ пенсіи пострадавшему лицу можетъ быть уменьшенъ отъ трехъ четвертей до половины нормальнаго размѣра, сообразно со степенью виновности пострадавшаго. Если пострадавшій становится вслѣдствіе увѣчья временно или навсегда неспособенъ къ работѣ, то владѣлецъ предпріятія обязанъ возмѣстить ему расходы леченія и весь понесенный имущественный ущербъ. Если пострадавшій навсегда потерялъ способность къ труду, то ему назначается пенсія въ размѣрѣ полного годового оклада содержанія. Пенсія тѣмъ изъ служащихъ на фабрикѣ лицъ, полный окладъ содержанія которыхъ превышаетъ 1,200 рублей, исчисляется такъ, какъ будто они получаютъ 1,200. Въ случаѣ смерти пострадавшаго, причиненной несчастнымъ случаемъ, владѣлецъ предпріятія обязанъ выдать на погребеніе отъ 10 до 20 рублей, а также вознаградить за имущественный

ущербъ тѣхъ лицъ, которыя были на содержаніи пострадавшаго. Вдова получаетъ пожизненно или до выхода замужъ 30% содержанія умершаго, малолѣтки—отъ 15 до 20% каждый. Всѣ эти пенсіи въ совокупности не могутъ превышать 60% послѣдняго оклада пострадавшаго. Опредѣленіе вида и размѣра вознагражденія предоставляется добровольному соглашенію сторонъ; оно облекается въ форму договора, свидѣтельствуемаго земскимъ начальникомъ или мировымъ судьей. Если не состоится добровольнаго соглашения, то вознагражденіе опредѣляется приговоромъ суда. Всѣ предшествовавшія несчастному случаю соглашенія, которыя клонятся къ ограниченію права рабочихъ получить вознагражденіе или уменьшаютъ его размѣръ, признаются недействительными. Въ случаѣ ликвидаціи предпріятія по несостоятельности, пенсіи, назначенныя пострадавшему лицу или его семейству, причисляются къ долгамъ перваго разряда.

Этотъ законъ можетъ быть, въ общемъ, признанъ цѣлесообразнымъ. Конечно, владѣльцы предпріятій будутъ громко жаловаться, что новыя обязанности, возлагаемыя на нихъ, являются тяжелымъ бременемъ. Однако, чтеніе законопроекта убѣждаетъ, что онъ ставитъ предпринимателя въ очень благоприятныя условія. Крупныя убытки, которые могутъ быть нанесены рабочимъ пожарами, наводненіемъ, бурей, неприятельскимъ нашествіемъ, не дѣлаютъ предпринимателей отвѣтственными. Состояніе опьяненія, вслѣдствіе котораго работникъ можетъ быть раздробленъ колесами машины даже на благоустроенной фабрикѣ, также не позволяетъ привлечь предпринимателя къ отвѣтственности. Разныя неисправности, которыя могутъ быть произведены въ промышленномъ предпріятіи подъ вліяніемъ стороннихъ лицъ, всегда дадутъ возможность хозяину фабрики или завода сложить съ себя отвѣтственность. Такимъ образомъ, хозяину нужно зорко слѣдить только за тѣмъ, чтобы паровой котель былъ въ порядкѣ, машины не были разставлены слишкомъ тѣсно и были введены предохранительныя приспособленія, которыя техническая изобрѣтательность уже доставила промышленности и продолжаетъ доставлять въ огромномъ количествѣ примѣнительно къ свойствамъ каждой машины, способной причинить увѣче. Стоитъ хозяину зорко слѣдить за всѣмъ этимъ, стоитъ ему внимательно блюсти за тѣмъ, чтобы машины приостанавливались во время чистки, и несчастные случаи съ рабочими будутъ совершенно единичными явленіями. Можно утверждать даже, что на такихъ фабрикахъ расходы на пенсіи пострадавшимъ будутъ составлять гораздо меньшія суммы, нежели потери, которыя несетъ на своихъ покупателяхъ каждое промышленное предпріятіе, даже открывающее кредитъ съ большою обдуманностью. Въ виду того, что законопроектъ вовсе не налагаетъ на предпринимателей какого-либо непосильнаго бремени, особенно серьезныя возраженія вызываетъ та статья, которая опредѣляетъ удовлетвореніе лицъ, получающихъ пенсіи въ случаѣ добровольнаго закрытія предпріятія: потерпѣвшему или его семейству выдается въ такихъ случаяхъ единовременное вознагражденіе въ шестикратномъ годовомъ размѣрѣ назначенной пенсіи. Такой способъ удов-

летворенія потерпѣвшаго является въ высшей степени несправедливымъ: не имѣя основанія рассчитывать, чтобы работникъ могъ получать больше 5% годовыхъ на капиталъ, мы должны признать справедливою, въ случаѣ закрытія предпріятія, единовременную выдачу ему суммы, въ двадцать разъ превышающей размѣръ его годовой пенсіи. Намъ возразятъ, что пенсія прекращается со смертію потерпѣвшаго и членовъ семьи, которые имѣли право получать ее, а единовременная выплата ему суммы въ 20-ти кратномъ размѣрѣ создастъ ему источникъ непрерывной ренты; въ отвѣтъ на это можно согласиться нѣсколько уменьшить сумму, выдаваемую единовременно при закрытіи предпріятія, наприм., до 15 или 12-ти кратнаго размѣра, но отнюдь не до 6-ти кратнаго. Сохраняя послѣднюю форму, законъ нерѣдко будетъ ставить рабочихъ въ очень тягостныя условія. Предположимъ, что пострадавшему 30 лѣтъ и что онъ получилъ право на 100-рублевую годовую пенсію. Единовременная выдача ему 600 рублей позволитъ ему имѣть ежегодный доходъ только по 30 рублей. Нечего и говорить, что онъ будетъ вынужденъ урывать изъ капитала по 60—70 рублей въ годъ и черезъ 7, много 10 лѣтъ долженъ будетъ идти по-міру. Хорошо еще, если онъ не проживетъ дольше 40 лѣтъ; если же онъ, по несчастью, доживетъ до 55—60, то положеніе его будетъ гораздо болѣе затруднительнымъ, нежели нищихъ по профессіи: единичные филантропы или благотворительныя общества, узнавъ, что такой калѣка получилъ за увѣчые «цѣлый капиталъ», заключать, что онъ, вѣроятно, пропилъ его и что онъ вовсе не заслуживаетъ поддержки.

Законопроектъ въ его настоящемъ видѣ есть наслѣдіе, оставленное министерству финансовъ Н. Х. Бунге. Онъ былъ выработанъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ и до сихъ поръ лежалъ безъ движенія. Въ 1889 году, при управленіи министерствомъ финансовъ И. А. Вышнеградскаго, былъ выработанъ по данному вопросу законопроектъ, проникнутый иными началами: не хозяинъ долженъ былъ доказывать, что онъ невиновенъ въ увѣчьи или поврежденіи, которыя получилъ рабочій, а пострадавшій работникъ долженъ былъ доказать существованіе условій, которыя дѣлаютъ отвѣственнымъ предпринимателя. Находящійся нынѣ на разсмотрѣніи государственнаго совѣта законопроектъ гораздо болѣе соответствуетъ требованіямъ справедливости.

Послѣдніе мѣсяцы въ нашей печати было снова отведено много мѣста старому вопросу объ организаціи мелкаго краткосрочнаго кредита. Поводомъ къ этому послужили какъ засѣданія петербургскаго отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, такъ и выходъ въ свѣтъ книги г. Осипова *Обзоръ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита*. Г. Осиповъ удачно отмѣтилъ слабыя стороны нашихъ сельскихъ кредитныхъ учреждений. Если судить о числѣ дѣйствовавшихъ товариществъ по числу отчетовъ, разсмотрѣнныхъ комитетами, то оказывается, что ихъ число, достигнувъ 721 въ

1879 году, увеличилось съ нѣкоторыми колебаніями до 1884 г., а затѣмъ начало падать и въ 1890 году дало намъ ту же цифру—720. Товарищества стали въ среднемъ болѣе крупны; однако, наблюдается замедленіе ихъ роста. Въ послѣдніе годы вклады увеличивались въ меньшей пропорціи, нежели раньше: за 1876—80 годъ вклады увеличились сравнительно съ предъидущимъ пятилѣтіемъ на 179%, а въ слѣдующія пятилѣтія они возростали только на 68 и 66%. Гораздо рѣзче обнаруживается застой товариществъ въ выдачѣ ссудъ. Выданныя ссуды возросли съ 4¼ мил. рублей въ 1875 году, до 15 милліоновъ въ 1880, а во второй половинѣ 80-хъ годовъ сумма, ежегодно выдаваемая въ ссуду, колебалась между 17¼ и 18¾ милліоновъ. Если вспомнить, что 18 милліоновъ рублей, выданныхъ въ ссуду, составляютъ на душу только 18 копѣекъ, а на крестьянскую семью не болѣе одного рубля, если припомнимъ, что сумма, выданная за тотъ же годъ въ ссуду германскими товариществами, превышала 1½ милліарда марокъ, то признаемъ кредитъ изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ до крайности недостаточнымъ, удовлетворяющимъ только небольшую часть этой потребности нашего сельскаго люда. Разсуждать, какъ то нерѣдко дѣлаютъ защитники ссудо-сберегательныхъ товариществъ, что доставляемая ими выгоды измѣряются сбереженіями ихъ должниковъ на процентахъ (товарищества взимаютъ не больше 12% годовыхъ, а кредитъ у частныхъ капиталистовъ стѣбитъ въ деревнѣ не дешевле 36 годовыхъ, а потому на процентахъ за 18-ти милліонную ссуду заемщики сберегли больше 4 милліоновъ рублей въ годъ), значить довольствоваться слишкомъ малымъ, выгодами небольшого кружка, тогда какъ эти учрежденія должны, по своей идеѣ, служить интересамъ многочисленныхъ массъ. Ближайшее изученіе товариществъ обнаруживаетъ въ ихъ кредитныхъ оборотахъ полный застой. Около товарищества образуется тѣсно сомкнутый кругъ членовъ-заемщиковъ, которые, разъ взявъ ссуду, изъ года въ годъ переписываютъ свое заемное обязательство и вносятъ товариществу только проценты. Во многихъ товариществахъ ссуды, переписываемыя на тѣхъ же самыхъ должниковъ, составляютъ 50—60—70% общей суммы выданныхъ ссудъ, а ссуды, выдаваемыя вновь, сокращаются все болѣе и болѣе. Переписка ссудъ, не позволяя товариществу расширить обороты, превращаетъ краткосрочный кредитъ въ долгосрочный. Въ послѣдніе годы обнаруживаются и другія отрицательныя явленія: сумма просроченныхъ ссудъ возрастаетъ; изъ нихъ все большая часть взыскивается судебнымъ порядкомъ. Застой въ развитіи товариществъ доказывается и тѣмъ, что число выходящихъ членовъ увеличивается въ гораздо большей пропорціи, нежели число вступающихъ: за пятилѣтіе 1876—80 годовъ, по даннымъ о 154 товариществахъ, среднимъ числомъ поступало 34,873 въ годъ, а выходило 14,449, а за пятилѣтіе 1886—90 гг. мы имѣемъ для 694 товариществъ среднимъ числомъ 21,195 вступающихъ членовъ и 18,823 выходящихъ.

Такое положеніе дѣлъ побудило г. Осипова предложить рядъ поправокъ въ строѣ нашихъ товариществъ. Онъ совѣтуетъ отмѣнить обязательность

паевъ, такъ какъ огромная масса крестьянъ не можетъ дѣлать такія сбереженія, результатомъ которыхъ является полный пай; онъ предлагаетъ соединить въ товариществахъ краткосрочный кредитъ съ долгосрочнымъ и т. д. Важною мѣрой, отъ которой г. Осиповъ ожидаетъ благотворнаго вліянія на товарищества, служитъ созданіе особаго института инспекторовъ, подчиненныхъ отдѣленіямъ государственнаго банка. Инспекторамъ должно принадлежать право утверждать должностныхъ лицъ товариществъ, увольнять дѣлопроизводителей, созывать экстренныя общія собранія и проч. Г. Осиповъ, придавая инспекціи большое значеніе, впадаетъ въ ту же ошибку, которую теперь дѣлаютъ очень часто авторы разныхъ проектовъ, направленныхъ къ преобразованію какой-либо стороны нашей общественной жизни. Эта ошибка коренится въ убѣжденіи, что русская жизнь процвѣтетъ, если устроить нѣсколько новыхъ департаментовъ и назначить нѣсколько тысячъ лишнихъ чиновниковъ. Г. Осиповъ, предлагая ввести инспекторовъ для надзора за дѣятельностью ссудо-сберегательныхъ товариществъ, говоритъ о нежелательности стѣснять самоуправленіе товариществъ, ограничить права выборныхъ членовъ правленія и т. д. Но пожеланіе — одно, а фактъ—другое. Разъ будутъ такіе инспектора, они подчинятъ себѣ товарищества во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни; инспектора будутъ подъ впечатлѣніемъ распространенной мысли, что эти учрежденія непригодны, что они замерли въ своемъ развитіи, что члены не подготовлены къ исполненію своихъ обязанностей. Это убѣжденіе вызоветъ со стороны инспекторовъ слишкомъ энергическое вмѣшательство въ дѣла товариществъ и заглушитъ самостоятельность, которая могла бы, при болѣе благоприятныхъ общественныхъ условіяхъ, принести обильные плоды. Предложеніе г. Осипова должно быть признано тѣмъ болѣе ошибочнымъ, что онъ вводитъ правительственныхъ инспекторовъ. Для надзора за ссудо-сберегательными товариществами болѣе пригодны земскіе люди: близко связанные съ мѣстностью, они могутъ давать себѣ отчетъ въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ живутъ члены даннаго товарищества, и не вносить въ свою контрольную дѣятельность однороднаго начала, пригоднаго въ одномъ уѣздѣ, въ одной волости и бесполезнаго или даже вреднаго въ другихъ. Если земству предоставлено заботиться о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, то на него естественно ложится обязанность наблюдать и за мѣстными кредитными учрежденіями, насколько то вызывается существомъ дѣла.

Если мы вниательно присмотримся къ дѣлу, то увидимъ, что неуспѣхъ товариществъ объясняется вовсе не тѣмъ, что за ними нѣтъ правительственнаго или земскаго надзора. Главною причиной неуспѣшнаго ихъ развитія служатъ особенности ихъ устройства и общія условія хозяйственной жизни въ русской деревнѣ. Товарищества были предназначены удовлетворять потребность исключительно въ краткосрочномъ кредитѣ, который не выходитъ за предѣлы 12 мѣсяцевъ, а немнѣнне дешеваго кредита, посредствомъ котораго можно было бы удовлетворить нужды, требующія затраты капитала и довольно продолжительное время, побуждаетъ членовъ то-

варищества пользоваться ссудами и на такіе расходы, которые позволяют вырывать затраченный капиталъ только въ теченіе 2—3—5 лѣтъ: около половины всей суммы ссудъ берется на покупку лошадей, рогатаго скота, земледѣльческихъ орудій, постройку домовъ. Самый характеръ этихъ затратъ ведетъ къ перепискѣ ссуды въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Отметимъ въ строѣ товариществъ и другую неблагоприятную особенность—невозможность брать, безъ поручительства, ссуду, болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза превышающую паевой взносъ. Это отталкиваетъ отъ товарищества бѣднѣйшихъ крестьянъ: такой крестьянинъ можетъ вносить пай только самыми мелкими долями; такому человѣку не легко найти и поручителя, который позволилъ бы ему получить большую ссуду. А потому, такъ называемый образцовый уставъ товариществъ не даетъ этимъ лицамъ доступа къ дешевому кредиту. Но главною причиною неуспѣшнаго развитія товариществъ служитъ слабая кредитоспособность населенія нашихъ деревень. Русская деревня не представляетъ данныхъ, необходимыхъ для развитія дешеваго личнаго кредита. Кромѣ небольшого меньшинства, поставленнаго сколько-нибудь благоприятно, сельскій людъ и въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и въ своихъ промыслахъ, мѣстныхъ или отхожихъ, не даетъ обезпеченія для возврата ссуды. По меньшей мѣрѣ двѣ трети поселянъ не имѣютъ достаточнаго обезпеченія отъ сельскаго хозяйства. Но и промыслы приносятъ сельскому люду такой скудный заработокъ, что онъ едва достаточенъ для прокормленія крестьянской семьи. Отхожіе промыслы то же, что лоттерей: хорошъ урожай—и пришлые сельскіе рабочіе зарабатываютъ порядочныя деньги; выпалъ только средній урожай—и заработокъ ничтоженъ. Кустарные промыслы и отхожіе ремесленнаго характера уже потому доставляютъ очень скудные заработки, что большинство промышленниковъ зависятъ отъ скупщиковъ и подрядчиковъ, которые умѣютъ свести къ самымъ скромнымъ размѣрамъ заработокъ подвластнаго имъ люда. Все это оставляетъ въ распоряженіи средней крестьянской семьи только то, что въ обрѣзъ необходимо для ея незатѣйливыхъ потребностей. Для Россіи мы не имѣемъ статистики имущества и дохода, которая позволила бы сдѣлать точное вычисленіе. Но высота недоимокъ по государственнымъ податямъ служитъ доказательствомъ нашего положенія. Вотъ причина, въ силу которой ссудо-сберегательныя артели не могли и не могутъ дѣйствовать въ Россіи съ тѣмъ успѣхомъ, какого отъ нихъ ожидали и какой достался имъ на долю въ Германіи. Исслѣдователи русской сельской жизни часто дѣлаютъ нашимъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ упреки, что они открываютъ кредитъ зажиточнымъ крестьянамъ, что масса населенія не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ выгодъ. Казалось бы, что круговая порука, связующая участниковъ, должна служить надежнымъ обезпеченіемъ возврата ссуды даже съ бѣднѣйшихъ заемщиковъ. Круговая порука даетъ такое обезпеченіе, но подъ условіемъ, что должники владѣютъ хотя небольшимъ имуществомъ или будутъ владѣть имъ къ наступленію срока уплаты. Бѣднѣйшіе члены германскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ представля-

ють такія условія. Многіе ремесленники, фабричныя работники, крестьяне, владѣющіе самыми малыми клочками земли, отъ времени до времени накопляютъ сбереженія изъ своихъ скромныхъ заработковъ и уплачиваютъ ссуду. Уровень благосостоянія Германіи настолько выше, чѣмъ въ Россіи, что даже бѣднѣйшіе люди имѣютъ извѣстную кредитоспособность. У насъ же массы крестьянъ являются хроническими недоимщиками; для нихъ 50-ти рублевая ссуда составляетъ такую сумму, которая не можетъ быть уплачена въ теченіе многихъ лѣтъ, часто, быть можетъ, въ теченіе цѣлой жизни. Участники ссудо-сберегательныхъ товариществъ хорошо понимаютъ это. Зная, что многіе изъ крестьянъ неминуемо будутъ неоплатными должниками, богатѣйшіе члены товариществъ стараются отгѣснить ихъ, не выдавать имъ ссуды, не принимать въ члены. Постепенно большинство такихъ учреждений суживаетъ кругъ своихъ кліентовъ и лишается всеобщаго значенія, которое связано съ самою его идеей. Это доказывается большимъ числомъ лицъ, не принимаемыхъ въ члены товариществъ. За послѣднее 10-ти лѣтіе товарищества въ среднемъ не принимали 28 — 32% лицъ, желавшихъ стать членами. Конечно, бѣднѣйшіе крестьяне не заявляютъ вовсе такого притязанія.

Доставленное намъ *Приложеніе (№ 1) къ циркулярамъ по с.-петербургскому учебному округу* содержитъ интересныя свѣдѣнія относительно учебныхъ заведеній. Администрація петербургскаго учебнаго округа, дѣлая первую попытку опубликованія свѣдѣній изъ отчетовъ по учебнымъ заведеніямъ, такъ мотивируетъ этотъ первый опытъ:

«Въ отчетахъ объ учебныхъ заведеніяхъ нерѣдко встрѣчаются свѣдѣнія, имѣющія общій педагогическій интересъ. Оставаясь въ архивахъ округа, эти свѣдѣнія не приносятъ той пользы, которую можно извлечь изъ нихъ. Между тѣмъ, гласное указаніе даже на ошибки и недочеты въ дѣлѣ ученія оказывается плодотворнымъ, обращая мысль преподавателей на средства избѣжать ошибокъ, представляя имъ результаты тѣхъ или другихъ пріемовъ преподаванія. Съ другой стороны, выдающіеся успѣхи дѣла способны вызвать соревнованіе между учащими, поддержать въ нихъ бодрость духа, укрѣпить надежды на достиженіе цѣли. Во всякомъ случаѣ, обнародованіе нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни учебныхъ заведеній необходимо побудитъ cadaго преподавателя вдуматься въ свою собственную дѣятельность, провѣрить себя и выяснитъ значеніе обнародованныхъ фактовъ посредствомъ обмѣна мыслей съ другими преподавателями».

Мы узнаемъ изъ отчета, что въ 1892 году въ петербургскомъ учебномъ округѣ испытаніямъ зрѣлости были подвергнуты 519 учениковъ гимназій и 20 стороннихъ лицъ; 522 получили аттестатъ. Изъ получившихъ аттестатъ зрѣлости 79,7% изъявили желаніе поступить въ университетъ или въ военно-медицинскую академію, 17,8%—въ высшія спеціальныя училища и только 2,5% хотѣли непосредственно посвятить себя практической дѣятельности—военной службѣ, сельскому хозяйству, торговлѣ. Изъ юно-

шей, изъявившихъ желаніе поступить въ университетъ или военно-медицинскую академію, наибольшее число избрало юридическій факультетъ— 146 или 35,1%.

Отчетъ содержитъ весьма любопытныя данныя, знакомящія насъ съ уровнемъ подготовки, которой достигаютъ юноши, окончившіе среднее образованіе. Такъ, письменныя работы по русскому языку, исполненныя въ 1890 году на испытаніяхъ зрѣлости, во многихъ отношеніяхъ были неудовлетворительны. Для испытанія была предложена тема: «почему сочиненія Гоголя относятся къ произведеніямъ поэтическимъ?» Оказалось, что въ большинствѣ гимназій свѣдѣнія объ отличительныхъ признакахъ поэтическихъ произведеній довольно скудны. Было ясно, что когда-то, давно, наприм., въ V классѣ, ученикамъ разясняли этотъ вопросъ, но затѣмъ вовсе не обращались къ нему. Большинство учениковъ не имѣло никакого понятія о сущности поэтическихъ произведеній. «Еще больше чѣмъ недостатокъ теоретическихъ свѣдѣній,—говоритъ *Отчетъ*,—поражаетъ незнакомство нѣкоторыхъ учениковъ съ самими произведеніями Гоголя. Бѣдность содержанія ученическихъ работъ могла бы, конечно, иногда загладиться достоинствами формы; но, къ сожалѣнію, и эта сторона дѣла у учениковъ не вполне развита. И, прежде всего, они грѣшатъ неумѣнемъ ясно и связно отвѣчать именно на вопросъ, что происходитъ, главнымъ образомъ, отъ неумѣнья составлять планы, вслѣдствіе чего является путанность, несвязность въ изложеніи, обиліе не идущаго къ дѣлу. Непривычка составлять планы вредно отразилась и на содержаніи работъ. Эта непривычка вдумчиво относиться къ своимъ работамъ нерѣдко проглядываетъ и въ самомъ выраженіи мыслей: не мало есть работъ, свидѣтельствующихъ, что авторы совсѣмъ не отдавали себѣ отчета въ томъ, что говорили. Нечего и говорить, что развитіе привычки думать и ко всякому своему слову относиться сознательно искоренило бы также, къ счастью, рѣдко встрѣчающуюся склонность къ фразерству, къ употребленію нектати и ненужныхъ иностранныхъ словъ. Слогъ ученическихъ работъ очень грѣшитъ неточностью, которая тоже находится, конечно, въ связи съ непривычкою давать себѣ отчетъ въ своихъ словахъ».

Письменные работы по русскому языку на испытаніяхъ зрѣлости 1891 года дали очень неудовлетворительные результаты. Была предложена такая тема: «какъ объяснить появленіе въ Кіевѣ перваго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи?» Предполагалось, что оканчивающіе курсъ обладаютъ вполне достаточными знаніями по этому вопросу, такъ какъ соотвѣтствующій матеріалъ долженъ былъ быть доставленъ имъ уроками по русской исторіи и исторіи русской словесности. Въ большинствѣ гимназій ученики оказались или очень слабо подготовленными къ исполненію этой работы, или даже не обнаруживали никакихъ знаній. *Отчетъ* говоритъ, что очень многіе ученики обнаружили полную непривычку вдумываться въ предметъ своей работы, а также неумѣнье излагать плавно, ясно и послѣдовательно. Было много и такихъ, которые написали работу не на заданную тему.

Мы находимъ въ отчетѣ указанія и на недостаточное знакомство оканчивающихъ курсъ съ латинскимъ языкомъ. Переводы съ русскаго языка на латинскій (изъ Тита Ливія) были во многихъ отношеніяхъ далеко неудовлетворительны. Насколько слабо знакомство оканчивающихъ курсъ съ латинскимъ языкомъ, видно изъ разнообразія, съ какимъ были переведены очень несложныя фразы и даже отдѣльныя слова. Насчитали 22 способа передачи такого немногословнаго выраженія, какъ «правда—но». Насчитали 28 способовъ передачи выраженія «столько войскъ».

Ученики реальныхъ училищъ обнаружили на окончателныхъ испытаніяхъ очень слабую подготовку по русскому языку. Сочиненіе на тему «значеніе Кіева для русскаго просвѣщенія» показало, что только у очень немногихъ учениковъ были хорошія историческія и литературныя знанія. *Отчетъ* приводитъ цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ ошибокъ по исторіи Россіи; были, между прочимъ, такія ошибки, что Владиміръ св.—сынъ Святополка и что Кириллъ и Меодій были первыми проповѣдниками христіанства въ Россіи. *Отчетъ* приводитъ также цѣлый рядъ выдержекъ изъ ученическихъ работъ въ доказательство неправильности рѣчи.

Мы находимъ въ *Отчетѣ* указанія также на весьма слабыя познанія по математикѣ и физикѣ. Въ одной изъ гимназій лучшіе ученики VIII класса въ концѣ учебнаго года не знали правила рѣшенія уравненій съ однимъ неизвѣстнымъ, входящимъ во многочисленные знаменатели дробей и проч.

Отчетъ содержитъ еще много интересныхъ данныхъ и мы рекомендуемъ внимательно прочесть его тѣмъ, кто слѣдитъ за жизнью нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Онъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Затрачивается много труда на то, чтобы дать юношамъ полное и всестороннее среднее образованіе, дается, повидимому, много положительнаго матеріала, чтобы подгото- вить юношу къ высшему образованію, а, между тѣмъ, получаютъ крайне скудные результаты. Оставимъ въ сторонѣ математику и физику: принято думать, что для успѣховъ въ этой области нужно имѣть особую «математическую» голову. Ну, а русскій языкъ? Неужели нельзя довести каждаго ученика со средними способностями и среднимъ прилежаніемъ до того, чтобы онъ къ концу курса средняго учебнаго заведенія познакомился съ Гоголемъ и другими лучшими отечественными писателями и могъ толково и правильно излагать свои мысли? Полагаемъ, для этого нѣтъ надобности имѣть особую «литературную» голову. Или развѣ нельзя требовать отъ среднихъ учителей русской исторіи и русской словесности, чтобы они познакомили даже наименѣе способныхъ учениковъ съ самыми крупными фактами русской исторіи или русской литературы? Можно было бы сослаться на то, что слабыя успѣхи въ русской словесности или математикѣ объясняются поглощеніемъ сягъ учащихся древними языками и сопровождаются приобрѣтеніемъ знаній въ классической литературѣ. Однако, мы не видимъ этого: очень нехитрые переводы съ русскаго на латинскій дѣлаются неудовлетворительно. Если немудренныя фразы ставятъ въ тупикъ оканчивающихъ гимназію, то не смѣшно ли говорить, что классическая система въ томъ видѣ, какой она

принята въ нашихъ гимназіяхъ, позволяетъ учащимся проникнуть въ «духъ древнихъ языковъ и древней литературы»? Вдумываясь въ *Отчетъ* по петербургскому учебному округу, въ сотый, въ тысячный разъ приходишь къ заключенію, что въ нашемъ среднемъ образованіи необходимы не частичныя поправки, не отдѣльныя надстройки, а коренное преобразование всего господствующаго нынѣ строя. Нужно уменьшить напряженіе силъ учащихся и учащихся; нужно сократить преподаваніе настолько, чтобы первые имѣли время не механически, для удовлетворенія требованій въ классѣ или на экзаменѣ, усваивать задаваемые уроки, но могли продумывать ихъ и надолго удерживать въ памяти. Нужно сократить трудъ учащихся, чтобы они могли не только преподавать по приемамъ и образцамъ разъ усвоеннымъ, но чтобы они имѣли досугъ обогащать себя новыми знаніями по литературѣ предмета и усовершенствовать способъ преподаванія. Мы уже имѣли случай подробно говорить объ этомъ (*Внутреннее обозрѣніе* за ноябрь 1892 г.). *Отчетъ* содержитъ доказательство того, что учащіе не имѣютъ возможности слѣдить за успѣхами наукъ и преподаванія. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ учителя географіи, говоря о поверхности Европейской Россіи и буквально придерживаясь учебниковъ, описываютъ ее какъ равнину, по которой проходятъ гряды урало-балтійская и урало-карпатская, отдѣляющія центральную равнину отъ сѣверной и южной низменностей. Въ 1889 году генер. Тилло издалъ гипсометрическую карту Россіи, а въ 1890 году напечаталъ статью объ орошеніи Россіи, которыя должны измѣнить этотъ взглядъ. Оказывается, что по Россіи проходятъ 2 группы возвышенностей, но не съ востока на западъ, какъ думали до сихъ поръ, а съ сѣвера на югъ. Это—среднерусская и приволжскія возвышенности. «За послѣднее время, говоритъ *Отчетъ*, едва ли какой-нибудь предметъ сдѣлалъ столько успѣховъ, какъ географія, а потому неудивительно, если учитель, который не слѣдитъ за новѣйшею географическою литературою, надѣлаетъ не мало промаховъ и ошибокъ въ научномъ отношеніи» (стр. 50). Если бы отсталость учителей географіи была единичнымъ явленіемъ, то можно было бы приписать ее ихъ слабой любознательности. Но такъ какъ она была замѣчена во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, то нужно объяснить ее только крайнимъ обремененіемъ учащихся, необходимостью пополнять сторонними заработками скудное жалованье, а потому и недостаткомъ времени, которое могло быть посвящено изученію литературы и ознакомленію съ новыми способами преподаванія. Отсталость можетъ быть поставлена въ упрекъ не только учителямъ географіи, но и учителямъ другихъ предметовъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ уже нѣсколько лѣтъ обсуждается нашею печатью. Недавно въ одномъ изъ центральныхъ земствъ, ливенскомъ, возникла мысль закрыть всѣ школы, которыя не получаютъ отъ сельскихъ обществъ по 1 десятинѣ земли и относительно которыхъ крестьяне не обя-

жутся посылать дѣтей 8 мѣсяцевъ въ году. Принятіе земствомъ такого предложенія школьной комиссіи неизбежно принудило бы крестьянъ обратиться въ церковно-приходской школѣ, такъ какъ населеніе большинства деревень не можетъ удовлетворить ни того, ни другого требованія. Вопросъ, поставленный въ ливенскомъ земствѣ, побудилъ суджанскаго предводителя дворянства г. Жекулина дать въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* вѣрную оцѣнку школамъ обоихъ типовъ. Какъ бы мало успѣховъ ни дѣлали ученики въ земской школѣ, они имѣютъ благопріятныя условія, чтобы обогнать учащихся въ церковно-приходскихъ училищахъ. Земская школа имѣетъ спеціальнаго учителя; сельское же духовенство, распредѣляя свое время между совершеніемъ требъ и сельскимъ хозяйствомъ, имѣетъ для школы мало досуга. Въ болѣе выгодномъ положеніи находится земская школа и относительно контроля. За дѣятельностью церковно-приходскихъ школъ наблюдаютъ благочинные и земскіе начальники, которые имѣютъ много разнообразныхъ обязанностей. Земскія же школы находятся подъ контролемъ спеціальныхъ лицъ. «Инспекторы народныхъ школъ ежегодно обязаны посѣтить школы своего участка, провѣрить въ нихъ преподаваніе; штатные смотрители обязаны въ этомъ помогать инспекторамъ; по порученію училищнаго совѣта, на членовъ отъ земства (въ большинствѣ случаевъ, это мѣстные землевладѣльцы, никакими другими обязанностями не обремененные) возлагается также провѣрка школъ; наконецъ, предводитель дворянства, съ своей стороны, провѣряетъ въ годъ нѣсколько школъ. Словомъ, въ концѣ учебнаго года въ рукахъ училищнаго совѣта собирается достаточный матеріалъ, чтобы судить о дѣятельности и пригодности каждаго законоучителя и учителя». Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію г. Жекулина, мы скажемъ, что земскія школы доказали свою цѣлесообразность непрерывнымъ ростомъ, замѣтнымъ распространеніемъ начального образованія, а, главное, развитіемъ въ народѣ любознательности, которая проявляется повсюду и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Благоразумный консерватизмъ предписываетъ каждому истинно-русскому человѣку сохранять эту школу отъ незаслуженныхъ нападовъ, способствовать ея укрѣпленію и дальнѣйшему развитію.

Въ прошломъ мѣсяцѣ праздновалось въ Петербургѣ двадцатипятилѣтіе литературной и педагогической дѣятельности П. И. Вейнберга. *Русская Мысль* присоединяется къ пожеланіямъ, чтобы многіе годы продолжался гуманный и плодотворный трудъ этого писателя, одного изъ наиболѣе просвѣщенныхъ нашихъ литераторовъ и педагоговъ. Истекшій мѣсяцъ принесъ и печальную утрату: въ Нижнемъ-Новгородѣ скончался Александръ-Серафимовичъ Гацискій. Мѣстное общество почетно похоронило этого человѣка, выдающагося по энергіи, по неуклонной преданности земскому дѣлу и лучшимъ общественно-литературнымъ преданіямъ. На могилѣ были произнесены рѣчи, изъ которыхъ, по отзывамъ волжскихъ газетъ, наиболѣе сильное впечатлѣніе произвели рѣчи В. Г. Короленка и гласнаго ин-

жегородской думы А. И. Меморскаго. В. Г. Короленко кончилъ такими прекрасными словами:

«Около 4-хъ лѣтъ назадъ, мы, близкіе товарищи и друзья Александра Серафимовича, праздновали съ нимъ тридцатилѣтній юбилей его литературной карьеры. И тогда, глядя на этого бодрого, свѣжаго и благодушно настроеннаго человѣка, трудно было повѣрить, что уже тридцать лѣтъ общественной работы осталось у него за спиной. Теперь мы глядимъ на эти страдальчески изможденные черты и спрашиваемъ невольно: неужели ему было только 50 лѣтъ съ небольшимъ? Что же легло на него такимъ подавляющимъ бременемъ въ этотъ короткій промежутокъ? Въ личной жизни не случилось ничего особеннаго. Но надъ родною стороною пронеслось тяжелое бѣдствіе. Намъ всѣмъ была видна его тихая, скромная, но неустанная и непосильная работа. Ему говорили, что онъ убиваетъ себя, и онъ это видѣлъ. Но онъ продолжалъ скромно и просто свой будничныи подвигъ и когда зналъ, что врачи не позволяютъ ему принять ему участіе въ той или другой общей работѣ, то старался уклониться отъ врачей, но не отъ работы... И онъ надломился преждевременно и неожиданно быстро.

«Раскрытая могила безмолвна. Но она такъ внятно говоритъ къ намъ, стоящимъ у этого таинственнаго порога. Примѣромъ этой жизни, съ которой мы здѣсь прощаемся въ послѣдній разъ, она учитъ насъ, его товарищей на литературной нивѣ,—соединять съ нашимъ *словомъ* живое *дѣло* любви и самоотреченія. А бывшихъ товарищей и преемниковъ его въ практической области она учитъ уваженію къ возвышающей мысли и къ ея могучему орудію—печатному слову, безъ которыхъ всякая практика мертва и безжизненна. Таковъ благородный завѣтъ человѣка, имя котораго прочно сохранится въ исторіи края, которому онъ отдавалъ безраздѣльно всякую мысль, всякое слово, всякое дѣло своей жизни...»

Письма о литературѣ.

Письмо шестое.

Да что онъ вамъ-то, маточка, Быковъ-то? Чѣмъ онъ для васъ такъ вдругъ милъ сдѣлался? Вы, можетъ быть, отъ того, что онъ вамъ фальбалу-то все закупаетъ, вы, можетъ быть, отъ этого? Да, вѣдь, что же фальбала? Зачѣмъ фальбала? Вѣдь, она, маточка, вздоръ! Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой, а, вѣдь, она, маточка, тряпка—фальбала; она, маточка, фальбала-то—тряпица.

Достоевскій (Бѣдные люди).

I.

Кто-то сказалъ, что степень развитія культуры извѣстнаго народа измѣряется количествомъ мыла, потребляемаго этимъ народомъ. Въ параллель къ этому можно сказать, что положеніе и уровень литературы даннаго момента опредѣляются характеромъ господствующей въ ней полемики.

Полемическая чистоплотность свидѣтельствуетъ о содержательности литературы вообще и о серьезности каждаго писателя въ отдѣльности. Не о той, конечно, чистоплотности говорю я, которая выражается въ изысканной вѣжливости выраженій, въ джентльменскомъ благоприличіи внѣшней формы, но о той, которая состоитъ въ полномъ отсутствіи всякихъ личныхъ чувствъ по отношенію къ противнику. Писаревъ удачно характеризовалъ эти два, кореннымъ образомъ различные между собою роды полемики: «идея прежде всего» и «все прежде идеи», — вотъ формулы этихъ противоположныхъ полемическихъ пріемовъ. Эти формулы имѣютъ примѣненіе не въ одной только полемикѣ, не въ теоретическихъ только спорахъ, но и въ сферѣ непосредственнаго изображенія явленій жизни съ извѣстной, боевой точкой зрѣнія. «Идея прежде всего» — это принципъ истинной сатиры, цѣль которой въ томъ и состоитъ, чтобы преслѣдовать и клеймить уклоненія отъ идеи. «Все прежде идеи» — это принципъ пасквля, цѣли котораго всегда личные и низменныя. Сатира можетъ отличаться рѣзкостью и даже грубостью и, все-таки, она не только не возмущаетъ, но удовле-

творяетъ наше нравственное чувство: вѣдь, эта рѣзкость — отъ полноты убѣжденія, эта грубость — результатъ негодованія, а не цинизма. Съ другой стороны, пасквиль можетъ быть въ формальномъ смыслѣ совершенно благопристойнъ, вѣжливъ, приличенъ, но тѣмъ сильнѣе наше омерзеніе къ нему: вѣдь, это змѣя подъ цвѣтами, вѣдь, это (по французскому выраженію) дьяволъ, проповѣдующій мораль, это низкая личная злоба, прикрывающаяся знаменемъ общихъ идей и благородныхъ принциповъ. У Салтыкова есть не мало образовъ, не мало страницъ, которыя вы справедливо сочтете неудобнымъ прочесть въ женскомъ обществѣ, но внутренній смыслъ этихъ образовъ вы съ удовольствіемъ раскроете своей женѣ или своей дочери. Съ другой стороны, большинство произведеній, наприм., г. Ясинскаго совсѣмъ не погрѣшаютъ противъ условныхъ, внѣшнихъ приличій и, тѣмъ не менѣе, о нихъ можно сказать словами старинной эпиграммы: «мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть». Съ такимъ *литературнымъ* произведеніемъ, какъ послѣдній романъ г. Ясинскаго *Лицемеры* не только дѣвушка, но даже пожилому человѣку и опытному литератору ничего не остается дѣлать, какъ поступить по совѣту эпиграммы.

Въ огромномъ разстояніи, отдѣляющемъ такихъ писателей, какъ Салтыковъ, отъ такихъ, какъ г. Ясинскій, находятся всѣ градаціи и оттѣнки полемическихъ пріемовъ, отъ сатиры до памфлета и отъ памфлета до пасквиля. Если литература обладаетъ живымъ содержаніемъ, если передъ ней стоятъ жизненные цѣли, въ ней, конечно, будутъ происходить споры, тѣмъ болѣе горячіе, чѣмъ насущнѣе самый предметъ спора. При отсутствіи такого содержанія, полемика будетъ существовать единственно для «оживленія столбцовъ», какъ выражался Салтыковъ, т.-е. не за тѣмъ, чтобы выяснить что-нибудь или убѣдить кого-нибудь, а только затѣмъ, чтобы придать полемическою солью и полемическимъ перцемъ нѣкоторую пикантность своимъ писаніямъ. Для полемики этого рода идейность не нужна, аргументація излишня. Вѣдь, дѣло идетъ только о томъ, чтобы произвести нѣкоторый скандалъ или хоть только шумъ,—зачѣмъ же тутъ идеи, требующія внимательнаго обсужденія? И зачѣмъ аргументировать тамъ, гдѣ вся цѣль полемики состоитъ въ томъ, чтобы сказать по адресу неприятнаго органа или писателя нѣсколько сокрушительныхъ колкостей въ такомъ, наприм., вкусѣ: «какая такая» *Русская Мысль* Лаврова? Это *Русская Безсмыслица* Чертополохова. Какой такой Протопоповъ? Это даже не Протодьяконовъ, даже не Дьячковъ, не Пономаревъ, не Просвирнинъ, а всего только Протоглуховъ». Что вы скажете о такомъ противникѣ,—полемизируетъ онъ съ вами или просто «дразнится», какъ выражаются школьники? И есть ли кака-нибудь логическая и нравственная возможность вести съ такимъ противникомъ сколько-нибудь серьезный разговоръ? Очень ему нужна ваша серьезность и ваша убѣжденность! Онъ сдѣлалъ свое дѣло, «оживилъ столбцы» тѣмъ, что высунулъ вамъ языкъ и заставилъ читателя нехотя улыбнуться—и это все, что ему требуется. Такая полемика практикуется, главнымъ образомъ, въ *Новомъ Времени*. Другой полемическій пріемъ не столь на-

ивенъ и примитивенъ, но въ литературномъ и нравственномъ смыслѣ представляетъ собою нѣчто еще худшее. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, даже не пытаясь возражать противнику по существу дѣла, тѣмъ не менѣе, говорить ему все «напротивъ». Читатель помнитъ, какъ у Глѣба Успенскаго одинъ писарекъ поучаетъ другого писарька обхожденію съ дамами: «Что она тебѣ ни скажетъ, а ты ей напротивъ, а ты ей напротивъ,—вотъ у васъ и будетъ разговоръ». Писарекъ принялъ урокъ: «Какая сегодня прекрасная погода!»—говоритъ дама.—«Совершенно напротивъ»,—немедленно рипостируетъ писарекъ. Точь-въ-точь также полемизируютъ у насъ иные журналы и журналисты, *Съверный Вѣстникъ*, напримѣръ. *Критическая школа Бѣлинскаго*... начинаете вы и вдругъ слышите: «Бѣлинскій не создалъ никакой школы!» «Въ личности Колюцова отразились не только хорошія, но и дурныя стихіи нашего народнаго характера», говорите вы, и писарекъ изъ *Съвернаго Вѣстника*, ужъ тутъ какъ тутъ: «какая своеобразная нелѣпость!»—восклицаетъ онъ.—Почему нелѣпость? Какъ такъ Бѣлинскій не создалъ никакой школы? Почему, если солнце свѣтитъ и грѣетъ, на небѣ ни облачка, деревья листомъ не шевельнуть—погода не прекрасная, а «совершенно напротивъ»? Не спрашивайте объ этомъ писарька: ему лишь бы возразить, лишь бы блеснуть самостоятельностью, лишь бы поболтать, а до прочаго ему дѣла нѣтъ. Такъ какъ вы не писарская дама, не бѣлошвейка и не горничная, то вы, конечно, понявши съ кѣмъ имѣете дѣло, повертываетесь къ писарьку спиною и слышите вслѣдъ себѣ восклицаніе: «Безсиліе! Полное умственное безсиліе!» Это писарекъ торжествуетъ свою дешево доставшуюся *побѣду*. Все это, читатель, не выдумки наши, а достовѣрные факты, которые можно было бы доказать подлинными документами. Третій полемическій приѣмъ—это обращеніе къ «тещѣ» противника, старый приѣмъ слесарши Пошлепкиной: когда нечего сказать по предмету спора, очень удобно завести рѣчь о личности своего оппонента, а если и объ этомъ сказать нечего, то о личности его «тещи», о мѣстѣ его прежняго служенія, о его чинѣ, наконецъ, о покроѣ его платья. Такая полемика культивируется, главнымъ образомъ, въ *Наблюдатель*, который, тѣмъ не менѣе, пренаивно удивляется, что о немъ считаютъ почти неприличнымъ говорить въ печати, и объясняетъ это невниманіе къ себѣ умышленнымъ «замалчиваніемъ», изъ зависти къ блестящимъ талантамъ г. Пятковского. Много есть еще приѣмовъ полемической борьбы, практикуемыхъ въ современной литературѣ нашей, отъ полицейскихъ сысковъ относительно благонадежности противника до голой ругани, но всѣ они имѣютъ то общее между собою, что предполагаемый предметъ спора оставляется совершенно въ сторонѣ. «Притворной нѣжности не требуй отъ меня,—это имѣетъ право сказать всякій полемистъ, и совсѣмъ не въ этомъ состоятъ наши требованія. Литература—не площадь, но и не салонъ, и если возмущенное чувство подсказало вамъ рѣзкіе или язвительные эпитеты по отношенію къ вашему оппоненту, никто не въ правѣ упрекнуть васъ за это, обвинить въ нетерпимости и грубости. Но пусть же будетъ ясно, чѣмъ

именно возмущено ваше чувство; пусть будетъ видно, что вы нападаете на идею, а не на личность; на писателя, а не на человека; пусть *идея* идетъ впереди *всего*, а не *все* впереди *идеи*. А также не продавайте шкуру медвѣдя, прежде чѣмъ убьете медвѣдя.

Это послѣднее замѣчаніе относится къ цѣлой группѣ нашихъ современныхъ полемистовъ, *пріемъ* которыхъ состоитъ въ томъ, что они считаютъ за доказанное подлежащее доказательству, хотя бы собирать жатву тамъ, гдѣ не сѣяли, справляютъ, или дѣлаютъ видъ, что справляютъ тризну врага, который, однако, не только живъ, но и здравствуетъ. Психологически это объяснимо: чего страстно хочется, въ то очень легко вѣрится, но въ логическомъ смыслѣ это, все-таки, неизвинительно. Такъ, *Неделя* заявила недавно, что вліяніе публицистической критики «падаетъ съ каждымъ днемъ». Даже съ каждымъ днемъ! Какъ стремительно! Отчего бы ужъ не съ каждымъ часомъ? Такъ, далѣе, *Русское Обзорніе* три мѣсяца тому назадъ заявило, что «въ наше время это направленіе нашей литературной критики (т.-е. направленіе публицистическое), очевидно, вымираетъ, вянетъ и никнетъ долу въ полномъ и сознаваемомъ имъ самымъ истощеніи силъ». Бѣдная русская публицистическая критика! Невеликодушные побѣдители не даютъ тебѣ даже умереть спокойно и, пользуясь твоимъ *истощеніемъ силъ*, раздражаютъ ризы твои и объ одеждѣ твоей мечутъ жребій! Не поторопились ли вы, господа? Очень явственная нота трусливаго озлобленія, слышавшаяся въ вашихъ рѣчахъ, плохо соответствуетъ тому увѣренному спокойствію, которое приличествуетъ побѣдителю. Гдѣ доказательства, что публицистическая критика «смертію окончила жизнь свою», какъ выразился одинъ ораторъ? По своему неизмѣнному (очень благоразумному, конечно) обыкновенію, *Неделя* не утруждаетъ себя прискиваніемъ доводовъ, находя, вѣроятно, что авторитетъ г. Гайдебурова достаточно упроченъ въ Тетюшахъ и въ Чухломѣ, чтобъ ему повѣрили на слово. *Русское Обзорніе* ссылается въ доказательство на г. Боборыкина: «даже всегда вѣрно отражающій въ своей мысли общественное настроеніе данной минуты, П. Д. Боборыкинъ отрекается отъ него (отъ публицистическаго направленія критики) и его осуждаетъ (см. XVI книгу *Вопросовъ философіи и психологіи*). Такъ говоритъ *Русское Обзорніе*. Это доводъ серьезный: ужъ если «П. Д. Боборыкинъ» *отрекается* отъ публицистической критики и *осуждаетъ* ее, значитъ плохо приходится публицистической критикѣ. Г. Боборыкинъ, вульгарно говоря, знаетъ гдѣ раки зимуютъ, и если отрекается отъ публицистической критики, то не проста, а въ предвѣдніи ея близкой кончины. Посмотримъ, однако, въ чемъ состоитъ это *отреченіе*.

Начнемъ съ конца. Статья г. Боборыкина въ *Вопросахъ философіи и психологіи* (*Красота, жизнь и творчество*) заканчивается слѣдующимъ воззваніемъ или приглашеніемъ, въ которомъ, какъ въ постскриптумѣ женскаго письма, выражено настоящее намѣреніе и задушевное желаніе автора: «Критики-моралисты, защитники социальныхъ и утилитарныхъ идеаловъ могутъ служить своимъ задачамъ въ другихъ отдѣлахъ литературы и пре-

сы, но имъ пора прекратить свою, хотя бы и невольную, оккупацию эстетической области и уступить мѣсто тѣмъ, для кого искусство не средство, а цѣль». Оно, конечно, немножко грустно выслушать такое приглашеніе къ прекращенію въ цвѣтѣ силъ и въ разгарѣ дѣятельности; немножко обидно выслушать такое наставленіе отъ писателя, сомнительность авторитета котораго въ теоретическихъ вопросахъ, можно сказать, только на-дняхъ выяснена этою самою публицистическою критикою; наконецъ, немножко странно встрѣтить такое приглашеніе на страницахъ того именно журнала, который избралъ своимъ девизомъ: терпимость и объективность. Но оставимъ въ сторонѣ всё эти странности, не будемъ ничему удивляться и послушаемся г. Боборыкина. И такъ пойдемте, г. Боборыкинъ. Возьмемся подъ руки и отправимся искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ. Именно мы съ г. Боборыкинымъ должны составить первую пару литературныхъ отверженцевъ потому, что изъ всѣхъ современныхъ беллетристовъ г. Боборыкинъ менѣе всѣхъ заботился о самодовлѣющемъ искусствѣ, а изъ всѣхъ современныхъ критиковъ я болѣе всѣхъ защищалъ принципъ служебнаго, нравственно-утилитарнаго значенія искусства. Вѣдь, очевидно же, если нельзя защищать нравственно-утилитарные идеалы въ области критики, то еще болѣе непозволительно вести такую защиту въ области беллетристики. Защищаемъ мы съ г. Боборыкинымъ далеко не одно и то же, но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что мы ведемъ свою защиту одинаково ревностно и слѣдовательно одинаково повинны передъ Аполлономъ. И такъ, мы пойдемъ съ г. Боборыкинымъ «подъ сѣнь струй» въ первой парѣ, а слѣдомъ за нами долженъ потянуться длиннѣйшій хвостъ другихъ отверженцевъ, потому что, вѣдь, гдѣ же въ самомъ дѣлѣ тѣ раритеты, которые бы не на словахъ, а на дѣлѣ относились къ искусству какъ къ «области безпечальнаго созерцанія»? Былъ одинъ Феть, да и тотъ умеръ, и остался нынѣ въ роли безпечальнаго созерцателя только г. Фофановъ, а всё прочіе, по силѣ-разумѣнію, воюютъ, полемизируютъ, морализируютъ, обличаютъ, укоряютъ,—словомъ, дѣлаютъ изъ литературы и искусства не цѣль, а средство. Вѣдь, это несомнѣнный фактъ, и въ такомъ случаѣ не лучше ли намъ остаться на прежнихъ позиціяхъ? Великъ г. Фофановъ, гениаленъ г. Фофановъ, но врядъ ли, все-таки, «эстетическая область» много выиграетъ отъ того, что ея «оккупацию» мы предоставимъ въ его исключительное право. Нѣтъ, очевидно, г. Боборыкинъ сдѣлалъ свое приглашеніе, не взвѣсивъ достаточно его неизбѣжныхъ послѣдствій, убійственныхъ, прежде всего, для самого г. Боборыкина.

Мы должны отказаться и отъ того смягчающаго вину публицистической критики обстоятельства, которое г. Боборыкинъ усматриваетъ въ томъ, что ея оккупация эстетической области есть оккупация *невольная*. Не будемъ говорить о томъ, какъ стояло это дѣло прежде, въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ, но теперь эта оккупация совершенно вольная. Г. Боборыкинъ слишкомъ серьезный писатель, чтобы раздѣлять мнѣніе литературныхъ недорослей и литературныхъ межеумковъ, по которому нашъ обще-

ственно-моральный утилитаризмъ сводится къ аспираціямъ по салтыковской «соврюжинѣ». Не въ силу вѣшнихъ причинъ, а въ силу внутреннихъ побужденій публицистическая критика произвела свою «оккупацию». Пояснимъ дѣло примѣромъ. Въ послѣдней книжкѣ *Свернаго Вѣстника* напечатана одна повѣсть, моральныя тенденціи которой возмутили даже г. Буренина. Г. Боборыкину не безвѣзвѣстна эта повѣсть и онъ, конечно, согласится съ нами, что она представляетъ собою едва замаскированную проповѣдь самаго грубаго разврата. Повѣсть обставлена довольно искусно разными эстетическими аксессуарами, ея главные персонажи не безъ краспорѣчія варьируютъ на тему «часъ наслажденія лови, лови!» и не безъ горячности доказываютъ всю тщетность жизни «по книжкѣ», т.-е. жизни, регулируемой нравственными принципами, и т. д. Какъ литературное произведеніе, эта повѣсть не имѣетъ никакого значенія. Но она важна какъ симптомъ, какъ показатель того нравственнаго оскудѣнія, которое отличаетъ наше жалкое время. Отъ такого оскудѣнія только шагъ до одичанія, до полной моральной атрофіи, и въ это-то время г. Боборыкинъ предлагаетъ намъ, утилитаристамъ-моралистамъ, «прекратить оккупацию» эстетической области, такъ чтобы ужь господъ эстетиковъ никто не беспокоилъ и не обезкураживалъ. Нѣтъ, г. Боборыкинъ, не прекратимъ,—это нашъ доагъ, который мы постараемся исполнить до конца.

Но любопытно вотъ что. *Русское Обзоріе* въ доказательство нашей смерти ссылается на свидѣтельство г. Боборыкина, а г. Боборыкинъ, какъ мы сейчасъ видѣли, въ очень миномомъ тонѣ жалуется на то, что мы совсѣмъ стѣснили эстетиковъ, и проситъ насъ уступить имъ мѣсто. Какіе, подумаешь, странные покойники или умирающіе: они не только не ложатся на кладбище или въ больницу, но ухитряются добыть себѣ въ битвѣ жизни или хоть только литературы такое положеніе, которое тотъ же г. Боборыкинъ, въ другомъ мѣстѣ своей статьи, скрѣпя сердце, называетъ «господствующимъ». Странность еще болѣе усиливается, если мы примемъ во вниманіе огромный количественный перевѣсъ органовъ и критиковъ, защищающихъ эстетика, надъ органами и критиками, защищающими этику. Г. Боборыкинъ слишкомъ хорошо знакомъ съ положеніемъ современной журналистики, чтобы нуждаться въ поименномъ перечисленіи этихъ органовъ и этихъ критиковъ. Но онъ согласится, что образъ дѣйствій палладиновъ эстетики не лишень самаго высокопробнаго комизма: въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ увѣрять и божитья, что современная публицистическая критика бездарна, ничтожна, находится при послѣднемъ издыханіи, что ея вліяніе падаетъ съ каждымъ днемъ, и заключить эти торжествующіе клики жалобнымъ воплемъ: «караулъ! насъ со свѣту сживають!»—и это въ пропорціи десяти человекъ противъ одного—да, это подходящий матеріалъ и для водевиля, и для оперетки. Г. Боборыкинъ своимъ неосторожнымъ признаніемъ раскрылъ табу (давно, впрочемъ, и безъ того подняту) эстетиковъ, декадентовъ, символистовъ и какъ ихъ тамъ еще зовутъ, и тѣмъ самымъ оказалъ имъ истинно-данайскую услугу.

II.

Посмотрим поближе на тѣ теоретическія основы, въ силу которыхъ г. Боборыкинъ совершилъ свое *отреченіе* отъ публицистической критики и свое *осужденіе* ея цѣлей и стремленій. Задача эта, въ одно и то же время, и трудна, и легка. Она трудна потому, что въ статьѣ г. Боборыкина нѣтъ такого центрального пункта, на которомъ критика могла бы сосредоточить свой анализъ, не разбрасываясь по сторонамъ. Она легка, потому что тѣ частныя и отрывочныя положенія, изъ которыхъ состоитъ статья г. Боборыкина, не могутъ вызвать у критики для борьбы съ ними особенно серьезнаго напряженія. Слова «наука», «научный методъ» безпрестанно встрѣчаются въ изложеніи г. Боборыкина, но это только такъ, *façon de parler*: наука здѣсь и не ночевала, скажемъ мы фразой Тургенева. Г. Боборыкину давно бы слѣдовало понять, что онъ имѣетъ дѣло съ противниками, для которыхъ слово «наука» не значитъ «жупелъ», и «научный методъ» для нихъ не то же, что «металлъ». Между тѣмъ, г. Боборыкинъ начинаетъ съ ироническаго замѣчанія, что наша «воинствующая критика» все еще не можетъ согласиться «съ тою несомнѣнною истиной, что искусство обязано своимъ происхожденіемъ потребности нашей души въ воспріятія прекраснаго». Какой же, значить, неучъ эта «воинствующая критика»: она отвергаетъ даже *несомнѣнная* истины. Однако, не все несомнѣнное для г. Боборыкина несомнѣнно и для науки. Спенсеръ, котораго можно безъ большой обиды для г. Боборыкина поставить въ научномъ смыслѣ рядомъ съ нашимъ беллетристомъ, объясняетъ, на примѣръ, происхожденіе искусства не потребностями нашей души, а преизбыткомъ силъ и досуга, — преизбыткомъ, который у животныхъ тратится на игру, а у человѣка на искусство. Но не въ томъ дѣло. *Несомнѣнная* истина состоитъ въ томъ, что наша «воинствующая критика» никогда не принимала и не отвергала «несомнѣнной истины» г. Боборыкина по той простой причинѣ, что никогда не занималась и не интересовалась вопросомъ о происхожденіи искусства. Развѣ это публицистическій вопросъ? Для «воинствующей критики» нѣтъ надобности удаляться въ доисторическую глубь времени, потому что ея задачи и цѣли заключаются въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ. Для того, чтобы поставить идеалъ, намѣтить пѣль, нѣтъ непосредственной надобности въ предварительномъ рѣшеніи вопроса о генезисѣ явленія, а достаточно изучить это явленіе, какъ живой фактъ дѣйствительной жизни. Воинствующая критика измѣнила бы своему назначенію, если бы, забывая о потребностяхъ текущаго момента и текущей дѣйствительности, углубилась въ вопросы археологій и антропологій.

Однако, чѣмъ и какъ доказываетъ г. Боборыкинъ свою «несомнѣнную истину»? Ставимъ этотъ вопросъ не ради самой задачи о происхожденіи искусства, а ради характеристики «научныхъ» приемовъ автора, безпрестанно взывающаго къ наукѣ. А вотъ какъ и вотъ чѣмъ. Для того, чтобы «заставить замолчать» противниковъ, г. Боборыкинъ находитъ совершенно

достаточнымъ «взять книжку, издавную недавно, гдѣ собраны мысли нашихъ крупнѣйшихъ писателей за цѣлую сотню лѣтъ». Что это за чудодѣйственная книжка? Не знаемъ,—г. Боборыкинъ не называетъ ее,—да, впрочемъ, и не желаемъ знать, потому что знакомы съ мыслями нашихъ крупнѣйшихъ писателей путемъ непосредственнаго изученія ихъ произведеній и не нуждаемся въ помощи какихъ-то «недавно изданныхъ» книжекъ. Для г. Боборыкина эта книжка, повидимому, явилась откровеніемъ и онъ выуживаетъ изъ нея, съ цѣлью «заставить замолчать» насъ, четыре афоризма, которые мы считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ, въ виду того сокрушительнаго имъ значенія для насъ, которое придаетъ имъ г. Боборыкинъ.

Афоризмъ первый, принадлежащій Достоевскому: «искусство всегда современно и дѣйствительно; никогда не существовало иначе и, главное, не можетъ иначе существовать».

Афоризмъ второй, Гоголя: «искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль».

Афоризмъ третій, Гончарова: «пора бы оставить въ покоѣ ничего не выражающую фразу: *искусство для искусства*».

Афоризмъ четвертый, Тургенева: «талантъ настоящій никогда не служитъ *постороннимъ цѣлямъ* и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе, онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ».

Я не только прочиталъ, но и выписалъ убійственные афоризмы и за всѣмъ тѣмъ не чувствую ни малѣйшей надобности «замолчать». Неужели г. Боборыкинъ серьезно думаетъ, что эти афоризмы — новость для насъ? Неужели онъ серьезно полагаетъ, что, выдвигая этотъ старый полемическій балластъ, онъ поступаетъ «научно»? Да, онъ это пресерьезно полагаетъ. Выписавъ афоризмы, г. Боборыкинъ не безъ самодовольства прибавляетъ отъ себя: «а можно сказать безъ преувеличенія, что первое орудіе знанія—научный методъ—почти отсутствуетъ въ нашей литературно-художественной критикѣ до сего дня, и съ самыхъ первыхъ шаговъ ея, если подъ нею разумѣть преимущественно критику органовъ періодической печати».

Ужь и въ самомъ дѣлѣ не лучше ли намъ замолчать? Какъ спорить съ человѣкомъ, который, поминутно призывая всуе имя науки, на дѣлѣ очень мало заботится даже объ элементарной логикѣ? Прежде всего, какое отношеніе имѣютъ эти афоризмы къ выставленному г. Боборыкинымъ положенію, что «искусство обязано своимъ происхожденіемъ потребности нашей души въ воспріятіяхъ прекраснаго»? Они приведены тотчасъ же за этимъ положеніемъ, но развѣ они доказываютъ или подкрѣпляютъ, или развиваютъ его? Искусство всегда современно и дѣйствительно,—говоритъ Достоевскій. Пусть, но слѣдуетъ ли отсюда, что искусство есть результатъ исключительно эстетической потребности человѣка? Сколько ни сопоставляйте эти два положенія, вы не выжмете изъ нихъ никакого умозаключенія, потому что между ними нѣтъ никакой логической связи. И что такое самый афо-

ризмъ Достоевскаго, какъ не простой обращенъ тѣхъ тавтологическихъ объясненій, которыми довольствуются люди, не привыкшіе къ теоретическому мышленію? Существующее существуетъ, дѣйствительное дѣйствуетъ и всѣ факты современности безъ исключенія современны. Подставьте въ формулѣ Достоевскаго вмѣсто слова «искусство» какое угодно существительное, и формула останется вѣрна, потому что признаки, взятые Достоевскимъ для опредѣленія искусства, всеобщы. Далѣе, афоризмъ Гоголя: «искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль». Опять-таки и этотъ афоризмъ къ «несомнѣнной истинѣ» г. Боборыкина не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія. Но любопытно въ особенности вотъ что: афоризмъ Гоголя, очевидно, значить не болѣе и не менѣе того, что *искусство существуетъ для искусства*. Перейдемъ немедленно къ третьему, гончаровскому афоризму: «пора бы оставить въ покоѣ ничего не выражающую фразу: *искусство для искусства*». Вотъ и гоняйтесь за г. Боборыкинымъ, ухитритесь постичь его логику. «Искусство для искусства»,—говоритъ Гоголь, и г. Боборыкинъ торжествуетъ. «Фраза искусство для искусства ничего не выражаетъ»,—говоритъ Гончаровъ, и г. Боборыкинъ опять торжествуетъ. Онъ празднуетъ именины и на Антона, и на Онуфрія, и при этомъ утверждаетъ, что поступаетъ совершенно «научно». Наконецъ, четвертый и послѣдній афоризмъ, Тургеневскій, точно также не даетъ никакой опоры г. Боборыкину и не представляетъ ни малѣйшей опасности для насъ: «Талантъ настоящій никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ»,—мы подписываемся подъ этимъ обѣими руками, вѣроятно, къ немалому изумленію г. Боборыкина. Надо условиться только въ томъ, что такое *постороннія* искусству цѣли? Это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и существенныхъ пунктовъ спора и на немъ стоитъ остановиться подольше. Если г. Боборыкину не угодно понимать насъ, если онъ болѣею частью невѣрно передаетъ принципы той школы, къ которой я имѣю честь принадлежать, если онъ увѣряетъ даже, что мы въ послѣднее время принуждены были сдѣлать какія-то «уступки» нашимъ противникамъ, причѣмъ, какъ водится, не дается никакихъ фактическихъ указаній,—если, говорю я, такъ находитъ удобнымъ поступать г. Боборыкинъ, то мы, все-таки, не послѣдуемъ его примѣру. Пойдемъ на встрѣчу нашимъ оппонентамъ, станемъ на ихъ почву, постараемся на время проникнуться ихъ воззрѣніями и тогда ужъ огнѣнимъ результаты. Вотъ, наприм., стихотвореніе, авторъ котораго ни намъ, да и никому, кромѣ г. Боборыкина, неизвѣстенъ (цитировано въ повѣсти г. Боборыкина *Измѣнникъ съ оговоркой*, что оно «не принадлежитъ автору»).

Если грустно тебѣ, можно горю помочь,
Только фео-мечту призови!
Въ этотъ мигъ на землѣ гдѣ-то лунная ночь,
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви!
Богъ любви не сгораетъ въ чудесномъ огнѣ,
Онъ не умеръ,—онъ въ сердцахъ чужомъ...
И подумай, зачѣмъ онъ, подобно волнѣ,
Вѣкъ поетъ и не скажетъ о чемъ?

И зачѣмъ на устахъ опьяняющій пылъ,
 А на сердцѣ молитвы безъ словъ,
 И порывъ къ чудесамъ отдаленныхъ свѣтилъ,
 И прилетъ очарованныхъ сновъ?...
 Въ эту тайну взглядишь... и разсѣется прочь
 Мгла, покрывшая думы твои:
 Въ этотъ мигъ на землѣ гдѣ-то лунная ночь,
 Кто-то шепчетъ о вѣчной любви!

Мы нарочно взяли именно это, неизвѣстно кому принадлежащее стихотвореніе, чтобы оградить читателя отъ обаянія какого-нибудь авторитетнаго имени. Стихотвореніе прекрасно; авторъ его обладаетъ несомнѣнною поэтической жилкой. Въ этой небольшой вещицѣ есть то неувловимое и не передаваемое «нѣчто», которое въ музыкѣ играетъ самую главную роль. Доволенъ ли мною г. Боборыкинъ? Я заговорилъ языкомъ завзятаго эстетика и нисколько не опасаясь сознаться, что стихотворенія этого рода доставляютъ не наслажденіе,—это слишкомъ громкое слово,—а удовольствіе, далеко, впрочемъ, уступающее удовольствію, которое дается талантливою музыкой. И, все-таки, лучше г. Боборыкину повоздержаться говорить о нашихъ «уступкахъ». Хорошо, красиво, изящно, да, вѣдь, что же фальбала? Зачѣмъ фальбала? Вѣдь, она, маточка, вздоръ! Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой, а, вѣдь, она, маточка, тряпка—фальбала; она, маточка, фальбала-то—тряпица! Вѣдь, эстетическія ученія, ограничивающія призваніе поэзіи областью красоты, не только поступаютъ произвольно, субъективно и, стало быть, вполне ненаучно,—они уничтожаютъ поэзію, предоставляя ей не всего человѣка, съ его моралью и съ его мыслью, а только небольшой уголокъ его внутренняго міра,—тотъ, въ которомъ заложено стремленіе къ высшей красотѣ.

Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой... Именно этого-то и не хочется признать г. Боборыкинъ, именно нравственныя идеалы онъ и считаетъ *посторонними* искусству цѣлями. Мы могли бы безъ труда воспользоваться противъ г. Боборыкина его же собственнымъ оружіемъ,—сослаться на тѣ самые авторитеты, которые онъ выставляетъ противъ насъ. Не въ афоризмахъ Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и Гончарова, а въ ихъ художественной дѣятельности найдемъ мы настоящее назиданіе для себя. Развѣ эти художники преслѣдовали эстетическія, а не нравственныя идеалы? Неужели Гоголь, создавая образы Чичикова, Ноздрева, Плюшкина, Собакевича, Коробочки, заботился о доставленіи намъ той *радости*, которая, по ученію эстетиковъ, составляетъ и высшую тайну, и высшее благо «чистаго» искусства? Неужели тѣ *незримыя міру слезы*, которыя проливалъ Гоголь, были выраженіемъ эстетическаго удовлетворенія? Тургеневъ, литературная репутація котораго основывалась на его чуткости къ общественнымъ теченіямъ и настроеніямъ, развѣ не тѣмъ служилъ цѣлямъ, которыя эстетиками считаются *посторонними* искусству? Развѣ не то же самое служеніе вѣнчалъ себѣ въ заслугу Гончаровъ? А ужъ о Достоевскомъ и говорить нечего: болѣе тенденціознаго писателя и болѣе яркаго морализатора трудно

указать въ нашей литературѣ. Одно изъ двухъ: или, съ точки зрѣнія чистой эстетики, всё эти писатели—не художники, или, наоборотъ, сама эта эстетика—не философская система, а произвольное метафизическое построение.

Но послушаемъ самого г. Боборыкина. Его аргументація не нова и не оригинальна, но обойти ее нельзя, хотя бы уже потому только, чтобы не дать г. Боборыкину лишняго повода говорить о нашихъ «уступкахъ». Мы безпристрастно приведемъ цѣликомъ самое, кажется, сильное мѣсто статьи г. Боборыкина и попробуемъ разобраться въ немъ. Вотъ какъ судитъ г. Боборыкинъ:

«На искусство всегда смотрѣли какъ на могущественное орудіе цивилизаціи и какъ на пособника религіи. Но такая теорія несостоятельна. Она смѣшиваетъ нравственное дѣйствіе искусства съ его настоящею цѣлью. Такое смѣшеніе, на первый взглядъ, не кажется еще вполне очевиднымъ. Навязывая искусству стороннюю цѣль, у него отнимаютъ свободу и лишаютъ его возможности производить то дѣйствіе, какое отъ него ожидается. Правда, между религіей, моралью и искусствомъ существуетъ вѣчная внутренняя гармонія; но, все-таки же, всё они — три существенно-различныя формы истины и, сохраняя свою связь, они требуютъ полнѣйшей независимости. *У искусства свои законы, свои приемы, своя юрисдикція.* Если оно не должно оскорблять нравственнаго чувства, то, все-таки же, ему слѣдуетъ обращаться, прежде всего, къ чувству прекраснаго; когда его произведенія чисты, дѣйствіе ихъ на душу благотѣльно, но такое дѣйствіе вовсе не составляетъ его прямой и непосредственной цѣли. Морализованіе искусства ведетъ къ ограниченію въ изображеніи предметовъ. И тогда оно погибло. Эта система привела Платона къ изгнанію поэтовъ изъ его республики. Чтобы хорошо понять различіе между моралью и искусствомъ, надо сначала рѣшить задачу морали. Мораль есть исполненіе посредствомъ нашей воли долга; это—борьба между страстью и разумомъ, склонностью и закономъ, плотью и духомъ. Она держится за противоположеніе, оппозицію. И мы знаемъ,—утверждаетъ Гегель въ силу своего основного принципа *антиномии*,—что антагонизмъ есть законъ физическаго и нравственнаго міра. Но этотъ антагонизмъ долженъ быть разрѣшенъ, снятъ. Какъ же возможно *снятіе* противоположности? Въ морали она не существуетъ, потому что въ ней цѣль никогда не можетъ быть достигнута. Въ наукѣ точно также, ибо законъ природы отличенъ отъ явленія, сущность отдѣлена отъ формы. Напротивъ, въ искусствѣ мы видимъ образъ гармоніи, осуществленной между двумя терминами бытія,—закономъ существъ и ихъ проявленіемъ, сущностью и формой, добромъ и счастьемъ. Красота есть реализованная сущность, дѣятельность, сообразная съ своею цѣлью и объединенная съ ней; это—сила, стройно развивающаяся передъ нами, въ нѣдрахъ существованій, способная сама устранять противорѣчія своей природы, блаженная, свободная, полная душевной ясности, даже посреди страданій и боли. Слѣдовательно, задача искусства совершенно отлична отъ задачъ морали. Добро есть только *искомое* согласіе; прекрасное есть *осуществленная гармонія*. И выходитъ,

что истинная *цѣль искусства* — *воспроизводить прекрасное, проявлять гармонию. Таково его единственное назначеніе*. Всякая другая цѣль: очищеніе, нравственное совершенствованіе, поучительность — только подробности, аксессуары или слѣдствія. Созерцаніе красоты вызываетъ въ насъ тихое и чистое наслажденіе, несовмѣстимое съ грубыми удовольствіями чувственного характера; оно поднимаетъ душу надъ обычною сферой ея помысловъ, располагаетъ ее къ благороднымъ рѣшеніямъ и великодушнымъ поступкамъ, путемъ тѣснаго сродства, существующаго между тремя чувствами и тремя идеями добра, красоты и божественной истины».

Кажется, я достаточно *уступилъ мѣста* г. Боборыкину и онъ не можетъ пожаловаться, что я замалчиваю его аргументацію. Надѣюсь также, что я взялъ не какіе-нибудь побочные, случайные, а существенные аргументы г. Боборыкина, такъ что и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи я предоставляю г. Боборыкину всѣ выгоды и удобства. Но, оградивши себя такимъ образомъ отъ претензій и нареканій г. Боборыкина, я въ свою очередь предъявляю къ нему встрѣчный искъ точно такого же рода: г. Боборыкинъ не разбираетъ, а обходитъ аргументацію своихъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что взгляды г. Боборыкина на искусство заимствованы изъ эстетики Гегеля. Эстетика эта была извѣстна въ русской литературѣ еще во времена Бѣлинскаго и противъ нея были уже высказаны у насъ возраженія, до сихъ поръ никѣмъ изъ эстетиковъ не устраненныя. Возраженія эти касались не какихъ-либо частныхъ, а самой сущности Гегелевской эстетики, и подрывали ея значеніе въ самомъ корнѣ. «Цѣль искусства—*воспроизводитъ прекрасное*,—говоритъ г. Боборыкинъ.—*Таково единственное назначеніе искусства*». Противъ этого основного положенія эстетическаго ученія Гегеля почти сорокъ лѣтъ назадъ были высказаны у насъ слѣдующія простыя, но въ высшей степени вѣсныя соображенія: «Такъ какъ въ человѣкѣ, живомъ органическомъ существѣ, всѣ части и стремленія неразрывно связаны другъ съ другомъ, то изъ этого слѣдуетъ, что основывать теорію искусства на одной исключительной идеѣ прекраснаго—значитъ впадать въ односторонность и строить теорію, несообразную съ дѣйствительностью. Въ каждомъ человѣческомъ дѣйствіи принимаютъ участіе всѣ стремленія человеческой природы, хотя бы одно изъ нихъ и являлось преимущественно заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Потому и искусство производится не отвлеченнымъ стремленіемъ къ прекрасному (идею прекраснаго), а совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ и способностей живого человѣка. А такъ какъ въ человеческой жизни потребности, напимѣръ, правды, любви и улучшенія быта гораздо сильнѣе, нежели стремленіе къ изящному, то искусство не только всегда служитъ до нѣкоторой степени выраженіемъ этихъ потребностей (а не одной идеи прекраснаго), но почти всегда произведенія его (произведенія человеческой жизни, этого нельзя забывать) создаются подъ преобладающими вліяніями потребностей правды (теоретической или практической), любви или улучшенія быта, такъ что стремленіе къ прекрасному, по натуральному закону человеческого дѣйстви-

ванія, является служителемъ этихъ и другихъ сильныхъ потребностей чело-вѣческой природы. Такъ всегда производились всѣ созданія искусства, замѣчательныя по своему достоинству. Стремленія, отвлеченныя отъ дѣйствительной жизни, безсильны; потому, если когда стремленіе къ прекрасному и усиливалось дѣйствовать отвлеченнымъ образомъ (разрывая свою связь съ другими стремленіями чело-вѣческой природы), то не могло произвести ничего замѣчательнаго даже и въ художественномъ отношеніи. Исторія не знаетъ произведеній искусства, которыя были бы созданы исключительно идеею прекраснаго: если и бываютъ или бывали такія произведенія, то не обращаютъ на себя никакого вниманія современниковъ и забываются исторію, какъ слишкомъ слабыя,—слабыя даже и въ художественномъ отношеніи».

Замѣчанія эти принадлежатъ какъ разъ тому автору, противъ котораго направлена статья г. Боборыкина. Если бы г. Боборыкинъ дѣйствительно хотѣлъ обосновать свое эстетическое ученіе,—не говорю *научно*, а хоть только *логично*,—онъ долженъ былъ бы устремить всѣ свои усилія на разъясненіе именно этого пункта. Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ авторъ касается и теоретической, и практической стороны вопроса. Теоретическая сторона состоитъ въ указаніи, что «искусство производится не отвлеченнымъ стремленіемъ къ прекрасному, а совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ и способностей живого чело-вѣка». Г. Боборыкинъ признаетъ «тѣсное средство, существующее между тремя чувствами и тремя идеями добра, красоты и божественной истины» и тѣмъ не менѣе отдаетъ искусство въ услуженіе красотѣ, одной красотѣ, предоставляя истину и добро ихъ собственнымъ ресурсамъ. Неужели это логично? А практическая сторона замѣчаній опровергаемаго г. Боборыкинымъ автора состоитъ въ указаніи на несомнѣнный фактъ, что «исторія не знаетъ произведеній искусства, которыя были бы созданы исключительно идеею прекраснаго». Не берусь рѣшать, такъ ли это въ другихъ искусствахъ, но это несомнѣнно такъ въ поэзій и вообще въ художественной литературѣ, всѣ крупнѣйшія произведенія которой или отмѣчены глубокою мыслію, или проникнуты нравственнымъ началомъ. Г. Боборыкинъ преспокойно обходитъ и этотъ фактъ, полагая, вѣроятно, за доказанное, что *Гамлетъ*, *Фаустъ*, *Манфредъ* и т. п.—не болѣе, какъ выраженіе внѣшней красоты.

Читатель уже знаетъ, какъ опредѣляетъ г. Боборыкинъ красоту,—ту «красоту», которой будто бы исключительно должно служить искусство: «красота есть реализованная сущность, дѣятельность, сообразная съ своею цѣлью и объединенная съ ней; это—сила, стройно развивающаяся передъ нами въ нѣдрахъ существованій, способная сама устранять противорѣчія своей природы, блаженная, свободная, полная душевной ясности, даже посреди страданій и боли». Вотъ, можно сказать, замысловатое опредѣленіе! Красота есть сущность, есть дѣятельность, есть сила, стройно развивающаяся въ нѣдрахъ существованій,—понимаете теперь, что такое красота? Будемъ вѣрить, что это не простой наборъ словъ, а «научное» опре-

дѣленіе красоты. Но любопытно, что г. Боборыкинъ, какъ это часто случается съ эстетиками, выхваляя красоту, незамѣтнымъ образомъ ставитъ ее подъ защиту какъ разъ той морали, которая признается элементомъ, *постороннимъ* искусству, или его второстепенною *подробностью*. «Созерцаніе красоты вызываетъ въ насъ наслажденіе»,—говоритъ г. Боборыкинъ, и тутъ бы ему слѣдовало остановиться: для послѣдовательнаго эстетива *наслажденіе* есть и цѣль, и содержаніе, и оправданіе, и заслуга самодовлѣющаго искусства. Но г. Боборыкинъ, какъ всегда, непослѣдователенъ и начинаетъ восхвалять эстетическое наслажденіе не какъ наслажденіе, а какъ средство для поднятія души и для предрасположенія ея къ *благороднымъ* рѣшеніямъ и *великодушнымъ* поступкамъ. Этого мало. Заканчивая свою статью, г. Боборыкинъ устанавливаетъ два вывода, которымъ придаетъ очень большое значеніе: «Я,—говоритъ г. Боборыкинъ,—не предлагаю этихъ двухъ тезисовъ, какъ нѣчто, исчерпывающее содержаніе эстетики, но намѣчаю ихъ какъ указаніе на то, что добыто наукой и посредствомъ чего можно всегда разобраться въ выводахъ и обобщеніяхъ болѣе произвольнаго характера». Такимъ образомъ, если г. Боборыкинъ и не создалъ еще эстетики, все-таки, въ его распоряженіи имѣются *научные* выводы, *научные* методы и *научные* критеріи. Вотъ въ чемъ они состоятъ:

«Художественное наслажденіе есть только показатель чувства прекраснаго, и если можетъ служить мѣриломъ эстетическаго развитія данной личности, то вовсе не заключаетъ въ себѣ основного факта, къ которому сводится вся область искусства.

«Художественное творчество есть сила, независимая отъ нашей воли, а, слѣдовательно, не можетъ быть результатомъ сознательно-активныхъ способностей личности. Безъ опредѣленія психологіи творчества нельзя обосновать эстетику; точно такъ же, какъ не слѣдуетъ смѣшивать творчества съ мастерствомъ, въ которомъ сознательно-разсудочная дѣятельность, руководимая вкусомъ, играетъ главную роль».

Таковы тезисы, добытые наукой г. Боборыкина. Поистинѣ, коротка память у этой оригинальной науки: цѣлыя страницы посвятилъ г. Боборыкинъ доказательствамъ, что искусство не имѣетъ иной цѣли, кромѣ воспроизведенія красоты и наслажденія, и въ результатѣ оказывается, что «художественное наслажденіе вовсе не заключаетъ въ себѣ основного факта, къ которому сводится вся область искусства». Это прелестно, но и второй «научный» тезисъ г. Боборыкина блещетъ не меньшими красотою, хотя и въ другомъ родѣ. Художественное творчество, конечно, не зависитъ отъ *нашей* воли, потому что составляетъ привилегію таланта и генія. Что же касается того, что «не слѣдуетъ смѣшивать творчества съ мастерствомъ», то это такая истина, надъ открытіемъ которой наука г. Боборыкина не нужно было много трудиться. Мастерской—это одно, художникъ—это другое,—кто-жь этого не знаетъ? Таковы блестящіе результаты экскурсія г. Боборыкина въ область метафизики, эстетики и науки.

III.

Съ г. Боборыкинымъ мы еще не совсѣмъ кончили. «Исслѣдованіе» г. Боборыкина, по заявленію автора, явилось по поводу статьи кн. Волконскаго *Художественное наслажденіе и художественное творчество*, напечатанной въ *Вѣстникъ Европы* почти годъ тому назадъ. Обращаясь теперь къ этой статьѣ, мы естественно должны будемъ не разъ возвращаться къ г. Боборыкину, который въ одно время и доволенъ, и недоволенъ статьей кн. Волконскаго: доволенъ потому, что она представляетъ собою попытку «сбросить ига» публицистической критики; недоволенъ потому, что въ статьѣ мало «научности» и много «субъективизма». Съ своей стороны, публицистическая критика можетъ быть вполне довольна статьей кн. Волконскаго, и не столько самою статьей, сколько литературною личностью ея автора. Спѣшимъ объясниться.

Статья кн. Волконскаго была нѣкоторымъ образомъ перчаткою, брошеною публицистической критикѣ. Перчатка не была поднята,— не отъ пренебреженія, какъ говоритъ г. Боборыкинъ, а, наоборотъ, отъ искренней симпатіи, возбуждаемой авторомъ. Дѣло въ томъ, что кн. Волконскій (не должно смѣшивать съ другимъ кн. Волконскимъ, плохимъ беллетристомъ) и хочетъ, и умѣетъ разсуждать—качество въ высшей степени рѣдкое въ нашей литературной молодежи. Онъ не довольствуется догматическимъ изложеніемъ своего эстетическаго ученія и доказываетъ свои положенія не простымъ перифразомъ ихъ, а прискиваетъ для нихъ психологическіе и логическіе доводы, между которыми вы постоянно видите общую связь. Вопреки утверженію г. Боборыкина, статья кн. Волконскаго отличается спокойною объективностью и научностью— не въ смыслѣ ея результатовъ, въ которыхъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего научнаго, а въ смыслѣ ея методологическихъ приѣмовъ. Это настоящее *исслѣдованіе*, какъ назвалъ авторъ свою статью, *исслѣдованіе*, а не фельетонное перепархиванье отъ идеи къ идеѣ, не безсвязные разговоры безъ всякой общей, регулирующей мысли. Съ такимъ противникомъ было бы очень пріятно имѣть дѣло. Полемика съ нимъ могла бы явиться обращеніемъ настоящаго идейнаго спора, достойнаго серьезной литературы,—спора, не омрачаемаго никакими личными мотивами и низкими страстями. Ни о какомъ «сверженіи ига» кн. Волконскій не говоритъ, потому, конечно, что никакого такого ига и не чувствуетъ, не похваляется повѣдать міру какое-нибудь «новое слово», не божится, что противники его воззрѣній находятся при послѣднемъ издыханіи и ихъ вліяніе ежесекундно упадаетъ, и пр. Искренній, достойный, убѣжденный тонъ статьи производитъ наилучшее впечатлѣніе.

За всѣмъ тѣмъ или, вѣрнѣе, именно по этимъ причинамъ, мы рѣшились, какъ говорится, выжидать событій, не торопясь обезкураживать молодого автора. Во-первыхъ, теоретическое, отвлеченное обоснованіе какой-нибудь системы—это все равно, что модель какой-нибудь новой машины: модель можетъ быть недурна и можетъ дѣйствовать исправно, но надо видѣть въ

дѣйствіи машину, чтобы рѣшить вопросъ о ея практическомъ значеніи. Кн. Волконскій, предполагали мы, долженъ понимать это, и мы ожидали отъ него ряда критическихъ статей, въ которыхъ установленная имъ эстетическая точка зрѣнія нашла бы себѣ примѣненіе съ конкретнымъ литературнымъ явленіемъ. Во-вторыхъ, писательскія достоинства кн. Волконскаго и, главнымъ образомъ, его вдумчивость, искренность и серьезность казались намъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что авторъ не замедлитъ по собственному почину оставить занятую было имъ критическую позицію. Мы такъ твердо и глубоко вѣримъ въ жизненность и правду того направленія, которое называется публицистическою критикою, что не можемъ сомнѣваться въ его притягательной силѣ для всякаго свѣжаго ума, для всякой настоящей литературной величины. Всѣ эти наши соображенія не замедлили оправдаться. Мы, какъ и надѣялись, одержали полную побѣду, не давая и не принимая сраженія.

Основная точка зрѣнія, усвоенная кн. Волконскимъ, выразилась лучше всего въ заключительныхъ словахъ его статьи: «Единственная цѣль человечества въ искусствѣ—выразить себя, воплотить и вызвать къ объективной жизни, чтобы спасти отъ забвенія субъективной стороны своего существа, совершить актъ духовнаго творчества въ отличіе отъ физическаго воспроизведенія. Единственное назначеніе искусства—заставить полюбить искусство. Намъ возражать, что цѣль искусства—заставить полюбить человѣка; нѣтъ, это не цѣль его, а одинъ изъ результатовъ; любовь къ себѣ—вотъ зерно, которое искусство посѣваетъ, а чѣмъ оно взойдетъ, это уже зависитъ отъ личной природы каждаго, и однообразіе жатвы не можетъ быть предметомъ заботы искусства. Намъ опять возражать, что это—приниженіе искусства, низведеніе его на степень безцѣльнаго баловства; а мы скажемъ, что духовная радость и упокоеніе—далеко не баловство; что возможность созиданія такой области, въ которой человѣкъ находитъ то и другое, хотя бы цѣною временнаго выхода изъ дѣйствительности, есть даръ священный, и работа на этомъ пути—одинъ изъ видовъ человѣческаго долга, а не праздная забава».

Это въ полномъ смыслѣ слова превосходно! Вотъ настоящее логическое безстрашіе, вотъ та послѣдовательность, которая не отступаетъ передъ самыми безобразными выводами, если они являются логическимъ результатомъ развитія основнаго принципа. Боборыкинъ не безъ запальчивости нападаетъ именно на эти выводы кн. Волконскаго, упрекая его въ «субъективизмѣ». *Любовь къ себѣ—вотъ зерно, которое искусство посѣваетъ*,—прямодушно говоритъ кн. Волконскій, и г. Боборыкинъ, чувствуя, что дѣло не ладно, что эстетика этимъ признаніемъ сама себя разрушаетъ, слѣпится представить возраженія: «Такой своекорыстный принципъ ярко противорѣчитъ природѣ чувства прекраснаго. Всѣ апріорные мыслители и опытные психологи, занимавшіеся этою областью человѣческой души, одинаково признаютъ, что это чувство и даруемое имъ наслажденіе—совершенно бескорыстны, бескорыстнѣе даже самыхъ искреннихъ побужденій нашего нравственнаго чув-

ства. Мы вправѣ сказать молодому эстетикѣ, что зерно, посѣваемое искусствомъ, потому уже не можетъ быть одною только любовью къ себѣ,—другими словами, эгоизмомъ, что чувство прекраснаго находится въ родственной связи съ самыми не эгоистичными аффектами и состояніями нашей души: изумленіемъ, высокими почтеніемъ, благоговѣніемъ, разными видами симпатіи. И во всѣхъ нихъ сознание своего «я», въ себялюбивомъ смыслѣ, совершенно отступаетъ и даетъ мѣсто противоположнымъ влеченіямъ. *Любовь къ себѣ* и потому не можетъ быть зерномъ, посѣваемымъ искусствомъ, что оно идетъ рука объ руку съ творческою дѣятельностью нашей души, а основной законъ творчества—его произвольность, которая, по существу своему, устраняетъ всякое преобладаніе себялюбиваго чувства, всякое намѣренное желаніе усладить себя въ той или иной формѣ. Даже самая послѣдняя мысль этюда князя Волконскаго, будто искусство уже потому священный даръ, что оно «доставляетъ духовную радость и упокоеніе»... «хотя бы цѣною временнаго выхода изъ дѣйствительности»,—способна, опять-таки, вызвать въское возраженіе каждаго, кто смотритъ на искусство взглядомъ научнаго мыслителя. Оно вовсе не представляетъ собою *выхода изъ дѣйствительности*. Напротивъ, его непрерывное развитіе есть только процессъ все большаго вбирания въ себя элементовъ дѣйствительности и переработки ихъ въ нѣчто, составляющее ея цвѣтъ и красу».

Вотъ любопытное столкновеніе двухъ эстетиковъ! Мы не скажемъ, что здѣсь «своя своихъ не познаша»: нѣтъ, кн. Волконскій и г. Боборыкинъ совсѣмъ чужіе другъ другу люди. Г. Боборыкинъ не рѣшается разорвать съ этикой во имя эстетики, онъ всячески хлопочетъ о сохраненіи между ними связи, но не на равныхъ правахъ, конечно, а съ подчиненіемъ этики эстетикѣ, какъ побочнаго результата основной первопричинѣ. Кн. Волконскій, понимая сущность *чистаго искусства*, спокойно оставляетъ его цвѣсти на почвѣ личнаго самоуслажденія, въ сторонѣ и вдалекѣ отъ всякихъ нравственныхъ задачъ. Г. Боборыкинъ настаиваетъ, что эстетическое «чувство и даруемое имъ наслажденіе совершенно безкорыстны, безкорыстнѣе даже самыхъ искреннихъ побужденій нашего нравственнаго чувства». Кн. Волконскій прямо указываетъ на «любовь къ себѣ», какъ на единственный стимулъ эстетическаго наслажденія, и, конечно, вся правда, точнѣе, вся логика на его сторонѣ. О какомъ *безкорыстіи* говорить г. Боборыкинъ? Какой смыслъ можетъ имѣть фраза: *безкорыстное наслажденіе*? Еще бы человѣкъ потребовалъ отъ насъ какого-нибудь вознагражденія за то, что наслаждался! *Беззредное* наслажденіе — это выраженіе было бы понятно, но г. Боборыкинъ тщательно избѣгаетъ его, потому, очевидно, что тогда онъ лишился бы всякой возможности превозносить эстетическое наслажденіе даже надъ «самыми искренними побужденіями нашего нравственнаго чувства».

Однако, и кн. Волконскій не удержался на своей позиціи: въ статьѣ *Искусство и нравственность* (*Вѣстникъ Европы*, апрѣль 1893 г.) онъ уже не говоритъ о «любви къ себѣ», какъ цѣли самоудовлѣющаго искус-

ства, а, подобно г. Боборыкину, указываетъ на безкорыстность эстетическаго наслажденія: «Предметы,—говорить кн. Волконскій,—намъ нравятся эстетически не потому, что полезны, а потому, что красивы, а когда полезность съ красотой совпадаетъ, то все же эстетическое воспріятіе предмета совершенно иное, чѣмъ утилитарное; художественное воспріятіе есть, если можно такъ выразиться, «обезцѣленіе» полезности; то чувство, которое волнующаяся нива вызвала въ Лермонтовѣ, когда онъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе, ничего общаго не имѣетъ съ чувствами сельскаго хозяина, который смотритъ на ту же волнующуюся ниву и думаетъ о количествѣ копенъ и умолота. Такимъ образомъ, если предметъ способенъ нравиться съ двухъ различныхъ сторонъ, то и въ человѣкѣ при взглядѣ на предметъ могутъ приходить въ движеніе двѣ совершенно разнородныя категоріи наклонностей, смотря по тому, имѣетъ ли онъ вообще, или въ данный моментъ, большую отзывчивость къ полезности или къ красотѣ; въ первомъ случаѣ будутъ говорить наклонности корыстныя, стоящія въ связи съ необходимостью борьбы за существованіе и инстинктомъ самосохраненія; во второмъ случаѣ наклонности безкорыстныя, пробуждающіяся только при забвеніи борьбы за существованіе, а иногда прямо противорѣчащія чувству самосохраненія». Такимъ образомъ, по мнѣнію кн. Волконскаго, автора статьи *Искусство и нравственность*, вопреки мнѣнію князя Волконскаго, автора статьи *Художественное наслажденіе*, эстетическія стремленія безкорыстны и потому выше стремленій утилитарныхъ, которыя прямо обзываются корыстными. Кн. Волконскій недостаточно ясно понимаетъ начала нашего утилитаризма: *польза*, защищаемая имъ, не есть идея матеріальной выгоды, а идея нравственнаго просвѣтленія общества и личности. Правда, что «то чувство, которое волнующаяся нива вызвала въ Лермонтовѣ, ничего общаго не имѣетъ съ чувствомъ сельскаго хезяина, который смотритъ на ту же ниву и думаетъ о количествѣ умолота». Но утилитаристы никогда и не рекомендовали поэзіи заниматься сельско-хозяйственными вопросами, а съ другой стороны—совершенно невѣрно, что чувство Лермонтова передъ зрѣлищемъ волнующейся нивы было чисто-эстетическое чувство. Знаменитое стихотвореніе заканчивается такъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ
И въ небесахъ я вижу Бога.

Развѣ это не чистѣйшій нравственный мотивъ—одинъ изъ тѣхъ, которые послѣдовательными эстетиками признаются *посторонними* искусству? И такъ всегда во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ поэтическихъ произведеніяхъ: эстетическія описанія, эстетическіе восторги, эстетическія красоты являются только фономъ, только средствомъ для выраженія какого-нибудь нравственнаго мотива. Возьмемъ опять эту картину волнующейся нивы. Вотъ всѣмъ извѣстное стихотвореніе на эту тему:

Нива моя, нива,
 Нива золотая!
 Зрѣшь ты на солнцѣ,
 Колось наливая.
 По тебѣ отъ вѣтру,
 Словно въ синемъ морѣ,
 Волны такъ и ходятъ,
 Ходятъ на просторѣ.
 Надъ тобою съ пѣсней
 Жаворонокъ вьется,
 Надъ тобой и туча
 Грозно соберется.

Это чисто-эстетическая часть стихотворенія. Остановись на этомъ поэть—и мы почувствовали бы себя неудовлетворенными: чего-то недостаетъ, что-то не досказано. Поэть понялъ это и на приготовленномъ фонѣ рисуетъ для насъ другой категоріи образъ:

Зрѣшь ты и спѣешь,
 Колось наливая,
 О модскихъ заботахъ
 Ничего не зная.

Изъ сферы эстетическаго любованья явленіемъ природы мы переносимся здѣсь въ сферу человѣческой дѣятельности, вспоминаемъ, что золотая нива явилась не сама собою, а какъ результатъ и награда тяжелыхъ *модскихъ заботъ*. Въ насъ затронута теперь уже не эстетическое, а гуманное чувство, мы уже не «безкорыстно» (т.-е. безцѣльно) любимъ нивой, а «корыстно» (т.-е. участливо) думаемъ теперь о пахарѣ и отъ всей души восклицаемъ вмѣстѣ съ поэтомъ въ заключительной строфѣ:

Пропеси Ты, Боже,
 Тучу градовую,
 Сохрани намъ, Боже,
 Ниву трудовую!

Такое обыкновенное построение всѣхъ истинно-поэтическихъ произведеній, большихъ и малыхъ, стихотворныхъ и прозаическихъ: центромъ тяжести ихъ является или нравственный мотивъ, или кака-нибудь идея, а эстетическія красоты служатъ только аксессуаромъ, исполняютъ роль необходимой оправы для драгоценнаго брилліанта. Роль эстетики не только служебная, но и подчиненная.

Гдѣ же ваша побѣда, все-таки?—спросить читатель. А вотъ выслушаемъ послѣднія заключенія кн. Волконскаго, къ которымъ онъ пришелъ въ послѣдней своей статьѣ: «Возражая тѣмъ, которые признаютъ удовольствіе слишкомъ унижительною цѣлью, Шиллеръ говорить, что не слѣдуетъ относиться къ ней съ пренебреженіемъ, не слѣдуетъ смѣшивать удовольствіи житейскихъ съ тѣмъ, что было бы приличнѣе назвать *радостью*. Всякій истинный цѣнитель искусства пойметъ смыслъ этого слова; всякій почувствуетъ, что въ этомъ самая суть воздѣйствія искусства, потому что безъ

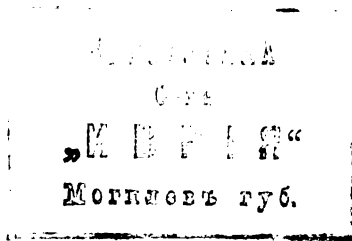

ощущенія радости даже нѣтъ и не можетъ быть пониманія его; и художникъ даруетъ человѣчеству источникъ этой радости. Если, къ тому же, вспомнимъ, что искусство способно воспитывать въ человѣкѣ чувство состраданія, то мы увидимъ, что оно даетъ ему то, къ чему сводятся предписанія всѣхъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи ближняго; если прибавимъ, наконецъ, что, врываясь въ жизнь человѣка, искусство заставляетъ его забыть борьбу за существованіе, то мы признаемъ, что художникъ обезпечиваетъ человѣку,—хотя на краткія мгновенія,—то самое, что составляетъ конечное стремленіе всѣхъ социальныхъ ученій, кажется,—достаточное право на нравственную заслугу предъ ближнимъ; какъ бы художникъ ни исполнялъ, съ точки зрѣнія закона, заповѣдь личнаго своего спасенія, онъ даруетъ человѣчеству одинъ изъ видовъ счастья на землѣ, и это не можетъ не быть ему зачтено». Какъ видите, все это совершенно въ духѣ мнимо-научной эстетики г. Боборыкина, съ тѣмъ же ясно-выраженнымъ стремленіемъ поставить эстетику подъ охрану этики, все-таки, сохраняя за первой главную роль: эстетическая «радость» воспитываетъ въ человѣкѣ чувство состраданія (подготавливаетъ человѣка къ «благороднымъ рѣшеніямъ», какъ говоритъ г. Боборыкинъ), т.-е. важна не сама по себѣ, а именно какъ почва и путь для плодотворнаго нравственнаго воздѣйствія на человѣка. Не значить ли это, что настоящая, высшая цѣль искусства заключается въ служеніи нравственнымъ идеаламъ? Нѣтъ, насколько не значить, говоритъ г. Боборыкинъ, но кн. Волконскій смѣлѣе и послѣдовательнѣе и потому заканчиваетъ свою статью такимъ обращеніемъ по адресу эстетиковъ:

«Что касается любителя красоты, поклонника чужого творчества, то онъ долженъ помнить, что есть нѣчто высшее, передъ чѣмъ красота должна склонить голову и во имя чего онъ обязанъ пожертвовать предметомъ своего обожанія; это высшее, подчиняющее, повелѣвающее есть добро».

Вотъ какъ кн. Волконскій исполнилъ желаніе г. Боборыкина «заставить замолчать» насъ, утилитаристовъ-моралистовъ! Не правы ли мы были, говоря о *побѣдѣ*, одержанной нами безъ всякой борьбы? Да, пусть эстетика *склонитъ голову* передъ добромъ, передъ нравственностью, и не только передъ нравственностью, но и передъ мыслью. Да, пусть господа эстетики чистосердечно сознаются, что ихъ «чистое искусство» есть не болѣе, какъ низшій родъ *истиннаго искусства*,—того искусства, которое не развлекаетъ, не забавляетъ, не *радуетъ* человѣка, а заставляетъ его благородно чувствовать и мыслить, развиваетъ его въ умственномъ и совершенствуетъ въ нравственномъ отношеніи. Горячо поздравляемъ кн. Волконскаго и сожалѣемъ о г. Боборыкинѣ.

М. Протопоповъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

XXI передвижная выставка.— *Жрица искусства (Свободная художница)*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Е. П. Карпова на сценѣ Малаго театра.

Тѣсная, неразрывная связь искусства съ жизнью не можетъ быть подорвана никакою эстетическою теоріей, потому что ея причина заключается въ духовной природѣ художника. Общественныя вѣянія и настроенія, интересы и волненія, вѣрованія и надежды не могутъ не коснуться тою или другою стороною современнаго художника, который давно уже вышелъ на свѣтъ Божій изъ тѣснаго круга цеховой исключительности. Пусть онъ сторонится «отъ житейскаго волненія», пусть онъ остается чуждъ современной «корысти», пусть не принимаетъ участія въ современныхъ «битвахъ», тѣмъ не менѣе, окружающая его дѣйствительность скажется положительно или отрицательно въ его «сладкихъ звукахъ», въ его «молитвахъ» и образахъ, и въ силу его впечатлительности скажется иногда съ большею наглядностью и выразительностью, чѣмъ у сознательнаго наблюдателя современной жизни. Вотъ почему художественный памятникъ, являясь продуктомъ данной эпохи, служить превосходною ея характеристикой, освѣщаетъ иногда самыя интимныя и глубокія стороны духовной жизни личности и общества. Средневѣковая миниатюра—наилучшая иллюстрація народной теологіи; картины Веласкеца лучше всякихъ хроникъ характеризуютъ испанское благочестіе; *Моисей* Микель Анджело наглядно показываетъ, какъ примиряли языческое съ христіанскимъ въ эпоху Возрожденія. Съ этой точки зрѣнія картинныя выставки представляютъ двойкій интересъ. Онѣ не только являются показателемъ уровня художественнаго развитія даннаго общества въ извѣстную эпоху, но служатъ, въ то же время, образною летописью общественнаго настроенія. Правда, выставка никогда не заключаетъ въ себѣ всѣхъ результатовъ художественной работы за извѣстный періодъ времени, и XXI передвижная выставка и по количеству картинъ, и по ихъ качеству далеко не можетъ быть названа русскимъ «Салономъ»; тѣмъ не менѣе, составляющія ее около 150 картинъ, принятыхъ съ разумнымъ выборомъ, могутъ дать довольно ясное понятіе о результатахъ годичной работы нашихъ художниковъ и объ ихъ направленіи.

Было время, когда живопись разрабатывала исключительно религиозные сюжеты и преслѣдовала одну только цѣль—усиливать религиозное настроеніе, изображая страданія мучениковъ, адскія муки грѣшниковъ и т. п. Благочестивый художникъ, часто монахъ, самъ былъ проникнутъ такимъ настроеніемъ, самъ старался подражать подвигамъ изображаемыхъ имъ изможденныхъ аскетовъ, чтобы избѣжать загробныхъ страданій, и его картина, при неуклюжей техникѣ, и теперь еще можетъ производить сильное впечатлѣніе, какъ горячая исповѣдь вѣрующей души или какъ болѣзненный продуктъ запуганной фантазіи. Средневѣковая церковь, налагавшая властную руку на всѣ стороны духовной жизни, считала необходимымъ обуздывать и фантазію художника, предписывая ему «подлинникъ», установленный шаблонъ почти для всѣхъ образовъ иконографіи. Отъ этого страдала и композиція, и техника картины; но средневѣковой зритель, не обладавшій художественнымъ развитіемъ, не отличался требовательностью въ этомъ отношеніи: для него достаточно было одного намека, простого символа, чтобы получить то впечатлѣніе и настроеніе, на которое рассчитывалъ художникъ. Въ эпоху Возрожденія искусство секуляризировалось, поставило себѣ самостоятельныя задачи, но религиозный сюжетъ въ силу многовѣковой традиціи, попрежнему, составлялъ ея главное содержаніе. Въ результатъ получилось весьма своеобразное отношеніе между темой картины и настроеніемъ художника, которому приходилось впадать въ традиціонныя формы совершенно новое содержаніе: въ Мадоннѣ стремились воплотить идеальную красоту и чистоту женщины; страданіе св. Себастіана, обнаженному привязаннаго къ дереву со стрѣлою въ боку, представляло превосходный случай изобразить человѣческое тѣло въ классическомъ духѣ; исторіей Св. Семейства пользовались для различныхъ видовъ жанра изъ домашней жизни. Болѣе того: къ религиозному сюжету прибѣгали для изображенія такихъ настроеній, которыя не имѣли ничего общаго съ христіанствомъ: только старою традиціей объясняются многочисленные дочери Лота и купающіяся Сусанны, какихъ можно встрѣтить въ любой галлерей на Западѣ. Позже эти аномаліи, результатъ своеобразнаго «переживанія», постепенно прекратились, и религиозный сюжетъ пересталъ быть исключительнымъ достояніемъ живописи, хотя не исчезъ и не могъ исчезнуть изъ нея окончательно. Художники возвращались и возвращаются къ религиознымъ темамъ, и отъ ихъ личнаго настроенія, которое всегда въ связи съ какимъ-либо общественнымъ теченіемъ, зависитъ степень художественнаго достоинства ихъ произведенія. Есть картины религиознаго содержанія и на XXI передвижной выставкѣ. Г. Суриковъ выставилъ *Испытаніе слѣпого І. Христа*; но эта картина едва ли прибавитъ что-нибудь къ извѣстности почтеннаго художника. Составляющая ея центръ фигура Христа совершенно лишена того божественнаго величія, которое должно придать религиозный и эстетическій смыслъ сюжету. Въ лицѣ слѣпого, съ другой стороны, совсѣмъ не замѣтно той глубокой вѣры, которая составляетъ нравственное и психологическое оправданіе чуда; исцѣленный какъ будто только что

перенесъ тяжелую и болезненную операцію, неожиданно-благоприятный исходъ которой глубоко его взволновалъ, но еще не уничтожилъ слѣдовъ недавняго страданія. Еще болѣе неудовлительное впечатлѣніе производитъ *Юность прен. Сергія Радонешскаго* г. Нестерова. Художникъ комментировалъ свою картину выдержкой изъ Евангелія: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣдѣхъ благоволеніе», и этотъ текстъ дѣлаетъ болѣе понятною фигуру юнаго отшельника. Большіе, широко-открытые глаза, блѣдное лицо, мечтательная блаженная улыбка даютъ представление о томъ религіозномъ экстазѣ, который нѣкогда заставлялъ глубоко ненавидѣть шумный, грѣховный міръ и благословлять «прекрасную пустыню». Но исполненіе картины совершенно портитъ впечатлѣніе, произведенное ею центральною фигурой. Изобразивъ правдиво и реально внутреннее настроеніе отшельника, художникъ при изображеніи его обстановки сознательно пренебрегъ всякою правдоподобностію до законовъ перспективы включительно. Вокругъ головы преподобнаго обычный въ иконографіи нинибъ, у его ногъ спокойно лежитъ деревянный медвѣдь, позади — выстроенная мальчишкомъ довольно изысканной архитектуры часовня, кругомъ безжизненные деревья, на которыхъ безбоязненно сидятъ мертвыя птицы, — ясно, что художникъ намѣренно подражалъ старинной иконописи, традиціи которой сохранились въ современныхъ лубочныхъ картинахъ. Намъ кажется, что такое подражаніе по существу представляетъ собою глубокое и антихудожественное заблужденіе. Если художникъ хотѣлъ воспроизвести прошлое, то какой смыслъ пользоваться для этого несовершенными формами современной сюжета живописи, которая не умѣла воспроизводить дѣйствительности? Технические недостатки старинныхъ мастеровъ соответствовали художественному развитію ихъ времени, и стремленіе воспроизвести ихъ при современномъ состояніи живописи является ничѣмъ не оправданною поддѣлкой, признакомъ нездорово направленной фантазіи. Такая подражательность, которую нѣмцы хорошо называютъ *archaisirende Kunst*, обыкновенно становилась модою въ эпохи паденія художественнаго вкуса. Правда, за послѣднее время подобныя явленія замѣчаются во французской живописи, и Пювись де-Шаваннъ дошелъ до большого мастерства въ поддѣлкахъ подъ старину, но его произведенія должны были украшать стѣны новой Сорбонны, и съ картиною г. Нестерова можно было бы примириться, еслибъ она находилась на стѣнѣ какой-нибудь церкви, построенной въ старомъ стилѣ, и имѣла цѣлью служить живописнымъ дополненіемъ къ архитектурной задачѣ. Какъ самостоятельное произведеніе, картина остается искусственною и нехудожественною затѣей.

Болѣе современныя формы религіознаго настроенія изображаютъ картины г. Дубовскаго *Внѣ монастыря* и г. Клодта *Весна*, написанныя на сходную тему и съ одинаковымъ настроеніемъ. Картина г. Дубовскаго на половину пейзажъ. На каменистомъ берегу спокойнаго, ярко-освѣщеннаго моря два монаха; одинъ, обращенный лицомъ къ морю и спиной къ зрителю, оперся на большой камень; другой, котораго видно въ профиль, сѣ-

дять на камнѣ и тоже весь ушелъ въ созерцаніе безконечной морской дали. Очевидно, монахамъ взгрустнулось за монастырскою стѣною и, быть можетъ, захотѣлось воли и простора. Къ сожалѣнію, лица стараго монаха не видно, а туповатое лицо молодого недостаточно выразительно: если ему и душно въ монастырѣ, то только физически. На картинѣ г. Клодта передъ открытымъ окномъ задумалась монахиня. Разстилающийся передъ нею весенній пейзажъ исполненъ эскизно; но не въ немъ дѣло: изъ монастырской кельи всякая весна привлекательна, и въ фигурѣ монахини хорошо выражено это настроеніе; но лицо и здѣсь незначительно, что нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе, хотя и не вредитъ основной мысли, потому что приступы весенней грусти доступны и зауряднымъ монахинямъ.

Названныя картины, которыя не блещутъ ни новизной содержанія, ни глубиною чувства, исчерпываютъ на выставкѣ живопись, имѣющую прямую или косвенную связь съ религіознымъ настроеніемъ. Художникамъ не удалось въ этой сферѣ подняться надъ посредственностью, а попытка г. Нестерова къ оригинальности повела только къ вычурности, и намъ кажется, что причину этого явленія слѣдуетъ искать въ отсутствіи такого настроенія въ обществѣ, которое, захвативъ художника, сдѣлало бы его способнымъ къ художественной обработкѣ религіознаго сюжета. А безъ подходящаго настроенія лучше и не браться за религіозныя темы.

Еще скуднѣе на выставкѣ и количественно, и качественно историческая живопись. Кромѣ костюмнаго этюда г. Симова *Служилый* и незначительной картинки г-жи Полѣновой *Счастливые годы*, есть только одна небольшая картина г. Лебедева *Въ опочивальнѣ*, принадлежащая къ области историческаго жанра. Художникъ изобразилъ тотъ моментъ, когда новобрачный, снявъ покрывало съ молодой жены, увидалъ ее въ первый разъ. Моментъ весьма значительный. Катошихинъ, рассказавъ, какъ въ XVII вѣкѣ подмѣнивали невѣсть и вообще злоупотребляли незнакомствомъ жениха съ невѣстой, дѣлаетъ такое обобщеніе: «Истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ». Новобрачному г. Лебедева посчастливилось: его не обманули, и жена у него очень красивая, тѣмъ не менѣе, на его очень юномъ лицѣ нѣтъ ничего, кромѣ напряженнаго вниманія, точно онъ сдѣлалъ очень важную и очень цѣнную покупку. Картина правдива и въ историческомъ, и въ психологическомъ отношеніи, но отъ нея вѣетъ грустнымъ юморомъ, потому что ужъ очень своеобразны тѣ основы, на которыхъ держалась старинная семья и которыя казались нѣсколько смѣшными и дикими уже старому Катошихину.

Крупныя картины историческаго содержанія—вообще довольно рѣдкое явленіе, и по понятной причинѣ. Для того, чтобы создать выдающееся произведеніе въ этой области, кромѣ сильнаго таланта, необходимы еще глубокій интересъ къ прошлому и хорошее съ нимъ знакомство, притомъ, не только съ бытовой и костюмною стороны. Но интересъ къ исторіи въ обществѣ усиливается обыкновенно подъ вліяніемъ крупныхъ политиче-

скихъ событій; а ихъ за послѣднее время совѣтъ нѣтъ. Съ другой стороны, историческія знанія занимаютъ такое скромное мѣсто въ нашихъ образованіи, что они являются большою рѣдкостью у художниковъ, работающихъ не только кистью, но и перомъ. Иное дѣло—современный жанръ. Наши художники всегда отличались чуткостью къ тому, что дѣлается въ обществѣ, къ его горю и къ его радостямъ, и эта чуткость не измѣнилась и на 21-й передвижной выставкѣ. Изъ 140 картинъ жанровыхъ болѣе 30, и на нихъ отразились почти всѣ общественные интересы и теченія послѣдняго времени, и отразились очень характерно. Тусклая, будничная дѣйствительность безъ крупныхъ событій, безъ сильныхъ, глубоко захватывающихъ чувствъ, съ застарѣлыми гнетущими скорбями и горестями отразилась соответствующими образомъ и на выставкѣ. Тамъ много хорошихъ правдивыхъ картинъ съ превосходною техникой, но нѣтъ ни одного выдающагося по замыслу и выполненію произведенія.

Когда писались картины для 21 выставки, общественное вниманіе, не только у насъ, но и за границей, было привлечено нѣкоторыми парадоксами великаго писателя, которые казались новыми истинами, и г. Ясоѣдовъ пожелалъ сдѣлать это темой для картины, назвавъ ее *Между мракомъ и свѣтомъ* или *Новыя истины*, по другому надписанію. Онъ изобразилъ чтеніе въ слухъ новаго произведенія въ большомъ обществѣ, и картина въ техническомъ отношеніи написана превосходно: изъ рамы выступаютъ живые люди, и ихъ отношеніе къ «новымъ истинамъ» выражено довольно вразумительно. Юная собесѣда читающаго глубоко затронута проповѣдью; рядомъ съ нею дѣвица постарше относится къ ней критически; двѣ фигуры сзади лектора, новидному, подсмѣиваются, а остальные слушаютъ внимательно и вдумчиво. Но художнику не удалось достигнуть такой экспрессіи, чтобы зрителю стало ясно, куда ведутъ «новыя истины» и каковъ будетъ результатъ чтенія. Повидному, онъ ограничился болѣе простою задачей—дать хорошо написанную сцену съ натуры. Говорить, картина представляетъ собою рядъ портретовъ, и имъ дѣйствительно узнали среди присутствующихъ на чтеніи нѣкоторыхъ ученыхъ, писателей и художниковъ. Не совѣтъ понятно, зачѣмъ понадобилось г. Ясоѣдову придавать своей картинѣ посторонній сюжету интересъ и раздвигать вниманіе зрителя. Если, изображая лицъ, дѣятельность которыхъ извѣстна, художникъ хотѣлъ сказать, что слушатели «новыхъ истинъ» и послѣ чтенія продолжали дѣлать свое старое дѣло, то лучше было бы выразить эту мысль экспрессіей лицъ, что до извѣстной степени удалось сдѣлать г. Ясоѣдову. Выраженіе лицъ двухъ молодыхъ слушательницъ на его картинѣ ясно показываетъ, что только болѣе юная способна неверовать своимъ жизни «новымъ истинамъ», а та, которая постарше, служитъ оцѣнить ихъ по достоинству. Напрасно только художникъ измѣнилъ прежнее названіе своей картины и безъ нужды заставилъ недоумѣвать зрителя, о какомъ свѣтѣ и какъ говорить надпись. Большинство остальныхъ жанровыхъ картинъ болѣе или менѣе удачно изображаетъ индивидуальное горе, проис-

ходящее отъ несовершенство общественнаго и семейнаго строя. Такова, во-первыхъ, картина г. Касаткина *Тяжело*. Молодой рабочий, можетъ быть, помощникъ механика, съ перевязанной головою и правую руку пришегль повидаться съ молодою дѣвушкой портнихой, судя по сходству лицъ, своею сестрой. На лицѣ юнаго инвалида сквозь физическое страданіе просвѣчиваетъ тяжелая скорбь объ испорченной жизни; но эстетическій центръ картины и ея нравственная красота заключается въ позѣ и особенно въ лицѣ молодой дѣвушки, на которомъ съ замѣчательною экспрессіей передано глубокое, сильно дѣйствующее на зрителя состраданіе къ близкому страдальцу. Г. Касаткинъ изобразилъ тяжелый конецъ ремесленной карьеры, а картина г. Богданова *Новичокъ* изображаетъ ея грустное начало. Пьяный мастеръ-сапожникъ читаетъ нотацию своему ученику, и поза пьяницы, его лицо и жесты ясно обнаруживаютъ желаніе помудрить и поиздѣваться надъ беззащитнымъ ребенкомъ. Къ сожалѣнію, художнику не удалось лицо мальчика, и отъ этого картина много теряетъ въ эстетическомъ отношеніи. Г. Кишиневскій весьма хорошо съ технической стороны изобразилъ, какъ въ кабацѣ пишутъ прошеніе, — сюжетъ далеко не новый и не интересный ни въ какомъ отношеніи. Картина г. Пастернака *Дебютантка* вводитъ зрителя за театральныя кулисы безъ особеннаго для него удовольствія, потому что художнику совсѣмъ не удалось лицо дебютантки, которое должно составлять центръ картины. Совершенно иное впечатлѣніе производятъ маленькія, но превосходныя картинки г. В. Маковского *Пессимистъ* и *Оптимистъ*. Художникъ съ необыкновенною мѣткостью схватилъ типичныя фигуры двухъ стариковъ, на которыхъ жизнь оставила различные слѣды, и съ разными оттѣнками юмора изобразилъ пессимиста и оптимиста.

Картина г. Архипова *По этапамъ* переводитъ насъ изъ города въ деревню. Въ нестерпимую лѣтнюю жару этапные подходятъ къ привалу у степной ворчмы и часть ихъ уже окружила присѣвшаго отдохнуть конвойнаго солдата. Художникъ хорошо передалъ палящій зной и общую истому, но отдѣльныя лица не представляютъ интереса. То же самое можно сказать о картинѣ г. Степанова *Кричане на общественной облавѣ*: хорошо воспроизведенная бытовая сцена, не согрѣтая никакимъ чувствомъ и не освѣщенная никакою идеей. Гораздо выразительнѣе картина г. Коровина *На міру*. Передъ нами мірской сходъ въ большой подгородной деревнѣ. Судя по нѣкоторымъ измамъ и по костюмамъ крестьянъ, деревенское населеніе распалось уже на двѣ группы, рѣзко различныя между собою по состоянію, и на ихъ отношенія намекаетъ картина. Молодой парень въ подовкѣ съ искаженнымъ отъ безсильной злобы и обиды лицомъ нападаетъ на старика въ пиджакѣ, лицо котораго выражаетъ досаду и презрѣніе. Міру приходится разобрать эту жалобу, и не трудно угадать, въ чью пользу состоится рѣшеніе: чуйки и поддевки понаряднѣй либо удерживаютъ парня, либо относятся къ сценѣ съ холоднымъ любопытствомъ; только на одной фізіономіи рѣзко выражена злоба противъ защитниковъ обид-

чика, да обращенный спиною къ зрителю старикъ въ шубѣ задумался, сидя на бревнѣ. Въ картинѣ есть мысль, и она производила бы эстетическое впечатлѣніе, еслибъ у главныхъ фигуръ не были такія сизыя лица, причѣмъ почти каррикатурное лицо обиженнаго производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Еще менѣе удался г. Максимову его добродушный *Лѣсной сторожъ* на превосходно написанномъ зимнемъ лѣсномъ пейзажѣ. Сторожъ захватилъ мужиковъ на порубкѣ, но не справился съ ними. Воры убили его собаку, а самаго его безъ шапки привязали къ дереву. Положеніе сторожа не только обидное, но и очень опасное, потому что въ лѣсу легко замерзнуть; тѣмъ не менѣе, его лицо остается безобидно-добродушнымъ, и картина, лишняя мысли, не производитъ впечатлѣнія. Г. Пимоненко безуспѣшно попытался вновь обработать старый сюжетъ—деревенское *Гаданье*, но ему не удалось уловить поэзіи исчезающаго обычая и не посчастливилось даже блеснуть техникой.

Весьма видное мѣсто занимаетъ на выставкѣ семья и въ особенности дѣти. Станнымъ образомъ художники на этотъ разъ совсѣмъ обошли любовь—самый благодарный сюжетъ для всяческой поэзіи; одинъ только г. Загорскій выставилъ мало замѣтную картину *Прошлое*, гдѣ изображена дѣвушка, задумавшаяся надъ старыми письмами. Но за то семейныя драмы и идилліи, семейная проза и поэзія фигурируютъ на многихъ картинахъ. Сюда относится, во-первыхъ, одна изъ лучшихъ картинъ на выставкѣ—*Дѣнь сестры* г. В. Маковского. У стараго ученаго или писателя двѣ дочери; одна изъ нихъ раздѣлила трудовую и матеріально скудную жизнь отца и отцвѣла, пока онъ старѣлъ за книгами; другой захотѣлось иной жизни, веселой, шумной, богатой, и она ушла изъ дому замужъ или иначе, во всякомъ случаѣ, порвавъ со старикомъ-отцомъ. Художникъ изобразилъ тотъ моментъ, когда эта нарядная дочь пришла въ свою старую семью, можетъ быть, для того, чтобы посчитаться со старикомъ. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ ея вызывающая поза и нѣсколько пахальное лицо, если только она не желаетъ замаскировать такимъ наружнымъ видомъ внутреннюю тревогу. Старикъ, работавшій, обложившись книгами, за своимъ письменнымъ столомъ, отвернулся къ окну и не желаетъ смогрѣть на вошедшую. За то другая сестра обращаетъ къ ней тревожный, почти умоляющій взглядъ, и въ ея лицѣ и фигурѣ ясно выражена привычная забота, какъ бы опасный визитъ не разстроилъ того человѣка, уходу за которымъ она посвятила всю свою жизнь. Намъ показалось, что фигура вошедшей несоразмѣрно велика сравнительно съ остальными; но если этотъ техническій недостатокъ и дѣйствительно существуетъ, то онъ далеко не уничтожаетъ сильнаго впечатлѣнія, которое производитъ художественно выраженная г. Маковскимъ реальная и глубокая семейная драма. Весьма драматическій сюжетъ изъ семейной жизни художественно обработанъ въ картинѣ г. Касаткина *Передъ разлукой*. По бѣдности или по требованіямъ общественныхъ нравовъ, молодымъ родителямъ приходится разстаться съ своимъ ребенкомъ, за которымъ пришла уже пожилая женщина. Отецъ,

которому она предлагает выпить на прощанье, повидимому, плачетъ, склонивши на столъ голову; но особенно хорошо выражено страшное горе молодой матери, которая въ послѣдній разъ склонилась надъ своимъ ребенкомъ и не можетъ оторвать отъ него выплакавшихъ всѣ слезы глазъ. Г. В. Маковский задушевно и съ искреннимъ чувствомъ изображаетъ въ картинѣ *За щепой* тяжелое положеніе дѣтей въ бѣдныхъ городскихъ семьяхъ. Двѣ дѣвочки присѣли отдохнуть отъ тяжелой ноши, но ихъ лица и въ особенности лицо старшей изъ нихъ обнаруживаетъ уже недѣтское утомленіе вообще жизнью, отъ которой она успѣла устать, не успѣвши съ нею ознакомиться. Драмы деревенской семьи менѣе удачно изобразили гг. Лемохъ и Максимовъ. Дѣвочки, составляющія первый планъ картины *Захворала*, ужь очень часто фигурируютъ на выставкахъ и потому не производятъ сильнаго впечатлѣнія, а *Лихая свекровь* г. Максимова поставлена въ очень вычурную позу, ея любимицы изображены почти въ карикатурномъ видѣ и лицо гонимой ею свохи ровно ничего не выражаетъ. Драматическимъ характеромъ проникнута и *Житейская проза* г. Бакшеева. За чайнымъ столомъ старикъ-отецъ, — вѣроятно, отставной чиновникъ, — пилить за что-то свою пожилую и некрасивую дочь. Такія сцены происходятъ здѣсь, вѣроятно, очень часто, потому что лицо дочери выражаетъ только усталую и унылую апатію; но къ нимъ не можетъ привыкнуть забитая старуха-мать, съ лица которой не сходитъ глубокая грусть. Художникъ превосходно передалъ это гнетущее настроеніе не глубокой, но тяжелой драмы повседневной жизни, и картина производитъ впечатлѣніе. Безысходною тоской вѣетъ отъ картины г. Головина *Урокъ музыки*: скучно за пианино мальчишкѣ, котораго родители заставляютъ обучаться салонному искусству, необходимому для настоящей благовоспитанности; скучно и старому учителю возиться съ бездарностью, но нужда заставляетъ давать уроки, и оба дѣйствующія лица апатично ждутъ конца непріятнаго для обоихъ времяпрепровожденія. Глубже захватываетъ домашнее воспитаніе — картина г-жи Шанксъ *Трудная задача*. Красивая мамаша съ замѣтнымъ пренебреженіемъ сдаетъ двухъ капризниковъ молодой учительницѣ или гувернанткѣ. Дѣти, навѣрное, только выиграютъ, если мамаша предоставитъ ихъ воспитаніе хорошей дѣвушкѣ и цѣликомъ посвятитъ себя выѣздамъ, потому что иначе она ихъ окончательно испортитъ. Но новой воспитательницѣ дѣйствительно предстоитъ «трудная задача». Картина грѣшитъ въ техническомъ отношеніи: въ комнатѣ нѣтъ воздуха, фигуры слишкомъ тѣсно сдвинуты другъ къ другу и страдаютъ нѣкоторою оцѣпенѣлостью; но позы и лица дѣтей и матери такъ выразительны, что трудность воспитательной задачи становится совершенно наглядной.

Картина г. В. Маковского *Деспотъ семьи* трактуетъ домашнюю прозу со свойственнымъ ему теплымъ юморомъ. Ребенокъ раскричался, и вся семья бросается его утѣшать: отецъ, молодой художникъ, бросилъ работу, мать взяла крикуна на руки; но особенно хороши фигуры дѣда, бабушки и дѣвочки-няньки съ гармоніей. Этотъ домашній шумъ и крикъ, конечно,

проза, но художникъ съумѣлъ своимъ добродушнымъ юморомъ придать картинѣ привлекательную задумчивость. Нѣсколько жестче отнесся къ аналогичному сюжету г. Коринъ въ своей картинѣ *Въ отсутствіи жены*. На колѣняхъ у молодого художника отчаянно, во всю мочь кричитъ ребенокъ, и отецъ, скрѣпя сердце, съ напряженнымъ и нетерпѣливымъ вниманіемъ мѣшаетъ варящуюся кашу, ожидая отъ нея единственного спасительнаго выхода изъ крайне затруднительнаго для мужчины положенія. Отецъ и особенно ребенокъ написаны превосходно, но отъ картины вѣтъ слишкомъ холодною насмѣшкой. Элегическимъ характеромъ отличается картина г. Загорскаго *Письмо сына издалека*. Сыну живется, должно быть, не дурно, и старикъ отецъ доволенъ его письмомъ; но матери оно съ болѣзненною живостью напомнило, что сынъ очень далеко, и ея грустное лицо придаетъ картинѣ поэтической колоритъ. Гораздо менѣе удалась идиллія г. Костанди *Первенецъ*. Истомленное и болѣзненное лицо молодого отца не выражаетъ родительскихъ радостей, а мать слишкомъ стара для первенца, такъ что изображенная на картинѣ сцена за чайнымъ столомъ въ саду, несмотря на поэтическую обстановку, не производитъ идиллическаго впечатлѣнія. Это обиліе сюжетовъ, заимствованныхъ изъ семейной жизни, указываетъ еще на одну характерную черту въ симпатіяхъ нашихъ художниковъ: они очень любятъ дѣтей. Мы видѣли, что почти во всѣхъ изображеніяхъ семьи на первомъ планѣ—дѣти. Кромѣ того, г. Клодтъ изобразилъ трогательную *Заботу* матери о своемъ ребенкѣ; дѣти составляютъ лучшее украшеніе пейзажа *Весна* г. Бодаревскаго; г. Прянишниковъ написалъ симпатичную дѣвочку (*Изъ лавочки*), г. Ярошенко—*Малышка* и т. д. Эта симпатія художниковъ къ дѣтямъ понятна: стоитъ приглядѣться къ дѣтской жизни, чтобы найти въ ней искреннюю и наивную поэзію и полюбить ребятъ; поэтому совершенно естественно, что художники любятъ благодарный сюжетъ для ихъ искусства.

Весьма видное мѣсто занимаютъ на выставкѣ портреты, тѣмъ не менѣе, мы не будемъ подробно останавливаться на этомъ родѣ живописи. Портреты, какъ произведенія искусства, имѣютъ двойное значеніе. Во-первыхъ, ихъ можно разсматривать съ точки зрѣнія техники; но вполне компетентное въ этомъ отношеніи жюри художниковъ сдѣлало это раньше насъ, и въ цѣломъ и общемъ всѣ портреты на выставкѣ по технике стоятъ очень высоко; конечно, разница въ исполненіи есть, но подробно останавливаться на техническихъ недостаткахъ мы считаемъ бесполезнымъ и для публики, для которой существенное въ искусствѣ не техника, и для художниковъ, которые не изъ общихъ критическихъ статей должны учиться техническимъ приемамъ своей специальности. Но портреты могутъ имѣть и другое значеніе. Лицо справедливо называется зеркаломъ души, а познать человѣческую душу по ея художественному воспроизведенію и интересно, и поучительно. Но при нашихъ современныхъ способностяхъ познавать человѣческую душу даже лучшій портретъ можетъ служить только хорошо иллюстраціей. т.-е. можетъ углублять и дополнять наше знаніе людей изъ другихъ источ-

никовъ. Поэтому типическія изображенія дѣятелей прошлаго являются историческими картинами и содѣйствуютъ лучшему пониманію старины. Такое же значеніе имѣютъ портреты крупныхъ современныхъ общественныхъ дѣятелей, съ которыми мы знакомы не только по художественнымъ произведеніямъ. Съ этой точки зрѣнія изображеніе г. Е. или г-жи А. Г. К. можетъ пока служить только показателемъ степени развитія портретной живописи, а портретъ, напримѣръ, г. Спасовича имѣетъ цѣну исторической картины, потому что онъ иллюстрируетъ крупнаго представителя извѣстнаго направленія общественной мысли въ печати и адвокатурѣ.

Въ заключеніе намъ остается рассмотреть пейзажъ на 21-й выставкѣ. Любовь и пониманіе природы русскими художниками—фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и пейзажъ давно уже занялъ высокое мѣсто въ нашемъ искусствѣ. За послѣднее время появилось новое и интересное теченіе въ техническихъ приемахъ изображенія природы: нѣкоторые художники пошли одною дорогою съ французскими импрессионистами, хотя и не раздѣляли ихъ крайностей, и это новое направленіе, не вытѣснивъ, конечно, прежнихъ приемовъ, не осталось безъ вліянія на молодыхъ художниковъ. Но и здѣсь мы не будемъ останавливаться на техникѣ, потому что намъ представляется гораздо болѣе важнымъ отношеніе художника къ сюжету, такъ какъ имъ опредѣляется настроеніе въ картинѣ, ея внутренній смыслъ. Съ этой точки зрѣнія можно отмѣтить три главныхъ теченія въ нашей пейзажной живописи. Нѣкоторые художники ищутъ, прежде всего, красоты въ природѣ и, благодаря крупному таланту, всюду умѣютъ найти ее и перенести на полотно. Таковы на нынѣшней выставкѣ *Старый валежникъ* г. Шишкина, *Листопадъ* г. Волкова, *Горное озеро* г. Васнецова и многія другія картины. Иные стремятся схватить типичный русскій пейзажъ, понимая его такъ, какъ нѣкогда характеризовалъ его Некрасовъ: «не веселы ты, родная картина». Крупнымъ художникамъ и здѣсь удается придать настроеніемъ поэтической колоритъ унылому пейзажу. Такова, напримѣръ, *Владимирка* г. Левитана. Пейзажъ не веселый; но широкій просторъ, безконечная даль, чудно перенесенная на полотно, вызываютъ въ душѣ зрителя такую же поэтическую грусть, какъ заунывная русская пѣсня. Аналогичное впечатлѣніе производитъ картина г. Холодовскаго *На вѣсахъ паракъ* и въ особенности *Дворянское имѣндо* г. Свѣтославскаго. Зброшенная барская усадьба давно уже сдѣлалась типичною русскою картиной; г. Свѣтославскій выбралъ и типичный барскій домъ съ заколоченными окнами, а превосходно написанный зимній пейзажъ—подходящій саванъ для этого покойника. Но далеко не всѣ художники умѣютъ придать поэтической колоритъ типичному пейзажу. Забывая, что типъ только тогда можетъ быть достояніемъ искусства, когда онъ заключаетъ въ себѣ внѣшнюю или внутреннюю красоту, нѣкоторые художники стараются особенно подчеркнуть невеселую, неприглядную сторону русскаго типическаго пейзажа и усердно изображаютъ какія-нибудь грязные задворки, или ржавое болото, или унылую сѣчу, обязательно при этомъ придавая картинѣ сѣ-

рый, безнадежно - скучный колоритъ. Правда, тотъ же Некрасовъ хорошо замѣтилъ, что «нѣтъ безобразій въ природѣ: и моховыя болота, и пни, — все хорошо подъ сіяніемъ луннымъ». Но чтобъ уловить красоту тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ въ обыкновенное время не видитъ ничего красиваго, необходимо желаніе ее искать и нуженъ большой талантъ, чтобы на полотнѣ она болѣе рельефно выразалась, чѣмъ въ природѣ. А многіе художники ея совсѣмъ не искали и точно сознательно стремились навести на зрителя уныніе своими картинами. Приблизительно такое впечатлѣніе производятъ на нынѣшней выставкѣ унылая *Весна* г. Переплетчикова и его же еще болѣе унылая *Порубка*. Намъ кажется, что такое пониманіе русскаго пейзажа крайне односторонне и что уже началась противъ него замѣтная реакція. По крайней мѣрѣ, на 21-й выставкѣ свѣтлый, жизнерадостный колоритъ — весьма частое явленіе въ пейзажѣ. Правда, онъ съ особенною яркостью проявляется въ картинахъ г. Боголюбова *Венеція въ молдеи* и другихъ, въ картинѣ г. Шильдера *Петербургская весенняя ночь*, которыя изображаютъ или не русскіе, или не типично-русскіе виды. Но то же настроеніе чувствуется и въ чисто-русскомъ пейзажѣ: такова картина *Въ степи* г. Шильдера, *При слякнѣ рѣчекъ* г. Киселева, *Лѣтній вечеръ* г. Волкова, *Радуга* г. Брюллова и нѣкоторыя другія. Мы думаемъ, что такое направленіе должно имѣть полное право гражданства въ русской пейзажной живописи.

Весьма неважную жанровую картину представляетъ и новая комедія на сценѣ Малаго театра *Жрица искусства* г. Барпова. Молодая дѣвушка, дочь отставнаго землемѣра, полюбила театръ и очень удачно дебютировала на частной сценѣ въ Москвѣ. Въ этой удачѣ присоединилась и другая: дѣвушка счастливо влюбилась въ состоятельнаго молодого человѣка, который служить въ банкѣ и пишетъ стихи. Предстоитъ свадьба; но отецъ жениха, богатый интендантскій чиновникъ въ отставкѣ, требуетъ, чтобы невѣста оставила сцену. Дѣвица, конечно, возмущена, и ея негодованіе особенно сильно возрастаетъ, когда оказывается, что и женихъ, нѣкогда горячо сочувствовавшій сценической дѣятельности своей невѣсты, теперь раздѣляетъ взгляды отца. Свадьба разстраивается; невѣста заболѣваетъ отъ огорченія и почему-то посылаетъ письмо антрепренеру съ отказомъ отъ сцены. Но мало-по-малу дѣло улаживается: женихъ, уже подорвавшій свою репутацію двойственнымъ отношеніемъ къ театру, оказывается совершеннымъ негодяемъ въ глазахъ невѣсты, потому что онъ одновременно съ ней объяснился въ любви и писалъ письма на эту тему богатой купеческой вдовѣ. Все это открылось и вылечило дѣвushку отъ недостойной любви. Невѣста возвращается на сцену, гдѣ ее ждетъ не только успѣхъ у публики, но и горячее чувство «драматическаго любовника».

Трудно сказать, какой смыслъ хотѣлъ придать своей комедіи г. Барповъ. Если онъ желалъ показать тяжелую борьбу въ сердцѣ дѣвushки между любовью къ сценѣ и къ жениху, то эта цѣль совсѣмъ не достигнута.

Во-первыхъ, непонятно, почему очарованная сценой артистка, порвавши изъ-за театра съ женихомъ, одновременно отказывается отъ того и другаго, а, во-вторыхъ, исходъ борьбы совсѣмъ не выразителенъ, потому что отказаться отъ любви къ такой дрянной ничтожности, какъ женихъ артистки, не составляетъ ни малѣйшей жертвы. Если авторъ имѣлъ въ виду написать комедію нравовъ и характеровъ, то и эта задача оказалась ему не по плечу. Вопросъ объ отношеніи нашего общества къ артистамъ можетъ дать хорошій сюжетъ для бытовой картины; но отставной интендантъ съ глупыми разлагольствованіями не годится для этой цѣли: подозрительное недоброжелательство къ артистамъ распространено гораздо шире и его мотивы гораздо глубже, чѣмъ думаетъ авторъ. Съ другой стороны, въ пьесѣ г. Карпова нѣтъ характеровъ, а есть или старые шаблоны, или неопредѣленныя безцвѣтности. При всѣхъ стараніяхъ гг. Правдина, Музиля и Ильинскаго, землемѣръ, интендантъ и его сынъ не получили опредѣленныхъ фizioномій; ничего, кромѣ безцвѣтной добродѣтели, не удалось сдѣлать г-жѣ Лешковской и изъ самой «жрицы искусства». Далѣе слѣдуютъ шаблоны: вдова-купчиха (г-жа Никулина), антрепренеръ (г. Макшеевъ), комикъ (г. Садовскій), комическая старуха (г-жа Садовская) и другіе. Но артисты не отвѣчаютъ за грѣхи автора; насъ болѣе удивляетъ, какимъ образомъ комедія г. Карпова проскользнула на сцену Малаго театра чрезъ строгую вѣстетическую цензуру?

М. Комлевской.

О п р о в е р ж е н і е .

(Печатается на основаніи ст. 139 Уст. о цен. и печ., изд. 1890 г.).

Въ отдѣлѣ *Текущая жизнь Русской Мысли*, январь 1893 года, г. Провинціальный наблюдатель указываетъ на «безпримѣрное» заявленіе гласнаго Обтяжнова въ засѣданіи горбатовскаго уѣзднаго земскаго собранія. Въ заявленіи этомъ онъ видитъ «верхъ нравственной растегнутости и беззастѣнчивости, отсутствіе гражданскаго стыда, халатность, кумовство, измѣну присягѣ и пр.». Читая статью, я съ удивленіемъ увидалъ, что въ моей рѣчи, обращенной къ мѣстнымъ гласнымъ, подчеркнута все касающееся моего самобичеванія и, напротивъ, выпущена существенная часть заявленія, гдѣ перечисляются и напоминаются гласнымъ факты, частью установленныя ревизіонною комиссіей, въ которой я имѣлъ честь участвовать, дѣйствительно преступнаго характера дѣятельности членовъ управы. Вотъ эта выпущенная часть моего заявленія: «Не мѣшаетъ вспомнить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при тѣхъ же условіяхъ, т.-е. передъ самою баллотировкой, въ той же залѣ и на томъ же мѣстѣ, г. Погуляевъ, обвиняя собраніе въ недовѣрїи къ члену Кольчугину, завѣрялъ своею честью въ его безупречной дѣятельности, а на другой день послѣ забаллотированія Кольчугина въ члены управы оказалась растрата около 2,000 р.; на экстренномъ собраніи въ сентябрѣ сего года у члена управы Овѣрина была обнаружена растрата изъ имперскаго продовольственнаго капитала и другихъ суммъ около 1,500 руб. Надо же когда-нибудь положить предѣлъ безконтрольному хозяйничанью чиновъ управы, пользующихся, какъ видно, широко довѣрчивостью и слабодушіемъ г. Погуляева, результатомъ чего и вышла задолженность земства и его распатанное хозяйство. Эти условія и заставили меня особенно въ виду возврата продовольственной ссуды, въ скромной формѣ составить собранію докладъ, указывающій настоящее положеніе дѣлъ» (извлеченіе изъ *Журнала Земск. Собранія*). Отчего же г. Наблюдатель, обвиняя меня въ кумовствѣ за нѣсколько деликатное отношеніе къ большому предсѣдателю, умалчиваетъ о журналѣ ревизіонной комиссіи, томъ самомъ, по поводу котораго возникли на собраніи мои объясненія съ г. Погуляевымъ, служація основой г. Наблюдателю для его сужденій о

моей дѣятельности въ качествѣ члена ревизіонной комиссіи? Между тѣмъ, въ этомъ журналѣ нѣтъ любезныхъ фразъ, а есть хотя и смягченные, но, все-таки, факты, удостовѣренные подписомъ моимъ и трехъ другихъ членовъ комиссіи и факты, должно быть настолько убѣдительные, что собраніе, во-первыхъ, не утвердило отчеты управы по общественнымъ работамъ, избравъ особую дорожную комиссію для провѣрки произведенныхъ расходовъ; во-вторыхъ, не приняло произведенный расходъ въ 700 руб. на награды бухгалтеру и его помощнику и, въ-третьихъ, заболлатировало члена управы, завѣдывавшаго общественными работами. Вѣдь, если корреспондентъ могъ доставить г. Наблюдателю въ подлинникъ мою рѣчь, то и журналъ ревизіонной комиссіи не долженъ бы для него составлять тайну. Теперь разберу мои ужасныя слова, на основаніи которыхъ на меня возводится обвиненіе въ кумовствѣ. Я сказалъ: «Всѣ неприглядные факты смягчены до невозможности». Да, смягчены, въ томъ смыслѣ, что комиссія, беря во вниманіе болѣзненность г. Погуляева, не придавала особаго значенія неряшливости веденія книгъ, канцелярскимъ беспорядкамъ, указывающимъ на недостаточный надзоръ со стороны предсѣдателя управы; но, тѣмъ не менѣе, въ журналѣ ревизіонной комиссіи, который игнорируетъ г. Наблюдатель, установленъ существенный фактъ неправильнаго проведенія денегъ по кассовымъ книгамъ, «я бездѣйствовалъ»—и это вѣрно: во-первыхъ, въ качествѣ земскаго начальника, я такъ занятъ своимъ прямымъ дѣломъ, что не могу посвящать много времени земству, а, во-вторыхъ, мои личныя отношенія къ г. Погуляеву возникли не на родствѣ или свойствѣ, а на почвѣ сознательнаго уваженія и увѣренности въ его безкорыстіи, которое и служило мнѣ порукой, что земская касса во время его предсѣдательства гарантирована отъ расхищенія, такъ какъ *до сихъ поръ* онъ за растраты членовъ платилъ изъ своего кармана. По различнымъ обстоятельствамъ мы миримся съ тѣмъ предсѣдателемъ, при которомъ касса цѣла, и потому симпатичный, болѣзненный и лишенный инициативы г. Погуляевъ казался мнѣ возможнымъ и даже желательнымъ предсѣдателемъ. Но все до поры до времени, и не оскорбленное самолюбіе, какъ инсинуируетъ г. Наблюдатель, а нѣчто болѣе существенное заставило меня измѣнить взглядъ. Неурожайный 1891 годъ наложилъ на земскую управу такія обязанности, которыя, по моему мнѣнію, не подъ силу симпатичному, но больному и слишкомъ довѣрчивому г. Погуляеву; не говоря о томъ, что по продовольствію и общественнымъ работамъ въ прошломъ году, по возврату ссудъ и по предстоящей, можетъ быть, борьбѣ съ эпидеміей въ настоящемъ году, управа должна проявить энергію, которой нельзя требовать отъ больнаго человѣка, но при этихъ функціяхъ слишкомъ усложняется и денежная отвѣтственность управы, а зная *все возрастающую довѣрчивость* г. Погуляева, но не зная его *кредитоспособности*, я невольно задавался мыслью: что, если очевидно повторяющіяся растраты членовъ въ будущемъ (я, разумѣется, никого не называю, такъ какъ заявленіе дѣлалъ до выборовъ) достигнуть, наконецъ, такой крупной суммы, которая для г. Погуляева окажется не

по силамъ? Вотъ эти-то соображенія заставили меня, во-первыхъ, совмѣстно съ тремя другими членами ревизионной комиссiи выработать инструкцію, которая ограждаетъ кассу отъ могущихъ быть поползновенiй, а, во-вторыхъ, дать понять собранiю, въ рѣчи, сказанной передъ самою баллотировкой въ отвѣтъ на укоръ г. Погуляева ревизионной комиссiи въ придирчивости, что, *несмотря* на уваженiе и личную симпатiю къ г. Погуляеву, дѣлавшими меня до сихъ поръ его искреннимъ сторонникомъ, я нахожу, что онъ при всѣхъ своихъ симпатичныхъ качествахъ не соотвѣтствуетъ роли председателя управы, на которую возложено теперь столь серьезное и отвѣтственное дѣло. Гдѣ же тутъ «кумовство»? Думаю, что и этихъ поверхностныхъ объясненiй достаточно, чтобы выяснитъ всю неосновательность взводимыхъ на меня г. Провинциальнымъ Наблюдателемъ тяжкихъ обвиненiй.

Гласный горбатовскаго уѣзднаго земскаго собранiя *Владимiръ Дмитриевъ Обтяжновъ*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

М а й.

1893 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія.—Статистика.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Естествознание. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *апрѣль*.—«Русское Богатство», *мартъ*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *апрѣль*.—«Міръ Божій», *апрѣль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 апрѣля по 1 мая 1893 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Жена“. Ан. П. Чехова.—„Моя бібліотека“. Изд. М. М. Ледерле.

Жена. Разсказъ Ант. П. Чехова. Изданіе „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1893 г. Цѣна 25 к. Богатый помѣщикъ, инженеръ Ассоринъ, имѣющій генеральскій чинъ, живетъ въ своемъ имѣніи; и жена его живетъ въ томъ же домѣ, но нельзя сказать, что Павелъ Андреевичъ живетъ въ деревнѣ съ женою, такъ какъ супруга его Наталья Гавриловна занимаетъ весь нижній этажъ дома, а хозяинъ дома проживаетъ въ верхнемъ этажѣ съ древнею старушкой, бывшею гувернаткой. Ассоринъ женатъ семь лѣтъ. Неладья между супругами началась довольно скоро изъ-за несходства характеровъ, перешли въ семейныя сцены и ссоры съ обычными примиреніями и новыми горькими озлобленіями. Острый періодъ миновалъ въ свою очередь, какъ и медовый мѣсяцъ, и жизнь сложилась такъ: „Обѣдала, спала и гостей своихъ принимала жена у себя внизу, совсѣмъ не интересуясь тѣмъ, какъ обѣдаю, какъ сплю и кого принимаю я“. Разсказъ ведется отъ лица Ассорина. „Отношенія наши были просты и не втянуты, но холодны, безсодержательны и скучны...“ На самомъ же дѣлѣ, такъ лишь казалось мужу, а отношенія были далеко не просты. Ассоринъ никакъ не могъ истребить въ своемъ сердцѣ любви къ Natalie, не могъ помириться съ своимъ одиночествомъ, съ „безсодержательностью“ отношеній къ женѣ. Обнаружившійся въ ихъ округѣ голодъ послужилъ основаніемъ Ассорину для вмѣшательства въ жизнь и дѣла жены. Онъ затѣялъ съ ея содѣйствіемъ организовать помощь голодающимъ и принялся за это крайне неудачно, а затѣмъ былъ неприятно удивленъ и раздраженъ, узнавши, что все это уже дѣлается и устроилось безъ него, по почину Натальи Гавриловны, при содѣйствіи людей, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ высоты своего величія. Очень хорошо очерченъ авторомъ этотъ „прекраснѣйшій“ человѣкъ, отъ котораго никому житья нѣтъ на свѣтѣ и всѣхъ прежде—ему самому. Онъ уменъ, образованъ, безукоризненно честенъ, дѣловитъ, аккуратенъ, но всѣмъ своимъ прекраснымъ качествамъ придаетъ такое

значение, будто они составляют его исключительное достояние. Простыя отношенія людей между собою представляются ему нарушеніемъ „порядочности“; такія же отношенія къ дѣлу, даже къ доброму дѣлу помощи голоднымъ, кажутся ему неряшливостью и возбуждаютъ подозрительность дѣльца, признающаго только приходы и расходы по ассигновкамъ, по шнуровымъ книгамъ, соответствующимъ всѣмъ правиламъ счетоводства. Въ этомъ онъ неотразимо правъ, и никто опровергнуть его правоты не можетъ, но Наталья Гавриловна и ея помощники хотя бы помогать по-просту, по-душевному, безъ „оправдательныхъ“ документовъ, и канцелярица съ бухгалтеріей, требуемыя Ассоринымъ, чуть не губятъ ихъ дѣла. Какъ и почему это происходитъ, мы не станемъ выяснять въ короткомъ отзывѣ о небольшой книжкѣ, — надо ее прочесть, чтобы видѣть, насколько живы лица Ассорина и его жены, насколько сложны и тонки отношенія, кажущіяся очень простыми, между мужемъ и женою, души которыхъ такъ далеко расходятся другъ отъ друга. Нравственное испѣленіе начинается для Ассорина лишь съ той минуты, когда онъ почувствовалъ и созналъ, что одною формальною правотою человѣкъ не достигнетъ сочувствія окружающихъ его простыхъ сердцемъ людей, ни личнаго удовлетворенія запросовъ собственнаго сердца, не совсѣмъ еще засохшаго въ тѣсныхъ рамкахъ условной безукоризненности.

Моя бібліотека: Мѣщанинъ въ дворянствѣ, комедія Ж. Б. Мольера, переводъ В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Цѣна 40 коп. — Дама съ камеліями. Романъ Александра Дюма (сына), съ предисловіемъ Жюль Жанена. Цѣна 60 коп. — Марія Груббе. Романъ изъ жизни датскаго общества XVII в. И. П. Якобсена, съ предисловіемъ Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго П. Г. Ганзена. Цѣна 80 коп. Изданія М. М. Ледерле. Спб., 1893 г. До сихъ поръ у насъ, кажется, не было точнаго перевода забавнѣйшей изъ комедій Мольера *La bourgeois gentilhomme*, и очень хорошій переводъ В. П. Острогорскаго восполняетъ немало-важный пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ. Предисловіе переводчика знакомитъ съ исторіей этого произведенія, устарѣвшаго, правда, но менѣе другихъ пьесъ великаго драматурга, за исключеніемъ развѣ *Тартюфа*, и такъ же, какъ *Тартюфъ*, ни откуда не заимствованнаго.

Относительно романа Дюма-сына *Дама съ камеліями* мы того же сказать не можемъ, такъ какъ хорошо ли, плохо ли, онъ переведенъ былъ, и даже не одинъ разъ, въ передѣлкѣ на драму давался на всѣхъ театрахъ и всякими знаменитыми артистками. А, слѣдовательно, извѣстенъ онъ и переизвѣстенъ всей русской публикѣ, не только грамотной, но и полуграмотной. Въ предисловіи издатели рекомендуютъ перечитать этотъ „истрепанный публикой романъ серьезно“ — потому, что считаютъ его „не гениальнымъ“ (съ чѣмъ всѣ давно согласны), „но все же вѣчно-юнымъ“ произведеніемъ, съ чѣмъ согласиться очень трудно, ибо правильнѣе было бы сказать „юношескимъ“ произведеніемъ очень талантливаго, но не первокласнаго писателя. Изящество слога подлинника утрачивается болѣе или менѣе при переводѣ, а въ изданіи г. Ледерле и К^о о прелести языка и помина быть не можетъ, когда тутъ встрѣчаются такія фразы: „она родилась въ шелку и бархатѣ подъ лѣшными позлащенными сводами родовыхъ палатъ“... „Она принялась при помощи лорнета осматривать залъ“. „Его слушали по-лу-ушами“...

Болѣе подробно мы считаемъ нужнымъ поговорить о романѣ И. П. Якобсена *Марія Груббе*, написанномъ въ 1876 г. (Якобсенъ родился въ 1847 г. и нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ). Этимъ первымъ крупнымъ своимъ произведеніемъ Якобсенъ сразу приобрѣлъ извѣстность у себя на родинѣ и заслужилъ величайшія похвалы такого знаменитаго критика, какъ Георгъ Брандсъ. При всемъ уваженіи нашемъ къ славному критику, мы не раздѣляемъ его преувеличеннаго восхищенія передъ этимъ произведеніемъ Якобсена. Спѣшимъ, однако, оговориться: мы подлинника не читали, а въ переводѣ, повторяемъ, не только пропадаетъ многое, составляющее прелесть оригинала, но и часто подвергается искаженіямъ, производящимъ впечатлѣніе обратное тому, какое даетъ чтеніе подлиннаго романа. Приведемъ примѣръ: „Молодая женщнна невольно пришла къ заключенію, что Сти Гегъ поборолъ свою страсть и, побѣдоносно поставивъ свою пяту на голову дракона любви, торжествовалъ теперь свою свободу“. По-датски это, можетъ быть, превосходно, но по-русски „драконъ любви“ вызываетъ улыбку такъ же точно, какъ нѣкоторыя описанія травъ и цвѣтовъ, изнывающихъ отъ жары. Въ общемъ же романъ Якобсена написанъ очень талантливо и своеобразно, хотя мѣстами нѣсколько вычурно и кудревато, на нашъ взглядъ. Въ немъ живо представлена жизнь датскаго общества второй половины XVII вѣка, начиная съ помѣстья богатаго барина, переходя черезъ дома вельможъ, королевскіе дворцы и сады и кончая тавернаки и лачугами. Нѣкоторыя картины очень ярки, но въ нихъ часто недостаетъ цѣльности и, въ особенности, недостаетъ связи между ними, о чемъ авторъ, повидимому, и не заботится, точно спѣшитъ перевести читателя отъ одной изъ нихъ къ другой и къ послѣдующимъ въ своей разнообразной галлерей. Героиня, именемъ которой озаглавленъ романъ, изображена авторомъ съ большою смѣлостью и какъ будто съ увѣренностью, что изображается женщина необыкновенная, одаренная какими-то особливими душевными качествами и силами. Марія Груббе, едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, мечтаетъ объ идеальномъ героѣ, ищетъ такого героя, воображаетъ, будто нашла, отдается ему и разочаровывается. Но разочарованіе въ одномъ кавалерѣ не охлаждаетъ ее въ погонѣ за идеальнымъ мужчиной, и она снова устремляется по тому же пути и приходитъ къ новымъ разочарованіямъ. Увлеченіе однимъ принцемъ королевскаго дома смѣняется любовью къ другому принцу, за котораго Марія выходитъ замужъ. Не найдя въ мужѣ того, о чемъ она мечтала, Марія убѣгаетъ отъ мужа и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, воспитавшись силой своего зятя, уѣзжаетъ съ нимъ въ Парижъ. Увидѣвши свою новую ошибку, она бросаетъ любовника, мужа своей сестры, и влюбляется въ очень молодого человѣка, но любовницей его не успѣваетъ сдѣлаться, такъ какъ его убила лошадь. Въ тридцать лѣтъ героиня выходитъ вторично замужъ, безъ любви на этотъ разъ, и проживаетъ съ очень непривлекательнымъ мужемъ шестнадцать лѣтъ, грубья и жирья изъ года въ годъ. Въ сорокъ шесть лѣтъ она влюбляется въ молодого работника крестьянина, воспитавшись его мускулами и геркулесовскою силой, и дѣлаетъ его своимъ любовникомъ. Когда ихъ связь открылась и мужъ выгналъ измѣнившую жену изъ дома, Марія ушла съ грубымъ парнемъ и въ немъ, наконецъ, нашла тотъ идеалъ, который такъ манилъ ее съ дѣтства. Съ нимъ она переносила нищету, тяжелый трудъ, униженія, переносила его пьянство, побои отъ него и всякіе ужасы, прожила съ нимъ двадцать шесть лѣтъ и умерла семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, черезъ

нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти этого третьяго мужа, бывшаго на двадцать пять лѣтъ моложе ея. Въ чемъ видѣла свой идеаль Марія Груббе, влюбленная въ 17 лѣтъ въ богатыря Ульриха-Христіана, въ 20 лѣтъ — въ силача Ульриха Фридриха, въ 26 лѣтъ въ Сти Гега за то, что онъ переломалъ кому-то ноги, въ 46 лѣтъ — въ мужика геркулесовскаго тѣлосложенія?.. 250 лѣтъ назадъ это могло быть такъ и, вѣроятно, такъ бывало. Какъ картина быта, романъ Якобсена интересенъ и, вѣроятно, вполне вѣренъ дѣйствительности, и сцены въ немъ есть поистинѣ, блестящія. Что же касается общей идеи, то доискать ея трудно.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Современныя задачи нравственнаго воспитанія“. Проф. К. Н. Яроша.

Современныя задачи нравственнаго воспитанія. Проф. К. Н. Яроша. Харьковъ, 1893 г. Все гнило въ современной молодежи: повсюду отсутствіе идеаловъ, недоумѣніе, апатія, а отсюда — недостатокъ нравственной выдержки, стойкости передъ соблазнами. Болѣзнь вѣка — безволие, отсутствіе характера, какъ устойчивости въ добръ. Изъ чего же слагается характеръ? Изъ знанія добра, желанія ему слѣдовать и воли. Воспитаніе перваго элемента характера состоитъ въ привитіи ребенку „нравственно-добрыхъ идеаловъ“. Но гдѣ искать ихъ? „Объективныхъ, общечеловѣческихъ идеаловъ не существуетъ“ (стр. 25), а какимъ-нибудь идеаломъ непременно нужно снабдить ребенка. Всѣ попытки ученыхъ мужей создать абсолютный идеаль несостоятельны. Да и пытаться незачѣмъ: передъ нами Евангеліе и Христовъ. Этимъ, конечно, всѣ недоумѣнія разрѣшаются: нельзя же различно толковать Евангеліе! Вотъ, напримѣръ, обращикъ истиннаго его пониманія. Говоря о попыткахъ отдѣленія нравственности отъ христіанства, проф. Ярошъ указываетъ, что французскія учебныя программы 1882 г. предписываютъ воспитывать только „честныхъ людей вообще“. „Но въ какомъ смыслѣ честныхъ? — побѣдоносно восклицаетъ почтенный профессоръ. — Если въ общеевропейскомъ, то это значитъ въ христіанскомъ смыслѣ, потому что вся нравственная атмосфера нынѣшней Европы создана Евангеліемъ“ (стр. 56). И такъ весь современный строй Европы (милитаризмъ, наприм., узкій военный патріотизмъ и проч. прелести), или, по крайней мѣрѣ, нравственныя идеи, лежащія въ его основаніи, созданы Евангеліемъ. Неудивительно поэтому встрѣтить нѣсколько выше благоговѣйное цитированіе (по поводу сопоставленія „воспитанія“ и „обученія“) словъ Мольтке, самодовольно объясняющаго побѣду надъ Франціей нравственною высотой (тоже въ евангельскомъ смыслѣ?) нѣмцевъ, на которую они якобы были подняты воспитаніемъ (стр. 53). Но Евангеліе лишь фонъ. На немъ должно вырисоваться національное воспитаніе въ духѣ „укладовъ“ Домостроя, главными чертами котораго древняя „инстинктивная (?) педагогія“ выставляла „аскетическіе идеалы и отцовскій авторитетъ“: „нельзя отрицать достоинства этихъ воспитательныхъ средствъ, ибо они дали Россіи нравственныя силы небезславно пережить тысячелѣтіе“ (стр. 42) (не согласится ли проф. Ярошъ на томъ же основаніи причислить сюда кнутъ, плети и др. тому подобныя „воспитательныя средства“?). А, главное, не нужно забывать великаго дѣйствія на юношество отечественной исторіи (конечно, въ елейномъ духѣ Карам-

зина): „проведемъ предъ пытливымъ взоромъ юной любознательности благородныя фигуры земскихъ воиновъ Минина, трогательныя личности служилыхъ людей, защитниковъ русской государственности, которые падали (?) одинъ за другимъ во ввѣренныхъ имъ пунктахъ, подъ бурею черныхъ годовъ; вспомнимъ величавыхъ правдолюбцевъ, свидѣтельствовавшихъ истину, не боясь гоненія, пытокъ и смерти“ (стр. 38). Укажемъ благолѣпно и нѣкоторые недостатки русскіе. Но примемъ всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь не дошло до слуха воспитанника имя „специалиста революцій—Гарибальди“ или „извѣстнаго маньяка и фантазера Роберта Оуэна“—этихъ „узкихъ и ограниченныхъ личностей“ (стр. 26 и 31). Остережемся излишняго увлеченія классицизмомъ.

„Едва ли дастъ намъ животворящіе идеалы міръ классической древности съ его въ общемъ узкою и жесткою моралью, —міръ, скончавшійся именно отъ нравственнаго худосочія въ агоніи скептицизма и разочарованности“ (стр. 36). Пусть Западная Европа увлекается классицизмомъ, —тамъ эпоха Возрожденія воскресила духъ языческой древности и нанесла христіанской школѣ тяжелый ударъ“... „Но Россія не бросалась съ отступническою радостью въ объятія греко-римскаго язычества и ей остается продолжать рости въ христіанскихъ идеалахъ“ (стр. 36—37). Не мѣшаетъ также ввести въ систему средняго образованія законовѣдѣніе, „чтобы заблаговременно воспитывать въ душѣ питомцевъ школы сознательное чувство любви къ отечеству и уваженіе къ закону“ (стр. 45). Это, дѣйствительно, не мѣшало бы дѣлать, и не только въ школѣ.

Таково знаніе, таковы нравственно - добрые идеалы. Перейдемъ къ „желанію добра“. Какъ возбудить его? Составлять одно съ воспитанниками, не лгать въ воспитаніи, дѣйствовать добрымъ примѣромъ. „Воспитатели, желающіе съ успѣхомъ звать питомцевъ на путь совмѣстнаго совершенствованія, не имѣютъ нужды прибѣгать къ обманному скрыванію своихъ личныхъ слабостей; напротивъ, искреннее сознаніе и сѣтованіе о собственныхъ ошибкахъ служитъ вѣрнымъ залогомъ солидарности и серьезности въ общей работѣ учащихся и учащихся. Вообще, воздухъ школы долженъ быть проникнутъ самою чистою и прозрачною искренностью“. Прекрасно. Но это на стр. 61, на стр. же 70 изъяснено, что такая „слащавая, близорукая любовь, заступающая мѣсто авторитета, приводитъ семью къ разложенію“. „Мы не стали, —говорится тутъ же, —отдѣлять отъ себя дѣтей, какъ прежде, мы ввели ихъ въ центръ нашей жизни, вслѣдствіе чего они видятъ насъ во всякомъ положеніи, видятъ насъ со всѣми слабостями, видятъ насъ раздраженными, лгунами, тщеславными, смѣшными, они дѣлаютъ насъ предметомъ насмѣшки и критики, и той дѣтской критики, которая ничего не въ силахъ понять, а потому ничего не можетъ простить, поставить на надлежащее мѣсто и въ должную обстановку“. И такъ, съ одной стороны—примѣръ, съ другой—авторитетъ: „Одинъ изъ величайшихъ даровъ нравственнаго просвѣщенія состоитъ въ сообщеніи юной душѣ способности почтительно чувствовать надъ міромъ личныхъ своихъ идей, желаній и влеченій авторитетъ наставника, власть идеала и долга“ (стр. 74). Всякое соревнованіе, столь развитое во Франціи, не должно имѣть мѣста въ школѣ. „Не можемъ не отмѣтить тутъ же, что нашъ дѣйствующій уставъ гимназій мудро обходитъ данайскіе дары соревнованія“ (стр. 67) (собственно въ какомъ смыслѣ обходить?). Третьимъ элементомъ характера является „воля“. Ее надлежитъ развивать физическими упражненіями.

Въ процесѣ закаленія воли громадную роль играетъ „задерживаніе желаній“, достигаемое строгою дисциплиной и спасительными взысканіями. Такимъ образомъ, мы бѣгло изложили содержаніе четырехъ первыхъ главъ книги; двѣ послѣднія посвящены исторіи воспитательнаго дѣла въ Россіи и изображенію желательнаго типа воспитателя. Замѣтимъ тутъ же, что послѣдній долженъ обладать всѣми совершенствами. Къ сожалѣнію, остановиться подробно на исторіи воспитательнаго дѣла въ Россіи намъ не удастся. Мѣсто позволяетъ намъ только изучить со словъ проф. Яроша ходъ университетскаго образованія въ Россіи съ начала столѣтія до нашихъ дней.

Вотъ какъ было дѣло. Вездѣ царствовали древніе воспитательные „уклады“—воспитаніе и ученіе сливалось воедино. Студенты пылали самыми благородными, самыми возвышенными чувствами; профессора были ихъ друзьями-наставниками. Это все происходило въ началѣ столѣтія, въ первой его четверти. „Но потомъ мало-по-малу, подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ мы не будемъ говорить (почему же?), воспитательный элементъ началъ обособляться и сосредоточиваться въ вѣдѣніи инспекціи, причемъ связь этой послѣдней съ университетомъ становится все болѣе и болѣе внѣшней“ (стр. 138). Параллельно съ такимъ разрывомъ воспитанія и обученія встрѣчаются маленькія злоупотребленія властью, „иногда“ имѣвшія мѣсто... и вдругъ... рай смѣняется адомъ, т.-е. на сцену являются 50-е—60-е года со всѣми ужасами среди молодежи, по поводу которыхъ еле хватаетъ бранныхъ и ядовитыхъ словъ у почтеннаго профессора. Затѣмъ все исчезаетъ: и молодежь, и ея безчинства, и намъ сообщаются краткія свѣдѣнія объ уставахъ 1863 и 1884 гг. Что же случилось теперь съ университетскою молодежью? Отвѣтомъ на это служить, вѣроятно, та уголовная патологія, съ жертвами которой г. Ярошъ знакомилъ насъ въ началѣ книги: въ его глазахъ вся современная молодежь если еще не сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, то по совершенно независимымъ отъ нея обстоятельствамъ. Такова книга проф. Яроша. Мы хотѣли сначала кратко изложить ея содержаніе и затѣмъ поговорить о взглядахъ автора. Но мы натолкнулись на такое количество перловъ, что не могли отказать себѣ въ удовольствіи хотя бѣгло ознакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ публику. Да не подумаетъ читатель, что мы исчерпали всю сокровищницу взглядовъ г. Яроша: при желаніи, онъ найдетъ въ его книгѣ много любопытнаго. Мы ничего не рѣшаемся прибавлять къ нашему по необходимости весьма сжатому пересказу: дѣло говоритъ за себя. Остановимся еще только на двухъ чертахъ разбираемаго трактата. Читатель видѣлъ уже, какимъ изысканно-елейнымъ языкомъ пишетъ нашъ авторъ: считаемъ своею обязанностью засвидѣтельствовать, что благоуханіе приводимыхъ отрывковъ ничто въ сравненіи съ изысканною витіеватостью, журчащею на манеръ ручейка на всѣхъ безъ исключенія 163 страницахъ его книги. Вторая черта, о которой мы не рѣшаемся умолчать, это необычайная ученость автора: каждую свою мысль подтверждаетъ онъ множествомъ цитатъ, такъ что, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ на 17-ти строкахъ ухитряется онъ привести мнѣнія по разнымъ вопросамъ Сѣлли, Лейбница, Канта, Монтэня и Аристотеля (стр. 118). Добросовѣтность его въ этомъ отношеніи замѣчательна: „одна ласточка еще не дѣлаетъ весны“,—говоритъ онъ на стр. 10 и не скрываетъ отъ читателя, что изреченіе это принадлежитъ не ему, г. Ярошу, а Аристотелю. Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній авторъ разбираемой книги обращается къ читателю съ слѣдующимъ заявленіемъ

амъ: „На дѣлѣ же, говоря по совѣсти, едва ли есть между русскими писателями такіе „реакціонеры“, которые дѣйствительно желали бы для своего отечества какихъ-нибудь понятныхъ движеній къ худшему, ко временамъ невѣжества, грубости, насилія, подавленія одного элемента населенія другимъ и т. п.“ (стр. 19). Какъ вы думаете, читатель, есть въ дѣйствительности такіе „реакціонеры“ или нѣтъ?

И С Т О Р І Я.

„Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества“.— „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина“.— „Историческіе очерки и рассказы“. С. Н. Шубинскаго.— „Русская историческая бібліографія“. В. И. Межова.— „Исторія эллинизма“. Дройзена.— „Исторія французской революціи“. И. Карно.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 35, 71, 82. Спб., 1892 г. Въ первыхъ двухъ томахъ *Сборника* заключаются I и III части *Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго юсударства съ Польско-литовскимъ юсударствомъ*, изданныя подъ редакціей покойнаго Г. Ѳ. Карпова по рукописямъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ отдѣльности, томъ 35-й обнимаетъ періодъ отъ начала сохранившихся въ архивѣ сношеній,— 1487 г.,— до 1533 г. и является вторымъ, исправленнымъ изданіемъ этихъ документовъ, напечатанныхъ Карповымъ довольно небрежно. Въ томѣ 71-мъ, выходъ котораго въ свѣтъ былъ задержанъ болѣзнью и смертью редактора, изданы документы за 1560—1571 гг. (Сношенія за время 1533—1550 гг. напечатаны были въ 59 томѣ *Сборника*). О первостепенной важности этого первоисточника русской исторіи нѣтъ надобности говорить. Содержаніе его было извѣстно всѣмъ нашимъ историкамъ, начиная съ Щербатова, и не разъ уже пересказывалось въ общихъ исторіяхъ Россіи; тѣмъ не менѣе, изданіе этихъ документовъ цѣликомъ представляетъ совершенно необходимымъ. Надо надѣяться, что смерть редактора не остановитъ дальнѣйшаго печатанія *Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи*. Томъ 82-й содержитъ продолженіе *Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I*, издаваемыхъ подъ редакціей проф. Трачевскаго. Въ настоящемъ (III) томѣ напечатаны документы, относящіеся къ дипломатической исторіи двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ Тильзитскому свиданію, 1805 и 1806. Вмѣстѣ съ предъидущими томами (70 и 77), изданіе проф. Трачевскаго составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ новинокъ послѣдняго времени, относящихся къ этой интересной эпохѣ и обѣщающихъ значительно измѣнить установившіеся взгляды на роль Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Кн. II и III. Спб., 1891—92 гг. Въ свое время мы отмѣтили появленіе перваго тома *Архива кн. Куракина*. Второй и третій томы, не заключая такихъ выдающихся по интересу документовъ, какимъ была напечатанная въ I томѣ *Исторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ*, содержитъ, тѣмъ не менѣе, цѣлую массу матеріаловъ, интересныхъ какъ для изученія эпохи Петра I, такъ и для характеристики самого князя Б. И. Куракина, извѣстнаго дипломата того времени. Кромѣ переписки съ царемъ и многими вельможами, мы находимъ здѣсь (въ III томѣ) цѣлый рядъ собственныхъ записокъ и мемуаровъ князя Б. Куракина самаго разнообразнаго содержанія, начиная съ его гороскопа и замѣтокъ о его леченіи въ загранич-

ныхъ курортахъ и кончая всевозможными набросками: о домовомъ управленіи, о вывозной торговлѣ русскими товарами изъ Архангельска, о предполагаемыхъ сочиненіяхъ по русскому государствовѣдѣнію и, главнымъ образомъ, о вопросахъ текущей политики и дипломатіи. Судя по сообщенію редакціи при III томѣ, въ настоящее время закончено и описаніе самаго Надеждинскаго архива кн. Ф. А. Куракина за петровское время, такъ что въ дальнѣйшихъ томахъ матеріалъ будетъ издаваться въ строго-хронологическомъ или предметномъ порядкѣ. Отсутствіе такого порядка, дѣйствительно, сильно затрудняетъ пользованіе вышедшими тремя томами. По отношенію къ чтенію рукописей кн. Куракина и корректурѣ редакція *Архива* замѣтно стала опытнѣе, чѣмъ это было видно по первому тому. Редактированіе изданія перешло къ „иниціатору этого дѣла и ближайшему помощнику“ Семевского, г. Влад. Смольянинову.

Историческіе очерки и рассказы. С. Н. Шубинскаго. Третье изданіе, дополненное и исправленное, съ 53 портретами и иллюстраціями. Спб., 1893 г. Ц. 3 руб. Сборникъ историческихъ очерковъ и рассказовъ С. Н. Шубинскаго, редактора журнала *Историческій Вѣстникъ*, вышелъ недавно третьимъ изданіемъ въ значительно дополненномъ и переработанномъ видѣ; онъ представляетъ собою опрятно изданный томъ съ очень недурными и частью весьма интересными иллюстраціями, а также подробнымъ указателемъ, заключающаго въ себѣ 30 очерковъ, относящихся къ XVIII вѣку, исключая перваго (*Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году*) и двадцать восьмого (*Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ*), и производитъ въ общемъ впечатлѣніе чего-то интереснаго. По крайней мѣрѣ, нашей читающей публикѣ, на которую и рассчитанъ, онъ долженъ понравиться не вполнѣ незаслуженно. Наша опрятная популярная литература по русской исторіи настолько не богата, что сборникъ г. Шубинскаго поневолѣ становится явленіемъ замѣтнымъ, несмотря на нѣкоторые крупныя его недостатки въ дѣломъ при наличности достоинствъ въ частностяхъ.

Составъ сборника совершенно случаенъ, и всѣ очерки, взятые вмѣстѣ, не проникнуты какою-либо одною мыслью, не прослѣживаютъ съ опредѣленною цѣлью какого-либо одного явленія или группы явленій. Вы встрѣтите здѣсь любопытныя біографіи перваго с.-петербургскаго генераль-полицеймейстера графа Антона Мануиловича Дивьера († 24 іюня 1745 г.), графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, брата знаменитаго случайнаго вельможи и перваго въ Россійской имперіи чело-вѣка при веселой и набожной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и неутомимаго искателя приключеній Карла-Генриха принца Нассау Зигена, показавшаго чудеса храбрости, но счумѣвшаго проиграть шведамъ морскую битву при Свенксундѣ; здѣсь же натолкнетесь и на совершенно легкія біографическія наброски березовскихъ и холмогорскихъ ссыльныхъ, двухъ статсъ-секретарей императрицы Екатерины II, А. В. Храповицкаго и А. М. Грибовскаго, пѣвицы Габріелли, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, принцессы Гедвиги-Елизаветы Биронъ, Малькольма Синклера, несчастной жертвы политики герцога Эрнста Бирона; далѣе вамъ предлагаютъ нѣсколько картинокъ, живописующихъ Петра I и его время, день при дворѣ императрицы Анны Ивановны или русскаго помѣщика XVIII вѣка (Василія Васильевича Головина, личности весьма занимательной для современнаго наблюдателя культурныхъ перерожденій), чудачества русскаго самодура.

XVIII в. (Прокофія Акинфіевича Демидова, не знавшаго на что истратить деньги и на что употребить время), а въ заключеніе читаете рядъ разныхъ мелочей: дача княгини Е. Р. Дашковой, дача графа Николая Ивановича Салтыкова, подпоручикъ Иванъ Ѳедосѣевъ, генераль Степанъ Михайловичъ Абрамовъ и проч. Незатѣйливая культурная картинка, совершенно вѣдшій біографическій эскизъ, занимательный анекдотъ—вотъ тѣ грани, въ которыя заключено изложеніе нашего автора, сжуженное еще и тѣмъ, что взоры его привлекаетъ почти исключительно придворная сфера; лица, а не явленія, вѣдшнія формы, а не сущность міровоззрѣнія составляютъ предметъ исключительнаго вниманія г. Шубинскаго. Случайнымъ составомъ сборника и отсутствіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей у автора объясняется перепечатка въ немъ журнальной статьи, писанной на-соро и на случай,—статьи *Столѣтніе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго*, носящей вполне фельетонный характеръ. Г. Шубинскій пишетъ достаточно живо, литературу исчерпываетъ недостаточно полно и мало заботится о цѣльности впечатлѣнія, изучая отдѣльные моменты добросовѣстно, порою же просто излагая какой-либо одинъ источникъ, порою печатая и цѣлый документъ (см., наприм., первую, третью, 29-ю и 30-ю статьи). Наиболѣе другихъ очерковъ намъ понравились *Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ графъ Дивьеръ, Придворный и домашній бытъ Анны Ивановны, Графъ К. Г. Разумовскій, Екатерина II и ея два секретаря*, наконецъ, заслуживаютъ быть особо отмѣченными по мотивамъ въ нихъ затронутымъ статьи: *Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія* (В. В. Головинъ), *Русскій чудакъ XVIII столѣтія* и *Подпоручикъ Ѳедосѣевъ*. Излагая, такъ сказать, черты изъ жизни П. А. Демидова, чудака екатерининскихъ временъ, г. Шубинскій пишетъ (стр. 207), что „люди, подобные Демидову, были неизбѣжнымъ продуктомъ существовавшихъ тогда бытовыхъ отношеній и нравственной неразвитости общества, среди котораго для личности былъ столь же широкій просторъ, сколько и для слѣпота случая“. Высказанная безъ оговорокъ фраза эта можетъ ввести въ заблужденіе неопытнаго читателя: дѣло въ томъ, что этотъ широкій просторъ не былъ нормальнымъ удѣломъ личности въ XVIII вѣкѣ, онъ былъ исключеніемъ изъ общаго правила, вслѣдствіе чего и личность могла закутываться въ такія уродливыя формы, въ которыхъ щеголялъ капиталистъ Демидовъ. Любопытно, что въ нашей литературѣ, особливо популярной, слишкомъ часто брезгаютъ нормальнымъ строемъ жизни, нормальной, среднею личностью; отъ этого происходитъ, что мы даже матеріалъ исторической подбираемъ такъ, какъ будто бы вся жизнь состоитъ изъ причудливыхъ казусовъ.

Резюмируя нашъ взглядъ на книгу С. Н. Шубинскаго, замѣтимъ, что она представляетъ собою результатъ многолѣтнихъ занятій русскою исторіей, носящихъ на себѣ диллетантскій, любительскій характеръ, бѣдна съ идейной стороны, а потому не преслѣдуетъ опредѣленныхъ цѣлей, а лишь занимаетъ читателя; опрятное и достаточно живое изложеніе (и ужь, конечно, легкое), сопровождаемое иллюстраціями, заставляеть насъ весьма усердно рекомендовать *Историческіе очерки и рассказы* г. Шубинскаго публикѣ, склонной къ историческому чтенію.

Русская историческая бібліографія. В. И. Межова. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи за 1800—1854 гг. вкл. Тома I и II. Спб., 1892—3 г. Ц. 3 р. за томъ. Недавно вышедшіе въ свѣтъ первые два тома новаго бібліографическаго труда г. Межова представляютъ собою весьма существенное дополненіе къ

русской исторической библиографіи, представленной трудами А. Н. Неустроева, братьями Ламбинными и тѣмъ же г. Межовымъ: съ его появленіемъ вся русская историческая литература за 1800—1876 годы является зарегистрированою съ достаточною тщательностью, хотя и не безъ нѣкоторыхъ пропусковъ и недомолвокъ, происшедшихъ частію отъ трудности собиранія у насъ библиографическихъ свѣдѣній, частію же вслѣдствіе того, что множество изданій описывалось не съ оригиналовъ, а по старымъ каталогамъ. Какъ бы то ни было, но наличность трудовъ гг. Неустроева, Ламбинныхъ, Межова и, прибавимъ къ нимъ, громаднаго труда проф. Иконникова *Опытъ русской исторіографіи* даетъ въ руки изслѣдователей русской исторіи цѣнное руководство для вѣншияго ознакомленія съ литературой русской исторіи и, несомнѣнно, избавляетъ ихъ отъ массы утомительной черной работы въ подборѣ необходимыхъ библиографическихъ данныхъ. Г. Межовъ въ предисловіи замѣчаетъ, что, несмотря на раздающіеся порою упреки библиографамъ въ томъ, что они чуждаются критики, не отдѣляютъ пшеницы отъ плевелъ, а сваливаютъ все въ кучу, въ новомъ трудѣ своемъ преслѣдовалъ исключительно цѣль *полноты*, лишь располагая матеріалъ по принятой имъ системѣ, о которой, конечно, можно было бы поговорить довольно много. Это настойчивое преслѣдованіе цѣли *полноты* можно только категорически одобрить, такъ какъ качественная оцѣнка литературнаго и научнаго матеріала вовсе не входитъ и не можетъ входить въ кругъ занятій библиографа въ собственномъ смыслѣ этого слова, а должна быть уступлена специалистамъ того или другого предмета. Первый томъ труда г. Межова (всего предполагается издать шесть томовъ) заключаетъ въ себѣ перечень историческихъ и историко-юридическихъ актовъ, сочиненій по политической исторіи Россіи вообще и исторіи составныхъ ея частей, причемъ захвачена и Сибирь, несмотря на спеціально для Сибири изданный авторомъ трудъ (въ трехъ томахъ съ особымъ указателемъ) *Сибирская библиографія*. Второй томъ заключаетъ литературу біографій и некрологовъ русскихъ дѣятелей и вспомогательныхъ наукъ по русской исторіи (генеалогія, геральдика, хронологія, археологія, палеографія, нумизматика, сфрагистика, медальерное искусство, мнѣологія). Настоящій трудъ г. Межова появился благодаря содѣйствію министра просвѣщенія графа Делянова, устроившаго автору семилѣтнюю правительственную субсидію, да И. М. Сибирякова, давшаго матеріальныя средства на изданіе.

Исторія эллинизма. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова. Т. II. Исторія Діадаховъ. М., 1893 г. Два года назадъ *Русская Мысль* (мартъ 1891 г.) указывала на особенности I тома труда автора. II томъ отличается отъ него немногимъ. Подъ заглавіемъ *Эпоха Діадаховъ* скрывается вѣншия исторія разложенія монархіи Александра Великаго на самостоятельныя государства. Разсказъ о событіяхъ тутъ еще менѣе интересенъ, чѣмъ въ I томѣ, гдѣ многое скрашивалось величавою личностью героя, интересомъ къ новымъ таинственнымъ странамъ, наконецъ, сравнительною полнотою источниковъ. Здѣсь, за исключеніемъ Эвмена и Полиаркета, не видно интересныхъ личностей, ходъ событій однообразенъ и запутанъ, источники нерѣдко крайне скудны (наприм., стр. 367, 369). Несмотря на это, авторъ продолжаетъ работать надъ выясненіемъ вѣншихъ фактовъ и ихъ взаимнаго отношенія, часто при посредствѣ очень спорныхъ предположеній (стр. 218 — 220, 226, 233, 320, 324, 328, 367, 369); онъ даже не пытается указать въ этихъ

фактахъ дѣйствіе общихъ силъ и стремленій эпохи и точнѣе опредѣлить эти послѣднія. Пересказъ событій по временамъ прерывается коротенькими характеристиками личностей и положеній, да небольшими Rückblick'ами и Uebersicht'ами. Авторъ, попрежнему, не расположенъ къ республикѣ и потому, характеризуя ее, охотно беретъ темныя краски изъ источниковъ. Рѣдкія общія замѣчанія автора далеко не всегда представляются удачными (стр. 137, 262, 372). Корректурa книги небрежна, греческія цитаты искажены, нерѣдки искаженія и въ русскомъ текстѣ (наприм., стр. 62: ограбивъ, вм. противъ; стр. 286: Карпетъ, вм. Каристъ; стр. 312: помось, вм. поясъ). Для знакомства публики съ исторіей грековъ послѣ Александра лучше было бы перевести книгу Магаффи: *Greekworld from Alexander to the Roman conquest*, но, конечно, перевести не такъ, какъ уже переведена его *Исторія греческой литературы*.

Исторія французской революціи. И. Карно. Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб., 1893 г. Въ предисловіи редакторъ перевода заявляетъ, что цѣлью его было дать краткое, безпристрастное фактическое изложеніе исторіи революціи, которое по своей общедоступности позволило бы каждому образованному человѣку составить о ней *самостоятельное сужденіе*. Послѣднее, конечно, сказано слишкомъ сильно, и дѣло можетъ идти тутъ не болѣе, какъ о составленіи приблизительнаго представленія; но и для этой скромной цѣли книжка Карно, вопреки увѣреніямъ редактора, представляется намъ едва ли пригодной. Прежде всего, авторъ мало знакомъ съ новою литературой предмета, ссылается все еще какъ на авторитеты на Тъери, Минье и Мишле. Отсюда сохраненіе массы традиціонныхъ легендъ, опровергнутыхъ Зибелемъ, наприм., о спасеніи Франціи, благодаря террору, или о 14 арміяхъ конвента; отсюда непониманіе противорѣчія между теоріей и практикой революціи и принятіе за чистую монету заявленій конвента о безкорыстіи Франціи въ ея войнахъ: „мысль о братствѣ народовъ повторяется во всѣхъ официальныхъ документахъ“ (стр. 215); „братство народовъ — слѣдствіе приговора, произнесеннаго надъ завоевательными войнами учредительнымъ собраніемъ“ (стр. 347). Несмотря на принудительные займы и установленіе шахим'а, конвентъ представляется защитникомъ права собственности, совершенно чуждымъ всякому социализму (стр. 216—217). Только обстоятельства принудили Францію отказаться отъ гуманности; терроръ вызванъ подавляющимъ большинствомъ; народъ произвелъ сентябрьскую рѣзню; народъ казнилъ полководцевъ и патріотовъ подѣ влияніемъ изступленія и страха. Однако, между терроромъ и принципами 1789 г. нѣтъ связи. Принципы 1793 г., наравнѣ съ принципами 1891 г., тожеждественны съ предначертаніями знаменитыхъ наказовъ 1789 г., въ которыхъ революціонный гений Франціи воплотилъ ученія своихъ философовъ и публицистовъ. Конвентъ только облакаетъ въ законы и учрежденія общественной пользы принципы 1789 г. (стр. 249). Въ исторіи революціи всѣ дѣятели ея различныхъ періодовъ представляются автору дѣйствующими въ союзъ; онъ не старается выяснить принципиальныхъ различій между ними, настаивая постоянно на единствѣ духа революціи, и оттого для объясненія борьбы партій остается указывать на одни личные мотивы, такъ что ходъ переворота представляется читателю движеніемъ однообразнымъ и безцѣльнымъ. Какъ сторонникъ централизма, авторъ считаетъ чистымъ бунтомъ сопротивленіе провинцій приказамъ изъ Парижа; возстаніе Вандеи для него только кровавое недоразумѣніе; перевѣсъ роялистовъ на выборахъ 1797 г. просто ре-

зультатъ ихъ интригъ. Апологетическій тонъ покидаетъ автора только тогда, когда рѣчь заходитъ о Бонапарте, которому онъ, наприм., готовъ цѣликомъ приписать развращеніе арміи духомъ наживы. Недостатокъ историческаго пониманія замѣтенъ и въ отношеніи автора къ вопросу о вліяніи на революцію философіи XVIII в. и о характерѣ стараго порядка. Перваго онъ касается только мелькомъ, въ нѣсколькихъ намекахъ, второму посвящаетъ небольшую главу, цѣликомъ наполненную различными выписками, отъ чтенія которыхъ получается очень неопредѣленное впечатлѣніе. За то авторъ охотно останавливается на частностяхъ и мелкихъ анекдотахъ (наприм., стр. 107—108, перечисленіе дѣятелей Конституанты). Такимъ же характеромъ отличаются и главки, посвященныя законодательству революціи: читателю непосвященному онѣ не могутъ дать сноснаго понятія о значеніи этихъ работъ. Наконецъ, замѣтимъ, что авторъ почти не обращаетъ вниманія на значеніе революціи для остальной Европы,—вопросъ для нашего читателя, быть можетъ, наиболѣе существенный.

Въ заключеніе мы просили бы редактора перевода указать, въ какихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе исторіи обыкновенно не доводится у насъ до 1789 г.

СТАТИСТИКА.

„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ.“. — „Памятная книжка Псковской губерніи на 1893 г.“. — „Общественное и частное земледѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ, Воронежской губ.“. *И. В. Веретенникова.*

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губерніи. Томы X и XI, первые выпуски. Сельско-хозяйственный обзоръ по Воронежской губерніи за 1891—92 годъ. Изданіе воронежскаго губернскаго земства. 1892 г. Изъ этихъ трехъ томовъ, изданныхъ статистиками воронежскаго губернскаго земства, особенное вниманіе обращаетъ на себя *Сельско-хозяйственный обзоръ* губерніи за истекшій годъ. Остальные два тома: *Сборникъ* по Бобровскому и Бирюченскому уѣздамъ—почти заканчиваютъ собою серію поуѣздныхъ *Сборниковъ* губерніи и состоятъ исключительно изъ таблицъ. Въ текущемъ году, по всей вѣроятности, появится томъ XII,—по послѣднему, Валуйскому уѣзду,—и затѣмъ уже можно будетъ ожидать нѣсколькихъ выпускowychъ интересныхъ сводныхъ погубернскихъ работъ воронежскихъ статистиковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что уже при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ по Бирюченскому уѣзду статистическое бюро ввело въ перечень вопросъ объ остаткахъ различныхъ хлѣбовъ за покрытіемъ продовольственныхъ нуждъ. Это было сдѣлано въ виду того, что въ практикѣ губернскаго земства подобныя свѣдѣнія оказывались крайне необходимыми. Опытъ этотъ вполне удался и такъ какъ перепись Бирюченскаго уѣзда производилась лѣтомъ 1890 года, то собранныя данныя объ остаткѣ хлѣбовъ уже принесли и практическую долю пользы при опредѣленіи продовольственныхъ нуждъ въ неурожайномъ 1891 году. Не станемъ долше останавливаться на X и XI томахъ *Сборника*, а перейдемъ къ выдающемуся и во многихъ отношеніяхъ образцовому *Сельско-хозяйственному обзору* Воронежск. губерніи за истекшій сельско-хозяйственный періодъ, ярко обрисовывающему современное бѣдственное положеніе воронежскаго крестьянина.

Неурожай 1890—91 года заставилъ обратить особенное вниманіе

на организацію дѣла текущей сельско-хозяйственной статистики. Въ истекшемъ сельско-хозяйственномъ періодѣ воронежскіе статистики не ограничились свѣдѣніями мѣстныхъ корреспондентовъ, но сами побывали во всѣхъ волостяхъ губерніи, собравъ на мѣстахъ возможно точныя данныя для учета урожая хлѣба и кормовъ по наиболѣе типичнымъ селеніямъ. Собранные такимъ путемъ обширныя матеріалы, тщательная переработка какъ ихъ, такъ и нѣкоторыхъ свѣдѣній основной статистики дали въ результатѣ яркую и строго обоснованную характеристику продовольственныхъ нуждъ крестьянскаго населенія и тяжелыхъ результатовъ для него послѣднихъ неурожаевъ. Разсматриваемый *Сельско-хозяйственный обзоръ* составленъ гг. Долгополовымъ и Васильевымъ, подъ редакціей Ф. А. Щербины; ему же принадлежитъ и интересное введеніе, дающее общую характеристику двухъ послѣднихъ неурожайныхъ годовъ и ихъ послѣдствій для населенія губерніи.

Неурожай 1891 года охватилъ всю Воронежскую губернію и въ значительной степени истощилъ средства какъ населенія, такъ и земства. Благодаря этому, 1892 годъ, неурожайный, главнымъ образомъ, для южныхъ уѣздовъ, оказался тяжелѣе своего предшественника. Подъ давленіемъ неурожая хлѣба и кормовъ для скота 1891 года рогатый скотъ сбывался крестьянами крайне дешево, а лошади нерѣдко продавались на убой изъ-за однихъ шкуръ. На ряду съ продажей скота, для тѣхъ же продовольственныхъ нуждъ шли въ продажу сельско-хозяйственный инвентарь, домашняя утварь, одежда, продавались на сносъ строенія, закладывались посѣвы и т. д. Къ веснѣ 1892 года, главнымъ образомъ, въ южныхъ уѣздахъ, открылась цинга, а лѣтомъ появилась холера; и та, и другая болѣзни брали свои жертвы въ значительной степени изъ лицъ наиболѣе производительнаго, рабочаго возраста. Въ это время продовольственные магазины были истощены, истрачены также и продовольственные капиталы губернскаго и уѣзднаго земствъ; задолженность крестьянъ сильно возросла, и при такихъ-то условіяхъ населеніе было застигнуто новымъ неурожаемъ. Ближайшею причиною неурожая были и на этотъ разъ неблагоприятныя условія погоды.

Если обратить вниманіе лишь на главнѣйшіе хлѣба — рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, просо и гречу, то окажется, что прошлагодній урожай далъ по всей губерніи менѣе 4 милліоновъ четвертей сбора, тогда какъ для продовольствія населенія необходимо до 6 милліоновъ четвертей, или въ Воронежской губерніи недостатокъ для продовольствія населенія около 2 милл. четвертей хлѣба. Только по Землянскому, Нижнедѣвицкому и Воронежскому уѣздамъ оказался нѣкоторый излишекъ хлѣба (отъ 5 до 22%), за то въ остальныхъ девяти уѣздахъ не хватаетъ хлѣба для собственнаго продовольствія отъ 13 до 353%. Очевидно, продовольственные нужды населенія Воронежской губерніи отличаются особенною напряженностью; особенно тяжело положеніе четырехъ южныхъ уѣздовъ: Богучарскаго, Павловскаго, Острогожскаго и Бирюченскаго, гдѣ сборъ хлѣбовъ прошлагодняго урожая былъ отъ 4½ до 2½ разъ менѣе количества хлѣба, потребнаго для продовольствія ихъ населенія. На ряду съ этимъ въ 8 уѣздахъ губерніи оказался весьма значительный недостатокъ кормовыхъ средствъ для скота; этотъ недочетъ опять-таки былъ особенно ощутителенъ въ отмѣченныхъ южныхъ уѣздахъ, съ присоединеніемъ къ нимъ Бобровскаго уѣзда.

Неурожаи 1891 и 1892 годовъ, какъ извѣстно, вызвали усиленную распродажу крестьянами своего скота. Въ виду этого, воронежскіе статистики сдѣлали по всѣмъ уѣздамъ губерніи приблизительный учетъ

убыли скота, а по Острогожскому уѣзду произвели даже полную перепись скота. Результаты этой чрезвычайно важной и своевременной работы показали, что подъ влияніемъ неурожайныхъ лѣтъ къ августу 1892 года въ Воронежской губерніи убыло до 337 тысячъ головъ крупнаго скота и почти миллионъ головъ мелкаго скота. Убыль крупнаго скота выразилась 28%, а мелкаго 43%, т.-е. еще до осени прошлаго юда крестьяне потеряли до 30% всего своего скота.

Разсматриваемый *Сельско-хозяйственный обзоръ* изобилуетъ разнообразнѣйшими данными о современномъ экономическомъ положеніи воронежскихъ крестьянъ; въ немъ сообщаются также чрезвычайно интересныя свѣдѣнія и о ихъ задолженности, размѣры которой могутъ быть прекраснымъ мѣриломъ экономическаго благосостоянія населенія. Приводимыя данныя по этому вопросу устанавливаютъ весьма крупную сумму задолженности крестьянъ Воронежской губерніи — свыше 31 миллиона рублей или около 100 рублей на хозяйство. Эта сумма слагается изъ казенныхъ недоимокъ — свыше 8 милл. рублей, изъ долговъ въ общеперскаго и губернскаго продовольственные капиталы — свыше 9½ милл. руб., изъ займовъ въ запасныхъ магазинахъ — на сумму болѣе 7 милл. руб. и изъ частныхъ долговъ — до 6¼ милл. руб. Какъ ни громадна общая сумма задолженности, но она, очевидно, еще не полна, — сюда не включены земскія недоимки, недоимки страхового сбора; частная задолженность опредѣлялась лишь приблизительно и, притомъ, еще до неурожайныхъ лѣтъ и т. п. Задолженность по отдѣльнымъ уѣздамъ колеблется отъ 78 до 150 рублей на крестьянское хозяйство. Особенно задолженными оказываются сѣверные уѣзды, что и понятно, такъ какъ въ 1891 году они были въ особенно тяжелыхъ условіяхъ, да и ранѣе положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ было крайне затруднительно. Но неурожай 1892 года особенно сильно долженъ отразиться на южныхъ уѣздахъ губерніи; къ тому же, имъ грозитъ неурожай озимыхъ въ 1893 году. Подъ давленіемъ этихъ тяжелыхъ лѣтъ общая задолженность крестьянъ Воронежской губерніи должна значительно возрасти, причемъ южные уѣзды не только поравняются въ этомъ отношеніи съ сѣверными, но и превзойдутъ ихъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще, что всѣ приведенные здѣсь и многіе другіе факты и выводы иллюстрируются въ *Сельско-хозяйственномъ обзорѣ* за 1891—92 годъ изящными и чрезвычайно наглядными картограммами по районамъ и уѣздамъ Воронежской губерніи.

Памятная книжка Псковской губерніи на 1893 г. Изд. псковскаго статистическаго комитета. Книжка эта состоитъ изъ адресъ-календаря и изъ отдѣла статистическихъ свѣдѣній по Псковской губерніи, относящихся, главныхъ образомъ, къ 1891 году; но, кромѣ этихъ обычныхъ данныхъ въ изданіяхъ такого рода, въ разсматриваемой *Памятной книжкѣ* на 1893 годъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ статьи: *Географическій очеркъ губерніи* и *Переселенцы (эсты и латыши) Псковской губернии*. Первая статья носитъ компилятивный характеръ; она составлена на основаніи обработаннаго печатнаго матеріала и останавливаться на ней мы не будемъ, а обратимся ко второй изъ упомянутыхъ статей.

Наиболѣе интересныя данныя статьи о переселеніяхъ сообщаются въ видѣ поволостныхъ таблицъ. Данныя этихъ таблицъ, повидимому, относятся къ 1890 году и обнимаютъ собой численность переселенцевъ каждой волости, распредѣленіе ихъ по вѣроисповѣданію, размѣръ ихъ земельнаго владѣнія и землепользованія, систему хозяйства и количество скота

переселенцевъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ указаній, откуда почерпнуты всѣ эти интересныя свѣдѣнія о лицахъ, поселившихся въ предѣлахъ губерніи, и насколько они заслуживаютъ довѣрія. Впереди этихъ таблицъ 4—5 страничекъ посвящены довольно бѣглому и несистематичному обзору данныхъ о переселеніяхъ въ Псковскую губернію. Въ 1890 году всѣхъ эстовъ и латышей, переселившихся сюда, было болѣе 18 тысячъ душъ обоого пола, а десять лѣтъ назадъ ихъ не насчитывалось и 8 тысячъ. Переселенія сюда эстовъ и латышей изъ Остзейскаго края начались въ 50-хъ годахъ и значительно усилились уже въ 60-хъ годахъ. Главною причиною этого движенія были высокія продажныя и арендныя цѣны на землю, вызванныя своеобразными условіями выкупа земли—не иначе какъ *по добровольному соглашенію* крестьянъ съ помѣщиками. Большинство переселенцевъ Прибалтійскихъ губерній (до 13,000 душъ) имѣютъ собственную землю—до 52,000 десят., да арендуютъ болѣе 55,000 десят., т.-е. слишкомъ 8 десят. первой и до 9 десят. второй на душу мужскаго пола. Весьма понятно, что экономическое положеніе переселенцевъ выше, чѣмъ у мѣстныхъ крестьянъ, далеко не имѣющихъ такого обильнаго землепользованія, и едва ли представляется надобность прибѣгать къ какимъ-либо новымъ объясненіямъ сравнительно высокаго достатка переселившихся въ Псковскую губернію эстовъ и латышей, какъ это пытаются, къ тому же, совершенно голословно, доказать разсматриваемая замѣтка. Было бы гораздо интереснѣе, если бы составители *Памятной книжки* нашли возможнымъ сдѣлать сопоставленіе важнѣйшихъ признаковъ хозяйственнаго достатка переселенцевъ и мѣстныхъ крестьянъ и изъ этого уже сдѣлать тѣ или инныя заключенія о причинахъ высшаго достатка переселенцевъ Прибалтійскаго края.

Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ Воронежской губерніи. Податнаго инспектора И. В. Веретенникова. Воронежъ, 1893 г. Книга г. Веретенникова рѣзко распадается на двѣ части: первая (большая) представляетъ описаніе названныхъ въ заголовкѣ уѣздовъ Воронежской губ., вторая посвящена характеристикѣ отношеній крупной (помѣщичьей) земельной собственности къ мелкой, крестьянской. Избранная авторомъ мѣстность находится въ исключительно благопріятныхъ для населенія условіяхъ: $\frac{3}{4}$ его состоятъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, надѣлъ которыхъ почти вдвое болѣе надѣла крестьянъ помѣщичьихъ. Тѣмъ не менѣе, картина, развертываемая г. Веретенниковымъ, далеко не радуется взора. Вырубка лѣсовъ, истощеніе почвы, накопленіе недоимокъ, уплата которыхъ губительно вліяетъ на крестьянское хозяйство даже въ урожайные годы, паденіе экономическаго благосостоянія, выражающееся въ значительномъ уменьшеніи живого и мертваго инвентаря,—таковы признаки, общіе всѣмъ уѣздамъ Россійской имперіи. Добавимъ еще къ этимъ даннымъ, что промыслы, которыми почти сплошь занято населеніе Задонскаго уѣзда, „представляютъ картину удручающую“: въ лучшемъ случаѣ заработка покрываютъ только расходы по производству и содержанію самихъ рабочихъ. Характерною особенностью двухъ разсматриваемыхъ уѣздовъ является лишь ихъ сравнительная обезпеченность земельнымъ надѣломъ, величина котораго признается г. Веретенниковымъ удовлетворительною. Само собою разумѣется, авторъ задаетъ себѣ вопросъ, въ чемъ же причина такого ужаснаго положенія дѣлъ при благопріятныхъ сравнительно условіяхъ? Отвѣтъ его на этотъ вопросъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Помимо другихъ

обстоятельствъ, которымъ г. Веретенниковъ не придаетъ особаго значенія, „имущественная скудость крестьянскаго населенія поддерживается, усиливается, а иногда и создается тою умственною темнотою, которою окружено населеніе“ (стр. 46). „Во всѣхъ начинаніяхъ и мѣропріятіяхъ, которыя могутъ вносить въ крестьянскую жизнь знанія, выходяемыя ихъ кореннымъ дѣломъ и вообще ихъ бытовою жизнью, надо видѣть единственно твердый путь къ росту экономическаго благосостоянія населенія“ (стр. 106). „Больше свѣта этому, поистинѣ, темному царству“ (стр. 48). Таковы существеннѣйшіе выводы первой части разбираемаго сочиненія. Намъ очень пріятно отмѣтить солидность работы автора: она сплошь основана на цифрахъ, заимствованныхъ частью изъ земскихъ статистическихъ работъ, частью изъ официальныхъ служебныхъ источниковъ. Мы знаемъ, впрочемъ, что картина обоихъ уѣздовъ выиграла бы въ полнотѣ и точности, еслибъ авторъ разсматривалъ населеніе не какъ сплошную однородную массу, для которой среднія цифры являются характерными, а попытался бы провѣрить свои выводы на детальномъ изученіи экономическаго быта отдѣльныхъ группъ крестьянства. Съ удовольствіемъ присоединяемся и къ desiderata автора: да, свѣта, побольше свѣта! Но, какъ результатъ невѣжества населенія, г. Веретенниковъ приводитъ, между прочимъ, и „дѣтскую его беспомощность“ передъ бѣдствіями послѣднихъ лѣтъ; дѣло помощи голодающему населенію, — говоритъ онъ, — значительно тормазилось необходимостью играть по отношенію къ нему роль опекуна. Мы думаемъ, что въ послѣднемъ обстоятельствѣ виновато отнюдь не одно невѣжество: крестьянинъ съ самаго дѣтства окруженъ такою массою опекуновъ и попечителей, что беспощность его въ годину бѣдствій вполне естественна. Пожелаемъ же поэтому не только побольше свѣта для массы населенія, но и побольше самостоятельности. Вторая часть книги (стр. 137—202) озаглавлена: „Частное и общественное землевладѣніе въ ихъ взаимодѣйствіи“. Собственно авторъ говоритъ здѣсь вовсе не о соотношеніи индивидуальной и общественной формъ собственности, а просто о значеніи крупнаго землевладѣнія для мѣстнаго крестьянства. Цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ цифровыхъ комбинацій г. Веретенниковъ приходитъ къ положенію, что при *настоящихъ условіяхъ* наличность помѣщичьихъ земель среди крестьянскихъ выгодно отражается на послѣднихъ, возмѣщая недостатокъ въ землѣ и давая населенію заработокъ на поляхъ крупныхъ владѣльцевъ. Мы могли бы многое возразить противъ тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ такой выводъ достигнутъ. Къ сожалѣнію, г. Веретенниковъ на такомъ положеніи не останавливается. „Все это приводитъ къ тому выводу, — говоритъ онъ, — что частно-владѣльческій элементъ, размѣщаясь среди крестьянскаго общественнаго землевладѣнія, *долженъ* представлять собою для послѣдняго выгодная стороны не въ смыслѣ развитія его экономическаго положенія, какъ въ непосредственномъ матеріальномъ отношеніи, такъ и, благодаря общенію, въ поднятій общаго уровня его развитія“ (стр. 151). Для такой редакціи нѣтъ основаній въ цифровыхъ данныхъ г. Веретенникова. Самый фактъ расположенія помѣщичьихъ земель среди крестьянскихъ можетъ не играть ровно никакой роли въ хозяйствѣ деревни. Надо еще, чтобы эти земли *были доступны* крестьянскому населенію. Но и теперь уже иной разъ „аренда даетъ чуть не дефицитъ и, во всякомъ случаѣ, никакой прибыли“ (стр. 196), а при постоянномъ ростѣ арендныхъ цѣнъ подобныя единичные факты могутъ сдѣлаться правиломъ; тогда вынужденная аренда будетъ изъ года въ годъ ра-

ворять населеніе (желающихъ подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ, къ чему приводитъ подобное положеніе дѣлъ, отсылаемъ къ *Политич. экон.* Милля, т. I, стр. 373). Далѣе, усиленное и вынужденное предложеніе труда въ связи съ другими обстоятельствами (напр., займами подъ работу въ зимнее время) способно настолько понизить заработную плату, что она будетъ окупать только „затраты производства“ (ср. *Уловія промышленной дѣятельности населенія Задонскаго уѣзда*, стр. 94—96). Наконецъ, культурное значеніе помѣщичьяго хозяйства весьма сомнительно. Мы могли бы привести здѣсь краснорѣчивыя данныя о плохомъ состояніи помѣщичьихъ имѣній, въ изобиліи встрѣчающіяся въ трудѣ г. Веретенникова (ср. стр. 24, 25, 26, 50, 53, 108), но, за недостаткомъ мѣста, ограничимся лишь заключительнымъ выводомъ автора: „Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ веденіе хозяйства въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ носитъ характеръ дѣла совершенно случайнаго, лишеннаго того или другого руководящаго начала, въ высшей степени рискованнаго и по всему этому стоящаго въ полной и неисчислимой зависимости отъ всякаго рода случайностей“ (стр. 53). Такимъ образомъ, крестьянамъ нечему учиться у помѣщиковъ. Выводъ изъ всего сказаннаго ясенъ: помѣщичье землевладѣніе только *можетъ* благотворно вліять на окружающее населеніе. А если такъ, то значеніе второй части работы г. Веретенникова падаетъ, ибо онъ не занялся изслѣдованіемъ тѣхъ условій, при которыхъ возможно благотворное вліяніе помѣщичьяго землевладѣнія на крестьянское.

Съ внѣшней стороны все изслѣдованіе написано довольно сухо. Въ этомъ отношеніи наилучшее впечатлѣніе произвела на насъ часть работы, представляющая живое и теплое описаніе сельско-хозяйственной крестьянской школы въ деревнѣ Конь-Колодезь (Задонскаго уѣзда), основанной и поддерживаемой совокупною дѣятельностью земства и правительства.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній“.—„*Les transformations du droit*“, par G. Tarde.—„Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи“. Е. Альбицкаго и А. Ширрена.

Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Томъ первый. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. Изданный на-дняхъ первый томъ *Трудовъ московскаго юридическаго общества* является образцовымъ и совершенно исключительнымъ въ нашей текущей литературѣ изданіемъ. Каждая статья (всѣхъ статей въ сборникѣ 8) представляетъ небольшую, продуманную, тщательно обработанную монографію и заслуживаетъ серьезнаго и внимательнаго изученія.

Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности остановиться на каждой изъ нихъ, мы постараемся изложить, по крайней мѣрѣ, общее ихъ содержаніе.

Начнемъ съ самой большой по широтѣ по объему тѣ замысла статьи В. И. Семевского: *Изъ исторіи крестьянскаго вопроса*. Статья эта посвящена отношенію М. Е. Салтыкова къ крѣпостному праву до и послѣ реформы. Предварительно изученія произведеній великаго сатирика, авторъ знакомитъ насъ съ тою средой, подъ вліяніемъ которой находился въ молодости Салтыковъ. Среда эта была молодежь, собиравшая-

ся около извѣстнаго М. В. Буташевича-Петрашевскаго. Идеи, одушевлявшія этотъ кружокъ, мысли, которыя ихъ волновали, можно лучше всего характеризовать словами самого Петрашевскаго. Въ своемъ показаніи передъ слѣдственной комиссіей Петрашевскій писалъ, что онъ вовсе не имѣлъ „умысла на бунтъ“, въ которомъ его обвиняютъ, но признаетъ, что онъ „желалъ полной и совершенной реформы быта общества и фаланстеръ считалъ ключемъ, пробнымъ камнемъ таково́й реформы. Онъ желалъ, чтобы и другіе раздѣляли его увѣренность, что будетъ время, когда все въ обществѣ и природѣ придетъ въ стройную гармонію, труда тяжкаго, удручительнаго не будетъ, всякій актъ жизни человѣческой будетъ актомъ наслажденія, и что эпоха всеобщаго наслажденія настанетъ“. Въ этихъ немногихъ словахъ ясно видно ученіе Фурье и всей школы утопистовъ. Немудрено, что, находясь въ молодости подъ влияніемъ пламенной проповѣди этихъ идеалистовъ: Фурье, Консидерана, Кабе, Луи-Блана и др., Салтыковъ и усвоилъ себѣ нѣкоторыя черты ихъ ученія,—непоколебимую вѣру въ торжество справедливости, готовность идти на самую трудную борьбу противъ всякаго насилія и несправедливости, въ томъ числѣ и противъ величайшей несправедливости—крѣпостнаго права. Слѣды этой ненависти къ крѣпостному праву, ко всему, что только его напоминаетъ, мы встрѣчаемъ какъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Салтыкова, такъ и въ позднѣйшихъ, въ особенности въ гениальной *Пошехонской старинѣ*. Въ статьѣ г. Семевскаго читатель найдетъ стройное, приведенное въ систему, изложеніе взглядовъ Салтыкова на крѣпостное право, причемъ г. Семевскій сгруппировалъ замѣчательно удачно взгляды Салтыкова по предметамъ самого крестьянскаго вопроса, тамъ что читателю весьма легко ориентироваться и найти, что писалъ Салтыковъ объ эмансипаціи, какаго взгляда держался онъ на роль дворянства въ эмансипаціи крестьянъ, какъ отразились въ его произведеніяхъ злоупотребленія помѣщиковъ своими правами и т. д. Несмотря на трудность этой работы, г. Семевскій справился съ нею мастерски, и нельзя не принести ему за это большой благодарности.

Крестьянскому вопросу посвящены въ *Сборникѣ* еще двѣ статьи, которыя носятъ не историко-литературный и публицистическій характеръ, какъ статья г. Семевскаго, а занимаются специальными вопросами крестьянско-правовой жизни. Первая изъ нихъ принадлежитъ г. М. Соболеву: *Сельскій ростовщическій кредитъ въ Россіи*. Авторъ писалъ эту статью по даннымъ земской статистики. Мы приведемъ нѣкоторые наиболѣе интересные выводы, къ которымъ пришелъ г. Соболевъ; результатами современнаго развитія ростовщичества являются: 1) Полное разореніе однихъ хозяйствъ и даже цѣлыхъ обществъ, потрясеніе хозяйственной силы другихъ, что прямо обуславливается невозможными условіями займа. 2) Заемщики закрѣпощаются въ кабалу займодальцевъ. Такимъ образомъ, ростовщическій кредитъ создаетъ, можно сказать, крѣпостную зависимость крестьянина отъ кулака. 3) Крестьяне, которые, запугавшись въ сѣтяхъ ростовщиковъ, совершенно отчаяваются выйти изъ нихъ, и потому опускаются, забрасываютъ хозяйство, становятся неаккуратными исполнителями договоровъ, нерѣдко пускаются на обманы; происходитъ деморализація населенія. 4) Въ глазахъ крестьянъ законъ компрометируется тѣмъ, что освящаетъ явно несправедливый взысканія кредиторовъ по уже оплаченнымъ документамъ, требованія немомѣрныхъ процентовъ и пр. Обращаясь въ заключеніи своей статьи къ обсужденію проектовъ объ уголовной отвѣтственности ростовщиковъ

за чрезмѣрные проценты, г. Соболевъ вполнѣ правильно замѣчаетъ: „Хорошо организованный общественный или государственнй кредитъ, при современныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства, не можетъ сыграть той огромной положительной роли, какал ему принадлежитъ въ нормальномъ здоровомъ народномъ хозяйствѣ... Чтобы уничтожить ростовщичество и кулачество, чтобы принести пользу крестьянину учрежденіемъ дучеиваго общественнаго кредита, нужно восходити къ основнымъ причинамъ разстройства крестьянскаго хозяйства (которыя и создали кулаковъ) и упорядочить прежде всего это послѣднее“.

Другую, тоже весьма печальную сторону нашей крестьянской жизни рассказываетъ г. Красноперовъ, авторъ статьи: *Крестьянскія женщины передъ волостнымъ судомъ*. Авторъ начинаетъ съ положенія, имѣющаго слишкомъ общій характеръ, что „степень умственнаго и нравственнаго развитія даннаго общества опредѣляется отношеніемъ этого послѣдняго къ женщинамъ“. Принимая эту точку зрѣнія за исходную, авторъ рисуетъ намъ слѣдующую картину положенія женщины въ русской деревнѣ. Находясь въ подчиненномъ положеніи у мужчины, женщина обречена на тяжелыя работы; такими работами въ Самарской губерніи считается приготовленіе кизяковъ для топлива; въ одномъ Бузулукскомъ уѣздѣ выдѣлкой кизяковъ занимаются не менѣе 4,000 женщинъ. Вотъ въ какомъ видѣ описываетъ г. Красноперовъ женщинъ и дѣвушекъ, возвращающихся домой съ кизяковой работы. Рубашка, лицо, руки и ноги буквально покрыты толстою навозною корой; у нѣкоторыхъ на рукахъ и ногахъ видна была запекшаяся кровь, и на такой адской работѣ расторопная, здоровая женщина можетъ заработать въ день до 8 коп., а больная и хилая 2—3 коп. Что касается сферы правовыхъ понятій, то, по мнѣнію г. Красноперова, крестьянское населеніе до сихъ поръ остается коснымъ. Оскорбленіе замужней женщины карается сильнѣе, нежели оскорбленіе вдовы или дѣвушки-сироты, что, очевидно, указываетъ на то, что въ первомъ случаѣ женщина, какъ собственность, какъ придатокъ мужчины, имѣетъ сильнаго за себя заступника въ лицѣ мужа; въ послѣднемъ она, какъ сирота, является предъ судомъ одиночно, безъ заступника, и потому и мѣръ, и судьи слабѣе относятся къ обидчикамъ; цѣлымъ рядомъ примѣровъ авторъ подтверждаетъ это положеніе и рисуетъ ужасную картину нашего волостного суда. Не можемъ не прибавить, что мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Красноперова, что разница между старыми и новыми волостными судами заключается только въ томъ, что до сихъ поръ заключеніе при волостномъ правленіи не могло продолжаться болѣе семи дней, нынѣ же оно можетъ быть опредѣляемо до 30 дней. „Народъ голодаетъ, — заканчиваетъ свою статью г. Красноперовъ, — и, разумѣется, его надо кормить, но кто же не понимаетъ, что не менѣе голодаетъ его умъ, душа, сердце, что безъ удовлетворенія его духовнаго голода голодовки матеріальныя, физическія *никогда* не прекратятся? Чтобы крестьянинъ когда-либо изгналъ изъ своей избы, съ улицы, со схода драки, розги, пьянство, непечальную брань, до этого онъ никогда самъ не доростетъ, не додумается, разъ женщина не будетъ имѣть на молодое поколѣніе облагораживающаго нравственнаго вліянія“.

Судебнымъ порядкомъ общихъ судебныхъ мѣстъ посвящена въ *Сборникъ* статья извѣстнаго юриста В. Завадскаго: *Порядокъ пріема простителей въ окружныхъ судахъ*. Статья эта составилась изъ отчета г. Завадскаго, какъ ревизора судебныхъ мѣстъ Московской губерніи.

Авторъ рисуетъ весьма любопытную картину канцелярскихъ порядковъ или, правильнѣе, „безпорядковъ“ нашихъ окружныхъ судовъ. Со статьей этой не мѣшало бы ознакомиться многимъ судебнымъ дѣятелямъ. Выводъ, къ которому привела г. Завадскаго его долготѣльная практическая дѣятельность, тотъ, что „предсѣдатели судовъ, вмѣстѣ съ предсѣдательствующими въ отдѣленіяхъ, должны принять канцелярію подъ свое ближайшее наблюдение, назначить для приема просителей въ канцелярію опредѣленные часы и въ эти часы, непремѣнно лично, — замѣняя себя членомъ суда только въ крайнемъ случаѣ, — должны находиться въ залѣ канцеляріи гражданскаго отдѣленія, наблюдая и руководя“ (стр. 234).

Остальные статьи *Сборника* посвящены вопросамъ публичнаго права. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ надо поставить превосходную статью М. М. Ковалевскаго: *Соціальное законодательство конституантъ*. На основаніи громаднаго, собраннаго имъ матеріала М. М. Ковалевскій разработалъ въ высшей степени важный вопросъ объ отношеніи учредительнаго собранія къ владѣтельнымъ классамъ и буржуазіи. Имя ученаго и важность затронутой имъ темы достаточно указываютъ на тотъ огромный интересъ, который представляетъ его работа.

Статья гр. Камаровскаго знакомитъ насъ съ всегда животрепещущимъ вопросомъ о борьбѣ между идеями мира и милитаризмомъ. Милитаризмъ, — говоритъ авторъ, — доведетъ всѣхъ насъ до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ, далѣе которыхъ народы ожидаетъ уже не процвѣтаніе, а разложеніе и смерть. Начать нужно съ мѣръ, предлагаемыхъ юристами: поднять между народами взаимное довѣріе и уваженіе. Этого можно достигнуть оживленіемъ нравственныхъ началъ въ жизни и политикѣ и возведеніемъ третейскаго разбирательства въ правильно - организованый и общеобязательный способъ окончанія международныхъ распрей.

Небольшая статья Н. И. Карѣва посвящена доказательству необходимости знанія энциклопедіи права для общаго образованія. Рефератъ В. А. Гольцева знакомитъ читателей съ книгой Лавле: *Le gouvernement dans la democratie*.

Въ концѣ *Сборника* напечатаны, представляющіе большой научный интересъ, протоколы засѣданій московскаго юридическаго общества и статистическаго при немъ отдѣленія.

Желательно видѣть поскорѣе продолженіе столь интересныхъ *Трудовъ московскаго юридическаго общества*.

Les transformations du droit, par G. Tarde. Bibliotheque contemporaine. Felix Alcan. Paris, 1893. Имя Тарда, современнаго французскаго социолога и криминалиста, извѣстно русскимъ читателямъ какъ по нѣсколькимъ статьямъ, посвященнымъ ему гг. Карѣвымъ, Спасовичемъ, Михайловскимъ и др., такъ и по появившемся въ прошломъ году русскому періоду его главнаго сочиненія — *Les lois de l'imitation*. Уже въ этой книгѣ, полагая основы своего социологическаго ученія, Тардъ попутно нѣсколькими фразами намѣчаетъ содержаніе имѣющейся появиться въ будущемъ новой работы, а въ предисловіи говоритъ прямо о томъ, что думаетъ издать впослѣдствіи особое дополненіе къ своему первому социологическому труду и этимъ, между прочимъ, связать его съ злобами дня. Свое обѣщаніе Тардъ выполняетъ изданіемъ книги, лежащей теперь передъ нами. Она тѣсно примыкаетъ къ его *Законамъ подражанія* и, связывая ихъ дѣйствительно съ „злобами дня“ или, вѣрнѣе, съ „злобами“ современной науки, имѣетъ для насъ двойкій интересъ: во-первыхъ, какъ косвенное обосно-

ваніе „подражательной теоріи Тарда“; во-вторыхъ, какъ новый пере-
смотръ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи права и социологіи.

Изложивши въ первомъ трудѣ свои положительныя, философско-
историческія взгляды, Тардъ обращается нынѣ къ критикѣ тѣхъ уче-
ній, которыя являюся ему конкуррентами въ разъясненіи главныхъ
факторовъ, способствовавшихъ развитію права. Нѣсколькими мимохо-
домъ брошенными словами онъ осуждаетъ антропологическую школу
въ юриспруденціи, —кстати сказать, заслуживающую, конечно, гораздо
большаго вниманія, —и тотчасъ же спѣшитъ перейти къ своему глав-
ному, къ своему самому опасному врагу —къ эволюціонизму. Совершенно
справедливо видя въ Спенсерѣ одного изъ сильнѣйшихъ представите-
лей этого міровоззрѣнія, нашъ авторъ съ самаго начала направляетъ
на него свои обвиненія. „Если, —говоритъ онъ (стр. 7), —дѣло идетъ о
томъ, чтобы замѣнить изученіе римскаго права изученіемъ права ац-
текскаго, перуанскаго, австралійскаго, права бронзоваго или камен-
наго періода, всѣхъ правъ всевозможныхъ варваровъ и дикарей, для
того, чтобы освѣтить происхожденіе законодательства, то тутъ не тре-
буется ничего, кромѣ извѣстной дозы легкой эрудиціи, въ подмогу къ
посредственной силѣ воображенія... Здѣсь, какъ и вездѣ въ социоло-
гіи, много злоупотребляли дикарями; съ легкой руки г. Спенсера, освя-
тившаго разработку этого рудника со столь нечистымъ минераломъ,
существуетъ небольшое число анекдотовъ, всегда одинаковыхъ, взя-
тыхъ изъ жизни африканскихъ, американскихъ или океанійскихъ пле-
менъ, —анекдотовъ, которые совершаютъ свой кругъ въ социологической
литературѣ и еще долго будутъ здѣсь фигурировать подъ разными
заголовками. Безъ тѣни какого-либо доказательства, если не считать
того, которое доставляетъ поверхностное наблюденіе, пришли къ той
априорной идеѣ, что первобытное общественное состояніе, этотъ пред-
полагаемый исходный пунктъ прогресса, тождественъ у всѣхъ дика-
рей“. Матеріаломъ для такого обобщенія послужили отдѣльныя черты
сходства въ общественной жизни различныхъ племенъ, какъ на самыхъ
первыхъ стадіяхъ ихъ существованія, такъ и при дальнѣйшемъ раз-
витіи. Въ области уголовного права подобное сходство ученые эволю-
ціонной школы видятъ въ повсемѣстномъ распространеніи сначала
кровной мести, затѣмъ смѣняющаго ее денежнаго вознагражденія за
преступленіе и, наконецъ, восторжествовавшаго повсюду государствен-
наго правосудія; въ области уголовного судопроизводства указываютъ
на всеобщность ордалій (испытаній невинности) и судовъ Божіихъ; въ
гражданскомъ правѣ —на слѣды первоначальной общности имущества
и послѣдовательныхъ стадій: полового смѣшенія, матриархата и патри-
архата; въ области обязательственнаго права доказываютъ болѣе раннее
существованіе контрактовъ реальныхъ по сравненію съ консенсуаль-
ными и одинаковую сущность контрактовъ во всѣхъ странахъ. Пере-
сматривая въ отдѣльныхъ статейкахъ всѣ эти вопросы, Тардъ съ своей
стороны старается доказать, что, во-первыхъ, указываемыя сходства
не столь уже многочисленны и всеобщы, какъ это принято думать, и,
во-вторыхъ, что тѣ точки соприкосновенія, которыя дѣйствительно су-
ществуютъ въ правѣ различныхъ народовъ, могутъ быть проще и легче
объяснены не съ эволюціонной, а съ его, Тарда, подражательной точ-
ки зрѣнія.

Уже въ пониманіи самаго источника права Тардъ существеннымъ обра-
зомъ расходится съ представителями эволюціонной школы. Въ то время,
какъ эти послѣдніе въ основу юридическихъ отношеній полагаютъ само-

защиту личности, нашъ авторъ, напротивъ, такое значеніе приписываетъ симпатіи и чувству справедливости. Жестокость дикарей по отношенію къ иностранцамъ, когда тѣ въ чемъ-нибудь провинятся передъ туземцами, онъ объясняетъ своеобразнымъ пониманіемъ ими справедливости, за то въ ихъ собственной средѣ Тардъ видитъ господство милосердія къ преступникамъ, которые предоставляются только божеской карѣ, какъ будто сами люди не признаютъ себя вправѣ судить себя подобныхъ (Каинъ, Этеоклъ, Полиникъ и Орестъ). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мы встрѣчаемся съ наказаніями, эти послѣднія представляютъ собою безконечное разнообразіе у разныхъ народовъ, такъ что даже въ сосѣднихъ странахъ, каковы, наприм., Японія и Китай, система и тяжесть наказаній не представляются схожими. Немного аналогій можно почерпнуть и изъ сравнительнаго изученія постепеннаго развитія суда и права у разныхъ народовъ. Въ то время, какъ въ Аонахъ и въ Римѣ царское судопроизводство предшествуетъ народному суду, у евреевъ имѣетъ мѣсто процессъ какъ разъ обратный: библейскій судъ Соломона и царей наследуетъ свои функціи у левитовъ или представителей народныхъ трибъ. Переходъ судебной власти въ руки государства Тардъ объясняетъ тѣмъ, что, вслѣдствіе соединенія семействъ въ города и городовъ въ государства, и месть, сначала узко-семейная, впоследствии стала принадлежностью болѣе широкаго союза. Замѣтимъ здѣсь, что объясненіе это, довольно остроумное на нашъ взглядъ, ровно ничего не измѣняетъ въ указанномъ эволюціонистами процессѣ и даже скороѣе подтверждаетъ его.

Всего враждебнѣе относится Тардъ къ идеѣ объ эволюціи семейныхъ формъ. Первобытнаго смѣшенія половъ онъ не допускаетъ вовсе, но, надо признаться, дѣлаетъ это довольно-таки голословно. Изъ массы историческихъ свидѣтельствъ и фактовъ, приводимыхъ обыкновенно въ доказательство первоначальнаго коммунизма половыхъ отношеній *), французскій соціологъ останавливается лишь на одномъ, а именно на свидѣтельствѣ Геродота, что въ Вавилонѣ существовалъ обычай, предписывавшій женщинамъ передъ вступленіемъ ихъ въ бракъ prostituerъ себя иностранцамъ въ храмѣ Афродиты. Тарду кажется естественнымъ объяснить этотъ обычай желаніемъ совершать культъ безнравственной богини въ соотвѣтственной и потому пріятной для нея формѣ (см. стр. 52); однако, видя всю недостаточность своего объясненія, самъ авторъ предполагаетъ, что его могутъ спросить: откуда же взялся подобный культъ и чѣмъ объяснить его происхожденіе?—вопросъ, который такъ и остается безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта. На первый взглядъ, сильнѣе кажется Тардъ въ критикѣ матриархата,—гипотезы, по которой первенство женщины въ семьѣ и въ родѣ предшествовало полновластію мужчины. Несмотря на любопытные соображенія и факты, приводимые въ пользу этой гипотезы нѣкоторыми выдающимися изслѣдователями (Бахофенъ, Макъ Ленанъ, Морганъ), трудно, дѣйствительно, освоиться съ мыслью, что нѣкогда, въ эпоху владычества грубой силы, женщина, сильная своимъ материнствомъ, но слабая физически, могла преобладать въ семьѣ надъ мужьями. На этой мысли и построена аргументація Тарда, значеніе которой нѣсколько умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что не всѣ соціологи, признающіе первостепенное значеніе материнства на первыхъ стадіяхъ развитія,

*) Сводъ данныхъ по этому вопросу интересующіеся найдутъ въ прекрасномъ трудѣ М. М. Ковалевскаго: „Первобытное право“, вых. II. „Семья“, гл. I—III.

настаиваютъ и на одновременно съ нимъ существовавшей будто бы власти женщинъ надъ мужчинами *). Его собственное мнѣніе сводится къ тому, что „первобытная семья была сама по себѣ очень разнообразна; въ одномъ моногамическая, въ другомъ—полигамическая, въ третьемъ—полиандрическая, иногда экзогамическая, иногда эндогамическая, чаще авторитарная, рѣже болѣе свободная, чѣмъ впоследствии“ (стр. 56).

Нѣтъ надобности останавливаться подробно на возраженіяхъ Тарда противъ первобытной общности имущества. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣми же приемами критики, характеризующейся игнорированіемъ цѣлой массы свидѣтельствъ, приводимыхъ въ пользу положенія. Нашъ авторъ довольствуется разборомъ двухъ-трехъ изъ этихъ свидѣтельствъ и спѣшить заключить свой разборъ широкимъ отрицательнымъ обобщеніемъ. Нельзя не признать мѣткости соображеній, благодаря которымъ ему удается доказать, что коммунистическія общины, возникшія въ такомъ изобиліи на почвѣ Соединенныхъ Штатовъ, не могутъ быть приводимы въ качествѣ примѣра коммунистическаго атаквизма (какъ это дѣлаетъ итал. экономистъ Лоріа); за то полною голословностью отличается утвержденіе Тарда о семейномъ характерѣ и недавнемъ происхожденіи русской общины и „славянской задруги, этой воплощенной мечты Фурье“ (?). Имущественный коммунизмъ,—по взглядамъ Тарда,—это по преимуществу новѣйшая идея, осущестляемая нынѣ въ акціонерныхъ компаніяхъ, въ промышленныхъ и потребительныхъ обществахъ, въ желѣзныхъ дорогахъ и разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Намъ не нужно излагать двухъ болѣе специальныхъ главъ книги—объ обязательствахъ и объ естественномъ правѣ, чтобы читатель понялъ, къ какому выводу приходитъ авторъ въ опѣнкѣ эволюціонизма. Перебравъ всѣ отрасли права и нигдѣ не найдя единства ни въ его исходныхъ пунктахъ у различныхъ народовъ, ни въ дальнѣйшемъ ихъ правовомъ развитіи, французскій ученый приходитъ къ признанію фантастичности эволюціонной схемы.

Книга заканчивается изложеніемъ собственныхъ взглядовъ Тарда, согласно которымъ всѣ сходства, замѣченныя въ юридическихъ отношеніяхъ разныхъ народовъ, объясняются прямымъ подражаніемъ и заимствованіемъ (стр. 88—94, 174—189, 203—204). Здѣсь не мѣсто останавливаться на разборѣ этой грубой теоріи, полагающей въ основу сложныхъ социальныхъ явленій только одинъ лишь, произвольно выдѣленный факторъ—имитацию. Намъ остается закончить нашу замѣтку констатированіемъ того факта, что смѣлая попытка французскаго социолога опрокинуть эволюціонную школу въ юриспруденціи,—школу, которая въ настоящее время обладаетъ наиболѣе обоснованною философскою концепціей права,—окончилась не къ его торжеству. Мы признаемъ охотно за Тардомъ и начитанность, и остроуміе, и далеко не „посредственную силу воображенія“ (въ чемъ провинился

*) Такъ, наприм., М. М. Ковалевскій строго раздѣляетъ идею о значеніи въ древнихъ родахъ материнства отъ гинеократіи, отвергая эту послѣднюю. „Предположеніе,—говоритъ онъ (вып. I, стр. 107),—что во главѣ рода, основаннаго на материнствѣ, необходимо должна стоять женщина, и что послѣдняя играетъ въ немъ господствующую роль, ту самую, какую впоследствии въ родѣ агнатическомъ играетъ мужчина, что съ материнствомъ, такимъ образомъ, неразрывно связана гинеократія, не подтверждается этнографическими данными и, какъ построенная на одностороннемъ толкованіи религіозныхъ мѣтовъ, должно быть оставлено окончательно. Признаніе гинеократіи и составляетъ слабое мѣсто Бахофена“.

Спенсеръ), думаемъ только, что эволюціонная школа немного пострадаетъ отъ его язвительныхъ стрѣлъ, а собственное его ученіе не получить въ этомъ новомъ произведеніи новаго подкрѣпленія. Появленіе книги Тарда полезно въ томъ отношеніи, что, заключая въ себѣ, на ряду съ поспѣшными и ложными обобщеніями, также и нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, она можетъ дать лишній случай высказаться защитникамъ эволюціонизма, чтобы разъяснить сомнительные пункты ихъ доктрины, и, такимъ образомъ, посодѣйствуетъ торжеству тѣхъ самыхъ принциповъ, противъ которыхъ она направлена.

Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Е. Альбицкаго и А. Ширгена. Сочиненіе, удостоенное юридическимъ факультетомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета золотой медали. Саратовъ, 1893 г. Цѣна 2 руб. Малолѣтніе преступники у насъ въ Россіи еще не успѣли занять особенно виднаго мѣста въ общественномъ вниманіи, уступая его пока другимъ, болѣе настоятельнымъ и неотложнымъ вопросамъ внутренней жизни. Тѣмъ не менѣе, жизнь идетъ своимъ чередомъ и понемногу выдвигаетъ на передній планъ интересы, связанные съ устройствомъ заведеній для принудительнаго воспитанія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается число лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ ближайшемъ и обстоятельномъ изученіи всего, что сдѣлано уже въ этомъ отношеніи какъ у насъ, такъ и въ иностранныхъ государствахъ. До сего времени, однако, успѣшность подобнаго изученія затруднялась въ значительной степени или крайнею разбросанностью напечатаннаго матеріала по разнымъ періодическимъ изданіямъ, или прямымъ отсутствіемъ въ русской литературѣ всестороннихъ изслѣдованій, посвященныхъ, наиримѣръ, современному законодательству о малолѣтнихъ преступникахъ въ иностранныхъ государствахъ, а также практической постановкѣ за границей самаго дѣла исправительнаго воспитанія. Вотъ этотъ-то важный пробѣлъ и пополняютъ гг. Альбицкій и Ширгенъ въ своей книгѣ, заглавіе которой нами выше приведено. Появленіе своего труда авторы оправдываютъ, сверхъ того, и „необходимостью новой горячей пропаганды идеи принудительнаго воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ, какъ такого элемента, который при хорошемъ уходѣ дѣлается полезнымъ, а при отсутствіи ухода, пройдя сквозь атмосферу тюрьмы или развратной семейной среды и улицы, становится грозой общества“. При исполненіи своего обстоятельнаго труда, авторы, кромѣ историческаго изученія огромнаго законодательскаго матеріала иностранныхъ государствъ, пользовались также и изслѣдованіями по относящимся сюда вопросамъ многихъ выдающихся иностранныхъ ученыхъ (какъ-то: D'Haussenville, Mittermaier, Quérenet, Lucas, De-Lamarque, Holtzendorf, Garrand, Brueyre и мн. др.), а также и русскихъ (какъ гг. Фойницкій, Таганцевъ, Тарасовъ, Кистяковскій и др.). Изложеніе ведется въ безпристрастномъ духѣ и авторы рѣдко выступаютъ изъ роли добросовѣстныхъ и сочувствующихъ дѣлу наблюдателей, ограничиваясь подробнымъ анализомъ всего, что сказано про и contra даннаго частнаго вопроса. Тщательность изученія дѣла видна уже изъ того, что, при всей широтѣ программы изслѣдованія, авторы сумѣли не забыть ни малѣйшей подробности вопроса. Такимъ образомъ, въ книгѣ не найдешь отвѣта только развѣ на то, какимъ способомъ ведется въ русскихъ и иностранныхъ исправительныхъ заведеніяхъ обученіе грамотѣ и ремесламъ. Затѣмъ, если бы вы захотѣли

подробно ознакомиться съ тѣмъ, какъ и гдѣ законодатели рѣшали вопросъ о разумнѣи малолѣтнихъ, играющей столь важную роль для дальнѣйшей судьбы ихъ послѣ суда, а также и объ уголовной вмѣняемости и наказаніи малолѣтнихъ преступниковъ, то вы найдете подробное изслѣдованіе по этому поводу въ I-ой главѣ книги. Разумность и необходимость устройства специальныхъ заведеній для педагогическаго воздѣйствія на дѣтей порочныхъ и преступныхъ, вообще необходимость замѣны наказаній для нихъ принудительнымъ воспитаніемъ, выясняются во II-ой главѣ. III-я и IV-я главы, составляющія, по словамъ предисловія, „центръ труда“, посвящены подробному и детальному очерку историческаго развитія и современнаго состоянія заведеній принудительнаго воспитанія для дѣтей преступныхъ и заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи въ Бельгіи, Франціи, Голландіи, Германіи, Австро-Венгріи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи и Португаліи, Швеціи, Норвегіи и Даніи, Великобританіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и, наконецъ, Россіи (III гл.) и внѣшней и внутренней организаціи принудительнаго воспитанія (IV гл.). Такимъ образомъ, если III-я глава представляетъ сводъ огромнаго фактическаго матеріала, рисующаго обильными штрихами все, что предпринято для лучшаго и удобнѣйшаго достиженія цѣли исправительнаго воспитанія въ поименованныхъ цивилизованныхъ странахъ, за то IV-я глава, раздѣленная на 12 параграфовъ, представляетъ для насъ особенный интересъ, такъ какъ даетъ рядъ подробно мотивированныхъ мнѣній защитниковъ и противниковъ разныхъ способовъ организаціи воспитанія. Такъ, напримѣръ, въ 1-мъ параграфѣ трактуется о воспитаніи въ семьяхъ (примѣняемомъ съ особеннымъ успѣхомъ въ Америкѣ) и воспитаніи въ специальныхъ заведеніяхъ, въ § 2-мъ—о государственныхъ („публичныхъ“) и частныхъ заведеніяхъ, въ § 3-мъ—о составѣ заведеній (дѣленіе дѣтей въ особые заведенія по полу, вѣроисповѣданію и порочности), въ § 4-мъ—о величинѣ заведеній; затѣмъ идетъ рѣчь: о системахъ воспитанія (§ 5), о персоналѣ служащихъ (§ 6) и т. д., кончая интересными вопросами о дисциплинѣ, наказаніи и наградахъ, продолжительности принудительнаго воспитанія и досрочномъ условномъ освобожденіи. Всѣ эти существенные для дѣла вопросы освѣщаются съ разныхъ, иногда противоположныхъ, точекъ зрѣнія, что даетъ полную возможность заинтересованному читателю отдать сознательное предпочтеніе тому или другому способу рѣшенія вопроса, сообразно мѣстнымъ условіямъ, при которыхъ предстоитъ дѣйствовать. Заключительная, V-я глава посвящена наиболѣе важному вопросу, вѣнчающему все дѣло принудительнаго воспитанія, именно вопросу о патронатѣ для освобожденныхъ молодыхъ преступниковъ и о покровительствѣ дѣтямъ нравственно-заброшеннымъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, точно также собрано не мало матеріала, весьма назидательнаго для нашего отечества, еще не успѣвшаго почти ничего сдѣлать по отношенію къ необходимому и неизбѣжному дѣлу покровительства надъ малолѣтними, покидающими къ 18-ти годамъ стѣны русскихъ исправительныхъ заведеній. Въ концѣ книги помѣщены въ 14-ти пунктахъ „общія положенія“, вытекающія непосредственно изъ содержанія книги и представляющія, какъ говорятъ авторы, „согласованныя между собою истины, стоящія внѣ спора“, или такія, за которыя высказалось большинство. Такого рода „истины“ могутъ, безъ сомнѣнія, сослужить хорошую службу дѣлу русскихъ приютовъ въ будущемъ, имѣя въ виду продолжающійся пересмотръ уголовного уложенія, при-

чемъ естественно ожидать, что всѣ полезныя указанія спеціалистовъ будутъ приняты во вниманіе законодателямъ.

Въ заключеніе, мы можемъ пожелать обширнѣйшаго распространенія этой книгѣ, знакомство съ содержаніемъ которой можетъ принести безусловную пользу для всѣхъ лицъ, озабоченныхъ въ настоящее время устройствомъ вновь исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ. Но и для лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу уже устроенныхъ заведеній, она можетъ быть весьма полезна уже по одному тому, что сдѣлаетъ ихъ отношеніе къ своему дѣлу болѣе сознательнымъ и разумнымъ, предупреждая отъ повторенія ошибокъ, сознанныхъ давно на Западѣ, гдѣ принудительное воспитаніе практикуется уже нѣсколько столѣтій.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Почвы и меліорація ихъ“. М. И. Трухановскаго.—„Почвы Казанской губ.“. Р. Ризположенскаго.—„О необходимости и значеніи почвенныхъ изслѣдованій“. Его же.

Почвы и меліорація ихъ. Составилъ М. И. Трухановскій. Саратовъ, 1893 г. Ц. 1 р. 30 к. Читатели петербургскаго журнала *Сельскій Хозяинъ* будутъ приятно удивлены руководствомъ г. Трухановскаго, такъ какъ въ этомъ руководствѣ почти незамѣтно той напускной развязности и безцеремонной самоувѣренности, какими отличаются публицистическія упражненія г. Трухановскаго на столбцахъ *Сельскаго Хозяина*. Руководство, предназначенное „для хозяевъ-практиковъ, земледѣльческихъ училищъ и сельско-хозяйственныхъ профессиональныхъ школъ“, явилось результатомъ усердной подготовки автора къ урокамъ земледѣлія въ земледѣльческомъ училищѣ. Для хозяевъ первая часть книги годится только въ томъ случаѣ, если присутствуетъ предварительная подготовка по естествознанію, а въ учебныхъ заведеніяхъ она можетъ принести пользу, особенно если принять во вниманіе крайнюю бѣдность русской учебной литературы по почвовѣдѣнію. Второй отдѣлъ книги, посвященный кореннымъ улучшениямъ (осушкѣ, орошенію, раздѣлкѣ болотъ, лѣсовъ, пустырей и песковъ), имѣетъ непосредственное справочное значеніе для хозяевъ-практиковъ.

Въ списокѣ литературныхъ источниковъ не названъ, между прочимъ, печатный курсъ лекцій проф. Густавсона, которымъ авторъ, повидному, пользовался при составленіи своего руководства.

Почвы Казанской губерніи. I. Понятіе о почвѣ, классификація почвъ и общее описаніе почвъ Казанской губерніи. Р. Ризположенскаго. Казань, 1892 г. Цѣна 2 р.—О необходимости и значеніи почвенныхъ изслѣдованій. Его же. Казань, 1892 г. Ц. 20 к. Г. Ризположенскій вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими казанскими натуралистами уже шестой годъ занимается изученіемъ почвъ Казанской губерніи по порученію мѣстнаго общества естествоиспытателей. Первая изъ названныхъ работъ является попыткой общей классификаціи казанскихъ почвъ, которыя сведены авторомъ къ девяти группамъ по совокупности морфологическихъ признаковъ. Авторъ, повидному, крайне расширяетъ понятіе о почвѣ, такъ какъ допускаетъ существованіе жидкихъ и газообразныхъ *почвъ* (стр. 72). Почвовѣдѣнію подѣ именемъ геобіологіи авторъ придаетъ право на совершенно самостоятельное существованіе; не выясненнымъ остается отношеніе автора къ тѣмъ несомнѣнно существующимъ вліяніямъ, которыя испытываются почва-

ми со стороны человѣческой культуры. Въ приложеніи помѣщены весьма оригинальные рисунки, стремящіеся воспроизвести подлинный цвѣтъ разрѣзовъ, исполненныхъ на различныхъ почвахъ; рисунки эти заслуживаютъ большого вниманія и могутъ современемъ оказать существенную услугу ученымъ цѣляемъ.

Другое произведеніе г. Ризположенскаго представляетъ небольшую брошюру, написаную для превознесенія объективныхъ почвенныхъ изслѣдованій надъ изслѣдованіями статистическими, содержаніе и методы которыхъ, можетъ быть, не вполне знакомы автору. Сообщая о почвенныхъ экскурсіяхъ, предпринятыхъ казанскимъ обществомъ, авторъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ о томъ, какими мелкими територіальными единицами пользовались изслѣдователи при нанесеніи почвъ на карту; а это вопросъ весьма существенный для практической утилизаціи почвенныхъ изслѣдованій.

МЕДИЦИНА.

„Неврологическій Вѣстникъ“.

Неврологическій Вѣстникъ. Органъ общества невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. I, вып. 1. Казань, 1893 г. Съ большимъ удовольствіемъ приходится отмѣчать выходъ въ свѣтъ первой книжки *Неврологическаго Вѣстника*. Въ программѣ изданія сказано, что *Вѣстникъ* будетъ выходить 3 раза въ годъ. Судя по первой книгѣ, онъ обѣщаетъ быть серьезнымъ, самостоятельнымъ журналомъ, съ строго-научнымъ направленіемъ. Статьи разнообразны по содержанію, затрогиваютъ интересныя не только для спеціалиста вопросы. Таковы: г. Васильева *Случай психоза послѣ холеры*, г. Бехтерева *О современномъ развитіи неврологическихъ знаній и о значеніи въ этомъ развитіи научныхъ обществъ* и его же *Къ вопросу о врачебномъ значеніи гипноза*. Въ послѣдней авторъ приводитъ исторію болѣзни своей большой съ органическимъ страданіемъ спинного мозга. Гипнозъ далъ не только временныя, но болѣе или менѣе прочныя результаты въ благопріятномъ смыслѣ: ослабѣли боли въ поясничной области, исчезли нѣкоторые симптомы, зависящіе отъ основного страданія, походка „стала болѣе свободной и твердой, исчезли мрачное настроеніе духа, безотчетный страхъ и идея о самоубійствѣ“. „Случай, — заключаетъ авторъ, — можетъ служить прекраснымъ образцомъ значенія послѣ гипнотическихъ внушеній въ медицинѣ“. Трудно, конечно, допустить, что *единственно* гипнозъ оказалъ такое цѣлебное вліяніе на органическое страданіе мозга, если только возможность діагностической ошибки совершенно исключена; не безъ вліянія оказались, вѣроятно, и предшествующее леченіе и цѣлебныя свойства времени.

Статья проф. Смирнова *Физиологическія и психологическія основанія эстетики* даетъ краткій историческій обзоръ развитія этой отрасли философіи и только намѣчаетъ задачи и планъ предстоящаго изслѣдованія „психо-физиологическихъ основаній чувства красоты и наиболѣе общихъ и простѣйшихъ законовъ прекраснаго въ природѣ и искусствѣ“. Вопросъ поднять интересный; какъ авторъ справится съ своею задачей, увидимъ въ слѣдующихъ книгахъ.

Не мало статей спеціальнаго содержанія: г. Воротынскаго *О вліяніи подвышиваній на расстройства зрѣнія*, г. Попова *Къ вопросу объ измѣненіи зрительныхъ нервовъ при спинной сухоткѣ*, г. Мейера *О корковыхъ цен-*

трахъ сфинктеровъ, г. Смирнова *Къ вопросу объ иннервации кожи*, г. Арштейна *Концевые аппараты вкусового нерва*. Отдѣлъ рефератовъ разбитъ на три обособленныя части: психіатрія, фізіологія нервной системы и микроскопическая анатомія ея; такое дѣленіе представляетъ очень большія удобства при справкахъ. Рефераты составлены добросовѣстно, обстоятельно и достаточно подробно. Въ концѣ книги приложена переводная статья Тарда *Преступленія толпы*. Вопросъ новый, животрепещущій. Однако, выборъ статьи Тарда едва ли можно назвать удачнымъ. Авторъ совершенно игнорируетъ исторію вопроса; масса историческихкихъ фактовъ, гдѣ толпа не представляла собой „орды“, нестройной и пьяной, способной на всякія звѣрства и насилия, но гдѣ она руководилась благородными, возвышенными цѣлями, не вошли въ анализъ автора. „Толпа—это звѣрь“; какъ только люди начинаютъ дѣйствовать сообща, образуя толпу, возвышенныя, благородныя, религіозныя, политическія цѣли быстро падаютъ. Толпа — существо жизни; она не мыслитъ; она способна только къ рефлексамъ; „въ виду вооруженной силы она робѣетъ и при первомъ же выстрѣлѣ разбѣгается“; „толпа ниже средняго уровня составляющихъ ее элементовъ“. Такія-то скопища съ нервнымъ и какъ бы женскимъ темпераментомъ и являются обыкновенно ближайшими виновниками революцій въ цивилизованныхъ странахъ. Вотъ основныя положенія автора въ первыхъ главахъ его трактата, представляющихъ „попытку анализа массоваго преступления“; глубокаго тонкаго анализа условій совершенія этого преступления, установки самого термина „преступленіе“, въ данномъ случаѣ, читатель не найдетъ въ этихъ главахъ. Авторъ самъ называетъ толпу „организмомъ гораздо менѣе централизованнымъ, чѣмъ отдѣльныя человѣческія личности“; она „подобна низшимъ организмамъ“, —опредѣленіе, страдающее большими неточностями: толпа не есть организмъ, это случайный агрегатъ организмовъ, изъ которыхъ каждый одаренъ чувствами, желаніями, мыслительными способностями, но каждый, вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ событій, представляетъ изъ себя удобную почву для развитія своеобразной эпидеміи, выражающейся утратою воли, подавленіемъ „задерживающихъ центровъ“, съ исключительно развитою рефлексорною дѣятельностью, какъ у животныхъ, лишенныхъ головного мозга; толпа быстро мѣняетъ свои симпатіи, противорѣчитъ сама себѣ на каждомъ шагѣ; поступки ея не носятъ слѣдовъ строго обдуманнаго плана, какой-либо системы. Авторъ не даетъ даже хорошаго опредѣленія самаго термина „толпа“; онъ мѣшаетъ въ одно и толпу, одѣлавшую великую французскую революцію, и „тайныя общества“, и „шайки разбойниковъ“, и „стачки рабочихъ“, и „выборную горячку“, и „маврѣтанскихъ пиратовъ“. То же самое можно сказать и относительно второй части трактата—„объ отвѣтственности толпы“; авторъ даже и не затрогиваетъ вопроса о „вмѣненіи“, онъ прямо переходитъ къ „коллективной отвѣтственности“. „Національное преступленіе“, это „или ничего незначащая фраза, или означаетъ только то, что нація, подчиняясь новымъ увлеченіямъ, оставляетъ обычаи предковъ, становится преступной въ ихъ глазахъ, но заслуживаетъ похвалы въ глазахъ современниковъ“. Такихъ софизмовъ, парадоксовъ, противорѣчій такъ много, что возражать на нихъ въ рамкахъ бібліографическаго отдѣла невозможно. Ограничимся выборомъ главнѣйшихъ положеній второй части трактата. „Самая лучшая полиція окажется безсильной въ этомъ отношеніи (какъ органъ предупредительныхъ мѣръ), если не преслѣдовать тѣхъ возмутительныхъ злоупотребленій прессы, которыя служатъ иногда прямыми

побужденіями къ пороку и преступленію“. И только! Что касается карательныхъ мѣръ, то „все будетъ бесполезно, пока будетъ существовать судъ присяжныхъ“. Необходимо для этихъ случаевъ создать „уголовную магистратуру, составляемую изъ лицъ специально подготовленныхъ, которыя вмѣстѣ съ желаемою компетентностью обладали бы и соответственными чертами характера“. Каковы должны быть эти „черты характера“, авторъ не уясняетъ; отъ догадокъ слѣдуетъ воздержаться. Вообще статья имѣетъ своеобразный букетъ „прожекторовъ“ Щедринскихъ героевъ Толстолобова, Филоверитова и проч., и книжка журнала ничего не потеряла бы, еслибъ перевода этой статьи не было.

Нельзя не пожалѣть, что въ административномъ засѣданіи 5 сент. 1892 г. общество заключило съ книгопродавцемъ Башмаковымъ условіе на 3 года по изданію своего *Вѣстника*. Эти условія, какъ мы читаемъ въ протоколѣ этого засѣданія, далеко не легкія для общества: такъ, гонораръ за рефераты опредѣляется г. Башмаковымъ совсѣмъ ничтожный; если судить по настоящей книжкѣ, то печатный листъ оплаченъ 5 рублями. Рисунки на счетъ авторовъ; назначеніе подписной цѣны на изданіе опредѣляется г. Башмаковымъ; онъ же можетъ, не спрашивая согласія авторовъ, выпускать въ продажу отдѣльными изданіемъ печатаемые въ *Вѣстникѣ* статьи. Журналу предстоитъ хорошая будущность и нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Башмаковъ въ накладѣ и убыткѣ не будетъ, а рефераты все будутъ оплачиваться 5 р. за листъ въ теченіе трехлѣтней зависимости отъ г. Башмакова. Съ внѣшней стороны изданіе очень прилично. Остается пожелать и молодому обществу, и его *Вѣстнику* самой лучшей будущности.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Жизнь животныхъ“. А. Э. Брэма.—„Основы ботаники“. Д-ра Вармига.

Жизнь животныхъ А. Э. Брэма. Иллюстрированное изданіе. Со множествомъ политипажей и хромолитографиями. Въ десяти томахъ. Перев. съ 3-го нѣмецкаго исправленнаго и дополненнаго изданія подъ редакціей магистра зоологіи и директора учительскаго института К. К. Сентъ-Илера. Спб., Т. I и II. Цѣна въ отдѣльной продажѣ по 6 руб. и съ пересылкой 6 руб. 50 к. за каждый томъ, а по подпискѣ 5 руб. и 5 руб. 50 к. Иллюстрированная *Жизнь животныхъ* Брэма, какъ извѣстно, пользуется чрезвычайно широкою популярностью среди читающей публики не только за границей, но и у насъ въ Россіи. Такая популярность является вполне заслуженной, благодаря высокимъ достоинствамъ этого обширнаго труда почтеннаго нѣмецкаго натуралиста, который съ величайшею тщательностью собралъ множество подробностей, касающихся жизни, главнымъ образомъ, позвоночныхъ животныхъ. Оставляя сухое описаніе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей животныхъ на долю обыкновенныхъ руководствъ и учебниковъ зоологіи, Брэмъ задался цѣлью дать живое и поучительное чтеніе всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя, по профессіи или просто изъ любознательности, желаютъ познакомиться съ тѣми или другими представителями животнаго царства, для чего онъ и предлагаетъ въ своей книгѣ множество свѣдѣній объ образѣ жизни животныхъ, ихъ пищѣ, душевныхъ особенностяхъ, привычкахъ, инстинктахъ и склонностяхъ, ихъ семейной жизни, способахъ передвиженія, объ ихъ отношеніи другъ къ другу и къ человѣку и т. п. Къ сожалѣнію, авторъ

не всегда относился къ собранному имъ матеріалу съ достаточною критикой, отчего рассказы его мѣстами становится анекдотичнымъ и, благодаря этому, не мало теряетъ въ серьезности своего содержания. Къ тому же, многія изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній уже устарѣли или окazyваются недостаточными, такъ какъ первое издание иллюстрированной *Жизни животныхъ* вышло между 1863 и 1869 годами. Все это дѣлало необходимымъ тщательный пересмотръ текста при новомъ изданіи *Жизни животныхъ*, что и было исполнено проф. Пехуэль-Лешемъ, который самъ принадлежитъ къ числу путешественниковъ и изслѣдователей Африки. Въ новой редакціи книга значительно выиграла, будучи пополнена весьма многими существенными подробностями, съ возможно тщательною критикою всего того, что могло бы ослабить серьезность ея содержания. Въ общемъ, однако, характеръ изданія остался прежній, т.-е. на это сочиненіе, попрежнему, не слѣдуетъ смотрѣть какъ на научный курсъ зоологіи, а только какъ на сборникъ разнообразныхъ свѣдѣній, касающихся жизни животныхъ въ предѣлахъ вышеуказанныхъ подробностей.

Что касается русскаго перевода *Жизни животныхъ* Брэма, то, прежде всего, онъ точно слѣдуетъ нѣмецкому подлиннику, причемъ прежнимъ переводомъ на русскій языкъ этой книги, сдѣланнымъ подъ редакціей г. Ковалевскаго, переводчики пользовались лишь для справокъ, такъ что весь текстъ новаго перевода сдѣланъ ими вполне самостоятельно. Судя по двумъ уже вышедшимъ томамъ, переводъ можно считать вполне удовлетворительнымъ, какъ и вообще все изданіе съ его внѣшней стороны. Если нѣкоторые рисунки въ русскомъ изданіи и страдаютъ иногда весьма существенными недостатками, то такими же они являются и въ нѣмецкомъ текстѣ. Но подобныя недочеты, при общихъ достоинствахъ изданія, столь незначительны, что не могутъ оказать замѣтнаго вліянія на его оцѣнку. Все это позволяетъ надѣяться, что новый русскій переводъ иллюстрированной *Жизни животныхъ* Брэма найдетъ въ средѣ интересующихся этимъ предметомъ широкое распространеніе, котораго онъ вполне заслуживаетъ какъ по интересу самой книги, такъ и по тщательности своего выполненія.

Основы ботаники. Систематика растеній. Д-ра Варминга, профессора ботаники въ Копенгагенскомъ университетѣ. Перев. съ 3-го датскаго изданія Д. Ростовцева и М. Голеникина, съ предисловіемъ проф. К. А. Тимирязева. 645 полиטיפажей. Москва, 1893 г. Изд. Н. И. Мамонтова. Ц. 5 р. Пересылка по разстоянію. Вармингъ, профессоръ ботаники и директоръ ботаническаго сада въ Копенгагенѣ, занимаетъ въ ряду современныхъ систематиковъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Его научная и профессорская дѣятельность доставила ему большую извѣстность, и только то обстоятельство, что его книга написана на языкѣ мало употребительномъ, послужило препятствіемъ къ ея широкому распространенію, какъ того она заслуживала богатствомъ содержания и мастерствомъ изложенія.

Произведеніе Варминга отличается отъ другихъ подобныхъ руководствъ по систематикѣ большею содержательностью, практическимъ и нагляднымъ изложеніемъ, къ тому же, обставленнымъ множествомъ отличныхъ полиטיפажей. Въ книгѣ содержится также много морфологическихъ и биологическихъ данныхъ, которыя представляютъ большое значеніе въ преподаваніи, въ высокой степени оживляя изложеніе и придавая книгѣ еще большій интересъ. Книга эта не лишена значенія и для фармацевтовъ, такъ какъ въ ней приведены всѣ растенія, про-

изводящія медикаменты, съ указаніемъ на важнѣйшія ихъ химическія составныя части и на родину медицинскихъ растений.

Русскій переводъ сдѣланъ съ послѣдняго 3-го датскаго изданія, вышедшаго въ 1891 г. Переводчики дополнили его необходимыми примѣчаніями и ссылками на новѣйшія изслѣдованія, увеличивъ число политипажей до 645, что должно значительно облегчить усвоеніе систематики.

Въ предисловіи къ русскому переводу, помѣщенному въ настоящемъ изданіи, профессоръ К. А. Тимирязевъ отзываясь о книгѣ Варминга въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„До послѣдняго времени трудно было бы указать на книгу по систематической ботаникѣ, не слишкомъ объемистую и не слишкомъ краткую, не только сообщающую новѣйшія обобщенія, но и богатую единичными фактами, новыми и старыми, не только хорошо изложенную, но и снабженную хорошими рисунками,—однимъ словомъ, удовлетворяющую тѣмъ требованіямъ, которыя вправѣ предъявлять руководству университетскіе слушатели. Разрѣшить эту задачу удалось проф. Копенгагенскаго университета Вармингу“.

Мастерское, сжатое изложеніе дѣлаетъ книгу не только удобной для изученія, но и вполне легкой и доступной для чтенія или справокъ. Авторъ сумѣлъ слить въ одно стройное цѣлое общую картину системы растительнаго царства съ достаточно полнымъ описаніемъ отдѣльныхъ группъ и формъ, освѣтить изложеніе необходимыми морфологическими обобщеніями, оживить его біологическими данными и, наконецъ, снабдить въ изобиліи тѣми практическими указаніями, которыя въ былое время приводились подъ заголовкомъ „*qualitates et usus*“, а позднѣе нерѣдко совѣтъмъ изгонялись со страницъ курсовъ такъ называемой научной ботаники.

Такимъ образомъ, въ книгѣ Варминга учащіеся получаютъ обильный и разнообразный фактический матеріалъ, цѣнный по его свѣжести и умѣлой группировкѣ и крайне искусно сжатый до возможно-малаго объема. Рисунки, отчасти новые, отчасти заимствованные изъ лучшихъ источниковъ, щедро и равномерно распределенные въ текстѣ, еще болѣе облегчаютъ его усвоеніе.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *апрѣль*.—„Русское Богатство“, *мартъ*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *апрѣль*.—„Міръ Божій“, *апрѣль*.

Вѣстникъ Европы, *апрѣль*. Какъ извѣстно, съ января будущаго года вступитъ въ дѣйствіе новый налогъ, подъ названіемъ квартирнаго налога. Вопросу о значеніи этого налога посвящена значительная часть *Внутренняго обозрѣнія* названной книжки журнала.

Обсуждая квартирный налогъ, авторъ *Обозрѣнія* разъясняетъ, насколько такой налогъ уступаетъ подоходному какъ въ отношеніи *соразмѣрности обложенія*, такъ и въ отношеніи *перенесенія части податной бремени съ массы населенія на болѣе достаточныя классы*. При этомъ авторъ указываетъ, что необходимость подоходнаго налога была заявлена земствами еще въ началѣ 70-хъ годовъ. То же признаніе было сдѣлано министромъ финансовъ Н. Х. Бунге во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1884 года. И только отсутствіе въ то время податной инспекціи заставило министерство финансовъ замедлить преобразованіе

емъ, которое, однако, по словамъ бывшаго министра, „должно быть осуществлено при первой къ тому возможности“.

Препятствіе, указанное въ этомъ докладѣ, давно устранено; податная инспекція существуетъ уже около восьми лѣтъ и дѣйствуетъ удовлетворительно. Возможность осуществления подоходнаго налога несомнѣнно наступила, и весьма понятно, что объ этомъ недавно вспомнили. Но встрѣтились, однако, новыя затрудненія, и введеніе подоходнаго налога опять отложено на неопредѣленное время. Что же могло помѣшать реформѣ, справедливости и цѣлесообразности которой стоитъ внѣ всякаго спора?—спрашиваетъ авторъ *Обозрѣнія*. Повидимому, недостаточность свѣдѣній о доходахъ, подлежащихъ обложенію. Существуетъ опасеніе, что плательщики будутъ скрывать цифру получаемого ими дохода, администрація, не имѣя возможности обнаружить истину, будетъ дѣйствовать произвольно, вызывая тѣмъ массу жалобъ и неудовольствій. Что въ настоящую минуту администрація не располагаетъ точными данными о доходахъ, подлежащихъ обложенію, этого мы не отрицаемъ,—говоритъ авторъ статьи,—но единственнымъ путемъ къ полученію такихъ данныхъ кажется намъ именно установленіе подоходнаго налога. Въ самомъ дѣлѣ, пока подоходный налогъ не существуетъ, нѣтъ причины отбирать показанія о цифрѣ получаемого дохода; пока нѣтъ такихъ показаній, не можетъ быть рѣчи объ ихъ повѣркѣ, и разъясненіе вопроса не двигается впередъ, а преграда, въ сущности, мнимая, остается неустранимой. Можно было бы, конечно, опросить, въ видѣ пробы, будущихъ плательщиковъ, но едва ли получилось бы много серьезныхъ отвѣтовъ, разъ, что каждый отвѣчающій видѣлъ бы въ самомъ опросѣ только опытъ ни къ чему не обязывающій и никакихъ реальныхъ послѣдствій за собой не влекущій. Когда, девять лѣтъ тому назадъ, вводился дополнительный процентный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, свѣдѣніями о доходахъ, доставляемыми этими предпріятіями, финансовая администрація не располагала; къ собранію ихъ приступлено было одновременно съ установленіемъ сбора и никакихъ особенныхъ неудачъ отъ этого не произошло. Подготовка, въ такихъ случаяхъ, достигается только практикой; пріучить общество и администрацію къ подоходному налогу можетъ только дѣйствительное его взиманіе. Папытки уменьшить платежи посредствомъ невѣрныхъ показаній о количествѣ получаемого дохода будутъ встрѣчаться всегда, какія бы ни были произведены предварительныя работы. Есть цѣлыя категоріи доходовъ измѣнчивыхъ, случайныхъ и трудно уловимыхъ, не поддающихся заранѣе никакому, даже приблизительному исчисленію (напримѣръ, доходы отъ промышленности, отъ торговли, отъ большинства такъ называемыхъ свободныхъ профессій); опредѣлить ихъ сумму можно только отдѣльно за каждый годъ, что въ свою очередь мыслимо только при дѣйствіи подоходнаго налога. Говорятъ, что наши мѣстныя общественныя учрежденія мало сдѣлали до сихъ поръ для выясненія доходности земель и городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Допустимъ, что это такъ (хотѣ на самомъ дѣлѣ оцѣнка земель во многихъ земскихъ губерніяхъ и въ уѣздахъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ губерніяхъ несредскихъ, да и между городами найдутся такіе, которые не мало пострадали въ этомъ направленіи); но отсюда вовсе еще не вытекаетъ необходимость отсрочки подоходнаго налога. Единственное средство опредѣлить достоверно доходность земли, это — кадастръ, производство котораго въ такой обширной странѣ, какъ Россія, займетъ очев.

много времени и обойдется очень дорого. Ждать его окончанія, какъ условія для введенія подоходнаго налога, значило бы отложить послѣднее *sine die*. Кадастръ чрезвычайно важенъ; крѣпкомъ, для опредѣленія поземельнаго налога, соразмѣряемаго съ положеніемъ и качествомъ земли, совершенно независимо отъ того, кто ею владѣеть, онъ имѣетъ гораздо меньшее значеніе при опредѣленіи подоходнаго налога, въ которомъ главное—общая сумма средствъ плательщика. „Произволь“ администраціи легко можетъ быть введенъ въ сравнительно тѣсныя границы; для этого нужно только усилить роль общественнаго, выборнаго элемента въ смѣшанныхъ комиссіяхъ или присутствіяхъ, повѣряющихъ показанія плательщика и окончательно устанавливающихъ цифру налога.

Одну хорошую сторону государственный квартирный налогъ имѣетъ несомнѣнно,—заключаетъ авторъ *Обозрѣнія*,—онъ составляетъ новый шагъ впередъ на пути къ той цѣли, которая была намѣчена Н. Х. Бунге и затѣмъ совершенно упущена изъ вида—къ перенесенію части податнаго бремени на болѣе достаточные классы населенія. Къ сожалѣнію, этотъ шагъ еще менѣ рѣшителенъ, чѣмъ прежніе. Пять съ половиною милліоновъ потонуть почти незамѣтно въ милліардномъ бюджетѣ и не облегчатъ бремени, лежащаго на массѣ. Остается только надѣяться, что государственный квартирный налогъ послужитъ переходною ступеню къ прогрессивному подоходному налогу.

Отъ финансоваго вопроса авторъ *Внутренняю обозрѣнія* переходитъ къ важнѣйшей злобѣ дня—къ разстройству, произведенному въ крестьянскомъ хозяйствѣ неурожаемъ 1891 г. Количество матеріаловъ по этому предмету постоянно растетъ. Вотъ новыя данныя, собранныя статистическимъ отдѣленіемъ самарской губернской земской управы и напечатанныя въ *Сельско-хозяйственномъ обзорѣ Самарской губерніи за 1892 г.* Большая часть населенія,—говоритъ *Обзоръ*,—въ дѣлѣ продовольствія своего скота была предоставлена самой себѣ, что и привело къ крайне печальнымъ результатамъ. Продовольственная ссуда, разсчитанная въ болѣе достаточномъ размѣрѣ, могла бы, по увѣренію всѣхъ хозяевъ, сильно воспрепятствовать сбыту скота и кормовъ. Съ наступленіемъ осени (1891 г.) лошади повсюду продавались на шкуры татарамъ: сосуны по 25—30 к., стриганы по 70—80 к. Средняя цѣна коровы въ осенней продажѣ была 6—8 р. Какъ велико количество скота, проданнаго по столь ничтожнымъ цѣнамъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, заимствованнымъ изъ донесенія земскихъ начальниковъ: изъ 1,025 тысячъ штукъ рогатаго скота, числившагося въ Самарской губерніи до начала голодовки, къ 15 января 1892 г. убыло 388 тысячъ, т.-е. почти 38%.

Возстановленіе подорваннаго крестьянскаго хозяйства можетъ быть осуществлено, разумѣется, только энергическими мѣропріятіями со стороны правительства. Но много добра народу можетъ принести здѣсь и общественная самодѣятельность. Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ *Общественной хроники*, теперь, когда подходитъ къ концу второй неурожайный періодъ, слѣдуетъ, къ сожалѣнію, сказать, что общественная благотворительность не достигла на этотъ разъ той высоты, на которой она стояла въ 1891—1892 г. Почему это такъ случилось—вопросъ весьма сложный, выясненіе котораго принадлежитъ будущему. Едва ли можно отрицать, однако, что сравнительное безучастіе общества зависѣло отчасти отъ недостаточнаго распространенія въ его средѣ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи дѣла, а въ

этомъ недостатокъ свѣдѣній повинны, опять-таки отчасти, наши газеты. И въ 1891 г. было время, когда недоверіе къ тревожнымъ извѣстіямъ стояло à l'ordre du jour, когда дѣлались попытки уменьшить размѣры бѣдствія, набросить подозрѣніе на отзвы, выставившіе его въ настоящемъ свѣтѣ; но это время скоро прошло, и попеченіе о „нуждающихся“ (голодающими ихъ, все-таки, рѣшались называть не всѣ) сдѣлалось не только возможнымъ, но даже моднымъ. Въ 1892—93 г. такой поворотъ нѣсколько разъ казался возможнымъ, близкимъ; но съ такою рѣшительностью и силой, какъ годъ тому назадъ, онъ не наступилъ, хотя основанія для него всѣ были налицо. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, измѣрять тяжесть бѣдствія только предѣлами его географическаго распространенія; нельзя же утверждать, что положеніе голодающихъ улучшается или ухудшается прямо пропорціонально уменьшенію или увеличенію общаго ихъ числа. Что районъ бѣдствія въ нынѣшнемъ году меньше, чѣмъ въ прошломъ,—это безспорно, но столь же безспорно и то, что его интензивность во многихъ мѣстахъ не меньше или даже больше прошлогодней. Между тѣмъ, столичныя газеты, въ прошломъ году всѣ безъ исключенія способствовавшія, въ большей или меньшей степени, пробужденію и поддержанію въ обществѣ вниманія и участія къ голодающимъ, въ нынѣшнемъ году, за немногими счастливыми исключеніями (между которыми первое мѣсто занимаютъ *Русскія Вѣдомости* и *Русская Жизнь*), не исполнили этой задачи. Можно было думать, что нѣкоторыя изъ нихъ издаются не въ Россіи, а въ какой-то блаженной странѣ, не знающей неурожаевъ и голодовокъ.

Нельзя не обратить вниманія также на ту страницу *Общественной хроники* журнала, гдѣ рѣчь идетъ о безтактныхъ статьяхъ нѣкоторыхъ органовъ ежедневной прессы по поводу безвременной кончины московскаго городского головы.

Отмѣтивъ, какъ глубоко поражена была Москва трагическою смертію Н. А. Алексѣева, и признавая вполне понятнымъ, что въ первыя минуты послѣ печальной вѣсти всѣ вспомнили только добрыя качества покойника, авторъ хроники продолжаетъ:

Неизбѣжны и вполне извинительны, при подобныхъ условіяхъ, даже преувеличенія, если только они остаются въ извѣстныхъ предѣлахъ и не обращаются ни въ явное извращеніе дѣйствительности, ни въ отрицаніе основныхъ началъ справедливости и права. Этыхъ двухъ подводныхъ камней не сумѣли избѣжать нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ въ своихъ статьяхъ о безвременно погибшемъ московскомъ дѣятелѣ. „Н. А. Алексѣевъ,—говоритъ одна изъ нихъ,—уважалъ общественное мнѣніе и презиралъ общественную болтовню. Онъ ненавидѣлъ партійность и беспощадно давилъ оппозицію своимъ начинаніямъ, но охотно давалъ свободу здравому толковому слову, когда оно преслѣдовало не праздные споры о правахъ, въ то время какъ надо было помнить только обязанности, а цѣли дѣйствительно практическія и близкія къ сути насущныхъ вопросовъ“. Эта характеристика не только не вѣрна фактически—она оправдываетъ то, что въ лучшемъ случаѣ можетъ быть лишь объяснено, какъ тѣневая сторона картины. „Безпощадное подавленіе оппозиціи“ не можетъ идти рука объ руку съ уваженіемъ къ общественному мнѣнію, немыслимому безъ свободы порицанія и отрицанія. У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, опасна теорія, признающая право на существованіе только за „здравымъ толковымъ словомъ“,—опасна потому, что она до крайности затрудняетъ борьбу

съ „преданіями рабства“, которымъ, по выраженію поэта, такъ „страшно вѣрять“ русскій человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто является при дѣйствіи этой теоріи судьбою „здравости и толковости“ слова? Тотъ, чьею дѣятельностью оно вызвано. Само собою разумѣется, что „здравымъ и толковымъ“ ему будетъ казаться, въ огромномъ большинствѣ случаевъ только слово согласія и одобренія. Не желая выслушивать противника, онъ будетъ увѣрять другихъ и вѣрять самъ, что налагаетъ молчаніе на ненормальность и безтолковость. Другой, заранѣе готовый предлогъ для „подавленія“ оппозиціи, это—ссылка на партійность. Группа людей, не раздѣляющихъ моего мнѣнія, это—партія, то-есть нѣчто зловерное и подлежащее искорененію, особенно на русской, на „истинно-русской“ почвѣ. Другое дѣло—группа людей, всегда идущихъ рядомъ со мной или, еще лучше, вслѣдъ за мной: это—союзъ во имя правды и добра, заслуживающій всякаго вниманія и поощренія... Перенесенные въ общественное собраніе, такіе взгляды неизбѣжно приводятъ къ общественному объединенію большинства, къ безсилію меньшинства, а если найдется человѣкъ съ крѣпкою волей и сильною рукою—къ его единовластію, даже въ томъ, въ чемъ оно всего менѣе нужно и умѣстно. Признаемся откровенно, намъ всегда казалось, что именно стремленіе къ единовластію—не только въ исполненіи, но и въ постановленіи рѣшенія—составляло главный недостатокъ дѣятельности Н. А. Алексѣева, какъ московскаго городского головы. Это было, по французскому выраженію, *le défaut de la qualité*; его энергія выдвигалась на первый планъ даже тамъ, гдѣ болѣе желательны были другія свойства. Именно то, что дѣлало его превосходнымъ предсѣдателемъ городской управы, мѣшало ему быть идеальнымъ предсѣдателемъ городской думы. Не отъ него, конечно, зависѣло соединеніе въ его рукахъ двухъ существенно различныхъ функцій, но именно его примѣръ свидѣтельствуетъ всего яснѣе о неудобствахъ такого соединенія. Безпристрастный историкъ его управленія отмѣтитъ всѣ крупныя дѣла, имъ предпріятыя или исполненныя (постройка боевъ, зданія думы, устройство водопровода и пр.), но не скроетъ, что ни одно изъ нихъ не было свободно отъ ошибокъ, коренившихся именно въ нетерпимости къ противорѣчію, въ безграничномъ довѣрїи къ собственной непогрѣшимости. Можно любоваться, въ лицѣ Н. А. Алексѣева, „широкою русскою натурой“, но не слѣдуетъ возводить въ „перлъ созданія“ тѣ черты этого типа, которыя составляютъ его кажущуюся силу и дѣйствительную слабость.

Русское Богатство, мартъ. Воронежская губернія принадлежитъ къ числу тѣхъ несчастныхъ мѣстностей, которыя поражены неурожаемъ уже два года подрядъ. Какъ отразилось это бѣдствіе на крестьянскомъ хозяйствѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ образцовая работа статистическаго отдѣленія воронежской губернской земской управы подъ редакціей извѣстнаго Ф. А. Щербина: *Сельско-хозяйственный обзоръ по Воронежской губерніи за 1891—1892 и.* Пользуясь данными этой работы, проф. Карышевъ въ статьѣ *Народно-хозяйственныя наброски* имѣлъ полное основаніе сказать, что Воронежская губернія представляетъ истиннѣ страшную картину крестьянскаго хозяйства. Трудно съ достаточною ясностью представить себѣ, какой долгіи рядъ вполнѣ благоприятныхъ годовъ потребовался бы для того, чтобы изгладить слѣды того разоренія, которое теперь тамъ наблюдается.

Скотоводство сокращается въ размѣрахъ, близкихъ къ его конечному уничтоженію. Погибаетъ старый скотъ, особенно сильно гиб-

нет молодой, эта „будущность“ хозяйства. Крестьянство въ неоплатномъ долгу (средній долгъ въ 100—150 р. на дворъ, при наличныхъ условіяхъ хозяйства, вполне можетъ быть названъ этимъ именемъ). Вънадѣльные аренды являются уже непосильными, слѣдовательно, приходится довольствоваться доходами одной своей земли, тогда какъ наличность и развитіе этихъ арендъ и является именно симптомомъ недостаточности надѣловъ для пропитанія людей и скота. Но, далѣе, и этихъ надѣловъ обрабатывать уже нечѣмъ и земля сдается за безцѣнокъ. Нарождается барышничество крестьянскими землями, какъ слѣдствіе отказа земледѣльца отъ своего надѣла. Въземледѣльческихъ заработковъ нѣтъ, мѣстные земледѣльческіе оплачиваются не только слабо, но, къ тому же, все слабѣе и слабѣе, отхожіе же не всегда даже даютъ средства для возвращенія на родину... Чѣмъ же питаться населенію? Гдѣ найти приложение народному труду? Или ужъ обстоятельства сложились такъ, что поправка невозможна и что остается только одно—„помирать“?

Понятно, какія надежды возлагаются на будущіе урожаи. Что принесетъ 1893 годъ? Слѣдуетъ, однако, сказать, что отвѣчать на этотъ вопросъ теперь можно только мрачными предсказаніями. Вслѣдствіе засухи, озимые посѣвы 1892 года запоздали. Районъ этихъ посѣвовъ, или совершенно безнадежныхъ, или такихъ, которые совершенно не дали всходовъ, охватываетъ половину всей площади губерніи, заключающая въ себѣ почти весь Павловскій, Богучарскій, Острогожскій уѣзды и большую часть Бирюченскаго и Валуйскаго. Второй районъ, въ которомъ озимые посѣвы не такъ еще плохи, какъ въ первомъ, но все же мало удовлетворительны, занимаетъ площадь, наибольшая часть которой находится въ самомъ центрѣ губерніи, а наименьшая входитъ зигзагами въ предѣлы смежныхъ уѣздовъ: Богучарскаго, Павловскаго, Острогожскаго, Валуйскаго, Бирюченскаго, Нижне-Дѣвицкаго и Воронежскаго. Третій районъ, наилучшихъ посѣвовъ, расположенъ на сѣверѣ губерніи, занимая площадь до 300 верстъ съ востока на западъ и всего около 60 верстъ съ сѣвера на югъ. Кромѣ этой небольшой области, посѣвы или остались безъ всходовъ, или оказались хилыми, тощими былинками озимей, не выбившихся изъ-за комьевъ земли. Въ концѣ-концовъ, истекшій второй неурожайный годъ, особенно не благоприятствовавшій южнымъ уѣздамъ губерніи, закончился плохими видами на урожай озимей въ 1893 г. по тѣмъ же южнымъ уѣздамъ.

Что же это будетъ?—спрашиваетъ авторъ статьи.

Въ этой же книжкѣ журнала идетъ продолженіе наблюдений—*Въ юлѣнный годъ*, В. Г. Короленко. Тяжело читать этотъ дневникъ, хотя авторъ не только не кладетъ густыхъ красокъ, а даже какъ бы падить чувствительность читателя. Вотъ одна изъ многихъ подобныхъ же сценъ разсказа.

В. Г. Короленко пріѣзжаетъ въ село Елфимово, Лукояновскаго уѣзда. Населеніе въ крайней нуждѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ узнаетъ, что на 1,650 человекъ ссуда выдавалась лишь... шести человекамъ.

„Такъ какъ,—разсказываетъ г. Короленко,—у меня пока денегъ не много, то я ясно ставлю себѣ цѣль—въ началѣ дѣйствовать осторожно и подбирать самые крайніе слои нужды, которымъ прежде всего грозятъ послѣдствія голода. Объяснивъ „старикамъ“ цѣль своего пріѣзда, мы приступили къ дѣлу.

Когда нашъ списокъ былъ оконченъ, я всталъ.

— Ну, спасибо, старики, что помогли,—сказалъ я.

— Благодаримъ и васъ, что потрудились, ваше благородіе.

Я увидѣлъ, что толпа сомкнулась вокругъ меня, какъ будто разочарованная и ожидающая чего-то... Наконецъ, нѣсколько голосовъ заговорили сразу:

— А кто же поможетъ намъ, мужикамъ-то, прочіимъ жителямъ, ваше благородіе?...

Я увидѣлъ, что здѣсь есть недоразумѣніе. Село ждало больше отъ моего пріѣзда, и вполнѣдствіи священникъ передавалъ мнѣ отзывы нѣсколькихъ мужиковъ, что я пріѣхалъ съ пустяками. Къ сожалѣнію, это была правда: что значили мои 40 человекъ изъ 1,650 голодающихъ, изъ которыхъ только шесть человекъ получали по 30 фунтовъ? Затѣмъ, непонятныя и ничѣмъ не мотивированныя сокращенія ссуды на мартъ и видимое стремленіе ограничить и эту скудную помощь,—все это вызывало цѣлый потокъ ропота, стоновъ и жалобъ... Не желая принимать на себя самозваную роль, я постарался разсѣять иллюзію едфимовскаго міра: я не благородіе, жалобъ принимать не могу, власти измѣнить эти порядки не имѣю. Все, что могу сдѣлать, это... посоветовать обратиться съ просьбой къ г. земскому начальнику и въ продовольственную комиссію...

Мы вышли изъ сборной избы среди тяжелаго молчанія“.

О томъ же, самомъ больномъ мѣстѣ современной русской жизни рѣчь идетъ и во *Внутренней хроникѣ* журнала. Авторъ хроники,—какъ и хроникеръ *Вѣстника Европы*,—вспоминаетъ, съ какою горячею готовностью на голосъ деревенской нужды откликнулась въ прошломъ году лучшая часть нашего общества и, благодаря этому, не одинъ десятокъ тысячъ голодныхъ былъ избавленъ отъ ужасныхъ мукъ медленной агоніи голода. Въ порывѣ энтузіазма извѣстная часть интеллигенціи шла въ деревню, открывала столовыя, боролась съ холерой, оказывая помощь хлѣбомъ и внушая бодрость и надежду, не менѣе хлѣба необходимыя въ такія минуты.

Въ текущемъ году, если не вездѣ, то во многихъ мѣстностяхъ, вновь пораженныхъ неврожаемъ, нужда не уступаетъ прошлогодней. И, въ то же время, съ грустью приходится отмѣтить, что участіе общества къ народной бѣдѣ далеко уже не такое чуткое. Между тѣмъ, если не чувство гуманности, то чувство самосохраненія,—говоритъ авторъ,—должно бы подсказать, что благотворительная помощь въ неврожайныхъ мѣстностяхъ теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо. Годъ тому назадъ о холерѣ никто не думалъ и не предполагалъ. Тогда эти мѣстности не были поражены вторичнымъ неврожаемъ и населеніе ихъ не было доведено до того оскудѣнія, о которомъ свидѣлствуютъ получаемыя со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія. И, несмотря на отсутствіе этихъ условій, помощь тогда была шире, обильнѣе, интензивнѣе, чѣмъ теперь. Чѣмъ же объяснить современный индифферентизмъ?—спрашиваетъ авторъ хроники.—Въ силу ли нашей инерціи въ общественной жизни, въ силу ли какихъ-либо другихъ причинъ, мы находимся въ настоящее время въ какомъ-то странномъ апатично-выжидательномъ настроеніи, изъ котораго, по всей вѣроятности, разбудить насъ тотъ грозный часъ, когда опасность станетъ неминуемой и непредотвратимой. Неужели же отчаянная борьба прошлаго года, сначала съ голодомъ, а потомъ съ холерой, настолько истошили наши нравственные силы, что мы теперь, когда еще есть время, не находимъ въ себѣ достаточно бодрости духа, достаточно энергіи, чтобы серьезно приготовиться къ встрѣчѣ угрожающей намъ опасности? Бѣдствія текущей ми-

нута—силнѣйшая нужда въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, съ одной стороны, съ другой—угрожающая опасность въ ближайшемъ будущемъ,—достаточно, кажется, оснований, для возбужденія общественнаго вниманія. А, между тѣмъ, что-то незамѣтно подѣема духа, который поставилъ бы общество „на высоту положенія“, требуемаго настоящею минутой. Не коренится ли въ значительной степени причина этого явленія,—продолжаетъ авторъ хроники,—въ томъ обстоятельствѣ, что въ прошломъ году однимъ изъ условій, создававшихъ благоприятную для любви атмосферу, явилась самая широкая гласность во всемъ, что касалось жизни деревни? Масса извѣстій, какъ официальныхъ, такъ и изъ частныхъ источниковъ, появлялась ежедневно въ печати, поддерживая неослабное вниманіе общества. „Голодный корреспондентъ“ двинулся изъ центровъ и, объѣзжая грады и веси, рисовалъ картины столь необычайныя, что это одно уже обезпечивало имъ успѣхъ и вниманіе. Благодаря именно гласности, даже люди, въ обычное время мало склонные къ проявленію альтруистическихъ чувствъ, давали средства и, если не оказывали поддержки, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшали начинаніямъ другихъ, болѣе дѣятельныхъ и сочувствующихъ народной нуждѣ. Если теперь мы не видимъ такой отзывчивости, то потому, что нѣтъ такого возбуждающаго начала, какъ годъ тому назадъ. Слабые отголоски деревенской нужды гложутъ на заднихъ страницахъ ежедневной печати, а отдѣльные голоса, какъ, наприм., гг. Арсеньева, Эрисмана, Стебута, теряются въ общемъ хорѣ увѣреній, что съ неурожаемъ покончено, и жизнь приходитъ въ обычный порядокъ, опредѣляемый стереотипною фразой: „все обстоитъ благополучно“. Обыкновенно, чего мы желаемъ, тому и вѣримъ, отсюда и „апатично-выжидательное“ настроеніе, съ которымъ мы ожидаемъ будущаго, и оптимизмъ, съ которымъ мы относимся къ настоящему.

Въ мартовской книжкѣ журнала окончена статья С. Н. Кривенко: *Культурные скиты*.

Отъ времени до времени въ печати появляются извѣстія о колоніяхъ культурныхъ людей, которые пытаются устроиться на землѣ и обрабатывать землю своими руками. Еще въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ было на Кавказѣ три совершенно отдѣльныхъ и самостоятельно возникшихъ колоній; существовала въ то время также одна колонія въ Тамбовской губерніи, которая потомъ была перенесена въ Черноморскій округъ; были извѣстія о подобныхъ же начинаніяхъ въ другихъ губерніяхъ. Пользуясь появившимися въ печати свѣдѣніями о колоніяхъ, г. Кривенко рассказалъ намъ въ своей статьѣ исторію нѣсколькихъ колоній и высказалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свой взглядъ на ихъ значеніе. Культурныя колоніи,—говоритъ г. Кривенко,—различались и до сихъ поръ различаются во многихъ существенныхъ чертахъ. Но что общее всѣмъ имъ, это—недовольство строемъ общественной жизни, исканіе правды и внутренняго равновѣсія.

Первоначальныя колоніи не отрекались отъ окружающаго міра, и если иногда изолировались, то только на время и по соображеніямъ, истекавшимъ изъ другихъ причинъ, причемъ міръ, все-таки, являлся исходнымъ пунктомъ, стимуломъ и цѣлью дѣятельности: колонисты стремились не столько къ личному успокоенію, сколько къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ; задавались намѣреніями не только доказать возможность и пользу физическаго труда для интеллигенціи, но и имѣли болѣе широкіе замыслы—произвести рядъ социальныхъ опытовъ надъ выработкою болѣе рациональнаго и альтруистическаго уклада жизни, съ

наименьшею зависимостью и наибольшимъ просторомъ для личности, съ лучшими условіями для развитія ея духовныхъ силъ и приложенія способностей, и думали о примѣненіи этого уклада къ жизни, въ увѣренности, что не только новыя, воспитанныя иначе, поколѣнія, но даже наиболее неразвитые и плохіе общественные элементы, будучи поставлены въ иныя условія имущественныхъ и другихъ взаимныхъ отношеній, могутъ стать гораздо лучше и дать совсѣмъ иные индивидуальныя и общественныя результаты. Не то въ колоніяхъ послѣднихъ лѣтъ, которыя по преимуществу могутъ быть названы „толстовскими“. Здѣсь экономическія и социальныя задачи отодвигаются на второй планъ, а на первое мѣсто выступаютъ личная этика и задачи собственнаго внутренняго совершенствованія. Явленіе ухода культурныхъ людей въ колоніи, по словамъ автора статьи, не особенно велико и иногда кажется больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что однѣ колоніи закрываются, а другія возникаютъ, одни и тѣ же люди переѣзжаютъ изъ одной губерніи въ другую. Опасенія покойнаго Шелгунова, что будто 100 тыс. молодежи можетъ быть охвачено подобнымъ стремленіемъ, разумѣется, были неосновательны, да и самъ онъ, конечно, не вѣрилъ въ возможность такого массоваго ухода и употреблялъ такой пріемъ лишь съ цѣлями чисто-публицистическими, чтобы показать на большемъ, крайнемъ примѣрѣ значеніе убыли культурныхъ силъ, значеніе отвращенія ихъ отъ другихъ, болѣе насущныхъ и важныхъ задачъ жизни. Это было какъ разъ во время его полемики съ восьмидесятниками, когда нѣкоторые органы печати усиленно стояли за малыя дѣла и самоувѣренно указывали, что задачи жизни внутри самого человѣка, въ его душевномъ равновѣсіи и приспособленіи къ обстоятельствамъ.

Г. Кривенко не увлекается движеніемъ въ колоніи, но, въ то же время, не понимаетъ и высокообрнаго отношенія къ колонистамъ со стороны гг. газетныхъ корреспондентовъ и большинства органовъ печати. Отношеніе это далеко не объективно и сплошь и рядомъ отличается нетерпимостью.

На дѣятельность человѣка, — говоритъ г. Кривенко, — можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: съ личной и общественной. Если человѣкъ отъ большого и дѣйствительно живого общественнаго дѣла забивается куда-нибудь въ щель, бросаетъ науку и погружается въ схоластику, клянетъ огуломъ цивилизацію и превозноситъ хожденіе на четверенькахъ, то это, разумѣется, нехорошо; но если онъ и безъ того ничего путнаго не дѣлаетъ и предается дѣятельностямъ сомнительнаго качества, — служить въ какой-нибудь банковской конторѣ, въ обществѣ заклада движимыхъ имуществъ или околачиваетъ ноги въ поискахъ за какими бы то ни было занятіями, — то не все ли равно, если онъ въ одинъ прекрасный день скажетъ: надоѣло мнѣ просиживать конторскія стулья, надоѣло кланяться сильнымъ, носить крахмальныя рубашки, заботиться о томъ, чтобы на сюртукѣ не было пятенъ и т. д., и рѣшить промѣнять все это на болѣе простую и дешевую деревенскую жизнь? Когда люди такихъ категорій, — а категорій этихъ не мало, — покупаютъ себѣ имѣнія и начинаютъ хозяйничать на обыкновенныхъ основаніяхъ, нанимая рабочихъ, или ѣдутъ въ провинцію на какія-нибудь мѣста, въ качествѣ управляющихъ, техниковъ, чиновниковъ, то объ этомъ никто не говоритъ, всѣ обсуждаютъ даже: выгодно ли человѣкъ купилъ землю и какова земля, достаточно ли получилъ жалованье и сколько изъ него можетъ оставаться; но какъ только человѣкъ снялъ сюртукъ и надѣлъ полушубокъ, пересталъ шелкать на

счетахъ и взялся за заступъ, такъ на него уже смотрять подозрительно. Прежде всего, это дѣло личнаго вкуса, личныхъ взглядовъ и настроенія. И я не знаю, — продолжаетъ авторъ статьи, — на какомъ основаніи можно порицать людей, уходящихъ на землю, за то, что одному изъ нихъ надоѣло существовать перепиской и уроками, за то, что другой не высидѣлъ за банковскою рѣшеткой и усталъ угождать и кривить душой, за то, что третій не нашелъ равновѣсія между своимъ внутреннимъ и вѣншимъ міромъ и отступилъ передъ слишкомъ грубыми компромиссами, передъ ежедневными сдѣлками съ совѣстью, за то, что четвертый промѣнялъ замкнутый городской кружокъ на такой же замкнутый другой, или, измученный жизнью, ушелъ, какъ звѣрь, отдыхать въ одиночку, въ лѣсную чащу. Психическіе моменты играютъ въ данномъ случаѣ очень большую, даже самую главную роль. Порицаніе возможно, но съ другой, болѣе высокой точки зрѣнія.

Безъ всякаго сомнѣнія, есть дѣятельности гораздо болѣе необходимы и плодотворныя; но развѣ за волосы къ нимъ притащить людей возможно и развѣ привлеченные такимъ способомъ могутъ представлять значительную и надежную величину? И сочувствующій колонистамъ г. Исаевъ, и отрицательно относящійся къ нимъ Вл. Соловьевъ, и другіе больше всего боятся опрошенія. Дѣйствительно, нѣкоторые колонисты заходятъ слишкомъ далеко въ порицаніи культуры, точно съ разбѣга перескакиваютъ не только черезъ отрицательныя, но и черезъ положительныя ея стороны. Съ этого пункта начинается различіе между колонистами. Въ то время, какъ одни, дѣйствительно, забрасываютъ книги, машутъ рукой на науку и провозглашаютъ культъ сердца, дѣлая его чуть ли не единственнымъ факторомъ жизни, причемъ, однако, впадаютъ въ прочиворѣчіе, такъ какъ безсердечно отрѣшаются отъ міра, забывая объ остающихся тамъ слабыхъ, и замыкаются сами въ себѣ, другіе, напротивъ, говорятъ, что вѣншее опрошеніе не означаетъ еще отрицанія цивилизаціи, что, живя въ деревнѣ и занимаясь земледѣліемъ, можно не только оставаться культурнымъ человѣкомъ и слѣдить за наукой и литературой, но и нести съ собою туда, къ еще болѣе слабымъ и темнымъ, культурную миссію (просвѣщеніе, медицинскія, агрономическія, юридическія и другія знанія), миссію очень разнообразную, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ и меньшую, чѣмъ другія, но по существу очень важную и въ общемъ итогѣ огромную и крайне необходимую.

Сѣверный Вѣстникъ, апрѣль. Чрезмѣрныя финансовыя тягости, лежащія на сельскомъ населеніи, порождаютъ огромный ростъ недоимокъ. Недоимки эти особенно возросли въ послѣдніе два неурожайные года. Правительству пришлось выдать въ помощь голодающему населенію заимообразно около полутора ста милліоновъ рублей и, понятно, эта громадная сумма еще болѣе увеличила задолженность народа. Объ этомъ-то непосильномъ бремени идетъ рѣчь въ послѣдней книжкѣ *Сѣвернаго Вѣстника*, въ статьѣ *Доли пострадавшихъ губерній*. Авторъ статьи основательно, по нашему мнѣнію, полагаетъ, что справедливость требуетъ, чтобы правительственные расходы по борьбѣ съ голодомъ были приняты на счетъ государства, а не падали лишь на опредѣленную часть народныхъ массъ. „Голодъ, — говоритъ онъ, — не есть чисто-случайное явленіе, вызванное случайными условіями чисто-мѣстнаго характера. Всѣ органы печати согласились въ томъ, что голодъ вызванъ не мѣстными засухами, а общимъ соціально-экономическимъ положеніемъ народныхъ массъ. Странно было бы призвать пострадавшія губернія вл-

новными за то, что на нихъ особенно отразились общіе результаты общихъ же причинъ. И было бы несправедливо привлечь къ отвѣтственности за расходы по борьбѣ съ голодомъ не все государство, а именно опредѣленную часть народныхъ массъ. Допустимъ, однако, что голодъ есть результатъ мѣстной случайной игры силъ природы, что, конечно, невозможно. Но и въ такомъ случаѣ нельзя признать издержки по борьбѣ съ голодомъ расходами мѣстнаго характера. Вѣдь, если бы пришлось, чего Боже избави, отвоевывать отъ враговъ 20 губерній, то, конечно, расходы по войнѣ признаны были бы общегосударственными. Какое же основаніе не признавать общегосударственными расходы по отвоеванію отъ голода 20 губерній? Вѣдь, онѣ выйдутъ изъ голоднаго положенія не въ лучшемъ видѣ, какъ если бы и на самомъ дѣлѣ послужили театромъ военныхъ дѣйствій.

Міръ Божій, *апрѣль*. 10 декабря 1892 г. проф. Чупровъ читалъ въ Москвѣ въ пользу московскаго комитета грамотности для устройства сельскихъ библиотекъ публичную лекцію по вопросу о зависимости народнаго богатства отъ знанія. Лекція эта произвела большое впечатлѣніе на аудиторію. Дѣйствительно, она обладаетъ большими достоинствами. Высокая поучительность темы, обильный и цѣнный фактический матеріалъ, строгость научнаго метода и ясность изложенія сдѣлали чтеніе проф. Чупрова выдающимся явленіемъ умственной жизни текущаго сезона въ Москвѣ. Теперь эта лекція напечатана въ апрѣльской книжкѣ названнаго журнала.

Основная мысль лекціи заключается въ томъ, что знаніе является основой промышленнаго прогресса, а распространеніе его въ массѣ народа служить самымъ могущественнымъ факторомъ къ увеличенію успѣхности народнаго труда. Эта великая экономическая роль школы становится все замѣтнѣе съ каждымъ поколѣніемъ. „Народъ, который имѣетъ самыя лучшія школы, непременно сдѣлается, если не сегодня, то завтра, первенствующимъ народомъ въ мірѣ“, — говоритъ Жюль Симонъ. Для иллюстраціи этихъ положеній проф. Чупровъ приводитъ нѣсколько историческихъ справокъ, свидѣтельствующихъ о связи между степенью распространенности образованія и размѣрами промышленныхъ успѣховъ.

Въ Англіи Форстеровскій актъ 1870 г. впервые призналъ за государствомъ обязанность снабжать страну школами, до тѣхъ поръ лежавшую исключительно на мѣстныхъ общинахъ. Благодаря этой реформѣ, число школъ въ Англіи и Уэльсѣ, равнявшееся въ 1870 г. 8,281, поднялось въ 1882 г. до 18,000, а въ 1889 г. — до 19,400. Число учениковъ, посѣщавшихъ школу, съ 1.152,000 въ 1870 году поднялось въ 1889 году до 4.308,000, въ числѣ которыхъ было 2.228,000 мальчиковъ и 2.079,000 дѣвочекъ. Такъ какъ населеніе Англіи и Уэльса исчислялось въ 1889 году въ 26 милл. чел., то число учащихся составляло 161 чел. на 1,000 жителей. Ежегодный расходъ на школы, равнявшійся въ 1872 г. 1.980,000 фунт. стерл., поднялся къ 1889 г. до 8.500,000 фунт. стерл., т.-е. составлялъ на наши деньги около 80 милліоновъ руб. Громадныя усилія, сдѣланныя Англіей въ послѣднія десятилѣтія для расширенія народнаго образованія, не пропали даромъ; они замѣтнымъ образомъ отразились на богатствѣ страны и благосостояніи ея жителей.

Въ теченіе 30 лѣтъ доходъ жителей Великобританіи возросталъ постоянно и непрерывно, но прогрессія возростанія была быстрѣе въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, нежели въ первое пятнадцатилѣтіе. За

время съ 1855 г. по 1870 г. средній ежегодный доход жителя Великобританіи увеличился на 2,9 ф. стерл., а за время съ 1870 по 1885 годъ—на 3,5 ф. ст. Огромный приростъ имущества и дохода Великобританіи объясняется, —говоритъ авторъ статьи,—разнообразными причинами; но если мы сосредоточимъ вниманіе на приведенныхъ цифрахъ, то не можемъ не сопоставить ихъ съ движеніемъ образованія. Перемены въ торгово-промышленной политикѣ, столь значительно усилившія промышленное могущество Великобританіи, постройка желѣзныхъ дорогъ и развитіе пароходныхъ сообщеній, —все это было дѣломъ предшествующихъ поколѣній, все это успѣло обнаружить свое вліяніе раньше 1870 года, а, между тѣмъ, особенно быстрый ростъ богатства приходится на время съ 1870 года. Не естественно ли предположить, что это ускореніе темпа народно-хозяйственной дѣятельности должно быть поставлено на счетъ того новаго крупнаго фактора, который привзошелъ въ это время въ англійскую жизнь, именно на счетъ громаднаго, небывалаго раньше, развитія народнаго просвѣщенія, —развитія, благодаря которому Англія, еще такъ недавно отстававшая отъ другихъ народовъ, въ какія-нибудь двадцать лѣтъ не только сравнялась съ ними, но даже обогнала ихъ?

Величайшія усилія по части образованія сдѣланы въ теченіе послѣдняго поколѣнія во Франціи. По окончаніи войны въ 1872 г., во Франціи существовало 70,000 школъ и 4.700,000 учениковъ, что давало около 120 человекъ на 1,000 жителей; ежегодные расходы государства на школы не превышали въ то время 53 милл. фр. По переписи 1872 года, 36% населенія не могли ни читать, ни писать, вполнѣ же знали грамоту только 52% населенія. Республиканское правительство дѣятельно принялось за школы съ первыхъ же годовъ существованія. Изъ законовъ, касающихся народнаго образованія, заслуживаетъ вниманія назначеніе крупныхъ субсидій общинамъ на построеніе школьныхъ зданій, на правительственные пособия, достигшія къ концу 1888 года громадной суммы въ 527 милл. фр.; выстроено вновь или перестроено болѣе 20,000 училищныхъ помѣщеній съ среднею стоимостью до 30,000 фр. каждое. Кроме того, за это время правительство сдѣлало обязательнымъ и бесплатнымъ начальное обученіе, регламентировало школы ручного труда, увеличило содержаніе учителей, устроило множество школьныхъ библиотекъ. Подъ вліяніемъ перечисленныхъ мѣръ, число школъ съ 1872 года увеличилось на 11,000, число учащихся — болѣе тѣмъ на 1.000,000 человекъ, составивъ въ 1889 году 5.623,000 человекъ, что даетъ 146 учениковъ на 1,000 жителей; изъ всего числа учащихся 2.833,000 составляютъ мальчики, а 2.780,000 дѣвочки. Ежегодные расходы на школы поднялись къ 1888 году до 154 милліона франковъ, въ числѣ которыхъ 77 милл. франковъ составляли субсидіи государства. Безграмотность почти исчезла; доля лицъ, которыя не могли подписать своего имени на брачномъ контрактѣ, и число безграмотныхъ новобранцевъ при приѣмѣ въ военную службу спустилось до 10%, да и то лишь въ среднемъ выводѣ для всей Франціи, во множествѣ же департаментовъ доля неграмотныхъ не превышаетъ 2—3%. Что мудренаго, —говоритъ авторъ,—что при такихъ условіяхъ богатство Франціи растетъ, несмотря на страшныя опустошенія минувшей войны, на огромную контрибуцію, на тяжкое бремя военнаго бюджета и государственныхъ долговъ. Особенно ясно выражается поднятіе богатства въ огромномъ приростѣ операций сберегательныхъ кассъ. Въ 1869 году цифра сбереженій въ обыкновенныхъ кассахъ равнялась 711

милл. фр., въ 1880 году она дошла до 1,280 милл. фр., а къ 31 декабря 1890 г. въ 546 кассахъ она составляла 3,052 милл. фр. Число вкладныхъ книжекъ въ 1869 г. равнялось 2.130,000, въ 1880 году — 4.841,000, въ 1890 г.—5.948,000. Средняя цифра сбереженія на одну книжку: въ 1869 г.—334 фр., въ 1880 г.—333 фр., въ 1890 г.—513 франковъ. Къ приведенной цифрѣ сбереженій нужно еще прибавить около 1,000 милл. фр., собранныхъ въ почтовыхъ кассахъ.

Все, что сдѣлано по части образованія въ Европѣ, блѣднѣетъ передъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

Въ 1889 г. въ Соединенныхъ Штатахъ на 62 милл. населенія имѣлось 216,000 школъ, въ которыхъ обучалось 13.325,000 человекъ; изъ этого числа 12.900,000 чел. находилось въ низшихъ школахъ, 668,000 чел. въ среднихъ и 126,000 чел. въ высшихъ. При сопоставленіи числа учащихся въ начальныхъ школахъ съ населеніемъ, получается 208 чел. на 1,000 жителей, — отношеніе, котораго нельзя встрѣтить ни въ какой иной странѣ міра. Ежегодныя издержки на содержаніе школъ достигали 132 милл. долл., т.-е. около 265 милл. руб., что составляетъ на душу населенія 2 долл. 17 цент. или около 4 р. 35 к.

О развитіи народнаго богатства имѣются въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, нежели въ какомъ бы то ни было иномъ государствѣ, благодаря цензамъ, которые производятся черезъ каждыя десять лѣтъ и обнимаютъ не только населеніе, но и всѣ виды имущества и дохода. Послѣдній цензъ былъ произведенъ въ іюнѣ 1890 г., и результаты его еще не опубликованы, такъ что полнаго учета увеличенія богатства, происшедшаго въ періодъ съ 1880 по 1890 годъ, сдѣлать пока нельзя. Но, судя по тѣмъ даннымъ, которыя до сихъ поръ попали въ печать, успѣхи Соединенныхъ Штатовъ за послѣднее десятилѣтіе поразительны и превосходятъ все, что имѣло мѣсто до тѣхъ поръ. Во всякомъ случаѣ, подъемъ богатства далеко превосходитъ приращеніе числа жителей, которыхъ въ 1890 г. прибавилось противъ 1880 г. 13 милл. человекъ, такъ что теперь въ штатахъ насчитывается уже 63 милл. человекъ. Населеніе выросло за десять лѣтъ на 26%; ежегодный приростъ на 2½ процента громаденъ, ни одна изъ европейскихъ странъ не представляетъ ничего подобнаго; однако, возрастаніе богатства шло въ еще болѣе быстрой прогрессіи.

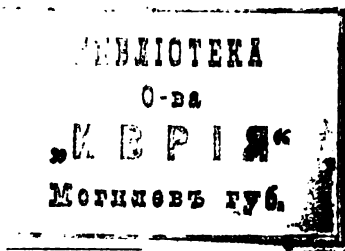
Обращаясь къ нашему отечеству, мы точно попадаемъ въ новый міръ. Тогда какъ въ приведенныхъ выше государствахъ школа привлекаетъ къ себѣ почти все населеніе въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ, у насъ въ учебныя заведенія попадаетъ едва ли одна шестая доля его. Въ 1886 году, по свѣдѣніямъ центрального статистическаго комитета, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи числилось 39,000 школъ, въ которыхъ обучалось 1.570,000 мальчиковъ и 455,000 дѣвочекъ; общее число обучавшихся было равно 2.025,000 чел. Такъ какъ населеніе 50 губерній равнялось въ томъ году приблизительно 82 милл. чел., то число учениковъ начальныхъ школъ составитъ у насъ около 25 чел. на 1,000. Если на возрастъ отъ 7 до 14 лѣтъ положимъ около 18% всего населенія, то вышепоименованная цифра учениковъ начальныхъ школъ составитъ, примѣрно, отъ 1/6 до 1/7 части школьнаго населенія. Столь малое развитіе школьнаго дѣла представляется естественнымъ, если мы примемъ во вниманіе незначительность расходовъ нашей страны на начальное народное образованіе. Изъ государственнаго бюджета было назначено у насъ въ 1892 году на содержаніе уѣздныхъ городскихъ и народныхъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и се-

минарий около 5 милл. рублей. Кроме того, земствами расходуется на тот же предмет, по данным середины 80-х годов, приблизительно 4 милл. руб. и около той же суммы—городами и сельскими обществами. Таким образом, общий итог расходов на начальное образование составит у нас около 13 милл. руб. Эта цифра дает въ среднемъ 17 коп. на жителя Европейской Россіи, тогда такъ въ Соединенныхъ Штатахъ тратится на школьное дѣло среднимъ числомъ 4 р. 65 к., въ Англии—3 руб., во Франціи—около 2 руб. на душу населенія. При столь ничтожныхъ средствахъ къ образованію мы естественно встречаемъ въ нашей странѣ почти поголовную безграмотность. Точныя свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ имѣются у насъ лишь относительно нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ, гдѣ земствами произведены были подворные переписи. Оказывается, что даже въ самыхъ просвѣщенныхъ губерніяхъ безграмотность поразительна. Такъ, въ крестьянскомъ населеніи Московской губерніи, по земской переписи 1883 года, процентъ грамотныхъ мужчинъ оказался всего 27%, а женщинъ—5%. Въ Тверской губерніи въ 1878 г. было насчитано грамотныхъ мужчинъ лишь 17%, а грамотныхъ женщинъ менѣе 2%. Даже въ столицахъ, которыя вообще считаются центрами просвѣщенія, у насъ удивительно великъ процентъ безграмотныхъ. Въ Москвѣ, по переписи 1882 г., неграмотныхъ мужчинъ оказалось 43%, а неграмотныхъ женщинъ 61%. Если, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, мы обратимся къ приближительнымъ признакамъ, которые предлагаются статистикой, для сужденія о распространенности образованія, то увидимъ столь же неутѣшительные результаты. Тогда какъ въ Швеціи и Даніи при приѣмѣ въ военную службу вовсе не встрѣчается неграмотныхъ, а въ Германіи и Швейцаріи бываетъ ихъ не болѣе 2%, у насъ, въ среднемъ за 10 лѣтъ, съ 1874 по 1884 годъ, согласно даннымъ, опубликованнымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, принято было 77% неграмотныхъ новобранцевъ. За десятилѣтіе съ 1874 по 1884 годъ доля неграмотныхъ новобранцевъ уменьшилась всего на 4%, спустившись съ 78 до 74%.

Для Россіи мы не владѣемъ такими данными о народномъ доходѣ и состояніи промышленности, какія имѣются въ государствахъ Запада. Но достаточно даже свѣдѣній, находящихся въ распоряженіи нашей статистики, а еще болѣе непосредственнаго наблюденія надъ совершающимся вокругъ, чтобъ убѣдиться, что ростъ нашей промышленности совершенно несоизмѣримъ съ явленіями, какія мы наблюдали на Западѣ. Если мы возьмемъ данныя о состояніи нашего главнаго промысла, земледѣльческаго, то увидимъ, что въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ въ немъ незамѣтно почти никакого прогресса. Такъ, средней сборъ хлѣбовъ, за вычетомъ сѣмянъ, составлялъ: въ періодъ съ 1856 по 1863 г.—152 милл. четвертей, въ періодъ съ 1870 по 1877 г.—179 м. четв.; въ періодъ съ 1883 по 1887 г.—218 м. четв. Сравнивая эти цифры съ числомъ населенія, получимъ, что въ періодъ 1870—1874 гг. средний чистый сборъ хлѣба на душу (за вычетомъ сѣмянъ) составлялъ 2,64 четв., за 1875—1879 г.—2,50 четв., въ 1883—1887 г.—2,61 четв. Такимъ образомъ, по сравненію съ населеніемъ, сборъ хлѣбовъ за два почти десятилѣтія остался безъ измѣненія. Скотоводство въ нашей странѣ хотя абсолютно возрастаетъ, но по отношенію къ населенію уменьшается. Такъ, если мы возьмемъ для Европейской Россіи сумму лошадей и рогатаго скота, а мелкій скотъ переведемъ въ крупный по расчету 10 штукъ за одну голову крупнаго скота, то получимъ слѣдующія цифры головъ скота: въ 1851 г.—44,8 м., въ 1864 г.—

45,8 м., въ 1876 г.—46,9 м., въ 1883 г.—50,9 м., въ 1888 г.—54,7 милл. Сопоставляя означенныя цифры съ населеніемъ (которое равнялось въ тѣ же годы для Европейской Россіи—51 м. чел., 61,4 м., 71,1 м., 78,6 м., 85,4 м. чел.), получимъ въ среднемъ на 100 человекъ слѣдующія цифры головъ скота: въ 1851 году—87,8 гол., въ 1864 г.—74,6 гол., въ 1876 г.—68,5 гол., въ 1883 г.—64,7 гол., въ 1888 г.—64 головы.

Есть, конечно, не мало причинъ, тормозящихъ развитіе русскаго народнаго хозяйства, но въ числѣ ихъ мы должны поставить на самомъ видномъ мѣстѣ ту почти повальную безграмотность, которая такъ рѣзко отличаетъ наше отечество отъ всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ странъ. Какъ дойдетъ до нашего земледѣльца и селскаго промышленника идея о какомъ-либо улучшеніи, когда ему недоступно основное орудіе для распространенія идей—грамота? У насъ слишкомъ часто ссылаются на неблагоприятныя условія нашей общественности, какъ на причину хозяйственныхъ неустойствъ. Конечно, эти вліянія важны, но кто же можетъ передѣлать ихъ, какъ не сами же люди, отъ нихъ страдающіе? Если образованіе, такъ заключилъ свою лекцію проф. Чупровъ, не создастъ въ этихъ людяхъ потребности въ лучшей обстановкѣ жизни и не укажетъ средствъ ея достигнуть, то большинство будетъ еще долго томиться въ нищетѣ, а меньшинство, проникнутое желаніемъ улучшить его судьбу, будетъ бесплодно тратить свои силы и средства, а, между тѣмъ, дѣло улучшеній не подвинется ни на шагъ. Для того, чтобы благородныя усилія лучшихъ людей страны встрѣтили для себя подготовленную почву, образованіе, хотя бы въ самомъ элементарномъ его видѣ, должно нѣсколько встряхнуть природную косность ума и возбудить запросы лучшаго. Не нужно забывать, что единственный способъ для борьбы съ бѣдностью заключается въ увеличеніи производительности труда, для чего вѣрнѣйшій путь—знаніе и образованіе.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 апрѣля по 1 мая 1893 г.

- Грековъ, Ѳ. В. Методика обученія письму (каллиграфія и рукопись), съ приложеніемъ образцовъ для обученія, въ 5-ти частяхъ. Москва, 1891 г. 127 in 8.
- Гурина, Г. И. Стальная корова, какъ ходить за ней и какъ помогать ей при телевіи. Изд. В. Я. Мурнинова. Москва, 1893 г. 68 in 16.
- Ландольтъ, Ѳ. Горные потоки, свѣжныя лавины, каменные осипы и средства къ уменьшенію поврежденій, причиняемыхъ ими. (Съ 19 литографированными таблицами). Пер. М. Уозьсона. Тифлисъ, 1893 г. VII+150 in 8.
- Вармингъ, Д-ръ. Систематика растений. Пер. С. Ростовцева и М. Голенкина. Съ предисловіемъ профессора К. А. Тимирязева. 645 политнажей. Изд. Н. И. Маковцова. Москва, 1893 г. Ц. 5 р. VIII+624 in 8.
- Нефедовъ, Ф. Перевозчикъ Ваяшка. Разсказъ. Изд. И. Ѳ. Жаркова. Москва, 1893 г. Ц. 3 к. 32 in 16.
- Przywicki, Ludwik. Ludy. Zagryz antropologii etnicznej. Warszawa, 1893. 431 in 8.
- Дмитріевъ, Д. А. Муха. Случай изъ жизни въ сибирскихъ гѣсахъ. Изд. И. Ѳ. Жаркова. Москва, 1893 г. Ц. 3 к. 24 in 16.
- Шейминъ, П. Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Особенная часть. Вып. V. Одесса, 1893 г. Ц. 30 к. 61 in 8.
- Пергаментъ, О. Галилео Галилей, его жизнь и научная дѣятельность. Критико-биографическій очеркъ. Одесса, 1893 г. 27 in 8.
- Шиллеръ, Фридрихъ. Смерть Валленштейна. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изд. Гроспичъ. Москва, 1893 г. XV+173 in 8.
- Шиллеръ, Фридрихъ. Тридцатилѣтняя война. Изд. Гроспичъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. IV+265 in 8.
- Вебба, Сидней, и Коксъ, Гарольдъ. 8-ми-часовой рабочей день. Пер. и изд. Д. Л. Муратова. Москва, 1891 г. Ц. 1 р. 60 к. 312 in 8.
- Ковалевскій, П. И. Иоаннъ Грозный и его душевное состояніе. Харьковъ, 1893 г. 202 in 16.
- Трудъ комиссіи по описанію имѣній, состоящей при кievскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. Вып. I-й. Кіевъ, 1892 г. 231 in 8.
- Костычевъ, П. О борьбѣ съ засухами въ черноземной области посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ снѣга. Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 83 in 8.
- Петрученко, О. Латвиско-русскій словарь. Изд. В. Думнова подъ фирмой „Послѣдники бр. Самаянхъ“. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 75 к. 990 in 8.
- Ризположенскій, Р. Естественно-историческое описаніе Рождественскаго имѣнія наследниковъ М. Г. Ушковой, находящагося въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. I. Геологическій очеркъ. Казань, 1893 г. 52 in 8.
- Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности. Части 1-я и 2-я. Цѣна каждой части отдѣльно 1 р. Спб., 1893 г. VIII+242; V+234 in 8.
- Зелинскій, Николай. Научное значеніе химическихъ работъ Пастѣра. (Рѣчь въ юбилейный день Пастѣра). Одесса, 1893 г. XXVII in 8.
- Десятилѣтію народныхъ чтеній въ г. Одессѣ (1882—1892 гг.). Одесса, 1893 г. 22 in 8.
- Отчетъ о дѣятельности совѣта одесскаго общества для борьбы съ пьянствомъ за 1892 г. Одесса, 1893 г. 34 in 8.
- Отчетъ правленія одесскаго славянскаго общества имени свв. Кирилла и Меодія за 1892 г. Одесса, 1893 г. 63 in 8.
- Розенталь, И. Пиво и водка и ихъ значеніе для народнаго здоровья. Спб., 1893 г. Изд. К. Л. Риккера. 56 in 8.
- Вонлярлярскій, В. М. Изъ воспо-

- мнѣній ординарца о войнѣ (1877—1878 гг.). Сиб., 1893 г. Ц. 20 к. 32 in 8.
- Рабиновичъ, Б.** Что дѣлаетъ баронъ Гаршъ? Одесса, 1893 г. 47 in 8.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психология. Пер. М. Мясославскаго, подъ редакціей В. Ф. Чажа. Съ 21 рисунками въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1893 г. Ц. 75 к. 190 in 8.
- Бахтиаровъ, А.** Слуги печати. Очерки книгопечатнаго дѣла. Съ рисунками на отдѣльныхъ листахъ. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р. 262 in 16.
- Лапинъ, В.** Въ интересахъ нашего юншества. Владивостокъ, 1892—1893 г. 48 in 8.
- Гарбель, А., и К^о.** Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 66-й. Москва, 1893 г. Ц. 40 к. in 8.
- Holländer, L., и друг.** Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Т. II-й. Вып. 4-й (листы 16—20). Изд. Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1893 г. in 8.
- Шперкъ, Фёдоръ.** Система Спивно-ыхъ. Сиб., 1893 г. 80 in 8.
- Первая молитва Джесвики.** Разсказъ для дѣтей. Пер. съ англійскаго. М. Д. Михайловой. Изд. М. М. Ледерле и К^о. Сиб., 1893 г. Ц. 65 к. 64 in 8.
- Журеть-Белль, Ш.** (Бронте - Шарлотта). Дженни-Эйръ. Романъ - автобіографіи. Пер. В. Д. Владимірова. Изд. М. М. Ледерле. Сиб., 1893 г. Ц. 80 к. 590 in 16.
- Смирновъ, А. П.** Отецъ Алексій. Разсказъ. Рисунки барона М. П. Клодта. Изд. М. М. Ледерле. Сиб., 1893 г. Ц. 10 к. 48 in 16.
- Ауэрбахъ, Бертольдъ.** Шварцвальдскіе разсказы. Т. I-й Босоножка. Пер. Л. П. Шелгуновой. Изд. М. М. Ледерле. Сиб., 1893 г. Ц. 40 к. 201 in 16.
- Моя Библіотека.** Фламандскія народныя сказки. Пер. А. Н. Галибинъ. Изд. М. М. Ледерле. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к. 387 in 16.
- Бьернстjerne-Бьернсонъ.** Леонарда. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. съ датскаго Н. Г. Гавзева. Изд. М. М. Ледерле, Сиб., 1893 г. Ц. 40 к. 66 in 16.
- Никоновъ, А. А.** Монтеस्कѣ, его жизнь и учено-литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1893 г. Ц. 25 к. 79 in 16.
- Мижужева, П. Г.** Вильямъ Гладстонъ. Изд. М. М. Ледерле. Сиб., 1893 г. 39 in 16.
- Порозовская, Б. Д.** Людвигъ Бёрне, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова Сиб., 1893 г. Ц. 25 к. 96 in 16.
- Савицкій, Ф. Е. И. С.** Никитинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1893 г. Ц. 25 к. 78 in 16.
- Абрамовъ, Я. В.** Стефенсонъ и Фултонъ, ихъ жизнь и изобрѣтенія. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1893 г. Ц. 25 к. 78 in 16.
- Блокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. Н. М. Дементьевой, съ 33 рисунками. Изд. журнала *Вѣстникъ Воспитанія*. Ц. 1 р. 50 к. Москва, 1893 г. 160 in 8.
- Страховъ, Н.** Бракъ, разматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія. Харьковъ, 1893 г. Ц. 1 р. 75 к. IV+326 in 8.
- Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ** (основаю 4 октября 1878 г.). Отчетъ 1891—1892 г. Сиб., 1893 г. 80 in 8.
- Страховъ, Н.** Очеркъ исторіи философіи въ древнѣйшихъ временахъ философіи до настоящаго времени. Харьковъ, 1893 г. Ц. 65 к. 165 in 8.
- Мосо, Анджело.** Усталость. (La Fatica). Съ 30-ю рисунками въ текстѣ. Пер. М. М. Манасена. Ц. 1 р. 25 к. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1893 г. 316 in 8.
- Крыловъ, Евстафій.** Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Вып. III. Москва, 1893 г. Ц. 65 к. VIII+152 in 8.
- Выжниковичъ, В. И.** Леченіе домашнихъ животныхъ. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1893 г. Ц. 10 к. 48 in 8.
- Дюбарро, К.** Сборникъ легкихъ и занимательныхъ разсказовъ для перевода съ русскаго на французскій языкъ. Изд. княж. маг. „Другъ школы“. Москва, 1893 г. Ц. 60 к. 76 in 8.
- Сазоновъ, Г. П.** Обзоръ дѣятельности земствъ по народному продовольствію (1866—1892 гг.). Изд. хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Т. I — V+511; т. II—494+XVIII+VII in 8. Сиб., 1893 г. Цѣна за 2 тома 4 руб.
- Доттенъ, Т.** Морская болѣзнь и ея леченіе. Пер. и изд. Д. Л. Муратова. Москва, 1893 г. Ц. 30 к. 63 in 16.
- Игрекъ, г-жа.** (Отвѣтъ Вс. Соловьеву). Е. П. Блаватская и современный жрець истины. Сиб., 1893 г. Ц. 50 к. 177 in 16.
- Ш—въ, А.** Іоанна д'Аркъ. Фантазія на современныя темы. Москва, 1893 г. 36 in 8.
- Сикорскій, И. А.** Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи. Кіевъ, 1893 г. 46 in 8.
- Ребьеръ, А.** Курсъ элементарной тригонометрии и собраніе примѣровъ и упражненій. Пер. Н. де-Жоржъ. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 218+V in 8.

- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія. Пер. В. Рандева. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 80 к. Сиб., 1893 г. 344 in 16.
- Врандесъ, Эдуардъ.** Гость. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Пер. Петра Гавзена. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 15 к. 40 in 8.
- Чеховъ, А. П.** Именинн. Разсказъ. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 20 к. 40 in 8.
- Рева, И. М.** Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к. 62 in 8.
- Цѣшковскій, А., графъ.** Кредитъ и оборотныя его средства. Пер. подъ редакціей К. В. Трубинкова. Сиб., 1893 г. Ц. 2 р. LI+272 in 8.
- Костромское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ.** Кострома, 1893 г. 70 in 8.
- Станюковичъ, К. М.** Безъ исхода. Романъ. Изд. 2-е. Изд. М. В. Попова. Сиб., 1893 г. Ц. 2 р. 588 in 8.
- Войсловъ, С.** Уходъ за паровыми котлами и машинами. 2-е исправленное и дополненное изданіе съ 18 рисунками. Изд. К. Л. Риккера. Сиб., 1893 г. 122+XXIV in 8.
- Отчетъ совѣта общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи за 1892 годъ.** Н.-Новгородъ, 1893 г. 64 in 8.
- Уставъ гражданскаго судопроизводства.** Изд. неофициальное. Сиб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. XIV+586 in 16.
- Свѣтъ Божій, общедоступный курсъ міровѣдѣнія.** Пер. съ англо-русскаго. 6-е изданіе, съ 65-ю рисунками. Изд. Павленкова. Сиб., 1893 г. 90 in 8.
- Труды 2-го съѣзда агрономическихъ смотрителей вятскаго губернскаго земства (1—22 ноября) 1892 г.** Изд. вятскаго губернскаго земства. Вятка, 1893 г. 197 in 8.
- Записки Императорскаго Харьковскаго университета.** 1893 г. Книга I. Харьковъ, 1893 г. in 8.
- Ученныя записки Императорскаго Юрьевскаго университета.** № I. Юрьевъ, 1893 г. in 8.
- Столыпинъ, Д.** Нѣсколько словъ о политическихъ и общественныхъ формахъ. Наша община. Москва, 1893 г. Ц. 5 к. 22 in 8.
- Столыпинъ, Д. А.** Очерки философіи въ науку. Кн. I: IV+210. Ц. 60 к. Кн. II: VI+166; кн. III: III+168; in 8. Цѣна каждой книги 40 к. Москва, 1893 г.
- Лозинскій, А. А., д-ръ.** Гомеопатія по ученію ея авторитетовъ. Сиб., 1893 г. Ц. 75 к. 97 in 8.
- Буринскій, В. Ѡ.** Дагерръ и Нівенсъ, ихъ жизнь и открытія въ связи съ исторіей развитія фотографіи. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1893 г. Ц. 25 к. 80 in 16.
- Шпаковичъ, Н. В.** Ключъ къ рѣшению арифметическихъ задачъ на всѣ „правила“. Кіевъ, 1893 г. 87 in 8.
- Коновенко, М. С.** Калгива-кобзарь. (Баллада). Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к. 35 in 8.
- Липранди, А. П. (Волынецъ, А.).** „Отторженная возвратныхъ“. Паденіе Польши и воссоединеніе Западнорусскаго края. Сиб., 1893 г. 80 in 8.
- Павоне, К.** Гигіена верныхъ страданій у дѣтей. Изд. и пер. Н. Девенберга. Одесса, 1893 г. Ц. 50 к. 84 in 8.
- Кальнингъ, И.** Комментарій къ четвертому изданію російской фармакопек. Томъ I, вып. V. Москва, 1893 г. in 8.
- Квашининъ-Самаринъ, Н.** Энеида Вергилія. Сиб., 1893 г. Ц. 2 р. VI+305 in 8.
- Фортунаговъ, Алексѣй.** Урожай ржи въ Европейской Россіи. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. IV+253 in 8.
- Созоновичъ, И.** Ленора Бюргера и родственныя ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Варшава, 1893 г. 251 in 8.
- Лейкинъ, Н. А.** Кусокъ хлѣба. Поэзія для взрослыхъ. Москва, 1893 г. 125 in 16.
- Сборникъ разсказовъ.** Москва, 1893 г. 53 in 16.
- Малымъ ребятамъ.** Книжка третья. Разсказы и стихи. Москва, 1893 г. 36 in 16.
- Въ чемъ правда?** Сборникъ разсказовъ для юношества. Москва, 1893 г. 89 in 16.
- Пантюховъ, И. И.** Антропологическія наблюденія на Кавказѣ. Тифлисъ, 1893 г. 152 in 8.
- Wieklow, S.** Travaux statistiques des chemistes russes. Paris, 1893 г. 40 in 8.
- Фебергъ.** Очеркъ финансовой науки. Пер. А. Свищевскаго. Ярославль, 1893 г. Ц. 1 р. 75 к. X+298 in 8.
- Каррикъ, Джорджъ.** Гомеопатія, какъ ученіе и ученіе. Сиб., 1893 г. XXIII+47 in 8.
- Высоцкій, Н. Ѡ.** Въ виду возможности новаго появленія холеры. Что сдѣлать у насъ въ Казани для ея предупрежденія и что слѣдуетъ сдѣлать? Казань, 1893 г. Ц. 30 к. 50 in 8.
- Юрасовскій, А.** О дѣлахъ законныхъ, незаконныхъ, узаконенныхъ и усмиренныхъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к. 101 in 8.
- Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Податскаго губерніи.** Томъ XI. Кобелевскій уѣздъ. Томъ XIII. Лохвицкій уѣздъ. Изд. податскаго губернскаго земскаго управленія. Полтава, 1892 г. in 4.
- Хемницеръ, И. И.** Избранія басни (1745—1784). Изд. И. Ѡ. Жаркова. Москва, 1893 г. Ц. 5 к. 48 in 16.
- Измайловъ, А. Е.** Избранія басни (1779—1831). Изд. И. Ѡ. Жаркова. Москва, 1893 г. Ц. 5 к. 37 in 16.

Дмитріевъ, И. И. Избранныя басни (1760—1887). Изд. И. О. Жиркова. Москва, 1893 г. Ц. 5 к. 28 in 16.

Ч—въ, В. Злая забава. Мысли объ охотѣ. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 15 к. 24 in 8.

Шевченко, Тарасъ. Наймичка. Поэма. У Львові, 1893 г. 16 in 8.

Кудринскій, О. Божій часть. (Изъ недавняго прошлаго). Изд. журн. *Кіевская Старина*. Кіевъ, 1892 г. 18 in 8.

Кудринскій, О. Судьба эвзарка Никфора въ Западной Россіи. (Историческій очеркъ). Кіевъ, 1892 г. 39 in 8.

Кудринскій, О. Оадей Чапкій. Изд. ред. журнала *Кіевская Старина*. Кіевъ, 1893 г. 27 in 8.

Гаршинъ, Евгений. Русская литература XIX вѣка. Опытъ новѣйшей русской словесности въ біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Томъ I, вып. II. Спб., 1893 г. Ц. 75 к. 191 in 8.

Суворовъ, Н. С. Къ вопросу о западномъ вліяніи на древнее русское право. Ярославль, 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. VII+388+XVI in 8.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XI. Изд. К. К. Банза. Москва, 1893 г. in 8.

Коменскій, Янъ Амосъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Часть I. Великая дидактика. Пер. Андрея Адольфа и Сергія Лубомудрова. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. XXVI+308 in 8.

Ратьковъ-Рожновъ, М. А. Свѣдѣнія о финансовомъ положеніи петербургскаго городского общественнаго управленія съ 1881 по 1893 годъ. Спб., 1893 г. 69 in 8.

Шершеневичъ, Г. Ф. Наука гражданскаго права въ Россіи. Казань, 1893 г. Ц. 2 р. 243 in 8.

Ежегодникъ. Опытъ обзора книгъ для народнаго чтенія. Изд. московскаго комитета грамотности. Москва, 1893 г. Ц. 15 к. 107 in 8.

Кингсфордъ, Анна. Научныя основанія вегетаріанства или безубойнаго питанія. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 30 к. 93 in 8.

Никольскій, Вл. Объ индивидуальности по матеріалу изъ теоретической и практической медицины съ введеніемъ къ изученію индивидуальности. Варшава, 1893 г. 324+LXVI in 8.

Стефановскій, О. К. Матеріалы для изученія свойствъ „голоднаго“ хлѣба. Казань, 1893 г. 284 in 8.

Мысль. Списание за наука, литература и критика. Апрель. Софія, 1893 г. in 8.

Уильямсъ, Хауардъ. Этима пищи или нравственнаго основанія безубойнаго питанія для человѣка. Со вступительной статьей „Первая ступень“ Льва Николаевича Толстого. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 354 in 8.

Бекетовъ, А. Н. Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 10 к.

Противъ пьянства. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 15 к. 40 in 8.

Кольбе, В. Ю. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. Съ 75 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к. VIII+140 in 8.

Веранже. Полное собраніе пѣсенъ. Вып. XIX, подъ редак. Т. Ф. Тхоржевскаго. Тифлисъ, 1893 г. Ц. 20 к. in 4.

Потапенко, И. Н. Проклятая слава. Рассказъ. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 15 к. 31 in 8.

Альгрень, Эрнстъ. Деньги. Романъ. Пер. В. С. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 60 к. 175 in 8.

Воборыкинъ, П. Д. Трупъ. Рассказъ. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 20 к. 48 in 8.

Чеховъ, А. П. Жена. Рассказъ. Изд. „Посредника“. Москва, 1893 г. Ц. 25 к. 56 in 8.

Яковлевъ, О. Д. Крестоносцы. Чтеніе въ семьѣ и школѣ. Историческій очеркъ. Спб., 1893 г. Ц. 75 к. VIII+194 in 8.

Лефферъ, А. К. Софья Ковалевская. Пер. М. Лучицкой. Изд. редакціи журнала *Современный Выступилъ*. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. II+315 in 8.

Давыдовъ, И. А. Бетховенъ, его жизнь и музыкальная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 78+16 in 8.

Сабинаина, М. В. Давидъ Юмъ, его жизнь и философская дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 79 in 8.

Литвинова, Е. О. В. Я. Струве, его жизнь и ученая дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. 78 in 8.

Сементковскій, Р. И. Е. Ф. Канриль и его государственная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. 94 in 8.

Степовичъ, А. Рассказы. Литературно-научный сборникъ рассказовъ и статей по славяновѣднію. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. IX+224 in 8.

Ибсенъ, Генрихъ. Счастливецъ. (Строитель Сольнесъ). Пер. П. Гавлена. Изд. Я. Бермана. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. 117 in 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: „Жена“. <i>Ам. П. Чехова.</i> —„Моя библиотека“. <i>Изд. М. М. Ледерле</i>	213
Публицистика: „Современныя задачи нравственнаго воспитанія“. <i>Проф. К. Н. Яроша</i>	216
Исторія: „Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества“.—„Архивъ князя <i>Ө. А. Куракина</i> “. — „Историческіе очерки и рассказы“. <i>С. Н. Шубинскаго.</i> —„Русская историческая библиографія“. <i>В. И. Межова.</i> —„Исторія эллинизма“. <i>Дройзена.</i> —„Исторія французской революціи“. <i>И. Карно.</i>	219
Статистика: „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежск. губ.“.—„Памятная книжка Псковской губ. на 1893 г.“.—„Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ, Воронежской губ.“. <i>И. В. Веретенникова</i>	224
Юридическія книги: „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“.—„ <i>Les transformations du droit</i> “, <i>par G. Tarde.</i> —„Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи“. <i>Е. Альбицкаго и А. Ширена.</i>	229
Сельское хозяйство: „Почвы и меліораціи ихъ“. <i>М. И. Трухановскаго.</i> —„Почвы Казанской губ.“. <i>Р. Рытоложскаго.</i> — „О необходимости и значеніи почвенныхъ изслѣдованій“. <i>Ею же.</i>	238
Медицина: „Неврологическій Вѣстникъ“	239
Естествознаніе: „Жизнь животныхъ“. <i>А. Э. Брама.</i> —„Основы ботаники“. <i>Д-ра Варжита.</i>	241

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, <i>апрѣль.</i> —„Русское Богатство“, <i>мартъ.</i> —„Сѣверный Вѣстникъ“, <i>апрѣль.</i> —„Міръ Божій“, <i>апрѣль.</i>	243
--	-----

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 апрѣля по 1 мая 1893 г.

Торговый Домъ
Ж. Блокъ

основанъ 1862

главная контора
МОСКВА

отдѣленія:
ПЕТЕРБУРГЪ
ОДЕССА
ВАРШАВА
КОКАНДЪ

ЕКАТЕРИНБУРГЪ

Самый обширный
 въ Россіи складъ:
ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ВѢСОВЪ * **ШВЕЙНЫХЪ**
И ПИШУЩИХЪ
МАШИНЪ

Ф. Сагень. Ф.

НОВАЯ СЕРІЯ ИЗДАНИЙ „ПОСРЕДНИКА“ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

- II. Противъ пьянства. Рѣчь проф. Фореля. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.
- III. Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія. Х. Уильямса. Пер. съ англ. Со статьей Л. Н. Толстою «Первая ступень». Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- IV. Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. Проф. А. Н. Бекетова. Москва, 1893 г. Ц. 10 к.
- V. Научныя основанія вегетарианства. Доктора - медицины Анны Кингсфордъ. Перев. съ англійскаго. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- VI. Злая забава. Мысли объ охотѣ. В. Ч—ва. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.
- VII. Жена. Разсказъ Антона Чехова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- VIII. Именины. Разсказъ Антона Чехова. Москва, 1893 г. Ц. 20 к.
- IX. Трупъ. Разсказъ П. Д. Боборыкина. Москва, 1893 г. Ц. 20 к.
- X. Гость. Драма Эд. Брандеса. Переводъ съ датскаго. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.
- XI. Проклятая слава. Разсказъ И. Н. Потапенка. Москва, 1893 г. Ц. 15 к.
- XII. Деньги. Романъ Альгрона. Переводъ со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- XIII. Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны *.*). Повѣсть А. В. Стернь. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- XIV. Палата № 6. Разсказъ Ант. П. Чехова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Готовятся къ печати дальнѣйшіе выпуски какъ этой серіи, такъ и книжекъ для народнаго чтенія.

ОПТОВЫЕ СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

- въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина и К^о,
у Ильинскихъ воротъ, домъ Титова;
- „ С.-Петербургѣ, въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой, Литей-
ный просп., № 60.

Вышелъ № 29 журнала.

АРТИСТЪ

Содержаніе: *Сафо*, траг. Грильпарцера. (окон.). *Золотыя розсыпи*, ром. В. М. Михеева. *Этюды по вопросамъ искусства*, А. А. Ниселева. *Сложныя формы въ искусствѣ*, ст. З. М. М. Антокольскій, ст. В. М. (со снимками съ скульптр. М. М. Антокольскаго). *Все въ прошломъ*, оч. В. Свѣтлова. *Театральный архивъ*, ст. А. Н. Сиротинина. *И. Е. Рѣпинъ*, ст. В. М. (со снимками съ карт. и рис. И. Е. Рѣпина). *День Св. Николая*, разск. А. Терье. Три отрывка изъ оперы *Фальстафъ* Верди. *Соврем. обозрѣніе*, ст. И. И. Иванова, С. Н. Кругликова и др. *Изломанные моды*, пьеса въ 4 д. Вл. А. Александрова. *Мужъ и жена*, ком. въ 5 д. О. Н. Ситѣнина. *Св. Николай*, съ картины И. Е. Рѣпина, гравюра В. В. Матэ. *Стиноза*, *Ермакъ*, *Ярославъ*, скульп. М. Антокольскаго, портр. В. Е. Мановскаго (фототипіи).

ПОДПИСНА на 1893 г.—10 р., съ перес.—12 р. Отдѣльные №№ по 2 р. Контора въ Москвѣ, Страстной бульварь, д. Адельгеймъ.

Вышелъ № 24 журнала „ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“. Содержаніе: „*Сынъ измѣнника*“, др. въ 5 д. Бальзана. *Волшебный галсъ*, ш. въ 1 д. съ пѣніемъ, А. М. Шимдгофъ (съ прилож. клавираусцуга). *Школьная пара*, карт. въ 1 д., Е. М. Бабецаго. *Зубъ*, мон. И. И. Мясницкаго. Подписна (за годъ)—8 р., съ перес.—4 р.) принимается ТОЛЬКО отъ подписчиковъ на „Артистъ“. Отдѣльные №№ по 1 руб.

ПРОСЯТЬ О ПОМОЩИ

ДЛЯ СПАСЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ СЛѢПОТЫ.

Слѣпота есть великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ въ-время сдѣланной операціи или иного рода лѣченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало специалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазами болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ канцеляріи попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у предсѣдателя совѣта статсъ-секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Загубина (департаментъ таможенныхъ сборовъ).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

Н. ФЕНУ и К^о.

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40):

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія изданія.

- Авсіенко, В. Повѣсти и рассказы. Т. I-й: Позолота, Боярская пора, Рабства, Семейныя радости. Т. II-й: Очарованіе, Миссорская сава, Зимняя ночь, Мгно-венье, Губернская Перикола, Испанскій дворянинъ. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. 2 тома. Цѣна 2 р. 50 к.
- Андреевъ, В. Наша родина и чудныя стра-ни (Краткая географія). Изд. 3-е 1893 г. Ц. 30 к.
- Аскархановъ, Н. Памятная книга для фей-ерверкеровъ крѣпостной артиллеріи. По-собіе для крѣпостныхъ учебныхъ командъ и ротныхъ школъ. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Барцевскій, В. Краткая настольная рус-ская грамматика. Киевъ, 1892 г. Цѣна 10 коп.
- Барцевскій, В. Сборникъ для полезнаго чтенія. Вып. I-й, изд. 2-е. Киевъ, 1893 г. Цѣна 20 к.
- Бевграва, Э. Уходъ за пастыою. Календарь пчеловода. Переводъ съ 7-го исправлен-наго и дополненнаго французскаго изда-нія подъ редакціей Г. П. Кондратьева. Спб. 1893 г. Цѣна 90 к.
- Веберъ, К. Канатное и веревочное произ-водство. Практическое руководство къ производству шнуровъ, бечевы, веревковъ, канатовъ, канатныхъ и шнуровыхъ рем-ней и прочихъ издѣлій канатнаго про-изводства, съ 58-ю рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.
- Веберъ, К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы, дре-вянныхъ трубъ, терракотовыхъ издѣлій и прочаго лацеваго товара для архите-ктурнаго искусства, съ атласомъ, состо-ящимъ изъ 24 таблицъ, съ 230 рисун-ками. 1893 г. Спб. Цѣна 5 р.
- Веллингъ, А. Нѣмцы въ Россіи. Очерки историческаго развитія и настоящаго по-ложенія нѣмецкихъ колоній на Югѣ и Востокѣ Россіи. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Войславъ, З. Уходъ за паровыми котлами и машинами. Руководство для машини-стовъ и котеларовъ, удостоенное преміи Императорскаго Русскаго Техническаго
- Общества. Второе исправленное и до-полненное изданіе съ 18-ю рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.
- Глѣдичъ, П. За рамной. Повѣсть. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Горбатовскій, О. Воздѣлываніе конскихъ бо-бовъ. Спб., 1893 г. Цѣна 70 к.
- Езерскій, Ф. Капитальная книга расчетли-ваго человѣка, съ календаремъ-счетоводъ на 1893 г. Ц. 60 к.
- Жуковъ, Н. Алюминій и его металлургія. Съ 40 чертежами и таблицами въ тек-стѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р.
- Кашаровъ, Д. Взгляды на политику, вой-ну, военное дѣло и военныхъ Михаила Дмитриевича Скобелева. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Ковалевская, С. Литературныя сочиненія. Съ портретомъ автора. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Кузницкій, П. "Курьеръ", практическій путеводитель для русскихъ по Европѣ, съ приложеніемъ 18 картъ и плановъ на 1893 г. Одесса, 1893 г. Цѣна 2 р. 75 к.
- Лестафъ, П. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Часть I—Школьные ти-пы (3-е изд.). Ч. II. Основныя проявле-нія ребенка (2-е изд.). Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Мольеръ. Мизантропъ. Комедія въ 5-тѣ дѣйств. въ стихахъ (1666 г.). Переводъ съ французскаго размѣромъ подлинни-ка Льва Поливанова. Съ очеркомъ жиз-ни Мольера, объяснительными статьями и съ тремя портретами. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Нейштубе, С. Производство предохра-нительнаго прививанія сибирской язвы овцамъ и другимъ домашнимъ живот-нымъ, по методѣ проф. Ценковскаго. Устройство лабораторіи для добыванія и расположенія вакцинъ. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.
- Никитенко, А. Записки и дневникъ (1826—1877 гг.). Съ портретомъ автора. 3 тома. Спб., 1893 г. Цѣна 7 р.
- секъ. Очерки нашего пореформеннаго обще-ственного хозяйства. Спб., 1893 г. Цѣ-на 2 р. 50 к.

Путешествіе въ Америку. Изъ дневника Петра А—истова All-Right. Спб., 93 г. Цѣна 60 к.

Ривъ, А. д-ръ. Учебникъ международнаго права. Переводъ П. Казанскаго, подъ ред. гр. Камаровскаго. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Рудкѣй, А. Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ. Изд. второе, исправленное и дополненное прикѣромъ плана хозяйства, съ картою. Спб., 1893 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Сафоновъ, С. Стихотворенія (1892—1893). Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Симонсъ-фонъ, Вернеръ. Мои воспоминанія (Wegner f.-Siemens: „Lebenserinnerungen“). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей М. В. Паше (съ 3 портретами). Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Старчевскій, А. Общедоступный международный переводчикъ для путешественниковъ по сѣверной, средней и южной Европѣ. На двадцати пяти языкахъ. (Всѣ иностранныя слова и фразы напечатаны русскими буквами). Спб., 93 г. Цѣна 2 р.

Франкозъ, Ж. Эскизы и композиція. Руководство для набросковъ съ натуры и составленія по нимъ законченныхъ рисунковъ, иллюстрацій и т. п. художественныхъ произведеній. Переводъ съ французскаго. Иллюстрированное изданіе съ 35-ю рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Шрекингъ, Е. Христофоръ Колумбъ. Оригинальный историческій романъ изъ эпохи открытій Америки, въ двухъ частяхъ. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Въ главномъ складѣ изданій „ПОСРЕДНИКА“

(Москва, у Страстнаго монастыря, книжн. магазинъ М. Е. Конусова) поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія:

Повѣсти и рассказы для взрослыхъ и для дѣтей: № 120: Сборникъ рассказовъ: I. *Умирающій левъ*. Вас. Немировича-Данченко. II. *На волю*. К. Баранцевича. III. *Снега*. Гюи де Монассана. IV. *Праздникъ Аюты*. А. Хирьякова. Ц. 3 коп. № 126: I. *Рождественская ночь*. II. *Счастье ревущаго стана*. Два рассказа Бретъ-Гарта. Ц. 3 коп. № 150: *Въ чемъ правда*. Сборникъ рассказовъ К. Баранцевича, И. Горбунова-Посадова, А. Барнковой, Львова, Франсуа Коппе, Андерсена и др. Ц. 5 коп. № 155. *Забитый рудникъ*. Вас. Немировича-Данченко. Ц. 3 коп.

Повѣсти и рассказы для однихъ взрослыхъ: № 118: *Злосчастная*. З. Гиппиусъ. Ц. 1½ к. № 121: *Несвиный Пруденцій*. Н. Львова. Ц. 7 к. № 124: *Жанъ, Исторія истинной любви*. Романъ Элизы Ожешко. Ц. 20 к. № 144: *Простая душа*. Б. Пруса. Цѣна 3 коп.

Для однихъ дѣтей: № 151: *Малымъ ребятамъ*. Рассказы и стихи. Книжка 3-я (съ рисункомъ на обложкѣ Елиз. Бемъ). Ц. 1½ к.

Произведенія въ стихахъ: № 144: *Прощеніе*. Драма Франсуа Коппе, переводъ А. Барнковой. Ц. 1½ к.

Поученія и избранныя мнѣнія изъ твореній духовныхъ писателей: № 153. *Душе-спасительныя наставленія Св. Василія Великаго*. Ц. 7 к.

Учебныя книжки: № 166. *Русская грамматика съ примѣрами, или какъ научиться толково и грамотно писать по-русски. Отдѣлъ первый. Звукъ*. Составилъ Я. Егоровъ. Ц. 10 к. (Школы, выписывающія не менѣе 10 экз. грамматики изъ кн. магаз. И. Д. Ситнича, Москва, Никольская ул., д. Славянскаго Базара, пользуются уступкой въ 30%).

Находятся въ продажѣ новыя книги:

- Повѣсти и рассказы. Генрика Сенкевича. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- Безъ догмата. Романъ Генрика Сенкевича. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Космополисъ. Романъ Поля Буржэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Сизифъ. Картинки деревенской жизни Клеменса Юншпи. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.
- Объ искусствѣ. Критическія замѣтки В. А. Гольцева. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.
- Щедринъ. (Критическій опытъ). Н. Б. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.
- Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.
- Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: Для чего люди одурманиваются? Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Нашихъ полей ягоды. Романъ. М. Анютина (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составилъ докторъ медицины В. С. Богословскій, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала
«РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьев-
скій пер., 21).

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

12 JUL 54 WL

JUL 8 1953 LU

27 1953 BC

APR 6 1954 LU

LIBRARY USE MAR 31 '86

SEP 22 2002

LD 21-100m-7,'52 (A2528s16)476

C008930465

